

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ  
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,  
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

## **ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – XII**

Материалы чтений,  
посвященных памяти  
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

23–25 июня 2008 г.

Санкт-Петербург  
Нестор-История  
2008

УДК 80/81  
ББК 81.2  
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ  
ФИЛОЛОГИЯ-ХІІ (чтения памяти И. М. Тронского). Материа-  
лы международной конференции, проходившей 23–25 июня  
2008 г. / Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Нестор-История,  
2008. – 484 с.

ISBN 978-598187-244-0

Редколлегия: Н. Н. Казанский (отв. редактор), Л. Г. Герценберг,  
А. В. Грошева, Е. Р. Крючкова, А. П. Сытов.

*Утверждено к печати  
Институтом лингвистических исследований РАН*

Конференция проводится в рамках  
постоянно действующей Школы индоевропейского  
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН  
при поддержке РГНФ – грант № 08-04-14032г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ  
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН,

РГНФ – грант № 06-04-00471а

«Модели описания диахронических процессов и проблемы  
индоевропейского сравнительного языкознания»,

гранта № НШ-1319.2008.6 Президента РФ

«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»  
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

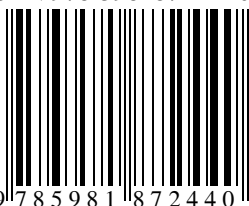
и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН  
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,  
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 978-598187-244-0

© Коллектив авторов, 2008

© ИЛИ РАН, 2008



9 785981 872440

А. С. Авдохин

**Роман Сладкопевец: в поисках литературной перспективы**

Статус кондаков Романа Сладкопевца, ранневизантийского гимнографа VI века, обладает двойственностью схожего характера как в византийской традиции, так и в исследовательской литературе. С одной стороны, Роман является святым Православной церкви, а его писания считаются вершиной церковной поэзии; в традиции изучения гимнографа, начиная с его первого европейского издателя кардинала Питры, этот автор признается если не «*melodorum princeps*» (Pitra 1876, XXVI), то, в любом случае, центральной фигурой византийского литературы. С другой стороны, кондаки Романа Сладкопевца были полностью вытеснены из церковного использования; в исследовательской литературе он остается автором, для которого не ясен, по сути, ни жанр, ни литературная традиция, ни источники.

Траектория осмысления историко-литературной перспективы кондаков Романа Сладкопевца с конца XIX и в XX веке, в кратком представлении, такова. Кардинал Питра был полон энтузиазма и восхищения поэзией Романа (Pitra 1876); не задаваясь специально вопросом о его литературном контексте и источниках, он имплицировал богодухновенность кондаков. Немецкая филологическая критика рубежа веков впервые обратилась к проблеме предшественников Романа, указав на других авторов кондаков той эпохи и на его тесную связь с раннехристианской гомилетикой (Krumbacher 1898), (Maas 1910). Открытие ряда текстовых источников произведений Романа привело исследователей к мысли о его второразрядности как поэта и эпигонстве (Maas 1910: 302). Так или иначе, ближайший литературный контекст, в котором рассматривался Роман, был контекстом грекоязычным, хотя указывалась (но не конкретизировалась на текстовом материале) общая жанровая близость сирийской стихотворной гомилии – мемра и мадраше. Первый этап изучения Романа определенно помещал его в грекоязычную раннехристианскую гомилетическую традиции, хотя и отмечались сирийские жанровые прототипы.

Следующей ступенью стала единственная по сей день посвященная гимнографу крупная монография Гродидье де Матона. Рассмотрев жанровые особенности кондака, он также нашел, что

ближайшей параллелью является сирийская мемра (de Maton 1977: 189), но в плане изучения источников категорично высказался об отсутствии свидетельств использования Романом сирийской литературы<sup>1</sup> (de Maton 1977: 574), в то время как им были обнаружены дальнейшие текстовые источники кондаков в раннехристианской гомилии. Наметился некий дуализм сирийского происхождения формы и грекоязычной содержательной ориентированности произведений Романа.

Практически параллельно шла работа по исследованию сирийского субстрата кондаков Романа Сладкопевца (Carpenter 1932), (Dalmais 1972), (Halleux 1978), (van Rompay 1993), (Brock 1999). Были обнаружены текстуальные заимствования и общность мотивов его кондаков как с Ефремом Сирином (Petersen 1983), (Petersen 1985), так и с современником Романа Иаковом Серугским (Papoutsakis 2007). «Syrianity» (Halleux 1978) Романа приобретала все более зримые черты, многое объяснив в его «невписываемости» в греческую литературную традицию; общеметодологический дуализм его историко-литературной перспективы остается.

Как представляется, есть возможность в некоторых случаях указать на третий путь интерпретации литературной перспективы и традиции, к которой принадлежал Роман Сладкопевец. Особое значение гомилий малоазийских авторов (Василий Селевкийский, (псевдо)-Астерий Софист) для Романа, обнаруженные нами новые случаи использования им произведений этих авторов<sup>2</sup>, а также определенная изолированность этой гомилетической традиции от гомилетики центральных регионов империи<sup>3</sup> позволяет говорить об особой малоазийской гомилетической субтрадиции, во многих случаях позволяющей объяснить необычные смысловые элементы в кондаках Романа.

---

<sup>1</sup> Речь шла, главным образом, о гимнах Ефрема Сирина.

<sup>2</sup> Например, кондак «На Илию» (Romanos I: 252) и одноименная гомилия Василия Селевкийского (PG 85, 149); то же в случае кондака Романа (Romanos I: 270) и гомилии Василия «На Иосифа» (PG 58, 121). Равным образом ср. соответствия кондака «На исцеление прокаженного» (Romanos III: 358) и второй гомилии Астерия Софиста на второй псалом (PG 28, 1043)

<sup>3</sup> Они сохраняют, вместе с кондаками Романа, некоторые архаичные и высоко специфичные мотивы, которые неизвестны остальному гомилетическому корпусу.

Вероятно, эта субтрадиция возникла на стыке эллинизированного и сирийского культурных миров; эта историко-литературная перспектива дает новую точку зрения для понимания происхождения кондаков Романа Сладкопевца.

## ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ:

Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series Graeca*. Paris, 1861 sq.  
Romanos le Mélode, *Hymnes, Introduction, texte critique, traduction et notes* par José Grosdidier de Matons, I, SC (Sources chrétiennes), 99, 1964; II, III, SC 110, 114, 1965; IV, SC 124, 1967

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Brock S. *From Ephrem to Romanos: Interactions between Syriac and Greek in Late Antiquity*. (Variorum CSS 664, 1999).
- Carpenter M. *The Paper the Romanos Swallowed* // *Speculum*, 1932. P. 3–22
- Dalmais O. P. *Imagerie syrienne et symbolisme hellénique dans le hymnes bibliques de Romanos le Mélode* // *Studia Patristica*, 1972. T. 11/2. P. 22–26.
- Grosdidier de Matons J. *Romanos le Mélode et les origines de la poésie religieuse à Byzance*. Paris, 1977.
- Halleux A. de. *Hellénisme et syrianité de Romanos le Mélode* // *Revue d'histoire ecclésiastique*, 1978. T. 73. P. 632–641.
- Krumbacher K. *Romanos und Kyriakos* // *Sitzungsberichte der philol.-philol. und histor. Klasse der K. Bayer. Akademie der Wissenschaften zu München*, 1898. Bd. II.
- Maas P. *Das Kondakion* // *Byzantinische Zeitschrift*, 1910. Bd. 19.
- Papoutsakis M. *The Making of a Syriac Fable: from Ephrem to Romanos* // *Le Muséon*, 2007. P. 29–75.
- Pitra J. B. *Analecta Sacra spicilegio solesmensi parata*. Vol. I. Parisii, 1876.
- Petersen W. L. *Romanos and the Diatessaron: Readings and Method* // *New Testament Studies*, 1983. T. 29. P. 484–507.
- Petersen W. L. *The Diatessaron and Ephrem Syrus as sources of Romanos the Melodist* // *CSCO* 475, 1985.
- Van Rompay L. *Romanos le Mélode: un poète syrien à Constantinople* // *Early Christian Poetry. A Collection of Essays*, J. den Boeft and A. Hilhorst (eds.), *Supplements to Vigiliae Christianae* 22; Leiden: E. J. Brill, 1993. Vol. 1. P. 283–296.

Е. В. Антоненц

### Палимпсест в античности: к интерпретации *Catull. 22, 1–8*

В настоящее время термином «палимпсест» в палеографии обозначают рукопись на пергамене, с которого первый текст удалён (путём соскабливания или смыывания), а на его место нанесён новый<sup>1</sup>.

Современное представление о палимпсесте обусловило аналогичное понимание слова *palimpsestum* (παλίμψηστον) в античной литературе и отнесение его к *пергамену*. С пергаменом связывал античный палимпсест Т. Бирт, это же понимание отражают словари Гёльцера, Льюиса и Шорта, Георгеса, предлагая для слова «палимпсест» значение «пергамен, с которого соскоблен старый текст и написан новый»<sup>2</sup>. Словарь Гаффио-Флобера исходной формой называет форму *palimpsestus* (-os) *m, f* и даёт значение «папирус или пергамен, с которого соскоблен или смыт старый текст и написан новый». Оксфордский словарь, принимая в качестве основной форму среднего рода (*palimpsestum, i n*), ещё более осторожно переводит его как «палимпсест». Употребление и значение слова «палимпсест» в античной литературе подробно рассмотрено К. Робертсом, который убедительно опроверг закрепившиеся заблуждения, первое из которых состоит в том, что античное понятие «палимпсест» нередко относят к пергамену<sup>3</sup>.

Следует учитывать, что это слово греческого происхождения, оно возникло в древнегреческой культурной среде, где главным и почти единственным, в особенности для производства книг, писчим материалом был папирус, а не пергамен. Слово «палимпсест» очень редкое и встречается всего два раза в греческой литературе и два раза в латинской. Контексты его

<sup>1</sup> Этим же термином обозначается и текст на микенских табличках, когда поверх одной записи, предварительно стертой, делается другая. – *Прим. ред.*

<sup>2</sup> Словарь Гёльцера в качестве начальной даёт форму *palimpsestos, i m, f*; словарь Льюиса и Шорта – *palimpsestus, i m*; словарь Георгеса – *palimpsestos, i m*.

<sup>3</sup> С. Н. Roberts, T. C. Skeat. *The Birth of the Codex*. L., 1983. P. 16–18.

употребления в античной литературе достаточно определённо демонстрируют его значение.

Первый случай употребления слова «палимпсест» принадлежит Плутарху, который пишет, что Платон сравнивал Дионисия Сиракузского с βιβλίον παλίμψηστον, так как следы тирана проглядывали сквозь лоск утонченности, подобно тому, как следы старого текста остаются на папирусном свитке<sup>4</sup>. В данном месте παλίμψηστος является прилагательным, определяющим слово βιβλίον, которым в греческом языке обозначалась исключительно папирусная книга-свиток (для пергаменных свитков греки использовали слово διφθέραι), поэтому βιβλίον παλίμψηστον может иметь единственное значение «папирусный свиток с уничтоженным текстом»<sup>5</sup>. Во втором пассаже у Плутарха употреблено субстантивированное прилагательное во множественном числе: ὥσπερ παλίμψηστα διαμολύοντες; здесь отношение слова к папирусу менее очевидно<sup>6</sup>.

В латинской литературе слово palimpsestum встречается у Цицерона и Катутла и оба раза выступает в качестве субстантивированного прилагательного в форме среднего рода, воспринимая греческое παλίμψηστον.

Контекст Цицерона следующий: nam quod in palimpsesto, laudo equidem parsimoniam, sed miror quid in illa chartula fuerit quod delere malueris ... non enim puto te meas epistulas delere ut reponas tuas. an hoc significas, nihil fieri, frigere te, ne chartam quidem tibi suppeditare? (Cic. fam. VII 18, 2) – «что до того, что на палимпсесте, то хвалю бережливость, но удивляюсь, что на том кусочке папируса (*chartula*) было такого, что ты предпочел уничтожить ... ведь я не думаю, что ты уничтожил моё письмо, чтобы вместо него написать своё. Или это значит, что ничего не происходит, ты коснеешь в бездейственности, и даже папируса (*charta*) у тебя нет?». Таким образом, одну и ту же вещь, а именно, письмо, которое он получил, Цицерон сначала называет словом palimpsestum, а затем словами chartula и charta. Существительным charta и образованным от него уменьшительным chartula в римской литературе обозначали исключительно папирус или папирусный свиток (в последнем значении обычно упо-

---

<sup>4</sup> Plut. mor. 779 c.

<sup>5</sup> Ср. соответствующую статью в словаре Лидделла-Скотта, где для прилагательного даётся перевод «соскобленный».

<sup>6</sup> Plut. mor. 504 d.

треблялось множественное число), а для обозначения пергамена использовали слово *membrana*. Поэтому очевидно, что понятие палимпсеста у Цицерона связано с папирусом, а не с пергаменом.

Словоупотребление Цицерона отчасти проясняет значение слова «палимпсест» в последнем, самом известном, контексте его употребления, а именно в начале XXII стихотворения Катуллы:

Suffenus iste, Vare, quem probe nosti,  
 homo est uenustus et dicax et urbanus,  
 idemque longe plurimos facit uersus.  
 puto esse ego illi milia aut decem aut plura  
 perscripta, nec sic ut fit in palimpsesto  
 relata: chartae regiae nouae libri,  
 noui umbilici, lora rubra, membranae,  
 derecta plumbo et pumice omnia aequata (Catull. 22, 1–8).

Суффен, упоминавшийся как плохой поэт в XIV стихотворении, высмеивается здесь за его чрезмерную многословность и вопиющее тщеславие, проявляющееся в том, что свои неумелые творения он записывает на роскошных и дорогих свитках.

Начало стихотворения (1–4) не вызывает затруднений; понятно также значение слова *membranae*, под которым в данном случае подразумеваются пергаменные футляры, в которых хранили свитки, чтобы предохранить их от загрязнений и повреждений. *Noui umbilici* обозначают стержни, на которые наматывали свиток. Множественное число (*libri, umbilici, lora, membranae*) объясняется тем, что многочисленные стихи Суффена занимали не один свиток, а много: действительно, для десяти тысяч строк необходимы были три стандартных свитка.

Для сочетания *lora rubra* в литературе предлагались два толкования. Согласно одному из них, под *lora rubra* следует понимать завязки (ремешки), которыми обвязывался пергаменный футляр свитка. Более убедительным, однако, представляется второе, в соответствии с которым *lorum* выступает синонимом слову *index*, обозначавшему ярлычок с названием автора и произведения, который прикрепляли к свитку. Главным аргументом в пользу такого понимания является сопоставление рассматриваемого контекста Катуллы со следующими строками Марциала:

pictis luxurieris umbilicis  
 et te purpura delicata uelet  
 et cocco rubeat superbus index (Mart. III 2, 9–11)



«пусть ты роскошествуешь раскрашенными стержнями и пусть тебя покрывает изысканный пурпур и пусть гордый ярлычок краснеет алым цветом», где *purpura* соответствует *membranae* у Катулла, а *index* – слову *lorum*.

Основная проблема анализируемого пассажа Катулла сопряжена с фразой *nes sic ut fit in palimpsesto / relata: chartae regiae nouae libri*<sup>7</sup>. Под *ut fit* Катулл, по-видимому, подразумевает общепринятый обычай читать свои новые сочинения в кругу близких друзей до того, как представить их в опубликованном виде на суд широкой публике. Обычно автор декламировал свои стихи по черновикам (*in palimpsesto*), и только потом, внося последнюю правку, отдавал их профессиональным писцам для переписывания, что соответствовало современному изданию произведения. Суффен же для черновика использует не *palimpsestum*, а *chartae regiae nouae libri* – «книги из нового царского папируса», то есть первые пробы пишет сразу в книги, причем из папируса высшего качества. Таким образом, слово *palimpsestum* противопоставлено сочетанию *nouae chartae libri* «книги из нового папируса», то есть из чистого папируса, не использовавшегося ранее. Оппозиция «палимпсест» – новый (чистый) папирус, по всей вероятности, позволяет считать, что и у Катулла палимпсест связан с папирусом.

Таким образом, перевод всего пассажа принимает следующий вид: «Твой Суффен, о Вар, которого ты хорошо знаешь, – человек и обаятельный, и речистый, и воспитанный, и он же пишет больше всех стихов. Я полагаю, что у него написано десять тысяч или более (строк) и записаны они не так, как принято, на уже использовавшемся ранее папирусе: (у него) книги из нового царского папируса, новые стержни, красные ярлычки, пергаменные футляры, всё разлиновано свинцом и выровнено пемзой».

Второй аспект представления о палимпсесте касается процесса уничтожения ненужного текста. Удаление текста с такого деликатного материала, как папирус, не могло произ-

---

<sup>7</sup> Большинство издателей приводит чтение *noui libri*; Дуглас Томсон принимает *nouae libri* (Catullus. Edited with a Textual and Interpretative Commentary by D. F. S. Thomson. Toronto; Buffalo; London, 1997 (Reprinted with corrections: 1998, 2003)).

водиться посредством соскабливания<sup>8</sup>. Даже применительно к позднеантичным и средневековым пергаменным рукописям не всегда использовали соскабливание; широко распространены были более щадящие методы устранения текста (например, посредством обработки специальными составами или растворами). В древности текст с папируса смывали губкой или тканью; сохранился рецепт пасты, которая предназначалась для отбеливания жемчужин, но могла применяться и для удаления текста с папируса: αὕτη δὲ καὶ χάρτας γεγραμμένους πάλιν ψᾶ, ὥστε δοκεῖν μηδέποτε γεγράφθαι κτλ... ἐὰν δὲ εἰς χάρτην, μόνα τὰ γράμματα χρεῖ «этот рецепт может быть также использован для смывания папирусных свитков»<sup>9</sup>.

Как греческие, так и латинские контексты употребления слова «палимпсест» показывают, что в античности оно подразумевало папирус, а не пергамен, а процесс удаления текста заключался в его смывании, а не соскабливании. Главным источником возможной путаницы является современное словоупотребление, в котором слово «палимпсест» (искусственный латинский эквивалент которому – *liber rescriptus*) употребляется по отношению к пергаменным рукописям. Именно поэтому это слово нередко вопреки античной традиции ассоциируется с пергаменом.

<sup>8</sup> Словарь Лиддела-Скотта в качестве значений глагола ψᾶω, от которого происходит слово παλίμψηστον, приводит следующие: «тереть, вытирать, стирать; полировать, шлифовать; разлаживать» и переносное значение «распадаться, разрушаться, гибнуть, исчезать, пропадать». Таким образом, в глаголе отсутствует идея соскабливания.

<sup>9</sup> *Papyrus Holmiensis* (ed. O. Lagercrantz, 1913) γ, ll. 18–29.

Д. Е. Афиногенов

**Об одном латинизме в византийских хрониках**

Рассказывая о свержении императора Вардана Филиппика в субботу Пятидесятницы 3 июня 713 г., хронист Феофан Исповедник пишет, что заговорщики застали государя врасплох, когда он лег поспать ( $\epsilon\upsilon\nu\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\hat{\omega}\ \mu\epsilon\sigma\eta\mu\beta\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\nu$ ) после завтрака с именитыми горожанами<sup>1</sup>. Патриарх Никифор в своем «Бревиарии» дает расшифровку слова  $\mu\epsilon\sigma\eta\mu\beta\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$ , которое он, по-видимому, счел не вполне классическим:  $\epsilon\iota\varsigma\ \upsilon\lambda\nu\omicron\nu\nu\ \kappa\alpha\tau\grave{\alpha}\ \tau\omicron\nu\ \mu\epsilon\sigma\eta\mu\beta\rho\iota\nu\acute{o}\nu\ \kappa\alpha\iota\rho\acute{o}\nu\ \acute{\epsilon}\tau\rho\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\omicron$ <sup>2</sup>. Поскольку, как давно установлено, оба историка для описания этих событий пользовались одним и тем же ныне утраченным источником, ни у кого не могло появиться сомнений в том, что в нем говорилось именно о послеполуночном сне, обозначаемом не слишком частым для византийского лексикона словом  $\mu\epsilon\sigma\eta\mu\beta\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota\nu$ . Однако за последнее время мною была проведена определенная работа по отождествлению несохранившихся источников Феофана и Никифора, результаты которой неожиданно заставили взглянуть на упомянутое сообщение в новом свете. Более того, весьма возможно, что оно окажется одним из ключевых при установлении взаимоотношений между различными текстами, как сохранившимися, так и утерянными, повествовавшими о византийской истории т. н. «темных веков» – VII и VIII столетий от Рождества Христова.

Напомним вкратце суть проблемы. Исходной точкой здесь является достаточно, на мой взгляд, обоснованный тезис о том, что писавший в 846–847 г. хронист Георгий Монах имел независимый доступ к тому самому сочинению, которое послужило и Феофану (ум. 817), и Никифору («Бревиарий» которого, скорее всего, создан до 787 г.) основным источником для описания византийской истории 717–775 г. (717–769 г. у

---

<sup>1</sup> Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. P. 383, 5–17.

<sup>2</sup> Nicephori Breviarium / ed. C. de Boor // Nicephori Opuscula Historica. Lipsiae, 1880. P. 49, 3–4.

Никифора)<sup>3</sup>. Это сочинение я условно обозначил \*Historia Leonis. Дальнейший анализ позволил установить, что для периода 685–718 г. (с пересечением с \*Historia Leonis) Феофан и Никифор использовали, по-видимому, также один основной источник, условно называемый \*Scriptor anni 717 (тоже не дошедший до нашего времени)<sup>4</sup>. Возникает логический вопрос: мог ли Георгий Монах и к этому тексту обращаться напрямую, минуя посредничество Феофана? Ответ чрезвычайно важен в силу правила, формулируемого по-немецки как «einmal ist keinsel, zweimal ist immer». Если Георгий пользовался не одним, а по меньшей мере двумя источниками своих предшественников независимо от них, это означает, что в его распоряжении находилось некое собрание текстов, включавшее как минимум \*Historia Leonis, \*Scriptor anni 717 и «Хронографию» Феофана, а как максимум – и существенное число других сочинений, как сохранившихся, так и утраченных. В таком случае уже выдвинутая мною гипотеза о природе этого собрания<sup>5</sup> получит дополнительное подтверждение.

Вернемся теперь к рассказу о свержении Филиппика и сравним тексты Феофана Исповедника и Георгия Монаха.

Theophanes Confessor, p. 383, 5–17	Georgius Monachus, p.
<p>διετοῦς δὲ χρόνου τῆς βασιλείας Φιλιππικοῦ ἐν τούτοις παραδραμόντος, καὶ τοῦ γενεθλίου ἱππικοῦ ἐπιτελουμένου, Πρασίνων νικησάντων, ἔδοξε τῷ βασιλεῖ τῷ σαββάτῳ τῆς πεντηκοστῆς καβαλλάριον μετὰ δοχῆς καὶ ὀργάνων</p>	<p>Μετὰ δὲ Ἰουστινιανὸν ἐβασίλευσε Φιλιππικός ὁ καὶ Βαρδάνης ἔτη β. καὶ εἰσελθόντες ἀπο τῆς Θράκης ἐπιβουλοὶ τινες ἐς ἐπιτροπῆς Θεοδώρου καὶ</p>

<sup>3</sup> Afinogenov D. A Lost 8<sup>th</sup> Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // Eranos, 100, 2002. P. 1–17. Под «хроникой Георгия Амартола» здесь и далее имеется в виду первая редакция его сочинения, сохранившаяся по-гречески в рукописи Coislinianus 305 и по-славянски в т. н. «Летовнике».

<sup>4</sup> См. Afinogenov D. The source of Theophanes' Chronography and Nikephoros' Breviarium for the years 685–717 // Христианский Восток, 4, 2005. С. 3–14.

<sup>5</sup> Did the Patriarchal Archive End up in the Monastery of Studios? 9<sup>th</sup> century vicissitudes of some important document collections // Monastères, images, pouvoirs et société à Byzance / éd. M. Kaplan (Byzantina Sorbonensia, 23). P., 2006. P. 125–133.

<p>εἰσελθεῖν καὶ λούσασθαι εἰς τὸ δημόσιον λουτρὸν τοῦ Ζευξίππου καὶ μετὰ πολιτῶν ἀρχαιογενῶν ἀριστῆσαι. ἐν δὲ τῷ μεσημβρίζειν αὐτὸν ἐξάπινα διὰ τῆς Χρυσῆς πόρτης εἰσήλθε Ροῦφος, ὁ πρωτοστράτωρ τοῦ Ὀψικίου, ὑπὸ βουλὴν Γεωργίου, πατρικίου καὶ κόμητος τοῦ Ὀψικίου, τὸ ἐπίκλην Βουράφου, καὶ Θεοδώρου πατρικίου τοῦ Μυακίου, μετὰ τῶν ταξάτων, ὧν εἶχεν ἐν τῇ Θράκῃ τοῦ αὐτοῦ θέματος, καὶ εἰσδραμῶν εἰς τὸ παλάτιον εὔρε τὸν Φιλιππικὸν μεσημβρίζοντα, καὶ ἀρπάσας αὐτὸν ἀνήνεγκεν εἰς τὸ ὄρνατώριον τῶν Πρασίνων κακεῖ αὐτὸν ἐτύφλωσεν, μηδενὸς διεγνώκοτος.</p>	<p>Γεωργίου τῶν πατρικίων ἐκτυφλοῦσιν αὐτὸν ἐν τῷ παλατίῳ μερενδίζοντα.</p>
---	---

Краткое резюме Георгия полностью соответствует более подробному изложению Феофана, но содержит одно отличие: вместо *μεσημβρίζοντα* у него стоит *μερενδίζοντα*. Это слово в византийской литературе (во всяком случае, той, что отражена в *Thesaurus Linguae Graecae* и словарях) представлено лишь в различных версиях хроники Георгия Монаха и в короткой выдержке из нее же у Константина Багрянородного в *Excerpta de insidiis*<sup>6</sup>. Откуда же хронист взял столь нестандартную форму? Искажение текста Феофана в данном случае весьма маловероятно, потому что обычно менее понятное слово заменяется на более понятное (на чем и основан принцип *lectio difficilior praestat*). Таким образом, если в общем источнике Феофана и Никифора находилось именно слово *μερενδίζειν*, значение которого, видимо, было им неясно, оба историка могли заменить его по созвучию на *μεσημβρίζειν*, поскольку последнее дает вполне удовлетворительный смысл. Напротив, довольно сложно себе представить, чтобы Георгий проделал обратную операцию. Ведь чем конкретно занимался император Вардан Филиппик, когда на него напали злоумышленники, вряд ли представляло для хрониста какой бы то ни было специальный интерес.

<sup>6</sup> *De insidiis* / ed. C. de Boor // *Excerpta historica iussu imperatoris Constantini Porphyrogeniti confecta*. V. 3. B., 1905. P. 187, 19

Происхождение лексемы μερενδίζειν не вызывает никаких трудностей. На поздней латыни *merenda f* (от *merere*) означает «перекус», «полдник». Отсюда итальянское, испанское и португальское *merenda* с тем же значением. Нет ничего неправдоподобного в том, что заговорщики застали Вардана за полдником, поскольку дело так или иначе происходило во второй половине дня. Стало быть, данное чтение является *lectio difficilior* лишь с точки зрения византийцев более позднего времени, но никак не с позиции современной науки, а это позволяет практически исключить возможность случайного искажения и с большим основанием предполагать, что Георгий Монах точно скопировал свой первоисточник. Однако им вряд ли могло быть что-то иное кроме текста, использовавшегося Феофаном и Никифором. Особенно очевидным это становится, если обратить внимание на одну из специфических черт этого утраченного источника. Как я уже указывал, многие пассажи в «Хронографии» Феофана (который, в отличие от Никифора, почти не подвергал компилируемые им тексты стилистической редакции) после 6177 г. от сотворения мира изобилуют словами, относящимися к своего рода профессиональному военному «жargonу», который в Византии содержал множество латинских или греко-латинских лексем<sup>7</sup>. Соответственно, μερενδίζω и является такой лексемой, образованной от латинского корня с помощью греческого глагольного суффикса. В качестве параллелей можно привести такие среднегреческие образования как *πραιδεύω* или *ἀπλῆκεύω*, прочно вошедшие в языковой обиход.

Итак, внимательное рассмотрение одного латинизма в хронике IX в. показывает, что он мог попасть туда лишь непосредственно из утраченного источника начала VIII в. Это может служить еще одним аргументом в пользу существования некоего комплекса документов («досье»), доступ к которому имели не только патриарх Никифор и Феофан Исповедник, но и Георгий Монах, традиционно считавшийся не более чем компилятором Феофана.

---

<sup>7</sup> D. Afinogenov. The source of Theophanes' Chronography, p. 13.

Zoia A. Barzakh

Λαίου γ' ὀλωλότος  
(A critical note on Soph. OT 906)

Line 906 of Sophoclean *Oedipus Tyrannus* – one of the last lines of the famous second stasimon – presents several textual and interpretative problems. While the evident metrical problem has led to various conjectures, the sense always seemed to be clear, and the interpretative difficulties have never been fully recognized.

The Oxford Classical text runs as follows (OT 906–907):

Φθίνοντα γάρ (– ∪ – x) Λαίου  
θέσφατ' ἔξαιροῦσιν ἤδη

Λαίου Lrp Λαίου παλαιὰ a παλαιὰ Λαίου pa πάλαι Λαίου p

None of the MSS. variants satisfies the meter of the strophe (v. 893–4 Τίς ἔτι ποτ' ἐν τοῖσδ' ἀνὴρ θυμῷ βέλη / ἔρξεται ψυχᾶς ἀμύνειν). Several scholars attempted to emend the verse. The most popular among the proposals (πυθόχρηστα Schneidewin, τοι πάλαι τὰ J. Martin, τοι παλαιὰ Hermann) appears to be that of Arndt and Linwood, namely παλαίφατα, which has recently been printed in Dawe's Teubner text.

But neither this, nor any other proposed conjecture can solve the interpretative problem posed by the verse. This verse standing as it is, the Chorus seems to blame Jocasta for disbelieving the oracle given to Laius (v. 711–722). But it is unlikely that they blame their queen for stating an “obvious” fact – the fact which seems, to be sure, no less evident for them either. For they have no reasons at all to doubt that the child of Laius and Jocasta died being three days old and so can by no means be the killer of his father<sup>1</sup>. Neither Chorus, nor Jocasta and Oedipus himself possess at this time any knowledge that contradicts this statement.

<sup>1</sup> In fact, Kamerbeek (180 ad loc.) believes Chorus to pray “that the result of the search of Laius' murderer must vindicate the truth of Apollo's oracle” – i. e. the fact Laius was killed by his dead son!

What Chorus (together with the spectators and Sophocles himself) can really blame Jocasta for is the false induction made from this “fact” in v. 709 and v. 724, namely, that we must not believe in oracles and prophecies at all. This leads to – or rather, seems to be a consequence of – the famous εἰκῆ κράτιστον ζῆν (v. 979), the common principle of the “random life” advocated by Jocasta and firmly rejected by Oedipus throughout the play (v. 984–986 et passim). It is this denial of the oracles in general, and, moreover, of the possibility of divine guidance and logic in human life that leads Chorus to the profoundly pessimistic conclusion of the stasimon (v. 910): ἔρρει δὲ τὰ θεῖα.

So, the object of ἐξαίρουσιν in v. 907 must be not the particular oracle given to Laius, but the oracles, θέσφατα, in general. This can be confirmed by the fact that genetivus with θέσφατα (θεσπίσματα, μαντεύματα, etc.) never refers to the person who receives the oracle, but only to the deity or prophet who gives it (e. g. with θέσφατα: Eur. Suppl. 320, IA 1263, Or. 276; with θεσπίσματα: Eur. Suppl. 141, Hel. 328, Phoen. 971; with μαντεύματα: Soph. OT. 946, 952, Eur. Ion 334, 408, 421, IT 720, Suppl. 17)<sup>2</sup>.

So Λαίου cannot be a possessive genitive and must be the part of some other construction. The problem remains with the unmetrical παλαιά. I will try to show that it can be eliminated as an intrusive gloss<sup>3</sup>. This possibility is hinted already by the fact that παλαιά in some of MSS appears before, and in some – after Λαίου. Fortunately the very gloss, in which παλαιά appeared before being taken into the text, has survived in the Scholia Vetera to the manuscript L. Here we read: Φθίνοντα· παλαιά. It is suggestive that in the same manuscript L we find the word παλαιά in the margin – and from the margin it could easily be taken into the text<sup>4</sup>.

But what word did παλαιά substitute? What must have been the function of Λαίου if it was not a possessive genitive? An obvious

<sup>2</sup> These or similar reasons seem to have led Nauck to his conjecture Λοξίου (instead of Λαίου) in v. 906.

<sup>3</sup> For intrusive glosses in the text of Sophocles see: A. C. Pearson. Some glosses in the text of Sophocles // CQ 13 (1963) 118-126. For this method applied to the Aeschylean textual criticism see: G. Thomson. The intrusive gloss // CQ 17 (1967) 232-243.

<sup>4</sup> That this scholion could be a possible source for παλαιά in the text was noticed by Kamerbeek (181 ad loc.), alongside with his approval of the conjectures of Arndt and Dain.



solution is to take Λαΐου as a part of absolute genitive construction. I dare to propose my own conjecture, which seems to me to give both the correct meter and the required meaning. My suggestion is:

Φθίνοντα γάρ Λαΐου γ' ὀλωλότος  
θέσφατ' ἔξαιροῦσιν ἤδη.

That is: “Because of (the manner of) the Laius’ death, the perishing oracles are not taken by some people into account any more”. This line contains both the typical Sophoclean word-play and an elegant chiasm; moreover, the very expression Λαΐου γ' ὀλωλότος appears earlier in the tragedy (v. 126), and later we can see the similar idea with the same kind of word-play (v. 971–972: Polybus is dead and has buried all the oracles with him).

But what is much more important is that now the text has the meaning that makes sense: while Laius died as he died (i. e. at the hands of unknown robbers, not of his son), there are some people who think that oracles in general are not worth being taken into account. We needn't blame Jocasta for believing the “evidence”; what was really mistaken is her conclusion that we must not take seriously oracles at all. For oracles are one of the things we must not take into account in order to be able to live “at random” – the very thing that Oedipus in the next scene refuses to accept even at the face of the “evident” failure of the particular oracle (v. 984–986).

А. В. Белоусов

### **Почему Протесилай? Героика Флавия Филострата и воскресший герой**

Протесилай является невидимым участником диалога Флавия Филострата «О героях». Место действия диалога – святилище Протесилая в Элеунте недалеко от Херсонесса Фракийского римского времени. Главные участники – элейский Виноградарь и заезжий Финикиец, беседующие о героях Троянской войны, их славных деяниях в прошлом и настоящем, об их посмертном бытии и о воздаваемых им ныне культах. Прежде всего, этот диалог<sup>1</sup> – история обращения Финикийца к героическим эллинским культам<sup>2</sup>. Виноградарь – вдохновенный служи-

---

<sup>1</sup> Из новейшей литературы о *Героике* Филострата см. в частности: комментированные издания и переводы: *Mestre F. Heroico; Gimnastico; Descriptiones de cuadros; Filostrato. Descripciones; Calistrato. Biblioteca clasica Gredos 217. Madrid: Gredo, 1996; Rossi V. Filostrato: Eroico. Venice: Marsilio, 1997; Beschorner A. Helden und Heroen, Homer und Caracalla: Übersetzung, Kommentar und Interpretationen zum Heroikos des Flavios Philostratos. Bari: Levante, 1999; Philostratus: Heroikos, J. K. B. Maclean and E. B. Aitken, trans. SBL 1. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2001 и Flavius Philostratus: On Heroes, J. K. B. Maclean and E. B. Aitken, trans. SBL 3. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2003. См. также сборник статей: *Philostratus's Heroikos: religion and cultural identity in the third century C. E.*, edited by J. K. B. Maclean and E. B. Aitken. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. Недавно вышедшее сочинение: *Grossardt P. Einführung, Übersetzung und Kommentar zum Heroikos von Flavius Philostrat. (Schweizerische Beiträge zur Altertumswissenschaft, Band 33). Basel, 2006.**

<sup>2</sup> О языческих обращениях см.: *Nock A. D. Conversion: The Old and the New in Religion from Alexander the Great to Augustine of Hippo. Oxford: Clarendon, 1933. Reprint. Lanham, Md.: University Press of America, 1988.* Отметим также и еще одно обращение, а именно обращение самого Виноградаря. На вопрос финикийца: «По речи твоей судя, виноградарь, ты, конечно, образованный? Ибо не кажешься ты мне необразованным», Виноградарь отвечает: «Я провел в городе начальную пору своей жизни, чужеземец, пользуясь услугами учителей и занимаясь философией. Затем дела мои пошли плохо, ведь землей моей тогда занимались рабы, а нам же они ничего не поставляли, из-за чего приходилось занимать деньги под залог поля в качестве гарантии и

тель Протесилая, просвещенный героем знаток правды о Троянской войне, образ которого вполне можно понимать как еще одно отражение образа идеального «софиста» подобно образу Аполлония Тианского в «Жизнеописании» или Паламеда в той же *Героике*. Фигуру второго участника диалога, Финикийца, естественно понимать как образ просвещаемого «второй софистикой» невежественного варвара<sup>3</sup>. Что же касается самого Протесилая, то ответа на вопрос: Почему именно Протесилай – главный авторитет в диалоге Филострата «О героях»? до сих пор нет<sup>4</sup>. Прежде чем предложить свой ответ на этот вопрос напомним вкратце содержание мифа о Протесилае<sup>5</sup>.

---

*голодать. Придя сюда я посетовал Протесилаю, а тот, справедливо гневаясь на меня за то, что я, оставив его, жил в городе, смолчал. Когда же я настойчиво продолжил жаловаться на то, что он обо мне не заботится, тот сказал: «Смени одежду!». В тот день я услышал это втуне, а позже, помучившись с этим, я понял, что он велит мне переменить образ жизни. И после сего переоделся я в кожаные одежды и взял мотыгу, и с тех пор я даже не знаю дороги ведущей в город, и на земле у меня пышно произрастает все, а если заболит овца или пчелиный рой, или дерево, я пользуюсь врачевством Протесилая. Жительствова тут вместе с ним и находясь при его земле, я становлюсь все мудрее, ибо здесь изобилие его мудрости» (Нер. 4.6).*

<sup>3</sup> См.: Aitken E. B. Why a Phoenician? A Proposal for the Historical Location // *Philostratus's Heroikos: religion and cultural identity in the third century C. E.*, edited by J. K. B. Maclean and E. B. Aitken. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. P. 267–284.

<sup>4</sup> См.: Mantero T. Ricerche sull' Heroikos di Filostrato. University of Genoa: Istituto di Filologia Classica e Medioevale, 1966. P. 100–119. Андреас Бешорнер и Валерия Росси даже не ставят этого вопроса (*Beschorner A. Helden und Heroen...* и *Rossi V. Filostrato...*). Петер Гроссардт, автор последнего по времени фундаментального исследования диалога, ответа на этот вопрос не дает (*Grossardt P. Einführung...*).

<sup>5</sup> Türk G. Protesilaos // W. H. Röscher (Hrg.). Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. III 2, Leipzig, 1902–1909. Sp. 3155–3171; Preller L. Griechische Mythologie. 2 Bd: Die Heroen, erneuert von Carl Robert. Berlin, 1920–1926. S. 60–64 und 1119; Radke G. Protesilaos // RE XXIII, 1. Stuttgart, 1957. Sp. 932–939; Gantz T. Early Greek myth: a guide to literary and artistic sources. Baltimore; London, 1993. P. 592sqq.; Canciani F. Protesilaos // LIMC. VII, 1. München; Zürich, 1994. P. 554–560; Scherf J. Protesilaos // Neuer Pauly. 10. Stuttgart;

Протесилай был сыном Ификла сына Филака<sup>6</sup> и Астиохи<sup>7</sup>. Существовал оракул о том, что первый из ахейцев, ступивший на троянский берег, погибнет. Этим «первым» и был Протесилай, о смерти которого мы впервые читаем в Илиаде<sup>8</sup>. Его убийцей традиция называет Гектора<sup>9</sup>, Энея, Эвфорба и Ахата<sup>10</sup>. По смерти своей Протесилай оставил, по Гомеру, *δόμος ἡμίτελής* (II, 701) и *ἀμφιδουφῆς ἄλοχος* (II, 700), котроую звали, согласно «Киприям», Полидорой дочерью Мелеагра<sup>11</sup>, а согласно более поздней литературе – Лаодамией дочерью Акаста<sup>12</sup>. В классическую эпоху, благодаря, в первую очередь, Эврипиду<sup>13</sup>, становится популярной история о том, как Лаодамия

---

Weimar, 2001. S. 460; *Radermacher L.* Hippolytos und Thekla. Studien zur Geschichte von Legende und Kultus // SAWW 182, 3, 1916. S. 18–21 und 99–111; *Herzog-Hauser G.* Die literarische Ausgestaltung der Protesilaos-Mythe // AIPhOS. 1937. P. 471–478; *Séchan L.* La légende de Protésilas // BAGB. 1953. P. 3–27; *Mantero T.* Ricerche sull' Heroikos... P. 100–119; *Mantero T.* Audaci ingressus saltu // Mythos. Scripta in honorem Marii Untersteiner. Genova, 1970. P. 187–226; *Mantero T.* Ovidio, Filostralo, Ausonio e la saga di Prolesilao // GIF. 26, 1974. P. 181–186; *Ruiz de Elvira A.* Laodamia y Protesilao // CFC. (L). 1, 1991. P. 139–158; *Grossardt P.* Einführung... S. 25–33.

<sup>6</sup> Ификл – отец Протесилая: Hom. II. II. 705; Eustath.; Hdt. 9. 116; Apollod. III. 10. 8. 3, Epitom. 3. 14; Paus. IV. 36. 3; Luc. Dial. mort. 23; Dict. Cret. I. 14; Ovid. Heroid. 13. 25; Hyg. Fab. 103, 251. По Гесиоду, отец Протесилая – Актор (Frg. 94. 36 Kaibel). Вообще о родословии Протесилая см. Eustath. II. II. 695sqq.

<sup>7</sup> Или Диомедеи. См.: Hyg. Fab. 103.

<sup>8</sup> τοῦ δὲ καὶ ἀμφιδουφῆς ἄλοχος Φυλάκη ἐλέλειπτο  
καὶ δόμος ἡμίτελης· τὸν δ' ἔκτανε Δάρδανος ἀνὴρ  
νήρς ἀποθρόσκοντα πολὺ πρότιστον Ἀχαιῶν. (II. II. 700-702.).  
Более подробно см. в «Киприях»: Procl. Chresthom. I. P. 19 Kinkel. См. также: Apollod. Ep. 3.30; Tzetz. Lyc. Al. 245; Anthom. 221; Paus. IV. 2. 5; Dict. Cret. II. 11; Dar. Phryg. 19.

<sup>9</sup> Apollod. Ep. 3.30; Luc. Dial. mort. 23; Quint. Smyrn. I. 817; Hyg. Fab. 103; Dar. Phryg. 19.

<sup>10</sup> Схолии А Hom. II. II. 701.

<sup>11</sup> См. также: Paus. IV. 2. 5.

<sup>12</sup> Или Алкаста (Phot. Lex. 410. 9) или Алкофоя (Suda, s.v. πενθερά).

<sup>13</sup> TGF. P. 563 Nauck, F 646a Snell. Cf. Hyg. Fab. 103, 104. О «Протесилае» Эврипида см.: Mayer M. Der Protesilaos des Euripides // Hermes. 20. 1885. S. 101–143; Jouan F. Euripide et les légendes des chants

упросила богов разрешить ей увидиться с мужем, и милостивые боги позволили Гермесу вывести Протесилая из Аида на несколько часов на свидание с женой. Когда Протесилай вновь умер, Лаодамия, не в силах «стерпеть скорби»<sup>14</sup>, сделала восковое (или медное)<sup>15</sup> изображение мужа, и, поставив его в своей спальне, стала оказывать ему почитание. Слуга, принесший ей на рассвете яблоки, заглянув в щель, увидел, что она держит в руках это изображение и целует его. Решив, что у нее любовник, он сообщает об этом ее отцу Акасту, а тот приказывает сжечь «статую и утварь для священнодействий»<sup>16</sup>. Лаодамия бросается в костер и погибает<sup>17</sup>. Вот, в общем, содержание, так сказать, «канонической» версии мифа о Протесилае.

В постклассическую эпоху Протесилай был героем одноименной комедии Анаксандрида<sup>18</sup>, эпилия Гелиодора Афинского<sup>19</sup> и сатирической драмы Гармония Тарского<sup>20</sup>. Известны также две эпиграммы Палатинской Антологии, где говорится о быстро растущих деревьях у гробницы героя в Элеунте<sup>21</sup>. Немного говорит о нем Ликофрон<sup>22</sup>. Немного пишут о Протесилае

---

cyriens. Des origines de la guerre de Troie a *Viliade*. Paris, 1966. P. 317–336; *Webster T. B. L.* The tragedies of Euripides, London 1967. P. 97sqq.; *Lenz F. W.* Euripides *Protesilaos* bei Aristeides und in den Aristeides-scholien // *Mnemosyne*. 21. 1968. S. 163–170; *Cropp M., Pick G.* Resolutions and chronology in Euripides: the fragmentary plays // *BICS Suppl.* 43. London, 1985. P. 90; *Jouan F., van Looy H.* Euripide. Tome VII 2<sup>e</sup> partie: Fragments (Bellérophon – Protésilas), texte tabli et traduit. Paris, 2000. P. 567–584; *Kannicht R.* Scheiben von den großen Mahlzeilen Homers. Euripides und der Troische Sagenkreis // *A. Bierl, A. Schmitt, A. Willi* (Hrsg.). *Antike Litteratur in neuer Deutung*. Festschrift für Joachim Latacz. München; Leipzig, 2004. S. 185–202.

<sup>14</sup> *Hug. Fab.* 103.

<sup>15</sup> См. обсуждение у Г. Радке: *Radke G.* *Protesilaos*... Sp. 935–936.

<sup>16</sup> *Signum et sacra* (*Hug. Fab.* 104).

<sup>17</sup> По другим сообщениям, она поражает себя мечом или умирает в объятиях мужа (*Serv. Verg. Aen. VI. 447: in eius amplexibus periit*). См.: *Radke G.* *Protesilaos* ... Sp. 936.

<sup>18</sup> *PCG 2 F 41–42*.

<sup>19</sup> *Supplementum Hellenisticum*. Berlin, 1983. F 473.

<sup>20</sup> *TGF 1. 156 = SIG<sup>3</sup> 1079. 41–44*.

<sup>21</sup> *Alex. 526–534*.

<sup>22</sup> *AP 7. 141* (Антифил Византийский) и *AP 7. 385* (Филипп Фессалонийский).

Квинт Смирнский<sup>23</sup> и Нонн<sup>24</sup>. Встречаются сравнения Лаодамии с другими героинями греческой мифологии у Плутарха<sup>25</sup> и Элиана<sup>26</sup>. Не забывает Протесилая Лукиан<sup>27</sup> и представители мифографии и *Schwindelliteratur* эпохи империи<sup>28</sup>. В римскую литературу миф о Протесилае и Лаодамии входит достаточно рано и становится весьма популярным от Пакувия до Авзония<sup>29</sup>.

В целом, можно отметить, что архаическая эпическая поэзия выделяет в образе Протесилая, главным образом, его «первенство» в высадке на Троянский берег и сознательную героическую смерть<sup>30</sup>; классическая трагедия, в лице Эврипида, делает акцент на невозможности для Протесилая преодолеть смерть и, соответственно, на необходимости для Лаодамии на смерть решиться; эллинистическая литература уже дерзает делать Протесилая героем комедии. Классическую римскую литературу, в первую

<sup>23</sup> Quint. Smyrn. 1. 230–232; 814–819; 4. 468–471; 7. 408–411.

<sup>24</sup> Nonn. Dionys. 24. 192–195.

<sup>25</sup> Plut. Amet. 17. 761e-f.

<sup>26</sup> Ael. VH. 14. 45.

<sup>27</sup> Luc. Cont. 1; Par. 46; Luct. 5; Salt. 53; Deor. conc. 12; Dial. mort. 27, 28.

<sup>28</sup> Apollod. Bibl. 3. 10. 8; Apollod. Epitom. 3. 14 et 3. 30; Ptol. Chenn. apud Phot. Bibl. 190. 146b 18 et 29–30; Dio Chrys. 11. 74 et 11. 112; Dict. Cret. 1. 14; 1. 17 et 2. 11–12; Dar. Phryg. 13–14 et 19–20.

<sup>29</sup> Pacuv. Protesilaus (p. 116 R<sup>2</sup>); Titius. Protesilaus (p. 116 R<sup>2</sup>); Laevius. Protesilaudamia. Frg. 13–19 Bländsdorf; Catull. 68. 73–70 et 101–130; Verg. Aen. 6. 447sqq.; Prop. 1. 19. 7–10; Ov. Am. 2. 18. 38; Epist. 13; Ars. 3. 17sqq.; Remed. 794; Trist. 1.6. 19sqq.; 5. 5. 57sqq.; 5. 14. 39sqq.; Ex pont. 3. 1. 109sqq.; Stat. Silv. 2. 7. 120–131; 3. 5. 49; 5. 3. 273; Auson. Cup. cruc. 35sqq. О Протесилае в римской литературе см.: *Rosati G.* Prolesilao, Paride e l'amante elegiaco: un modello omerico in Ovidio // *Maia*. 43. 1991. P. 103–114; *Jolivel J-P.* Philologie et mylhologie dans la III<sup>e</sup> *Héroïde* (Vv. 63–100) // *REL*. 70. 1992. P. 138–148; *Tandoi V.* Dalla *Protesilaudamia* di Levio alle *Heroides* ovidiane // *V. Tandoi.* Scritti di filologia e di storia della cultura classica. Pisa, 1992. P. 112–127; *Brescia O.* Laodamia <ammaestra> Protesilao (Ov. *her.* 13): una lezione di villa // *Aufidus*. 10. (29). 1996. P. 27–70; *Lyne R. O. A. M.* Love and death: Laodamia and Protesilaus in Catullus, Propertius, and others // *ClQ*. 48. 1998. P. 200–212; *Rosati G.* L'addio dell'esule morituro (*Trist.* 1,3): Ovidio come Protesilao // *W. Schubert* (Hrg.). *Ovid – Werk und Wirkung.* Festgabe für Michael von Albrecht zum 65. Geburtstag, Studien zur klassischen Philologie 100. Frankfurt am Main, 1999. P. 787–796.

<sup>30</sup> Протесилай у Гомера πρότερος καὶ ἀρείων ἤρωας (Il. 2, 707–708), μέγαθυμος (706) πολὺ πρόωπιτος Ἀχαιῶν (702).

очередь, поэтов августовской эпохи в мифе о Протесилае и Лаодамии прежде всего интересует любовь, преодолевающая смерть. А вот у писателей эпохи Империи образ Протесилая всплывает, как правило, в контексте темы воскресения после смерти<sup>31</sup> и даже в языческой полемике с христианством<sup>32</sup>. Эта тема непосредственно связана с культом Протесилая, к которому мы теперь и обратимся.

Воздаваемый Протесилаю культ<sup>33</sup> известен, в первую очередь, на его родине, в фессалийской Филаке, где, по словам Пиндара, имелся его *τέμενος* и справлялся заупокойный агон<sup>34</sup>, а также в Элеунте, где находилась его гробница и святилище<sup>35</sup>,

<sup>31</sup> См., например: Petron. Satyr. 140. 12; Arr. Anab. 1. 11. 15; Ael. Arist. 3. 365; Philostr. Heroic. О «воскресении» в литературе «второй софистики см.: Bowersock G. W. Fiction as history: Nero to Julian // Sather Classical Lectures 58. Berkeley; Los Angeles; London, 1994. P. 111–113.

<sup>32</sup> Origen. Contra Celsam. 2. 55–56.

<sup>33</sup> О культе Протесилая см.: Babelon J. Protésilas a Scioné // RN <sup>5 sér</sup> 13. 1951. P. 1–11; Robert L. Etudes de numismatique grecque. Paris, 1951. P. 75; Burkert W. Homo necans. Interpretationen altgriechischer Opferriten und Mythen. RGW 32. Berlin; New York, 1972. S. 269–273; Nagy G. The sign of Protesilaos // Métis. 2, 1987. P. 207–213; Boedeker D. Protesilaos and the end of Herodotus' *Histories* // ClAnt. 7. 1988. P. 30–48; Vandiver E. Heroes in Herodotus: The interaction of myth and history // Studien zur klassischen Philologie 56. Frankfurt am Main, 1991. P. 223–229; Jimenez F. S. Protesilao en Escione: en torno a la utilización política de leyendas // Baetica. 14. 1992. P. 215–223; Vermeule C. C. Protesilaos: first to fall at Troy and hero in northern Greece and beyond // Numismatiska Meddelanden. 38. (Florilegium numismaticum. Studia in honorem U. Westermark edita). Stockholm, 1992. P. 341–346; Brown M. K. The Narratives of Konon text, translation and commentary of the *Diegeseis* // Beiträge zur Altertumskunde. 163. München; Leipzig, 2002. S. 120sqq.

<sup>34</sup> Pind. Isthm. I. 57sqq.

<sup>35</sup> О святилище Протесилая в Элеунте см.: Schliemann H. Troja: results of the latest researches and discoveries on the site of Homer's Troy. N. Y., 1884. P. 254–262; Chamonard J., Dhorme E., Courby F. Recherches archéologiques sur l'emplacement de la nécropole d'Eléonte de Thrace // BCH. 39. 1915. P. 135–240; Demangel R. Le tumulus dit de Protésilas. Paris, 1926; Kahrstedt U. Beiträge zur Geschichte der thrakischen Chersones // Deutsche Beiträge zur Altertumswissenschaft 6. Baden-Baden, 1954. S. 63sqq. und 68sqq.; Waiblmgger A. La ville grecque d'Eléonte en Chersonese de Thrace et sa nécropole // CRAI. 1978. P. 843–857; Isaac B. The Greek settlements in Thrace until the Macedonian conquest // Studies

упоминаемое многими писателями<sup>36</sup>. Кроме того, есть свидетельство, что его почитали и в палленской Скионе, основателем которой сами жители считали Протесилая<sup>37</sup>. Многие исследователи отмечали сходство мифа о Протесилае с преданиями о божествах плодородия и растительности, умирающем и воскресающем божестве малоазийского круга<sup>38</sup>. История Протесилая и Лаодамии (или, согласно «Киприям», Полидоры) сильно напоминает средиземноморский архетипический миф о Богине-Матери и ее умирающем и воскресающем паредре-боге. «Больше века, – пишет Дебора Бедекер, – многие ученые согласны между собой в том, что Протесилай изначально являлся неким природным божеством, воспроизводящем в своем мифе сезонные изменения растительного мира»<sup>39</sup>. Л. Радермахер полагал, что в мифе о Протесилае сохраняются следы древнейших преданий о вампирах и о божестве плодородия, на последнее, в частности, указывает почитание Лаодамией воскового изображения Протесилая, что является, вероятно, отражением хорошо

---

of the Dutch Archaeological and Historical Society 10. Leiden, 1986. P. 192–194; Jones C. P. Philostratus' *Heroikos* and its setting in reality // JHS. 121. 2001. P. 141–149; Bieg G. Troas and Gallipoh Landschaft und Geschichte // R. Aslan et alii (Hrsg.). Mauerschau. Festschrift für Manfred Korfmann. Remshalden/Grunbach, 2002. S. 377–399; Aslan R., Bieg G. Die Mittel- bis spätbronzezeitliche Besiedlung (Troia VI und Troia Vila) der Troas und der Gelibolu-Halbinsel. Ein Überblick // Studia Troica. 13. 2003. S. 165–213; Hertel D. Die Mauern von Troia Mythos und Geschichte im antiken Ilion. München, 2003. S. 180–182.

<sup>36</sup> Hdt. 9. 116–121; Thuc. VIII. 109; Strab. VII. 13; Lyc. Alex. 532; Plin. NH. IV. 49; Paus. I. 34. 2; Luc. Deor. con. 12; Philostr. Heroic.; Mela. II. 2. 5.

<sup>37</sup> По сообщению Конона (FGrH 26F1. 13) Протесилай выжил в Троянской войне. Он высадился затем в Паллене, где и основал Скиону после того, как взятая им в плен сестра Приама Айтилла сожгла его корабль. См.: Babelon J. Protésilas a Scioné // RN<sup>5 sér</sup> 13. 1951. P. 1–11 и Jimenez F.S. Protesilao en Escione... P. 215–223.

<sup>38</sup> См.: Radke G. Protesilaos ... Sp. 937–938; Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. S. 615; Preller L. Griechische Mythologie... S. 60–64 und 1119; Radermacher L. Hippolytos und Thekla... S. 18–21 und 99–111; Boedeker D. Protesilaos... P. 30–48 и др.

<sup>39</sup> Boedeker D. Protesilaos ... P. 38. Cf. Mayer M. (Der Protesilaos des Euripides ...S. 134): ein Bild der immer absterbenden und immer sich verjüngenden Natur.



известного обычая в культах божеств такого рода<sup>40</sup>. На дионисийские черты Протесилая указывает также наличие виноградника в его Элеунтском святилище, а также огромных вязов, с вершин которых была видна Троя за Геллеспонтом<sup>41</sup>. В добавление к этому Вальтер Буркерт обнаруживает в истории Протесилая и Лаодамии параллели с афинскими Анфестериями: исчезновение Диониса из Афин накануне праздника и оргиастический танец «басилинны» перед его изображением в тайном святилище близко напоминают смерть Протесилая и почитание его статуи Лаодамией<sup>42</sup>.

Впрочем, в культе Протесилая можно предполагать и малоазиатские влияния. Еще Максимилиан Майер считал возможным видеть в Протесилае фракийского Диониса<sup>43</sup>. Отто Группе полагал, что Протесилай потому и погиб при высадке, что у него было то же самое имя, что и у троянского божества (Heildämon), святилище которого располагалось на том самом берегу<sup>44</sup>. Есть

<sup>40</sup> *Radermacher L.* Hippolytos und Thekla... S. 18–21 und 99–111.

<sup>41</sup> См. также упоминавшиеся выше эпиграммы AP 7. 141 и AP 7. 385, где говорится о быстро растущих деревьях у гробницы героя. Протесилай кстати вообще славился своей быстротой, которой был славен и отец его Ификл. См.: Dares Phryg.: Протесилай был *conprope candido vultu honesto velocem confidentem temerarium*. На пиксиде Харета (см. у: *Türk G.* Protesilaos ... Sp. 3155–3171) Протесилай изображен на коне, имя которого Ποδάρως, что, по мнению Г. Радке (Sp. 933), намекает на «быстроту» Протесилая. Кстати, «быстрота», являющаяся видимо типичным свойством умирающих и воскресающих божеств, «скорых» на смерть и воскресение, не единственная черта, сближающая Протесилая с Ахиллом. Оба сознательно идут на смерть. На могиле Ахилла закалывает себя мечом (или приносится в жертву) его возлюбленная Поликсена (у Протесилая – Полидора!). Оба воскресают по смерти и становятся богами, о чем свидетельствуют, в частности, совершаемые им *θυσία*. Кроме того, у них симметрично расположены гробницы на Сигее и в Троеде. См. об этом также: *Demangel R.* Le tumulus dit de Protésilas. Paris, 1926. P. 1–6, 65–66 и *Boedeker D.* Protesilaos ... P. 36–37.

<sup>42</sup> *Burkert W.* Homo Necans... P. 243–247.

<sup>43</sup> *Mayer M.* Der Protesilaos des Euripides... S. 123–129.

<sup>44</sup> *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906. S. 615. Во всяком случае, по его мнению, «оба имени (Лаодамия и Полидора) указывают на какое-то хтоническое божество (*ibidem*). Карл Роберт позже вообще включает миф о Протесилае в цикл

однако и еще кое-что позволяющее предполагать в культе Протесилая в Элеунте местную основу. В конце девятой книги своей «Истории» Героодот рассказывает о крайне неблагочестивом поведении перса Артаикта в святилище Протесилая. Тот разграбил храмовые сокровища Протесилая, велел перенести их в Сест, а священный участок засеять и возделывать. «Сам же, всякий раз, когда бывал в Элеунте, то в святилище совокуплялся с женщинами» (ἐν τῷ ἁδύτῳ γυναιξὶ ἐμίσγητο)<sup>45</sup>. Уже после того, как этот Артаикт был взят афинянами в плен случилось чудо. Один страж жарил соленую рыбу и вдруг эти самые рыбы (οἱ τάριχοι) «запрыгали и стали биться в огне словно только что пойманные». Артаик же, обратившись к изумленному стражнику, сказал: «Ἐεῖνε Ἀθηναῖε, μηδὲν φοβέο τὸ τέρας τοῦτο· οὐ γὰρ σοὶ πέφηνε, ἀλλ' ἐμοὶ σημαίνει ὁ ἐν Ἐλαιούντι Πρωτεσίλεως ὅτι καὶ τεθνεὼς καὶ τάριχος ἐὼν δύναμιν πρὸς θεῶν ἔχει τὸν ἀδικέοντα τίνεσθαι»<sup>46</sup>, что Г. А. Стратановский переводит следующим образом: «Друг-афинянин! Не страшись этого чуда! Оно ведь явлено не тебе, а мне. Протесилай в Элеунте этим знаменем возвещает, что хотя он и мертв (τεθνεὼς) и превратился в мумию (τάριχος ἐὼν), но все же обладает божественной силой, чтобы покарать своего обидчика». Очень даже возможно, что здесь перед нами действительно игра слов (точнее: словом!) и весьма правдоподобно, что оживающая «соленая рыба» (τάριχος) символизирует воскресающего Протесилая-«мумию» (τάριχος же!). Τάριχος, как считается, восходит к глаголу ταρχύω ‘торжественно хоронить, погребать’, и этимологию этого глагола возводят к хетт.-лув. \*tarhu- в хетт. tarhuili ‘героический’, tarhuilatar ‘мужская сила’, в лувийском к имени бога-громовержца Tarhunt. Таким образом, в греч. ταρχύω отражается мотив героического погребения с превращением усопшего в существо наделенное сверхъестественной силой<sup>47</sup>. Однако недавно В. Л. Цымбурским были высказаны

---

исконных троянских преданий. См.: *Preller L. Griechische Mythologie...* S. 60–64 und 1119.

<sup>45</sup> Hdt. 9. 116.

<sup>46</sup> Hdt. 9. 120.

<sup>47</sup> См.: DELG. P. 1095; *Цымбурский В. Л.* Греч. ταρχύω «погребать» и малоазийский миф о поражении Бога-Победителя // Индоевропейское

ны убедительные соображения в пользу предположения Дж. Пульезе Каррателли о возможном преломлении в греч. ταρχύω хтонических свойств и связей малоазийского бога-громовержца Тархунта (Тарху)<sup>48</sup>. В. Л. Цымбурский приводит достаточно веские аргументы в доказательство того, что греч. ταρχύω, «проникшее из какого-то анатолийского языка к малоазийским грекам, скорее всего, в начале I тыс. до н. э. <...> представляет отзвуки мифа о погребении сокрушенного в первой битве и восставшего для окончательной победы Тархунта»<sup>49</sup>. Тот факт, что словарь LSJ дает значение «мумия» для τάριχος со ссылкой только на это место во всей греческой литературе позволяет предположить, что малоазийский грек Геродот из Галикарнасса использует это слово в несколько ином значении, вкладывая в него, вероятно, более глубокий и при этом понятный его землякам смысл. Кроме того, сама история Протесилая, воскресшего дважды, (в первый раз лишь на несколько часов, а во второй очевидно, победив смерть, навсегда) не является ли отзвуком того самого малоазийского мифа о погребенном, сокрушенном в первой битве и восставшем для окончательной победы Тархунте? Не настаивая на этой интерпретации выражения τεθνεῶς καὶ τάριχος ἔων, я все же полагаю, что она возможна. И, в принципе, малоазийская основа у культа Протесилая вполне может быть.

Итак, Протесилай в литературе «второй софистики» часто, как я уже сказал, встречается в связи с темой воскресения, столь в то время популярной. Попытка Петера Гроссардта оспорить<sup>50</sup> предположение Глена Бауэрсока о том, что Протесилай Филостратовой *Героики* также является результатом популярности этого героя в русле темы воскресения, на том основании, что мотива повторного воскресения и мотива личного присутствия героя у своей гробницы в предшествующей Филострату литературе не находится, а потому писатель либо эти сюжеты выду-

---

языкознание и классическая филология—IX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 20–22 июня 2005 г. СПб.: Наука, 2005. С. 257–258. См. также: *Boedeker D. Protesilaos ...* P. 40–41.

<sup>48</sup> См.: *Цымбурский В. Л.* Ук. соч. С. 257–258.

<sup>49</sup> *Ibidem.* С. 266.

<sup>50</sup> *Grossardt P. Einführung...* S. 28–29.

мывает сам, либо берет их из местных преданий (что, вероятно, так и есть) не совсем удачна. Во-первых, что касается второго мотива, Гроссардт неправ, ибо еще Элий Аристид говорит, что Протесилай присутствует среди живых (μετὰ τῶν ζώντων)<sup>51</sup>, а потому естественно предположить, что он захаживает и в свое святилище. Далее, мотиву второго воскрешения, несмотря на его явную архаичность, совершенно необязательно братья из предшествующей литературы. Потому, в целом, явление Филостратова Протесилая вполне в русле имперского интереса к воскресению<sup>52</sup> и, удовлетворяя этот интерес, Филострат вытаскивает на всеобщее обозрение факт вторичного воскрешения героя, подробности которого, очевидно, запрещалось рассказывать непосвященным, и потому-то Виноградарь и говорит: «Когда он вновь после того восстал к жизни, он не говорит, хотя я и хотел об этом узнать, но он скрывает как нечто неразглашаемое по велению Мойр»<sup>53</sup>. Дополнительным указанием на то, что Протесилай – неслучайный участник диалога, можно считать также факт благочестивого посещения Каракаллой гробницы Ахилла на Сигее в 214 г.<sup>54</sup> Вряд ли он при этом не воздал должные почести и Протесилаю, раз уж он так хотел быть похожим на Александра, который эти почести,

<sup>51</sup> Ael. Arist. 3. 365 (Behr; Orat. 46 Dindorf).

<sup>52</sup> Филострат и сам неравнодушен к «воскресению». Причем он очевидно намеренно не употребляет ставшее уже в его эпоху знаком христиан слово ἀνίστησις, предпочитая ἀναβίωσις. Филострат намерено использует глагол ἀναβίωσις, чтобы подчеркнуть свое понимание «вновь восстановленной жизни», причем не просто «жизни возвращенной», но, поскольку ἀναβίωσις можно только вне тела, то и более совершенной жизни. Ведь, по словам Виноградаря, «у души божественных, а потому блаженных, началом жизни является очищение от своего тела. А, будучи спутниками богов, они познают их, не почитая изваяния и символы, но очевидно имея прямое общение с ними. Освобожденные от болезней и тела, они наблюдают за человеческими делами, исполняются мантической мудростью, и вакхийствует в них пророческое прозрение (τὸ χρησιμῶδες αὐταῖς ἐμβακχεύει)» (7. 3). Именно избавившись от тела, душа сближается с божественным. И именно в этом, полагаю, следует искать понимание Филостратова ἀναβίωσις.

<sup>53</sup> Philostr. Heroic. 2. 11 de Lannoy.

<sup>54</sup> Dio Cass. H.R. 78. 16. 7.

---

согласно свидетельству Арриана<sup>55</sup>, оказал, учитывая еще и то, что святилища Ахилла и Протесилая находились очень близко друг к другу<sup>56</sup>. Кроме того, Протесилай, вероятно еще в ранние времена ставший совсем «своим», эллинским героем, с эпохи Мидийских войн был защитником эллинства от варварства, стоя на рубеже между Европой и Азией. Отчасти еще и поэтому, в эпоху Сасанидской угрозы и «разгулявшихся» по империи «восточных» мистерий, фигура просвещенного героя-бога, наставляющего устами Виноградя невежественного Финикийца, была выбрана Флавием Филостратом на главную роль в «драме обращения» с простым названием ΗΡΩΪΚΟΣ.

---

<sup>55</sup> Arr. Anab. 1. 15. 5.

<sup>56</sup> Мысль о посещении Каракаллой святилища Протесилая высказывал уже К. Мюншер. См.: *Münscher K. Die Philostrate // Philologus suppl.* 10/4. (1907). S. 507sqq.

Е. И. Белявская, Н. В. Карева

**К вопросу об источниках драматического языка  
М. В. Ломоносова**

Из всего обширного наследия М. В. Ломоносова наименее изученными на сегодняшний день остаются драмы. Две трагедии Ломоносова еще при жизни автора были весьма сдержанно оценены современниками и не имели успеха при постановке. Интерес к драматургии Ломоносова появился у исследователей только в начале XX века. В 1910-х годах был опубликован ряд статей, посвященных «Тамире и Селиму» и «Демофонт» (Мочульский 1911; Петровский 1912; Резанов 1911; Шалина 1915). Исследование трагедий продолжилось в середине XX века (Касаткина 1958<sub>2</sub>; Моисеева 1962), но в основном с позиции литературоведения. Основной темой научных изысканий стал поиск источников сюжета, композиции и стиля трагедий. Ученые выявили значительное число переключек с драмами предшественников и современников Ломоносова, в частности с трагедиями Расина и Готтшеда, с драмами Тредиаковского и Сумарокова, с произведениями античных авторов и со школьными драмами Славяно-греко-латинской Академии, где Ломоносов проходил обучение. Автором работы, где с наибольшей степенью подробности рассматриваются возможные источники трагедии «Демофонт», является В. И. Резанов. Его статья посвящена рассмотрению текстуальных связей между «Демофонтом» и «Андромахой» Расина. Резанов анализирует обе трагедии и указывает на заимствования в тексте Ломоносова. Однако общелингвистический характер данного исследования ограничивает объем лингвистического анализа, и, таким образом, комментарий Резанова сводится к отсылкам к французскому тексту Расина. В дальнейшем ученые принимали гипотезы Резанова, не подвергая их критическому переосмыслению.

Действительно, влияние сюжета и композиции «Андромахи» на «Демофонта» очевидно, однако стилистические заимствования до сих пор изучены не были. Задачей нашего исследования явилось подтверждение или опровержение выводов Резанова на собственно лингвистическом материале. Конечной целью нашей работы стало выявление возможных источников

драматического языка Ломоносова и определение места стиля его трагедий в контексте теорий драмы того периода.

Для осуществления этой цели нами был проанализирован французский текст трагедии Расина «Андромаха» в сравнении с русским текстом трагедии «Демофонт» Ломоносова. При поверхностном сравнении текстов бросаются в глаза мелкие заимствования на уровне мотивов и лексики. Так, Ломоносов эксплуатирует мотив «рокового» младенца, который внушает страх одним своим существованием. Что же касается лексики, то Ломоносов использует, в частности, обращение «троянка» по отношению к Илионе (вслед за Расином, который именовал Андромаху Троеппе).

Однако наибольший интерес вызвали места «заимствований», указанные в статье Резанова (всего 8 фрагментов). В этих случаях речь может идти о совпадениях исключительно композиционных, но не сюжетных. Показательны, например, Акт 2 сцена 5 в «Андромаше» (Феникс и Пирр) и соответственно акт 2 сцена 8 в «Демофонте» (Демофонт и Драмат). В этих отрывках идет диалог между главным героем и второстепенным, который пытается отвлечь первого от незаконной страсти. Однако персонажи Ломоносова и Расина используют не только разные речевые обороты, но и разную аргументацию и, в конечном итоге, добиваются разных результатов. Таким образом, основной причиной сюжетного расхождения при изначальном совпадении конфликта является различие в подходе к построению драматического произведения. Если для Расина основополагающим принципом было изображение чувств и характеров, то для Ломоносова на первый план выходили верность долгу и соблюдение норм. Доминирование дидактизма в драмах Ломоносова объясняется влиянием немецкой драматической школы и, в первую очередь, теории драмы Готтшеда. Принципы классической драмы были преобразованы немецким драматургом, и на первый план была выдвинута назидательная ценность сюжета. Именно этот аспект проявляется в диалогах персонажей Ломоносова.

В ряде фрагментов наблюдается более близкое сходство. Так, например, у Расина в четвертом акте в сцене 5 в монологе Гермiony есть следующие строки

...Du vieux père d'Hector la valeur abattue  
Aux pieds de sa famille expirante à sa vue  
Tandis que dans son sein votre bras enfoncé

Cherche un reste du sang que l'âge avait glace  
 Dans des ruisseaux du sang Troie ardente plongée;  
 De votre propre main Polyxène engorgée...

У Ломоносова же во втором явлении в монологе Илионы присутствует аналогичный фрагмент:

Велит мне позабыть отечества паденье  
 И братьей и сестры несносное мученье,  
 Как Гектор был погран, лишен по смерти гроба,  
 Как матери моей растерзанна утроба,  
 Пронзенный как Приам пред олтарем лежал,  
 В сыновней и в своей крови живот скончал!  
 Как мне не представлять ту ночь бесчеловечну,  
 Что день Троянский в ночь переменяла вечну,  
 И лютых хищников торжествовавших крик,  
 Которой мне и здесь наносит страх велик,  
 Как Греки, наших стен освещены пожаром,  
 На пагубу Троян спешили в буйстве яром;  
 Чрез сродников моих стремилися тела,  
 Из коих по земли густая кровь текла?

Содержание обоих отрывков практически идентично, однако средства, использованные для описания, радикально отличаются. У Расина мы видим констатацию фактов гибели Трои и творщегося насилия. Эпитеты отсутствуют, также как и детали описания. У Ломоносова же находим такие экспрессивные словосочетания, как «ярое буйство», «лютое буйство», «несносное мученье», «растерзанная утроба». Абстрактные «потoki крови» Расина превращаются в «сыновнюю и свою (Приама) кровь». Такое детальное и экспрессивное описание смерти идет вразрез с принципами классицизма, которые призывают избегать крайностей. И Ломоносов сознательно идет на это нарушение, «переиначивая» цитату Расина для своих целей. Каковы же источники этого эмоционального и наполненного яркими деталями стиля?

Здесь кажется уместным привести еще не упомянутые исследования, посвященные трагедиям Ломоносова, – статьи И. Клейна (Клейн 1999; 2002). Ученый рассматривает материал с позиций литературоведа и на основе анализа сюжетных и композиционных приемов приходит к выводу о преемственности между школьными драмами Славяно-греко-латинской Академии и драматургией Ломоносова. Одной из основных



черт, унаследованных Ломоносовым, Клейн называет принцип барочной «избыточности». Автор стремится «наполнить», обогатить текст, используя эмоциональные описания, экзотические мотивы, отдельные яркие повороты сюжета, соединяя их в рамках одной трагедии. В этом, как пишет Клейн, он проявляет «ту самостоятельность, которая характерна и для его торжественных од» (Клейн 2002: 41). Этими же принципами руководствовался Ломоносов при создании языка новой Российской драмы. Он использует французскую трагедию как основу, но изменяет ее стиль, наполняя его экспрессией для создания более полной, принципиально иной картины мира.

## ЛИТЕРАТУРА

- Ломоносов М. В. Полное собр. соч. Т. VIII. М., 1955. С. 441–486.  
Racine Jean. Oeuvres complètes. Paris: Gallimard, 1999.  
Касаткина 1949 – Касаткина Е. А. Трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» // Уч. зап. Томского пед. ин-та. Томск. Т. VII. Сер. гуманитар. наук. С. 116–142.  
Касаткина 1958<sub>1</sub> – Касаткина Е. А. Poleмическая основа трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» и Тредиаковского «Деидамия» // Уч. зап. Томского пед. ин-та. Томск. Т. XVII. С. 122–136.  
Касаткина 1958<sub>2</sub> – Касаткина Е. А. Трагедия Ломоносова «Демофонт» // XVIII век. Сб. 3. М.; Л.  
Клейн 1999 – Клейн И. Ломоносов и Расин: («Демофонт» и «Андромаха») // XVIII век : Сборник 21. СПб. С. 89–96.  
Клейн 2002 – Клейн И. Ломоносов и трагедия // XVIII век: Сборник 22. СПб. С. 28–42.  
Моисеева 1962 – Моисеева Г. Н. К вопросу об источниках трагедии «Тамира и Селим» // Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исслед. и матер. М.; Л. С. 253–258.  
Мочульский 1911 – Мочульский В. Н. М. В. Ломоносов как драматург // Рус. филол. вест. Т. LXVI. № 4. С. 310–331.  
Петровский 1912 – Петровский Н. М. К вопросу о трагедии М. В. Ломоносова «Демофонт» // Изв. Отд. рус. яз. и словесн. Т. XVII. Кн. 4. С. 133–139.  
Резанов 1911 – Резанов В. И. Трагедии Ломоносова // Ломоносовский сборник. СПб.  
Шалина 1915 – Шалина А. Ломоносов как драматург // Рус. филол. вест. № 1. С. 58–75; № 2. С. 249–267.

Н. А. Бондарко

***Quaeris quid agas, in quo te occupes?*  
Модальность долженствования  
в «Послании к братии Мон-Дьё» Гильома из Сен-Тьерри  
(латинская и средневерхнемецкая редакции)\***

В исследованиях по историческому синтаксису немецкого языка уже на протяжении нескольких последних десятилетий обсуждается вопрос о причинах и характере развития синтаксической системы: осуществляется ли оно исключительно под воздействием внутренних закономерностей или же ведущую роль в языковом развитии играют внешние социопрагматические факторы – коммуникативные ситуации, типы текста и функционально-стилистические нормы (см. Betten 1990: XXV и сл.). Очевидно, однако, что специфику типовых форм текстов (Textsorten/Texttypen/ Gattungen) невозможно игнорировать даже в тех случаях, когда внимание исследователя концентрируется на отдельных аспектах системы. Такой подход представляется особенно оправданным при изучении синтаксических явлений на материале письменных свидетельств коммуникации, столь сильно связанной институциональными рамками, как это имело место в позднесредневековой культуре<sup>1</sup>. Интересные в этом отношении наблюдения обещает дать сопоставительный анализ немецких переводных текстов и латинских оригиналов: интересна ситуация, когда смена языкового кода оказывается связана со сменой функции текста, а сам перевод превращается в парафразу. Речь идет прежде всего о текстах бытового и литературного

---

\* Работа выполнена при поддержке немецкого Фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt-Stiftung).

<sup>1</sup> Так, например, Ф. Хундснуршер призывает «обращать особое внимание на обусловленные, к примеру, стилистическими факторами и контекстуальными связями функциональные различия», «поскольку во многих областях синтаксиса (закономерности в порядке слов, репертуар моделей предложения) речь идет о конвенциональной форме организации высказывания (Hundsnerscher 1984: 643); ср. его обзор методологических проблем в различных концепциях исторического синтаксиса (Ibid.: 643–644).

характера, однако и опыт изучения ранних переводов Библии свидетельствует о существовании четких статусных и функциональных различий между латинской Вульгатой и ее немецкими переложениями вплоть до появления Лютеровского перевода.<sup>2</sup>

Если основным содержанием текста является действие, оцениваемое как необходимое / разрешенное / запрещенное, то мы имеем дело с такой текстовой функцией, которая определяется *деонтической* модальностью. В монастырской назидательной литературе и тем более в орденских и монастырских уставах, которые являются основным материалом моего исследования, предписываются нормы поведения: соответственно, и такое описание типовых синтаксических конструкций, которое учитывает жанровые характеристики этих текстов, неизбежно превращается прежде всего в описание определенного набора модальных конструкций. Данная задача укладывается в более общее направление исследований, связанное с поиском принципов и моделей языковой типизации некоего стандартного содержания: имеются в виду такие элементы содержания, которые отбираются автором текстов в соответствии с определенной текстовой функцией и регулярно актуализируются в этом качестве.

В качестве основного материала исследования мною был выбран текст, который, во-первых, может считаться весьма репрезентативным для языка южнонемецкой духовной прозы, переживавшей в конце XIII в. период раннего взлета<sup>3</sup>, а во-вторых, является фактически первым известным переводным прозаическим памятником средневерхнемецкого периода во всем баварско-швабском диалектном ареале: речь идет о переводе трактата «*Epistola ad fratres de Monte Dei*» («Послание к братии

---

<sup>2</sup> См., напр., Vieberstedt 2004. А. Биберштедт демонстрирует широкий спектр возможностей изменения функционирования переводов Библии в позднем Средневековье.

<sup>3</sup> Наиболее важные обзорные работы по данному материалу: Ruh 1984; Heinze 1994: 66–78; Steer 1994. Следует особо отметить новые диссертационные исследования К. Боля и Д. Мюллера, в которых изложены все доступные на сегодняшний момент фактические сведения о произведениях аугсбургско-регенсбургской литературы XIII в., а также история изучения этих текстов: Bohl 2000; Müller 2003. На русском языке «Послание» вместе с некоторыми другими прозаическими текстами южнонемецких францисканцев рассматривается в: Бондарко 2005.

Мон-Дьё», далее – «Послание»)<sup>4</sup>, известного в средневековой традиции также как «*Epistola aurea*» («Золотое послание»). В среде немецких францисканцев XIII в. этот чрезвычайно важный для истории средневекового мистического богословия текст часто приписывался Бернарду Клервосскому. На самом же деле его автором был Гильом из Сен-Тьерри (1085/90–1148/49) – друг и последователь Бернарда, автор нескольких богословских трудов, посвященных теории мистического богопознания. «Послание» было обращено к монахам-картузианцам из монастыря Мон-Дьё (*Mons Dei*) в Арденнах. Около 1300 г. (дата весьма приблизительна) в Аугсбургском регионе был выполнен перевод Монте-Кассинской редакции памятника<sup>5</sup> – он сохранился в двух восточношвабских рукописях начала XIV в.<sup>6</sup>

По своему содержанию, композиции и функциональному предназначению латинское «Послание» является, безусловно, оригинальным трудом (см. Déchanet 1975: 33 и сл.). Как было установлено Ж. Дешане, уже история его написания была непростой. Главы трактата неоднородны по своему происхождению, в них обнаруживаются два стилистических пласта, отража-

<sup>4</sup> Средневерхнегерманский текст изучался мною по изданию Ф. Хонемана (Honemann 1978); представленный в этом же издании латинский текст Монте-Кассинской редакции приводится Хонеманом по материалам Ж. Дешане – в дальнейшем он цитируется здесь как *Epistola* («Послание»).

<sup>5</sup> Как было установлено Ф. Хонеманом, перевод был сделан с рукописи, принадлежавшей к Монте-Кассинской ветви рукописной традиции «Послания», см.: Honemann 1978: 140 и сл.; Déchanet 1975: 67–68.

<sup>6</sup> Основной список: Карlsruэ, Библиотека земли Баден (*Badische Landesbibliothek*), Cod. Donaueschingen 421. Подробное описание рукописи, в том числе и письменного диалекта, выполнено Хонеманом: Honemann 1978: 120–138). В XV в. рукопись принадлежала книжному собранию женского монастыря св. Екатерины в Нюрнберге. Однако смешение баварских и швабско-алеманнских диалектных черт позволяет считать местом создания рукописи область вокруг Аугсбурга. Хонеман предположил, что рукопись (а может быть, и сам перевод) могла быть написана в цистерцианском монастыре Кайсхайм, находящемся к северу от Аугсбурга (*Ibid.*: 139). От другой рукописи сохранилась только копия XIX в. (см. *Ibid.*: 332–349; Ruh 1997). Последним к немецкой рукописной традиции «Послания» обращался Н. Палмер, который подверг некоторому сомнению Хонемановскую локализацию (Palmer 2005).

ющих разные стадии формирования текста, два разных жанра: собственно духовное послание – апология картузианского монашества – и назидательный трактат для новичиев и монахов, подвигающихся в деле духовного совершенствования (Déchanet 1975: 35). Если в начале текста, выдержанном в эпистолярном стиле, Гильом обращается к братьям-картузианцам (*fratres*) во 2-м лице множественного числа, то в дальнейшем текст начинает выглядеть как трактат для новичиев, для которого в качестве риторического приема было характерно обращение к одному ученику – например: *Quaeris quid agas, in quo te occupes?* («Ты спрашиваешь, что бы тебе сделать, чем бы заняться?») (Epistola, с. 83, S. 316).

В первой половине трактата внимание уделяется в большей степени *homo animalis* – первой из трех стадий становления человека в духовной жизни. Предметом назидания является отправление богослужений, *lectio divina*, физический труд, питание, сон. Именно благодаря этой части «Золотое послание» приобрело широкую популярность как учебник аскезы. Однако вторая половина «Послания» содержит теоретические разработки на философско-антропологические и мистико-богословские темы. Здесь можно найти описание духовного восхождения в молитве, перехода от «животного» состояния к «разумному», а затем – к духовному созерцанию.

Не во всех главах «Послания» деонтическая семантика актуализируется в равной степени. Для подробного анализа мною были выбраны несколько глав с наибольшей концентрацией модальных конструкций. Некоторые из них относятся к той части текста, которая изначально характеризовалась как «послание»: гл. 25–27, 29 (они посвящены теме постоянства в молитве), а также гл. 83, в которой говорится о повседневном труде. Большая же часть проанализированных глав относится к «трактату»: гл. 70–79 (вторая ступень продвижения *homo animalis* – усмирение плоти), гл. 91–94 (третья ступень – формирование привычки к благим делам); три следующих главы взяты из последней части текста – они посвящены описанию состояния совершенного человека: гл. 254 (проверка устремлений тела и духа посредством совести), гл. 281 (упражнение в добродетелях как путь к мудрости), гл. 300 (об отказе человека от своей воли при созерцании).

В основу предложенной мною классификации модально-деонтических конструкций положены структурно-синтаксический и функционально-семантический критерии. С одной сторо-

ны, классифицируемые элементы могут быть упорядочены с точки зрения их способности наиболее адекватно отражать деонтическую семантику. Здесь следует различать центральные и периферийные типы – в полном соответствии с полевым принципом структурирования языковых средств, служащих для выражения определенного концептуального содержания. Не желая останавливаться на преимуществах полевого подхода для функционально-семантической классификации языковых явлений, укажу лишь на методологически важную, с моей точки зрения, обзорную работу М. К. Сабанеевой, посвященной истории формирования поля необходимости в латинском языке (Сабанеева 2005). В частности, представляется весьма продуктивным мнение Сабанеевой о том, что при ономазиологической направленности анализа, имеющего своей отправной точкой семантическую категорию, а конечной целью – средства ее выражения, не должно ставиться никаких ограничений относительно положения функционально-семантического поля в иерархии языковых уровней (лексика, словообразование, морфология, синтаксис), равно как и относительно их позиции на оси «центр» – «периферия» (Ibid.: 252).

С другой стороны, с точки зрения синтаксической структуры предложения имеет смысл различать простые и комбинированные типы. Наложение обоих принципов друг на друга дает общую классификационную сетку, в которой основные средства языкового представления семантики необходимости распределены по трем основным группам: 1) простые типы, относящиеся к ядру поля, – основные типы; 2) простые типы, находящиеся на периферии поля, – периферийные типы; 3) сложные синтаксические типы, в основе которых лежит комбинация типов простых – они также могут тяготеть к ядру или периферии поля. Далее, внутри типов различаются подтипы и варианты на основе вторичных признаков, более или менее релевантных. Эти подтипы и варианты представляют собой модификации, не выходящие за рамки базовой структуры каждого типа. Поэтому, несмотря на то, что классификация, разработанная мною на ограниченном материале, не может претендовать на полноту, пополнение типов различного ранга не должно ломать общую структуру классификации.

Наконец, если ставить перед собой задачу описания репрезентации определенного семантического содержания не в языке вообще, а именно в конкретном тексте или типе текстов, то при построении классификации необходимо учитывать и частот-

ность использования конструкций: в частности, как показывает исследуемый материал, некоторые стандартные возможности, предоставляемые грамматической системой языка, могут весьма скупо использоваться автором текста – здесь уже следует учитывать такую категорию, как функциональный стиль речи.

Поскольку деонтические операторы представлены главным образом определенными модальными глаголами, конструкции с модальными лексемами занимают центральное место среди средств выражения деонтической семантики (см. Цейтлин 1990: 146–147). В предлагаемой мною классификации они находятся среди центральных простых типов. Это основные типы, и именно они формируют модальную доминанту текста.

Периферийные простые типы охватывают весьма разнородные явления. С одной стороны, речь идет о полипредикативных конструкциях, которые отражают деонтическую семантику лишь благодаря содержащимся в них логическим отношениям (определенные типы относительных и условных предложений). С другой стороны, сюда относятся также лексические средства: прежде всего, важно лексическое значение предикатов, которые нельзя определить как модальные в строгом смысле слова.

Комбинированные типы формируются на основе сложных предложений, которые объединяются в подгруппы в зависимости от состава их компонентов. Наиболее частотную подгруппу комбинированных типов образует центральный простой тип предложения с финитным модальным глаголом.

Один из наиболее важных результатов наблюдений над формами языкового выражения деонтической модальности в латинском и немецком тексте «Послания» состоит в констатации чрезвычайно интенсивного варьирования соответствующих лексико-грамматических средств. При этом существует несколько типов как для латинского, так и для немецкого текста, которые используются чаще всего.

В латинском оригинальном тексте таким доминирующим типом, а точнее, группой типов, оказались конструкции, образованные на основе *conjugatio periphrastica futuri passivi*, в то время как такие модели – сами по себе прототипические – как *conjunctivus imperativus* или императив 2 л. ед. ч., используются значительно реже (особенно последний). Крайно редко встречается, как бы странно это ни выглядело, глагол *debeo*, имеющий модальное значение.

Синтаксическая модель, строящаяся на основе *conjugatio periphrastica futuri passivi*, имеет несколько разновидностей. Осо-

бенно часто используется вариант – обозначим его как подтип ЛАТ1, при котором референтом патиенса (подлежащее) является новиций, только начинающий духовное восхождение, а референтом остающегося невыраженным субъекта действия, агенса, является наставник новичиев – истинный адресат послания. Действие, которое ему надлежит исполнить, – наставление новиция в определенном комплексе поведения или же информирование об определенном положении дел. Главное предложение обязательно содержит глагол с инструктирующим значением (*doceo, dico, instituo, praemunio*), в то время как зависимая клауза имеет глагол, обозначающий действие, которое надлежит исполнить ученику. В роли зависимой клаузы могут выступать инфинитивная группа и дополнительное придаточное предложение (*quod objectivum* или *ut objectivum*); иногда вместо сентенциальной или несентенциальной клаузы могут появляться единицы более мелкого уровня, содержащие свернутую пропозицию: предложные группы в роли обстоятельства цели и дополнения.

Довольно сильно распространен также тип ЛАТ2, в котором патиенс обозначает неодушевленное лицо – либо конкретный предмет (возможна, впрочем, персонификация, как в случае с существительным «тело»), либо абстрактное понятие. На этот патиенс направлено действие, субъектом которого является новиций / *homo animalis*: это действие выражается герундиальной конструкцией. Как правило, агенс остается невыраженным, однако он может быть представлен дополнением в дательном падеже (*dativus auctoris*).

В средневенхненемецком переводе предикативные конструкции с модальными глаголами (основные типы 1-й и 2-й подгрупп, а также их комбинации с другими типами), прежде всего с *sollen*, являются наиболее важным способом выражения деонтической модальности. Таким образом, проявляется еще одна основополагающая черта в соотношении латинских и немецких модальных конструкций – их структурная асимметрия. Чаще всего *conjugatio periphrastica futuri passivi* передается не структурно эквивалентной конструкцией субъект-патиенс + финитная форма бытийного глагола *sîn + ze + инфинитив / партицип I*, которая вообще-то имела в грамматическом арсенале позднего этапа средневенхненемецкого языка, а при помощи модальных глаголов. Это решение в пользу перевода, трансформирующего синтаксическую структуру оригинала, но зато в большей степени отвечающего узусу целевого языка, следует, безуслов-



но, приписать мастерству переводчика.

Рассмотрим пример соотношения двух описанных доминантных типов:

(1) *Docendus est sic habere corpus suum, sicut aegrum commendatum*; (2) *cui etiam multum volenti inutilia sunt neganda, utilia vero nolenti, ingerenda sunt [...]* (Epistola, с. 72, S. 311).

[Следует научить его обращаться со своим телом, будто с вверенным ему больным; в бесполезных вещах, которых он сильно желает, следует ему отказывать, а вещи полезные даже вопреки его желанию следует ему навязать.]

Модальность 1-го предложения определяется формой предиката, а именно *conjugatio periphrastica futuri passivi* (герундив смыслового глагола + вспомогательный глагол EST). Базовая синтаксическая структура выглядит следующим образом: субъект + предикат [герундив + EST] + инфинитивная группа. Подлежащее (*homo animalis*) является пациенсом, а агенс (наставник новичиев) остается невыраженным.

Немецкий перевод выглядит следующим образом:

*Er sol sines libes phlegen als eins siechen, der im empholhen ist. Schaedlichiv vnd vnnvtziv dinch sol er im wern vnd ab prechen wider sinen willen, aber nvtzer vnd gvoter ding sol er in noeten vnd twingen ioch wider sinen willen. Er sol sines libes phlegen, als ob er niht sin si.* (Epistola, с. 72, S. 311).

Базовая синтаксическая структура всех матричных предложений может быть представлена в виде формулы: личное местоимение 3-го л. ед. ч. ER + финитный глагол SOL + инфинитивная группа.

При переводе латинских предложений осуществляются следующие синтаксические трансформации:

1. Латинский период распадается в переводе на четыре самостоятельных предложения.

2. Происходит смена пассивных латинских конструкций на активные. При этом переводчик прибегает к унификации: синтаксически различные типы модальных конструкций в частях (1) и (2) латинского пассажа передаются при помощи одной и той же немецкой структуры.

3. При переводе предложения (1) предпринимается структурное упрощение, выражающееся в изменении актантных ролей: агенс (наставник новичиев) устраняется вместе с выполняемым им действием (инструктирование новичиев), а пациенс (новичий) превращается в агенс. В итоге теряется целая пропозиция и соответствующая клауза. Эксплицитное поучение для

наставника устраняется из текста, зато при помощи деонтического оператора подчеркивается обязательность действий, которые требуются от новicia. Таким образом, изменяется адресная направленность текста: обращение к наставнику более не используется.

4. В последнем немецком предложении вводится повтор финитной клаузы с модальным глаголом *Er sol sines libes phlegen...* вместо варьирования в рамках инфинитивной группы *habere corpus suum / de eo agere*.

Описание всех конструкций с деонтической семантикой и перечисление всех вариантов переводных соответствий между латинским оригиналом и немецкой редакцией вместе с соответствующими примерами не может входить в задачи настоящей статьи. Представляется необходимым лишь упомянуть латинские безличные конструкции с семантикой необходимости, которые не находят структурного соответствия в средневерхне-немецком тексте:

1) безличный матричный глагол *OPORTET* + *accusativus cum infinitivo*;

2) безличный матричный глагол *EXPEDIT* + инфинитивная группа;

3) *conjunctivus imperativus* матричного глагола;

4) конструкции с *genitivus characteristicus*.

В то время как структурный изоморфизм между простыми синтаксическими типами весьма редок, полипредикативные подчинительные конструкции – в том, что касается синтаксических отношений между клаузами – как правило, переводятся эквивалентным образом.

Богатство варьирования модальных конструкций как в латинском, так и в новеверхне-немецком текстах «Послания» – памятника, явно выбивающегося из общего ряда трактатов для новicia XIII–XIV вв., – становится очевидным при сопоставлении обеих версий «Послания» с некоторыми другими латинскими текстами, принадлежащими Давиду Аугсбургскому и Бертольду Регенбургскому – францисканским авторам, сыгравшим главную роль в развитии монастырской духовной литературы на немецком языке в баварско-восточношвабском регионе (Аугсбург, Регенбург) во второй половине XIII в. – и их более поздними немецкими переводами.

В качестве примера приведем главу 26 из 1-й книги трактата Давида Аугсбургского «*De exterioris et interioris hominis compositione secundum triplicem statum incipientium, proficientium*

et perfectorum»<sup>7</sup> («О формировании внешнего и внутреннего человека в соответствии с троякого рода положением начинающих, преуспевающих и совершенных») (= Comp.).

Первая книга представляет собой трактат для новичиев, регулирующий поведение «внешнего» человека и соответственно озаглавлена: «Formula de compositione hominis exterioris ad novitios» («Формула о формировании внешнего человека для новичиев» (в некоторых изданиях также «De institutione novitiorum» – «О наставлении новичиев»). В 26-й главе обобщается содержание предыдущих глав, посвященных отдельным аспектам жизни новичиев в монастыре:

Ut ergo breviter percurram omnia, quae supra dixi: **esto** devotus Deo et cor tuum semper, quantum potes, occupato cum ipso. **Esto** praelatis humiliter obediens nec rancores contra eos teneas **nec spernas eos nec iudices nec murmures de eis. Esto** cum Fratribus pacificus, patiens ad verba dura et ad reprehensiones. **Noli** facile **iudicare** aliquem **nec sis** suspiciosus. **Esto** obsequiosus, maxime infirmis et in humilibus obsequiis. Saepissime ora. **Esto** in choro disciplinatus et Deo intentus, in victu discrete modestus et in his, quae corporis necessitas requirit. **Esto** in cella libenter. **Fuge** verba otiosa. Plane **loquere**, modeste, iucundus, verax valde. Verba tua sint sicut iuramentum. Nulli **detrahas** nec detrahentem **audias**. Odium contra nullum **teneas**. Non sis elatus in verbis vel moribus. Pecuniam **odito**. Paupertatem **amato**. In omnibus **fuge** mulieres. **Esto** compatiens afflictis, castus in omnibus. (Comp. I, c. XXVI, f. 35–36).

[Теперь я хочу обобщить вкратце то, что сказал выше: будь предан Господу и всегда, насколько можешь, занимай твое сердце Им. Пребывай в смиренном послушании по отношению к вышестоящим и не держи на них зла, и не презирай их и не суди, не злословь о них. Будь миролюбив с братьями, терпелив к суровым словам и упрекам. Не осуждай никого поспешно и не будь подозрителен. Будь услужлив, особенно

---

<sup>7</sup> Этот трехчастный труд представляет собой руководство для трех категорий людей духовной жизни: начинающих (incipientes), продолжающих (proficientes) и совершенных (perfecti). Данную трехчастную схему, равно как и само представление жизни духа в виде внутреннего продвижения (характерно использование ключевых слов progressus, profectus, processus), Давид напрямую заимствовал из «Послания» Гильома из Сен-Тьерри.

же по отношению к больным и в делах смирения. Молись как можно чаще. В хоре будь дисциплинирован и устремлен к Богу, скромн в еде и во всем, чего требует телесная необходимость. Пребывай с охотою в келье. Избегай досужих слов. Говори просто, скромно, а главное правдиво. Пусть слова твои будут как клятва. Никого не порочь, а порочащего не слушай. Не питай ни к кому ненависти. Не будь надменен в словах или поведении. Ненавидь имущество. Люби бедность. В любых делах избегай женщин. Сострадай опечаленным, будь целомудренным во всем.]

В двух алеманнских рукописях 2-й пол. XIV в. сохранился один из наиболее ранних переводов трактата для новичиев. Приведем данную главу по изданию К. Ру:

Vnd daz ich dir alle dise vordern lere kurtzlich begriffe, so sprich ich: **Du solt** andechtig sin gegen got vnd din herz alleweg zuo im richten. **Du solt** demteklich gehorsam sin dinen obren vnd hab enkeinen vrdrutz [in dinem Herzen] wider si vnd versmach si nüt, noch vrteil si nüt, noch murmel nüt wider si. **Du solt** nüt lichteklich ieman vrteilen oder arkwenig haben. **Du solt** dienstber sin [aller menlich], aber aller meist den siechen vnd an demuetigen werken. **Du solt** emzeklich betten. **Du solt** züchtig sin in dem bethus. **Wis** flissig vnd warnemende goetlicher dingen. **Wis** bescheiden vnd messig an allen den dingen, die zuo liplicher noturft gehoerent, es si spis oder ander ding. **Bis** gern [da heime vnd andechtig] in diner zelle. **Huet dich** vor vppiger rede. **Du solt** schlechteklich vnd messecklich reden, froelich, züchteklich gebaren, warhaft sin, also daz man also wol dinen Worten gelovbe, als ob du dar nach sweren soeltist. **Du solt** nieman hinder reden, vnd **solt** es ovch von nieman gern hoeren. **Du solt** wider nieman hass oder vrbunst tragen. **Du solt** nüt hochuertige wort oder geberde haben. **Du solt** eigenschaft hassen vnd armuot minnen, frowen vnheinlich sin, mitliden haben gegen betruetben menschen, kúsche sin an allen dingen. (Ruh 1985: 144).

Стратегия использования модальных конструкций явным образом отличается от той, что можно наблюдать в «послании» и его переводе. Прежде всего очевидно наличие одной доминирующей грамматической модели, которая, будучи употреблена множество раз подряд, позволяет усмотреть здесь текстообразующую функцию языкового стереотипа. В латинском тексте доминирует форма императива 2-го л. ед. ч., которая оттесняет на задний план *conjunctivus imperativus* (*nulli detrahas nec detrahentem audias; odium contra nullum teneas*). В переводе

доминантной конструкцией является сочетание «личное местоимение 2 л. ед. ч. + финитный модальный глагол *solt* + инфинитивная группа». Предложения с императивом встречаются значительно реже.

Итак, при сопоставлении латинского текста «Послания» с его средневерхненемецким переводом обнаруживается прежде всего весьма значительная структурная асимметрия конструкций с деонтической семантикой. Столь же ассиметрично это соотношение в приведенном примере из трактата «О формировании» Давида Аугсбургского и его средневерхненемецкого (нижнеалеманнского) перевода. При этом существуют и обратные примеры структурного соответствия доминирующих грамматических форм данной семантики – например, в текстологически близкой традиции проповедей Бертольда Регенсбургского (в частности, проповедь Y 37 и ее латинский источник<sup>8</sup>).

#### ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко 2005 – Бондарко Н. А. Историческое и сакральное время в немецкой религиозно-дидактической литературе XIII века // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. VII. М., 2005. С. 179–209.
- Сабанеева 2005 – Сабанеева М. К. Поле долженствования в латинском языке // Теория функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. С. 252–276.
- Цейтлин 1990 – Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 142–156.
- Betten 1990 – Betten A. (Hrsg.). Neuere Forschungen zur historischen Syntax des Deutschen. Referate der Internationalen Fachkonferenz Eichstätt 1989. Tübingen, 1990.
- Bieberstedt 2004 – Bieberstedt A. Die Übersetzungstechnik des Bremer Evangelistars. Eine syntaktisch-stilistische Analyse unter Einbeziehung von Vergleichsübersetzungen des 14. bis frühen 16. Jahrhunderts. Berlin; New York, 2004 (= Studia Linguistica Germanica 73)
- Bohl 2000 – Bohl C. Geistlicher Raum: Räumliche Sprachbilder als Träger spiritueller Erfahrung, dargestellt am Werk *De compositione* des David von Augsburg. Werl, 2000 (= Franziskanische Forschungen 4).
- Comp. – Frater David ab Augusta O. F. M. De exterioris et interioris hominis compositione secundum triplicem statum incipientium, proficientium et perfectorum (Libri tres castigati et denuo editi a pp. collegii S. Bonaventurae, Ad Claras Aquas, Quaracchi 1899.

<sup>8</sup> Оба текста изданы К. Ру (Ruh 1985).

- Déchanet 1975 – Déchanet J. O. S. B. Guillaume de Saint-Thierry: Lettre aux Frères du Mont-Dieu (Lettre d'or). Introduction, text critique, traduction et notes. Paris, 1975 (Sources chrétiennes 223).
- Heinzle 1994 – Heinzle J. Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit, II. Vom hohen zum späten Mittelalter. Teil 2. 2. Wandlungen und Neuansätze im 13. Jahrhundert (1220/30–1280/90). Tübingen, 1994.
- Honemann 1978 – Honemann V. Die *Epistola ad fratres de Monte Dei* des Wilhelm von Saint-Thierry. Lateinische Überlieferung und mittelalterliche Übersetzungen. München, 1978 (= Münchener Texte und Untersuchungen 61).
- Honemann 1989 – Honemann V. Eine neue Handschrift der deutschen 'Epistola ad fratres de Monte Dei' // Überlieferungsgeschichtliche Editionen und Studien zur deutschen Literatur des Mittelalters. Kurt Ruh zum 75. Geburtstag, hrsg. Konrad Kunze u. a. Tübingen, 1989. S. 332–349.
- Hundsnerscher 1984 – Hundsnerscher F. Prinzipien und Methoden historischer Syntax, in: Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. Hrsg. v. Werner Besch, Oskar Reichmann, Stefan Sonderegger, Bd. 1. Berlin; New York, 1984. S. 642–653.
- Müller 2003 – Müller D. Gesellschaft und Individuum um 1300 in volkssprachlicher franziskanischer Prosa. Diss. Phil. Köln, 2003 (Онлайн-реccурc: <http://kups.ub.uni-koeln.de/volltexte/2005/1487/>).
- Palmer 2005 – Palmer N. F. Deutschsprachige Literatur im Zisterzienserorden. Versuch einer Darstellung am Beispiel der ostschwäbischen Zisterzienser- und Zisterzienserinnenliteratur im Umkreis von Kloster Kaisheim im 13. und 14. Jahrhundert, in: Zisterziensisches Schreiben im Mittelalter. Das Skriptorium der Reiner Mönche. Beiträge der Internationalen Tagung im Zisterzienserstift Rein, Mai 2003, hg. von Anton Schwob und Karin Kranich-Hofbauer. Bern [u.a.], 2005 (Jahrbuch für Internationale Germanistik, Reihe A: Kongressberichte, Bd. 71), S. 231–266.
- Ruh 1965 – David von Augsburg, *Formula de compositione hominis exterioris ad novitios (De institutione novitiorum)* // Kurt Ruh (Hrsg.), *Franziskanisches Schrifttum im deutschen Mittelalter*, Bd. 1: Texte. S. 140–146. München, 1965 (= Münchener Texte und Untersuchungen 11).
- Ruh 1984 – Ruh K. David von Augsburg und die Entstehung eines franziskanischen Schrifttums in deutscher Sprache // Ruh K. *Kleine Schriften*, Bd. 2. Scholastik und Mystik im Spätmittelalter, hrsg. v. Volker Mertens. Berlin; New York, 1984. S. 46–67.
- Ruh 1985 – Ruh K., Ladisch-Grube D., Brecht J. *Franziskanisches Schrifttum im deutschen Mittelalter*. Bd. 2. Texte. München 1985 (Münchener Texte und Untersuchungen 86).

- Ruh 1997 – Ruh K. Wilhelm von Saint-Thierry // Verfasserlexikon des Mittelalters. 2. Aufl., Bd. 10 (1997), Berlin; New York. Sp. 1138–1142.
- Steer 1994 – Steer G. Virtus und Sapientia. Der Einfluß Bernhards von Clairvaux auf Davids von Augsburg deutsche Traktate „Die sieben Vorregeln der Tugend“ und „Der Spiegel der Tugend“ // Zisterziensische Spiritualität. Theologische Grundlagen, funktionale Voraussetzungen und bildhafte Ausprägungen im Mittelalter. Bearb. von Clemens Casper OCist. und Klaus Schreiner. St. Ottilien, 1994. S. 171–188.

## ABSTRACT

*Quaeris quid agas, in quo te occupes?* Modalität der Notwendigkeit in der «Epistola ad fratres de Monte Dei» Wilhelms von St. Thierry in lateinischer und mittelhochdeutscher Fassung

Im Beitrag werden einige Ergebnisse einer text- und textsorten- gebundenen Untersuchung zu dominierenden grammatischen Strukturen in der spätmittelalterlichen geistlichen Prosatexten exemplarisch vorgestellt. Als Untersuchungsmaterial wurden Traktate der geistlichen Unterweisung für Novizen gewählt, daher stehen Sprachmittel zur Wiedergabe der deontischen Modalität im Vordergrund der Analyse. Es wird über eine speziell zu diesem Zweck entworfene Klassifikation stereotyper modaler Konstruktionen berichtet, der ich einerseits strukturell-syntaktische, andererseits funktional-semantische Kriterien zu Grunde gelegt habe. Nach dem Prinzip einer felderbezogenen Darstellung sprachlicher Mittel werden zentrale und periphere Typen syntaktischer Konstruktionen unterschieden.

Beim Vergleich der ‚Epistola ad fratres de Monte Dei‘ Wilhelms von St. Thierry mit seiner aus der Augsburger Gegend stammenden mhd. Übersetzung aus der Zeit um 1300 lässt sich vor allem eine erhebliche strukturelle Asymmetrie zwischen lateinischen und deutschen syntaktischen Konstruktionen mit deontischer Semantik feststellen. So gilt für die lateinische ‚Epistola‘ die *Conjugatio periphrastica futuri passivi* als dominierende grammatische Struktur zur Wiedergabe der deontischen Semantik, während in der verdeutschten Version der ‚Epistola‘ Sätze mit Modalverben vorherrschen.

Kein strukturelles Äquivalent konnte in der mhd. Übersetzung für lateinische unpersönliche Konstruktionen mit deontischer Bedeutung gefunden werden: a) unpersönliches Matrixverb *OPORTET* + *Accusativus cum infinitivo*; b) unpersönliches Matrixverb *EXPEDIT* + *Infinitivgruppe*; c) *Conjunctivus imperativus* des Matrixverbs; d) Konstruktionen mit *Genitivus characteristicus*.

Während strukturelle Ähnlichkeit zwischen ermittelten syntaktischen Grundtypen relativ selten ist, sind im Gegenteil bei polyprädikativen hypotaktischen Konstruktionen meistens symmetrische syntaktische Relationen zwischen Klauseln in beiden Fassungen festzustellen.

Insgesamt zeichnet sich die ‚Epistola‘ durch eine intensive Variation verschiedener sprachlicher Elemente des Modalfeldes aus. Ein Grund dafür könnte in der Textsortenmischung und in der Eigenartigkeit der Textfunktion liegen. Im Gegenteil weist der als Vergleichsmaterial untersuchte 1. Teil des Novizentraktats ‚De exterioris et interioris hominis compositione‘ Davids von Augsburg sowie dessen alemannische Übersetzung aus der Mitte des 14. Jh. einen weitgehend einheitlichen Gebrauch modaler Strukturen auf.



Н. В. Брагинская, А. Н. Коваль

### «Ираническое» в *Персах* Эсхила<sup>1</sup>

#### 1. Габробаты у Эсхила и Бакхилида

Общеизвестно, что эллины сопротивлялись изучению иных языков и проникновению иных наречий. Однако в драме есть примеры вторжения иного языка, ибо война народов предполагает и войну языков (*Sprachkrieg*). Такова, например, искажённая эллинская речь варвара-скифа, стрелка, который служит «полицейским» в Афинах<sup>2</sup>. Он должен вызывать смех, как и косноязычный перс (или, скорее, лидиец) в «Персах» Тимофея<sup>3</sup>; так в «Войне и мире» «шутник-песенник» Залетаев тешит возле костра однополчан, коверкая слова французской песни. Совсем иную, куда более сложную и противоречивую стратегию избирает в «Персах» Эсхил, вводя в трагедию обильный персидский (или – шире – иранский) языковой материал, о чем и пойдёт речь далее.

---

<sup>1</sup> Авторы выражают искреннюю благодарность коллегам, которые помогли получить необходимую научную литературу и содействовали ходу исследования своими консультациями и замечаниями: П. В. Башарину, Н. П. Гринцеру, С. В. Кулланде, Б. П. Маслову, В. Л. Цымбурскому.

<sup>2</sup> Речь идет о сцене, занимающей финал комедии «Женщины на празднике Фесмофорий», от ст. 1000 и до конца. Скиф-стрелок говорит на ломаном языке, гетеру Артемисию зовет Артамуксия, переименовав ее имя на персидский лад (персидских имен на *Арта*- великое множество) и т. д. Мы полагаем, что сцена перекликания Стрелка и Еврипида в роли Эха (ст.1082 и далее) является пародией на финал «Персов». Но это требует еще специального обсуждения.

<sup>3</sup> См. перевод Я. Э. Голосовкера, который попытался передать речь иностранца: «он сплетал греческий и азиатский языки, коверкая чуткий отпечаток своих уст, в погоне за ионийским наречием: «Что мой тебе? И что делать? Мой никак не придет опять, и теперь меня приводил сюда господин; никогда, отец, никогда мой не придет сюда сражаться; но мой не ходить; мой не к вам сюда, мой вон туда – в Сарды, в Сузы, домой в Экбатану. Мой великий бог Артемид сохранит на пути в Эфес» (Fr. 15, 146–161).

Изучение персидской, а также общеиранской лексики (в том числе и личных имён) в греческой передаче ведётся сразу по трём научным «ведомствам»: иранистики, индоевропеистики в целом и собственно классической филологии. Иранисты и индоевропеисты, учитывая грекоязычные данные, не ставили себе целью сосредоточиться именно на них. А филологи-классики, чьи заслуги в этой области сравнительно скромны, как правило, оставляют без пояснений имена персов, звучащие «по-гречески» и в греческой передаче так или иначе искажённые. В этом смысле важным для нашей темы исключением стал Рюдигер Шмитт, которому принадлежит, в частности, монография «Имена иранцев у Эсхила» (Schmitt 1978b) и статья, посвященная именно слову ἄβροβάτης в «Персах» Эсхила и у Бакхилида (Schmitt 1975).

Речь идёт о слове, которое встречается в самом конце трагедии «Персы». Ксеркс, обращаясь к хору персидских старцев, называет их ἄβροβάται: «Рыдайте, *габробаты!*»<sup>4</sup>

Слово ἄβροβάτης редкое. Кроме Эсхила и Бакхилида, оно встречается только у комментаторов и схолиастов в связи с этими же текстами. Еще в одном фрагменте Эсхила слово появляется в результате «волевой» эмендации текста<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> В нашем случае *«габро-»* равно *«абро-»*. «Густое» придыхание в греческой передаче может *соответствовать* каким-то фонетическим реалиям, а может и *не* соответствовать. И дело здесь не только в противостоянии ионийского и аттического диалектов. Если эллины по тем или иным причинам *хотели* произносить *«габро-»* с «густым» придыханием, они так и произносили, полностью пренебрегая всякой фонетической строгостью. А *хотели* они этого в тех случаях, когда им нужно было отождествить иноязычное habro- или abro- с греческим ἄβρο-.

<sup>5</sup> Речь идёт о фрагменте утраченной трагедии Эсхила «Эдонцы», который цитируется в словаре «Суда». Слова ἄβροβάτης там нет: «Это что еще за мусомантис, немой <или другой>, Абратаей». *Габробата* поставил на место Абратаея (или абратаея) Г. Германн (см. Die Fragmente der Tragödien des Aischylos, Fr. 75). Он опирался на то, что в «Птицах» Аристофана (276) содержится замеченная еще схолиастами аллюзия на тех же «Эдонцев»: «Это что за мусомантис, нелепая птица, гороход (ὄρειβάτης)?», причём ὄρειβάτης – последнее слово пародийного стиха – (Scholia in Aves 276.1–7). Аристофан тем охотней вставил сюда имя на *-батес*, что имя этой птицы в его комедии «Мидянин», а имена на *-батес*, как мы покажем ниже, устойчиво связывались греками с персами и мидянами. В то же время в другом издании

Греки понимали «габробатов» естественно, исходя из своего языка, и схолии несколько аграмматично поясняли стих так: «*Рыдайте, габробаты*: означает, что персы – неженки, и мягко и изнеженно ступая, скорбите»<sup>6</sup>. Таким объяснением удовлетворились и современные словари, и переводчики.

Второй случай употребления слова ἄβροβάτης – это Эпиникий Гиерону Бакхилида, созданный через четыре года после «Персов»: постановка трагедии – 472 год, эпиникий исполнялся на Олимпийских играх в 468 г.

В эпиникии идет рассказ о конце Креза. Не желая стать рабом победителя, он взошел с женою и дочерьми на жертвенный костёр и воззвал к Фебу, пеняя ему на коварство оракулов.

«Так он молвил и приказал габробату  
Поджечь деревянный сруб» (48–49).  
Τόσ' εἶπε, καὶ ἄβ[ρο]βάταν κ[έλε]υσεν  
ἄπτειν ξύλινον δόμον.

Русский перевод М. Л. Гаспарова следует традиции переводов Бакхилида на разные языки и традиционному пониманию слова в словарях: «мягко ступающий» слуга или раб<sup>7</sup>.

Достаточно давно высказывались гипотезы об иранском «субстрате» слова «габробат» в «Персах» Эсхила и в Эпиникии Бакхилида. Впервые Ману Лойманн (Leumann) высказал предположение о том, что *габробат* есть переделка на греческий лад перс. имени *Awra-pāta* из *Ahura-pāta*, «Защищённый Ахурой» (Schmitt 1975: 208). Это толкование было включено в критический аппарат 5-го издания Бакхилида (Vaschylidis Carmina) и с тех пор воспроизводится в дальнейших критических изданиях. На переводы оно, правда, никак не повлияло.

Шмитт задаётся вопросом о том, засвидетельствовано ли где-нибудь в иранских источниках имя, подобное *Ahura-pāta*, и отвечает на него отрицательно (Schmitt 1975: 208). Греч. имена на *(h)αβρο-*, по его мнению, не дают ничего для *габробата*, поскольку сами они не имеют надёжных толкований (Schmitt

трагиков (Tragicorum Graecorum fragmenta, Fr. 60) мы встречаемся с другим исправлением: ἄβρατοῦς, и тем самым *габробата* тоже нет.

<sup>6</sup> Γοᾶσθ' ἄβροβάται. ἦτοι Πέρσαι τρυφηλοὶ καὶ ἄβρῶς καὶ τεθρῦμ-  
μένους βαίνοντες ὀδύρεσθε (Schol. in Aeschyl. (schol. recentiora) ad loc.).

<sup>7</sup> Так, и немецкий перевод Хервига Мелера (Maehler) от 1968 г. гласит: (leise gehenden Diener 'тихо ступающего слугу'), см. Schmitt 1975: 208.

1975: 212). С фонетической стороны непонятно, почему дифтонг *ai-* преобразовался в *ab*, тогда как обычная его передача в греческом – «o» (так, Ахурамазда = Ормузд) (Schmitt 1975: 213).

Поскольку в «Персах» есть ещё четыре греческих прилагательных сложных с *ἄβρο-*, причем вторые части очевидно греческие, Шмитт не считает нужным искать иного, негреческого объяснения и для *габробатов*. Он призывает «не только толковать Эсхила, исходя из Эсхила» (Schmitt 1975: 215–216), но и Бакхилида толковать, тоже исходя из Эсхила. Ещё в 1905 г. Р. Джебб в комментарии к изданию Бакхилида предполагал, что Бакхилид заимствовал, «подхватил» слово у Эсхила (Vaschylides (Jebb)). Ведь, по «Жизнеописанию» Эсхила, «Персы» были заново поставлены Эсхилом в Сиракузах по желанию того самого Гиерона, которому Бакхилид посвящает свой эпиникий. Это было ок. 472–469 г., во время первого пребывания Эсхила на Сицилии и почти накануне постановки Эпиникия Гиерону в 468 г. (Schmitt 1975: 214).

Поскольку Шмитт пришел к отрицательному выводу – персидского в *габробате* ничего нет – в работе «Имена иранцев у Эсхила», опубликованной через три года после статьи, он уже не упоминает *габробатов* и не ссылается на эту свою статью. Мы согласимся с первой частью тезиса: «понимать Эсхила из Эсхила», но не согласимся со второй. Если и не иранское, то «ираническое», в *габробатах*, возможно, всё-таки присутствует. Под «ираническим» мы разумеем изображение иранского «всеми доступными средствами». Издатели «Персов» отмечают, что в этой трагедии ионические формы не следует исправлять, так как такова была «воля Эсхила», считавшего, что персам удобнее или больше подобает говорить на ионийском диалекте (*tamquam Persis aptius foret Ionice loqui*) (Aeschylus (Sidgwick) 1971, 4).

Прежде чем предлагать «ираническую» гипотезу, укажем на некоторые трудности прочтения *габробата* из греческого, как у Эсхила, так и у Бакхилида.

Как полагает большинство учёных, у Бакхилида описано ритуальное «самоубийственное» жертвоприношение царя, потерпевшего поражение (Vaschylides: 195–7, 256–61). Это событие изображено на Луврской амфоре, датируемой рубежом VI–V вв.<sup>8</sup>: Крез в венке и пышном одеянии восседает на

<sup>8</sup> Louvre G 197 (см. Smith: 267–269; Jones: 84–85).

сложенном подобно срубам костра и совершает возлияние; некий человек, чье имя прекрасно читается ΕΥΘΥΜΟΣ (Евтим), подносит факел к костру. Если сопоставлять вазу с Бакхилидом, Евтим там делает то, что у Бакхилида – *габробат*<sup>9</sup>. Весьма деликатную, скорее всего жреческую роль на вазе выполняет Евтим, а у Бакхилида – человек, которого тот зовет *габробатом*. В страшном и торжественном действе участвует человек доверенный, приближенный к царю, скорее придворный, чем раб или слуга, как обычно его называют в переводах и научных трудах. Разве не странно, что к нему обращаются с каким-то эпитетом? Не по имени, не по должности? Причём эпитет этот сомнительного свойства. Зачем это он «мягкоступ»? Крадётся? Трусит? И почему, собственно, он раб или слуга?

Тут есть ещё одно любопытное обстоятельство. В оракуле, который Крез получил в Дельфах, он сам назван *ногонежным или нежноногим* (Herodot. Hist. 1.55.6–8):

Ἄλλ' ὅταν ἡμίονος βασιλεὺς Μήδοισι γένηται,  
καὶ τότε, Λυδὲ ποδαβρέ, πολυψήφιδά παρ' Ἑρμόν  
φεύγειν μῆδ' ἔμενειν, μῆδ' αἰδεῖσθαι κακὸς εἶναι.  
Коль над мидянами мул царём когда-нибудь станет,  
Ты, **нежноногий** лидиец, к обильному галькою Герму  
Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным

казаться

(Пер. Г. А. Стратановского)

*Подабр* семантически тождествен *габробату*, только местами поменялись составные части композита. Структура слова прозрачна, значение самопонятно и уничижительно, а построено оно по модели эпических, гомеровских слов, таких как *подарк*, *подарг*, но с вывернутой наизнанку семантикой. *Подарк* – это

<sup>9</sup> Дата вазы подтверждает большую древность версии принесения себя Крезом в жертву по отношению к Геродотовой версии, согласно которой Кир собирался Креза сжечь и пощадил. Торжественные посвящения себя богам, принесения себя в жертву вместе со всей семьей известны из Геродота (Богес 7. 107 и Гамилькар 7. 167); ср. Зимри в 1 Цар 16.18 и легенду о Сарданапале, последнем царе Ниневии (Fragmenta Historicorum Graecorum II. 505). Если выбор только из двух возможностей: казнь и пощада или жертвоприношение, тогда второе более вероятно, так как поддерживается более древней традицией и не противоречит религиозным запретам персов, почитавших огонь и не осквернявших его прикосновением к трупу.

постоянный эпитет быстроногого Ахилла, который встречается в Илиаде более 20 раз<sup>10</sup>, и ещё есть Подарг – имя быстрого коня Менелая (II. 8.185; 23. 295). Слово *ποδοβρός* не было подхвачено поэзией и может быть обнаружено только при цитировании этого самого оракула у более поздних писателей или у лексикографов, которые поясняют снова тот же оракул. Все пояснения слова вращаются в теме роскоши и изнеженности<sup>11</sup>, не уточняя, при чём тут ноги. Мы же полагаем, что слово *ποδαбр* искусственное, что оно придумано специально для этого оракула по эпической модели *подарк* и *подарг* ради насмешки, чтобы противопоставить быстроногого героя похода против Трои нежноному царю, «погрязшему в роскоши» лидийцу и варвару, войну проигравшему<sup>12</sup>.

Оракул позволяет сделать вывод, во-первых, о том, что «нежноногими» могут быть и цари, не только слуги, и, во-вторых, что это слово звучит как насмешка. Но если в вымышленном оракуле (а все эти оракулы играли с Крезом в жестокие игры) насмешка понятна, то для чего у Бакхилида Крез *так* обращается к своему доверенному лицу, восседая на собственном погребальном острове? До шуток ли тут? До обвинений ли в изнеженности в адрес своих околных и близких? То же самое верно и для Ксеркса. Кажется странным такое обращение Ксеркса к своим старейшинам. Уместно ли под самый конец трагедии говорить рвущим на себе волосы рыдающим старикам, что они «неженки»? Что у них – какая-то плавная походка или нежные ноги в конце, в сущности, погребального плача по

<sup>10</sup> Слово встречается как имя собственное у Гомера (II. 2.704 и 13. 693) и Гесиода (Fr 199.5 M-W) и многократно в формуле «быстроногий божественный Ахилл»; после эпоса подхвачено Пиндаром (Pyth. 5.33) и Бакхилидом (Dithyr. 5. 30).

<sup>11</sup> В папирусном фрагменте Каллимаха (Iambi 203.10-12) с известной уверенностью восстанавливается это слово, причем тоже, как и в оракуле в звательном падеже, но смысл фрагмента не прочитывается (Call. Iamb. 203. 10. Все прочие случаи, а возможно, и этот – это либо воспроизведение оракула (Diod. 9. 13. 2. 4, AG 14. 112. 2; Dio Chr. 13. 7. 2; Const. Porph. De sent. 290. 7; Schol. Hes. 45. bis. 23; Schol. Plat. Rp 566c 6), либо толкование и объяснения данного слова из оракула: EM 678.1-2; Them. 226. d.3.

<sup>12</sup> Время создания этого квазисторического, по формулировке Фонтенроуза (Fontenrose 114.), оракула установить невозможно. Ясно только, что он сочинён до Геродота и входил в предания о Крезе.

погибшему войску?! И кто это говорит? Спартанец? Нет, Ксеркс!

Тут мы возвращаемся к «иранской» гипотезе предшественников Шмитта, но при этом, во-первых, предполагаем, что за *габробатом* стоят не те персидские слова, какие предлагали до сих пор, и одновременно уходим от справедливых с фонетической точки зрения возражений Шмитта, а, во-вторых, не отказываемся и от греческого прочтения этого слова.

Подобная «беспринципность» обусловлена отличием наших задач от задач собственно лингвистических. Вместо того чтобы извлекать из «Персов» и вообще греческих источников достоверную историческую информацию по персидской и иранской ономастике, мы намерены проследить, как в поэтике трагедии, строящейся на двусмысленности и двузначности, находит свое место «этимологизация» и игра, основанная на сопряжении разноязычных слов и смыслов.

## II. «Персидская» поэтика «персов»

В «Персах» происходит первое массивное вторжение ираноязычной лексики и ономастики в греческую литературу. Имена вождей и царей подаются Эсхилом в четыре приёма, в четырёх каталогах, подражающих Гомеру. Тень Дария вспоминает и называет поимённо (мидийско-) персидских царей (стт. 759–786). Имена их до Эсхила в греческой литературе не встречаются. Кроме того, в начале, ближе к середине и в конце пьесы есть три каталога персидских вождей. В стт. 21–51 перечисляются 17 персидских и других «экзотических» антропонимов; в стт. 302–330 – ещё 19; в плаче (стт. 958–999) – ещё 29. Некоторые имена повторяются в этих каталогах, так что разных имён 49 (при этом ни один греческий герой не назван), а всего экзотические имена звучат 65 раз, не считая имен царей. Кайпер (у него несколько иные цифры, но абсолютная точность нам сейчас и не важна) считал, что иранских среди них 42, 10 грецизированы, а 3 не имеют ясной этимологии: ни иранской, ни греческой (Keiper: 175–299).

Современные исследования показали, что лишь несколько из этих имён встречаются в персидских источниках, а 18 – в других греческих (Broadhead: 318). Это обстоятельство чрезвычайно важно. Во-первых, как известно, лишь малая доля реально существовавших имён засвидетельствована персидскими письменными источниками, а это значит, что имена, звучащие по-гречески, могут скрывать незасвидетельствованные иранские

имена. А во-вторых, у Эсхила, участника войны с Персией, и у его слушателей, переживших её сравнительно недавно (с момента Саламинского сражения прошло всего 8 лет), был свой набор «типично» персидских имен, звучавших «по-персидски» и вызывавших ассоциации с Персией<sup>13</sup>. Так и народное именование гитлеровских солдат «фрицами» опиралось на языковую интуицию русских, а не на анализ частотности этого имени у немцев.

Древние понимали, что Эсхил не только переделывал персидские имена греческий лад<sup>14</sup>, он и выдумывал их<sup>15</sup>, а иногда играл ими сознательно. Наиболее очевидный случай – имя царя Кира (Κῦρος), великого властелина (ст. 768). Уже сама передача этого имени в греческом характерна: долгий гласный в корне греч. слова соответствует краткому в перс. оригинале. Почему долгий? Да для того, чтобы Κῦρος стал звучать как κῦριος, «господин», «властелин»<sup>16</sup>.

Как мы знаем из позднейшей греческой историографии, грецизация и ложная этимология персидских слов и имен, в том числе слов на -βάτης из иран. *-pāta-* (Schmitt 1967: 142), происходила повсеместно, но у Эсхила она, по нашему мнению, служила трагической иронии.

<sup>13</sup> Геродот, писавший свою историю несколько десятилетий спустя, тоже даёт каталог персидских вождей (7. 61–97), содержащий 39 имён. При этом только четыре имени у Эсхила и Геродота совпадают. С точки зрения исторической достоверности каталог Геродота заслуживает большего доверия. Но Эсхил сочинял «религиозную» трагедию, а не историческое повествование, и ему важно было лишь то, чтобы многочисленные варварские имена «звучали по-персидски» – разумеется, для греческого уха той эпохи. По каким-то не вполне ясным причинам первый каталог иранских имён в пародии (стт. 21–51) точнее и достовернее, чем каталог в плаче (стт. 958–999): Schmitt 1978b, 71.

<sup>14</sup> Так обстоит дело, например, с персидским именем Artafarna- ‘обладающий фарном Истины’, а также с другими именами на -φρένης и -φέρνης: Ἄρταφρένης, Ἴνταφέρνης. Вторая часть их понималась как греческое φρήν ‘разум’, ‘дух’.

<sup>15</sup> Так, в одном из схолий к Эсхилу утверждается: «одни имена он передал точно, а другие выдумал» (τὰ μὲν ἰστόρησε, τὰ δ' ἔπλασε). Это мнение поддержали и пионеры иранской ономастики, А. Ф. Потт и Ф. Юсти. Прежде всего это относится к семи именам, содержащим звук «l», чуждый древним иранским языкам (Schmitt 1978b: 21).

<sup>16</sup> См., в частности, Schmitt 1978b: 27.



*1. Поэтика сложных слов, повторов и лейтмотивов*

Общеизвестно, что Эсхил имел пристрастие к сложным словам-неологизмам. Значительная часть Эсхилевых композитов больше нигде не засвидетельствована. Схолии, лексиконы и цитаты не в счет, а появление иных образных составных слов в эллинистической литературе всегда вызывает подозрение в том, что через школьную «программу» они попадают в прозу напрямую из Эсхила. Необычное сложное слово, особенно окказиональное сложное слово, то есть созданное здесь и сейчас и при этом прозаичное по смыслу из-за ясности его частей, имеет больший вес и особую выразительность. Тем заметней повторения сложных слов и как частный случай – перекомбинация частей и повтор этих частей. Такие составные слова «красуются», они себя показывают, привлекают внимание.

Действие «Персов» весьма ограничено, здесь два актера, больше половины текста – пение хора, больше половины оставшегося – рассказ Вестника и Дария. Характеры очерчены очень бегло, и, вероятно, поэтому трагедия опирается на поэтику лирического жанра. Конфликты и перипетии, столкновения и встречи происходят между словом и словом, образом и образом, которые проявляют и вычерчивают основную трагедийную мысль: вознесение, в котором человек не чувствует опасности, хотя всё подсказывает ему о ней и намекает на неё, и затем – низвержение с этой высоты. Чтобы на протяжении столь большого лирического произведения повторы были ощутимы, их должно быть много. Если в кратком лирическом произведении довольно одного повтора, то в трагедии придется повторить трижды и четырежды, чтобы послание достигло слуха адресата (См.: Cliffton; Winnington-Ingram; Kelley).

Продемонстрируем приём «двуслойного» слова и разворачивание второго смысла на протяжении трагедии с самых первых её строк. Трагедия начинается с упоминания Земли Эллады, а заканчивается упоминанием Земли Персиды (1–2 и 1074). «Персов, ушедших в землю Эллады», – говорит хор<sup>17</sup>. Но таков только первый смысл, а второй получается потому, что οἴχομαι значит не просто «уходить», но «уходить далеко, исчезать», и

---

<sup>17</sup> Стт. 1–2 Τάδε μὲν Περσῶν τῶν οἴχομένων  
Ἑλλάδ' ἐς αἴαν πιστὰ καλεῖται.

без управляемого слова – «погибать» и «умирать». Если же перед нами причастие с артиклем, как в этой строке, τῶν οἰχομένων, то так, «ушедшими», называли покойников, умерших. Однако есть управляемое слово: ушли в землю Эллады, поэтому второй смысл дан только намёком. А в ст. 59 после описания всего пошедшего на Элладу огромного многоплеменного войска говорится: «Цвет мужей земли Персиды ушёл». И уже не сказано, куда ушёл. Значит, читаем второй смысл: погиб и умер цвет мужей Персиды. Слова хора предвосхищают события, в частности, благодаря этому двойному смыслу. Вот Атосса говорит о своем сыне, что тот снится ей с тех пор, как ушёл, «желая погубить землю ионян». Атосса говорит, как оракул, двойственно, ведь можно понять и так: «с тех пор как погиб, желая погубить землю ионян». И вот, наконец, появляется вестник: «Цвет персов, павши, уходит»<sup>18</sup>. Так врачи говорят о больном, у которого остановилось сердце. Ясно, куда он уходит, этот цвет: в Аид.

Старцы плачут о жребии (смерти) ушедших. Теперь жребий смерти назван – это мóρος, и потому в «ушедших» сохраняется в какой-то мере обычный смысл: смерть ушедших от нас – в Элладу, и в Аид<sup>19</sup>. И вот уже Ксеркс кричит: «пусть бы ты, Зевс, меня мойрою смерти накрыл вместе с ушедшими мужами»<sup>20</sup>. В последних двух случаях скрытая смерть ушедших уже не скрыта, она названа прямо.

Так, достаточно предсказуемым образом, соотнесены парод и эксод с его коммосом, рассказ хора о пышном походе блистающего войска на Элладу, в котором спрятаны проэкономические указания на грядущую гибель, и финальный плач, в котором все предвосхищения «оправдались» и ушедшие в землю Эллады стали просто ушедшими, т. е. умершими.

## 2. Сложные слова на -батес и абро-

Интересующее нас слово находится в эксоде. Получив модель лексической «интриги» на слове «ушедшие», мы рассмотрим далее слова на -батес, и на абро- и проследим, как «подготавливается» в пароде и пьесе в целом эксод и необычное слово

<sup>18</sup> Ст. 252: τὸ Περσῶν δ' ἄνθος οἴχεται πεσόν.

<sup>19</sup> Ст. 546: μόρον τῶν οἰχομένων.

<sup>20</sup> Стт. 915-917: εἶθ' ὄφελεν, Ζεῦ, κάμῃ μετ' ἀνδρῶν / τῶν οἰχομένων / θανάτου κατὰ μοῖρα καλύψαι.

или даже два слова в этом финале. Эсхил заслуживает того, чтобы мы не предполагали у него выражений случайных, неуместных, нелепых.

Трагедию завершает длинный плач Ксеркса и хора старейшин. На все лады варьируются призывы плакать, рыдать, вопить, рвать на себе волосы, в последних строках всякое содержание вытесняется междометиями и воплями (стт. 1066–1077):

Ксеркс: Кричи, эхом на мои вопли!

Хор: Ой ой ой!

Ксеркс: Ступай, плачущий (αἰακτός) по домам.

Хор: Йоо йоо! [Персия земля (αἶα) злосчастная (δύσβατος)!]

Ксеркс: «Йоо-йоо»<sup>21</sup> по городу.

Хор: «Йоо-йоо», и точно, да-да.

Ксеркс: Вопите, мягкоходы (ἄβροβάται)!

Хор: Йоо йоо! Персия земля (αἶα) злосчастная (δύσβατος)!

Ксеркс: Ээ ээ! в три ряда вёсла, ээ ээ! на кораблях погибших.

Хор: Пойду за тобой с воплями горезвучными (δυσθρόοις).

На этом трагедия завершается.

Переводчики не всегда передают все эти строки с воплями, которые никуда не продвигают действие и словно топчутся на месте<sup>22</sup>. Но в оригинале концовка вовсе не так скучна, как в переводе, здесь очень много словесной игры и, как кажется, есть пара слов «с двойным дном». Фонетическая ткань концовки тщательно продумана. Это то место, которое запоминается.

Тема плача, конечно, сам плач. Не только глаголы «кричать» и «вопить» образованы от звукоподражательных основ, Эсхил насыщает междометными слогами и немногочисленные здесь значащие слова: «плачущий» – αἰακτός, земля – αἶα, а чтобы призыв – отвечать, «словно эхо», реализовался, слово δύσβατος откликается на ἄβροβάται перед ним и отзывается в δυσθρόοις после него. Некоторые издатели повторяют строку «Персия земля (αἶα) злосчастная (δύσβατος)» дважды, и в таком случае на 7 строк δύσ- повторяется трижды (заметим, что слов на δύσ-

<sup>21</sup> ἰωὼ – двойственное число, которое обозначает такой дубликацией обобщение, «вопли», как русск. «ахи и охи».

<sup>22</sup> В русском переводе С. К. Апта строка с мягкоступами-габробатами вообще пропущена: Эсхил, 122–123.

до выхода Вестника нет, а после – в изобилии, а в концовке – в концентрации). Переводы не могут передать слишком тесной связи поэтического искусства с языковой материей. Тем неожиданней в таком продуманном и при этом внятном поэтическом фрагменте два странных слова: *δύσβατος* и *ἀβροβάται*.

### 3. Этимология *ἀβροβάτης*

Сами греки понимали *-βάτης* как производное от глагола *βαίνω* ‘идти’. По образцу, например, гомеровского Эврибата (*Εὐρύβατης*) – Широкоступ, Скороход. Таких слов и имен в греческом достаточно, они не часты, но и не редки и, как правило, прозрачны по смыслу. Персидских имён, заканчивающихся в греческой передаче на *-βάτης*, десятки, причем за единообразным греческим *-βάτης* (иногда *-πάτης*) стоит, как правило, либо иранское *-pāta*, ‘защищённый, находящийся под покровительством’, как *Μεγαβάτης* и *Βαγαπάτης* ‘защищённый богом’<sup>23</sup>, *Μιτροβάτης* ‘защищённый Митрой’ (Schmitt 1982: 23, 24); *Ἄρταβάτας* и *Ἄρταβάτας* «Защищённый Истиной» (Hinz: 214) (его персидская форма: *arta-pāta*) и др., либо *-pati* ‘господин’.

Естественно, что вместе с именами в лексику «Персов» вторгается и переводная титулатура: «владыка владык», «тысячначальник», «тмоначальник» (т. е. начальник десяти тысяч), «Царёво Око»<sup>24</sup>. Компонент *pati-* участвует в наименовании целого ряда должностей. Геродот перечисляет персидские воинские звания: *δεκάρχης* = *\*dathapati*; *ἐκατονάρχης* = *\*thatapati*; *χιλιάρχης* = *\*hazārapati*; *μυριάρχης* = *\*baivarpati*. Всё это самые настоящие переводы персидской титулатуры (Herod. 7. 81). Впрочем, встречаются и транслитерации, как например, общеизвестное «сатрап» из перс. *xša-grapā-*, а Гесихий сохранил форму *\*hazārapati* в виде *ἄζαραπατεῖς* (s.v.) и пояснил эту должность

<sup>23</sup> Schmitt 1978b: 41–42. Предлагались и другие толкования, вроде *Bagapatiš* (Абаев 270) и *Bagarātiš* (Cameron, 95). Однако оба эти варианта Р. Шмитт отвергает в силу прежде всего семантических трудностей («что такое ‘Господин бога’?»).

<sup>24</sup> Ст. 666: *δέσποτα δεσποτᾶν* = *xšāyaθiya xšāyaθiyānām*; ст. 304: Дадак «хилиарх» = *\*hazārapati*; ст. 314 : Маталлос «мирионтарх» = *\*baivarpati*, причем в ст. 993, Ксантис, обладатель той же должности, назван «мириотагом»; ст. 979 Аллист, «верный во всём глаз царя» (ср. Лже-Артабас, «Царёво око», у Аристофана: Acharn. 93 и др.).

как «докладывающие о посетителях у персов».

Принадлежащие к разным склонениям и с разной долготой *a* иранские имена на *-pati* ‘господин’ и на *-pāta* ‘защищённый’ грекоязычные авторы подвёрстывают под привычную собственно греческую модель на *-βάτης*, а разница долгот на письме не отражается.

Но что же значит *габробат* «по-персидски»?

Р. Шмитт, как и многие другие, обратил внимание на то, что в «Персах» Эсхил сочинил ещё четыре слова на *габро-* причем здесь это греческий компонент слов целиком греческих. Первое слово, *ἄβροδαίτων*, (ст. 41) характеризует лидийцев – законодателей роскоши: *ἄβροπενθεῖς* – «нежноскорбящие» – говорится о персидских женах, горюющих о своих воюющих мужьях (ст. 135); потом *ἄβρόοοι*, они же уже не *нежно скорбят*, но *нежно воят* (ст. 541), вспоминая погибших мужей, с которыми делили ложе, устланное *ἄβροχίτωνας*, «нежными хитонами» (ст. 54). Ни одно из них не встречается до Эхила, два так и остались Эхилловыми гапаксами, одно попадает у лексикографов и нескольких поздних учёных поэтов, и только *ἄβροδαίτων* стало широко употребляться, но в послеклассическом языке: после Эхила в V–IV вв. единичные случаи, в III–II вв. вообще не засвидетельствовано. Но зачем Эсхил так настойчиво повторяет слова на *габро-*?

Погибшего при Фермопилах брата Ксеркса греки называли Аброком (*Ἀβροκόμης*)<sup>25</sup>. Таким его имя попало в традицию, видимо, в ионизированной форме (утрата густого придыхания) и с заменой основы на *-a* основой на *-o*<sup>26</sup>. Если понимать его как греческое, то он *Нежнокудрий*.

Это не замена персидского имени греческим. Такого греческого имени вплоть до героя романа Ксенофонта Эфесского, т. е. до II или III в. н. э. нет! Это прилагательное, «нежнокудрий», которое Еврипид, например, применяет к кроне финиковой

<sup>25</sup> Herod. 7. 224. Был и другой перс, носивший имя *Ἀβροκόμος* – сатрап Артаксеркса (Xen. Anab. 1. 3. 20. 3; 4. 3. 5; 4. 5. 4; 4. 5. 5; 4. 18. 3; 7. 12. 3; 7. 12. 6; Isoc. Pan. 140. 6). Таким образом, мы видим, что эллины определенным образом передавали определенное персидское имя, прочитывая его по-гречески, но слегка варьируя.

<sup>26</sup> Такая же замена *a* на *o* произошла, напр., в имени *Ἄρτοξέρξης* и в других случаях (см. Schmitt 1967: 133).

пальмы<sup>27</sup>. Значит, имя принца «услышали» как это прилагательное. Имя убитого греками царского брата, Аброкома, должно было быть на слуху. Такие имена обсуждались, «звучали». Их не просто приспособили к эллинским морфемам сходного звучания, но пропустили через определённый семантический фильтр: греческие имена персидских принцев отвечают образу аристократической пышности и утонченности. Ведь есть и второй погибший при Фермопилах принц. Его имя Гиперант (Ἵπεράνθης), Сверхцветок. «Нежнокудр» и «Суперцветик»<sup>28</sup>. Разумеется, и *Гиперант* скрывает некое персидское имя<sup>29</sup>.

Не потому ли Эсхил насыщает свой текст (*ε*)*абро*-словами? В них содержится аллюзия и на грецизированное имя павшего царского сына, и на образ восточной аристократии и роскоши. Так Sprachkrieg получает двойное звучание: за мотивом войны с иноземцами встает мотив совсем иной войны, «гражданской», внутриволистной.

Аброком, младший брат Ксеркса и, возможно, второй по старшинству мог называться \**Apara-kāta* – «Желанный вторым» (сын). *Apara* – *следующий, второй, младший*. Хотя такого имени в иранских источниках не засвидетельствовано, тем не менее, известно, во-первых, авестийское имя *Apara-zāta* – «Рожденный вторым», «Младший», а, во-вторых, известны такие имена, как Ἄρτακόμος – «Любящий закон» и Ἄρτακόμα – «Любящая закон»<sup>30</sup>, от *arta* – *закон* и *kāta* – *желание*. Таким образом, в персидских и иранских источниках засвидетельствованы имена как с первым, так и со вторым компонентом

<sup>27</sup> Eur. Ion 920; I. T. 1099; Hesych. Lexicon alpha.196. Нельзя сказать, что прилагательное очень распространенное, хотя его можно найти у поэтов Антологии, Нонна Панополитанского, Павла Силенциария, у орфиков, в оракулах.

<sup>28</sup> Не можем не обратить внимание на то, что герои эллинистического романа Ксенофонта носят имена Габроком и Антия – Нежнокудр и Цветок. Более того, имя Гиперант тоже является именем одного из героев этого романа и встречается как имя только и исключительно в нем. Опра автора романа, который носит имя афинского историка Ксенофонта, на имена из Геродота совершенно очевидна.

<sup>29</sup> Юсти первым высказал догадку, что за этим скрывается перс. \**hubaranta*- 'хорошо ездящий верхом' – отличное имя для принца! См. Schmitt 1967, 135.

<sup>30</sup> Ср. персидские имена, Xen. Cyt. 2.1.5.3; 8.6.7.6; Xen. Anab. 7.8.25.3; Arrian. 7. 4. 6. 3; Phot. Bibl. 9. 68b 13.

предполагаемого персидского \**Apara-kāta*, которое греки переделали в Аброкома. Известно также персидское имя Ἀβραδάτας, обладатель которого выведен в «романе» об Абрадате и его жене Панфии в «Киропедии» Ксенофонта (5.1–6.4). Абрадат – царь Суз и союзник ассирийцев в войне против Кира Старшего, перешедший затем на его сторону; он пал в битве с египтянами, союзниками Креза.

Форма *Абрадат* указывает на позднее древнеперсидское произношение \**Apara-dāta* – *дарованный после, младший* (ср. снова авестийское *Apara-dāta* – *рожденный вторым, младший*). Весьма вероятно, что Ксенофонт, воевавший на стороне Кира *Младшего*, знал такую его кличку, соответствующую греч. Νεώτερος (Brunner: 228). Для подтверждения перехода *Apara-* в *Abra-* можно сослаться на лидийское имя *Abarna-* от иран. *apara-* «младший», в эламской передаче *Ha-ba-ra* (Schmitt 1982, 29, № 1). Известна также форма *Abarna-*, которая имеет несколько вариантов толкования, и среди них – от перс. *apara-* ‘младший’, N. gr. Элам. *Ha-ba-ra* = \**Apara* (Schmitt 1982, 29).

Надо сказать, что в персидской антропонимике имена на -δάτας имеют часто те же первые части, что и имена на -βάτης, они существуют как бы парами, например: Артапат/Артабат и Артадат, Митробат и Митрадат, Мегабат и Мегадат. Поэтому вполне можно предположить рядом с Абрадатом и Абрабата, грецизированного подобно Аброкому как Абробат.

Итак, складывая вместе *apara-* и *pati-*, мы предполагаем, что *габробаты* – это персидский титул, *aparapati* – *младшие владыки*, «придворные».

Персидский царь именовался «царём царей», или «владыкой владык», поэтому для его придворных подходят титулы вторых по порядку царей или *младших владык*. Разумеется, это только гипотеза, и пока не обнаружена надпись с *Aparapati-/Aparapata-* или иной аутентичный источник, нельзя быть уверенным в существовании такого иранского слова, титула или имени. Но поскольку Эсхил имена персов придумывал, а часть *Абро-* в имени принца Аброкома и часть *-батес* для персидских имен и титулов были ему хорошо известны, он мог составить такое псевдо-персидское, «ираническое», слово и сам.

## 4. «Ираническая» поэтика «Персов»

*Габробат* и *дюзбат* не единственные слова в «Персах» на *-батес*, *-батос*. Вместе с двумя словами из финала в «Персах» десять слов на *-батес* и еще четыре раза звучат Агбаты (Экбаты). Но три слова повторяются: персидское имя Мегабат (Μεγαβάτης, стт. 22, 983), *навбаты* (375, 1011) и, возможно дважды, *дюзбаты* (стт. 1069, 1074). Есть еще одно имя перса Агбат (960), и еще одно слово на *-батес* – *агдабаты* (924: ἄγδαβάται). Последнее обладает несомненной «персидскостью», хотя значение его туманно. Издатели ставят на этом месте крест. Древние комментаторы сообщают, что агдабаты – могучее персидское племя, которое полностью погибло.<sup>31</sup> Три упоминания персидских имен и агдабаты вместе Агбатанами создают «персидский фон» для слов на *-батес*. И в игру вступают греческие слова на *-батес*: *дюзбаты*, *гиппобаты*, *елейобаты* и *навбаты*, которые получают «ираническое» звучание за счет второй части композита и при этом получают дополнительный второй смысл.

*Габробатам* и *дюзбатам* эксода противостоят *гиппобаты* и *елейобаты* (26 и 39) парода в пышном описании идущих на войну народов и войск. Но при ближайшем рассмотрении в этих словах с персидским «звучком» таится дурной или зловещий смысл.

*Гиппобаты* всегда понималось переводчиками Эсхила как «всадники». Могучие лучники и конники. Так понимают его и схолиасты и Гесихий. Но вообще говоря, для всадника есть другое слово, ἵπλεῦς, а *гиппобат* в значении «всадник», кроме как в этом месте, практически не используется. Зато в ряде контекстов, у авторов, писавших о конях, а также у Страбона<sup>32</sup> это слово означает осла, который покрывает кобыл, а соответствующий глагол означает «покрывать лошадей»<sup>33</sup>.

<sup>31</sup> Один древний комментатор говорит так: «Агдабаты, ибо погибли» (Scholia vetera ex Cod. Mediceo 32.9. v. 926, 5). С опорой на этого схолиаста и на упоминание рядом Аида, Г. Германн исправил в свое время *агдабатов*, на *айдобатов* – «входящих в Аид». Конъектура остроумная, но принимать её необязательно.

<sup>32</sup> См. Hipp. Berol. 14.2–5. Т. 2 и Eutecn. Soph. Paraphr. Opp. 14.22; Strabo 8. 8. 1.16.

<sup>33</sup> AP 9. 317; Theocr. I.187 ; ср. ὀνοβάτεω: Xen. Eq. 5. 8, Poll. 5. 92.



Действительно, глагол βατεῖν имеет отношение к случке, а не к верховой езде. И кентавры, которые у Еврипида именуются *гинпобатами* (Eur. I. A.1059), – это не кентавры-всадники, как понимают (вернее, целомудренно *не* понимают) переводчики. Как это кентавры будут всадниками? Сядут на лошадь? Кентавр – это не человеческая часть кентавра, а человек+лошадь. О кентаврах сказано другое: что они сходятся с лошадьми. Итак, Эсхил, назвав персов *гинпобатами*, сказал слово с двойным дном. В ряду с *токсодамантами* – «властелинами стрел», по аналогии с *навбатами* – «всходящими на суда», *гинпобаты* могут «смотреться» как всадники, хотя намекают в то же время и на другой, скорее всего уничижительный смысл. Вместе с тем и здесь мы можем предположить иранский подтекст. Так, в надписях из Персеполя засвидетельствовано слово *\*asapati-* ‘господин коней’. Это может быть названием профессии, вроде «конюха», и притом титулом придворного конюшего. К нашему сожалению, в иных иранских источниках подобное слово практически не встречается, что несколько озадачивает: ведь в древнеиндийском, напр., такая словобразовательная модель использовалась широко: это и *asvapati-* ‘господин коней’, и *gajapati-* ‘господин слонов’, что в эллинистическую эпоху будет переведено на греческий как ἐλεφαντάρχης, «слононачальник», и проч.<sup>34</sup>

Кроме того, слова на *-батес* характеризуют людей из могучего войска, над которыми нависла опасность. *Елейобаты* – это разумеется тоже гапакс, встречается только у Эсхила и его схолиастов: «болотоходы». С одной стороны, так названы египтяне, которые, по словам схолиастов, живут на болотах в

<sup>34</sup> Едва ли не единственная, но весьма сомнительная параллель – это имя одного из праведных иранских владык, которому был передан фарн (Yt. 13. 116). Его звали *Aspōradōmaxšti*. Этот необычный антропоним так и не нашёл себе однозначного объяснения, хотя в нём пытались видеть элемент *Spō.padi-* ‘Владыка коней’. В таком случае это имя следовало бы толковать как «Коневлад Макштиевич», т. е. «сын Макшти». Однако обычно такое толкование отвергается (см. Mauryhofer 1979, S. 61, № 33 (*Aspōradōmaxšti*); № 220, № 294: *Spōrad*. Разночтения: *aspōradō* и *spōradō*. (AirWb 1623). Если всё же предположить, что за этим именем скрывается нечто вроде *\*aspa-pati-* ‘господин коней’, тогда придётся признать, что греческое *гинпобат* наполовину переведено, наполовину же передано звуковым соответствием с иным смыслом.

Дельте Нила. Может быть, и так. Но жители болот звучанием напоминают о жалости, ἔλεος, а значением вызывают опасение за их жизнь. Не так-то просто ходить по болотам. Таким образом, вместе с персидским «звучанием» слов на *-батес* в гордое описание войска проникают опасные ноты.

Уже не в пародии, не в столь ответственной позиции, дважды упомянуто обычное греческое слово *навбаты*, первый раз о персах, второй об ионийцах (375 и 1011), встреча с кораблями которых была так трагична. Морское Саламинское сражение и гибель там кораблей и корабельщиков – центр рассказа Вестника. Нет, хождение по морю ничуть не надёжнее хождения по болотам. И те слова на *-батес*, в которых ничего иранского нет, встраиваются в ряд персидских слов и имен на *-батес* и создают серию, куда входят собственно персидские слова, псевдоперсидские, «иранические» двуязычные слова и греческие говорящие гапаксы.

Как было сказано, в финале есть ещё слово *дюзбат*. Никому не придет в голову искать какой-либо иранский прототип за словом δούβατος, оно безусловно греческое и само по себе вполне обычное. Не совсем обычным выглядит его применение к Персидской земле. Означает оно «труднопроходимый», «труднодоступный». «Труднопроходимая земля Персии»? Для кого? Ведь это персы говорят о Персии.

Словари среди его значений предлагают «злосчастный», ссылаясь исключительно на это место у Эсхила. Лексикографы не могут понять, при чём тут труднодоступность и труднопроходимость. Значит, здесь у Эсхила слово приобретает особый, более нигде не встречающийся смысл?<sup>35</sup>

А что если здесь за обычным греческим словом просвечивает персидское, как за *габробатом* – *aparapati*? Если взглянуть на δούβατος с этой точки зрения, тогда можно увидеть за ним нечто вроде \**duš-pāta*- ‘плохо защищённая’. Правда, такое слово у Бартоломэ (AirWb) не засвидетельствовано. Но, если Эсхил осознавал, что может стоять за композитом с -βατης, он

<sup>35</sup> Издатели старались найти такому слову замену. Так, Г. Вайль (H. Weil) издавший Эсхила в 1858, заменил δούβατος на δούβαυκτος от βαύζω – *лаять, тявкать, ворчать и роптать*. Это слово встречается в «Персах», ст. 572 и относится к ἀὐδή – *голос, пение, слова*. Повторять его здесь вопреки рукописной традиции нет нужды.

мог выбрать именно это греческое слово, чтобы вложить в него и иной, дополнительный, «иранический», смысл.

Вот это отлично подходит к тому, что должны бы говорить старики о своей родине. Конфликта старейшин из хора и Ксеркса нет на сцене, но он, как и в других случаях, перенесён в конфликт лексики. Таким образом, в «ираническом» плане для младших владык, для *aparapati*, то есть вельмож, земля Персии плохо защищена, а на уровне эллинской речи для тех, кто «нежно ступает», земля Персии труднопроходима. Так и идёт среди вопля и плача текст со своеобразным «синхронным переводом». Старейшины, говорят о том, что по земле родины им теперь тяжело ходить, но намекают и на то, что Персию плохо защищает царь. Ксеркс, обращаясь к ним, вельможам, с «ираническим» словом-титолом, в тоже время выговаривает и эллинское обвинение варварам в изнеженности. А «труднопроходимая земля» и «нежноходы» создают на греческом «связный текст».

В характерную для трагической поэзии двусмысленность и «двудонность» Эсхил ввел в «Персах» в неслышанном прежде масштабе усвоение, переосмысление и использование «варварской», вражеской речи<sup>36</sup>. *Габробаты* и *дюсбаты*, а возможно, и *гиппобаты* – это слова с двойным дном, греческие, но намекающие на персидские, на второй смысл, на иное значение при близком звучании. Так ведётся у Эсхила изошрённая Sprachkrieg, в которой слова одного языка, словно лазутчики, незамеченными прокрадываются в стан другого.

Однако стан здесь не только персидский и эллинский. Идеализация Дария и осуждение безрассудного Ксеркса подозрительно напоминает совсем недавний конфликт афинян и детей Писистрата. О Писистрате принято было помнить с почтением, жизнь при нём была как жизнь при Кроне, но его дети Гиппий и Гиппарх вызывали общее и резкое осуждение (Aristot. Ath. Pol. 167; Plato, Hipparch. 229 b).

---

<sup>36</sup> То же, но с комическим эффектом делает Аристофан, когда на смеси персидского и греческого говорит Псевдо-Артабас в «Ахарнянах» и Скиф-лучник в «Фесмофориязусах».

## III. Поэтика и политика

## I. Аристократы и варвары

Знаменательная история слова ὄβρος давно привлекла внимание филологов. Впервые оно встречается в стихе, приписываемом Гесиоду. Речь идет о реке Партении (Девственнице), которая так неслышно течёт, «как идёт нежная дева» (Fr. 339 M-W).

Слова сложные с ὄβρο-появляются в лирике<sup>37</sup> и, за исключением ὄβροδίαλος и ὄβροκόμης, все оказываются если не гапаксами, то, во всяком случае, окказиональными немногочисленными образованиями с прозрачной внутренней формой<sup>38</sup>. На истории этих слов можно проследить, как отношение к роскоши менялось от восторженного к презрительному.

Для роскоши есть два главных словесных выражения: производные от ὄβρος (может быть, без аспера) и от τρυφή. У лексикографов (Зонара, Фотий, Гесихий, Суда, Лексика Севериана) слова первого гнезда объясняются через слова второго, ὄβρος через τρυφερός. И тем не менее они отличаются: первое говорит скорее об изяществе и природной красоте, породистости, о стиле и даже стильности, хотя может получать и уничижительные коннотации развращённости, изнеженности и женственности (применительно к мужчинам). *Габросюне* поясняется в частности через слово φαίδροτης – ясность духа, веселое настроение, а *габрос* у тех же лексикографов через λαμπρός, ἀπάλος, блестящий и нежный, а не изобильный и пышный. Тρυφή не содержит в себе легкости.

Добродетельная женщина может носить имя (Г)абросине<sup>39</sup>. А женское имя Трюфе в классическую эпоху встречается у комиков Аристофана и Алексиды и представляет собою олицетворение чувственного удовольствия<sup>40</sup>, как и вымышленное имя

<sup>37</sup> У Сафо: Fr. 2. 14; 44. 7; 58. 25; 84. 5; 100. 1; 128. 1; 140a.1 Lobel-Page; у Алкея: Fr. 41. 2; 42. 8 Lobel-Page; у Анакреонта: Fr 2,1.1; 28. 2; 28. 3; 116. 1 (Page); у Стесихора: 35.2 (Page).

<sup>38</sup> Chantraine 1968, там же, считает слова сложные с ὄβρο- поэтическими изобретениями ad hoc. По мнению Lombardo 1983 1083–87, прилагательное *габрос* встречается раньше и шире, чем формы существительных.

<sup>39</sup> AG, Appendix. Epigrammata sepulcralia, 587 и в надписях: Inscr. 2223 Parpe.

<sup>40</sup> Arph. Thes. 973, Athen. Deipnosoph., 10. 431 b (фрагмент Алексиды).

корреспондентки «Деревенских писем» Элиана (№№ 11 и 12); а Трифера – это, скорее всего, имя гетеры (AG 5. 154 и 185). Труφή – другая роскошь, она предполагает изобилие, прежде всего материальных благ, съестного, в этой роскоши велика доля чревоугодия, лени и сладострастия. Этим термином описывали обычно жизнь сибаритов и варваров всякого разбора.

Но если авторы, например, Геродот, слова труφή не знают<sup>41</sup>, то в описании различий между персами-победителями и лидийцами-побежденными или греками-победителями и персами-побежденными, побежденные оказываются носителями *габросюне*<sup>42</sup>.

*Габротес, габросюне* характеризует стиль жизни, усвоенный греками Малой Азии и восточных островов от их соседей, особенно лидийцев, причем этот стиль жизни был воспринят эллинскими аристократами сперва в восточных областях<sup>43</sup>, а затем распространился и далее и служил сословию для того, что теперь любят назвать «самоидентификацией» (Mazzarino: 191–246; Lombardo, Kurke 1992: 91–120). Сафо обожает *габросюне* (Fr. 58. 25. Lobel-Page), и завидна доля того, кто может, как говорит Солон, γαστήρι τε καὶ πλευραῖς καὶ ποσὶν ἄβρᾶ παθεῖν: «Чреву, бокам угождать, холить и ноги свои»<sup>44</sup>.

Наречие ἄβρῶς определяет то, как смешивает Киприда в золотых сосудах вино (Сафо), как играют на лидийском инструменте пектиде (Анакреонт), как поют гимны, избравши фригийский лад (Стесихор), а прилагательное определяет мех, которым укутывают девушку, Харит, Адониса и Андромаху (Сафо), деву (Алкей), шею, на которую падают локоны, и «девчонку» (Анакреонт), Эрота, в многоцветных митрах, которого поэт намерен воспевать (Анакреонтика 1. 1). Анакреонта, как известно, пригласил в Афины тиран Гиппий, прислал даже за ним корабль.

<sup>41</sup> Слова труφή не знают также Эсхил и Софокл, но оно часто встречается у Аристофана и Еврипида, то есть несколько позже, см. Kurke 105, note 58.

<sup>42</sup> Там же. 1. 71, 155, 157; 9.122.

<sup>43</sup> Suda, Lexicon iota. 495. 2: Ἰωνικῶς, ἀντὶ τοῦ ἄβρῶς. («[Говорят] «поионийски» вместо [того, чтобы сказать] ἄβρῶς».

<sup>44</sup> Solo, fr. 24 West: γαστήρι τε καὶ πλευραῖς καὶ ποσὶν ἄβρᾶ παθεῖν. Ср. Theogn. 474: «Радость такую иметь (ἄβρᾶ παθεῖν) можно не каждую ночь» (Пер. В. Вересаева) и 722: цитата из Солона.

У Геродота мы находим и приведенный выше оракул, который называет Креза «ногонежным». Нет никакой возможности узнать, кто и когда сочинил этот оракул и это слово и включил в устное или письменное предание о Крезе. Оракул мог существовать до Эсхила и быть сочинённым после него и после габробата Бакхилида. А могло быть и обратное: оракул с искусственным словом *ποδαβρός* появился в оракуле Крезу *после* Эпиникия о Крезе. Автор уже знает слово *габробат* из «Персов», из Бакхилида и придумывает на его основе свое, звучащее еще лучше – точь-в-точь, как у Гомера, но как эпитет не славы, а хулы. Вместе с оракулом слово попадает к Геродоту. Несомненно при этом одно – оракул включен в дискредитацию «восточного стиля».

Сложное слово *τὸ ἄβροδίαιτον*, которое собственно и означает *утонченный образ жизни*, впервые встречается у Эсхила в «Персах» как характеристика лидийцев: «толпа лидийцев *ἄβροδίαίτων*»<sup>45</sup>, а второй раз у Фукидида. Фукидид пишет, что пожилые люди из состоятельных семей недавно, то есть на его памяти, перестали носить льняные хитоны и сложные прически с золотыми шпильками в виде цикад. У родственников афинян, ионян, эта манера сохранялась дольше (добавим, и в Афины пришла из Ионии). Фукидид называет причину такого поведения: они так поступали *διὰ τὸ ἄβροδίαιτον*, т. е. следуя особому изысканному, женоподобному восточному стилю. Можно сравнить это замечание Фукидида с высмеиванием пышных камзолов и пудренных париков, которым привержены бывали старики Екатерининских времен во времена Александра I.

Дело, конечно, не просто в моде, но и в противопоставлении мирных и военных доблестей и в том, что война с персами компрометировала подражание манерам малоазийских соседей. Ксенофан Колофонский уверен: его сограждане подпали под персидское иго, потому что переняли образ жизни, который, когда враг у ворот, оборачивается уже не утонченностью, а расслабленностью: «Научившись у лидийцев бесполезной рос (*ἄβροσύνας ... ἀνωφελέας*)», колофоняне попали в рабство к персам (Fr. 3 West).

<sup>45</sup> Aesch. Persae, 43; Схолии, поясняющие это слово у Эсхила, замечают, что и у Анакреонта сказано *λυδοπαθεῖς*, вместо *ἠδολαθεῖς*. Тем самым схолиаст приравнивает тех, кто живет по обычаям лидийцев, к тем, кто живет в роскоши.

Ямбический жанр также критикует *габросюне*, но уже не в варварах, а в женщинах. Происхождение жены от изящной гривастой кобылы (τὴν δ' ἵπλος ἄβρῆ χαλτέεσσ' ἐγείνατο) говорит о том, что это аристократка, тем более, что содержать подобную супругу может только тиранн или «держатель жезла» (Semon. Am. 7.57–70 West).

Посмотрим теперь специально на «нежноногость». Что греки говорили о походке и пользовались ли для характеристики походки словом ἄβρός?

В словаре «Суда» говорится, что Аристофан и Алкей использовали глагол «подмитриться» вместо «подпоясаться» о носящих митры и двигающихся по-ионийски: подпоясанные митрами, как поясами, «разгуливали изысканно» (ἄβρως περιεπάτου) (Suda epsilon. 989. 4). Слово Καλπάζειν поясняется в том же словаре, как «ходить изысканно» (τὸ ἄβρως βαδίζειν – Sudas kappa. 263.1), а глосса σαυκρόποδες (= Ψαυκροπόδης EM) поясняется у Гесихия через гапакс ἄβρόποδες, легконогий как нежноногий (Hesych. Sigma 265). К какому времени относятся эти редкости, мы не знаем. После Эсхила и Бакхилида, у младшего трагика Еврипида несколько раз встречается сочетание наречия ἄβρως /ἄβρόν /ἄβρά с тем или иным глаголом для ходьбы, в том числе с βαίνω<sup>46</sup>.

Кроме того, Эврипид несколько раз говорит о *нежной ноге*, используя прилагательное ἄβρός. Так, Гекуба говорит, что её «нежные стопы, ныне рабские» (Troiad. 506–7), другие обладательницы нежных ног и голеней – Елена и Ифигения (Eur. Helena 1528; Iph. A. 614). Таким образом, нежно ступают и ходят и обладают нежными ногами или походкой женщины и «приравненный» к ним Ганимед<sup>47</sup>.

А про нежные ноги мужчин говорится только в обсуждаемых нами пассажах: Крез-*подабр* в оракуле, приближенный Креза, *габробат*, у Бакхилида и старейшины-*габробаты* у Эсхила.

<sup>46</sup> Med. 824–34: Музы Пиериды шествуют ἄβρως сквозь сверкающий эфир (διὰ λαμπροτάτου βαίνοντες ἄβρως αἰθέρος); Med. 1164: Царевна, невеста Ясона, надела подаренный Медеей убор и прохаживается «нежно ступая белой ногой» (ἄβρόν βαίνουσα παλλεύκῳ ποδί); Troiad. 820: Ганимед, стремясь на пире у Зевса пленить бога, ступает нежно ἄβρά βαίνων меж золотых киафов.

<sup>47</sup> См. выше: Troiad. 820.

Мы видим, что *габросюне*, особенно соответствующая походка – имеет коннотации женского<sup>48</sup> и эротического, «восточного», варварского<sup>49</sup>, или ионийского и подражающего «востоку» аристократического пиршественного обихода<sup>50</sup>. В V веке идеал *габросюне* постепенно уходит в прошлое, историки и ораторы считают своим долгом порицать всякое его проявление (Lombardo: 1079, 1097–1103; Kurke: 102). Исключение составляет, пожалуй, только Пиндар. В воспеваемых им конных ристаниях аристократы удерживают «свои позиции», и Пиндар, примиря аристократический идеал роскоши с демократическим – служения полису, не отказывается от признания и восхваления аристократического стиля (Kurke: 106 sqq., Lombardo: 1089, note 56).

Мы видим, таким образом, что *габросюне* оказалось словом, которое вовлечено в серьезные перемены в социальном и ценностном мире эллинов. И перемены эти связаны с войной и победой над персами, с антиаристократическими законами против роскоши: война с персами заставила аристократический образ жизни и аристократические ценности потесниться (Kurke, *passim*).

## 2. «Свои» и «чужие»

Эсхил был аристократом и воином, сражавшимся на Марафонском поле и у острова Саламин. Героями его трагедии выступают поверженные враги. А закон искусства таков: герою сочувствуют. Если сделать героем авантюриста, сочувствуют авантюристу, если сделать гулящую – гулящей. Если есть в пьесе «они» и «наши» – симпатии на стороне наших. Поэтому Эсхил не вывел ни одного греческого героя, только в персидской же передаче звучит клич эллинов защищать родные могилы, своих детей и своих богов. И к врагам нет ни пре-

<sup>48</sup> Lombardo 1085, 1088–9. О женском мире *габросюне* говорит, возможно, и то, что прилагательное *габрос* субстантивировалось в женском роде ἡ ἄβρα для обозначения любимой служанки, наперсницы, воспитанной вместе с госпожой: «милочки», «душеньки».

<sup>49</sup> См. Aesch. Ag. 918–920: роскошь помещается здесь между двумя отрицательными образцами – женским и варварским.

<sup>50</sup> Ср. «всенежного», *панабра* у Лукиана: «Панабр какой-нибудь, Сарданапал, или Кинира, или сам Агафон-трагик» (Rhet 11. 8); ср. Collectio paroemiarum 13. 89. 1–2.



зрения, ни злорадства, ни стремления изобразить их смешными, жалкими и уродливыми, как, например, в «Персах» Тимофея. Воспроизводя речь пленного перса, Тимофей изображает ломанный, искажённый, убогий и смешной греческий язык вояки, которого ташат за волосы, пока он умоляет отпустить и обещает никогда не покидать свои Сарды (См. Longman: 208–209). Волосы у него, конечно, длинные, а положение его жалкое. Ничего подобного нет у Эсхила. Ещё Мюррей задавался вопросом: почему, несмотря на ἔβρις и святотатство персов, в трагедии выражена симпатия к ним? Он писал: «Частью потому, что их имена звучат так величественно, частью потому, что они честно дрались и смело встречали смерть; но я думаю, главным образом потому, что Эсхил пропитал свои стихи таким чарующим колоритом и заставил нас верить, что он персидский. А был ли колорит и впрямь персидским или только лидийским или фригийским – на этот вопрос нам не следует ждать ответа. Для Эсхила и его зрителей персы были Востоком, и он предлагает нам колорит и музыку Востока»<sup>51</sup>.

Рискуя впасть в вульгарный социологизм, который спустя восемь или девять десятков лет после отечественного пароксизма этого направления воцаряется ныне в западной классической филологии, заметим всё же, что персы у Эсхила отвечают образу родной для него ионической аристократии. Внутренние конфликты аристократических родов и демоса, под водительством богачей, оказались во время войны в поле противостояния эллинов и персов. Изгнанный из Афин тиран, сын Писистрата Гиппий, бежал к сатрапам Лидии, а потом привел в Элладу на Марафонское поле полчища врагов. Но и великий защитник Афин Фемистокл, когда был изгнан своим демосом, опасавшимся возвышения сильных, где нашел он свой приют? У персидского царя. И любого аристократа могли заподозрить в симпатиях восточным владыкам. Великого Мильтиада сгноили в тюрьме как предателя! А вот аристократ Эсхил ясно показывает в «Персах», в чём слабость персидских воинов: они рабы одного господина, а эллины – свободны. В этом гордость афинского демоса, здесь афиняне видели свое торжество.

---

<sup>51</sup> Murray: 129. Под музыкой Мюррей понимает необычно звучащие слова и ионическую стопу – два кратких и два долгих.

Уже давно и много сказано о том, что театральные представления, предназначенные первоначально для одной единственной постановки, не мыслились вечными произведениями искусства, каковыми оказались, если повезло дойти до нас. Они служили, *horribile dictu*, скорее, актуальными «агитками» и содействовали опосредованному разрешению общественных напряжений. Эсхил побеждал 13 раз, потому что умел это делать. Тут ведь не просто художественные качества имели значение, а и вот эта роль медиатора. «Эдип-царь» проиграл, «Медея» Еврипида проиграла каким-то трагедиям, которые не сохранились, и трагикам, от которых не дошло ни одной пьесы.

Понять, какую конструкцию, опосредующую внутренние конфликты, предлагал в «Персах» Эсхил, нам помогают эти пять слов на *габро*-. Идеал *габросюне* – идеал аристократической изысканности, идущей от ионян и лидийцев. Вокруг этого стиля жизни развернулась нешуточная полемика и слова на *габро*- были низвергнуты с пьедестала. В периоды стремительных изменений с места, по словам Фукидида, трогается сам язык (См. Thus. 3. 82. 4–5).

Конечно, можно решать такого рода вопросы и не занимаясь микроскопическим анализом лексики. Но мы пошли здесь по пути, связывающем поэтику и политику через ценности, слова, их выражающие, и коннотации этих слов. Мы полагаем, что видеть у Эсхила такую двуслойную поэтику и медиативную задачу – это и значит понимать Эсхила, исходя из Эсхила.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры. К 2500-летию иранского государства. М., 1971. С. 262–276
- Эсхил. Трагедии. Перевод С. Апта. М., 1971.
- Aeschylus (Sidgwick): Persae with Introduction and Notes by A. Sidgwick. Oxf. 1971 (первое издание 1903).
- AirWb: Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg 1904, Berlin, 1961.
- Bacchylidis Carmina cum fragmentis. Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1934.
- Bacchylides (Jebb): Bacchylides. The Poems and Fragments / ed. R. Jebb. Cambridge University Press. 1905.
- Broadhead H. D. (ed.). The Persae of Aeschylus. Cambridge, 1960.
- Brunner Christopher Joseph (1984), «Abradatas» // Encyclopaedia Iranica, vol. 1.3, Cosa Mesa: Mazda Pub. P. 228.
- Chantraine P. Dictionnaire de la langue grecque. Vol. I. P., 1968.

- Cliffton G. The Mood of the «Persae» // *Greece & Rome*. Vol. 10, 1963. P. 11–117.
- Die Fragmente der Tragödien des Aischylos. Hrsg. von H. J. Mette. Berlin, 1959.
- Fragmenta Historicorum Graecorum / auxerunt, notis et prolegomenis illustrarunt, indice plenissimo instruxerunt Car. et Theod. Mülleri. Parisiis : A. Firmin Didot, 1841–1870.
- Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its responses and operations with a catalogue of responses. Berkeley-Los Angeles-London, 1978
- Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, Otto Harrasowitz, 1975.
- Jones H. Stuart. Bacchylides and the Fate of Croesus // *Classical Review*, vol. 12, N 1, 1898. P. 84–85.
- Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg 1895, Hildesheim, 1963.
- Kelley K. A. Variable repetition. Word patterns in the Persae // *Classical Journal*, 1979, LXXIV. P. 213–219.
- Kurke L. The politics of ἀβροσύνη in archaic Greece. // *Classical Antiquity*, 1992, Vol XI. N 1.
- Lobel E., Page D. Poetarum Lesbiorum Fragmenta. Oxford, 1955.
- Lombardo M. Habrosyne e Habra nel mondo Greco arcaico // *Forme di contatto e processi di trasformazione nella società antiche* // *Atti del Convegno di Crotona (24–30 maggio 1981)* Pisa, 1983.
- Longman G. A. Timotheus, Persae 162 // *Classical Review*, 1954, IV, N. S. P. 208–209.
- Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch herausgegeben von M. Mayrhofer. Bd. I. Die Altiranischen Namen. Fasz. 1 Die Avestische Namen. Wien, 1979.
- Mayrhofer M. Zum Namengut des Avesta. Wien, 1977.
- Mazzarino S. Fra oriente e occidente: Ricerche di storia greca arcaica. Firenze, 1947.
- M-W: Merkelbach R., West M. L. Fragmenta Hesiodica. Oxford, 1967.
- Page D. L. (ed.). Poetae Melici Graeci. Oxford, 1962.
- Passerini A. La “TRUFH” nella storiographía ellenistica // *Studi italiani di filología classica*, 11 (1934). P. 35–56.
- Schmitt R. Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1967 CXVII. S. 119–145.
- Schmitt R. Bakchylides’ ἀβροβότας und die Iranier-Namen mit Anlaut *ABRA/O-* // *Glotta* 1975 (LIII). S. 207–216
- Schmitt R. Die Iranier-Namen bei Aischylos. Wien: Verlag der Österreichischen Akad. der Wissenschaften, 1978b.
- Schmitt R. Iranisches Personennamenbuch, V, 4: Iranische Namen in den indogermanischen Sprachen Kleinasiens (Lykisch, Lydisch, Phrygisch) / von Schmitt Rüdiger. Wien, 1982.

- Scholia in Aeschylum (scholia recentiora): Aeschyli tragoediae superstites et deperditarum fragmenta, vol. 3 [Scholia Graeca ex codicibus aucta et emendata]. Oxford, Oxford University Press, 1851 (Hildesheim, 1962)
- Smith A.H. Illustrations to Bacchylides // Journal of Hellenic Studies, Vol. 18, 1898. P. 267–280.
- Tragicorum Graecorum fragmenta. Ed. S. Radt, vol. 3. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1985.
- West: Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati / edidit M. L. West. Ed. 2., aucta atque emendata. 2 v. Oxford; New York: Oxford University Press, 1989–1992.
- Winnington-Ingram R. P. A word in the Persae // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London, 1973. XX. P. 7–38.

### Summary

Aeschylus' "Persae" is obviously the first case of massed invasion of a foreign language stuff into Greek. There are lots of Persian / Iranian words and personal names in "Persae", but we try to pay our special attention to only one of them: ἀβροβάται (verse 1073), which to the Greek mind would mean "soft-stepping". In the context of Aeschylus' tragedy, the epithet seems somewhat strange, because Xerxes himself applies it to Persian high officials and aldermen. This word was the subject of a special research by R. SCHMITT (1975), who refused to recognise its Persian / Iranian prototype and resumed the ancient scholiast's claim: "to interpret Aeschylus from Aeschylus". We do agree with this claim, but at the same time we suppose that there is some "Iranian" element which shines forth through the apparently Greek word-form ἀβροβάται. Our hypothesis is rather simple: Greek ἀβροβάτης corresponds to Persian \*apara-pati, that is, "younger/ lower ruler", which, in its turn, could have been a title of high-rank courtier.

On the other hand, Aeschylus intentionally fills his tragedy with words beginning on (h)abro-. While ἀβροσύνη was a feature of Ionian aristocratic style of life, the names of Persian princes slain at Thermopyles were hellenized in Greek tradition as Abrokomes (Aparakama?) and Hyperanthes (Hubaranta?). It makes part of Aeschylus' conscious strategy of transposing the Greek-Persian "Sprachkrieg" into civil conflict between aristocracy and democracy in Greece itself. That is to say, foreign words, such as ἀβροβάται, served Aeschylus as a shell covering his own ideas and as a means of creating "tragic ambiguity".

М. В. Вексина

### Место частиц $\gamma\epsilon$ и $\tau\epsilon\rho$ в высказывании

В данном докладе предполагается дать характеристику дистрибуции частиц  $\gamma\epsilon$  и  $\tau\epsilon\rho$ . Согласно общепринятому мнению, эти частицы не подчиняются вакернагелевскому закону (Wackernagel 1892: 418; Seiler 1962: 166ff.). *Невакернагелевские* частицы относятся к *локальным* клитикам, в противоположность *сентенциальным*, такие частицы выделяют по смыслу одно слово либо группу слов, не несущих предикативную функцию в предложении (далее для краткости такие группы слов будут называться просто «группы слов» или «словосочетания»).

Важным фактом является постановка локальных частиц на втором месте внутри словосочетаний. При этом часто оказывается, что слово, к которому собственно по смыслу отнесена частица, стоит не перед ней, а после.

См.:  $\acute{\alpha}\tau\acute{\alpha}\rho\ \tau\acute{\alpha}\ \underline{\gamma\epsilon}\ \tau\epsilon\upsilon\chi\epsilon'$   $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\ \kappa\omicron\rho\upsilon\theta\alpha\acute{\iota}\omicron\lambda\omicron\varsigma$   $\epsilon\gamma\kappa\omega\rho$  II. XVII 693 (= II. XVII 122).

Тем самым, модель постановки этих локальных частиц внутри словосочетаний аналогична модели постановки вакернагелевских слов в предложении: слова, относящиеся к ядру конструкции, стоят на втором месте внутри этой конструкции, часто нарушая при этом принцип проективности (Зализняк 2008: 25), или, в иных терминах, неразрывности непосредственных составляющих.

Таким образом, функция и семантика частиц релевантны для их дистрибуции, но проводить жесткое противопоставление вакернагелевских и невакернагелевских частиц на этом основании представляется не обязательным – по крайней мере, в рамках древнегреческого и особенно гомеровского языка. В рамках предложения данные частицы обнаруживают определенные предпочтения, которые представляются достойными исследования. Для описания этих предпочтений целесообразно воспользоваться классификацией и символами Довера (Dover: 12):

q – постпозитивы, «слова, никогда или только при определенных обстоятельствах начинающие предложение»;

p – препозитивы, «слова, никогда или только при определенных обстоятельствах заканчивающие предложение»;

М – слова, не ограниченные в своей постановке в предложении.

Хотя Довер излагает свою классификацию под заглавием «lexical and semantic determinants» – «лексические и семантические критерии» (ср. порядка слов – М. В.), в ее основе лежит все же чисто дистрибутивный критерий, и эмпирически установленные на его основании списки слов семантически однородны лишь до некоторого предела. Особого внимания заслуживает группа т. н. *preferential words*. На семантическую разнородность этого класса указывает сам Довер (Dover: 24), согласно его определению, эти слова уступают только препозитивам в стремлении оказаться на первом месте в предложении (Dover: 20).

Нам кажется целесообразным ввести термин такт. Следующие последовательности составляют такт:

1. М
2. p<sub>(n)</sub>М
3. Мq<sub>(n)</sub>
4. p<sub>(n)</sub>Мq<sub>(n)</sub>
5. p<sub>(n)</sub>q<sub>(n)</sub>

Разделение М на *preferential words* и остальные М не играет тут существенной роли.

Нас будет интересовать распределение данных частиц по тактам внутри больших сегментов текста. Для сегментации текста на релевантные отрезки (практически значима только их левая граница) примем ряд рабочих принципов: 1. учитываются границы всех предложений (clause), к которым мы отнесем также любые причастные и инфинитивные конструкции (при этом если финитный глагол вклинен в такую конструкцию, то часть конструкции после группы финитного глагола будет считаться за отдельный сегмент). 2. Помимо синтаксических критериев необходим «лексический»: начала релевантных сегментов текста сигнализируют препозитивные союзы и относительные местоимения (см. Dover: 13), отрицания (*οὐ* только если это первое слово в такте) и следующие препозитивы, не указанные в списке Довера: *ἦτοι*, *δῆ* (когда это первое слово в такте), *ἦύτε*, *πρίν* (в значении союза).

Материал Илиады Гомера дает следующие предварительные результаты:

1) Интересующие нас частицы обнаруживают сильнейшую тенденцию не помещаться далее второго такта внутри релевант-

ных сегментов текста. Для  $\tau\epsilon\rho$  соответствующие примеры составляют всего около 12/326 ~ 4 %, для  $\gamma\epsilon$  27/548 ~ 5%.

2) Подавляющее большинство употреблений  $\tau\epsilon\rho$  сосредоточено в первом такте: 286/326 ~ 88%, на второй такт приходится, соответственно, ~8%.  $\gamma\epsilon$  в первом такте появляется лишь в ~ 35% случаев (193/548), во втором ~ 24% (130/548). Оставшиеся ~36% не могут быть однозначным образом проанализированы и не могут без дополнительных уточнений отнесены ни к первому, ни ко второму такту (см. далее).

Если принять, что полученные в результате нашего анализа сегменты текста релевантны также и для закона Вакернагеля, то явные невакернагелевские употребления данных частиц не столь велики, как можно было бы предполагать: ~12%  $\tau\epsilon\rho$ , ~29%  $\gamma\epsilon$  (и, возможно, некоторая часть спорных случаев).

Тяготение к первому такту для локальных эмфатических частиц легко объяснить проявлением другой синтаксической закономерности, признаваемой общеиндоевропейским законом, согласно которой позиция абсолютного начала предложения выбирается для элемента, несущего смысловое выделение (TOPIC/FOCUS-Position – см., например, Krisch 2002, Krisch 2004). Исследователи закона Вакернагеля по-разному интерпретируют контексты с локальной энклитикой, помещенной после первого слова в предложении, к которому она относится по смыслу.

См.:  $\tau\iota\mu\acute{\iota}\nu \lambda\epsilon\acute{o} \mu\omicron\iota \delta\phi\epsilon\lambda\lambda\epsilon\nu \text{ } \omicron\lambda\acute{\upsilon}\mu\iota\lambda\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\gamma\gamma\upsilon\alpha\lambda\acute{\iota}\xi\alpha\iota$  II. I 353.

Такие контексты относят к невакернагелевским, например, Зализняк 2008; Krisch 1990; другая точка зрения, согласно которой речь идет о частном проявлении закона Вакернагеля, восходит к Hale 1987.

Однако слово, к которому относится частица, не обязательно должно ей предшествовать. Насколько часто первый такт, в котором находится одна из исследуемых нами частиц, состоит целиком из служебных слов, которые не могут нести выделения? Сколь редки случаи, когда частица «механически» попала в первый такт, не относясь к предшествующему слову?

Что касается неоднозначных контекстов с частицей  $\gamma\epsilon$ , основная масса этих примеров *может* быть проанализирована как последовательность двух элементов, оба из которых несут на себе эмфазу: для второго из этих элементов частица  $\gamma\epsilon$  представляет достаточно надежный критерий эмфазы (при этом особенное смысловое выделение может отсутствовать: важно, что частица создает позицию эмфазы). Для первого элемента

недостает такого четкого критерия.

См.: *πλησίαι αἱ γ' ἦσθην, καὶ δὲ τρώεσσι μεδέσθην* II. IV 21 (= II. VIII 458).

С одной стороны, для неоднозначных контекстов требуются критерии эмфазы, которые наименее зависят от субъективной оценки исследователя. Интересно, что на роль такого критерия выдвигаются вакернагелевские слова (соединительные союзы) (Krisch 2002: 252–253).

С другой стороны, если принять для неоднозначных контекстов эмфазу первого элемента, мы сталкиваемся с дополнительной методологической проблемой: считать ли этот первый элемент самостоятельной, отдельной единицей, а счет тактов начинать после него (ср. Fraenkel 1964), или относить этот элемент к сегменту текста, релевантному для закона Вакернагеля (ср. Krisch 2002; Krisch 2004).

Важно, что постановка «локальных» частиц не столь произвольна, как можно было бы предполагать, и в сущности закреплена за двумя позициями в предложении. Выявлению семантических и синтаксических механизмов, регулирующих эти позиции, мы предполагаем посвятить наши дальнейшие исследования.

#### БИБЛИОГРАФИЯ:

- Зализняк 2008 – Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М. Analecta homini universali dicata: Arbeiten zur Indogermnaistik, Linguistik, Philologie, Politik, Musik und Dichtung; Festschrift für Oswald Panagl zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Thomas Krisch. Stuttgart: Heinz, 2004.
- Dover – Dover K. J. Greek Word Order. Cambridge: CUP, 2000 (1960 repr.).
- Fraenkel 1964 – Fraenkel E. Kolon und Satz. Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes // Kleine Beiträge zur klassischen Philologie. Roma: Ed. di storia e letteratura. Bd. 2.
- Hale 1987 – Hale M. R. Notes on Wackernagel's Law in the language of the Rigveda // Studies in Memory of Warren Cowgill. P. 38–50.
- Indogermanische Syntax – Fragen und Perspektiven / Hrsg. von Heinrich Hettrich. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2002.
- Krisch 1990 – Krisch T. Das Wackernagelsche Gesetz aus heutiger Sicht // Sprachwissenschaft. S. 64–81.
- Krisch 2002 – Krisch T. Indogermanische Wortstellung // Indogermanische Syntax. S. 249–261.



- 
- Krisch 2004 – Krisch T. Some aspects of word order and sentence type: From Indo-European to New High German // *Analecta homini universali dicata*. P. 106–129.
- Seiler 1962 – Seiler H. Zum Verhältnis von Wort und Satz in indogermanischen Sprachen // *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 15*, Innsbruck. S. 163–74.
- Sprachwissenschaft und Philologie: Jacob Wackernagel und die Indogermanistik heute: Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15. Oktober 1988 in Basel / Hrsg. von Eichner Heiner & Rix Helmut. Wiesbaden: Reichert, 1990.
- Studies in Memory of Warren Cowgill: (1929–1985); papers from the Fourth East Coast Indo-Europ. Conference, Cornell Univ., June 6–9, 1985* / ed. by Calvert Watkins. Berlin; New York: de Gruyter, 1987.
- Wackernagel 1892 – Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // *Indogermanische Forschungen* 1. S. 333–436.

А. В. Верещагина

### **Грамматическое оформление глаголов мыслительной деятельности (на материале языка Гомера)**

В связи с возросшим интересом к проблемам «ментального лексикона» остается актуальным углубленное и разноаспектное изучение формирования семантики глаголов мыслительной деятельности. Для того чтобы в полной мере охарактеризовать их специфику, необходимо дать формальное описание исследуемого лексико-семантического поля в языке Гомера (частотность глаголов, префиксы, формы глагола и т. д.).

Соответственно поставленной задаче были исследованы особенности всей парадигмы глаголов мыслительной деятельности в языке Гомера, а полученные результаты можно представить следующим образом:

1. в гомеровском языке сохраняются некоторые индоевропейские перфекты;

2. выделена группа глаголов, которые употребляются только в медиальном залоге;

3. выявлена тенденция к превербизации мыслительных глаголов;

4. структурированы основные гомеровские фразеологические сочетания, обозначающие мыслительную деятельность.

1. К типу древних индоевропейских перфектов относятся, например, οἶδα ‘знать’ и μέμολα ‘желать, замышлять’.

2. Среди глаголов, которые обозначают мыслительную деятельность и употребляются только в медиальном залоге, следует назвать: ἐπίσταμαι ‘знать, уметь’, μαίνομαι ‘неистовствовать, быть безумным’, μέδομαι, μήδομαι ‘размышлять’, πυνθάνομαι ‘узнавать’. Видимо, грамматическое оформление этих глаголов связано с их косвенно-возвратным значением, со стремлением к субъектному оформлению.

3. Подсчеты показали, что прослеживается четкая тенденция к префиксальному оформлению глаголов со значением мыслительной деятельности в гомеровском языке, так как отдельные формы 27 из 38 глаголов засвидетельствованы либо с одним, либо с несколькими префиксами. Два глагола употребляются только с префиксом. Всего в гомеровском языке отмечено 15

приставок, каждая из которых употребляется с несколькими глаголами, обозначающими мыслительную деятельность.

4. Мыслительная деятельность может выражаться фразеологическими сочетаниями типа νόον ἔχω / μήδεα ἔχω ‘иметь мысли’, ἐμβάλλω θυμῷ, βάλλω φρεσί ‘помещать в душу’, βάλλεσθαι φρεσί ‘принимать в душу, помнить, думать’, ὀρμάω (ὀρμαίνω) ἐν φρεσί ‘двигать мысль, обдумывать, размышлять’, τίθημι ἐν φρεσί ‘помещать в душу’, ἐπιψαύω πρᾶτιδέσσι ‘касаться душой’.

С. Св. Волков

**Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова**

1. В 2007 году в Институте лингвистических исследований РАН начались работы по проекту «Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова». Как известно, за время учебы в Германии немецкая культура и наука оказали глубокое влияние на формирование М. В. Ломоносова как личности и как ученого. Его природная одаренность и лингвистические способности позволили ему быстро освоить немецкий язык, которым он стал владеть как родным. Позднее, уже в России, он продолжает активно пользоваться немецким языком: переводит научную литературу, ведет деловую и личную переписку, общается с коллегами по Академии наук. Немецкий язык был значим для М. В. Ломоносова и в семейной жизни. Использование М. В. Ломоносовым немецкого языка как средства общения и научного поиска (в его рабочих дневниках некоторые записи сделаны на немецком) было тесно связано с общей культурной атмосферой Академии наук, Санкт-Петербурга середины XVIII века. Однако, немецкие тексты М. В. Ломоносова до сих пор практически не были объектом детального филологического, историко-культурного и социолингвистического изучения. Такое исследование, с последующим представлением полученных сведений в удобной для современного пользователя словарной форме позволит не только открыть новые данные, важные для понимания жизни и творчества М. В. Ломоносова, но и покажут огромный интеллектуальный, нравственный, культурный потенциал М. В. Ломоносова как самостоятельного мыслителя и, одновременно, как ученого, глубоко освоившего систему идей Западной Европы Нового времени и выработавшего систему языковых средств для их выражения не только на немецком, но и на родном языке. Составление «Словаря к немецким текстам М. В. Ломоносова» имеет особое значение для трехязычного «Словаря языка М. В. Ломоносова», общей филологической задачей которого является создание «языкового портрета» великого ученого, что предполагает описание в одном словаре *всех* словоупотреблений идиолекта М. В. Ломоносова, демонстрацию всего лексико-фразеологического богатства текстов М. В. Ломоносова на русском, латинском и немецком языках,

отражающего как мировоззрение и личность ученого, так и характерные черты складывающегося европейски-ориентированного вектора развития науки и культуры России 40–60-х гг. XVIII в., тем более что немецкие тексты Ломоносова до сих пор практически не были объектом историко-филологического, социолингвистического и лингво-культурологического описания.

2. Такой лексикографический проект, как представляется, позволит выявить новые лингвистические факты и свидетельства, которые будут представлять интерес и для исследователей немецкого языка. Во-первых, в это время в Германии интенсивно идет унификация национального языка, становление и закрепление единой национальной литературной письменной нормы (*die eine richtige Sprechart*), проходившие в атмосфере оживленной дискуссии между лейпцигскими и цюрихскими филологами: свидетелем этого был М. В. Ломоносов. По трудам идеолога «лейпцигского классицизма» вольфианца Иоганна Христиана Готтшеда Ломоносов усердно изучал поэтику и риторiku, книга этого немецкого филолога «*Versuch einer kritischen Dichtkunst für die Deutschen*» была использована им при составлении «Письма о правилах российского стихотворства» (1739), философские, грамматические и нормативные воззрения Готтшеда<sup>1</sup> нашли отражение в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова<sup>2</sup>. В 1761 г. Готтшед публикует немецкий перевод «Слова похвального блаженныя памяти Государю Императору Петру Великому» (1755), сопроводив его благожелательным предисловием: «Теперь уже наши читатели могут сами судить о том, какой мужественной силой и каким хорошим вкусом обладает этот русский вития». Во-вторых, немецкий язык Ломоносова мог отразить и сохранить некоторые языковые факты диалектной речи тех частей Германии (современные земли Гессен и Баден-Вюртемберг), где он жил: в первую очередь средненемецкого, рейнско-франкского (гессенского), а затем и южнонемецких диалектов (в соответствии с системой изоглосс, предложенной акад. В. М. Жирмунским)<sup>3</sup>. Кроме того, во время своих странствий по Европе в 1740 г. Ломоносов

---

<sup>1</sup> Gottsched J. C. *Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*. Leipzig, 1748.

<sup>2</sup> В. Djubo. *Die Grammatischen Anschauungen der Aufklärung bei Gottsched und Lomonosov // Deutsche Sprache*. Heft 4. 1998. S. 369–377.

<sup>3</sup> Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология*. М., 1956; Жирмунский В. М. *История немецкого языка*. Изд. 5-е. М., 1965.

побывал в Амстердаме, Роттердаме и Гааге, где получил возможность познакомиться с нижненемецкими диалектами. Яркие диалектные различия, которые Ломоносов наблюдал, привлекают его внимание: у него, исконного носителя севернорусского наречия, пробуждается интерес к живой народной речи. Позже это становится мотивом и основой для филологического сравнительного изучения русских диалектов: для Ломоносова в Германии, в отличие от России, «баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского, или бранденбургский швабского»<sup>4</sup>. Заслуживает внимания немецкий язык М. В. Ломоносова и в социолингвистическом плане: в нем могла получить отражение устная речь разных социальных и профессиональных групп того времени: университетских профессоров, буршей, бюргеров, крестьян, горных рабочих и пр. В третьих, ценные и достоверные факты для изучения прошлых состояний каждого национального языка часто проявляются именно в тех текстах, которые созданы не носителями языка, а представителями иной культурно-языковой общности (ср., например, исследование проф. Б. А. Лариным иностранных источников по русскому языку XVI–XVII вв.).

3. Эмпирической базой нового словаря станет подготовленный силами участников проекта электронный корпус немецких текстов М. В. Ломоносова объемом в 10628 словоупотреблений, превращенный с помощью разработанных для этой цели программных средств в алфавитный словоформуказатель с контекстами, а также электронная коллекция текстов М. В. Ломоносова на немецком языке. Основным источником текстов для корпуса станет самое полное на сегодняшний день Академическое собрание сочинений М. В. Ломоносова в 11 томах (1950–1959, 1983; далее – АПСС). В дальнейшем участники проекта также предполагают использовать материалы собрания сочинений М. В. Ломоносова под редакцией М. И. Сухомлинова (т. I–V).

4. Словарь «Тексты М. В. Ломоносова на немецком языке» будет особым словарем по многим лексикографическим параметрам. Он будет представлять собой: (а) словарь текстов, фрагментов текста или даже отдельных слов, вкрапленных в русский

---

<sup>4</sup> Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 10 тт. Том 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. С. 589.

или латинский текст, ср., например, *der Lawissige Glimmer* (АПСС, 2, 386) или *Stahlgrün* (АПСС, 2, 424), печатать *in 8 groß* (АПСС, 4, 447), в «Материалах к «Российской грамматике»: Такъ. So. Такъ онъ былъ – *So ist er gewesen*. Такъ. *So. ja* и под.; (б) тексты естественнонаучных произведений М. В. Ломоносова, материалы к филологическим работам, его рабочие записи и дневники, научную, служебную (отчеты, рапорты, сообщения в Академическую канцелярию и пр.) и личную переписку; (в) немецко-русский исторический словарь языка одного автора, который будет сочетать перевод заголовочного слова на современный русский язык с его филологическим толкованием и комментированием.

5. Уже из приведенных примеров следует, что словарь будет в определенной мере отражать смену языковых кодов, переход и смешение языковых кодов. Рассматривая факты подобного рода, можно выделить, прежде всего разные случаи смешения и даже расслоения кодов<sup>5</sup>. Встречаются: (а) прямые заимствования, ср., например, *die Meinung des H. Richmans von dem Indice Electricitatis naturalis* (АПСС, 10, 486) или *Wenn Sie etwa Reson finden, daß wir dem H. T. die Bibliothek etc. zu pridanoe abgeben, so schreiben Sie es auf* (АПСС, 10, 556). Здесь же укажем на случаи «уподобления реалий», ср. *сажень дров* ‘традиционная русская складочная мера’ и *Faden Holz* ‘морская сажень = 1,7 м.’; (б) калькирование и семантическое калькирование, при котором немецкий язык выступает как язык-источник, ср. *равнобочный* – нем. *gleichseitig* (АПСС, 3, 399), *оглаз* – нем. *Okular* (АПСС, 4, 426), здесь же *оглазный* (АПСС, 4, 426) и *окулярный* (АПСС, 4, 414), *чернозём* – нем. *Schwarzerde* (АПСС, 6, 320, 326), *маркшейдер* – нем. *Markscheider* с примечанием Ломоносова *горный межевщик* (АПСС, 5, 562), *давление* – нем. *Drück* и лат. *pressio*<sup>6</sup>, Папинова машина – лат. *machina Papiniana*. Если исходная гипотеза проекта трехязычного «Словаря языка Ломоносова» о более глубоком, чем это предполагалось ранее, влиянии класси-

<sup>5</sup> Н. Н. Казанский. Code slicing («Расслоение языкового кода» как поэтический прием) // *Res philologica* II. Сб. статей, посвященных памяти академика Георгия Владимировича Степанова. К 80-летию со дня рождения. СПб.: Петрополис, 2000. С. 130–145.

<sup>6</sup> Волков С. Св. О слове «давление» в естественнонаучных трудах М. В. Ломоносова // *Русское слово в историческом развитии*. Вып. 3. СПб., 2007. С. 14–24.

чeskих и западноевропейских языков (греческого, латинского, немецкого, французского) на весь широкий спектр русской речи М. В. Ломоносова верна, то словарь должен показать элементы калькирования и семантической индукции в большем объеме и более глубоко, чем это делалось ранее; (в) межтекстовые связи, соотнесенность немецких текстов М. В. Ломоносова с другими немецкими текстами: ср., например, упоминание в письмах Ломоносова трудов немецкого химика Георга Эрнста Штала (АПСС, 11, 11) или книги И. Гюнтера «Günters Gedichte», о которой он пишет Д. И. Виноградову (АПСС, 10, 432), немецкой периодики – «Гамбургского магазина», немецкого «Журнала естествознания и медицины» (АПСС, 10, 517) и пр.; (г) собственно смена языковых кодов – свободный, спонтанный переход М. В. Ломоносова от одного языка к другому (другим) языкам: от латинского – к русскому (см., например, *corpora diversae soliditatis et gravitatis aquae ferventi imposita eundem gradum caloris acquirunt* (правда ль). Бурз., *De igne* (АПСС, 1, 110) и немного далее на той же странице от латинского языка к французскому и русскому: *Robervallius quindecim annorum decursu clausum aërem examinans reperit, quod illibatus illi elater constiterit* (*du Hamel, Hist. de l'Acad. des Sc., p. 368. Который год смотреть в Бургаве, De aëre, сначала*) (АПСС, 1, 110), от латинского – к немецкому, ср. *5 vitra Zuckerglaser dicta* (АПСС, 9, 13; также АПСС, 1, 124;); от русского – к латинскому (см. АПСС, 2, 386), от русского – к немецкому, см. например, в «Химических и оптических записках» заметку М. В. Ломоносова о полученном им сплаве меди, олова и цинка: *к бою крепко, только серовато шпейзе* (АПСС, 4, 411), см. также *ich brauche χρῆμα, recipiam, деньги, Geld, argent, Raha* (АПСС, 10, 545), от латинского – к французскому (АПСС, 1, 140)<sup>7</sup>. Такие переходы, как нам представляется, обусловлены, как писал акад. Л. В. Щерба, особым состоянием языкового сознания человека, свободно владеющего несколькими языками, когда эти языки «образуют в уме лишь одну систему ассоциаций», что приводит к образованию «смешанного языка с двумя (в нашем случае –

<sup>7</sup> Текст на французском языке (179 слов) является выпиской из статьи «Des couleurs», помещенной в *Histoire de l'Academie royale des sciences* (1. 1, Paris, 1733. P. 291–303) и излагающей сведения об опытах Э. Мариотта, произведенных в 1679 г.



как минимум с тремя – С. В.) терминами»<sup>8</sup>. И еще одно принципиально важное, на наш взгляд, замечание акад. Л. В. Щербы, раскрывающее причины смешения языков: «ответ на этот вопрос .. мы должны искать в самом индивиде, помещенном в те или иные социальные условия (выделено мной – С. В.)»<sup>9</sup>. Представляется очевидным, что факты использования разных языковых кодов М. В. Ломоносовым если не обусловлены, то, скажем, во многом связаны с научной и административной деятельностью Ломоносова в Петербургской Академии наук, которая была в те годы многонациональной.

б. «Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова» будет представляет собой полный словарь-тезаурус, ориентированный на описание всех знаменательных и служебных слов немецкого языка М. В. Ломоносова. Словник задается совокупностью источников Словаря. Особые параметры Словаря требуют особой организации словарной статьи, которая будет включать следующие компоненты: (а) заголовочное слово и его грамматическую характеристику; (б) статистические сведения о заголовочном слове, т. е. указание на его частотность; (в) оценку по параметрам нормативное/диалектное и актуальное/устарелое с точки зрения немецкого языка того периода; (г) перевод на современный русский язык или толкование; (д) аналог (аналоги) в русском или латинском языке М. В. Ломоносова (только там, где такие данные предоставляет материал); (е) иллюстрации употребления слова; (ж) демонстрацию лексической сочетаемости слова, как свободной типической, так и устойчивой; (з) реально-исторические, историко-научные и филологические комментарии к заголовочному слову; (и) словоформуказатель, т. е. полный алфавитный перечень словоформ с отсылкой к текстам; (к) справочный отдел, отражающий представленность лексических элементов идиолекта М. В. Ломоносова в словарях немецкого языка XVIII века, например, в словаре Иоганна-Христофа Аделунга «*Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuchs der hochdeutschen Mundart*» (1774–1786 гг.).

7. Проектируемый Словарь будет представлять собой *активный словарь*<sup>10</sup>, то есть словарь текстов, являющихся результатом

<sup>8</sup> Щерба Л. В. О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 68.

<sup>9</sup> Там же. С. 67.

<sup>10</sup> См.: Берков В. П. Двужызычная лексикография. СПб., 1996. С. 7–8.

непосредственной речевой деятельности Ломоносова на немецком языке. На следующих этапах работы этот словарь может быть расширен, дополнен новыми материалами и превращен в *пассивный* словарь Ломоносова, т. е. словарь, эмпирическую базу которого составит, например, лексический массив писем немецких коллег к М. В. Ломоносову, текстов, которые Ломоносов цитировал или на которые ссылался. Так, ссылки и цитаты из названных выше сочинений Г. Э. Штала есть во многих химических диссертациях М. В. Ломоносова, написанных на латинском и русском языках, в деловых бумагах Академии, о которых известно, что Ломоносов их читал, а также из тех немецких текстов, которые он помнил наизусть: как писал академик Петербургской Академии наук Я. Я. Штелин в одной из первых биографий М. В. Ломоносова: «В особенности любил он стихотворения Гюнтера и знал их почти наизусть»<sup>11</sup>. Добавим, что в XVIII веке в Германии, кроме известных всем М. В. Ломоносова, Д. И. Виноградова и Г. У. Райзера, получили образование еще 20 студентов Петербургской Академии наук, 14 позднее были избраны действительными членами Академии наук (И. А. Полетика, Г. В. Козицкий, С. К. Котельников и др.)<sup>12</sup>. Для сопоставления возможно также привлечение немецких текстов другого, не менее известного, чем М. В. Ломоносов, русского вольфианца – Г. Н. Теплова.

---

<sup>11</sup> Ломоносов. Сборник статей и материалов. Вып. 2. М.; Л., 1948. С. 20.

<sup>12</sup> Смагина Г. И. Российско-немецкие научные связи в XVIII–XIX вв. // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб, 2000. С. 208–224. См. также А. Ю. Андреев. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005; П. И. Хотеев. Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века // XVIII век. Сборник 24. СПб., 2006. С. 71–80.

Л. Г. Герценберг

**К этимологии персидских arγ, arj, axš**

Посвящается моему учителю *М. Н. Боголюбову* – замечательному учёному, первоклассному педагогу, академику.

Анализ истории некоторых слов позволяет не только взглянуть в далёкую предысторию, но и реконструировать парадигматические отношения той давней поры.

Три персидских слова: axš (اخش) ‘ценность, значимость’ < \*arγš, где \*-š является продолжением древнего \*-s (показатель именительного падежа единственного числа), переходящего в \*-š возле \*r по правилу “ruki” (в других позициях индоиранское \*-s переходит в \*-h-), < и.-е. \*h<sub>2</sub>élg<sup>uh</sup>-s; ср.

خود فزاید همیشه گوهر اخش

عنصری

[x<sup>v</sup>ad fazāyad hamīšah gawhar axš]

[Ansarī]

«Само сокровище постоянно умножает (свою) ценность» (Ансари)

**Arg** (ارگ) ‘укрепление’, родственно мл.-авест. *agra-* ‘начало, первый, верхний’, др.-инд. *ágra-* ‘вершина, начало, первый’ < и.-е. \*h<sub>2</sub>élg<sup>uh</sup>-m; ср.

ارگ - قلعهء کوچکی باشد که در

میان قلعهء ای بزرگ سازند.

[Arg - qal<sup>l</sup>a-yi kōček-ē bāšād,

ke dar miyān-i qal<sup>l</sup>a-yi buzurg sāzand ]

[Dehxudā]

«Арк - небольшая крепость (= крепостца), которую сооружают внутри большой крепости» (Деххуда)

**Arj** (ارج) ‘ценность, значимость’, также arγ (ارغ), ср.-перс. arž [ʾlc], парф. arγāw [ʾrgʷ], хот.-сак. āga, авест. *arəjah*, праир. \*Àrγa-, др.-инд. (вед.) arh- ‘быть ценным’, др.-гр. ἀλφάνειν

‘добывать, доставлять, приносить’, лит. *algà*, *algõs* ‘жалованье’ < и.-е.  $*h_2lg^{uh}-és$  [ $*h_2lg^{uh}-ós$ ]; ср.

گهر داشتی ارچ نشناختی  
بنادانی از کف بینداخت  
اسدی

[*Guhar dāštī, arj našnāxtī, -*  
*ba nadānī az kaf biyandāxt* ]  
[*Asadī*]

«Ты имел сокровище, но не знал ему цены,  
Из-за (этого) неведения ты его не удержал в своей ладони»  
(Асади)

Таким образом, выстраивается парадигма, которую можно назвать акцентологическим термином «амфидинамическая»:

NS  $*ary-š$  < и.-е.  $*h_2élg^{uh}-s$   
AS  $*ary-am$  < и.-е.  $*h_2élg^{uh}-m$   
GS  $*arj-ah$  < и.-е.  $*h_2lg^{uh}-és$ .

Из этого следовало бы, что морфема  $*h_2élg^{uh}$  является *рецессивной*, то есть «отталкивающей» ударение. Что касается *arj*, то эту форму нетрудно объяснить: для этого необходимо предположить, что наряду с и.-е. GS  $*h_2lg^{uh}-és$  существовала образованная по «естественной» межпарадигматической аналогии форма  $*h_2lg^{uh}-ós$  – она-то и дала в дальнейшем  $*ary-as$  >  $*ary-ah$  > *arj*. Семантические отношения приведённых слов также достаточно просты.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

- Персидско-русский словарь под ред. Ю.А. Рубинчика. Т. I–II. М., 1983.  
H. W. Bailey. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.  
R. E. Emmerick, P. O. Skjærvø. Studies in the Vocabulary of Khotanese. Bd. I–III. Wien, 1982–1997.  
M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986.  
Moḥamad Ḥosayn ebn-e Khalaf de Tabriz. Barhān-e Qāte<sup>c</sup> (Dictionnaire de la langue persanne. Edition entièrement revue, annotée et illustrée, avec des additions par M. Mo<sup>c</sup>in. Teheran, 1952.

А. В. Григорьев

**Библейские и патристические источники выражения  
*по морю аки по суху***

Выражение *по морю аки по суху* 'о легком преодолении какого-либо препятствия' современные фразеологические словари со ссылкой на труд М. И. Михельсона возводят к Посланию апостола Павла к евреям: «Верою перешли они Чермное море как по суше» Πίστει διέβησαν τὴν Ἐρυθρὰν Θάλασσαν ὡς διὰ ξηρᾶς γῆς (буквально: *как по сухой земле ὡς διὰ ξηρᾶς γῆς* – Евр. 11:29)<sup>1</sup>. Однако это далеко не единственный и не непосредственный источник данного выражения. Уже в древнейших старославянских и древнерусских текстах мы встречаем исследуемое сочетание в том виде, в котором оно представлено в современном языке: (*ходяи*) ***по морю аки по суху*** (Супрасльская рукопись, 77, 8, XI в., Поучения Кирилла Иерусалимского XI–XII вв., 136 об. и др.), в то время как выражение из Послания к евреям имело иную славянскую форму: «Прѣидоша Чермное море ***аки по сусѣ земли***».

Можно предположить, что выражение *по морю аки по суху* возникло в результате процессов, происходивших в греческих патристических сочинениях. Под влиянием прообразовательного (типологического) принципа истолкования Священного Писания, когда ветхозаветные и новозаветные события связывались между собой личностью Христа, и ветхозаветное событие являлось провозвестником, прообразом новозаветного, форма библейских выражений как следствие сопоставления различных эпизодов Писания могла изменяться. Так, у Отцов Церкви фрагмент из книги Исход о пересечении евреями Красного моря (ср.: Исх. 14:16 «И пройдут сыны Израилевы среди моря по суше» καὶ εἰσελθάτωσαν οἱ υἱοὶ Ἰσραὴλ εἰς μέσον τῆς θαλάσσης κατὰ τὸ ξηρόν) нередко соотносится с уже упоминавшимся отрывком из новозаветного Послания к евреям, где представлено компаративное употребление: Евр. 11: 29 *Верою*

---

<sup>1</sup> Кочедыков Л. Г., Жильцова Л. В. Краткий словарь библейских фразеологизмов // Вестник СамГУ. 1997. №1 (3). Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Т. 1. СПб. 1902–1903. Репринт. изд. М., 1997.

перешли они Чермное море, как по суше (ὡς διὰ ξηρᾶς γῆς). В патристических сочинениях в данном случае мы можем наблюдать контаминацию ветхозаветного и новозаветного стихов с сохранением сравнительного оборота и устранением определения τὴν Ἐρυθρὰν по аналогии с Книгой Исход, а также существительного γῆς (под влиянием Ветхого Завета или вследствие субстантивации прилагательного), что приводит к появлению таких выражений, как, например: διὰ θαλάσσης ὡς διὰ ξηρᾶς (Постановления апостолов, 7, 36, IV в.). Подобные выражения в различных парафразах в компаративном употреблении в святоотеческой традиции мы встретим у Евсевия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Дидима, а также у Григория Богослова (PG 36, 172: ὡς διὰ ξηρᾶς τῆς ὑγρᾶς [ὑγρᾶ – поэт. ‘море’: по морю как по суше]) и Георгия Мниха (Хроника, 110, 500 и 427, 19<sup>2</sup>: ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος ὡς διὰ ξηρᾶς среди вод как по суше), сочинения которых были известны в славянских переводах. Таким образом, в патристических текстах возникает несколько вариантов исследуемого выражения, в которых может быть представлено субстантивированное прилагательное: (διὰ) ξηρᾶς по суше и существительные θάλασσα ‘море’ или ὕδωρ ‘вода’: по морю (воде) аки по суше.

Однако более внимательное изучение славянских контекстов показало, что часто перед изучаемым оборотом находится причастие *ходяи*, что позволяет рассмотреть и его как часть библейской цитаты. Тогда мы можем сделать вывод, что нередко выражение (*ходяи*) по морю аки по суше – перевод фрагмента из Книги Иова: (περιπατῶν) ὡς ἐπ’ ἐδάφους ἐπὶ θαλάσσης (Иов 9:8), где греческое ἔδαφος ‘основание, дно’, γῆ ‘земля, почва’ в святоотеческих текстах может заменяться словами ‘земля’ или ξηρᾶ ‘суша, земля’ (от ξηρός ‘сухой’), а в славянских текстах переводиться формой субстантивированного прилагательного: по суше. Следует указать, что в патристических источниках порядок слов по сравнению с цитатой из книги Иова изменён: по всей вероятности, по аналогии с Евр. 11:29, компаратив представлен в конце предложения: (περιπατῶν) ἐπὶ θαλάσσης ὡς ἐπὶ ἐδάφους у Афанасия Александрийского (PG 28: 1225), Иоанна Златоуста (PG 56: 364, 59: 247), Фотия (ср.

<sup>2</sup> Georgii monachi chronicon. Stuttgart, 1978.

также у Феофилакта Болгарского – PG 123: 1292), ἐπὶ θαλάσσης ὡς ἐπὶ γῆς (у Иоанна Златоуста: Quod nemo..., 13, 42<sup>3</sup>) и др.

Таким образом, мы можем выявить два основных пути появления в святоотеческой и славянской традициях исследуемого выражения: оно возникает 1) либо в результате контаминации Исх. 14:16 и Евр. 11:29, 2) либо как следствие влияния Исх. 14:16 и Евр. 11:29 на Иов 9:8.

Итак, источниками выражения *по морю аки по суху* являются как минимум три библейских фрагмента: Исх. 14:16, Иов 9:8 и Евр. 11:29. Кроме этого, возможно влияние сходных ветхозаветных контекстов, где также рассказывается о переходе евреев через Красное море (Исх. 14: 22, 29; Пс. 105: 9, Пс. 77: 13), и новозаветных отрывков, повествующих о хождении Христа по водам Галилейского моря: Мат. 14: 25–33, Мк. 6: 47–51. Данные библейские фрагменты под влиянием типологического принципа истолкования Священного Писания объединяются и преобразуются в святоотеческой традиции (Иоанн Златоуст, Афанасий Александрийский, Евсевий Кесарийский, Григорий Богослов и др.), что приводит к формированию в патристических текстах синонимичных выражений διὰ θαλάσσης ὡς διὰ ξηρᾶς, ἐπὶ θαλάσσης ὡς ἐπὶ ἐδάφους, ἐπὶ θαλάσσης ὡς ἐπὶ γῆς, ὡς διὰ ξηρᾶς τῆς ὑγρᾶς, ἐν μέσῳ τοῦ ὕδατος ὡς διὰ ξηρᾶς, которые уже в ранней славянской книжности переводятся как *по морю аки по суху* и *по воде аки по суху*.

---

<sup>3</sup> Quod nemo laeditur nisi a se ipso // Lettre d'exil à Olympias et à tous les fidèles / ed. A.-M. Malingrey. Paris, 1964 (= Sources chrétiennes 103).

Н. С. Гринбаум

**Из истории классической филологии в России  
(Советский период, 1967–1977 гг.)**

Заслуга изучения истории классической филологии и, в частности, древнегреческого и латинского языков, в России принадлежит И. М. Тронскому. Этому вопросу посвящены его два обстоятельных исследования. Первое относится к изучению древнегреческого языка со времен Киевской Руси и вплоть до 1917 года<sup>1</sup>, второе – охватывает советский период до 1967 г.<sup>2</sup>

В этих работах рассмотрен детально весь спектр проблемы, определены основные этапы изучения классических языков в дореволюционной России и в Советском Союзе, определяющие тенденции и предполагаемые пути изучения греко-римской античности в нашей стране. В частности, отмечены определенные сдвиги в решении ряда теоретических вопросов, касающихся развития классических языков, античной истории и культуры, издания переводов произведений древних авторов, учебников и учебных пособий, подготовки кадров квалифицированных специалистов-классиков<sup>3</sup>.

Дальнейшие шаги в классической филологии (до 1977 г.) рассмотрены в статье А. А. Тахо-Годи<sup>4</sup>.

Учитывая значение этого последнего периода для изучения истории науки об античности, мне показалось целесообразным вернуться в настоящем обзоре к его более углубленному рассмотрению.

---

<sup>1</sup> И. М. Тронский. Лингвистическое изучение древнегреческого языка в России (до 1917 г.) // *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. Т. XV. F. 1–4. Budapest, 1967. P. 1–26.

<sup>2</sup> И. М. Тронский, *Классические языки // Советское языкознание за 50 лет*. М., 1967. С. 143–157.

<sup>3</sup> Там же. См. также: И. М. Тронский. Задачи советского языкознания в области античных языков // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. Т. XVII. В. 3. М., 1958. С. 237–246.

<sup>4</sup> А. А. Тахо-Годи. *Возрождение классической филологии // Вестник Московского университета. Филология*. М., 1977. № 5. С. 68–70.



Вижу свою задачу в освещении развития классической филологии в нашей стране за время с 1967 по 1977 годы.

Следует, прежде всего – вслед за А. А. Тахо-Годи – отметить, что это десятилетие характеризуется определенной активизацией деятельности в области классической филологии.

## I. Общий обзор

В 1968 году в г. Москве прошла научная конференция по проблемам античности<sup>5</sup>. Год спустя в г. Тбилиси состоялась IV Всесоюзная конференция по классической филологии. На ней в 14 секциях было заслушано 140 докладов<sup>6</sup>. В 1972 году журнал «Вестник древней истории» провел авторско-читательскую конференцию по античной проблематике<sup>7</sup>. 1976 год был ознаменован организацией в г. Ереване XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене», на которой было заслушано 237 научных сообщений<sup>8</sup>.

Регулярно (ежеквартально) выходил в свет на протяжении всего десятилетия журнал «Вестник древней истории». Периодически появлялись выпуски трудов: Московского университета – «Вопросы классической филологии» (II–VI)<sup>9</sup> и Львовского университета – «Питання классической филологии» (V–XII)<sup>10</sup>; Ленинградский университет опубликовал первый выпуск сборника «*Philologia classica*» (1977)<sup>11</sup> и Кишиневский университет – «Проблемы классической филологии» (1972)<sup>12</sup>.

Вышел из печати ряд сборников: Вопросы античной литературы и классической филологии. Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1966; Язык и стиль античных писателей под ред.

---

<sup>5</sup> Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности. М., 1968 (27–30. V).

<sup>6</sup> IV Конференция по классической филологии (ноябрь 1969 г.). Тезисы докладов. Под редакцией А. В. Урушадзе. Тбилиси, 1969.

<sup>7</sup> Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Тезисы докладов (28–31. V. 1972). М., 1972.

<sup>8</sup> Проблема античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран (18–23. V. 1976). Ереван, 1979.

<sup>9</sup> Под редакцией проф. А. А. Тахо-Годи.

<sup>10</sup> Под редакцией проф. А. А. Белецкого.

<sup>11</sup> Под редакцией проф. А. И. Доватура.

<sup>12</sup> Под редакцией проф. Н. С. Гринбаума.

А. И. Доватура. Л., 1966; Культура античного мира. К 40-летию научной деятельности В. Д. Блаватского. М., 1966; Античное общество. М., 1967; Античная лирика. М., 1968; Античный роман. М., 1969; Античная эпистолография. М., 1967; Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972; Античная цивилизация. Под ред. В. Д. Блаватского. М., 1973; Античность и Византия. Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975; Проблемы античной культуры. Под ред. А. В. Урушадзе и Р. В. Гордезиани. Тбилиси, 1975; Тайны древних письмен. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1976; и другие.

Увидели свет публикации:

А) по античной философии – В. Ф. Асмус. Античная философия. 2-е изд. М., 1976; Э. Н. Михайлова, А. Н. Чанышев. Ионийская философия. М., 1966. М., 1966; В. Татаркевич. Античная эстетика. М., 1977; С. Я. Лурье. Демокрит. Текст, перевод, исследование. Л., 1970; И. Д. Рожанский. Анаксагор. М., 1972; А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. Т. II. М., 1969; Высокая классика. Т. III. М., 1974; Аристотель и поздняя классика. Т. IV. М., 1975; Его же. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; Его же. Античная философия истории. М., 1977<sup>13</sup>. А. А. Тахо-Годи. Платон. Сочинения. Комментарий к диалогам. Указатель. Т. 1. М., 1968; Т. 2. Комментарий. М., 1970; Т. 3, 1. Комментарий. М., 1971; Т. 3, 2. Комментарий. М., 1972; Ее же. Платон. Жизнеописание. М., 1977 (в соавторстве с А. Ф. Лосевым)<sup>14</sup>. Б. Р. Виппер. Искусство Древней Греции. М., 1972; О. Нейгебауер. Точные науки в древности. М., 1968; и другие.

Б) по истории и культуре – Д. Г. Редер, Е. А. Черкасова. История древнего мира. Ч. I. М., 1970; Т. В. Блаватская. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976; Е. М. Штаерман. Кризис античной культуры. М., 1975; Л. М. Глушкина. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975; Т. В. Блаватская, Е. С. Голубцова, А. И. Павловская. Рабство в эллинистических

<sup>13</sup> См. А. А. Тахо-Годи. Список печатных работ проф. А. Ф. Лосева // Алексей Федорович Лосев. К 90-летию со дня рождения. Тбилиси, 1983. С. 156–165. С 1967 по 1977 г. А. Ф. Лосевым опубликовано 240 работ.

<sup>14</sup> С 1967 по 1977 г. А. А. Тахо-Годи опубликовала 53 работы. См.: Вопросы классической филологии. Выпуск XII. М., 2002. С. 431–434.

государствах в III–I вв. до н. э. М., 1969; А. Кравчук. Закат Птолемея. М., 1973; Ю. К. Колосовская. Паннония. М., 1973; Историки Рима. Переводы под ред. С. Маркиша. М., 1969; А. И. Немировский, А. И. Харсекин. Этруски. Воронеж, 1969; Я. Буркан, Б. Моухова. Загадочные этруски. М., 1970; А. Д. Люблинская. Латинская палеография; и другие.

В) по литературе – Н. А. Чистякова. История античной литературы. 2-е изд. М., 1971<sup>15</sup>; А. А. Тахо-Годи. Античная литература. 2-е изд. М., 1973; С. И. Радциг. История древнегреческой литературы. М., 1977; В. Н. Ярхо, К. П. Полонская. Античная лирика. М., 1969<sup>16</sup>; Р. В. Гордезиани. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза населения Эгеиды. Тбилиси, 1970 (на грузинском языке); М. Л. Гаспаров. Античная литературная басня. М., 1971; Его же. Басни Эзопа. Перевод. М., 1968; Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976; Александрийская поэзия. Переводы М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1972; Античные риторика. Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978; С. С. Аверинцев. Плутарх и античная биография. М., 1973; Б. П. Михайлов. Витрувий и Эллада. М., 1967.

Г) переводы авторов – Аполлодор. Мифологическая библиотека. Перевод В. Г. Боруховича. Л., 1972; Аристофан. Избранные комедии. Перевод А. Пиотровского. М., 1974; Геродот. История в 9-и книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Л., 1972; Еврипид. Трагедии. Перевод И. Анненского. Комментарий В. Ярхо. Т. I – II. М., 1967; Ксенофонт. Киропедия. Перевод Э. Д. Фролова. М., 1976; Феофраст. Характеры. Л., 1974.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Перевод С. Шервинского. М., 1972; Гораций. Сочинения. Перевод М. Гаспарова. М., 1969; Он же. Избранные песни. Перевод К. Конрада. Кишинев, 1971 (на молдавском языке); Овидий. Элегии и малые поэмы. Перевод М. Л. Гаспарова. М., 1973; Гай Светоний Транквилл. Жизнь 12-и цезарей. Перевод М. Л. Гаспарова и Е. М. Штаерман. М., 1976; Корнелий Тацит. Сочинения. Перевод А. С. Бобовича, Я. М. Борковского и М. Е. Сергеенко. Т. I – II. Л., 1969;

---

<sup>15</sup> С 1967 по 1977 г. автором опубликовано 13 работ. См. ЕПШТОЛАИ. Сборник статей к 80-летию профессора Н. А. Чистяковой. СПб., 2001. С. 10–11.

<sup>16</sup> С 1967 по 1977 г. В. Н. Ярхо опубликовал 70 работ. См.: Библиографический указатель по античной литературе и классической филологии. Профессор В. Н. Ярхо. Самарканд, 1989. С. 1–56.

Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. Переводы Ф. А. Петровского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова. М., 1972; Он же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Переводы В. О. Горенштейна, М. Е. Грабарь-Пассек и С. А. Утченко. М., 1975; С. А. Утченко. Цицерон и его время. М., 1972; и другие.

Д) по языкам – И. М. Тронский. Общее индоевропейское состояние. Л., 1967; Его же. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973; Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967<sup>17</sup>. И. А. Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л., 1977; Н. С. Гринбаум. Язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар). Кишинев, 1973<sup>18</sup>; Н. С. Гринбаум, С. Д. Мисько. Язык и стиль древнегреческих писателей (6-5 вв. до н. э.). Кишинев, 1973; А. Н. Дынников. Народная латынь. М., 1975; Н. Г. Корлэтяну. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. Кишинев, 1973; Я. И. Порецкий. Элементы латинского словообразования и современные языки. Минск, 1977; и другие.

Е) разное – А. М. Кондратов, В. В. Шеворошкин. Когда молчат письма. М., 1975; Е. В. Федорова. Латинские надписи. М., 1976; А. Н. Казаманова. Введение в античную нумизматику. М., 1969; И. Ф. Фихман. Оксирих – город папирусов. М., 1976; Ю. В. Шанин. От эллинов до наших дней. М., 1975. Греческие рукописи. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Т. V. Сост. И. Н. Лебедева. Л., 1973.

За истекшее десятилетие появились новые учебники древних и, особенно, латинского языка для очного и заочного отделения вузов и методики их обучения. А. Н. Попов, П. М. Шендяпин. Латинский язык для университетов. 5-е изд. М., 1970; Латинский язык. Учебник для университетов. Колл. авторов под ред. А. И. Доватура. Л., 1974; Я. М. Боровский, А. В. Болдырев. Учебник латинского языка для университетов. IV изд. М., 1975;

<sup>17</sup> И. М. Тронский опубликовал с 1967 по 1977 г. 15 работ. См. Н. А. Чистякова, В. Н. Ярхо. И. М. Тронский (1897–1970) // Вестник древней истории. 1971, 2. С. 164–166. Ю. В. Откупщиковым опубликовано за этот же период 17 работ. См. Библиография, в книге автора: *Opera philologica minora*. СПб., 2001. С. 452–455.

<sup>18</sup> Н. С. Гринбаум опубликовал за это десятилетие 84 работы. См.: Библиографический указатель в книге автора: «Пиндар: проблема языка». СПб., 2007.

В. И. Мирошенкова, Н. А. Федоров. Учебник латинского языка. М., 1977 (II изд. М., 1995); А. Ч. Козаржевский. Учебник латинского языка для нефилологических гуманитарных университетов. М., 1971; Н. Л. Кацман и др. Учебник латинского языка. М., 1969; М. Э. Кирпичников, Н. Н. Забинкова. Русско-латинский словарь для ботаников. Л., 1977; В. Н. Куприянова, И. М. Унова. Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений. Новосибирск, 1975; А. В. Доровских. Древнегреческий язык. Учебное пособие. Свердловск, 1978.

См. также: С. И. Радциг. Введение в классическую филологию. М., 1975. Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка. М., 1979; Г. Г. Козлова. Латинский язык. Грамматический справочник для заочников. М., 1972.

Ряд учебников вышел из печати в союзных республиках: Ю. Ф. Мушак. Латинска мова. Учебник для университетов. Львов, 1964 (на украинском языке); K. Kuzavinis, L. Valkunas. Vox Latina. Учебник латинского языка для IX–XI классов. Kaunas, 1973 (на литовском языке); Н. С. Гринбаум, К. Н. Никова, А. П. Маричук. Лимба латинэ. Кишинев, 1972 (II изд. на молдавском языке); Л. Д. Фрак. Латинский язык. Пособие для студентов-юристов. Душанбе, 1972; Латинский язык. Учебное пособие для студентов-заочников. Кафедра классической филологии КГУ. Кишинев, 1973 (на молдавском языке).

Все эти годы (с 1967 по 1977 гг.) продолжалось обучение филологов-классиков на соответствующих кафедрах Московского, Ленинградского, Киевского, Львовского, Тбилисского и Вильнюсского университетов. В 1965 году была образована кафедра классической филологии при Кишиневском университете. В 1976 г. состоялся выпуск в одноразовом порядке группы классиков для нужд республики.

В начале 70-х гг. при Министерстве высшего образования СССР была образована впервые секция классической филологии в составе Научно-методического Совета по филологическому образованию, ее председателем был назначен А. А. Белецкий. Секция проводила регулярно (1–2 раза в год) свои заседания в разных городах страны. На них обсуждались научные сообщения и намечались пути совершенствования подготовки специалистов-античников. В 1975 году такая встреча классиков состоялась – впервые в истории республики – и в Кишиневском университете. Важным показателем состояния и разработки греко-римской тематики за рассматриваемый период является

наряду с упомянутыми выше опубликованными работами – защищенные нашими классиками докторские и кандидатские диссертации. Они охватывают различные области античности и отличаются стремлением их авторов к углубленному изучению окружающей древнее общество действительности, проникновению в сложный мир его духовной жизни и происходившие в нем процессы.

## II. Докторские диссертации

Предваряет защищенные за период с 1967 по 1977 гг. диссертации исследование Виктора Ноевича Ярхо<sup>19</sup>. В этой работе автор впервые формирует свой взгляд на Эсхила как на художника, стоящего на рубеже двух культурных эпох – архаики и классики. Открывая в древнегреческой поэзии период классики, Эсхил преодолевает и переосмысляет достижения архаики под углом зрения идеологических вопросов, выдвигаемых афинской демократией. Соответственно, в диссертации две первые главы были посвящены проблеме ответственности и изображению человека в эпосе и лирике. Три следующие – религиозно-нравственным представлениям Эсхила, изображению человека в его трагедиях, их композиционной структуре. Последняя – шестая – папирусным отрывкам его сатирических драм<sup>20</sup>.

Диссертация Лии Менделеевны Глускиной посвящена истории Аттики IV в. до н. э.<sup>21</sup> Социально-экономическая история Греции IV в. до н. э. представляет особый интерес, так как это был период ломки устоев классической полисной системы и вызревания в ее недрах предпосылок для новых отношений, утвердившихся в последующую эллинистическую эпоху. Рассмотренный материал позволил выяснить черты появления переживавшегося Афинским государством кризиса, связанного с усилением удельного веса в хозяйственной и социальной жизни страны ее свободного негражданского населения и с углублением разрыва между государственными и частными

---

<sup>19</sup> Драматургия Эсхила. Автореферат. М., 1964.

<sup>20</sup> См. выше: Библиографический указатель ... С. 25–26.

<sup>21</sup> Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н.э. Автореферат. Л., 1968.

интересами в тех областях экономики, где они соприкасались и сталкивались<sup>22</sup>.

Владимир Васильевич Каракулаков посвятил свое докторское исследование творчеству выдающегося деятеля римской науки и культуры I в. до н.э. Варрона, автора знаменитого трактата «De lingua Latina»<sup>23</sup>. На основании всестороннего анализа собранного материала диссертант пришел к ряду выводов, характеризующих как научную ценность деятельности Варрона, так и его вклад в развитие европейского языкознания. Во-первых, труды Варрона являются ценным источником для ознакомления с предшествующими ему греческими или римскими суждениями о языке и истории латинского языка. Во-вторых, Варрон является систематизатором греческих грамматических учений и вносит сам нередко свои новые суждения во взгляды предшественников. В-третьих, многие из выдвинутых им положений послужили основанием для дальнейшего развития науки о языке и определения его тенденций. Наконец, Варрон внес немалый вклад в формирование римской грамматической терминологии<sup>24</sup>.

В докторской диссертации Людмилы Ивановны Савельевой с новых позиций рассматривается творчество выдающегося римского комедиографа II в. до н. э. Публия Теренция Афры, представляющее особую ступень в истории античной драмы и сыгравшее важную роль в формировании драмы нового времени<sup>25</sup>. Полагая, что значение Теренция в истории античной и мировой литературы явно недооценивается, диссертант подвергает обстоятельному анализу его творческий путь на фоне особенностей общественного развития и с учетом мировоззренческих и социальных позиций писателя. На основании сопоставительного сравнения Теренция с Плавтом Л. И. Савельева выявляет своеобразие художественной манеры Теренция и приходит к выводу, что его комедии оказали существенное влияние на формирование эстетических взглядов его времени и выполняли определенный социальный заказ верхушки эллинистического общества. Вместе с тем, его творения благодаря прису-

---

<sup>22</sup> Там же. С. 28.

<sup>23</sup> Марк Теренций Варрон и его место в истории языкознания. Автореферат. Л., 1969.

<sup>24</sup> Там же. С. 33–34.

<sup>25</sup> Творчество П. Теренция Афры. Автореферат. М., 1970.

щим им высоким художественным достоинствам способствовали в определенной степени гуманизации общественных нравов и семейных отношений его времени<sup>26</sup>.

Докторское исследование Рисмага Вениаминовича Гордезиани посвящено проблеме гомеровского эпоса и в частности его единства и формирования<sup>27</sup>. Исходя из констатации, что вопрос о единстве Илиады и Одиссеи является на протяжении многих столетий одним из спорных в гомерологии и проследив самым тщательным образом историю его возникновения и многочисленные попытки его разрешения, Р. В. Гордезиани подвергает пристальному анализу весь комплекс становления эпической поэзии и его особенности, сопоставляя композицию и структуру, язык и стиль обеих поэм, интерпретируя т. н. сомнительные части Илиады с одной стороны, и Одиссеи, с другой. Диссертант приходит к основному выводу, что греческий поэт VIII в. до н. э., согласно традиции Гомер, на основе разнообразных источников используя письмо, создает оригинальные по своей поэтике поэмы. Процесс их создания был постепенным. Не исключено, что отдельные части Одиссеи могли быть созданы раньше отдельных частей Илиады. Однако общность плана, структурное единство, единство характеров героев и т. д., указывают на то, что поэт сам проделал окончательную редакцию произведений<sup>28</sup>.

Наталья Александровна Чистякова рассматривает в своей докторской работе греческую эпиграмматическую поэзию<sup>29</sup>. Поставив перед собой задачу проанализировать происхождение и основные этапы ее развития, диссертант констатирует, что эта поэтическая литература, возникшая в Греции в VIII в. до н. э. и получившая название «эпиграмма», продолжает до сих пор оставаться малоизученным и в некоторой степени загадочным литературным явлением. Не решен вопрос об ее истоках, жанровой природе, отношении к другим видам поэзии, поэтапном становлении. Предстоит задача дальнейшего изучения эпиграмматической поэзии в ее основных аспектах и восстановления

---

<sup>26</sup> Там же. С. 62.

<sup>27</sup> Проблема единства и формирования гомеровского эпоса. Автореферат. Тбилиси, 1974.

<sup>28</sup> Там же. С. 54.

<sup>29</sup> Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III вв. Автореферат. Л., 1974.



исторического пути ее развития. Н. А. Чистякова в ходе анализа фактического материала определяет основные этапы становления эпиграмматической поэзии с VIII по III вв., подвергая подробному рассмотрению каждый из них и выделяя доказательно его общие и специфические аспекты. Творчество представителей жанра изучается на историческом и литературном фоне эпохи. Автор приходит к выводу, что эпиграмматическая поэзия как литературная, так и низовая, входит в литературу как особый жанр лишь в эллинистическую эпоху в связи с происходившими в это время существенными классовыми и политическими, а вслед за ними и идеологическими сдвигами в греческом обществе. Проведенное исследование приводит диссертанта также к заключению, что изучение античной эпиграммы поможет в дальнейшем исследователям вскрыть новые – пока неизвестные – пласты античной культуры<sup>30</sup>.

Докторская диссертация Натана Соломоновича Гринбаума связана с проблемой языка хоровой лирики и в частности с языком виднейшего ее представителя – поэта VI–V вв. до н. э. Пиндара<sup>31</sup>. Ее решение тормозилось на протяжении продолжительного времени рядом обстоятельств и, в частности, пониманием языка хоровой лирики как сугубо искусственного, объяснением ее смешанного диалектного характера умыслом создателей, преувеличением степени влияния гомеровского эпоса на хоровую лирику. Основным компонентом языка Пиндара признавался одними исследователями дорийский, другими – гомеровский диалект. В своей работе автор руководствовался следующими общими соображениями: язык хоровой лирики является результатом развития греческой истории; он не выдуман тем или иным поэтом, а отражает объективную реальность; этот язык сложился не в поздней дорийской среде, а в додорийскую эпоху: для решения проблемы языка хоровой лирики необходимо привлечь древнегреческий эпиграфический материал, в том числе – крито-микенские надписи XIV–XII вв., дешифрованные М. Вентрисом; предстоит, наконец, проследить языковые связи Пиндара с греческой поэзией и прозой для установления как их общих, так и частных особенностей, и прежде всего, как само собой разумеющееся, нужен анализ

---

<sup>30</sup> Там же. С. 35.

<sup>31</sup> Язык Пиндара (фонетико-грамматический анализ и проблема диалектно-территориальной базы). Автореферат. М., 1969.

языка самого Пиндара и его отношения к греческим диалектам. В результате проведенной работы диссертант пришел к заключению о несостоятельности тезиса не только о дорийской, но и о гомеровской базе языка Пиндара. Его базой следует признать архаическое греческое койне. Оно состояло из более раннего и менее значительного эолийского и более позднего, основного протоионийского языкового слоя. Этот язык сложился до дорийского вторжения. Возможно, это был язык панахейского или панэллинского единства. Его следы обнаружены Н. С. Гринбаумом в надписях греческого Севера: на о. Лесбосе, в Фессалии, Беотии и Лидийском побережье Малой Азии. Итак, речь идет о северной части материковой Греции. Язык Пиндара – не плод поэтической выдумки, а отражение реально существовавшей на заре греческой истории диалектно-территориальной среды<sup>32</sup>.

Исай Михайлович Нахов посвятил свою докторскую диссертацию древнегреческой философии кинизма, рассматривая его как плод исторических и, прежде всего, социальных противоречий и неурядиц греческого общества конца V в. до н. э.<sup>33</sup> Он видит свою задачу в углубленном анализе этого – почти не изученного – феномена античности, каким является кинизм и его литература, и намечает рассмотреть три аспекта вопроса: теорию, художественную практику и источники. Автор намерен, собрав воедино весь корпус кинических писателей, проследить, как и в какой степени восприятие кинической идеологии способствовало обострению их социального видения, острой критике действительности с позиций трудящейся бедноты. В первой части диссертации устанавливаются взгляды киников на науку и религию, их политические, этические и литературно-эстетические воззрения. Киники выступали против идеализма Платона и на стороне материализма, выдвигали идею единого бога, лозунг «Назад к природе». Киническая этика выступает против морального кодекса рабовладельцев, она негативна, носит демократический уклон, прославляет честную бедность и трудолюбие. Во второй части диссертации анализируется киническая поэзия, ее расцвет в эпоху эллинизма в лице виднейших представителей жанра. В третьей части работе

---

<sup>32</sup> Там же. С. 29–32.

<sup>33</sup> Кинизм в древнегреческой литературе (теория и художественная практика). Автореферат. М., 1971.

«Источники» (*Corpus sunicorum*), данный как приложение, впервые собрано и переведено на русский язык все, что сохранилось от деятельности киников. Их творчество несло на себе знаки демократического происхождения, что выражалось в прославлении свободы, труда и трудолюбия, честной бедности, справедливости и равенства всех людей. Они призывали жить в гармонии с природой, уважать личность человека и не подавлять ее<sup>34</sup>.

Наталья Васильевна Вулих избрала темой своей докторской диссертации творчество Овидия и, в частности, поэму «Метаморфозы», предполагая проанализировать проблематику, художественную структуру и поэтику памятника<sup>35</sup>.

Вводная глава диссертации содержит критический разбор монографий и статей, посвященных наследию поэта. Автор приходит к заключению, что в имеющейся научной литературе, несмотря на все недостатки, заложен фундамент, позволяющий подойти к обобщениям, касающимся проблем идейного содержания и художественной структуры поэмы. В первой главе диссертации анализируются композиция произведения и ее взаимоотношение с главными темами. Поэма делится на две части: мифологический период (до Троянской войны) и исторический период (до века Августа), включая в себя около 250 легенд о превращениях людей в одушевленные и неодушевленные существа. Диссертант выявляет здесь и прослеживает основную тенденцию поэтического замысла: божественному насилию первой части произведения постепенно противопоставляется высокая любовь смертных людей. Во второй главе диссертантом ставится вопрос и сущности концепции превращений, выдвинутой Овидием. Поэт не просто рассказывает занимательные легенды о превращениях, но решает проблему вечной изменчивости человеческого бытия. Глава третья диссертации содержит подробный анализ фольклорных основ «Метаморфоз» и связи поэмы с культурой и искусством века Августа. Подводя итог своему исследованию, Н. В. Вулих отмечает, что целью Овидия было создание некоего «универсального» эпоса, посвященного теме бессмертия. Его интересовало соотношение постоянных и заменяющихся

---

<sup>34</sup> Там же. С. 30.

<sup>35</sup> Мироззрение и художественный стиль Овидия (поэма «Метаморфозы»). Автореферат. Л., 1977.

компонентов в природе, деятельность и судьба людей, их нравственный мир и сфера их чувств. Ломая рамки римской классицистической поэзии (Вергилий, Гораций), Овидий проложил пути римской литературы «серебряного века»<sup>36</sup>.

### III. Кандидатские диссертации

Тематика кандидатских диссертаций по классической филологии, защищенных с 1967 по 1977 годы, разнообразна и охватывает различные области античной действительности.

Две диссертации связаны с дешифровкой крито-микенских надписей XIV–XIII вв. до н.э.

Г. Ф. Полякова посвящает свое исследование структуре пилосского общества<sup>37</sup>. Глава первая – аграрные отношения в Пилосе – содержит анализ документов серии E и толкование важнейших терминов – *kotona kitimena* и *kotona kekemena*, которые она понимает как ‘частновладельческая’ и ‘общественная’ земля. Диссертант обращает особое внимание на социальную группу арендаторов земли *teojo doego/ra* – рабов / рабынь бога, составляющих довольно широкий слой населения. Г. Ф. Полякова выделяет всего семь групп держателей семейных участков и, в частности, кроме рабов богов, также рабов дворцовой администрации, частных лиц представителей культа (жрецов) и других. Во второй главе рассматриваются таблички серии Sn об организации скотоводства в Пилосе, т. е. о стадах домашних животных, находившихся в аренде у поименно указанных лиц и о системе учета, применяемой в табличках. Глава третья посвящена анализу вопросов государственного устройства Пилоса, деятельности должностных лиц (*wa-na-ka*, *ra-wa-ke-ta*, *qa-si-re-u* и т. д.). В заключении диссертант делает вывод о том, что понятия «дворец» и *domos* «община» следует признать основными для характеристики социально-политического и государственного устройства Пилоса<sup>38</sup>.

---

<sup>36</sup> Там же. С. 34.

<sup>37</sup> Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма Б). Автореферат. М., 1969.

<sup>38</sup> Там же. С. 23.

С. Я. Шарыпкин подвергает анализу язык крито-микенских надписей и, в частности, его именное склонение<sup>39</sup>. Первая глава посвящена падежной системе этих древнейших (XIV–XII вв. до н. э.) памятников греческой письменности. Она определяется диссертантом как редуцированная по сравнению с общеиндоевропейским языковым состоянием и как переходный этап к греческому языку I тысячелетия до н. э. Автор выделяет в языке надписей пять падежей: именительный, родительный, дательный – местный, винительный и творительный, особое внимание обращает на вопрос о падежном значении образований на  $-r\acute{i} = r\acute{h}\acute{i}$ . Три последующие главы посвящены рассмотрению трех главных типов основ (склонений): тематического, атематического и основ на  $-a$ . Привлекается внимание к окончанию  $-o\acute{o}$  в родительном падеже ед. ч. тематических основ (наряду с окончанием  $-o$ ). Констатируется, что уже в микенское время атематические основы составляли единый тип склонения, противопоставленный двум остальным. В четвертой главе дан анализ склонения основ на  $-a$ , в пятой – двойственного числа, в шестой – обобщение всего материала. В заключении диссертант указывает, что, несмотря на глубокую архаичность крито-микенских надписей, именное склонение уже имело основные структурные особенности древнегреческого классического языка.

Завершился синкретизм дательного и местного, а также, видимо, родительного и отложительного падежей. Речь идет о развитии падежной системы древнегреческого языка в направлении его редукции. В микенское время уже сложились парадигмы трех основных типов именного склонения. Обращают на себя внимание формы на  $-o\acute{o}$ ,  $-a-o$ ,  $-r\acute{h}\acute{i}$ , встречающиеся впоследствии в единичных случаях у некоторых писателей и в надписях<sup>40</sup>.

Две кандидатские диссертации анализируют один из аспектов древнегреческого языка, а именно глагольную временную систему перфекта.

И. А. Перельмутер<sup>41</sup> посвятил свое исследование историческому сопоставлению его общеиндоевропейской и греческой ста-

---

<sup>39</sup> Именное склонение языка крито-микенских надписей. Автореферат. Л., 1972.

<sup>40</sup> Там же. С. 17–19.

<sup>41</sup> Проблема общеиндоевропейского и греческого перфекта. Автореферат. Л., 1969.

дий становления. Конкретным объектом изучения диссертантом избран язык гомеровского эпоса. Во вводной главе рассматривается вопрос о формальном строении индоевропейского перфекта и его отличительных признаках: личных окончаниях, огласовке корня и наличии удвоения. Глава первая содержит анализ так называемых перфектных форм в языке Гомера. Речь идет о так называемых интенсивных перфектах типа μέμονα, характерных для глаголов, обозначающих психические состояния и чувственные «восприятия». Автор предполагает, что перфект не был первоначально грамматической формой глагола, а составлял особый лексико-грамматический разряд слов. Со временем он превратился в особую видо-временную глагольную категорию. Во второй главе рассматривается вопрос о происхождении древнегреческого плюсквамперфекта. В третьей главе речь идет об условиях и причинах включения перфекта в систему глагольного спряжения. Исходя из тезиса о первоначальном противопоставлении систем презенса-аориста и перфекта, диссертант – на материале языка Гомера – прослеживает процесс постепенного нивелирования семантического и функционального своеобразия перфекта и все более полного включения этой грамматической категории в состав глагольного спряжения. Перфект превращается в особого рода прошедшее время и вступает в новую оппозицию: презенс – аорист – перфект<sup>42</sup>.

Автором второй диссертации, посвященной древнегреческому перфекту, является Н. И. Степанов. В отличие от И. А. Перельмутера, его внимание привлекает поздний, а именно послеклассический, этап развития этой системы<sup>43</sup>. Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. Языковые наблюдения проводятся на материале текстов новоаттической комедии IV–III вв. до н. э. и в частности, произведений Менандра. В первой главе рассматривается синонимия перфекта и презенса в ее двух аспектах: результативный перфект и качественный перфект; во второй главе – синонимия перфекта и аориста. Глава третья содержит анализ стилистического употребления перфекта в нелитературных текстах греко-римского периода (на материале папирусов). В пятой главе автор обсуждает завершение эволюции перфектной системы. В заключении диссер-

---

<sup>42</sup> Там же. С. 19–21.

<sup>43</sup> Значение и употребление древнегреческого перфекта в послеклассическую эпоху. Автореферат. Л., 1969.

тант подводит итоги проделанной работы и делает ряд интересных наблюдений и обоснованных выводов. Обращение к новаттической комедии позволяет выявить дополнительные подробности в системе перфекта глагола в ранней греческой койнэ. Проявляются многочисленные случаи системной синонимии перфекта формам настоящего времени. В повествовательных партиях персонажей обнаруживается нередко идентичность перфектных и аористных словоформ. Перфект употребляется авторами Новой комедии чаще всего в описательной форме и нередко служит ее стилистическим приемом. Однако лексическое обособление и семантическая трансформация перфекта, превращающие его в более редкий синоним аориста или презенса, делают его лишним членом синонимического ряда и приводят к постепенному отмиранию перфектных форм<sup>44</sup>.

Третья диссертация по глагольной системе древнегреческого языка принадлежит М. Н. Славятинской и трактует глагольные основы презенса и аориста на материале гомеровских поэм<sup>45</sup>. Автор видит цель своей работы в изучении древнейших пластов в семантике обеих основ. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В первой главе рассматривается состояние изучения этого вопроса в настоящее время. Во второй главе анализируется значение и употребление презентных и аористных форм у гомеровских глаголов древнейшей морфологической структуры. Глава третья содержит обобщения результатов проведенного анализа и выводы диссертанта относительно семантики презенса и аориста на древнейших этапах развития греческого глагола. М. Н. Славятинская приходит к выводу, что в гомеровском языке основы обоих времен многих глаголов различаются своей семантикой, включающей лексико-морфологическое значение и функциональную – морфологическую и синтаксическую – нагрузку. Последняя часть исследования посвящена детальному анализу и лексической и грамматической оппозиции презенс – аорист, с одной стороны, и функциональной (синтаксической и морфологической) семантики основ презенса и аориста, с другой. Чем к более древнему морфологическому слою, – заключает диссертант, – относятся

---

<sup>44</sup> Там же. С. 13–15.

<sup>45</sup> Семантика глагольных основ презенса и аориста в греческом языке древнейшего периода (на материале поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»). М., 1969.

гомеровские глаголы, тем большую роль в употреблении презентных и аористных форм играет не только их лексическое значение, но и их функциональная семантика<sup>46</sup>.

В ряде кандидатских диссертаций анализируются различные аспекты древнегреческой литературы.

Исследование Н. К. Садыковой посвящено теме цветообозначений у Гомера<sup>47</sup>. Автор ставит перед собой задачу семантико-этимологического изучения всех гомеровских цветовых терминов с учетом своеобразного синкретизма эпического мышления, проявляющегося в «предметном», «телесном» и «образном» понимании цвета и смешения цветовых и нецветовых свойств предметов и явлений. В первой главе диссертации рассматриваются цветообозначения, связанные с растительным миром. Они, как выясняется, находятся на самой низкой ступени абстракции, их значения в большинстве случаев уподобительные, редко – качественные и переносные. Вторая глава содержит анализ прилагательных, образованных от названий материалов или предметов. Чаще всего они имеют материально-цветовые значения (237), велика и доля качественных (199), в том числе переносных значений (52). В третьей главе анализируются цветообозначения, связанные со свето-теневыми явлениями. Замечается преобладание абстрактных цветовых значений (196) над нерасчленимыми (129). Разбор самых абстрактных и самых малочисленных цветообозначений дан в главе четвертой. Итог: можно говорить о своеобразии лексико-семантической микросистемы цветообозначений в языке гомеровского эпоса, находящейся на стадии становления и представлявшей основу для развития современной цветовой лексики<sup>48</sup>.

В. П. Завьялова обращает взор в кандидатской работе на творчество Каллимаха<sup>49</sup>. Свою задачу автор видит в изучении функционально-стилистического значения тропов в гимнах Каллимаха в соотнесенности с художественными принципами гимнической эпической традиции. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Рассматриваются четыре основных вида тропов: метафора, метонимия, синекдоха и антоно-

---

<sup>46</sup> Там же. С. 17.

<sup>47</sup> Цветообозначения у Гомера. Автореферат. М., 1975.

<sup>48</sup> Там же. С. 22.

<sup>49</sup> Функционально-стилистическое значение тропов в гимнах Каллимаха. Автореферат. М., 1977.



мация. Каждый троп анализируется в трех аспектах: лексико-семантические группы, структура и функционально-стилистическое значение тропа в микро- и макроконтексте гимнов. В первой главе речь идет об истории «гомеровского» направления в изучении поэтики Каллимаха, гимнической традиции в его поэтике и характеристике художественно-эстетических принципов эпохи эллинизма. Во второй главе рассматриваются лексико-семантические группы, на базе которых поэт строит свои тропы, и их структура. В третьей главе автор решает основную, поставленную перед ним задачу. Подведя ее итоги, он делает ряд заключений. Проведенный анализ показал необходимость изучения всего гимнического цикла как единого целого. Основные выявленные художественно-эстетические принципы творчества Каллимаха едины для всех гимнов. Самой важной и многочисленной группой тропов является антропонимия. В гимнах 1-3-4 преобладают метафоры, в 2-5-6 – метонимия. Удалось установить между тропикой Каллимаха, с одной стороны, и гомеровских гимнов, с другой, как случаи совпадений (метафоры), так и расхождений (метонимии). Анализ тропики Каллимаха и ее основных принципов важен не только для изучения эллинистическо-римской поэзии, но в известном смысле и для поэзии нового времени<sup>50</sup>.

Внимание Т. Г. Мальчуковой привлекло творчество римского поэта I в. н. э. Лукиллия<sup>51</sup>. В своей диссертации она прослеживает пути становления и его место в развитии античной скептической эпиграммы. Характерная особенность поэзии автора (130 стихотворений) – ее насмешливость. Во всех эпиграммах изображены комические типы людей с условными именами. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. Глава первая посвящена определению жизненного пути поэта и его времени. Лукиллий пишет эпиграммы в середине I в. н.э., когда создают сатирические произведения Сенека, Персий, Петроний, – скептическая эпиграмма возникает в окружении римской сатиры. Во второй главе изучается литературная традиция жанра и, в частности, влияние политической и художественной инвективы в элегическом дистихе эллинистического времени. Комическое у Лукиллия определяется диссертантом скорее как

---

<sup>50</sup> Там же. С. 24–5.

<sup>51</sup> Творчество Лукиллия и античная скептическая эпиграмма. Автореферат. Л., 1972.

ирония, в отличие от юмора Менандра и смеха древней комедии. Его основные типы персонажей – представители свободных профессий: грамматика, риторы, астрономы, музыканты и т. д. Третья глава называется «Поэтика Лукиллия». Автор диссертации привлекает внимание к композиционным и стилевым особенностям поэзии Лукиллия: антитетическому построению эпиграмм, лаконизму, широкому использованию гипербол, наличию вульгаризмов, новообразований, необычных словосочетаний. Лукиллий, греческий поэт, впервые придавший эпиграмме сатирическое содержание, был тесно связан с римской литературой и перенес в эпиграмматическую поэзию опыт ее сатиры<sup>52</sup>.

Кандидатская диссертация Ю. В. Шанина посвящена античной агонистике<sup>53</sup>. Ее автор задался целью выяснить, как отразился в древнегреческой поэзии классического периода принцип гармонического развития человека и последовательное изменение гражданского идеала в Элладе. Рассматриваются последовательно вопросы: физическое воспитание и агонистика в жизни эллинов (глава I), агонистические сюжеты древнегреческой мифологии (глава II), отражение ритуальных состязаний в поэмах Гомера (глава III), задачи агонистики как тема древнегреческой поэзии VII-VI вв. до н.э. (глава IV), этические принципы в эпиникиях Пиндара (глава V), и агонистическая «доблесть» Вакхилида (глава VI). Диссертант при их анализе исходит из глубокого убеждения в том, что тема физической закалки, агон и спортивной доблести в той или иной степени присутствует почти у всех древнегреческих писателей, начиная с Гомера и до поздней античности. Принцип гармонического развития человека, составлявший основу воспитательной системы эллинов классического времени, не будучи единым (спартанская и афинская системы), по-своему воспринимался и трактовался древнегреческими поэтами. В своих произведениях они отражали ведущееся в обществе обсуждение проблемы всестороннего гармонического воспитания и меняющиеся со временем взгляды на роль агонистики и физического воспитания граждан полиса<sup>54</sup>.

Объектом изучения нескольких кандидатских диссертаций является латинский язык.

---

<sup>52</sup> Там же. С. 16.

<sup>53</sup> Агонистика в древнегреческой поэзии. Автореферат. Киев, 1968.

<sup>54</sup> Там же. С.17.

Н. Д. Численко обращается к глагольной префиксации архаической латыни<sup>55</sup>. На базе литературных памятников этого периода диссертант намерен произвести семантическое изучение предлогов и префиксов в историческом срезе языка. В главе первой сжато определяются основные проблемы и методы исследования сложных глаголов. Вторая глава посвящена обстоятельному рассмотрению основной проблемы, а именно семантики глагольных префиксов. За основу наблюдений в работе принято изучению двух типов их значений – местоположения и направленности. Выделяются шесть основных префиксальных групп, связанных с определенной категорией глаголов. Уточняются особенности их взаимоотношений. Префиксы архаической латыни характеризуются как семантическая система и дается анализ количественных закономерностей их употребления. Методологические и теоретические результаты изучения семантики глагольных префиксов позволили диссертанту углубить понимание системного строения как пространственных, так и динамических их значений<sup>56</sup>.

В диссертации Л. Э. Киселевой ставится вопрос о способах и особенностях выражения футуральности на ранней фазе развития латинского языка<sup>57</sup>. Делается попытка дать дифференциацию степеней футуральной дистантности, проследить и систематизировать взаимосвязи этих подтипов с различными модальными значениями для определения соотношенности указанных категорий. Анализируются основные типы футуральности, выраженные доминирующими синтетическими вербальными формами: футурум I, футурум II и футуральным презенсом. Основным источником для этой цели послужили комедии Плавта и Теренция (III–II вв до н. э.). Исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Первая глава содержит контекстуальный анализ будущности в формах футурум I с акцентом на случаях, передающих объективное или близкое по семантике будущее. Во второй главе рассматривается связь выбора временных форм с жанром и содержанием литературного произведения. Устанавливается, что в диалогических партиях

---

<sup>55</sup> Глагольная префиксация в архаической латыни (семантический аспект). Автореферат. Л., 1972.

<sup>56</sup> Там же. С. 8–9.

<sup>57</sup> Способы выражения футуральности в архаической латыни. Автореферат. Л., 1975.

комедий нередко вместо будущего времени автор употребляет настоящее (так называемый футуральный презенс). Глава третья отведена месту и роли футурума II, относительно будущему, предшествующему другому будущему действию. В абсолютном значении оно встречается, главным образом, в независимых предложениях. Диссертант детальным образом изучает и комментирует случаи употребления форм будущего времени в дошедших до нас образцах раннеримской комедии (Плавт, Теренций) и приходит к выводу, что основным выразителем идеи футуральности в латинском языке архаического периода следует признать будущее на *-am*, *-es* и на *-bo*, т. е. футурум I<sup>58</sup>.

Т. А. Карасева избрала объектом своего кандидатского исследования систему гласных латинского языка<sup>59</sup>. Оно представляет собой историко-типологическое описание развития системы вокализма начального слога в латыни VI–II вв. до н.э. Главная задача описания – выявить связь фонетических изменений в латинском вокализме с изменениями фонематических отношений. В развитии вокализма доклассической латыни выделяется пять исторических периодов, и диссертант подвергает каждый из них последовательно подробному рассмотрению. На основании сравнительно-исторической реконструкции в архаической латыни VI–V вв. до н.э. восстанавливается система гласных двух типов: одноморные (краткие) и двуморные (долгие и дифтонги). Эта система является исходной для дальнейшего развития. Подсистема одноморных гласных начального слога не изменяется в течение доклассической эпохи, основные преобразования связаны в дальнейшем с двуморной подсистемой. Анализ развития системы латинских гласных в течении VI–II вв. до н.э. показал, что необходимо выделять не только фонетические, но и фонологические изменения вокализма. Основной вывод, к которому пришел диссертант, состоит в том, что фонетические изменения гласных могут сопровождаться изменениями дифференциальных признаков фонем, но и могут не сопровождаться ими и, наконец, могут происходить без фонетических изменений этих гласных<sup>60</sup>.

---

<sup>58</sup> Там же. С. 21.

<sup>59</sup> Изменение фонологической системы гласных в латинском языке доклассической эпохи. Автореферат. М., 1969.

<sup>60</sup> Там же. С. 24.

В своей кандидатской диссертации Г. А. Чупина анализирует язык Плавта<sup>61</sup>. Автор видит свою задачу в изучении средств речевого побуждения, осмыслении тенденций их развития и появления у поэта тех или иных конструкций. Первая глава работы отведена основной побудительной форме – императиву. Выясняется, что в языке Плавта это наклонение обладает четко выраженными формой и значением настоящего и будущего времени действительного залога. Во второй главе диссертации анализу подвергается независимый побудительный конъюнктив, являющийся непременно компонентом синонимического ряда императива. Конъюнктив у Плавта, еще не являясь наклонением придаточных предложений, лишь начинает в них проникать, по мнению диссертанта, через прохибитивы и функционирует в основном в речи запрещения. В заключении диссертант анализирует роль вопросительных предложений, занимающих значительное место в побудительных ситуациях<sup>62</sup>.

Кандидатская диссертация А. Г. Ступинской посвящена изучению вопроса о прозаическом ритме у римского писателя I в. н. э. Корнелия Цельса<sup>63</sup>. Исследование проводится на материале его произведения «De medicina» и преследует целью анализ встречающихся в нем ритмических клаузул. В первой главе рассматривается в историческом аспекте учение и литература о прозаическом ритме, начиная с Аристотеля. Выделяются два основных направления в его трактовке: типологическое и метрическое. Как явствует из главы второй, автор диссертации тяготеет к типологическому методу и выделяет восемь основных клаузульных форм, которые использует Цельс для достижения ритмичности своей прозы, а именно: дитрохеическая (– ∪ – ∪), диспондеическая (– – – ∪), т. н. – ∪ – – ∪, антиспастическая (∪ – – ∪), дикретиновая (– ∪ – – ∪ ∪),дохмическая (∪ – – ∪ ∪), т. н. – ∪ – ∪ ∪ клаузула и, наконец, героическая (– ∪ ∪ – ∪). Как показали соответствующие подсчеты диссертанта, из общего числа 6450 наиболее употребительными являются: 3-я (997 клаузул) и 5-ая (452). Диссертант приходит к заключению, что применение легких или

<sup>61</sup> Средства выражения побудительности в языке Плавта. Автореферат. Л., 1977.

<sup>62</sup> Там же. С. 20.

<sup>63</sup> Ритмические клаузулы А. Корнелия Цельса (на материале произведения «De medicina»). Автореферат. Львов, 1970.

тяжелых клаузул у Цельса в значительной степени определяется грамматическим ударением слов<sup>64</sup>.

Методика обучения латинскому языку в языковых вузах рассматривается в кандидатской диссертации Н. Л. Кацман<sup>65</sup>. Теоретические и практические результаты исследования подведены самим автором. Обоснован прикладной характер курса латинского языка в языковых вузах. Уточнены и проанализированы цели обучения. Показано, как и на каком конкретном материале они могут быть реализованы. Определены единицы отбора, установлены критерии отбора языкового материала по всем аспектам языка. Отобран лексический минимум и определен потенциальный словарь, предложенный для обучающихся. Разработана система упражнений с использованием технических средств (магнитофона и обучающих машин). Создана система учебных пособий для студентов языковых вузов<sup>66</sup>.

Подводя итог деятельности наших филологов-классиков за период десятилетия – с 1967 по 1977 годы – следует отметить их значительные успехи в исследовании греко-римской античности. Участились научные встречи в различных центрах страны, вышли из печати многочисленные труды и сборники докладов, были осуществлены переводы произведений античных авторов, появился ряд учебников по латинскому языку, защищены серьезные докторские и кандидатские диссертации.

Оценивая их проблематику, нужно указать на широкий охват исследованного материала, включающего в себя почти все области науки об античности, – ее историю, культуру, философию, литературу и особенно такие сферы, как греческий и латинский языки. Необходимо заметить, что особо пристальное внимание ученых привлекли вопросы, относящиеся к различным аспектам древнегреческого мира. Не исключено, что усилению интереса к греческой тематике способствовали новейшие научные открытия, в том числе и дешифровка крито-микенских надписей.

Попытаюсь обобщить собранный выше материал.

Литературоведческие исследования наших классиков за истекший период отличает широкий историко-диалектический

---

<sup>64</sup> Там же. С. 21.

<sup>65</sup> Теоретическое обоснование учебных пособий по латинскому языку с использованием технических средств. Автореферат. М., 1975.

<sup>66</sup> Там же. С. 32.

подход к явлениям, стремление охватить творчество писателя в целом, его неразрывную связь с античным рабовладельческим обществом, классовыми и политическими явлениями современной ему жизни. В этой связи следует отметить работы В. Н. Ярхо, посвященные творчеству великих греческих драматургов – Эсхила, Софокла, Еврипида и Аристофана. Его внимание привлекает, прежде всего, образ античного человека, сложный внутренний мир переживаний гражданина полиса, отражающий его деятельность и обусловленный происходящими в ней процессами. Л. И. Савельева, рассматривая с новых позиций творчество выдающегося римского комедиографа Теренция в сопоставлении с Плавтом, выявляет своеобразие его художественной манеры и приходит к заключению, что произведения первого из них сыграли важную роль в формировании эстетических взглядов того времени и выполнили определенный социальный заказ верхушки эллинистического общества.

Р. В. Гордезенини изучил вопрос о единстве и формировании гомеровского эпоса и пришел к интересному выводу, что поэмы возникали постепенно, так что отдельные части «Одиссеи» могли быть созданы раньше отдельных частей «Илиады». Однако общность плана, структурное единство характеров героев указывает на то, что проделал окончательную редакцию цельных произведений.

Греческая эпиграмматическая поэзия VIII–III вв. до н.э. привлекла внимание Н. А. Чистяковой. Опыт анализа ее происхождения и основных этапов развития доказывает, что эпigramмы сочинялись в Греции с давних времен, однако только в эллинистическую эпоху они входят в литературу как особый жанр с самым разнообразным содержанием, обусловленным изменениями в идеологии греческого общества.

Впервые за многие годы к изучению творчества Овидия обращается Н. В. Вулих. Ее интерес привлекает его поэма «Метаморфозы» в ракурсе мировоззрения и художественного стиля поэта. В отличие от своих западных коллег, она рассматривает произведение Овидия в тесной связи с социально-политической ситуацией Рима конца I в. до н.э. с его идейными и культурными запросами.

Из других рассмотренных выше литературоведческих работ заслуживают упоминания исследования: И. К. Садыковой – о цветообозначениях у Гомера, В. П. Завьяловой – о творчестве Каллимаха, Т. Г. Мальчуковой – об эпigramмах Лукилла, А. Г. Ступинской – о ритмах в прозе Цельса.

Языковедческая тематика обогатилась рядом новых исследований, в том числе связанных с изучением дешифрованных М. Вентрисом крито-микенских надписей XIV–XII вв. до н.э. Заслуживают внимания работы Г. Ф. Поляковой, анализирующей аграрную и социальную терминологию древнейших греческих письменных текстов и пытающейся восстановить структуру микенского общества. Представляет интерес исследование С. Я. Шарыпкиным именного склонения языка памятников и высказанные им впервые соображения об истории и особенностях развития древнегреческой падежной системы. Свой вклад в изучение древнегреческого языка вносит М. Н. Славянская, исследуя его глагольную структуру в спектре сопоставления временных форм презенса и аориста в языке Гомера. Оригинальность суждений привлекает к себе исследование И. А. Перельмутера, избравшего объектом изучения роль перфекта в глагольном строении древнегреческого языка на раннем этапе развития, а также работы Н. И. Степанова, изучившего место и назначение перфекта в послеклассическую эпоху.

Среди крупных языковедческих диссертаций по древним языкам надлежало бы выделить две: одну – по греческому, а другую – по латинскому языку.

Первая принадлежит автору настоящего обзора и посвящена проблеме языка древнегреческой хоровой лирики на материале Пиндара.

Автором второй является В. В. Каракулаков, исследовавший историю латинского языка на материале Варрона.

Н. С. Гринбаум<sup>67</sup> выдвинул и пытался, основываясь на базе анализа литературных и эпиграфических свидетельств, отстоять тезис о диалектной основе языка хоровой лирики как отражения исторически сложившейся в древнейшей Греции диалектно-территориальной реальности, а именно протоионийско-эолического наддиалекта, своеобразность койнэ материковой архаической Эллады, в то время как преобладающее большинство исследователей считает основой хоровой лирики и, в частности, Пиндара искусственно обработанный эпический диалект.

В. В. Каракулакову удалось на основании скрупулезного исследования творчества Варрона и, в частности, его труда «De Lingua Latina» доказать не замеченную раньше учеными боль-

---

<sup>67</sup> См. цит. соч., с. 68.



шую ценность его наследия для изучения истории латинского языка, систематизации греческих грамматических учений и формирования системы грамматических терминов латинского языка.

Подводя окончательный итог деятельности наших филологов-классиков за десятилетие с 1967 по 1977 годы, нельзя не признать, что это был бурный период в истории науки об античности в России и серьезный шаг в разработке ее проблематики. Можно, пожалуй, присоединиться к высказанной в год окончания этого десятилетия его оценке, данной А. А. Тахо-Годи: «Возрождение классической филологии».

Следует в заключение обратить внимание на то существенное обстоятельство, что в данный обзор осталась невключенной масштабная научно-исследовательская и педагогическая деятельность кафедр классической филологии вузов страны за обозреваемое десятилетие.

#### СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Тронский И. М. Лингвистическое изучение древнегреческого языка в России (до 1917 г.) // *Acta antiqua Academiae scientiarum Ungaricae. Tomus XV. Fasc. 1–4. Budapest, 1967. P. 1–26.*
- Вейсман А. Д. Успехи изучения греческого языка и литературы в России за последнее двадцатилетие // *Русский Вестник, 1880. № 4. С. 439–466.*
- Прозоров П. Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 год на русском и иностранных языках. С прибавлением за 1893, 1894 и 1895 годы. СПб., 1898 (ср. дополнение А. И. Малеина в «Филологическом обозрении». Т. XV (1898), Крит. и библи. С. 48–56, и П. Н. Черняева в «Гимназии», 1899. №1. С. 1–10.
- Малеин А. И. Классическая филология (в статье «Россия» в «Энциклопедическом словаре «Брокгауза-Ефрона». Т. 28, 1899. С. 813–816.
- Воронков А. И. Древняя Греция и Древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1885–1959). М., 1961.
- Тронский И. М. Классические языки // *Советское языкознание за 50 лет. М., 1967. С. 143–157.*
- Тахо-Годи А. А. Возрождение классической филологии // *Вестник Московского университета. Филология. М., 1977. № 5. С. 68–70.*
- Советская наука об античных авторах (1960–1975). Издание и исследование. Справочник. Составитель И. Е. Борщ. М., 1980.

А. В. Грошева

## О чувстве вкуса у Лукреция

Гениальная философская поэма Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей»), созданная в I в. до н. э., представляет собой первую дошедшую до нас с времен античности «попытку полностью объяснить природу на основе физических принципов» (Вавилов : 13). Притягательная сила этого произведения, не ослабевающий интерес к заключенным в ней идеям на протяжении более двух тысячелетий (в 1946 г. было отмечено 2000-летие со времени смерти поэта) кроется в слиянии ее философского содержания с изумительной поэтической формой. Непреходящее значение имеет учение Лукреция о существовании первоначальных тел, или просто *первоначал* (*semina = primordia*), т. е. атомов (у Лукреция этот термин не встречается), соединения которых и образуют все вещи. Лукреций приписывает первоначалам всех вещей только механические свойства в виде плотности, или твердости (*Nat. 1. 510 sunt igitur solida ac sine inani cogroga prima* «начальные *плотны* тела и нет пустоты в них»), формы и размеров. Все теоретические послышки Лукреций, как правило, подкрепляет иллюстративным материалом. Последнее из перечисленных свойство – размер первоначал – он поясняет на нескольких примерах, из которых наиболее простым, заимствованным из обыденной жизни, представляется сравнение элементов вина с элементами оливкового масла (*Nat. 2. 341*): первые мельче, чем вторые, вот почему при процеживании вино протекает мгновенно (*subito*), но медленно сочится масло. Движение Лукреций также считает неотделимым механическим свойством первоначал, в то же время отрицая наличие у них таких свойств, как цвет, температура, звук, вкус, запах, которые, по его мнению, являются субъективными качествами. Эти основополагающие физические принципы составляют содержание двух первых книг поэмы Лукреция. Остальные четыре книги следует рассматривать как приложение физической основы к объяснению более сложных природных явлений – души, ощущений, астрономических явлений, развития Земли, жизни, общества и т. д. Наиболее полная и точная оценка идей, развиваемых в одной из последних книг Лукрецием, как нам кажется, дана В. И. Светловым: Лукреций считал, что «единственным

достоверным источником познания мира являются человеческие чувства, человеческие ощущения и восприятия. Чувства нас не обманывают. Они являются критерием истины. Нас может обмануть лишь рассудок, когда он отрывается от чувств или неправильно обобщает показания чувств» (Светлов: 102). Вопросам чувственных восприятий, получаемых с помощью ощущений (*sensus*), – зрения (*visus*), слуха (*auditus*), вкуса (*sapor*), обоняния (*odor*), посвящена главным образом IV книга поэмы; при этом, если зрению отводится в ней почти 300 стихов (230–521), то рассмотрение прочих видов ощущений дается в более сжатой форме и занимает значительно меньше места: рассуждение о слухе – примерно 100 стихов (522–614), о вкусе – около 60 (615 – 672), об обонянии около 50 (673–721). Осязание (*tactus*) в этом перечне вообще отсутствует, однако указание на то, что Лукреций включает его в число пяти чувств, в поэме имеется (см. Nat. 3. 626 *quinque sensibus*); кроме того, упоминание о *tactus* неоднократно встречается в разных местах поэмы, например, Nat. 2. 435–436 *Tactus enim, tactus, pro divum numina sancta, Corporis est sensus ...* «Ведь осязание, да, осязанье, клянуся богами, Чувства источник у нас, когда в тело извне проникает Что-нибудь». К сожалению, текст IV книги сильно испорчен; в некоторой недоработанности текста, весьма возможно, повинен сам автор поэмы (Петровский: 2, 410).

Процесс чувственного познания выглядит у Лукреция довольно упрощенно. По его представлению, чувственное восприятие состоит в том, что с поверхности предметов отделяются маленькие тельца – изображения вещей; из-за их тонкости Лукреций называет их образами, изображениями, или призраками (*simulacra*). Они носятся в воздухе во всех направлениях и, проникая в глаза, вызывают зрительные образы, в уши – слуховые ощущения и т. д. И уже от описания чувственных впечатлений, образов Лукреций переходит к обобщению, к мышлению (духу, *animus*), к некоторым выводам или открытию определенных закономерностей в природе.

Остановимся прежде всего на понимании Лукрецием чувственного ощущения (*sensus*). Определения этого понятия в поэме нет, тем не менее на основании употребления *sensus* в различных контекстах можно установить, какой смысл вкладывал Лукреций в это слово. При рассмотрении значений *sensus* будем исходить из материала, представленного в Оксфордском латинском словаре (с некоторой корректировкой и дополнениями). Наиболее общим значением *sensus* было ‘способность воспри-

нимать (что-либо) с помощью ощущений'. Так, например, вывод о бесконечности Вселенной (Nat. 1. 962) Лукреций делает на том основании, что наши чувства не способны проследить отделяющие ее границы: у Вселенной нет края. Примером более конкретного чувства (sc. осязания) является ощущение зубной боли, которая может возникнуть или от холодной воды, или от песчинки, попавшейся в хлебе (Nat. 3. 692 *uti dentes quoque sensu participantur* «так что зубы также принимают участие в ощущениях»). Таким образом, любое из пяти физических чувств или все в совокупности могут быть обозначены сущ. *sensus*. Предугадывая сложную структуру атома, Лукреций утверждает его неделимость на части и малую величину: Nat. 1. 600 *sacumen Corporis illius, quod nostri cernere sensus iam nequeunt* «есть предельная некая точка Тела того, что уже недоступно для нашего чувства» (дословно «...которую вершину/верхушку (*sacumen*) того тела наши чувства различить уже не могут»).

Следующее значение *sensus* словесно определяется довольно сложным образом как 'впечатление (например, зрительное, слуховое и т. д.), которое возникает как результат восприятия, ощущения' (англ. 'an impression consequent on perception by the senses'). Что касается непосредственно *вкусовых* ощущений, они могут быть весьма разнообразны, обозначая как положительные, так и отрицательные впечатления. Из поэмы Лукреция можно привести несколько случаев подобного употребления *sensus*. В одном отрывке из II книги (Nat. 2. 399), предвосхищая тематику, которой специально посвящена книга IV, Лукреций говорит, например, о приятном вкусе (*iucundo sensu*), который производят мёд и молоко на наш язык (*linguae in ore*).

И последнее, четвертое значение *sensus*, имеющееся у Лукреция (из десяти, отмеченных в Оксфордском словаре) – 'способность восприятия (умственного и физического)' иллюстрируется одним примером из поэмы *De rerum natura*: 3. 98 *sensum animi certa non esse in parte locatum....* Чтобы лучше понять смысл этого высказывания, необходимо сначала уяснить значения слов *animus* и *mens* у Лукреция в отличие от *anima*, свое понимание которых он приводит чуть выше в этом же отрывке: 3. 94 *animus* 'дух' (он же *mens* 'ум', 'разум') «есть лишь отдельная часть человека, как руки и ноги Или глаза...». Таким образом, в цитируемом выше стихе 3. 98 Лукреций критикует заблуждения той толпы мудрецов, которая совершенно напрасно считает, что «ощущающий дух (*sensus animi*) не занимает особую часть в организме», и, «не имея Места отдельного, нам

дает ощущение жизни» (*vivere cum sensu*). По мнению самого Лукреция, который строго различает существующие в теле человека дух (*animus*) и душу (*anima*), дух, отождествляемый им с разумом, есть хозяин души, а душа, отождествляемая с органами чувств, есть исполнитель воли духа. Дух является управителем души, а через нее и управителем тела, которое она приводит в движение. Дух находится в средней части груди, душа же разлита по всему телу (*Nat.* 3. 215–216). Дух и душа состоят из тончайших, наиболее круглых, гладких и подвижных мельчайших частиц, и доказательством этому служит быстрое появление и движение мыслей. Хорошим примером противопоставления разума и чувств является высказывание одного врача древности, Скрибония Ларга (I в. н. э.): *Larg.* 180 (*opium potum mentem soporat sensusque abalienavit* «опийный напиток ум усыпляет и чувств (ощущений) лишает».

Прочие значения *sensus*, отмечаемые у других авторов, такие, как абстрактные ‘сознание, образ мыслей, взгляд’; ‘содержание, мысль, идея’ и т. п., у Лукреция не наблюдаются.

Перейдем к пониманию *вкуса* у Лукреция как одного из видов чувственного восприятия (*Nat.* 4. 615–672). Хотя этому отрывку дан заголовок *De sapore* (эти заголовки ставили в рукописях), Лукреций в первом же стихе 4. 615 ...*qui sentimus sicut, lingua atque palatum* «то, чем мы чувствуем вкус, – наш язык или нёбо», обозначая *вкус*, употребляет не существительное *sapor*, а *sucus*; здесь же он указывает на органы, служащие для определения вкуса, – язык (*lingua*) и нёбо (*palatum*). Как верно замечено в статье И. И. Толстого «Лукреций как поэт», «поэтическая способность видеть творимый образ проявляется у него (Лукреция) особенно четко в тех пояснительных иллюстрациях, которые он так часто дает к своим теоретическим положениям» (Толстой: 152). Одной из таких ярких иллюстраций является описание *вкусового* процесса, построенное целиком на картине быстро сменяющихся образов исключительно чувственного порядка: ощущение во рту при жевании пищи Лукреций сравнивает с тем, как если бы из мокрой губки выжимали досуха воду. Заметим, что в этом же небольшом отрывке о вкусе Лукреций употребляет *sucus* и в его основном значении ‘влага, сок’: *Nat.* 4. 622 *manantis corpora suci* «тела сочащейся жидкости/сока». Здесь же поэт говорит о зависимости *вкуса* от свойств основных тел: если тела сочащейся жидкости гладки, они вызывают ощущение сладости, а чем они грубей и шершавей, тем сильнее «колют и раздирают чувство» (*pungent*

sensum lacerantque), где *sensus* употреблено для обозначения *вкуса* как одного из пяти чувственных ощущений. Наслаждение от вкуса (Nat. 4. 627 *e suco*) ограничено полостью нёба, а далее вкус пищи уже не ощущается. Лукреций рассуждает и о громадном различии вкусов, когда какая-либо пища по своим качествам одним доставляет удовольствие, кажется очень сладкой (*perdulce*), а другим – неприятной и горькой (*triste et amarum*). В качестве иллюстрации он приводит весьма сомнительную легенду о ядовитости человеческой слюны для змей, которая мгновенно их убивает. Более убедительно сообщение о чемерице (*veratrum*), смертельной отраве для людей, от которой, однако, «козы тучнеют и жир нагоняют себе перепёлки». Лукреций пытается объяснить эти парадоксы исходя из многообразного смешения различных по форме (*figura*) первоначал в различных телах (ст. 645–672).

Таково содержание той небольшой части IV книги Лукреция, которая специально посвящена *вкусовым* ощущениям. Следует отметить, что термин *sapor* ‘вкус’ встречается в этом отрывке лишь однажды, в предпоследнем, 671-ом стихе: *in mellis sapore* ‘во вкусе мёда’. В комментарии Ф. А. Петровского сказано: «некоторые издатели совсем исключают этот стих, считая его позднейшей вставкой» (Петровский: 2, 423).

Однако в других местах поэмы сущ. *sapor, oris m* можно встретить довольно часто. Во II книге (Nat. 2. 398–407) имеется рассуждение о том, что приятное ощущение (*sensus* – здесь конкретно о *вкусе*) вызывают у нас вещи, состоящие из гладких и круглых частичек, – молоко, мёд, а горький и терпкий вкус создают крючковатые, тесно сплетенные частицы, которые, например, содержатся в полыни и тысячелистнике: Nat. 2. 401 *centauri foedo pertorquent ora sapore* (Примеч. *Centaurium bot.* Золототысячник, растение, содержащее горькие гликозиды), и «уста нам кривят отвратительным *вкусом*» – *foedo sapore*; именно этот единственный случай из текста Лукреция приводится в Оксфордском словаре. Значение прилагательного в таких сочетаниях с *sapor* указывает на определенное качество вкуса: плохой – хороший, сладкий – горький, приятный – противный и т. п. Количество примеров можно увеличить: Nat. 4. 222 (Denique) *in os salsi venit umor saepe saporis...* «Часто нам в рот, наконец, попадает солёная влага, если вдоль моря идём» (дословно «влага с солёным (при)вкусом»). Разнообразие вкусов Лукреций отмечает употреблением формы мн. ч. *sapores*: Nat. 4. 706 «во (всевозможных) видах вкуса». Другое значение *sapor* –

‘ощущение, чувство вкуса’, обычно (но не всегда) в сочетании с *oris*, указывающим на орган восприятия *вкуса*, рот, встречается также в IV книге, в том месте, где проводится очень важная для Лукреция мысль, что чувства являются критерием истины: Nat. 4. 478 sq. ...primis ab sensibus esse creatam Notitiam veri, neque sensus posse refelli «(Ты убедишься сейчас), что чувства в нас порождают понятие истины, и чувств опровергнуть ничем невозможно». Разум целиком исходит из чувств (Nat. 4. 489). Именно в этом отрывке Лукреций утверждает, что «каждому чувству особые область и сила даны»; силой особою, свойственной только ему, *вкус* обладает (*sapor*), поэтому *вкус* не может, например, уличить осязание в ошибке: Nat. 4. 487 (An) hunc porro tactum *sapor* arguet *oris*.

Обращает на себя внимание следующий факт: еще одно существительное, употреблявшееся в латинском языке, наряду с *sapor*, для обозначения ‘ощущения, чувства вкуса’ – *gustus, us m*, в поэме Лукреция не отмечено. Наличие в тексте родственного глагола *degusto* ‘пробовать, отведывать’ (Nat. 2. 192 Et celeris flamma *degustant* tigna trabesque «пламенем быстрым *лизать* начиная и балки, и бревна», образно – об огне, *ignes*) свидетельствует о том, что сущ. *gustus* Лукрецию, конечно, было известно, но для употребления в качестве термина, обозначающего *вкус*, он отдал предпочтение более абстрактному сущ. *sapor*, не отягченному, в отличие от *gustus*, дополнительными значениями и оттенками.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Лукреций. О природе вещей. Том I. Редакция латинского текста и перевода Ф. А. Петровского. Изд-во АН СССР. Л., 1946. Том II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла. Составил Ф. А. Петровский. Л., 1947. Цитируемые статьи из II тома: 1) Вавилов С. И. Физика Лукреция. С. 9–38; 2) Светлов В. И. Мирозрение Лукреция. С. 87–120; 3) Толстой И. И. Лукреций как поэт. С. 146–162.
- Oxford Latin Dictionary. Ed. By P. G. W. Glare. Oxford, Clarendon Press, 1968–1982.

А. С. Данилов

**Семантика древнеисландского цветообозначения  
*grœnn* 'зеленый' в песнях «Старшей Эдды»**

1. Рассматривая круг референтов имени цвета, исследователи цветообозначений в древних германских языках в большинстве случаев пытаются предположить, какие цветовые характеристики приписывали тому или иному объекту носители древнего языка (ср. Wolf 2006). Предметом исследования в этих случаях оказываются «собственно-цветовые» семантические признаки, которыми искусственным образом ограничивается интенционал значения имени цвета, тогда как все прочие признаки представляются импликационными и, следовательно, периферийными.

Вместе с тем, стоит отметить, что, произвольно фиксируя какую-либо совокупность признаков как смысловое ядро древнего поэтического слова и оттесняя все прочие признаки на периферию его значения, мы невольно поступаем так, как поступили бы при семантическом анализе слова в современном языке. Но, подходя к древнему слову с теми же готовыми семантическими моделями, что к слову современному, мы молчаливо допускаем идентичность этих семантических структур, которые на деле различны, и притом во многом. М. И. Стеблин-Каменский видит в слове древнего памятника более комплексное смысловое единство, чем может представиться современному толкователю: «Значения слов древнего языка всегда в большей или меньшей степени не совпадают со значениями соответствующих слов современного языка. И всего больше не совпадают они там, где это несовпадение всего труднее заметить: в самых элементарных словах, относящихся к духовному миру, таких, как «душа», «правда», «добро» и т. п.» (Стеблин-Каменский 1971: 7).

А. Н. Веселовский говорит о «синкретических эпитетах» ранней поэзии: «Эпитеты, которые я называю синкретическими, отвечают <...> слитности чувственных восприятий, которые первобытный человек выражал нередко одними и теми же лингвистическими показателями» (Веселовский 1989: 62). С. Д. Кацнельсон отмечает в качестве одной из важнейших особенностей ранних имен качественный полисемантизм: «Каждое



первобытное имя обозначает не одно, а несколько качеств данного предмета, вследствие чего и качественные значения сплетаются в целые пучки» (Кацнельсон 1949: 265). Чтобы понять истоки качественного полисемантизма эддического имени цвета, необходимо прежде всего учитывать, что цветообозначение в «Эдде» прочно связано с системой значимостей мифа (язык эддических песней – это язык описания мифологической реальности), и «трансформация общего языка в особый поэтический язык, обладающий новыми семантическими возможностями» (Смирницкая 1994: 6) предполагает такую модификацию значения слова, в результате которой слово оказывается носителем особой «мифопоэтической информации».

Цветовые эпитеты, вероятно, способны отражать не только внешнее свойство денотата (цвет), но и некоторые другие его свойства, объяснимые с позиции его значимости в мифе или героическом предании: «... собственно цветное значение выступает в эддической поэзии как вторичное, периферийное. «Эдда» апеллирует не к зрению, а к иным чувствам, и изучение эддических цветообозначений ведет глубже цвета» (Смирницкая 2001: 216). Эддические цветообозначения – это характеризующие единицы, связанные со своими денотатами более чем по одному признаку. Общим семантическим признаком для лексем данной группы является собственно-цветовой признак, однако мифопоэтическая информация, которая также входит в их значение, по своему характеру может широко варьироваться.

2. Цветообозначения, представленные в «Эдде», можно условно разделить на две группы: в семантике некоторых цветообозначений (*rauðr* ‘красный’, *svartr* ‘черный’, *grænn* ‘зеленый’, *brúnn* ‘бурый’) мифопоэтический компонент значения определяется ассоциациями, сформированными на раннем этапе семантического развития этих слов, и в контексте эддических песней актуализируются древнейшие пласты в их семантике. Употребление других цветообозначений (*blár* ‘синий’, *grár* ‘серый’, *jarpr* ‘коричневый’) не дает оснований говорить об актуализации в контексте «Эдды» древнейших пластов их значения. Мифопоэтическая значимость, которую приобретают такого рода цветообозначения в контексте «Эдды», представляется вторичной модификацией их общеязыкового значения.

Прилагательное *grænn* ‘зеленый’, о котором пойдет речь в настоящей работе, является наиболее характерным примером цветообозначений первой группы, мифопоэтическая семантика которых определяется «ассоциациями, восстанавливаемыми

этимологически». О. А. Смирницкая отводит этимологической предыстории слова роль одного из ключевых факторов в исследовании семантики эддических цветообозначений: «Цвет в любой культуре является источником коннотаций и мотивирует те или иные символические смыслы. Для изучения цветообозначений в «Эдде», однако, важнее принимать во внимание, что и сами они не первичны в языке, т.е., в свою очередь, имеют определенную мотивировку, выявляемую этимологически. Именно эта, исходная мотивировка цветообозначений <...> определяет их употребление в «Эдде»» (Смирницкая 2001: 216).

Отправной точкой для поиска категорий мифологического мышления, с которыми связано в языке «Эдды» цветообозначение *grænn* ‘зеленый’, может послужить космогонический контекст «Прорицания Вёльвы». Немаловажно, что *grænn* – первое, открывающее цветообозначение песни: *Ár var alda, / þat er Ymir bygðí, // vara sandr né sær / né svalar unnir; // iorð fannz æva / né upphiminn, // gar var ginnunga, / enn gras hvergi* «В начале времен, / <когда Имир жил, // не было> ни песка, ни моря, / ни волн холодных. // Земли еще не было / и небосвода, // бездна зияла, / трава не росла» (Vsp. 3)<sup>1</sup>. Вслед за тем сообщается, что боги «подняли» (*upfo*) землю, солнце взшло на положенную ему орбиту (Vsp. 4), однако не исключено, что все перечисленные манипуляции с космической материей следовало бы рассматривать как экспозицию, «приготовления к бытию», но еще не начало самого бытия.

Как подлинную «точку отсчета» в данном микроконтексте можно рассматривать событие, описанное в конце 4 строфы «Прорицания Вёльвы»: *þá var grund gróin / grænom lauki* «тогда поросла земля / зеленым луком». С этого момента часы сотворенного мифологического мира начинают свой ход, и мифологические события развиваются вплоть до «Помрачения Богов» (*ragna rök*), когда мир богов исчезает в огне, и вселенная вновь погружается во тьму. Новый виток в циклической космогонии «Прорицания Вёльвы» открывает строфа 59: *Sér hon upp koma / öðro sinni // iorð br ægi / iðia græna* «<Видит: восходит / в другой уж раз // из моря земля, / снова зеленая>». Очевидно, что и в

<sup>1</sup> Переводы песней «Эдды», использованные в настоящей статье, соответствуют изданию Старшая Эдда. В угловых скобках <...> представлен дословный перевод отдельных фрагментов текста, учитывающий существенные особенности оригинала.

данном космогоническом контексте именно прилагательное *grænn* маркирует начало нового цикла: *grænn* выступает как знак, которым замкнута и продлена реальность мифа.

Впрочем, было бы неверно считать цветообозначение *grænn* единственно индикатором переходных состояний, необходимым цветовым атрибутом акта творения. В «Песни об Альвесе» приводится обозначение земли *ígræn* ‘вечнозеленая’: *Iorð heitir með mönnum, / enn með ásom fold, // kalla vega vanir, / ígræn iötnar* «<Землей зовется у людей, / и Долом – у асов, // Пути называются у ванов, / Вечнозеленой – у турсов>» (Alv. 10)<sup>2</sup>. Привлекает внимание образ вечнозеленого Мирового Ясеня в *Vsp.* 19: *Asc veit ec standa, / heitir Yggdrasill, // hár baðmr, ausinn / hvítaauri; // þaðan koma döggar, / þær í dala falla, // stendr æ yfir, grænn, / Urðar brunni* «<Ясень, ведаю, стоит, / зовется он Иггдрасиль, // высокое дерево, омытое / белую грязью; // с него нисходят росы, / те, что в долах выпадают; // зелен всегда стоит / над водами Урд>».

3. В рассмотренных выше контекстах «Прорицания Вёльвы» цветообозначение *grænn* связано с семантикой «прорастания, произрастания», притом очевидна «растительная» природа всех без исключения денотатов этого имени цвета. Прилагательное *grænn* восходит к и.-е. *\*ghrō / ghrē* ‘расти, вырастать’<sup>3</sup> (ср. др.-

<sup>2</sup> Как в эддическом контексте, так и в древнеисландской прозе *grænn* представляется нередкой характеристикой суши, ср. *í ey þeiri, / er Algræn heitir* «на острове том, / что зовется Сплошь Зеленый» (Hrb. 16). В сознании мореплавателя клочок зеленой суши, вероятно, противопоставлен водной стихии, как в приведенных выше строках из «Прорицания Вёльвы»: *Sér hon upp koma / öðro sinni // iorð ór ægi / iðiagræna* «Видит она: / вздымается снова // из моря земля, / зелена как прежде» (*Vsp.* 59). Показателен фразеологический оборот из языка древнеисландской прозы, в котором зеленый цвет выступает в качестве доброго знамения, символа надежды: *...væntum at nokkut grænt mun fyrir liggja* «...будем надеяться, что впереди нас ждет зеленый уголок» (Cleasby, Vigfusson: 218). *Grænn* нередко употребляется в прозе в значении «хороший, ладный, верный», ср. *Flyt þú mik aprt til eujar mínnar, ok mun sá grænstr* «Отвези меня обратно на мой остров, и будет так лучше всего» (Finnb. 14).

<sup>3</sup> Ю. Покорный делает предположение об идентичности и.-е. корней *\*ghrō / ghrē* ‘расти, зеленеть’ и *\*ghrō / ghrē* ‘проступать, выходить наружу’ (варианты и.-е. корня *\*gher*) (Pokorny: 440, 454). В этом случае к этимологическим коррелятам др.-исл. *grænn* ‘зеленый’ сле-

исл. *gróa*, др.-англ. *grōwan*, др.-в.-нем. *gruoen* ‘расти’, гот. *gras*, др.-исл. *gras*, др.-англ. *græs*, др.-в.-нем. *gras* ‘трава’; возможно, также лат. *grāmen* ‘трава, стебель’, рус. *гроздь*) (Pokorny: 454; Lehmann: 159–160), что самым естественным образом проявляет связь зеленого цвета с концептами произрастания, рождения, первоначала. Мифопоэтическая семантика прилагательного *grænn* в контексте «Эдды», таким образом, напрямую обусловлена этимологическими ассоциациями. Проявление этих связей можно наблюдать, например, в аллитерационном рисунке долгой строки þá var *grund gróin / grænom lauki* «тогда поросла земля / зеленым луком» (Vsp. 4), где прилагательное *grænn* отчасти дублирует информацию, входящую в значение причастия *gróin* ‘поросший’, и обе эти лексемы связываются аллитерацией с обозначением земли как порождающей стихии (ср. одно из имен земли в Alv. 10: *gróandi* ‘прорастающая’). «Способность аллитерации представлять корневое созвучие слов как выражение их смысловой сопринадлежности восходит к ее этимологизирующей функции» (Смирницкая 1994: 427)<sup>4</sup>. Связь цветообозначения *grænn* с семантикой рождения проявляется и в семантической аттракции лексем *grænn* и *vaxinn* ‘выросший, проросший’ (ср. *gróin* ‘поросший’ в Vsp. 4) во «Второй Песни о Гудрун»: Svá var Sigurðr / of sonom Gjúca, // sem væri *grænn laucr / ór grasi* *vaxinn* «Таким был Сигурд / пред Гьюки сынами, // как лук зеленый, / меж трав проросший» (Gðr. II 2).

Итак, приведенные примеры дают основания предполагать, что в структуре значения прилагательного *grænn* присутствуют семантические признаки двух типов: собственно-цветовой признак «зеленого цвета» и нецветовой этимологически мотивированный признак «рождения, роста». *Grænn*, таким образом, вполне справедливо можно назвать одним из наиболее показательных примеров цветообозначения с этимологически мотивированным мифопоэтическим компонентом.

---

дует прибавить др.-в.-нем. *graz* ‘игла хвойного дерева’, гот. \**granō*, др.-в.-нем. *grana*, др.-англ. *granu*, др.-исл. *grön* ‘усы’.

<sup>4</sup> О. А. Смирницкая отмечает ту роль, которую играют механизмы аллитерации в раскрытии семантического потенциала поэтического слова: «... начально-корневая аллитерация, будучи сращена с языковым ритмом, искони обладает мотивирующей силой, представляя связь звучаний как прямое выражение семантической сопринадлежности слов» (Смирницкая 1994: 68).

4. Примечательна роль атрибутивного комплекса *grænar brautir* ‘зеленые тропы’ в некоторых мифологических и героических песнях «Эдды». Дракон Фафнир пророчит Сигурду удачу в сватовстве к Гудрун: *Liggia til Gjúca / grænar brautir* «К Гьюки ведут / зеленые тропы» (Fm. 41). Старец Риг, идущий «зелеными тропами», всюду встречает радушный прием – *Ár qváðo ganga / grænar brautir // öflgan oc aldinn, / ás kunnigan* «<Давно было, шел / зелеными тропами // древний, могучий / ас многомудрый<sup>5</sup>>» (Rp. 1). В «Песни о Риге» весьма часто встречаются и другие формулы «прямого и доброго пути» с существительным *brautir*: перед Ригом «прямые тропы» *réttar brautir* (Rp. 14, 26), он непременно идет «серединой дороги» *miðrar brautar* (Rp. 1, 6, 32); сваты Ярла едут к дочери Херсира по «влажным тропам» *úrgar brautir* (Rp. 39).

Каждая из названных формул как будто знаменует благополучный исход дела, однако между рассматриваемыми контекстами есть и еще одна черта сходства. Идущих и едущих зелеными или влажными тропами объединяет определенная амбиция: Сигурд намерен просить руки Гудрун, Ярл шлет сватов к дочери Херсира; Риг, которого за время странствия трижды приглашают на супружеское ложе, имеет, как можно думать, непосредственное отношение к рождению детей трех различных сословий. Формула *grænar brautir*, как, вероятно, и *úrgar brautir* (есть основания считать данные атрибутивные комплексы вариантами одной формулы<sup>6</sup>) может, таким образом,

<sup>5</sup> Читают также «высокого рода», ср. *kunnigr* II (Cleasby, Vigfusson: 359).

<sup>6</sup> *Úrigr* связывают с *úr* ‘влажность, моросящий дождь’, *ýra* ‘капать, моросить’, с наименованием ‘первобытного быка’ *úrr* (Я. де Фрис толкует *úrr* как ‘мужественный зверь, зачинатель’, к и.-е. \**uzer* ‘мочить, увлажнять’), а также с *aurr* ‘влага, жидкая грязь’ (Vries: 635–636). Вспомним, что в описании пышно зеленеющего Мирового Древа не однажды сообщается о его «напитанности влагой»: ...*hár baðmr, ausinn / hvítaauri; // þaðan koma döggrvar, / þær í dala falla, // stendr æ yfir, grœnn, / Urðar brunni* «...древо, омытое / белой грязью, // росы с него / на доли нисходят; // над источником Урд / зеленеет он вечно» (Vsp. 19). В «Речах Альвиса» приводятся три наименования земли, указывающие, вероятно, на ее плодоносящую ипостась: ...*ígræn iotnar, / álfar gróandi, // kalla aur upregin* «<[землю зовут] **вечнозеленой** ётуны, / альвы – **прорастающей**, // **влагою** величают боги>» (Alv. 10). Можно думать, что *aurr*, *úrigr* и другие слова из и.-е. \**uzer* определенным образом соотносятся с семантикой «плодородия, зарождения жизни».

иметь «матримониальное» приложение или, во всяком случае, связываться с семантикой «продолжения рода». Вероятно, устойчивость формульного атрибутивного сочетания с *grænn* и в данном случае мотивирована связью этого цветообозначения с семантикой зарождения жизни, начала.

5. По контрасту с приведенными случаями употребления *grænn*, особенно в формуле *grænar brautir* ‘зеленые тропы’, обращает на себя внимание контекст из «Гренландской песни об Атли»: *Fetum léto fræcnir / um fioll at þyria // marina mélgreyro, / Myrkvið inn ókunna; // hristiz öll Húnmörc, // þar er hardmóðgir fóro, // ráco þeir vannstyggyva / vóllo algræna* «Пустили могучие / вскачь по нагорьям // <коней, удила закусивших>, / сквозь Мюрквид неведомый. // <Гуннская земля сотрясалась / там, где ехали смелые, // гнали они страшущихся плети / долами зелеными>» (Акв. 13). Как видно из дальнейшего контекста песни, братья едут «долами зелеными» на верную смерть, что противоречит безусловному пониманию *grænn* в эддических песнях как доброго знамения, знака благоприятного исхода странствия.

Напротив, в «Гренландской Песни об Атли» мы находим сочетание *vellir algrænr* ‘долы зеленые’ в окружении многочисленных знаков неблагоприятного исхода, например: *Hár fann ec heiðingia / ríðit í hring rauðom: // ylfskr er vegr ossarr, / at ríða ørindi* «<Волос нашел я волчий, / вплетенный в кольцо красное, – // волчий то путь, / которым поедем>» (Акв. 8); *Niðjargi hvötto Gunnar / né náungr annarr, // rýnendr né ráðendr, / né þeir er ríkir vóro* «<Не подстрекали Гуннара ни родичи, / ни верные люди, // ни советчики, ни мужи премудрые, / ни те, что храбрыми были>» (Акв. 9); *Leiddo landrögni / lýðar óneisir, // grátendr, gunnhvata, / óg garði húna* «<Вывели князя / крепкие духом // дружинники, плача, / из гуннских палат>» (Акв. 12).

Знаки сходного характера обнаруживаются и в описаниях пути. Кнефрэд, глашатай Атли, пробирается сквозь «Темный Лес неведомый» (*Myrkvið inn ókunni*) на коне, закусившем или рвущем удила (*mar inn mélgreypi*), т.е. непокорном, бешеном

---

Таким образом, рассматривая *úrigr* и *grænn* как эпитеты со схожей мифопоэтической семантикой, мы получаем некоторые основания считать атрибутивные комплексы *grænar brautir* ‘зеленые тропы’ и *úrgar brautir* ‘влажные тропы’ вариантами одной формулы «прямого и доброго пути».

коне<sup>7</sup>. Путь Гуннара и Хёгни сопровождается сходными атрибутами: *Fetum léto frœcnir / um fioll at þyria // \*mari ina mēlgreypo, / Myrcvið inn ókunna* «Пустили могучие / вскачь по нагорьям // <коней, удила закусивших>, / сквозь Мюрквид неведомый» (Акв. 13). Очевидно, эпитет *mēlgreypi* призван сообщить, что кони Гуннара и Хёгни отказываются следовать по пути, который Хёгни называет волчьим (...*ylfscr er vegr ossarr, / at tíða øgríndi* «...волчий то путь, / которым поедем» (Акв. 8)), и везут своих седоков лишь под страхом плети (*vandstyggrr*) (Акв. 13)<sup>8</sup>. Возможно, именно противоречие, заключенное в формулировке «нехотя ехать добрым путем» (*ráso þeir vannstyggva / vóllo algræna*, досл. «гнали они понукаемых плетью / долами зелеными») может послужить объяснению нехарактерного употребления цветowego эпитета *grænn* в «Гренландской Песни об Атли».

6. Как можно предположить, в рассматриваемых строках из «Гренландской песни об Атли» (Акв. 13) употребление в одном микроконтексте, казалось бы, несовместимых эпитетов (с одной стороны – *mēlgreypi* ‘рвущий удила’, *vannstyggrr* ‘понукаемый плетью’, *ókunni* ‘неведомый’, с другой – *algrænn* ‘сплошь зеленый’, т. е. ‘благой, благоприятный’) не случайны; это особый прием, направленный на придание особого драматизма повествованию. Внешняя оболочка «Гренландской Песни об Атли» – это приглашение на пир, которому соответствуют отдельные сегменты композиционной структуры: прибытие гонца, посулы щедрых даров, изъявление согласия, прощание с родичами, путешествие, прибытие, встреча с хозяином и челядинцами. Вместе с тем, уже в описании этих этикетных событий можно заметить знаки противодействия, неблагоприятного исхода. Убий-

<sup>7</sup> *Mél* ‘мундштук конской узды’ (Cleasby, Vigfusson: 423), *greypa* ‘проделывать борозды’; но ср. *greyprr* ‘яростный, неистовый’ (Ibid.: 214).

<sup>8</sup> Прилагательные *vandstyggrr* ‘страшащийся плети’ и *mēlgreyprr* ‘закусивший удила’, ‘рвущий удила’ в Акв. 13 можно было бы рассматривать как поэтические эпитеты коня, указывающие на типичные свойства «покорности» и «резвости», если бы не то обстоятельство, что эти сложные слова не встречаются ни в одном поэтическом тексте, кроме «Гренландской Песни об Атли». Композит *mēlgreyprr* ‘закусивший удила’ мы находим в (Акв. 3, 4, 13); *vandstyggrr* ‘страшащийся плети’, как можно полагать, встречается лишь однажды во всем корпусе древнеисландской поэзии (Акв. 13). Можно предположить, что употребление композитов *vandstyggrr* и *mēlgreyprr* в «Гренландской Песни об Атли» мотивировано непосредственным контекстом песни.

ство гостей, о котором идет речь в 20–31 строфах песни, не совместимо с их приглашением на пир, и намеренно противоречивый характер повествования усугубляется окказиональным использованием языковых средств, значение которых не соответствует сути описываемых событий; так, «прямой и добрый путь» в Акв. 13 оказывается гибельным, а «пиршество в Вальгалле» в Акв. 14 оборачивается смертью его участников<sup>9</sup>.

В «Гренландской Песни об Атли» обнаруживаются два семантических пласта, каждому из которых присущи свои собственные выразительные средства, и анализ контекстов, подобных Акв. 13, выявляет повествовательные стратегии, стоящие за «наслоением смыслов» в поэтическом тексте. В Акв. 13 мы можем наблюдать коллизию знаков благоприятного (странствие по зеленым долам) и неблагоприятного (укрощение непокорных коней, путь через неведомый темный лес) исхода событий, в чем проявляется основное противоречие, заключенное в композиции песни. Итак, есть основания думать, что именно спецификой композиционной структуры и соответствующими ей особенностями повествования «Гренландской Песни об Атли» объясняется на первый взгляд противоречивое употребление в ней цветообозначения *algrænn* ‘сплошь зеленый’.

7. Сравнение контекстов употребления *grænn* в «Гренландской Песни об Атли», «Прорицании Вёльвы», «Песни о Риге» и «Речах Фафнира» позволяет сделать вывод о семантической специфике цветообозначений в «Эдде». Космогонический контекст «Прорицания Вёльвы» актуализирует в семантике цветообозначения *grænn* то же единство собственно-цветового признака «зеленого цвета» и мифопоэтического признака «зарождения жизни», что контексты «Песни о Риге», «Речей Фафнира» и «Гренландской Песни об Атли». Следует заметить, что если в композиции «Песни о Риге» и «Речей Фафнира» «зеленые тропы» (*grænar brautir*) представляются как «путь, ведущий к рождению новой жизни», то в «Гренландской Песни об Атли» «долы зеленые» (*vellir algrænir*) становятся «путем, ведущим к утрате жизни». Однако в последнем случае соответствующая речевая семантика объясняется не модификацией лексического значения *grænn*, но особенностями использования языковых средств в «Гренландской Песни об Атли». Все контексты

<sup>9</sup> Подробный анализ контекстов употребления *valhöll* в «Гренландской Песни об Атли» приводит О. А. Смирницкая (2004: 196–199).



«Эдды» актуализируют одну ту же совокупность цветовых и мифопоэтических признаков в семантике цветообозначения *grænn*, что позволяет сделать вывод об инвариантности значения этой лексемы в языке «Эдды».

В этой связи представляется важным напомнить об особенности поэтики древнегерманского поэтического текста, на которую обращает внимание О. А. Смирницкая: «...не будет слишком большим преувеличением сказать, что поэтический текст (текст конкретного памятника) в эпическом искусстве стремится к совпадению с системой виртуальных знаков поэтического языка» (Смирницкая 1994: 50). «Виртуальные знаки поэтического языка» – это языковые средства, и если совокупность семантических признаков, составляющих значение поэтического слова, актуализируется в любом из возможных поэтических контекстов, то невозможность существования в древнегерманском поэтическом языке полисемии становится очевидной. В самом деле, проблема дифференциации значений слова имеет оборотной своей стороной проблему дифференциации контекстов, актуализирующих различные признаки в семантике слова, однако, анализируя использование прилагательного *grænn*, мы видим, что весьма несходные поэтические контексты способствуют одновременной актуализации всех цветовых и не-цветовых признаков в значении лексемы цвета, что и позволяет говорить о существовании синкретического имени цвета в эддической поэзии.

#### ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ЭДДИЧЕСКИХ ПЕСНЕЙ

Alv. – *Alvíssmál* «Речи Альвиса»; Akv. – *Atlakviða in grœnlenzka* «Гренландская Песнь об Атли»; Fm. – *Fáfnismál* «Речи Фафнира»; Gðr. II – *Guðrúnarkviða önnur* «Вторая Песнь о Гудрун»; Rp. – *Rígsþula* «Песнь о Риге»; Vsp. – *Völuspá* «Прорицание Вёльвы».

#### ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский 1989 – Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.  
 Кацнельсон 1949 – Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. Т. 1. Из истории атрибутивных отношений. М.  
 Смирницкая 1994 – Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М.  
 Смирницкая 2001 – Смирницкая О. А. Цветообозначения в «Эдде» в освещении исторической поэтики: *gauf* и *fölr* // Скандинавские языки: Диахрония и синхрония. Вып. 5. М. С. 215–233.

- Смирницкая 2004 – Смирницкая О. А. О многозначности эпического текста (комментарий к строфам «Гренландской Песни об Атли») // Слово в перспективе литературной эволюции. М. С. 171–202.
- Стеблин-Каменский 1971 – Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л.
- Cleasby-Vigfusson – Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Init. by R. Cleasby, revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. 2-nd ed. Oxford, 1957.
- Lehmann – Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3-d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache by S. Feist. Leiden, 1986.
- Pokorny – Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, 1959.
- Vries – Vries J. de. Altnordisches Etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.
- Wolf 2006 – Wolf K. Some Comments on Old Norse Color Terms // Arkiv för nordisk filologi. 2006. 121. P. 173–192.

#### ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

- Edda – Edda. Die Lieder von Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. / Hrsg. von G. Neckel. 5. verbesserte Auflage von H. Kuhn. Heidelberg, 1983.
- Старшая Эдда – Старшая Эдда / Пер. А. И. Корсуна, ред. и комм. М. И. Стеблин-Каменского. СПб., 2005.
- Finnb. – Finnboga saga ramma / Ed. with introduction and notes by Jóhannes Halldórsson // Íslenzk fornrit XIV. Reykjavík, 1959.

М. В. Домосилецкая

### Латинская фитонимия в балканских языках и диалектах

Подробному исследованию подвергся лишь небольшой набор латинской фитонимической лексики, который все же позволяет усмотреть некоторые закономерности: степень проникновения латинской народной (не научной!) фитонимии и прочность закрепления ее в разных балканских языках и диалектах, уровень сохранности исходных латинских лексем, типы семантических дифференциаций.

Речь в работе пойдет о наименованиях шести важных для народного быта и культуры растений: это два ландшафтообразующих дерева – ясень FRAXINUS и дуб обыкновенный QUERCUS ROBUR, фасоль PHASEOLUS как один из главных компонентов балканской кухни, распространенное кормовое растение вика кормовая VICIA (SATIVA), важные лекарственные травянистые растения подорожник PLANTAGO и цветок рута душистая RUTA.

1. FRAXINUS *fraxinus*, -ī ‘ясень’, согласно А. Эрну, относится к 20 несомненным исконным названиям растений индоевропейского происхождения в латинском и связано с и.-е. наименованием березы. Сближение могло возникнуть по целому комплексу характерных для ясеня белого признаков, в целом создающих светлый, светящийся образ дерева.

АЛБ. *frashën* (гег.) и *frashër* (тоск.). Помимо родового наименования встречаются видовые (*Fraxinus ornus* ясень белый и *Fraxinus excelsior* ясень черный или обыкновенный) – составные фитонимы с повторяющимися эпитетами ‘белый’ *i bardhë*, ‘дикий’ *i egër*, ‘горный’ *mali*, *i lartë*.

ГРЕЧ. *φράζος* позднего латинского происхождения, исконное *μελία*, *μέλεγος*.

РУМ. литер. родовое: *frasîn*; *Fraxinus excelsior* *frasîn* + масса диал. *frapîn*, *frapîn*, *frasen* и под. (также слав. заимств. в ИСТР. *iasig*); *Fraxinus ornus*: *frasîn*, *frasîn* и под., а также составные с эпитетами *de munte* букв. ‘горный’, *negru* ‘черный’. В диалектах также уточнение *frasîn urm* ‘ясень-вяз’ или полное замещение другим латинским фитонимом *urm*, *urn* (*ulmus* ‘вяз’). В Мунтении, Олтении и Молдове – диалектизмы-славизмы *mojdrean* и

под. и *galeş*. МЕГЛ. *frasin*, АРУМ. *frapsin*, при этом *θrapсу* (у Т. Папахаджи), вероятно, из греч. *θράψος* (*θραψερός*) ‘упитанный, сочный’.

В балканославянских языках ни одного рефлекса FRAXINUS, только славянская лексика. БОЛГ.: *ясен* и под., *муждрян* и под., исключение – турцизм *диспудак* (тур. *dişbudak* < *diş* ‘зуб, зубец’ + *budak* ‘ветка; сук’). МАКЕД. *јасен*. СЕРБ/ХОРВ. F. *excelsior*: *јасен* и под., F. *ornus*: *јасен* и под., *босија*, *вели трн*, *велики трн*, *замор*.

Несомненными параллелями-балканизмами при наименовании ясеня, независимо от того, представлено ли родовое словопонятие латинизмом FRAXINUS или славизмом, можно считать следующие эпитеты в терминологических словосочетаниях: 1. ‘белый’: алб. *frashër i bardhë*, болг. *бел ясен*, серб./хорв. *бијели јасен*; 2. ‘черный’: алб. *frashër i zi*, рум. *frasin negru*, болг. *черен ясен* и под., серб./хорв. *црни јасен* и под.; 3. ‘дикий’: алб. *frashër i egër*, серб./хорв. *дивљи јасен*; 4. ‘горный’: алб. *frashër mali*, рум. *frasin de munte*, болг. *планински јасен*, серб./хорв. *брдски јасен*, *горски јасен*; 5. ‘высокий’: алб. *frashër i lartë*, болг. *виско јасен*, серб./хорв. *велики јасен*, *вели трн*, *велики трн*

2. PHASEOLUS (VULGARIS) = PHASĒLUS лат. *phaseolus*, -ī < *phasēlus*, ī ‘длинный турецкий боб, фасоль; легкое быстроходное судно, лодка в форме стручка фасоли’ – общепризнанное заимствование из др.-греч. *φάσηλος* ‘фасоль’.

АЛБ.: а. непосредственный латинизм *frashuall-frashuell* (в гег.), латинизм, опосредованный новогреческим – *fasule*, *pasulë* и старый славизм – *groshe*, *groshë*.

НГР. *фасóли*, *фасоóли*, *фасióлог* < др.-греч. *φάσηλος*.

Все вост.-ром. языки не донесли латинское наследие, все лексемы – позднего нгр. происхождения. См. АРУМ. *fāsule* (южн.) и *fasul’iu* (сев.), РУМ. *fasole*, *fasoale*, *fasolă* и т. п., при этом для трансильван. диалектизмы типа *pasole*, *păsulă* и под. < венг. *paszuly*. В ИСТР. *fajolă* заметно влияние итал. *fagiolo*. В дакороманских говорах обильно представлены и иные исторические пласты лексики: балканский автохтонный элемент субстратного характера *mazāre*, *mazere*, *mazine* ‘горох *Pisum sativum*’, славизм *bob*, *bob turcesc* ‘турецкий боб’, турцизмы *baclău* (< тур. *bakla* ‘бобы’) в Македонии и *baghi* (< тур. *bağ* ‘связка, пучок’) в Тульче.

БОЛГ. грецизм *фасул*, диал. *васуль*, *пасуль* и исконные славизмы *боб*, *сочиво*, *сочио*. То же в СЕРБ/ХОРВ.: *пасуль* + диал. *фасул*, *фижол*, *бажуль* и мн. др. См. также фитозамену –

перенос с наименования гороха (*гра, грав, грахи* под.) и боба (*боб, машки боб*), а также обилие иных обычно экспрессивно окрашенных и явно мотивированных наименований: *бораница, попушка, почань, притичьяк, причинац, пузавац, пушит, роговилчек, тачкаш, тркъанац*.

Таким образом, АЛБ. – единственный язык на Балканах, который унаследовал латинское PHASEOLUS. В этом смысле он сближается с западнороманскими языками. Все прочие языки заимствовали наименование данной культуры из ново- и среднегреческого.

3. PLANTAGO *plantāgo, inis* ‘подорожник’ восходит к *planta, ae* ‘стопа, подошва’ по признаку сходства листьев со ступней человека. Вошло во все романские языки, хорошо сохранилось и в дакорумынском: литер. *pătlăgină*, диал. *patlagină, plătăgină* и мн. др. См. также разнообразие поздних народных метафорических названий, использующих ключевые понятия: (а) ‘язык’ – *limba oii* ‘язык овцы’, *limba boului* ‘язык быка’, *limba mînzului* ‘язык жеребенка’, (б) ‘мать’ – *tama ploaie, mama ploii* ‘мать дождя’, *tama pădurii* ‘мать леса’, (в) ‘трава’ – *iarbă de cale* ‘дорожная трава’, *iarbă mare* ‘большая трава’, (г) ‘семечки, семена’ – *sămînța purcelului* ‘пороссячи семечки’, а также *mîncuină* ‘ложь, обман’.

В АЛБ. данного латинизма нет. Все виды *Plantago* в алб. – *gjethedell* букв. ‘листья, жилы, жилистые листья, листья с жилами’, а также диал. *fletë delli* ‘жилистый лист’, *bar delli* ‘жилистая трава’ и под. основаны на ярком признаке – крепких, легко отделяемых прожилках листа.

В НГР. также не обнаруживаем следов лат. *plantago*. Имеются соответствующие исконные греческие фитонимы *ἀρνόγλωσσον* (‘овечий язык’ ср. рум.) и *πεντάνευρο* (*πεντά* – ср. алб.).

Ни один из слав. диалектов на Балканах также не обнаруживает ‘отголосков’ лат. *plantago*. Диалектный болгарский, македонский, сербский, хорватский, черногорский материал здесь чрезвычайно многообразен. Обратим внимание только на важную для балканского ареала параллель – мотивировку ‘жила’ (ср. алб. *gjethedell* и под.): болг. *жиловлек, жилавец, жиловец, жиловник, жиловрат* и мн.др., а также *петрожилка* и даже *пятижили* (ср. нгр. *πεντάνευρο!*), серб. *жилник, жилњак, жиловлак*, а также *јањећи језик, јањчев језик* ‘ягнячий язык’ (ср. рум., нгр.).

В ТУР. *sinir otu*, где *sinir* ‘граница’, а *otu* ‘трава’, т.е. ‘пограничная трава, трава, растущая по границам, по бокам (дороги)’, что может вполне соответствовать по внутренней форме серб. *боква, боквица*.

Несомненными мотивационными балканизмами при назывании подорожника можно считать: 1. мотивировку ‘язык (какого-либо домашнего животного)’ – РУМ., НГР., СЕРБ/ХОРВ.; 2. мотивировку ‘жила’ – АЛБ., НГР., БОЛГ., СЕРБ/ХОРВ.

Таким образом, сама лат. лексема *plantāgo, inis* сохранилась только в одном языке Балкан – дакорумынском, а ее внутренняя форма, основанная на уподоблении листьев со стопой, не нашла себе отражения ни в одном из балканских языков и диалектов.

4. **ROBUR** – адъективный компонент лат. фитонима *Quercus robur* дуб обыкновенный, летний или дуб черешчатый. *Rōbur* ‘древесина дуба; изделие из дуба; твердая древесная порода; дуб; ствол; крепость; сила’ имело древнюю форму *rōbus* < \**rōbos* и означало ‘красный дуб’ (Эрну-Мейе). Здесь в одну семантическую точку сходятся два латинских архаизма *rōbus, -a, -um* ‘красный’ и *rōbus, oris* ‘древесина дуба; .....сила, см. выше’.

Лат. *rōbur* в АЛБ. прекрасно сохранилось, причем в виде двух одновременных заимствований: древнейшего *rre* (диал. гег. суффиксальные *rrënjë, rrojžë, rrajë*) *Quercus robur* дуб обыкновенный, летний и более позднего *rrobull* *Pinus leucodermis* сосна белая. В период активных латинских заимствований в албанском сильно действовала тенденция к редукции конечных и начальных безударных слогов, т. о. алб. *rre-* ‘дуб’ < *rōbur*. Алб. *rrobull* *Pinus leucodermis* сосна белая – более позднее заимствование с сохранением интервокального звонкого (А. Ю. Русаков) и с семантическим переносом. Все обилие междиалектных синонимов здесь может быть сведено к исконной лексеме *arn(en), art(in,ir)* и устойчивому эпитету *i kuq* ‘красный’ (напр. *arnen i kuq*).

НГР. исконные названия для дуба обыкновенного *βελανδιά* и *δρυς*. Единственное соответствие некая диал. форма *ρόμπολο (τò)* ‘дикая сосна’, обнаруженная Т. Папахаджи, которая могла возникнуть под влиянием албанского или арумынского.

АРУМ. *arobul, robul* ‘вид хвойного дерева, ели’ > *arobăă* ‘еловая шишка’, *arobulă* ‘сосновая шишка’ из алб.

В РУМ. никаких рефлексов лат. *rōbur* нет, имеется лишь прилагательное *robust* ‘крепкий, здоровый, сильный’ (ср. франц. *robuste*, итал. *robusto*) от лат. производного *robustus* ‘дубовый;

твердый, крепкий; сильный, мощный, могучий'. Для обозначения *Quercus robur* в дакорумынском используются практически исключительно одни славизмы: совр. литер. *stejar* и диал. *stojar, stejer* и под., *gorun, gārin* и под., *sledun, slodun* и под. Единственным исконным латинизмом можно полагать производное от корня *tuf- tufan* < лат. *tūfa* 'султан (на шлеме)'

Все южнославянские языки и диалекты, по нашим данным, называют *Quercus robur* только исконными славянскими лексемами: *дуб* и произв., (*бела*) *граница, горняк, горун, сладун, бѣлич* и произв., *беликанр, гнилец, кочур, хрост* и произв., *лѣжник* и под. и мн. др. Единственным предположительным исключением может быть *кърнѣк* < дакорум. *čirnač* < *carne* 'мясо'.

5. RUTA (GRAVEOLENS) лат. *rūta*, -ae 'рута; перен. горечь, неприятность', родств. или заимствовано из лат. др.-в.нем. *ruta* (совр. нем. *Raute*, отсюда проникло в разные языки Европы), др.-англ. *rūde*. См. лат. производные *rūtātus, a, um* 'приправленный рутой, украшенный рутой', *rūtīnus a, um* 'приготовленный из руты', *rūtula, ae* 'немножко руты'. Происхождение в лат. из др.-греч. *ῥυτή* Эрну и Мейе оставляют под вопросом.

В АЛБ. совр. *ryzë*, однако имеются: *rutë, ruzë, rucë*. Э. Чабей упоминает о возможности заимствования непосредственно из др.-греч. *ῥυτή*, однако, именно ударное корневое у свидетельствует о латинском происхождении данного фитонима, причем в качестве переходных ступеней следует считать *\*rytzë* (где -zë частотный суффикс при образовании фитонимов) < *\*rytë*. Алб. *rutë, rucë* – вторичны и скорее всего книжного происхождения.

Не возьмем на себя смелость рассуждать об отношениях древнегреч. *ῥυτή* и указанной Ш. Сейдиу НГР. формы *ῥύτη*. В совр. нгр. – *ἀπίθανος*, связанное с *ἀπηγορευμένος* 'запретный, запрещенный' (как источник отравления).

РУМ. *rută* книжное слово. Прочие диалектные наименования руты душистой в румынском – унгаризмы: *virnanț, vinaț*, и под. < венг. *virnan*. В АРУМ. рефлекса лат. *rūta* не обнаружено.

БОЛГ. материал представлен исключительно турцизмами и грецизмом: *седѣфче, cadeфче, cadeф* и под. < тур. *sedef* 'перламутр' (арабизм), *sedef otu* 'рута, букв. перламутровая трава' и *апиган* < нгр. *ἀπίθανος* 'рута'.

В современном литер. СЕРБ/ХОРВ. языках рута пахучая имеет два синонимичных обозначения – *ruta* (диал. *руда, рунда, рутва* и под. как относительно позднее европейское (немецкое) влияние) и турцизм *sedef*. При этом материал диалектов обнаруживает большое лексическое разнообразие: собственно славиз-

мы *петопрсница*, *петопрстница*, грецизм *пигањ*, унгаризмы *веранд*, *вирента*, а также в адъективном словосочетании *вртна рутница* и под., турцизмы *седеф* и под., а также, вероятно, *меньик* (ср. *menetmek* ‘запрещать’, *menedilmek* ‘быть запрещенным’).

6. VICIA (SATIVA) *vicia*, *-ae* ‘вика’. Были попытки связать с глаголом *vincĭre* ‘обвязывать, обвивать’, поскольку кончиками стеблей, усиками вика хватается за другие растения и обвивает их.

В АЛБ. рефлексом лат. *vicia* можно считать северногегский (Мирдита) диалектизм *vigjĕz*. Первичным развитием лат. *vicia* было *\*vigĕ*. См. также ряд фитонимических диалектных композитов с компонентом *vigj-*: *mollĕviĕezĕ*, *vodhĕviĕe* и под. *Sorbus aria* рябина белая, *vimollĕviĕe*, *vodhĕviĕe* (центральная Албания) разновидность рябины *Sorbus torminalis*. В албанских говорах Греции *vik*, *viki ĕgjĕrĕ* – заимствование из НГР. *βικία*, *βίκος*, куда в свою очередь вошло из латинского.

В современном албанском в качестве общенародного фитонима VICIA выступает *buxhak*, *buxhak (i zi)*. Это может быть < тур. *burçak* ‘вика’, а также тур. диал. ‘горох и различные растения семейства бобовых; чечевица; перен. град’. Слово родственно тур. *burç* ‘черный перец; омела’ и восходит к тюрк. корню *bur* ‘вить, обвивать’, что параллельно лат. *vicia* < *vincĭre*. Прочие исторические пласты албанской лексики представлены в виде искон. *modhull* – в арбереш. Калабрии и слав. *grashinĕ*, *groshĕz*, *groshilĕ*, *koçkullĕ*.

Исконным для НГР. словом, синонимичным вышеуказанным *βικία*, *βίκος*, является *ῥοβος* ‘вика’, ср. также *ῥεβινθος* ‘Cicer arietinum турецкий горошек’ (др.-греч. *ῥοβος* ‘вика; турецкий горох’, ср. нем. *Erbse* ‘горох’, среднеирл. *orbaind* ‘зерна’).

В литер. РУМ. для обозначения *Vicia* используются два синонима *măzărĭche* и *borceag*. Первое из балкан. субстартн. *măzărĕ* ‘горох’, ср. алб. *modhull(ĕ)* ‘Lathyrus tuberosus чина, вьющийся горошек’; второе – южнослав., ср. болг. диал. *бурчак* < тур. *burçak* ‘вика’. Единственное унаследованное слово рум. диал. *linĕ sălbatică* ‘вика’ букв. ‘дикая чечевица’ < лат. *lĕns*, *lentis* ‘чечевица’ + нар. лат. *salvĕticus* < класс. лат. *silvĕticus* ‘лесной’. Среди диалектных наименований растения в дакорумынском также много унгаризмов: *bechen*, *bicăn* и под. < венг. *bükköny* ‘вика’; славизмов с прозрачной мотивировкой *bobușor* и *cosișă*. АРУМ. *vic* s.m. ‘вика’ < нгр. *βίκος*.

В БОЛГ. никаких следов латинского *vicia* не обнаруживается. Однако останавливает внимание само богатство и разно-



образе диалектного материала: исконные славизмы (*посевна*) *глушина* и под., производные от *грах* ‘горох’, также *сухородица* и *чърнеж* (ср. алб. *bixhak i zi* букв. ‘черный горох’); грецизмы *калафария* (< ?), *ров*, *урон*, *уров* (< нгр. *ὄροφος* ‘вика’); турцизмы *бурчак* и *фий* (< тур. *fiğ* ‘вика’). В отличие от словенского, где *vika* относится к современному литературному языку, в СЕРБ/ХОРВ. *vika* – редкое обл. хорват. слово; обычно в современном языке(-ах) – *грахорица* и прочие производные в диалектах: *голубињи грах*, *граверка* и проч. Иные серб. наименования – либо метафорические переносы, либо лексические различия внутри одного семантического микрополя смежных фитонимов: *ланик* (уменьшит. от *лан* ‘лен’ = ‘дикий лен’), *куколь* (‘куколь’, сорное полевое растение), *дренчек* (связ. с корнем *дрен* ‘кизил’, отсюда производные *дреник* ‘заросли кизила’, *дреча* ‘чаща’).

Естественно, столь небольшой объем проанализированных фитонимов латинского происхождения не может подвести к исчерпывающим выводам о степени включенности латинской лексики в ненаучную народную ботаническую терминологию народов Балканского полуострова. Однако *предварительные* выводы очевидны.

Из всех шести представленных латинизмов-фитонимов лишь один – *ROBUR* – можно считать балканизмом, не представленным в западороманских языках.

Опираясь на фундаментальную работу К. Вэтэшеску «Албанская лексика латинского происхождения в сопоставлении с румынской» следует полагать, что из общего числа латинизмов, связанных с фитонимией и ботанической морфологией, (а) 27% представлены и в албанском и восточнороманских языках, (б) 32% – только в албанском и (в) 41% – только в восточнороманских языках. В нашей работе к группе (а) принадлежит только *FRAXINUS* ясень, (б) 4 фитонима *PHASEOLUS* фасоль, (*QUERCUS*) *ROBUR* дуб обыкновенный, *RUTA* рута и *VICIA* вика, (в) только *PLANTAGO* подорожник. Таким образом, небольшой и произвольный набор фитонимов мог привести к не совсем верным выводам.

Что касается НГР., то из нашего фитонимического набора два латинизма прочно закрепились в нем – это *φράξος* (< *FRAXINUS*) и *βικία, βίκος* (< *VICIA*). Прочие наименования растений – исконные грецизмы. Лишь в одном из периферийных диалектных наименований сосны *ρόμπολο* можно усмотреть

заимствование из албанского или арумунского, восходящее в конечном итоге к лат. ROBUR.

Славянский материал предоставил единственное подтверждение позднелатинско-раннеславянских языковых контактов – это хорват. диал. и словен. литер. *vika*. Встречающиеся в славянских языках рефлексy лат. RUTA – это позднее книжное европейское (немецкое) влияние (см. словен., хорват., серб.).

К. Ю. Дружкин

## Рестриктивные предложные группы в древнегреческом языке

### Введение

По-видимому, любой язык имеет некоторые средства – грамматические или лексические – для выражения «ограничительности». В самом деле, у говорящего (независимо от языка) временами возникает необходимость уточнить, что предикат относится не к предмету целиком, а только к некоторой части или некоторому аспекту названного предмета. Однако в том, что касается диахронического развития ограничительных конструкций и их синхронической формы, наблюдается большое разнообразие. (В качестве сравнения можно привести категорию будущего времени: многие языки имеют её; различия в её синтактико-морфологическом выражении гораздо серьёзнее, чем в её семантике; источники грамматикализации различны, но, по-видимому, составляют конечное множество – глаголы желания, долженствования, движения и т. д.) Существуют ограничительные значения падежей; в древнегреческом это – «винительный отношения» и более редкий «дательный отношения». Современные индоевропейские языки, в значительной степени независимо друг от друга, развили системы ограничительных предлогов (например, в русском ограничительными значениями обладают, как минимум, *по*, *на* и *в*).

В том, что касается исходной семантики ограничительных падежей и предлогов, не так много обобщений может быть сделано. Источником «ограничительности» могут стать почти все основные локативные значения: аблатив (откуда / с какой стороны), локатив (где / в чём), аллатив (в какую сторону); а также инструменталис (чем). Впрочем, у конкретного языка могут быть весьма конкретные предпочтения; так, древнегреческий, по-видимому, предпочитает аллатив. (Ни одно из предложно-падежных сочетаний с генитивом или дативом не получило ограничительного значения.)

Ниже мы рассмотрим три основных ограничительных предложно-падежных сочетания древнегреческого языка, являющих-

ся приблизительными синонимами для «винительного отношения»<sup>1</sup>. Стоит отметить, что не всегда можно отделить ограничительные предложные группы от выражений причины, цели, предназначения. Отчасти это объясняется тем, что первые диахронически связаны с последними.

### Εἰς (+acc)

Среди множества абстрактных значений εἰς (+acc) мы можем выделить те значения, которые возникают в сочетаниях с качественными прилагательными, потому что такие сочетания близки к рестриктивным (по крайней мере, синтаксически). Прежде всего, стоит отметить сочетания с прилагательными типа *хороший, удобный, полезный*, где εἰς (+acc) называет тот объект, *по отношению к которому* проявляется указанное свойство.

От конкретных объектов (*хороший для кого-то*) можно перейти к занятиям и родам деятельности (*хороший для такой-то деятельности*), а затем от предназначения (*хороший для чего-то*) к аспекту рассмотрения (*хороший в чём-то*).

1) ὁ τι που καλὸν ἵδοι ἐς στρατιάν (Xen. Сугор. 3,3,6) – всё хорошее для войска, что он видел (он приобретал и раздавал воинам) (качество предмета по отношению к другому предмету)<sup>2</sup>.

2) γάλα ... χρήσιμον ... εἰς τυρευσιν καὶ ἀπόθεσιν (Ar. Hist. anim. 522a) – молоко ... пригодное для сыроварения и хранения (качество предмета по отношению к деятельности).

3) πόλις ... μεγίστη καὶ εὐδοκμωτάτη εἰς σοφίαν καὶ ἰσχύν (Pl. Ap. 29d) – город величайший и славнейший «в том, что касается» мудрости и силы (аспект рассмотрения).

4) Συέννεσις ... πρῶτος εἰς εὐψυχίαν (Aesch. Pers. 326) – Свенесий ... первый «в том, что касается» мужества (аспект рассмотрения).

<sup>1</sup> Обзор в значительной степени основан на материале классических грамматик (Соболевский 2000), (Schwyzer 1950).

<sup>2</sup> Тексты цитируются по изданиям, вошедшим в состав электронного корпуса Thesaurus Linguae Graecae (<http://www.tlg.uci.edu/>)

### Πρός (+acc)

С прилагательными πρὸς (+acc) развивает примерно тот же спектр значений, что и εἰς (+acc), от предназначения до аспекта рассмотрения:

5) τὰ τε σώματα πρὸς τὸν πόλεμον κάκιστα καὶ αἰσχίστα ἔχουσι (..13, 11) – У них самые плохие и постыдные «для» **войны** тела.

6) Ἐπεὶ δὲ ταῦτα καὶ καλὰ πρὸς ἀρετὴν καὶ ὠφέλιμα πρὸς οἰκονομίαν... (..1345) – Поскольку это и хорошо для «с точки зрения» добродетели, и полезно для домашнего хозяйства...

Чтобы не повторять то, что уже было сказано о сочетаниях ограничительных предложно-падежных групп с прилагательными, рассмотрим более подробно сочетания πρὸς (+acc) с глаголами.

Чаще всего ограничительное πρὸς (+acc) появляется при стативных непереходных глаголах, которые по своему значению не так сильно отличаются от прилагательных:

7) ἀθυμοῦσι πρὸς τὴν ἔξοδον (Хен. Анаб. 7,1) – <воины> унывают **относительно выступления** (т.е. не имеют охоты к выступлению или полны плохих предчувствий).

8) ἦγουντο ... τὸ στρατόπεδον τοῦτο τοῦ ἐπὶ Τροίαν ἀφικομένου διαφέρειν πρὸς ἀρετὴν (. 685) – Они считали, что это войско отличалось по доблести от (войска), пришедшего под Трою.

Есть и такие примеры, где ограничительное πρὸς (+acc) сочетается с переходными глаголами:

9) Τί δ' εἰ ποτέρου τὴν ψυχὴν ἐπαινοῖ πρὸς ἀρετὴν τε καὶ σοφίαν; (. . 145) – Что если он похвалит душу кого-нибудь «в том что касается» добродетели и мудрости?

Заметим, что семантически чистых ограничительных примеров с πρὸς (+acc) у нас почти нет. Этого можно было ожидать. Ограничительные предложные конструкции не являются настолько же грамматикализованными, насколько «винительный отношения», и предлоги неизбежно вносят свою конкретную семантику.

### Κατά (+acc)

Среди ограничительных предложно-падежных сочетаний κατὰ (+acc) является, пожалуй, самым нейтральным (как и его

переводной аналог *по* в русском языке). Поэтому именно его мы выбрали для сравнения с ограничительными употреблениями падежей.

Покажем сначала, что «винительный отношения» и *κατά* (+асс) употребляются как синонимы. Для этого рассмотрим пример, где эти две конструкции занимают одинаковые позиции в сочинённых структурах, и близость значения подчёркивается риторическим построением фразы:

10) *τά τε ἄλλα σοφώτατον γεγόνεσθαι Σόλωνα καὶ κατὰ τὴν ποίησιν αὐτῶν ποικιλιῶν πάντων ἐλευθεριώτατον* (..21) – Как **во всём остальном** Солон был мудрейшим, так и **в своей поэзии** – благороднейшим из всех поэтов.

Далее покажем, что *κατά* (+асс) конкурирует с дательным падежом. Например:

11) *ἀήρ ... δεύτερον κατὰ γένεσιν* (Pl. Tim. 56a) – воздух ... второй (элемент) по (порядку) возникновения.

12) *ἀήρ ... λεπτότητι δεύτερον* (Pl. Tim. 58 b) – воздух ... по тонкости второй элемент (после огня)

Оба контекста взяты из одного произведения и находятся друг от друга на расстоянии двух страниц.

Отметим также, что чаще всего ограничительное значение существует не в чистом виде. Например, возможны колебания между значениями *причины* и *аспекта рассмотрения*.

13) *ἵνα τόδε κατὰ τὴν μόνωσιν ὁμοίον ἦ τῷ παντελεῖ ζῳῳ* (..31) – чтобы оно **по своей единственности** было подобно всесовершенному животному<sup>3</sup>.

Значит ли эта фраза, что космос подобен всесовершенному животному «по причине» своей единственности? или «в том что касается» единственности»? Оба этих значения присутствуют (или, по крайней мере, ненасильственным образом могут быть включены в интерпретацию контекста).

Впрочем, так же иногда ведёт себя «дательный отношения»:

14) *διαφανῆς ἀρετῆ τε καὶ ῥώμῃ ἐγένετο* (Pl. Tim. 25b) – <ваш город> стал известен доблестью и силой

<sup>3</sup> Контекст этой фразы следующий: Представим себе живое существо, – говорит Тимей, – которое объёмлет все остальные живые существа как свои части: именно таким живым существом, по замыслу демиурга, является космос.

Фраза означает, что, с одной стороны, «стала известна сила вашего города»; с другой стороны, «ваш город стал известен **благодаря** своей силе».

### **Заключение: переход к новогреческому**

В синонимическом ряду конструкций, также как и в ряду лексических синонимов, обычно выделяется один главный член: одна наиболее употребительная конструкция, имеющая более общую семантику и меньше сочетаемостных или лексических ограничений, чем её соперники. Так, среди посессивных конструкций выделяются конструкции с генитивом, а среди ограничительных (в древнегреческом) – винительный отношения. Тем не менее, другие конструкции из синонимического ряда, хотя и менее значимые, всё же заслуживают внимания.

В ходе развития древнегреческого языка многие прежде периферийные конструкции вышли на первый план. Так произошло и с ограничительными предлогами.

Предлог εἰς (в форме se или s) стал одним из основных предлогов новогреческого языка. Среди многих его абстрактных значений присутствует и ограничительное:

15) καλλίτερος **σε ποιότητα** – *лучший по качеству* (Хориков: 682)

Предлог κατά(+асс) также сохранил своё ограничительное значение, хотя и употребляется в более официальном стиле:

16) διαφέρουν **κατά το ύψος** – *они различаются по высоте* (Μπαμπινιώτης: 848).

### ЛИТЕРАТУРА

- Schwyzler E. Griechische Grammatik. Bd. 2: Syntax und syntaktische Stylistik (mit A. Debrunner). München, 1950.  
Соболевский С. И. Древнегреческий язык. СПб, «Алетейя», 2000.  
Хориков И. П., Малеев М. Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993.  
Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, 2002.

А. В. Дубасова

### От праиндоевропейского к праславянскому и прабалтийскому: общее и различное (фонология)

Как известно, общность балтийских и славянских языков имеет особый (в сравнении с другими индоевропейскими языками) характер. Вопрос о характере и истоках этой общности имеет важное значение при реконструкции любой системы: фонологической, морфологической, лексической или синтаксической. На наш взгляд, для постулирования общего балто-славянского языка, не хватает, в первую очередь, археологических подтверждений: общий язык предполагает наличие общей культуры (Lehr-Splawinski 1946: 11), а поскольку надёжных данных, подтверждающих наличие такой культуры, нет (Kostrzewski 1956: 71–72), с уверенностью говорить о балто-славянской общности, более тесной, чем контакты, характерные для языкового союза, не представляется возможным. Чтобы подтвердить или опровергнуть данное положение, рассмотрим некоторые фонетические процессы, общие для прабалтийского и праславянского языков.

#### Ассибиляция индоевропейских нёбнопалатальных

Одним из ключевых процессов, обусловивших формирование как прабалтийского, так и праславянского консонантизма, был переход индоевропейских нёбнопалатальных в сибиллянты. Однако относительно качества этих сибиллянтов единого мнения нет. Выдвигались следующие точки зрения.

1. Индоевропейские нёбнопалатальные  $*k̑$ ,  $*g̑$ ,  $*g̑h$  > прабалтийские и праславянские мягкие шипящие  $*š'$ ,  $*ž'$ ; в литовском языке они затем отвердели, а в латышском, древнепрусском и в более позднем праславянском изменились в свистящие  $s$ ,  $z$  (Отрембский 1954). Переход индоевропейских палатальных в прабалтийские шипящие реконструируется в (Būga 1959: 18, 21, 108, 651–652), (Stang 1966: 89), (Zinkevičius 1980: 130) и отражён в этимологических словарях.

2. По мнению Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 106–107), основанного на данных индоиранских и армянского языков, индоевропейские палатальные в



балтийских и славянских языках первоначально изменились в аффрикаты и лишь потом аффрикаты перешли в шипящие и далее в свистящие.

Обе реконструкции могут быть использованы в качестве свидетельства существования славяно-балтийского языкового единства. Однако для праславянского предлагаются и другие варианты развития, что, напротив, говорит о различии балтийского и славянского. В частности, по мнению О. Н. Трубачёва (Трубачёв 2002: 31), в славянском рассматриваемый процесс выглядел следующим образом (для звонких аналогично): \**k* > \**c* > *s* (и.-е. \**ker-* > раннепраслав. \**cirna* > праслав. \**srna* ‘серна’). Кроме того, промежуточная стадия \**š*’, \**ž*’ для праславянского, реконструируемая Я. Отрембским, не является общепринятой: в (Селищев 2001 (1951): 176–207), (Бернштейн 2005 (1961): 134–135), (Супрун 1986: 16) такая стадия не предлагается, но постулируется непосредственный переход индоевропейских палатальных в славянские свистящие (по мнению двух последних авторов – в мягкие свистящие).

3. Имеется мнение (Breidaks 2006 (1989): 382–383; Mažiulis 1981: 8, 10–11), согласно которому индоевропейские палатальные в прабалтийском развились в палатализованные свистящие \**s*’, \**z*’, которые затем в одних идиомах развились в шипящие *š*, *ž*, а в других – в свистящие *s*, *z*. Данное мнение в сочетании с позицией А. Е. Супруна и С. Б. Бернштейна также можно было бы считать аргументом в пользу существования балто-славянского единства.

Однако такой переход для прабалтийского языка маловероятен, поскольку переход палатальных (индоевропейских) в палатализованные (прабалтийские) косвенно свидетельствовал бы о наличии в прабалтийском языке корреляции палатализации. Мнение Е. Куриловича (Курилович 1963: 29) о наличии в прабалтийском такой корреляции опровергалось, в частности, В. Н. Чекманом (Чекман 1979). Также не совсем понятно, почему и.-е. \**k*, \**g*, \**gh* должны были дать прабалтийские палатализованные \**s*’, \**z*’, а не \**k*’, \**g*’ – согласно традиционной точке зрения, в прабалтийском имелись палатализованные \**k*’, \**g*’ (Zinkevičius 1980; Борисенко 1972), и переход палатальных \**k*, \**g*, \**gh* в уже существующие палатализованные \**k*’, \**g*’ был бы более логичным, нежели переход палатальных \**k*, \**g*, \**gh* в создаваемые палатализованные \**s*’, \**z*’. Если и исходить из предложенного мнения о переходе индоевропейских палаталь-

ных непосредственно в свистящие, то следовало бы предположить прабалтийские палатальные \*ś, \*ž. Такое предположение может быть поддержано следующим аргументом: звуки \*ś, \*ž являются, по типологическим данным, неустойчивыми и обычно быстро развиваются либо в š', ž', č', dž' (с возможным последующим отвердением), либо в s, z, c, dz (Чекман 1979). В нашем случае закономерно \*ś, \*ž > лит. š', ž', лтш., др.-прус. s, z. Безусловно, гипотеза о переходе индоевропейских нёбнопалатальных в прабалтийские палатальные свистящие нуждается в более тщательном рассмотрении.

Итак, общепринятого мнения, согласно которому развитие индоевропейских нёбнопалатальных в славянском и балтийском совпадало бы, в настоящее время нет, хотя и возможны такие комбинации мнений, при которых данное развитие выглядит идентичным. Если же придерживаться традиционных реконструкций (и.-е. \*k̥, \*g̥, \*g̥h > прабалт. \*š', \*ž', праслав. \*s', \*z'), то судьба индоевропейских палатальных в рассматриваемых языках свидетельствует скорее о независимом их развитии.

#### Неполная сатемизация

Относящиеся к группе *satəm* прабалтийский и праславянский отличает неполная сатемизация. Согласно традиционному мнению, процесс перехода индоевропейских нёбнопалатальных \*k̥, \*g̥ в сибиллянты начинался в иранском ареале, распространяясь на балтийский и славянский постепенно.

В этом явлении интересно собственно наличие дублетов, так как вообще кентумные элементы есть в любом языке *satəm* – либо в виде собственных архаизмов, либо в виде заимствований (Трубачёв 2002: 81). По О. Н. Трубачёву, группа языков *satəm* занимала не периферийное, а скорее центральное положение в индоевропейском ареале.

С. Б. Бернштейн (Бернштейн 2005: 152–154) вслед за Я. Сафаревичем предполагает, что \*k̥, \*g̥, в индоевропейском языке могли быть не самостоятельными фонемами, а позиционными вариантами задненёбных k, g: перед гласными заднего ряда употреблялись задненёбные, а перед гласными переднего ряда – средненёбные, причём позже варианты со средненёбным в языках *satəm* были обобщены. Исключения и дублеты легко объясняются тем обстоятельством, что никакие морфологические обобщения не проводятся последовательно. Таким образом, все обнаруживаемые случаи являются результатом внутреннего

развития праславянского языка. То же, по мнению С. Б. Бернштейна, относится и к балтийским языкам.

Не приводя всех существующих мнений относительно причин неполной сатемизации в балтийских и славянских языках, отметим подход, рассматривающий данное явление с точки зрения внутреннего развития славянских и балтийских языков, как особенно интересный и продуктивный.

#### Правило *ruki*

Важным для праславянского и прабалтийского является переход и.-е.  $*s >$  балт.  $*š$ , слав.  $x$  после  $i, u, r, k$ .

В балтийском в действительности представлен двойной рефлекс (Каралюнас 1966), а именно:

- а) и.-е.  $*s$  после  $r, k >$  балт.  $*š$ ;
- б) и.-е.  $*s$  после  $i, u >$  балт.  $*s$  (и  $*š$  в изолированных формах).

Согласно С. Каралюнасу, и.-е.  $*s$  после  $i, u$  сохранилось в балтийском в позиции непосредственного предшествования сонанту в том случае, когда оно принадлежало морфеме, отличной от той, к которой относились  $i, u$ ; в других случаях оно перешло в  $*š$ .

Я. Отрембский (Отрембский 1954) данное явление считает общим балто-славянским, полагая, что в славянской языковой группе индоевропейское  $*s$  превратилось первоначально в  $*š$  (также как в индо-иранском) и затем в  $x$ , а в балтийских языках вторичное  $š$  изменилось обратно в  $s$ : в латышском и в древнепрусском во всех случаях, а в литовском с некоторыми ограничениями, т. е.:

- а) и.-е.  $*s$  после  $i, u, r, k >$  раннепраслав.  $*š >$  слав.  $x$ ;
- б) и.-е.  $*s$  после  $i, u, r, k >$  балт.  $*š >$  лтш., др.-прус.  $s$ , лит.  $*s / *š$  (с ограничениями).

Как можно видеть, позиция Я. Отрембского отлична от позиции С. Каралюнаса: если последний говорит о **сохранении**  $*s$  и о – ограниченно – переходе в  $*š$ , то первый, напротив, говорит об исходном **изменении**  $*s$  в  $*š$  с последующим возвращением к первоначальному состоянию.

Что касается возможности перехода и.-е.  $*s$  после  $i, u, r, k >$  раннепраслав.  $*š >$  слав.  $x$ , то промежуточная стадия  $*š$  допускается А. М. Селищевым (Селищев 2001: 184), Мейе и другими, однако не предусматривается в (Супрун 1986), (Бернштейн 2005). Более того, переход прабалт.  $*š > s$  в (Бернштейн 2005: 161) считается абсолютно необоснованным.

В праславянском языке рассматриваемый переход был более активен и последователен, нежели в прабалтийском. Имея в виду ареальную интерпретацию данного явления (Stang 1966: 98), следует, по-видимому, принять позицию С. Б. Бернштейна, в соответствии с которой указанный процесс шёл со стороны праславянского языка, а в прабалтийском происходил менее активно и с разными результатами в разных говорах. Такая позиция также скорее опровергает теорию балто-славянского единства.

Представленные фонетические процессы, нашедшие отражение как в славянском, так и в балтийском, несмотря на внешнее сходство, свидетельствуют скорее о независимом развитии данных языков. Наличие общих тенденций объясняется территориальной близостью и контактами, однако протекание представленных процессов указывает на различное «исполнение» таких тенденций и может быть описано без постулирования балто-славянского праязыка.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн 2005 – Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука.
- Борисенко 1972 – Борисенко В. В. К вопросу о палатализации в балтийских языках // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. № 4. С. 50–58.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета. Ч. 2. 899 с.
- Каралюнас 1966 – Каралюнас С. К вопросу об и.-е. \*s после i, u в литовском языке // Baltistica. Т. 1. С. 3–126.
- Курилович 1963 – Курилович Е. О балто-славянском языковом единстве // Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М. С. 15–41.
- Отрембский 1954 – Отрембский Я. Славяно-балтийское языковое единство // ВЯ. № 5. С. 27–42.
- Селищев 2001 – Селищев А. М. Старославянский язык. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС.
- Супрун 1986 – Супрун А. Е. Праславянский язык. Минск.
- Трубачёв 2002 – Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистическое исследование. – Изд. 2-е, доп. М.: Наука.
- Чекман 1979 – Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск: Наука и техника.
- Breidaks 2006 – Breidaks A. Darbu izlase. 1. daļa, Rīga: LU Latviešu valodas institūts.

- Būga 1959 – Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. T. 2.
- Kostrzewski 1956 – Kostrzewski J. Stosunki między kulturą łużycką i bałtycką // *Slavia Antiqua*, t. 5. S. 5–73.
- Lehr-Spławiński 1946 – Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań: Wydawnictwo instytutu zachodniego.
- Mažiulis 1981 – Mažiulis V. Apie senovės vakarų baltų bei jų santykius su slavais, ilirais ir germanais // *Iš lietuvių etnogenezės*. Vilnius: Mokslas. P. 5–11.
- Stang 1966 – Stang Chr. S. *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Oslo-Bergen-Tromsø.
- Zinkevičius 1980 – Zinkevičius Z. *Lietuvių kalbos istorinė gramatika: Įvadas. Istorinė fonetika. Daiktavardžių linksniavimas*. Vilnius, Mokslas.

А. А. Евдокимова

### К вопросу об акцентуации в византийских греческих граффити

Как известно, последовательная и обязательная акцентуация в греческих памятниках стала применяться в X веке уже в рукописях, когда в живом языке были утрачено интонационное различие между «острым» и «облеченным» ударением, а до этого времени согласно исследованиям (Biondi 1983; Laum 1928; Seider 1967; Turner 1971; Тронский 1962), акцентуация носила спорадический характер. Однако этот вывод носит условный характер, так как до сих пор нет общего свода всех акцентуированных греческих памятников более раннего времени, хотя существуют отдельные исследования папирусов, как в целом, так и для некоторых объединенных по тематическому или географическому принципу групп.

Интересный материал по акцентуации дают надписи, особенно граффити. Для данной статьи были просмотрены граффити из Софии Киевской, Софии Константинопольской, Парфенона и пещерных монастырей Нубии и Каппадокии. В отличие от остальных, константинопольские и нубийские граффити, согласно их изданиям, не содержат диакритических знаков.

В Софии Киевской чаще всего встречается знак тупого ударения, особенно при сокращениях:

Κε (ε)λεησὸν με (Евдокимова 2008: 621, № 17),

σοσ̄τ̄ δουλ̄ σου θεῶ̄δο̄ = σοσ(ὸν) τ(ὸν) δουλ(ὸν) σου  
Θεόδωρον (Евдокимова 2008: 634–635, № 41),

τ̄ δουλ̄ σου = τ(ὸν) δουλ(ὸν) σου (Евдокимова 2008: 635, № 42).

Большая часть этих ударений схожа с употреблением грависа в папирусе Парфения Алкмана около сер. I в. н. э., в котором гравис в конце окситонного слова пишется либо тогда, когда оно составляет единую синтагму с последующим словом, либо тогда, когда последующее слово имеет ударение на первом слоге (Тронский 1962: 79–80). В приведенных примерах содержатся оба случая, исключением из этого правила являются два слова: σοσ̄ и θεῶ̄δο̄, в обоих стоит знак для сокращения на конце слова, который в данном случае выступает маркером без-

ударного слога. При этом первый знак для сокращения в  $\theta\epsilon\omega$   $\delta\omicron$  следует понимать как указание на ударение.

Знак острого ударения засвидетельствован в одной надписи  $K\acute{\epsilon}$ ,  $\theta\acute{\upsilon}$  (Евдокимова 2008: 640–641, № 50) и выполняет в ней функцию смыслового маркера. В другом граффито этот знак дважды повторен по ошибке вместо тупого ударения  $\tau\acute{\iota}$   $\delta\omicron\upsilon = \tau(\acute{\omicron}\nu)\delta\omicron\upsilon[\lambda\omicron\nu]$  (Евдокимова 2008: 617, № 9).

В граффити из Афин<sup>1</sup> наблюдается большее разнообразие употребления возможных диакритических знаков.

ĩ	$\beta\omicron\eta\theta\acute{\iota}$ (7), $\sigma\omicron\tau\acute{\iota}\rho\iota\alpha\varsigma$ (144, 930–960?) $\text{N}\acute{\iota}\kappa\omicron\lambda\omicron\alpha\omicron\varsigma$ (48, 1175), $\text{I}\omicron\nu\acute{\nu}\omega$ (48, 1175), $\alpha\lambda\lambda\eta\lambda\omicron\upsilon\acute{\iota}\alpha$ (145)
придыхание тонкое	$\acute{\epsilon}\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (47, 1121),
придыхание густое	$\acute{\omicron}$ $\acute{\alpha}\gamma\iota\omega\tau(\alpha)\tau(\omicron\varsigma)$ (48, 1175), $\acute{\omicron}$ дважды (58, 1086), $\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\omicron\lambda\omicron\varsigma$ (149, 1482)
ударение острое	$\mu\eta\acute{\iota}\sigma\tau\eta\tau\eta$ (18), $\text{K}\omicron\kappa\alpha\lambda\acute{\alpha}\nu$ (31), $\delta\omicron\upsilon\lambda(\omicron)\upsilon$ (43), $\text{N}(\iota)\kappa(\eta)\acute{\phi}\omicron\rho\omicron\varsigma$ (47, 1121), $\acute{\epsilon}\tau\omicron\upsilon\varsigma$ (47, 1121), $\phi\iota\lambda\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\nu$ (51), $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omega$ (51), $\alpha\gamma\iota\acute{\omicron}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ (57, 1030), $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\iota\alpha$ (91), $\text{P}(\alpha\nu\alpha\gamma)\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (91), $\tau\acute{\alpha}$ $\omicron\mu\alpha\tau\eta\alpha$ (111), $\text{P}\acute{\epsilon}\tau\rho\omicron\varsigma$ (119 – единственное слово в надписи), $\omicron\rho\gamma\acute{\eta}$ $\sigma\omicron\upsilon$ (131), $\text{F}\rho\acute{\alpha}\gamma\gamma\omicron\varsigma$ $\text{K}\omicron\upsilon\kappa\omicron\kappa\omicron\upsilon\acute{\omicron}\lambda(\eta\varsigma)$ (149, 1482), $\text{F}\rho\acute{\alpha}\nu\kappa\omicron\varsigma$ (166, 1482), $\mu\eta\eta\sigma\theta\acute{\omicron}\sigma\eta\nu$ (176), $\delta\iota\kappa(\alpha\iota)\acute{\omicron}\sigma\omicron\iota(\nu\alpha\iota)$ (176), $\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$ (177)
ударение тупое	$\tau\acute{\omicron}\nu$ $\sigma\acute{\omicron}\nu$ , (даны в сокращении, которое подразумевает тупое ударение), $\tau\acute{\omicron}\nu$ (как выше описано в 31 дважды, 209, 228) $\kappa\alpha\acute{\iota}$ (58, 1086)
ударение обличенное	$\text{B}\alpha\sigma\iota\lambda\omicron\upsilon\tilde{\nu}$ (16), $\theta\epsilon\omega\tilde{\theta}\epsilon\nu$ (194), $\epsilon\chi\theta\rho\tilde{\omega}\nu$ (194) $\text{A}\theta\iota\nu\tilde{\omega}\nu$ (172), $\tau\omicron\tilde{\upsilon}$ (177)

В таблице представлены примеры спорадического употребления ударения и придыхания, однако есть четыре граффити XII–XIV веков, в которых налицо попытка последовательного использования диакритических знаков:

<sup>1</sup> Цитируются по изданию Orlandos 1973. В скобках даны номер граффито в издании и дата для датированных памятников.

- δούλον Πέτρον τον άμαρτ(ωλον) αμην αμα (24) – в этом примере δούλον вместо облученного имеет острое ударение, άμαρτ(ωλον) вместо густого придыхания содержит тонкое, некоторые ударения и придыхания пропущены.

- Νικώλ(ας) ιερεις και δευτερέων άγιωτ(α)τ(ης) μ(ητρο)πωλεως Αθήν(ων) μ(η)ν(ι) οιουλήω (26, 1314) – здесь Αθήν(ων) имеет острое ударение вместо облученного, к тому же оно поставлено не на тот слог, ср. 172, пример дан в таблице. В άγιωτ(α)τ(ης) вместо густого придыхания используется тонкое.

Другие два примера, кроме некоторых пропусков ударений и придыханий, ошибок не содержат:

- έτελειώθ(η) εν κυριω ο άγιωτ(α)τ(ος) ήμων μ(ητ)ροπο(λι)της κύρ Λε(ων) ο Ξηρός μ(η)ν(ι) (ια)ννουαρ(ιω) η' ημέρ(α) (39, 1153).

- ετελειώθ(η) (εν) κυριω ο άγιωτ(α)τ(ος) ήμων μ(ητ)ροπο(λι)της κυρ Γεωργ(ιος) (40, 1160).

В каппадокийских<sup>2</sup> граффити также представлены почти все знаки, за исключением густого придыхания:

ī	βοηθī- (21), μαϊστορα (31, сер. X в.), μαϊου (74, 1058), βοϊθι (123, 1212, 124, 1212), αέρī (140, IX–X?), (θ)υγατī(ρ) (181, XI век и позже), μυρīοπι-φιστον (198, X–XI), μυρīοαναγαγον (198, X–XI)
придыхание тонкое	άγηα (165, 1293), αὐτω (167, 1293), εν (167, 1293) – дважды
придыхание густое	
ударение острое	αέρī (140, IX–X?), ανέθετο (166, 1293), μίαν (167, 1293)
ударение тупое	δουλò(ν) (21)
ударение облученное	το òνóματī σο(ν) (199, X–XI), τī δυ[ν]άμι σου κρōiv[ó][ν (199, X– XI), ἱς (201, X–XI)

Так же, как и в Афинах, в Каппадокии есть примеры более подробной акцентуации с некоторыми пропусками и ошибками:

<sup>2</sup> Цитируются по изданию: Jerphanion 1936–1942. В скобках даны номер граффито в издании и дата для датированных памятников.



- ἰδου υ δ<ο>υλοῖ Κ(υριο)υ γενητό μοι κατα τὸ ρήμα σ(ου) (3, XI и позже) – в слове ρήμα вместо обличенного ударения остроe; несмотря на перенос ударения с клитики μοι на последний слог глагола, она имеет еще одно свое собственное тупое ударение.

- εἰς λύτροσιν Γεοργίου διακο(νου) αμαρτο(λου)·σφωδρα εὐχστε αὐτ(ω) δια τὸν Κ(υριο)ν ινα ἐβρω λύσιν τον πολλων μου πτεσματος εν η(μερα) τις κρίσεος· ετους (4, 1147/8).

Спорадический характер употребления диакритических знаков сближает рассматриваемые граффити с папирусами (ср. Biondi 1983; Laum 1928; Seider 1967; Turner 1971). Малочисленность материала пока не позволяет сделать более определенные выводы.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Biondi 1983 – Biondi A. Gli accenti nei papyri greci biblici. Roma: Papyrologica Castrociquitana.
- Jerphanion 1936–942 – Jerphanion G. de. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. Texte. T. 2.1–2. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner.
- Laum 1928 – Laum B. Das Alexandrinische Akzentuationssystem unter Zugrundelegung der theoretischen Lehren der Grammatiker und mit Heranziehung der praktischen Verwendung in den Papyri. Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schoeningh.
- Orlandos 1973 – Orlandos A. C. Les graffiti du Parthenon. Inscriptions gravees sur les colonnes du Parthenon a l'epoque paleochretienne et Byzantine. Athenes: Academie d'Athenes. Centre Recherches Medievales et Neo-Helleniques.
- Seider 1967 – Seider. Paläographie der griechischen Papyri. Stuttgart: Anton Hiersmann. Bd. 1.
- Turner 1971– Turner E. G. Greek manuscripts of ancient world. Oxford: Clarendon Press.
- Евдокимова 2008 – Евдокимова А. А. Греческие граффити Софии Киевской (публикация) // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики III*. М.: Изд-во РГГУ.
- Тронский 1962 – Тронский И. М. Древнегреческое ударение. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

Я. Л. Забудская

### Становление метрических принципов в рецепции греческой трагедии в России

1. Перевод и подражание – два вида заимствования литературных форм – часто оказываются тесно связанными между собой, а в некоторых случаях – и неотличимы. Особенно часто это проявляется на ранних этапах влияния одной культуры на другую и выражается в адаптации специфических черт оригинала к национальной традиции. Далее, в процессе освоения заимствованных литературных форм не менее важными становятся и стилистические соответствия в переводимых текстах. При передаче поэтических форм одним из факторов как адаптации, так и передачи стилистического своеобразия оригинала оказывается выбор стихотворного размера.

2. *Жанр и метр.* Традиция перевода греческой драматургической классики в России формируется с конца XVIII в.: сначала переводится Софокл, потом Эсхил и Еврипид. С небольшим запозданием вслед за прозаическими появляются переводы стихотворные, внешней своей формой ориентированные на европейскую, вернее, на французскую традицию. Но французский александрийский стих (силлабический 12-сложник) на русской почве неожиданно оказался включенным в иную систему соотношения жанра и метра.

Александрийский стих, по происхождению связанный не с драмой, а с эпосом, в силу своей «высокости» в классицистической системе жанров становится размером «трагическим». Однако в русской «системе координат»<sup>1</sup> этот размер стал восприниматься не как классический, а как классицистический. «Новая школа русской поэзии», связанная с эстетическими воззрениями декабристов, противопоставляет классицистической традиции – романтическую, «народную», в жанровом аспекте это выражается в предпочтении Шекспира Расину, в метрическом – в замене шестистопного попарно рифмованного ямба пятистопным белым, как в «Аргиевях» Кюхельбекера. Антич-

---

<sup>1</sup> О шестистопном ямбе в поэмах и трагедиях XVIII в. в России см.: Хворостьянова 2006: 314–324.

ный материал был условной семантической «окраской» тогдашней политической и художественной речи, а подобия античных метров (в реальности далекие от подлинных), как и подобие античной драмы, были формальными средствами борьбы с принятыми формами (См. Тынянов 1977).

Не удивительно, что именно этот размер в сочетании с отсутствием рифмы выбирает Пушкин для «Бориса Годунова» с мыслью о «преобразовании драматической нашей системы». Уже в 1822 г. Пушкин рассуждал в письме брату о том, что пятистопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации<sup>2</sup>. В 1824 году Комитетом театральной дирекции официально решено «не принимать впредь трагедий, написанных вольным белым стихом», а в 1831 году Б. М. Федоров в трагедии «Годунов» переделывает ранее написанную шестистопным ямбом сцену в пятистопный с комментарием – «пятистопные стихи без рифм ныне предпочтительны для трагедии».

**3. Проблема приоритета.** И здесь, в этом процессе становления истинного «трагического» размера, запутанным оказывается вопрос о предшественниках и неожиданно острым – вопрос о приоритете. Пушкин в предисловии к «Борису Годунову» указал и на примеры пятистопного ямба – «Аргиевие» Кюхельбекера (1824), переделка «Венцеслава» Ротру А. А. Жандром (1825). Жандр, впрочем, чередует стихи пятистопные и шестистопные – это так называемый «вольный ямб», и в нем присутствует рифма. Кюхельбекер оспаривал первенство Жандра в употреблении «белых ямбов» в поэзии драматической – указывая на собственных «Аргиевие» и «Орлеанскую деву» Жуковского (1817). Катенин отстаивал приоритет своего «Пира Иоанна Безземельного» (1821) (См.: Тынянов 1977).

Наконец, проблема приоритета заставляет нас заглянуть еще глубже, в самый конец века XVIII и самое начало XIX. И здесь мы увидим, что введение 5-стопного ямба оказывается в прямой зависимости от попыток передачи античных просодических форм. В 1799 г. В. Т. Нарезный последовательно пользуется пятистопным ямбом в драме «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмову». Эта драма и есть случай соединения перевода с подражанием: источниками для драмы Нарезного, в силу тематической близости, считаются «Семеро против Фив»

---

<sup>2</sup> Пушкин А. С. Письмо к брату от 4 сент. 1822 г. ПСС, т. 13. Изд. АН СССР, Л., 1937.

Эсхила и «Антигона» Софокла (Бочкарев 1964: 27), но некоторые сцены он очевидно заимствует из Еврипидовых «Просительниц». А. Востоков, названный открывателем 5-стопного ямба для русской литературы (Эткинд 1986: 8), в 1810 г. заимствует этот размер у Гете, переводя «Ифигению в Тавриде». Опираясь таким образом уже не на французскую, а на германскую традицию, он указывает в качестве образца «ямбический пятистопный стих древней трагедии» (Эткинд 1986: 8).

4. **Калькирование метра.** Представление об этом «немецко-греческом» влиянии было довольно устойчивым, и в 1825 г. в «Сыне Отечества» французским александрийским стихам противопоставлялся «прекрасный размер греков и немцев, т.е. пятистопные ямбы без рифм»<sup>3</sup>. Таким образом, пятистопный ямба оказывается не просто драматическим (шекспировским), но и «античным» размером, хотя по формальному признаку количества стоп «александриец» ближе к имитации ямбического триметра (при том, что исходное различие квантитативной и силлабо-тонической системы исключает точность соответствий при передаче любого античного размера в его русском эквиваленте).

Впрочем, Кюхельбекер, к примеру, эту разницу между двумя размерами вполне осознаёт – он не только пишет «Аргилян» – «античную трагедию с хорами», пятистопником, но и переводит фрагменты эсхилиевского «Агамемнона» (Бочкарев 1964: 27) шестистопным ямбом без рифм (перевод этот долгие годы считался утраченным – следственно, и воздействия на становление литературных тенденций он оказать не мог, зато удивительнейшим образом оказался похож по стилистическим характеристикам на гораздо более поздний перевод Вяч. Иванова). Но в остальных случаях сильнее оказывается другой критерий соответствия – отсутствие рифмы. Сильнее настолько, что в образцах противостоящего «александрийцу» белого пятистопного ямба оказывается «Орлеанская дева», часть сцен которой написаны белым шестистопником, а также хореем! Сопутствующий размеру признак – наличие / отсутствие рифмы – оказывается более существенным, чем собственно «метр», как и представление о «влиянии» – сильнее влияния как такового. Впрочем, можно рассматривать и это как «влияние» германское: в немецкой традиции необходимость передавать античные оригиналы

<sup>3</sup> «Сын отечества», 1825, №5. С. 66. Цит. по: Тынянов 1977.

стихами без рифм обосновывалась уже в первой половине XVIII века Готтшедом и Венцки<sup>4</sup>.

5. **Проблемы стиля.** Классический французский александрийский стих требовал обязательного ударения в конце каждого полустишия и смежной рифмовки. Однако, оппозиция александрийский стих / белый пятистопный ямб определяется не только рифмой и количеством стоп, но и более глубокими причинами, связанными с проблемами стиля. Александрийский стих (особенно в строгой форме) со срединной цезурой, регулирующей полустишия, с попарной рифмовкой, образующей чередование двустиший, – это способ организации стихотворного текста, сильно связывающий и интонацию, и синтаксис, и движение поэтической мысли в целом. Белый стих – вне прямой зависимости от числа стоп – всегда свободнее в синтаксисе, устранение же прочих ограничений еще больше приближает его к разговорной речи, что для драматического жанра весьма существенно. Так метр приобретает семантическую функцию, и противостояние двух размеров можно рассматривать как содержательное. Александрийский стих более логичен, способствует формированию предложений и потому подходит классицистическому стилю. Новая трактовка драматического действия приводит и к смене метра на более подвижный и похожий на разговорную речь. И в переводном тексте александрийские стихи связывают автора гораздо больше и приводят к большим отклонениям от подлинника, чем стихи белые.

6. **Проблема генеалогии.** Усложняли картину противопоставления двух размеров представления об их происхождении: стих заемный («чужой») / стих народный («свой»). Семантика и генеалогия «александрийца» очевидны – это размер для «классических» лирических жанров и для переводов (к примеру, в драматической поэме Пушкина «Анджело»). А пятистопник рассматривали не генеалогически, а генетически: это изначально драматический размер, подходящий для драмы исторической, «народной» – «Аргиван» Кюхельбекера, «Бориса Годунова» Пушкина, – и для древнегреческой трагедии. Фактически Пушкин объединил традиции англо-германской поэтической драма-

---

<sup>4</sup> Der Biedermann, 42-tes Blatt, 1728, den 16 Februar; Versuch einer critischen Dichtkunst. 3 Aufl. Leipzig, 1742. S. 152, 168. G. Wenzky. Das Bild eines geschickten Übersetzers // Beiträge. 9-tes Stück. 1734. S. 59–114. Цит. по: Егунов 2001: 37.

тургии с представлениями о «подлинном» драматическом размере. Таким образом, охарактеризованное выше «противостояние» двух размеров заканчивается, по сути, тем, что один становится аналогом другого. Эта странная на первый взгляд контаминация вполне обоснована исторически – античный триметр в средневековой силлабике становится 11-сложником, а силлабический 11-сложник, в свою очередь, в силлабо-тоническом преобразовании превращается в 5-стопный ямб (Гаспаров 2000<sub>1</sub>: 17). При этом отказ от «классических» французских образцов в пользу пятистопника – возвращение к истокам: классицизм начинается с «Софонисбы» Джанджорджо Триссина (Козлова 1980: 7) (изд. 1524, первая итальянская трагедия, созданная по образцу античной) – одновременно это и рождение европейского белого стиха (*endecasillabo sciolto*).

**7. Проблема семантики метра.** Такими сложными путями в русской поэтической традиции складываются определенные метрико-семантические ассоциации: шестистопный стих – это «Редеет облаков летучая гряда», т. е. малые поэтические формы, а трагедия – это пять стоп, «Еще одно, последнее сказанье...». Эта семантическая наполненность стихотворных размеров, называемая семантическим ореолом (Гаспаров 2000<sub>2</sub>: 13), важна в том числе и потому, что оппозиция шестистопный / пятистопный стих отчетливой проявляется даже не в оригинальных драмах, а в переводах трагедий. Содержательная окраска метра становится одним из факторов как адаптации, так и передачи стилистического своеобразия оригинала. До 1825 г. античная трагедия переводится александрийским стихом (С. Аксаков, Н. Кошанский, А. Ф. Мерзляков), после 1825 – пятистопным белым ямбом (Ап. Григорьев, К. Павлова, В. Водовозов, М. Илецкий, С. Шестаков)<sup>5</sup>. Примеры шестистопных ямбов – редки и как правило неудачны, за исключением перевода О. Вейсс. Говорить о «влияниях» теперь тем более сложно – в русской переводной традиции отчетливо проявляется воздействие «оригинального» драматического стиха; в то время как в Германии во второй половине XIX в. греческую драму уже переводят нерифмованными шестистопниками.

В результате при оформлении «полного корпуса» переводов в конце XIX – нач. XX в. (имеется в виду не доведенная до конца попытка Д. С. Мережковского, Софокл в переводе Ф. Ф. Зе-

<sup>5</sup> Об истории переводов греческой трагедии см.: Успенская 2005.

линского и Еврипид И. Ф. Анненского) сохраняется форма именно пятистопного стиха: как кажется, это и есть принцип метрической аналогии, следование даже не столько традиции как таковой, сколько семантическому ореолу стиха. И хотя компромисс – шестистопник без рифм – одновременно является возвращением к подлинному (насколько возможно!) триметру, семантический ореол оказывается сильнее. Вячеслав Иванов, взявший в своих переводах Эсхила за основу шестистопник, выступает как нарушитель – и традиции, и ореола. Следует ему разве что Гумилев в «Отравленной тунике», а в переводе Эсхила много позже – С. К. Апт.

8. На примере обращения к античным драматическим формам мы видим, что взаимосвязь перевода и подражания в русской литературе оказывается прямо противоположной западноевропейской. В литературах Запада на определенном этапе появление переводов становилось литературным событием и предпосылкой расцвета драматического жанра – как комедии Плавта для итальянской комедии, как в Англии трагедии Сенеки для елизаветинской драматургии, как «Орестея» в переводе Дройзена для жанровых исканий Вагнера. В России, напротив, переводы, как правило, шли вслед литературным тенденциям – что дало возможность апелляции к литературным ассоциациям как автора, так и читателей, принципам перевода «со стиля на стиль».

#### ЛИТЕРАТУРА

- Бочкарев 1964 – Бочкарев В. А. Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX в. // Стихотворная трагедия конца XVIII – начала XIX в. М.; Л.
- Гаспаров 2000<sub>1</sub> – Гаспаров М. Л. Очерки истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М.
- Гаспаров 2000<sub>2</sub> – Гаспаров М. Л. Метр и смысл. М.
- Егунов 2001 – Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.
- Козлова 1980 – Козлова Н. П. Ранний европейский классицизм // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.
- Тынянов 1977 – Тынянов Ю. Н. «Аргиевие», неизданная трагедия Кюхельбекера // Поэтика. Теория литературы. Кино. М. С. 93–117.
- Успенская 2005 – Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб. С. 292–352.
- Хворостьянова 2006 – Хворостьянова Е. В. Ритмика шестистопного ямба XVIII в. // Индоевропейское языкознание и классическая филология–X. Чтения памяти И. М. Тронского. СПб.: Наука. С. 314–324.
- Эткинд 1986 – Эткинд Е. Г. Поэтический перевод в истории русской литературы // Мастера русского стихотворного перевода. Л.

С. В. Иванов

**Об одном сюжете из среднеирландского текста: птица *hiruath* \***

Как известно, вопрос о возможном восточном (в широком смысле слова) происхождении некоторых сюжетов, содержащихся в среднеирландских текстах, неоднократно обсуждался в научной литературе (Herbert, McNamara 1989: xxvii; McNamara 2003). Одним из таких мотивов, для которых предполагаются связи с восточными источниками, является сообщение о птице *hiruath*, которое мы и рассмотрим ниже.

Рассказ об этой птице представлен в тексте *In Tenga Bithnua*<sup>1</sup>, описывающем разговор между апостолом Филиппом и иудейскими мудрецами на горе Сион, во время которого апостол раскрывает людям некоторые аспекты космологии и эсхатологии. Вместе с тем отдельные сведения отчетливо относятся к области лапидариев и бестиариев и содержат описания «заморских диковин». Текст дошел до нас в двух редакциях – (ТВ1) и (ТВ2) соответственно. Издатель первой редакции, Уитли Стокс, считает временем составления текста X–XI вв.

Далее мы приводим интересующий нас отрывок из обеих редакций (перевод наш):

ТВ1:

«[Есть] птица огромной величины в землях Индии, которая зовется *Hiruath*. Ее величина достигает такого размера, что тень ее крыльев покрывает путь трех зимних дней по морю или суше, когда она простирает их. Она летает, [размахивая] крыльями, охотясь на морских чудовищ. Горы песка и камней нагревают яйцо, которое она зарывает [туда], когда снесет. Корабль с парусами и веслами делают из половины такого яйца, когда его

---

\* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-100.2007.6

<sup>1</sup> Название текста в английском переводе *Evernew Tongue*. На русский можно было бы весьма условно перевести как «Вечный (или Неусекаемый) Язык». Название связано с апокрифической легендой о мученической смерти апостола Филиппа, которому несколько раз отрезали язык, но он все равно продолжал проповедовать (Passions, 112).



разобьют. Семь тысяч воинов с их оружием и припасами – столько несет [этот корабль] по морю. И большое множество людей, которые присутствуют здесь на этом собрании, приплыли в половине такого яйца по Красному морю»<sup>2</sup>.

ТВ2:

«Птица, которая зовется Iruath, есть в землях Индии; [она] такой величины, что тень ее крыльев покрывает путь трех зимних дней с обеих сторон, когда она простирает их. Пища, которая ее питает, – морские чудовища, и она поднимает их своими когтями. Она откладывает одно яйцо каждый год в сухой песок, и солнце нагревает это яйцо, и затем прилетает посмотреть на него, когда попустит Бог.

Из половины такого яйца делают корабль, который несет парус и весла. Двести семьдесят воинов с их оружием и припасами – столько несет [этот корабль] по морю. Большое множество людей, которые присутствуют на этом собрании, прибыли в половине такого яйца по Красному морю»<sup>3</sup>.

В статье, посвященной сюжетам из этого текста, Питер Китсон приводит в качестве аргумента в пользу большей близости к оригиналу ТВ1 и, соответственно, удаленности от него ТВ2 тот факт, что в ТВ1 «горы песка и камней нагревают яйцо», в то время как в ТВ2 яйцо нагревается солнцем. Автор статьи считает, что во втором случае мы имеем дело с рационализацией (Kitson 1984: 131). Между тем этот вопрос, на наш взгляд, тре-

<sup>2</sup> En inna mete dermhaire dianad ainm Hiruath i tirib India. Rosaig di meit a delba conid uide tri ngaimlaithe di muirib no tirib rosoich fosceud a eitedh intan sgailles uadha iat. Forluathar ar ite oc accaill arna bledmila isin muir. Slebe gainme 7 grian it e guirte in ogh docuirither iar ndothad. Libern co seoluib 7 ramaib dognither do leth ind ugha sin iarna madhmaim .lxx..x. mile cona n-armaib 7 a lointib issead bereas dar muir. Ocus ata sochuidi mor don tsluagsa fil isin ceiti-se sunn is i lleth ind uga sin dodeochatar dar Muir Ruadh (TB1 § 58).

<sup>3</sup> En dianad ainm in tIruath fil a tirib India, ata da med conidh uidhi tri ngemla uadh ar cach leith ro roich fosgad a eited an tan scailes iad. Ise biad nos-imfuilngedar .i. bleidhmila muiridhi, conus·ber les iad ana chrobaib etaruas. Aen ogh ased beres cacha bliadna i ngaineamh tirim, 7 in grian goires a ogh, 7 ticseam iarum da fis in tan ceadaiges Dia do. Da-nithear long fhuilnges seol 7 imram do lethblaisc a uighi sin. Sechtmogha laech ar da cetaib cona n-armaib 7 cona lointib ased beres tar muir. Atait sochaidi mor don lucht fil asa comdail seo, 7 is a leithblaisc na huigi sin tangadar tar Muir Ruaid (TB2 §§ 35–36).

бует более внимательного рассмотрения. Дело в том, что фрагмент ТВ1 допускает двоякое толкование. В переводе, данном выше, мы следовали интерпретации Стокса: *Mountains of sand and gravel are what warm the egg...* Однако интерпретация существенно меняется в зависимости от того, как понимать словоформу *grian* в тексте оригинала: *Slebe gainme 7 grian it e guirte in ogh*. В среднеирландском существовали омонимы *grian* «камень, земля, песок» и *grian* «солнце» (DIL, col. 157–158). Поэтому данную фразу можно понимать как «горы песка и камней нагревают яйцо», так и «горы песка и солнце нагревают яйцо». Второй вариант кажется нам более достоверным ввиду того, что, если воспринимать *grian* в значении «песок», ожидалась бы форма генитива, соответствующая генитиву *gainme* (Nom. *gainem*), то есть не *grian*, а *griain*. Достаточно сопоставить фразы ТВ1 и ТВ2, чтобы увидеть, что они весьма близки:

ТВ1: *Slebe gainme 7 grian it e guirte in ogh*

ТВ2: *...i ngaineamh tirim, 7 in grian goires a ogh*.

Если считать, что в ТВ1 перед нами *grian* ‘солнце’, вопрос о рационализации отпадает, и мы не можем принимать его за свидетельство более поздней переработки ТВ2, тем более что в ТВ2 сохраняется и, по-видимому, подчеркивается подробность, что птица откладывает яйца «в сухой песок», который, очевидно, под лучами солнца также служит чем-то вроде грелки для яйца.

С другой стороны, совершенно нельзя исключать и противоположную интерпретацию, при которой в обеих редакциях *grian* следует понимать как «земля, песок», и в таком случае перевод ТВ2 будет выглядеть так: «Она откладывает одно яйцо каждый год в сухой песок, и земля нагревает это яйцо». Тогда *gainem tirim* ‘сухой песок’, очевидно, нужно понимать как синоним *grian* ‘земля, почва’, и это вполне оправдывается такими словоупотреблениями, которые приведены в (DIL: col. 158), например: *gainem a grían* «its soil is sand». Как бы то ни было, это вновь показывает, что вряд ли можно судить о большей близости одной из двух редакций к оригиналу на основании этой фразы. К этому обстоятельству мы вернемся позже.

Само название птицы (*h)iruath* восходит к лат. *herodius*, которое, в свою очередь, передает греч. ἑρωδιός ‘цапля’. Как отмечает Китсон, «название ἑρωδιός стало прилагаться к другим птицам еще в эпоху античности. Оно используется в латинских переводах Библии, но несколько непоследовательно» (Kitson 1984: 132). Иероним в *Tractatus in Psalmos* пишет, что *herodion* –

птица большой величины, которая охотится даже на орлов. У нее нет постоянного гнезда, и она спит там, где застанет ее ночь. Китсон полагает, что автор оригинала *In Tenga Bithnua* знал, возможно, из каких-либо глосс, только первую часть комментария Иеронима, поскольку он не упоминает о том, что у этой птицы нет гнезд, а питается она орлами. По мнению Китсона, наименование *herodius* как название птицы необыкновенных размеров могло побудить ирландского составителя оригинала текста приложить его к птице, удивительные характеристики которой были ему известны из каких-то апокрифов. Хотя описание птицы *hiruath* не находит параллелей в апокрифической литературе, Китсон указывает на то, что «дух полного неправдоподобия, отличающий описание этой птицы в *In Tenga Bithnua*, характерен для раввинической литературы, например, что примечательно, в описании птицы *ziz*. Эти особенности переходят в христианскую апокрифическую традицию, в том числе проявляясь и в тексте *In Tenga Bithnua*. Описание птицы *herodius*, по-видимому, имеет иудейское происхождение и восходит к материалу, из которого был составлен оригинал апокрифа. В таком случае название [*herodius*] было дано этой птице самим автором-ирландцем» (Kitson 1984: 132).

Мартин Мак-Намара, также посвятивший статью данной теме, указывает на то, что «происхождение этой легенды и то, каким путем она пришла в Ирландию или была там обработана, все еще остается под вопросом» (McNamara 1988: 90). Далее автор обращает внимание на возможную плодотворность поисков в направлении, указанном Китсоном, и отводит заключительную часть своего исследования рассмотрению раввинических легенд о птицах *ziz sadai* и *Bar Yokani*, отмечая, впрочем, что «объяснить те или иные совпадения [между раввиническими легендами и описанием птицы *hiruath*] представляется весьма сложной задачей. Возможно, эти иудейские традиции, подобно многим другим, стали известны на Западе по латинским переводам, хотя эти переводы ныне утеряны или по крайней мере еще не установлены» (McNamara 1988: 93).

Вопрос о латинских версиях сюжета о птице *herodius/hiruath* требует особого рассмотрения. Китсон в цитируемой статье привлек внимание к рукописи Royal 6. A. xi, из Британской библиотеки, Лондон (XII в.), написанной на латыни. Здесь содержится текст «Физиолога», к которому добавлено пять параграфов, перекликающихся с текстом *In Tenga Bithnua*. Ниже мы приводим раздел по интересующей нас теме:

«О herodius. Есть птица большой величины по названию herodius в области Индии, Умбре. Ее величина, когда она простирает крылья, достигает протяженности трех дней пути на лошади шагом. Когда она летит над берегом моря, то делает горы песка. В этих горах она откладывает свои яйца, и солнце нагревает их, пока из них не вылупляются птицы. И из половины ее яйца получается корабль, в котором могут плыть семьдесят человек со своим оружием»<sup>4</sup>.

Исследователь считает латинский текст «производным» от какой-то редакции *In Tenga Bithnua* и в качестве одного из аргументов приводит уже знакомый нам «аргумент солнца», которое, по его мнению, появляется только в переработанных редакциях первоначальной версии апокрифа. Вместе с тем, Китсон отмечает, что латинский текст не может восходить к ТВ2, так как содержит некоторые детали, там не представленные. И, с другой стороны, «Royal 6.A. xi, несомненно, сохраняет одну черту первоначальной версии, утраченную в обеих дошедших до нас редакциях», сообщая, что птица сама наносит горы песка, в которых затем откладывает яйцо. Кроме того, и 70 воинов кажутся более правдоподобным количеством груза для половины птичьего яйца, и в этой детали латинский текст также может быть ближе к оригиналу, чем ТВ1 и ТВ2 (Kitson 1984: 130–131).

Вернемся теперь к «аргументу солнца», поскольку, как представляется, он дает повод к некоторому переосмыслению соотношения различных версий сюжета о птице *hiruath*. Как мы уже видели, его нельзя считать состоятельным. По крайней мере, он никак не показывает близость той или иной редакции к оригиналу. Отметим, что латинский текст содержится в рукописи XII в., то есть древнее рукописей ТВ1 и ТВ2. Если «производность» латинской версии оказывается недоказанной, у нас нет оснований полагать, что она происходит от какой-либо ирландской версии *In Tenga Bithnua*. Это устраняет уникальность ситуации, отмеченную в отношении этого текста Джоном Кэри, при которой изначально написанный на ирландском языке

---

<sup>4</sup> De herodio. Auis est magna magnitudine, herodius nomine, in regione Indie, Umbre. Illius magnitudo quando alas suas extendit continet spacium trium dierum deambulatione equi. Quando uolat in litus maris montes facit de arena. In illis montibus oua sua eicit, et sol calefacit quousque ex eis aues fiunt. Et dimidio oui ipsius fit nauis in quo nauigare possunt .LXX. uiri cum armis suis (Kitson 1984 : 127–128) .

текст оказывается переведенным на латынь и в такой форме влияет уже на латинскую литературу других стран (например, Англии) (Carey 1998: 276). Более того, в том, что касается птицы *herodius*, у нас нет оснований также полагать, что латинский текст дальше отстоит от первоисточника, чем *In Tenga Bithnuu*. Напротив, представляется вполне оправданным предположение, что он ближе к оригиналу. Сообщение об этой птице в ирландской версии в любом случае кажется заимствованием из какого-то bestiария, первоначальная версия которого, скорее всего, все-таки была написана на латыни, был ли это латинский перевод раввинических легенд, как полагает М. Мак-Намара, или нет. Такая гипотеза имеет еще и то преимущество, что позволяет избежать маловероятного предположения, согласно которому латинский текст оказывается сначала переведен на ирландский, а затем вновь на латынь.

В пользу латинского оригинала, на наш взгляд, свидетельствует также и текст, привлеченный к рассмотрению Мартином Мак-Намарой в уже упоминавшейся нами статье. По его данным, сведения о птице *herodius*, весьма напоминающие ирландскую традицию, обнаруживаются также в глоссе к Псалмам 103:17 в ватиканском Codex Palatinus Latinus 68, в котором также содержатся древнеирландские и древнеанглийские глоссы и который был составлен либо в Ирландии, либо в Нортумбрии в VIII–IX вв.:

«Вот воробьи». То есть, в упомянутых кедрах. «Дом *hirodus* (цапли) их вождь». То есть, воробей и *hirodus* (цапля) – птицы, которые делают гнезда в диких деревьях; *hirodus* же главенствует над упомянутыми птицами, то есть воробьями. Иначе: *Hirodus* – большая птица и предводитель всех птиц, которая нагревает яйцо в песчаной горе на выступе в устье реки, впадающей в море, и жар солнца с ним 40 дней. И по истечении этого времени она клювом сбрасывает яйцо с горы в устье реки, и когда оно разбивается, половина его несет 100 человек через устье и из удивления он показывает это здесь. Иначе: «Дом *hirodi*», который на высоких деревьях, предводитель воробьев; ведь если воробьи отлетают дальше, чем доходит тень дома *hirodus*, они не могут найти гнезд; потому говорится «их предводитель»<sup>5</sup>.

---

<sup>5</sup> Illic passeret. id est in cedris praedictis. hirodi domus dux est eorum. id est passer et herodius aues sunt quae in lignis agrestibus ponunt nidos; hirodus

Как показывает Мак-Намара, этот «текст служит свидетельством того, что по крайней мере какие-то мотивы легенды о птице *hiruath* из *In Tenga Bithnua* были известны в Ирландии в конце VII или начале VIII в.» (McNamara 1988: 90). Нам кажется, не менее важно и то обстоятельство, что эти мотивы дошли до нас в латинском варианте и, возможно, являются свидетельством труда скорее переписчика, чем переводчика.

Джеймс указывал на близость некоторых особенностей *In Tenga Bithnua* к латинским и греческим диалогам, в которых содержится множество апокрифических сюжетов. Вместе с тем, он склоняется к мнению, что первоисточник был написан на латыни и, возможно, представлял собой какую-то не дошедшую до нас латинскую обработку апокрифа об апостоле Филиппе (James 1919: 10).

В общем и целом, представляется наиболее вероятным, что если не весь текст ирландского апокрифа, то по крайней мере бестиарная его часть восходит к латинскому оригиналу. На наш взгляд, параллели, приведенные Китсоном и Мак-Намарой свидетельствуют как раз о том, что латинский первоисточник ирландского текста действительно существовал в том или ином виде и послужил основой для передачи или обработки сюжета о птице *hiruath*.

Вопрос о связи этой легенды с восточными (восточнохристианскими или иудейскими традициями) остается и, по-видимому, останется открытым, однако следует отметить, что, по-видимому, для установления непосредственного латинского первоисточника нет необходимости прибегать к дальнейшему углубленному изучению сказаний об огромных птицах, широко представленных в мировом фольклоре, и дающему основания скорее для типологического сопоставления разновременных и разнокультурных сюжетов.

---

autem principatur praedictis auibus, id est passeribus. Aliter: hirodius quidam auis magnus est dux omnium auium, qui in monte arena ad hostium fluminis intrantis mare super imminente confouet ouum et calor solis cum eo XL diebus et completo tempore ad hostium ouum de monte rostro trudit et illo distracto eius dimedium C uiros trans hostium portat et hunc pro admiratione hic ostendit. Aliter: domus hirodi quae in altis lignis fit dux est passerum; passerres enim si longius exierint quam quod umbra domus hirodis adierit, iterum non possunt inuenire nidos; ideo dicitur dux est eorum (McNamara 1988: 89).

## БИБЛИОГРАФИЯ

- DIL – Dictionary of the Irish Language based mainly on Old and Middle Irish materials. Dublin, 1990.
- Carey 1998 – Carey J. King of Mysteries: Early Irish Religious Writings. Dublin.
- Herbert, McNamara 1989 – Herbert M., McNamara M. Irish Biblical Apocrypha. Selected texts in translation. Edinburgh.
- James 1919 – James M.R. Irish Apocrypha // Journal of Theological Studies, 20. P. 9–16.
- Kitson 1984 – Kitson P. The Jewels and Bird Hiruath of the “Ever-new Tongue” // Ériu, 35. P. 113–136.
- McNamara 1988 – McNamara M. The Bird Hiruath of the “Ever-new Tongue” and Hirodius of Gloss on Ps. 103:17 in Vatican Codex Pal. Lat. 68 // Ériu, 39. P. 87–94.
- McNamara 2003 – McNamara M. Apocalyptic and eschatological texts in Irish literature: oriental connections? // Apocalyptic and eschatological heritage: the Middle East and Celtic realms / ed. M. McNamara, Dublin. P. 75–98.
- Passions – The Passions and the Homilies from Leabhar Breac: Text, Translation and Glossary. Ed. R. Atkinson. Dublin, 1887.
- TB1 – The Evernew Tongue [первая редакция], ed. and tr. W. Stokes, Ériu, 1905. Т. 2. P. 96–162.
- TB2 – The second recension of the Evernew Tongue [вторая редакция], ed. and tr. Ú. Nic Énrí and G. Mac Niocaill, Celtica, 1971. Т. 9. P. 1–60.

Е. В. Илюшечкина

**«Чужое слово» у Дионисия Перизгета:  
похвала Риму (Dion. Per. 350-356)**

Стихотворный пассаж из географической поэмы Дионисия Перизгета «Описание ойкумены» (II в.), посвященный Риму (ст. 350-356), заметно выделяется из общего описания Италии и по форме представляет собой поэтический энкомий. Сопоставление этого отрывка Дионисия с содержанием панегирика Элия Аристида «Похвала Риму» (II в.) показывает, что оба греческих автора не упоминают легендарного предания об основании Рима и игнорируют привычный для риторически образованных авторов перечень местных достопримечательностей; в центре внимания Дионисия Перизгета (как и Элия Аристида) тема столицы империи, средоточия верховной власти в Риме (Ср.: Oliver 1953; Klein 1981). Ниже приводится отрывок из поэмы Дионисия Перизгета и его перевод с построчными замечаниями.

- (350) τοῖς δ' ἔπι μέρμερον ἔθνος ἀγαῶν ἐστὶ Λατίνων,  
γαῖαν ναετάρωντες ἐπήρατον, ἧς διὰ μέσσης  
θύμβρις ἐλισσόμενος καθαρὸν ῥόον εἰς ἅλα βάλλει,  
θύμβρις ἐυρείτης, ποταμῶν βασιλεύτατος ἄλλων,  
θύμβρις, ὃς ἰμερτὴν ἀποτέμνεται ἀνδιχα Ῥώμην,  
(356) μητέρα πασάων πόλιων, ἀφνειὸν ἔδεθλον.

«После них – предприимчивый народ славных латинян,  
Населяющих прекрасную землю, через которую  
Протекает Тибр, неся свой чистый поток в море,  
Прекрасно текущий Тибр, самая царственная из всех рек,  
Тибр, который разделяет на две части [для всех] желанный Рим,  
Рим прославленный, великий дом моих повелителей,  
Матерь всех городов, чертог благоденствия».

Поэтической манере Дионисия присущи, с одной стороны, словоупотребление Гомера и Гесиода (при этом не обязательно смысловое совпадение), с другой – ориентация на образцы александрийской поэзии (Арат, Каллимах, Аполлоний Родосский), что побуждает Перизгета в качестве литературной игры использовать переключки, аллюзии, цитаты и прочие разновидности интертекстуальных связей.



Так, в эпическом языке эпитет μέρμερον (2) употребляется в смысле ‘грозный, страшный, тяжелый’ (ср. *Hom. Il.* VIII 453; X 289 и др.; *Hesiod. Theog.* 603; *Lycophr. Alex.* 949; *Nicandr. Ther.* 248), но позднее в значении ‘ловкий’ (ср.: *Plato Hp. Ma.* 290E). Византийский ученый и эрудит Евстафий Солунский (XII в.) в комментарии к поэме Дионисия Перизгета приводит следующие глоссы к μέρμερον – φροντιστικῶν, συνετῶν, μερμηρητικῶν (*Eust. ad Dion. Per.* 350; ср. *Eust. ad Hom. Il.* X 524 = p. 822 van der Valk). Анонимный автор парафразы в качестве синонима μέρμερον предлагает глоссу πολεμικῶν (*GGM II*, p. 460, col. II, 39 f.)

Именем Θύμβρις (Θύβρις как вариант чтения в издании перизгезы Г. Бернхарди, 1828) в античной литературе названы несколько рек, однако, чаще всего имелся в виду римский Тибр (*AP* 9, 352; *Plut. Rom.* 1, 1; *Herodian.* I 11). Заслуживают внимания частые упоминания схожего варианта *Thybris* в латинской поэзии (например, *Verg. Aen.* II 782; III 500; VIII 330; *Ovid. met.* XV 432; *fast.* III 524; VI 714; *Lucan.* VI 810 u.a.), которые уже античные комментаторы приписывали особенностям поэтического языка (ср. *Serv. ad Aen.* VII 31: *Tiber...in poemate Thybris vocatur* «Тибр... в [стихотворной] поэме называется Фибрис»).

Трижды повторяющееся в начале стиха Дионисия название «Тибр» (Θύμβρις...Θύμβρις...Θύμβρις) представляет собой пример риторической фигуры анафоры, несколько раз встречающейся в перизгезе. ‘Самый царственный’ Тибр (ср. βασιλεύτατος – *Hom. Il.* IX 69 *hapa legomenon*) разделяет ‘желанную’ (ἰμερτήν, ст. 354; ср. *Hom. Il.* II 751 *hapa legomenon*; *Apoll. Rhod.* IV 565) и ‘прославленную’ (τιμῆεσσα, ст. 355) столицу на две части (ἄνδιχα), что подчеркивается в тексте симплокой (двойным повторением) имени города Ρώμη (*Eust. ad Dion. Per.* 350). Причастие τιμῆεσσα, заимствованное, вероятно, из Каллимаха (*h. IV* 218: “Ἦρα τιμῆεσσα, πὸν προὔχουσα θεάων «Гера, моя госпожа, среди богинь высочайшая саном!», пер. С. С. Авринцева), также иллюстрирует приемы литературной игры Дионисия Перизгета (*Counillon* 2004:193). Наречие ἄνδιχα ‘надвое, пополам’ употребляется в том же значении, что и у Гомера и Аполлония Родосского (*Hom. Il.* I 97; *Apoll. Rhod.* II 575). Дионисий демонстрирует здесь словесную игру, основанную на совмещении гомеровской лексики с географическими названиями.

Изображение Тибра в качестве ‘чистого потока’ (καθάρων ῥόον), безусловно, идеализировано, поскольку античные источники, как правило, сообщают о мутновато-желтых водах этой

реки (Verg. *Aen.* VII 31; Hor. *od.* I 2, 13; II 3, 8; sat. II 1, 8 и др.). καθαρὸν ῥόον εἰς ἄλα βάλλει в ст. 352 (и в ст. 783) – это почти буквальное повторение стиха из «Аргонавтики» (Apoll. Rhod. II 401: Φάσις...εὐρὸν ῥόον εἰς ἄλα βάλλει).

По отношению к рекам Дионисий неоднократно употребляет гомеровский эпитет εὐρρείτης ‘светлоструйный’ (ст. 353, 848, 984, 1152; ср. Hom. *Il.* VI 34: Σατνιόεντος εὐρρείταο παρ’ ὄχθας «на брегах светлоструйной реки Сатниона»; *Od.* XIV 257: Αἴγυπτον εὐρρείτην «воды светлоструйного потока Египта»). Использование гомеровского *hapa* *legomenon* βασιλεύτατος в качестве эпитета (ср. Hom. *Il.* IX 69’ Ατρείδη...σὺ γὰρ βασιλεύτατός ἐσσι «Атрид... державнейший ты между нами») – очередной пример вариации Дионисия на тему эпического языка, когда гомеровское слово попадает в иной контекст и окрашивается дополнительным смыслом. Эпитет ἰμερτήν (см. также ст. 369, 537, 845) восходит к еще одному гомеровскому *hapa* (Hom. *Il.* II 751: ἰμερτὸν Τίταρησσόν «Титаресий веселый»; ср. Hom. *hymn. Cer.* 417, Hom. *hymn. Merc.* 510, Hom. *hymn. Ven.* 2-3; Hesiod. *Theog.* 576-577: στεφάνους... ἰμερτούς; Pind. *Ol.* VI 8: ἐν ἰμερταῖς ἀοιδαῖς; *Pyth.* III 99, IX 75; Apoll. Rhod. IV 565: ἰμερτή Πιτύεια). Еще одним примером стилистического обыгрывания Дионисием словоупотребления Арата из Сол (Arat. *Phaen.* 49–50 Martin: περτέμνεται в качестве *terminus technicus* при описании геометрических фигур) стал глагол ἀποτέμνεται, используемый в географическом значении, что в свое время отметил Э. Маас (Maass 1892: 257–258).

Очередной пример *imitatio cum variatione* при описании Рима представляет собой словосочетание ἐμῶν μέγαυ οἶκον ἀνάκτων, которое является параллелью к стиху Каллимаха из его «Причин» (F 112, 8 Pfeiffer: χαῖρε, Ζεῦ, μέγα καὶ σύ, σάω δ’ [ὄλο]ν οἶκον ἀνάκτων «Славься, великий Зевс, и да храни в целости дом [моих] повелителей»), где александрийский поэт воздает хвалу царскому дому Птолемеев. В своем комментарии Евстафий Солунский замечает, что в позднереческих текстах словом ἀναξ обозначался обычно император, а не римский консул (Eust. *ad Dion. Per.* 350); обращает на себя внимание, что Дионисий в данном случае говорит от первого лица (ἐμῶν) и это обстоятельство может служить дополнительным аргументом в

установлении более или менее точной даты создания географической поэмы<sup>1</sup>.

Форма μητέρα πασάων πόλιων с тмесисом (в качестве перифрастического выражения для μητρόπολις ‘метрополия, столица’) фактически повторяет одну из строк Пиндара: μεγάλην πόλιων ματρόπολιν «[быть Фере] матерью больших городов» (Pind. *Pyth.* IV 19–20). Обычно слово τὸ ἔδεθλον означает ‘основание, почва, опора’ в качестве синонима ἔδαφος (Eust. *ad Dion. Per.* 350), однако у Дионисия Перизэгета выступает в значении ‘храм, святилище’ (излюбленное словоупотребление александрийских поэтов, ср. Call. *h.* II 62, 72; *h.* IV 228; F 12. 4; F 162. 1 Pfeiffer; Apoll. Rhod. IV 331, 630; Lyc. *Alex.* 987, 800: ἐδέθλιον). Попутно Дионисий использует традиционный эпитет ἀφνειόν ‘богатый, обильный’ (ср. Hom. *Il.* II 825 и др.; Hes. F 134, 2; Pind. *Ol.* VII 1; Apoll. Rhod. I 57), который в большинстве случаев относится к людям (ст. 564, 734, 955, 1004), а в отношении городов встречается в географической поэме всего лишь раз (ст. 258: ἀφνειήν... πόλιν – об Александрии).

#### ЛИТЕРАТУРА

Илюшечкина 2003 – Илюшечкина Е. В. О двух акростихах в географической поэме Дионисия Перизэгета // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М. С. 100–103

Илюшечкина 2005 – Илюшечкина Е. В. Еще раз о датировке поэмы Дионисия Перизэгета // Индоевропейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб. С. 94–99.

Counillon 2004 – Counillon P. La Périégèse de la terre habitée et l’Hymne à Délos de Callimaque // *Revue des études anciennes.* 106 (1).

Klein 1981 – Klein R. Die Romrede des Aelius Aristides. Einführung. Darmstadt.

Maass 1892 – Maass E. *Aratea.* Berlin.

Oliver 1953 – Oliver J. H. The ruling power: A Study of the Roman Empire in the second century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides. Philadelphia.

<sup>1</sup> На основании обнаруженных Г. Лойе в конце XIX в. в тексте перизегезы акростихов подавляющее большинство исследователей относит творчество Дионисия к периоду правления императора Адриана (117–138 гг.); подробнее к вопросу о датировке поэмы см.: Илюшечкина 2003; Илюшечкина 2005.

Н. Н. Казанский

**Микенские начальные тонические частицы o- и jo-**

В греческом языке крито-микенского периода предложение, начинающееся с глагольной формы, всегда имеет стандартное начало – ей предшествует частица jo- или o-. Трудно найти между ними различие: очевидно фонетическое сходство, без труда устанавливается идентичная синтаксическая позиция, не менее отчетливо видно функциональное сходство. Чтобы проиллюстрировать все эти особенности, сопоставим два заголовка хозяйственных табличек:

PY Vn 10.1 o-di-do-si , du-ru-to-mo

«вот как (от)дают дровосеки...»

PY Jn 829.1 jo-do-so-si , ko-re-te-re , du-ma-te-qe

«вот как (от)дадут к. и д. (должностные лица)»

Разница в семантике частиц (даже если она и ощущалась писавшими) остается для нас неясной. Именно этим объясняется, судя по всему, современное положение дел, когда в варьировании форм jo-/o- все единодушно видят фонетическое изменение \*y- > h- , то есть форма с начальным j- представляет собой архаический графический вариант, а форма без начального согласного ближе соотносится с произносительной нормой конца микенской эпохи<sup>1</sup>.

Между тем, переходя к чисто фонетической интерпретации, мы сталкиваемся с определенными трудностями, поскольку в других случаях отсутствуют слова, в которых встречались бы варианты, с присутствием или отсутствием начального j-.

Единственный пример подобной вариативности засвидетельствован в текстах линейного письма А, в языке, который до сих пор не расшифрован. Представленные в этих текстах варианты ja-sa-sa-ra-ma / a-sa-sa-ra-ma засвидетельствованы в идентичном контексте – в стандартных надписях на возливательных столиках. Таким образом, фонетическое объяснение и графическая

---

<sup>1</sup> Посвященную этому литературу см. в словаре, подготовленном Ф. Аура Хорро (Aura Jorro 1985–1993).

вариативность наталкивают на мысль о единстве не только силлабария линейного письма А и В<sup>2</sup>, но и его использования в двух безусловно разных языковых традициях. Приходится предполагать далее и синхронное развитие сходных фонетических процессов в двух ареально близких, но явно неродственных языках. Последнее, однако, маловероятно.

При рассмотрении начальной частицы *o-* и *jo-* следует обратить внимание на два обстоятельства.

1. Во всех индоевропейских языках, тексты которых так или иначе восходят ко II тыс. до н. э., в синтаксической позиции, предшествующей глагольной форме при структуре предложения VOS, наблюдается неукоснительное употребление начальной (вероятно тонической) частицы или целого комплекса частиц (Иванов 1975; Казанский 1999). Эта нетривиальная особенность ярко представлена в хеттских текстах и в микенском греческом, однако следы ее обнаруживаются и в ведийском санскрите, так что можно предполагать, что она связана с праиндоевропейской фразовой интонацией, одним из признаков которой было наличие акцентуированной формы в начале предложения.

Микенский греческий сохраняет эту синтаксическую особенность как в абсолютном начале предложения, так и после обстоятельственного оборота, выраженного с помощью *genetivus absolutus*:

KN Fp(1) 14 + 27 + 28 + fr. .1 a-b a-ma-ko-to , me-no **jo-**te-re-pa-to , OLE

«В месяц а. (вероятно, «месяц жатвы») вот каким образом отжимают масло».

Очевидно, что обособленное обстоятельство в микенское время воспринималось как самостоятельная фразовая единица, не препятствовавшая начать главное предложение таким же способом, как если бы обстоятельственного оборота не было. Имеется также один случай, когда частица стоит перед обстоятельством места, открывающим предложение, а не перед глагольной формой:

KN Og (2) <4467>.1 **jo-**a-mi-ni-so-de , di-do-[

«Вот как в Амнисс (форма аллатива) дают»<sup>3</sup>

<sup>2</sup> Подробнее об этой интерпретации см. Казанский 1991.

<sup>3</sup> Как отмечают издатели, «Traces at right consistent with -ṣi[ (perhaps di-do-ṣi[)».

С точки зрения интерпретации частиц o- / jo- предлагались две возможности. Обычно принимается точка зрения, отраженная в последней по времени грамматике А. Бартонека: «Anschluss jo-/o- jō(s) bzw. (h)ō(s) (urspr. “wie”, doch eher bereits “so”) als Reflex der Relativsätze» (Bartoněk 2003: 445). Другую точку зрения отстаивала Ф. Бадер (Bader 1975)<sup>4</sup>, предположившая, что в начальной частице может содержаться форма местоимения среднего рода, выступающая в качестве прямого дополнения при переходном глаголе. Была также попытка в неявном виде сопоставить микенскую начальную частицу с аугментом, идея, которая не получила дальнейшего развития.

Как мне уже доводилось писать, одна из устойчивых формул гомеровского текста, как кажется, отражает данную микенскую синтаксическую особенность (Казанский 2000), и тем самым у нас появляются аргументы, чтобы отдать предпочтение традиционной интерпретации микенской частицы как застывшей формы инструментального падежа: /hō/ < \*yō < \*yo-H<sub>1</sub> или /hō/ < \*sō < \*so-H<sub>1</sub> («вот каким образом»). В этом случае за микенскими формами стоят рефлексы двух местоименных основ — указательной (\*so-, \*seH<sub>2</sub>-, \*to-) и относительной \*jo-. В рамках этой интерпретации, обсуждавшейся мною еще в 2000 г. в Остине, есть все основания пересмотреть устоявшиеся взгляды на вариативность начальных j-/h- в микенском. В этом случае на смену чисто фонетической интерпретации должна прийти морфологическая и синтаксическая.

Сделать это непросто, так как еще в греческом языке классической эпохи наблюдается широкое употребление ὡς, происходящего (это показывает семантика) как от основы относительного, так и указательного местоимения. Семантическое разделение во многих случаях невозможно также и в текстах Гомера, ср. в формулировке Шантрена: «Сходная проблема существует также для ὡς, где указательное наречие \*sōs (ср. лат. sōc) стало фонетически неотличимым от относительного наречия \*yōs. Обе основы коррелируют в оборотах вроде A 512 sqq. (во временном значении) или Ξ 265 etc. (при сравнении)»<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> Подробную критику этой точки зрения см. в Morpurgo-Davies 1985: 103–104.

<sup>5</sup> «Problème comparable pour ὡς, où un adverbe démonstratif \*sōs (cf. lat. sōc) est devenu phonétiquement identique à l’adverbe relatif \*yōs. Les deux thèmes sont en corrélation dans des tours comme A 512 sqq., au sens

Можно отметить также, что распознать исконную этимологическую основу в высшей степени непросто не только в наречных формах, представляющих собой застывший инструменталис, но и в формах других падежей, на что применительно к артиклю в языке Гомера обращал внимание П. Шантрен<sup>6</sup>.

В других греческих диалектах (например, в ионийском), как это давно было установлено, вместо указательного местоимения  $\acute{o}$  уже в ранних памятниках появляется относительное местоимение  $\acute{o}\varsigma$  (Kühner 1870: 509–510), что свидетельствует об общем неразличении значений ‘тот (который)’ и ‘который’. При пересмотре микенских примеров обращает на себя внимание сходство картины с тем, что мы наблюдаем в классическое время в разных греческих диалектах<sup>7</sup>. Вероятно есть основания предполагать, что уже в микенское время начинает происходить путаница в употреблении первоначально различавшихся форм указательных и относительных местоимений. Разница заключается лишь в том, что в это время еще сохранялось фонологическое противопоставление исторически указательных (\*so-) и относительных (\*yo-) местоимений. Однако с точки зрения семантики в микенском греческом нет ни одного контекста, который бы позволил четко противопоставить одно употребление

---

temporel, ou, au sens comparatif, comme  $\Xi$  265 etc.» (Chantraine 1942: 361).

<sup>6</sup> «Dans plus d'un exemple, il est malaisé de déterminer si l'article est proprement l'équivalent du relatif ou s'il est démonstratif. A la vérité, la question ne doit pas être tranchée, mais les exemples montrent l'origine de l'emploi « relatif » de l'article. Ces cas ambigus se trouvent surtout dans l'*Illiade*» (Chantraine 1942: 166).

<sup>7</sup> Употребление форм артикля в относительном значении, частое у Гомера и Геродота, обычно также в лесбосском диалекте, фессалийском, аркадо-кипрском; оно встречается в беотийском IV в. до н. э., в гераклеийском и киренском. Во всех этих диалектах впоследствии происходит вытеснение данного явления под влиянием койне. Напротив, в большей части западногреческих диалектов эта особенность почти не проявляется, а редкие примеры всегда относятся к позднему времени (ср. Buck 1955: 101). Характерно, что диалекты, в которых наблюдается путаница в употреблении указательных и относительных местоимений, в отличие от западногреческих диалектов, находятся в более близком родстве с крито-микенским и тем самым имеют больше шансов отражать языковую норму микенского периода.

другому, хотя, как можно предполагать, изначально такое противопоставление должно было существовать.

При обращении к фактам праиндоевропейского уровня, там, где мы можем постулировать не только формальное, но и функциональное противопоставление основ \*so- и \*yo-, отчетливо реконструируются оба типа местоименных по происхождению частиц, предшествующих глагольной форме, начинающей предложение.

В этой же позиции употреблялась и частица \*e-, следы которой обнаруживаются в ряде местоименных основ, ср. греческое указательное местоимение ἐκεῖνος, для которого засвидетельствован вариант без начального гласного – κείνος.

В архаической латыни та же начальная частица представлена в форме *enot* (\*e-no-), показывающей, что в качестве праиндоевропейской следует реконструировать либо \*e-, либо \*H<sub>1</sub>e-.

Помимо местоименных основ, представленных в целом ряде индоевропейских языков, включая латынь, иранские языки (Расторгуева, Эдельман 2000: 63) и современный русский (*э-то*), та же частица представлена в ряде языков в глагольных формах – в виде аугмента, маркирующего отнесенность к прошедшему времени. Аугмент входит в парадигмы санскритского, греческого и армянского глагола. Для хеттского, итальянских, кельтских, германских, балтийских и славянских языков отсутствие аугмента связано с изменением фразовой интонации. Морфологический показатель, занимающий позицию перед корневой морфемой, просто не был включен в этих языках в глагольную парадигму.

Характерно, что аугмент регулярно перетягивает на себя акцентуацию, т. е. ведет себя так же, как занимающие начальную позицию местоименные основы, комплексы частиц и наречные элементы на пути превращения в приставки. Тем самым, на основании синтаксических, морфологических и акцентуационных особенностей можно с достаточной степенью уверенности постулировать одно из синтаксических правил, действовавших в праиндоевропейском языке, правило, согласно которому местоименные или наречные дейктические элементы в обязательном порядке должны были предшествовать глагольной основе, начинавшей предложение.

Микенский греческий, в котором аугмент фактически не засвидетельствован, но который сохранил следы употребления начальных частиц, восходящих к местоименным основам \*so- и



\*yo-, позволяет обнаружить некоторые различия в семантике и употреблении этих двух основ.

До сих пор не обращали внимания на то, что с формами будущего времени употребляется только форма, восходящая к относительному местоимению \*yo-:

РУ Сп 608.1 **jo**-a-se-so-si , si-a<sub>2</sub>-го

«Вот как будут откармливать боровов»

РУ Jn 829.1 **jo**-do-so-si , ko-re-te-re , du-ma-te-qe

«Вот как (от)дадут к. и д. (должностные лица)»

Для форм презенса число употреблений указательного местоимения o- и относительного jo- оказывается почти одинаковым. В ряде случаев можно было бы исходя из контекста предполагать употребление форм настоящего времени в значении будущего. Однако в нашем распоряжении наряду с формами указательного местоимения o- при аористной основе (наиболее частый случай) имеются также случаи употребления при основах прошедшего времени относительного местоимения jo-.

Анализ микенских текстов позволяет предполагать, что путаница в употреблении основ указательных и относительных местоимений начинается уже в микенское время, когда основы \*so- : \*yo- еще были противопоставлены фонологически как /ho-/ : /yo-/. Любопытно, что эта микенская особенность, затрагивает дорийские и северозападногреческие диалекты лишь на поздних этапах их существования. Напротив, в аркадском и кипрском (наиболее близких к микенскому и лучше других диалектов сохраняющих особенности греческого языка II тыс. до н. э.), а также в эолийских диалектах и в языке гомеровского эпоса путаница в употреблении основ указательных и относительных местоимений, которую мы наблюдаем уже в микенском греческом, укоренена и исчезает лишь в эллинистическую эпоху под влиянием койне.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Aura Jorro 1985–1993 – F. Aura Jorro. Dicionario micénico. Vol. I–II. Madrid.
- Bader 1975 – Fr. Bader. Particules d'énumération mycéniennes // Minos. Vol. 15. P. 164–194.
- Bartoněk 2003 – A. Bartoněk. Handbuch des Mykenischen Griechisch. Heidelberg: C. Winter Verlag.
- Buck 1955 – C. D. Buck. The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Chicago.

- Chantraine 1942 – P. Chantraine. Grammaire homérique (phonétique et morphologie). T. II. Paris: Librairie de C. Klincksieck.
- Kühner 1870 – R. Kühner. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. 2. Theil. 2. Aufl. Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung. S. 509–510.
- Morpurgo-Davies 1985 – A. Morpurgo-Davies. Mycenaean and Greek Language // Linear B: a 1984 Survey / ed. by A. Morpurgo-Davies and Y. Duhoux. Louvain-la-Neuve. P. 103–104.
- Иванов 1979 – Вяч. Вс. Иванов. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // *Balkanica. Лингвистические исследования*. М. С. 39–55.
- Казанский 1991 – Н. Н. Казанский. К хронологии фонетического перехода \*y > h > ø в древнегреческом языке // *Балканские древности. Балканские чтения – 1. Материалы по итогам симпозиума*. Март 1990 года, Москва. М. С. 54–61.
- Казанский 1999 – Н. Н. Казанский. Начальный комплекс частиц o-da-a<sub>2</sub> и a-ke-a<sub>2</sub> в микенском греческом // *Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова*. М. С. 508–519.
- Казанский 2000 – Н. Н. Казанский. Гомеровское ὄς фато: история одного формульного выражения // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – IV. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского 12–14 июня 2000 г.* СПб. С. 35–38.
- Расторгуева, Эдельман 2000 – В. С. Расторгуева, Дж. И. Эдельман. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. I. М.: Восточная литература. С. 63.

О. В. Каменева

**Об этимологии герм. \*til-  
(др.-англ. *til*, др.-исл. *til*, др.-в.-н. *zīl*)**

Корень *til-*, представленный в германской языковой традиции формами гот. *ga-tils* ‘соответствующий, удобный’, др.-в.-н. *zīl* ‘конец, цель’, др.-исл. и др.-англ. *til*<sup>1</sup> ‘до, к (временное и пространственное)’, не имеет надежной этимологии.

Общепринятая точка зрения допускает сопоставление \**til-* с \**tīd-*, \**tīm-a*-<sup>2</sup> (др.-англ., др.-сакс. *tīd*, др.-в.-н. *zīt*, др.-исл. *tīþ*, др.-датск. *tīt* ‘время, срок’; др.-англ. *tīma*, др.-исл. *tími*, alem. *zīmə* ‘время, пора’) с попыткой объяснить неустойчивый консонантизм в исходе корня вариантами «расширения» корня или суффиксами. Семантика ‘время, срок’ развивает производное обобщенное значение ‘конец, стремление к окончанию, цель’.

<sup>1</sup> Соответствующий древнеанглийский предлог является скандинавским заимствованием и служит одной из основных особенностей нортумбрийского диалекта (Skeat 1958: 647).

<sup>2</sup> Герм. \**tīd-*, \**tīm-a*- связывается с арм. *tí* ‘время, год’ из \**dī-ti-*, *-to-* или *-tā-* < праи.-е. \**deH<sub>2</sub>-* ‘резать, делить’, ср. санскр. *dāti*, *dyāti*, др.-греч. *δαίωμα* (Boutkan, Siebinga 2005: 409–410). Ср. Х. Рикс специально использует корень с расширением \**deH<sub>2</sub>(i)-* для данного ряда форм (LIV<sup>2</sup>: 103). См. также объяснение звонкости в герм. \**dailaz* ‘часть’ < \**d<sup>h</sup>āi-lo-s* < \**dH<sub>2</sub>-āi-lo-s* (Rasmussen 1989: 51). Семантика ‘резать, отделять’ может распространяться на такие понятия, как ‘разбавлять’ > ‘светлый, чистый’, ‘горький, острый на вкус’, ‘кожа, шкура’, ‘выдалбливать’ > ‘корабль’ (см. Откупщиков 2005: 202). По другому пути следуют Ж. Вандриес и Ю. Покорный, допуская связь с ирл. *ad* ‘закон’ из праи.-е. \**H<sub>2</sub>ed-* ‘определять, устанавливать’, ср. производное прилагательное *adas* ‘законный’, галльск. *addas*, *eddyl* ‘подходящий’ из < \**adilo-* ‘долг, цель’, др.-верх.-н. *z-ougan* ‘показывать’, ср. гот. *at-augjan*. Этимологическая связь др.-ирл. законодательного термина и основы предлога / наречия не подвергается сомнению (Vendryès 1959: 13; Pokorny 1959: 3). У. П. Леманн упоминает обе возможности сопоставления (Lehmann 1986: 344). Несмотря на очевидную близость значений, сложно принять упоминаемое Х. Фальком и А. Торпом сравнение с др.-ирл. *tan* ‘время’ < \**ten-* ‘растягивать’ и лат. *tempus* < \**temp-*, ср. лит. *tempti* ‘натягивать’ (Falk, Torp. 1960: 1256–1257) из-за отсутствия формального соответствия.

При этом, завершая обзор мнений, составители словарей отмечают, что данное решение не может быть признано исчерпывающим<sup>3</sup>. Так или иначе, материал германских языков не позволяет связать воедино многообразие представленных форм.

Объяснить происхождение форм с корнем *til-* помогает сопоставление с гот. *ub-il* < \**ub-l̥-* ‘чрезмерный, злостный’ (ср. санскр. *ура* ‘наверх, сюда, возле’<sup>4</sup>) и абстрактным именем гот. *in-ilo* < \**in-l̥-ō* ‘причина, повод’, которые еще К. Бругманн (Brugmann 1889: 195–196) помещал в единый ряд с формами, содержащими суффикс *-il* (прагерм.\**-ila-/-ula-* < и.-е.\**-llo-*, в записи К. Бругманна): гот. *mikil-s*, др.-англ. *mikil*, др.-в.-н. *mihhil*, др.-исл. *mikele*, ср. греч. *μεγάλο-* < \**meg-llo*<sup>5</sup>.

Возведение к дейктической первообразной основе<sup>6</sup> \**t-* в качестве этимологического решения может быть поддержано сохранившейся в древних германских языках системой сложных локальных наречий с суффиксами-частицами или застывшими падежными формами (См. Адмони 1978: 68–69). Словообразовательную парадигму для герм. \**-il-* можно проиллюстрировать следующей таблицей:

<sup>3</sup> Альтернативой является сопоставление с гот. *talzjan* ‘обучать’, др.-фриз. *talia* ‘полагать, считать’, др.-англ. *tellan* ‘говорить’, *tala* ‘рассказ, счет’, др.-в.-н. *zala* ‘речь, счет’. В таком случае для \**til-* предполагается происхождение из именной формы (Jóhannesson 1956: 490–491). В отдельных случаях словарная статья ограничивается германским ареалом соответствий (Kluge, Lutz 1898: 213; Schützeichel 1969: 246).

<sup>4</sup> Соответствия см. Mayrhofer 1986: 218–219.

<sup>5</sup> Более точно \**meg-H<sub>2</sub>-l-* в связи с интерпретацией вед. род. ед. *mahás* < \**meg-H<sub>2</sub>-és* (Барроу 1976: 185).

<sup>6</sup> Выбор той или иной основы (см. сноска 2) не является задачей данного материала, поскольку предлагаемое морфологическое членение формы *til-* в любом случае отражает самостоятельную продуктивную модель в прагерманском. В этом отношении кельтские соответствия также необходимо считать независимыми образованиями.

Исходное пространственно-временное значение:

гот. in ‘внутри, в каких-л. условиях’

jah is galaiþ in skip – καὶ αὐτὸς ἐνέβρε εἰς πλοῖον «и он взшел на корабль» (Лс. 8:22); ip swaihro Seimonis lag in brinnon – ἡ δὲ πενθερα σίμωνος κατέκειτό πυρέσσουσα «ибо свекровь Симона лежала в горячке» (Мс. 1:30); sabbato in mans warþ gaskarans, ni manna in sabbato dagis – τὸ σάββατον διὰ τὸν ἄνθρωπον ἐγένετο καὶ οὐχ ὁ ἄνθρωπος διὰ τὸ σάββατον «суббота из-за человека была создана, не человек из-за субботы дня» (Мс. 2:27); jah jainai, niba gatulgjand sik in ungalaubeinai, intrusgjanda – κάκεινοι δέ, ἔαν μὴ ἐπιμένωσιν τῇ ἀπιστίᾳ, ἐγκεντρισθήσονται «и те, кто не укоренятся в неверии, привьются» (Rom. 11:23).

гот. uf ‘вниз, под’

ei uf hrot mein inngaggais – ἵνα ὑπὸ τὴν στέγην μου εἰσέλθῃς “чтобы под кров мой заходил” (Лс. 7:6); lukarn ... uf ligr [ga]satjip – λύχνον ... ὑποκάτω κλίνης τίθησιν “свечу ... под ложе ставит” (Лс. 8:16).

Др.-в.-н. uf ‘вверх, наверху’

Thes krúces horn thar óbana \ thaz zéigot uf in hímila... «Этой дуги рог там вверху, что показывается наверху в небе...» (Otfrid Evangelienbuch, Ev. 5, cap.1, vers. 19); ...[er] huab thiþ búgun uf zi hímile

Производная качественная характеристика:

гот. inilo ‘предлог, отговорка, увертка’

ip nu inilon ni haband bi frawaurht seina – νῦν δὲ πρόφασιν οὐκ ἔχουσιν περὶ τῆς ἁμαρτίας αὐτῶν «ибо ныне отговорки не имеют во грехе своем» (Joh. 15:22); ei usmaitau inilon þize wiljandane inilon – ἵνα ἐκκόψω τὴν ἀφορμὴν τῶν θελόντων ἀφορμὴν «чтобы пресечь отговорку тех жадующих отговорку» (2 Cor. 11:12); þandei allaim haidum, jafþe inilon jafþe sunjai, Xristus merjada – πλὴν ὅτι παντὶ τρόπῳ, εἴτε προφάσει εἴτε ἀληθείᾳ, χριστὸς καταγγέλλεται «поскольку любим способом, или отговоркой, или истиной, Христа прославляет» (Phil. 1:18).

гот. ubil ‘низменный, злостный’

jah ubils manna us ubilamma hairtins seinis usbairid ubil – καὶ ὁ πονηρὸς [ἄνθρωπος] ἐκ τοῦ πονηροῦ προφέρει τὸ πονηρόν «и злой человек из злого сердца своего рождает зло» (Лс. 6:45); waurts allaize ubilaise ist faihugeiro – ῥίζα γάρ πάντων τῶν κακῶν ἐστὶν ἡ φιλαργυρία “корень всех зол есть любовь к деньгам” (1 Tim. 6:10).

Др.-в.-н. ubil ‘злой, вредный’

Thaz dúat uns ubil wíllō, \ thes sint thio brústi uns follo, \ joh ubil múat ubar tház, \ giwisso wízist thu thaz «Это творит с нами злая воля, которой груди у нас полны, также злой дух сверх того,

“[он] поднял свои глаза вверх к небу” (Otfrid Evangelienbuch, Ev. 3, cap. 24, vers. 89)

гот. *du*<sup>7</sup> ‘к (пространственное), для’

*qab þan du imma sa aggilus –* εἶπεν δὲ πρὸς αὐτὸν ὁ ἄγγελος «сказал тогда ему ангел» (Лс. 1:13); *qimands Iosef af Areimaphaias ... anananþjands galaip inn du Peilatau jah þap þis Ieikis Iesuis –* ἐλθὼν ἰωσήφ [ὁ] ἀπὸ ἀριμαθαίας ... τολμήσας εἰσήλθεν πρὸς τὸν πλάτον και ἤτήσατο τὸ σῶμα του ἰησοῦ «прийдя, Иосиф из Аримафеи, ... осмелившись, вошел внутрь к Пилату и просил тела Иисуса» (Мс. 15:43).

наверняка знаешь ты это» (Otfrid Evangelienbuch, Ev. 5 cap. 23, vers. 111–112).

гот. *til* ‘соответствующий условиям, удобный’

*jah sokida hvaiwa gatilaba ina galewidedi–* και ἐζήτει πῶς αὐτὸν εὐκαίρως παραδοῖ «и искали, как удобно его предали бы» (Мс. 14:11); *ei bigeteina til du wrohjan ina –* ἵνα εὐρωσιν κατηγορεῖν αὐτοῦ «дабы получили удобный [случай], чтобы предать его» (Лс. 6:7).

<sup>7</sup> Предпочтение проводить сопоставление с герм. \*tō-основой опирается на структурно-семантические основания. Во-первых, основа \*tō- проявляет более отчетливую связь с идеей направленного движения, чем основа \*ad-. Последняя, помимо указания на временную / пространственную координату, имеет значение ‘у, при ч-л., во владении к-л.’ (unte silbans jus at guda uslaisidai sijup du frījon izwis misso – αὐτοὶ γὰρ ὑμεῖς θεοδίδακτοὶ ἐστε εἰς τὸ ἀγαπᾶν ἀλλήλους «ибо сами вы у бога обучаемые есть для мира между вами» 1 Thes. 4:9) и в гот. вводит абсолютный причастный оборот со значением сопутствующего действия: *jah sunsai nauhþanuh at imma rodjandin qam Iudas... –* και εὐθὺς ἔτι αὐτοῦ λαλοῦντος παραγίνεται ἰούδας ... «и тотчас, еще пока он говорил, пришел Иуда...» (Мс. 14:43). Во-вторых, в др.-англ. и др.-в.-н. основа \*tō- может выступать в роли количественного наречия: *Tház imo ouh ni wári \ thaz gibót zi filu suári, \ jób iz mohti írfúllen \ mit gilústlichemo wíllen* «Чтобы ему также не был этот закон слишком тяжек, также его мог бы исполнить с охотной волей» (Otfrid, Evangelienbuch, Ev. 2, cap. 6, vers. 9–10); та же функция – у др.-исл. *til* (*verða til seinn* ‘происходить слишком медленно’ *Væringa Saga*, 15), что свидетельствует о родстве основ. Гот. *du* выступает изолированно и считается вариантом прагерм. \*tō- (лат. *quan-dō* ‘когда’, (en)-*dō* ‘внутри’; греч. -δε в οἰκόν-δε ‘домой’; слав. до; авест. *vaēšman-da* ‘домой’), получившим звонкость как глагольная проклитика, ср. гот. *du-ginnan* ‘начинать’ (Lehmann1986: 96).

др.-англ. to 'к, в направл. ч.-л., чтобы'

Hí hyne þa ætbæron to brimes farode ... «Они его тогда принесли к моря берегу...» (Beowulf, 28); þanon eft gewat huðe hremig to ham faran «затем снова ушел [Грендель], добычей удовлетворенный, к логову направиться» (Beowulf, 120).

др.-в.-н. zi, zio, zuo '(по направлению) к, чтобы'

Dhazs so zi chilaubanne mihhil uuootnissa ist – quod ita existimare magne dementie est. «Этому так чтобы верить великое безумие есть» (Der Althochdeutsche Isidor, cap. 3); Zi theru búrgi faret hínana, \ ir fíndet, so ih iu ságeta, \ kínd níwiboranaz, \ in kripphun gilégítaz «К тому городу едете туда, вы находите, как я вам говорил, ребенка новорожденного, в ясли положенного» (Otfrid Evangelienbuch, Ev. 1, cap.12, vers. 19-20).

Как таковая, несuffигированная основа в др.-исл. не представлена. Однако в скандинавских языках отмечаются формы без -l: дат. te, toe; швед. диал. te (Cleasby, Vigfusson 1957: 630).

др.-англ. til 'подходящий, соответствующий, исполнительный'

Wæs <þeaw> hyra þæt hie oft wæron an wig gearwe, ge æt ham ge on herge, ge gehwæþer þara, efne swylce mæla swylce hira mandryhtne þearf gesælde; wæs seo þeod tilu. Было у них [в обычае], что они всегда были на войну вооружены, в доме ли или во время похода, или где-либо еще, точно в то время, когда их вождю необходимость случалась; было то войско что надо (подходящее) (Beowulf, 1246).

др.-в.-н. zîl 'конец, вершина, край'

Bootes hábet stânde drî stérnen nâh ében-míchele . éinen án demo hóubete . zuéne án dien áhselon . Drî hábet er tuéres ín zîlun stânde . gágen dien tútton . únde éinen níde\ror sámoso ín sínemo scôzen . dér arcturus héizet...» Волопас имеет стоящие три звезды приблизительно равновеликие. Одна на его голове, две на его плечах. Три имеет он по сторонам на вершинах стоящие: против груди и одну ниже также на его колене, которая зовется самой яркой в созвездии Волопаса...» (Notker, Marcianus Capella, Bd. 2, 86, 2).

др.-исл. til 'к (пространственное и временное), для, вплоть до'

frændr hans hafa vel til þín gört «родичи его vorher для тебя сделали» (Egils Saga, cap. 36); Ef Egill hefir mælt illa til konungs «Если Эгиль сказал дурное о конунге» (Ibid., cap. 59). Gunnar mælti: «... ek er kominn at fala at þér hey og mat ef til er.» Otkell svarar: «Hvortvegja er til en hvortgi mun ek þér selja». Гуннар

сказал: «... я приехал, чтобы приобрести у тебя сено и съестное, если при [тебе] есть». Откель отвечает: «Оба есть при [мне], но вряд ли думаю я тебе продавать» (Brennu-Njal Saga, cap. 47).

Полученная суффиксальная основа \*t-il- участвует в образовании глагольных и именных форм по продуктивным моделям:

- \*t-il-ja-nā-n ‘достигать, касаться ч.-л.’:

**др.-англ. tillan** (gif we þone hrof þære healian eaðmodnesse **getillan** willað and to ðære heofonlican anhefednesse ... cuman þensað «если мы ту кровлю того святого смирения достигнуть хотим и к той небесной высоте...прийти думаем» (Ælfric’s Catholic Homilies, 369, 123);

- \*t-il-ja ‘окончательная точка движения, расцвет’:

**др.-англ. till** (Swa stent eall weoruld stille on **tille**, streamas umbutan ... «Так стоит весь мир покойно в расцвете, потоки [рек] вокруг...» (The Paris Psalter and the Meters of Boethius 20, 171); ...astihð on heofenas up hyhst on geare, tungla torhtust, and of **tille** agrynt, to sete siged «...поднимается на небеса вверх выше [всего] в году, светило ярчайшее, и из наивысшего положения к земле, к закату клонится» (The Menologium Dobby, 106).

- \*t-il-ōja-nā-n ‘стараться, соответствовать, служить, угождать’:

**гот. and-tilōn** (ni ainshun þiwe mag twaim fraujam skalkinon..., aiþrau ainamma **andtilop**, iþ anþamma frakann – οὐδείς οἰκέτης δύναται δυοὶ κυρίοις δουλεύειν ..., ἢ ἐνὸς ἀνθέξεται καὶ τοῦ ἐτέρου καταφροῖσει «ни один слуга [не] может двум господам служить..., иначе одному старается [угодить], а другим пренебрегает» (Lc. 16:13);

**гот. ga-tilōn** (in þammei alla gatimrjo **gagatiloda** wahseiþ du alh ...– ἐν ᾧ πᾶσα οἰκοδομὴ συναρμολογουμένη αὐξεί εἰς ναὸν... » в котором все здание, доведенное до соответствия [всех частей], вырастает в храм ...) (Eph. 2:22);



др.-в.-н. *zilōn, zilēn*<sup>8</sup> ‘стремиться, спешить’ (Sélbêr scorpio hábet tuéres án demo rúkke zuêne gláte stérnen ében-míchele. díe fílo réhto enchédent tíen dálnân-ûf síh zílentên stérnôn serpentarii. dér ûfen scorpíone stât... «Сам скорпион имеет по бокам на спине две сияющие звезды равновеликие, которые очень хорошо сочленяются с затем вверх стремящимися звездами змеи, которая над скорпионом стоит...» (Notker, Marcianus Capella, De Nuptiis Philologiae et Mercurii, Bd. 2, 753, 13).

др.-англ. *tilian* (Ic bidde eow mine gebroþra þæt ge ... doð swa swa crist sylf tæhte: *tiliað* eow freonda on godes þearfum ...» Я прошу вас, мои братья, чтобы вы ... делали так, как Христос сам учил: старались [завести] себе друзей во служении Богу...» (Ælfric's Catholic Homilies, 369); Ða Noe ongan ... ham staðelian and to eorðan him ætes *tilian* «Тогда Ной начал ... дом строить и от земли [для] себя урожая добиваться» (Genesis A, B, 1555); Ðam lichaman men *tiliað*, þe <lange> lybban ne mæg, and ne *tiliað* þære sawle þe ne swelt on ecnusse «телу люди служат, что [долго] существовать не может, и не служат своей душе, что не исчезает в вечности» (Homilies of Ælfric: A Suppl. Collection, hom. 120).

- \**t-il-ōja* ‘тот, кто обрабатывает землю’:

др.-англ. *tilia* (Ða gelahton þa *tilian* heora hlaforðes þeowan... «Тогда схватили те работники<sup>9</sup> их господина слугу...» (Homilies of Ælfric: A Supplementary Collection, hom. 12).

- \**til-a-s* / \**t-il-a-n* (семантика данной модели варьируется по германским языкам)

гот. *til*; др.-в.-н. *zîl*<sup>10</sup> (см. табл.)

<sup>8</sup> Связь *ē*-основ 3 класса слабых глаголов с суфф. *-ja-* проявляется в ингвеонских формах *habban* ‘иметь’, *libban* ‘жить’, а также в параллельных образованиях др.-в.-н. *hebita* ‘имел’ (вместо *habêta*), *segita* ‘сказал’ (вместо *segêta*) (СГГЯ: 385–386).

<sup>9</sup> В данном случае, речь идет о виноградарях; отметим, что в тексте притчи хозяин виноградника и те, кто непосредственно возделывают землю, обозначены лексемами *hlaforð* – *tilian*.

<sup>10</sup> Долгий корневой гласный считается вторичным продлением, в результате которого в германских языках могли быть представлены основы с разной количественной огласовкой (ср. др.-англ., др.-сакс. *igil*, др.-в.-н. *igl* и др.-исл. *ígull* из < \**igilaz* ~ *igulaz* ‘эж’) (Orel 2003: 203). Прагерманская система словообразования широко использовала не только количественные, но качественные чередования (Levickij 1998: 219–226).

др.-англ. **til** ‘услужливость, доброта’ (God þu <eart>, drihten, and me ... on þinum **tile** gelær, þæt ic teala cunne þin soðfæst weorc symble healdan «Благ ты [есть], Господи, и меня ... в своей доброте да научи, чтобы я завет знал твой праведное дело вечно соблюдать») (The Paris Psalter and the Meters of Boethius 118, 68).

др.-исл. **ó-tili** ‘не-доброе, зло, вред’ (... konungr ... sagði, at þeim hafði **ótili** mikill staðit af Kveld-Úlfi ok sonum hans... “конунг ... сказал, что ему было не-доброе большое сделано от Квельдульва и сына его ... (Egils Saga, cap. 36).

Предлог *til* как исключительную особенность северной группы принято возводить к адвербиальным образованиям (Cleasby, Vigfusson 1957). Отметим, однако, что в готском и древнеанглийском наречие представляет собой вторичное образование (гот. *gatils* : *gatilaba*, др.-англ. *til* : *tillic*) и позволяет предположить, что изначально суффикс *-il-* не имел четкой связи с какой-либо именной частью речи, ср. суффицированные предлоги гот. *uf-ar* ‘над’, *nip-er* ‘вниз’, др.-англ. *of-er* ‘над’, *af-ter* ‘после’.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Адмони 1978 – В. Г. Адмони. Наречие и его соотношение с однокорневым прилагательным // Историко-типологическая морфология германских языков: именные формы глагола, категория наречия, монофлексия. М.
- Барроу 1976 – Т. Барроу. Санскрит. М.
- Откупщиков 2005 – Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. М., СПб.
- СГТЯ – Сравнительная грамматика германских языков. Глагол. Т. 4. М. 1966.
- Boutkan, Siebinga 2005 – D. Boutkan, M.S. Siebinga. Old Frisian Etymological Dictionary. Leiden.
- Brugmann 1889 – К. Brugmann. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Bd. 2 (Wortbildungs- und Flexionslehre), 1 Hälfte. Strassburg.
- Cleasby, Vigfusson 1957 – R. Cleasby, G. Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. Oxford.
- Falk, Torp 1960 – H. S. Falk, A. Torp. Norwegisch-Dänisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg.
- Jóhannesson 1956 – A. Jóhannesson. Isländisches Etymologisches Wörterbuch. Bern.
- Kluge, Lutz 1898 – F. Kluge, F. Lutz. English Etymology. A Select Glossary serving as an Introduction to the History of the English Language. Strassburg.

- Levickij 1998 – V. V. Levickij. Zur deutschen Etymologie // IF 1998, Bd. 103. S. 219–226
- Lehmann 1986 – W. P. Lehmann. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden.
- LIV<sup>2</sup> – H. Rix. LIV<sup>2</sup>. Wiesbaden, 2001.
- Mayrhofer 1986 – M. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg.
- Orel 2003 – V. Orel. A Handbook of Germanic Etymology. Brill; Leiden.
- Pokorny 1959 – J. Pokorny. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch.
- Rasmussen 1989 – J. E. Rasmussen. Studien zur Morphophonetik der Indogermanischen Grundsprache. Innsbruck.
- Vendryès 1959 – J. Vendryès. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Vol.1. Paris.
- Schützeichel 1969 – R. Schützeichel. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen.
- Skeat 1958 – W. W. Skeat. An Etymological Dictionary of the English Language. Oxford.

**To the etymology of germ. \*til-  
(OE. *til*, ON. *til* “to”, OHG. *zīl* “goal”).**

In the article it is proposed to interpret germ. \*til- as a combination of the adverbial particle \*t- and the suffix -\*il. The same derivational pattern is attested in Got., OHG. *ub-il* < \**ub-l̥*- ‘malignant, superfluous’, Got. *in-ilo* < \**in-l̥*- ‘excuse’ and seems common for Germanic adverbs.

А. Б. Карасев

**Мир фауны в пословицах и поговорках  
(на материале индоевропейских языков)**

Слова, обозначающие животных, птиц, рыб, насекомых во фразеологических единицах (ФЕ), как правило, употребляются в переносном значении, так как образы животных заменяют образы людей. Подобно числительным, значения которых во ФЕ когнитивно обусловлены (Карасев 2005; 2007) и распределяются в основном по восьми фразеологическим фреймам, названия представителей мира фауны также связаны с такими качествами, как «хороший», «большой», «плохой», «небольшой», «одинаковый», «всякий». Они служат для выражения ругательств и для обозначения сильного или быстрого движения. Ниже рассматриваются названия представителей мира фауны в пословицах и поговорках на материале трех языков: латинского, русского и английского. Для сравнения используются примеры и других ФЕ, являющихся идиомами.

Многие пословицы и поговорки имеют своим источником античную литературную басню, действующими лицами которой часто являются животные. У римского поэта Федра (I в. н.э.) около двух третей басен о животных, у греческого поэта Бабрия (II в. н.э.) – свыше трех четвертей (Гаспаров. 1971, с. 100). Круг животных персонажей у Федра и Бабрия количественно одинаков (около 45 видов), но у Бабрия он разнообразнее: у него выступают отсутствующие у Федра морские животные (басни 39, 109); вдвое чаще, чем у Федра, выступают различные птицы. Как показал М. Л. Гаспаров, наиболее частые герои у обоих баснописцев – **лев, лиса, собака, волк, осел**. Один и тот же персонаж в различных ситуациях может олицетворять различные качества: волк, неизменно отрицательный персонаж, при встрече с собакой выступает выразителем любви к свободе (Федр, III, 7; Бабрий, 100). Собака обнаруживает то жадность, низость и глупость (Федр, I, 4; I, 20; I, 27, IV, 19), то ум и преданность (Федр, I, 23; I, 25; V, 10).

Продолжателем бабриевской линии басни в римской литературе был Авиан (вероятно, IV – начало V в. н.э.). Все басенные персонажи становятся у него огромными, великими, могучими: *leo immensus, bos ingens; boves insignes*. Жаворонок заменяется

безликой «маленькой птичкой». Продолжателем Федровской традиции в Риме были басни «Ромула». «Ромул» – условное название позднего сборника латинских прозаических басен, который сложился не раньше середины IV в. н.э. (Гаспаров: 209). Подавляющее число басен «Ромула» – басни о животных (89 из 98). Для обогащения запаса моралей в этот сборник привлекаются пословицы и сборники сентенций (73 – ср. Дионисий Катон, I, 26; 50 с характерной оговоркой *et vulgo dicitur*; 4; 53; 56; 67; 68 и др.).

Попробуем проследить различие в изображении мира фауны в латинских пословицах и поговорках по сравнению с русскими и английскими, а также показать различие образов животных в этих ФЕ по сравнению с образами в баснях. Следует отметить, что образы животных могли попасть в латинские ФЕ также и из произведений других жанров римской литературы, например, из стихотворений Вергилия, Горация и Овидия.

В латинских пословицах и поговорках (по нашим приблизительным подсчетам) задействовано 28 названий представителей мира фауны, из них 19 названий животных: *anguis* (змея), *arx* (кабан), *asinus* (осел), *bos* (бык, вол), *caballus* (конь), *canis* (собака), *caprea* (коза), *ceruus* (олень), *elephantus* (слон), *equus* (конь), *leo* (лев), *lupus* (волк), *mus* (мышь), *ovis* (овца), *porcus* (поросенок), *simia* (обезьяна), *sus* (свинья), *tigris* (тигр), *vulpes* (лисица); 7 названий птиц: *aquila* (орел), *avis* (птица), *columba* (голубка), *corvus* (ворона), *cygneus* (прилагательное лебединый), *hirundo* (ласточка), *ulula* (сова). Самым частотным из этих слов является *avis*. Из насекомых встречается только *musca* (муха). Названия рыб, в отличие от русских и английских пословиц и поговорок, нами не зафиксированы (их нет и в баснях Федра), а есть лишь слово *canis* (рак). Интересно, что большинство названий рыб в латинском заимствованы из греческого: *cetus*, *turpis*, *rompilus*. Нет ФЕ и со словом *piscis* (рыба), есть, правда, с глаголом *piscor*, например, *piscari in aere* (Плавт) – ловить рыбу в воздухе = «носить воду решетом». Самыми частотными представителями мира фауны в латинских ФЕ являются *asinus* (10), *lupus* (10), *bos* (6), *leo* (5) и *vulpes* (5). Это в основном те же герои, которые чаще других встречаются у Федра и Бабрия. Однако есть и различия: среди самых частотных встречается *bos* (бык, вол), а слово *canis* (собака) чаще встречается в бранных выражениях в значениях «бесстыдник» (Плавт, Теренций, Гораций, Петроний), «подхалим» (Цицерон), «злюка» (Плавт), чем в пословицах и поговорках.

В русских ФЕ нам встретились 46 названий млекопитающих животных (после каждого названия стоит число, указывающее, сколько раз это слово употреблено): баран (8), белка (3), бобр (2), боров (6), бык (6), бычок (3), вол (3), волк (44), еж (2), жеребец (1), заяц (5), кобель (2), кобыла (13), коза (6), козел (14), конь (21), корова (16), кот (6), кошечка (2), кошка (24), куделя (1), лиса (5), лошадка (1), лошадь (4), медведь (4), мерин (1), мышка (4), мышь (15), овца (25), осел (1), пес (5), поросенок (1), свинья (15), слон (1), собака (52), собачка (1), соболек (1), соболь (1), сука (2), теленок (3), телок (2), телушка (1), теля (1), щенок (1), щеня (1), ярочка (2). Самым употребительным из этих названий животных в русских пословицах и поговорках оказались собака (52), волк (44), овца (25), кошка (24), конь (21), корова (16), свинья (15) и мышь (15). Если сравнить этот список со списком наиболее частых названий в латинских ФЕ, то сходным в этом отношении для латинского и русского является только *lupus* (волк). Очень редко в русских ФЕ встречается слово *osel* (1), и по сравнению с русскими баснями и с латинскими ФЕ совсем не встретилось слово *lev*. Характерной особенностью названий животных в русских ФЕ является наличие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами и слов, обозначающих детенышей. Например, наряду со словом *corova* (16) в пословицах и поговорках встречаются слова *теленок*, *телок*, *телушка*, *теля*.

Названия птиц в русских ФЕ также достаточно разнообразны (38 слов): воробей (6), воробышек (1), ворон (2), ворона (12), галка (1), гусак (1), гусиный (1), гусь (7), дятел (1), журавль (2), индюк (1), коршун (1), кукушка (4), кулик (2), кура (7), курица (11), курочка (3), ласточка (1), лебединый (1), лебедушка (1), наседка (1), орел (1), павлиний (1), петух (2), пичужка (1), пташечка (2), птица (12), птичка (2), селезень (1), синица (5), сокол (7), сорока (5), соловей (5), соловьиный (1), утка (3), цыплята (1). Самыми частотными оказываются ворона (12), птица (12), курица (11), кура (7), сокол (7), воробей (6).

По сравнению с латинскими примерами по степени употребительности совпадает здесь только одно слово – *avis* (птица). Однако, учитывая, что в русских ФЕ помимо слова *птица* мы встречаем слова с уменьшительными суффиксами (*пичужка*, *пташечка*, *птичка*), становится ясно, что в русских пословицах и поговорках этот образ фигурирует гораздо чаще, чем в латинских. Весьма употребительным оказывается такой персонаж, как *курица*, ср. *курица* (11), *кура* (7), *курочка* (3). Эта

птица встречается в русских пословицах и поговорках чаще других. Важную роль в русских ФЕ играют прилагательные гусиный, лебединый (ср. лат. *cuspeus*), павлиний, соловьиный, именно в них бывает заключен «фокус фразеологизации».

Русские ФЕ дают достаточное разнообразие образов рыб (всего 8): ерш (1), карась (2), окунь (1), рыбка (6), рыба (11), сельдь (1), щука (2), щучий (1). Самым употребительным является само слово рыба и уменьшительное рыбка, в то время как в латинских ФЕ слово *pisces* не встретилось ни разу.

Среди остальных представителей мира фауны (беспозвоночные, насекомые, земноводные и пресмыкающиеся) в русских пословицах и поговорках имеются следующие 19: блоха (3), вошь (2), жук (2), змея (3), комар (2), лягушка (2), мотылек (1), муравей (1), муха (4), оса (1), пиявка (1), пчела (3), пчелка (2), рак (5), сверчок (1), таракан (1), улитка (1), червячок (1), червь (2). Из этих названий самыми употребительными оказались рак, муха, блоха, змея и пчела. Общими с латинскими являются два образа: *musca* (муха) и *anguis* (змея).

В английских ФЕ нам встретилось 28 названий млекопитающих животных: *ape* (3, обезьяна), *ass* (4, осел), *bear* (2, медведь), *bow-wow* (2, собака, слово из детского языка), *bull* (1, бык), *calf* (5, теленок), *camel* (4, верблюд), *cat* (18, кошка), *cow* (6, корова), *dog* (39, собака), *donkey* (2, осел), *fox* (2, лисица), *goat* (1, козел), *hare* (6, заяц), *horse* (18, лошадь), *hounds* (1, гончие), *lamb* (3, ягненок), *leopard* (2, леопард), *lion* (5, лев), *mare* (1, кобыла), *mouse*, pl. *mice* (6, мышь), *ox* (3, вол, бык), *pig* (2, поросенок), *rat* (3, крыса), *sheep* (11, овца), *swine* (1, свинья), *wether* (1, валух, баран), *wolf* (5, волк). Самыми частотными оказались *dog* (39), *cat* (18), *horse* (18) и *sheep* (11). Причем интересно, что наряду с *dog* встречается *bow-wow*, наряду с *horse* – *mare*, наряду с *sheep* – *wether*, так что, действительно, образы собаки, кошки, лошади и овцы являются самыми употребительными (из образов млекопитающих) в английских ФЕ. Здесь много общего с русскими ФЕ, это собака, овца, кошка, конь, однако в английских ФЕ самыми частотными оказались *dog*, *cat* и *horse*, а в русских – собака, волк. Слово *wolf* встречается в английских пословицах и поговорках редко (5), а мышь и свинья в русском частотны (по 15), а в английском – нет (соответственно 6 и 1). Если же сопоставить результаты по трем языкам, то для всех трех нельзя выделить ни одного общего самого частотного образа, так как в латинских ФЕ это *asinus*, в русских – собака и в английских – *dog*. Правда, если в русских

пословицах и поговорках слово осел нам встретилось только однажды, то в английских этот герой фигурирует чаще, всего 6 раз (4 раза ass и 2 раза donkey).

Названий птиц в английских ФЕ нами обнаружено 20: bird (18, птица + birding, 1, ловля птиц), chick (1, цыпленок), chicken (2, цыпленок), cock (1, петух), daw (1, галка), duck (1, утка), gander (1, гусыня), goose (2, гусь), gosling (1, гусенок), hawk (4, ястреб), hen (3, курица), jackdaw (1, галка), kite (1, коршун), lark (3, жаворонок), nightingale (1, соловей), owl (1, сова), peacock (1, павлин), pigeon (1, голубь), swallow (1, ласточка), swan (1, лебедь). Если учесть, что образ семейства курицы представлен четырьмя названиями (chick, chicken, cock и hen), то всего эта птица фигурирует в английских ФЕ 7 раз и занимает по частотности второе место после обобщенного образа bird (12), а на третье место выдвигается hawk (4, ястреб). Общим для всех трех языков является здесь слово avis (птица, bird). Общим для русского и английского является образ курицы (в русском всего 18, в английском – 7).

Названий рыб в английском всего 2 (в отличие от русских восьми). Это fish (12, рыба, ср. fishing, 1, рыбная ловля) и herring (1, сельдь). В латинском встречается только глагол piscari – ловить рыбу, и общим для английского и русского является слово рыба (fish).

Из остальных представителей мира фауны в английских ФЕ нам встретились bee (1, пчела), butterfly (1, бабочка), flea (5, блоха), fly (5, муха), hornet (1, шершень), leech (1, пиявка), wasp (1, оса), worm (1, червяк), всего 9 названий. Самыми частотными оказываются flea и fly.

Сопоставив все приведенные выше результаты, мы можем выделить для всех трех языков общее наиболее частотное слово, обозначающее во ФЕ мир фауны; это слово – собака (canis, dog). Рассмотрим, для обозначения каких качеств людей в пословицах и поговорках служит образ собаки.

### I Слово canis в латинских ФЕ

1) Canis – страшный зверь. Сравн. *hac urget lupus, hac canis angit* (Гораций) – с одной стороны угрожает волк, с другой собака (о положении «между двух огней»). *Cave canem* – берегись собаки. Мозаичная надпись в Помпеях, сравн. Петроний, «Сатирикон», 29.

2) Боязливый зверь: *canis timidus vehementior latrat, quam mordet* – боязливая собака сильнее лает, чем кусает. Бактрийская



пословица, приводимая у Курция Руфа («История Александра»), VII, 4, 14. Сравн. русск. Не та собака кусает, которая лает.

3) Прототип ФЕ – охота : *venatum ducere invitas canes*, Плавт – насильно вести собак на охоту (то есть речь идет о ленивых существах).

Из этих примеров складывается образ, который сопровождается отрицательной коннотацией. Кроме того, *canis* у римских авторов выступает в значениях «бесстыдник», «подхалим», «злюка», а при игре в кости *canis* означает самый неудачный бросок, когда каждая из четырех костей показывает по одному очку (Проперций, Овидий, Светоний). Деминутив к *canis* – *canicula* «собачка» используется также как бранное слово Плавтом и Авлом Геллием, а в значении самый неудачный («собачий») бросок при игре в кости – Персием.

## II Слово собака в русских ФЕ

1) Собака – отрицательный образ, ей присущи такие качества, как жадность (как собака на сене лежит, и сама не ест, и другим не дает); собака заслуживает наказания (коли быть собаке битой, найдется и палка или собака есть, так как палки нет); ближняя собака – плохой ближний родственник (ближняя собака скорее укусит); собака – грязнуля (не поваляв куска, собака не съест); лай собаки – дурная молва (собака лает – ветер носит); бешеная собака (бешеная собака и хозяина кусает, с бешеной собаки хоть шерсти клок); молчан-собака (молчан собака исподтишка хватает); черт и собака (черту баран, собаке собачья смерть); собака – плохой щеголь (щеголь собака: что ни год, то рубаха, а портам и смены нет); собака с жиру бесится (с жиру собака бесится. В холе бока пролеживает).

2) Собака – положительный образ. Ей присущи: хорошая память (и собака ласковое слово знает; и собака помнит, кто ее кормит; и собака старое добро помнит; и собака того знает, чей кус ест); ум (не дразни собаки – не укусит, не замахивайся палкой, и собака не залает); чутье (собака во сне лает – к гостям; собака перед домом катается – гости будут); собака (собачка) как член семьи (любишь меня, так люби и собачку мою, по хозяину и собаке честь); собака любит своих щенков (у кошки котя – тоже дитя. У суки щеня – и то дитя).

3) Особая пара – кошка с собакой, это образы врагов (живут, как кошка с собакой; и то бывает, что кошка собаку съедает); 2 собаки как 2 врага (две собаки дерутся, третья не суйся; свои собаки грызутся, чужая не приставай).

4) Особая роль собаки – на охоте (без собаки зайца не поймаешь), т. е. собака – нужный зверь.

Другое название этого животного в русском языке – пес. Слово общеславянское, общепринятой этимологии не имеет (Шанский: 335). Это слово в русских ФЕ также может обозначать отрицательный образ, сравн. по мне хоть пес (черт), только б яйца нес; как псу под хвост (то есть без пользы), фразеологическое сравнение. Однако слово пес может употребляться и с положительной оценкой, например, добрый пес на ветру не лает. В пословицах, прототипом которых является охота, пес – это необходимый зверь: жил был царь, у царя псарь, да не было пса – и сказка вся (Луговая по Далю: 366), сравн.: какова псу кормля, такова ему (его) ловля (там же: 514). Обратим внимание на рифму, которая встречается во ФЕ со словом пес.

Если сравнить употребление в русских ФЕ слов собака и пес, то первое из них чаще создает отрицательный образ, второе – чаще напоминает зверя нужного (на охоте) или доброго.

### III Слово dog в английских ФЕ

1) Слово со значением «собака» часто употребляется в английских ФЕ с отрицательной коннотацией, например, нужно побить собаку: a stick is quickly found to beat a dog with – палка отыщется быстро, чтобы побить собаку. Сравн. в русском: коли быть собаке битой, будет и палка; убить собаку: there are more ways to kill a dog than (by) hanging; собака грязнуля: he that lies down with dogs must rise up with fleas – кто с собаками ляжет, тот с блохами встанет; собака собаке враг: dog eat dog, сравн. в русском: два медведя в одной берлоге не уживутся; собака как преступник: the dog returns to his womit – псы возвращаются к своей блевотине (библ., Васильева: 79 № 40); спящая собака опасна: let sleeping dog lie – спящих собак не буди; разговор о собаках – это неприятная тема: to call off the dogs – отозвать собак (то есть переменить неприятную тему разговора); тихая собака опасна: beware of a silent dog and still water – берегись молчаливой собаки и тихой воды (сравн. в русском – в тихом омуте черти водятся); dumb dogs are dangerous – молчаливые собаки опасны; брезгливая собака: scornful dogs will eat dirty puddings – брезгливым собакам придется есть грязные пудинги; собака на сене: the dog (или a dog) in the manger – этим. лат. (Васильева: 79, № 39); ФЕ с прототипом «охота»: dogs that put up many hares kill none – собаки, которые спугивают много зайцев, ни одного не поймают; пойти к чертям собачьим: to go to

the damnition bow-wows (где “bow-wow” детск. – «собака», Ч. Диккенс, «Николас Никльби»).

В американском сленге “dog” – это всегда нечто отрицательное. Так, dog-eat-dog (Тобольская: 94) – жестокий, с сильной конкуренцией; yard dog (Тобольская: 265) – отвратительный, грубый, неотесанный человек; dirty dog (Тобольская: 92) – низкий, подлый человек. Одно слово “dog” может означать: 1) нога, 2) уродливая девушка, 3) неходовой товар. Функциональная доминанта этих примеров косвенной вторичной номинации – характеризующая, а не назывная, ср. лат. “canis” (бесстыдник, подхалим или злока). Кроме того, в американском сленге встречается адъективное сравнение as sick as a dog (Spears, 15) = very sick, sick and vomiting; ФЕ go to the dog = go to pot (Spears: 141) = to go to ruin; lead a dog’s life (Spears: 201), сравн. в русском «собачья жизнь»; put on the dog (Spears: 266) = to dress or entertain in extravagant or showy manner; rain cats and dogs (Spears: 274) = to rain very hard; to see a man about a dog (Spears: 283) = to leave for some unmentioned purpose (often refers to going to the restroom).

Следует отметить также субстантивные ФЕ со словом dog, обозначающие еду и питье (Кунин: 253): a hot dog (амер.) – бутерброд с горячей сосиской; spotted dog (разг.) – вареный пудинг с изюмом. Оценочную функцию этих фразеологизмов определяет контекст.

2) В ряде случаев “dog” в английских ФЕ выступает и как положительный персонаж или может оцениваться нейтрально, например, собака – хозяин в своем доме: every dog is valiant at his own door или every dog is lion at home; собака не съест своего: dog does not eat dog; собака имеет право на счастье: every dog has his day; собака – друг человека: love me, love my dog – любишь меня, полюби и собаку мою; живая собака лучше мертвого льва: a living dog is better than a dead lion (то есть, что-то малое, но реальное, лучше большого, но малодоступного, Буковская: 73); хорошая собака: a good dog deserves a good bone – хорошая собака заслуживает хорошую кость. В некоторых случаях оценка собаки представляется нейтральной, например, an old dog will learn no new tricks: старая собака не научится новым трюкам (то есть старые люди не любят новшества); give a dog a bad name and hang him, сравн. легко очернить, нелегко обелить (Буковская: 69); лающие собаки: barking dogs seldom bite – лающие собаки редко кусают.

Если суммировать оценочные характеристики русских ФЕ со словами собака и пес и английских ФЕ со словами dog, то оказывается, что в русском и в английском содержится приблизительно равное число ФЕ, дающих собаке положительную оценку, но в английском (включая примеры из американского сленга) больше ФЕ, где dog выступает как отрицательный персонаж. Больше примеров с отрицательной, чем с положительной характеристикой слова canis мы видим и в латинских ФЕ. К приведенным выше латинским примерам можно добавить и ФЕ со словом caninus «собачий»: caninum grandium (ирон. Марк Теренций Варрон) – пир без вина (то есть плохой пир); caninus во вторичной номинации – это злобный, ворчливый, сварливый (например, ingenium у Петрония). Персий даже назвал букву r – littera canina (в которой слышится как бы ворчание собаки, Дворецкий: 151).

На абстрактном уровне сравнение ФЕ со словом «собака» в латинском, русском и английском языках дает во многом сходные результаты, специфика же каждого конкретного языка выявляется ярче, если менее абстрактен уровень анализа (ср. Райхштейн: 133). Так, если сопоставить прототипы различных ФЕ в каждом языке, то для латинских пословиц, поговорок и других ФЕ со словом canis наиболее характерна прототипическая картина, которую можно обозначить словами Цицерона custodia canum (gen. subj.) – сторожевая служба собак. Для русских ФЕ, сформировавшихся в XVIII–XIX веках, наиболее характерной прототипической сценой является «псовая охота» (вспомним «собачий дворец» в подмосковном имении Салтыковых «Марфино»). Псовой охотой увлекались и англичане, отсюда, возможно, столь же значительное число ФЕ с положительным образом собаки в английском.

В целом, прототипы латинских, русских и английских ФЕ, включающих образы представителей мира фауны, – это не только языковые единицы, но это фонд общих знаний, связанных с историческими традициями, фактами, реалиями, фольклорными представлениями, религиозными верованиями и их атрибутами.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1982.
- Буковская М. В., Вяльцева С. И. и др. Словарь употребительных английских пословиц. М., 1985.

- Васильева Л. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. М., 2004.
- Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. М., 1971.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Карасев А. Б. Когнитивная обусловленность значений числительных в английских и испанских идиомах. Автореферат канд. дисс. М., 2005.
- Карасев А. Б. Значения числительных в английских и испанских идиомах. М., 2007.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996.
- Луговая Т. М. Русские пословицы и поговорки. М., 2001.
- Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.
- Spears R. A. American Idioms Dictionary, Lincolnwood, Illinois, USA, 1991.
- Тобольская С. И. В мире сленга. М., 2004.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Т. А. Карасева

### Эпитеты женщин в латинской эпитафике

Материалом предлагаемого исследования в основном послужили стихотворные надписи, собранные в свое время Ф. Бюхелером и И. И. Холодняком. Часть этих надписей перевел и включил в свою книгу Ф. А. Петровский в 1962 г.

Доклад посвящается эпитетам женщин в надгробных надписях периода II века до н. э. – III века н. э. Эти надписи могут быть распределены следующим образом :

I – надпись сына, посвященная матери;

II – надпись мужа, посвященная жене;

III – надпись родителей, посвященная дочери;

IV – надпись на надгробии любовницы или «девицы» (puellae).

Надгробные надписи были не только стихотворными. Древнейшие из них обычно не содержат эпитетов. С I в. до н. э. надгробные надписи в своей массе принимают форму посвятельных, обращенных к богам Манам (Федорова 1982: 137–139).

Тексты первой группы (посвященные матери) часто имеют сокращения. Так, HMF означает *honestae memoriae femina* – достойной памяти женщина. По этой же формуле строится и надпись, посвященная отцу (или мужу): HNV – достойной памяти муж. Надгробие, поставленное сыном, может быть посвящено обоим родителям, отцу и матери, например, FPDMP означает *filius patri dulcissimo, matri piissimae* – сын отцу дражайшему, матери благочестивейшей (Федорова, 1982). В эпитетах этой группы надписей содержится указание на достоинство и благочестие женщины: *honestae memoriae, piissimae*.

В надписях второй группы также в первую очередь указывается на непорочность и благочестие. При этом соблюдается формула *ixori innocenti piae* – супруге непорочной, благоверной. К формулам этой группы надписей относится главная характеристика занятий супруги: *domum servavit, lanam fecit* – она вела дом, обрабатывала шерсть. По характеру эпитетов можно судить, кому посвящена надпись, жене или дочери. Так, в надписи № 26, относящейся, вероятно к I–II в. н. э.:

*Hic sita est Amymonae Marci optima et pulcherrima,*

*Lanifica pia pudica frugi casta domiseda*

Ф. А. Петровский (с. 42–43) переводит род. п. *Marci* ‘Марка дочка’. Однако более убедительным представляется мнение И. И. Холодняка и Л. Фридендера, что Амимона, носившая имя одной из Данаид (дословно ‘безупречная’), судя по характеру похвальных эпитетов, была женою Марка. Нельзя исключить и предположение Ф. А. Петровского, что, судя по имени, Амимона скорее могла быть рабыней Марка. Решение этого вопроса может сводиться к тому, что такими эпитетами Марк награждал женщину (если даже она была рабыня), которая была ему дорога, как жена: «наилучшая и прекрасная, пряжа, благочестивая, стыдливая, бескорыстная, домоседка». Имя *Ametona* жены-трактирщицы встречается также в № 122 (Петровский).

Обычно указание на красоту женщины или девушки содержится в надписях третьей или четвертой группы. Что же касается красоты жены, то для упоминания о ней здесь выбирается прилагательное *pulcra* или *pulcherrima*, но не употребляется слово *formosa*. Например: *heic est sepulcrum haupulcrum pulcrae feminae* (Петровский, 27, римская надпись времен Гракхов) «здесь могила некрасивая красивой женщины» (перевод мой, Т. К.). По мнению составителей этой надписи, красота жены – не столько в красоте лица или фигуры, а в том, как она разговаривает, как она ходит:

*sermone lepido, tum autem incessu comodo.  
domum servavit. lanam fecit.*

«была изящна в речах и поступи.

Вела хозяйство. Шерсть пряла» (Петровский, 27)

Среди эпитетов женщин-жен помимо указанных встречаются следующие: *optimae coniugi* (94), *coniugi kar(issimae)* (48), *coniugi bene merenti* (103), *coiugi sanctae* (122), *conjux vera* (124), *conjugis grati* (105), *gratissima coniuncxs* (117). В последнем случае, когда надпись датируется уже III веком н. э., так как она была открыта у Ватиканской библиотеки рядом с монетами императора Галлиена (253–268 гг.), мы видим указание на должность женщины, ее усердие и красоту:

*Flavia et ipsa, cultrix deae Phariaes casta  
sedulaque et forma decore repleta.*

Флавия так же, как я, Фаросской жрица богини.

И красотой своей и усердьем она отличалась

(пер. Ф. А. Петровского).

Красота жрицы богини – это не красота обычной женщины. Интересно, что в этой же надписи под изваянием человека, возлежащего и держащего в руке кубок, есть и такие слова:

Amici qui legitis, moneo, miscete Lyaeum  
et potate procul redimiti tempora flore  
et venereos coitus formosis ne denegate puellis.

Надпись прочтите, друзья, и, вином почитая Лиэя,  
Пейте, отсюда уйдя, цветами себя увенчайте  
И никогда не лишайте красавиц любовной утехы.

(пер. Ф. А. Петровского).

Здесь эпитет *formosis* согласуется с существительным *puellis*, но не со словом *conjux*.

Итак, в надгробных надписях жена характеризуется в первую очередь как благочестивая (*pia*, *piissima*), непорочная (*innocens*), святая (*sancta*), верная (*vera*), милая (*grata*, *gratissima*), а для указания на красоту женщины выбирается эпитет *pulcra* или *pulcherrima*.

В надгробных надписях, поставленных мужем жене, отсутствуют слова *formosa* и *dulcissima*; наоборот, в надписях, оставленных женой мужу, эти эпитеты есть:

Nic iacet ille situs M(arcus) formosior ullo.  
quod meruit vivus moriens quot et ipse rogavit,  
conjugi[s] suae gratae praestitit ecce fides.

Здесь покоится Марк, прекрасней которого нету.  
Что заслужил он, живя, и о чем, умирая, просил он,  
Верность супруги его, милой ему, воздала.

(Петровский, 29, CIL VI 8553).

Судя по монофтонгизации *sue* вместо *suae*, эта римская надпись может датироваться II в. н.э. По отношению к самой себе жена употребляет слова *fides* и *grata*, относительно мужа в первую очередь говорит о его красоте.

Формула *fides conjugis* в надписи, поставленной женой мужу, может сочетаться с эпитетом мужа *dulcissimus*:

Quot merui vitam, moriens quot et ipse rogavi  
Conjugis o grati redditur ecce fides.

В жизни что я заслужил и о чем, умирая, просил я,  
Верность супруги моей милой теперь воздала.

Надпись из Тортоны (Сев. Италия) с сохранением несомненных ошибок резчика (Петровский, 105, CIL V 7404). После стихотворной части, идущей от лица мужа, мы читаем слова:



*Aurelia Eusebia Cerellio Proculino v(iro) p(erf) coniugi dulcissimo*  
«Аврелия Евсевия Цереллию Прокулину превосходному мужу,  
сладчайшему супругу».

В надписях третьей группы, поставленных в память о дочери, мы встречаем разнообразные эпитеты: *Aeliae P.f. Sabinae dulcissim(ae)* (Петровский, 72, надпись конца II в. н.э., найденная в Риме и посвященная трехлетней девочке); *sanctam puellam, bis quinos annos* (Петровский, 74, надгробие, открытое в Риме и посвященное девочке 10 лет). В надписи, найденной в Риме и датируемой временем царствования Траяна (98–117 гг.), стоят слова: *insontem Magnillam* (невинную Магниллу) и далее: *formosa et sensu mirabilis et super annos docta decens dulcis grataque blanditiis* – не по годам способна была и красива, изящна, необычайно умна, прелести милой полна (Петровский, 121). Девочка, о которой говорится, умерла на восьмом году жизни.

Надписи этой группы содержат букет эпитетов, выражающих восхищение родителей юным существом, которое так рано покинуло их.

Наконец, в надписях четвертой группы, посвященных любовницам и подругам (*puellis*) обозначена только внешняя, физическая красота женщин. Любовницы сравниваются своей красотой с Венерой:

*Si quis non vidi(t) Venerem, quam pinxit Apelles  
rupa(m) mea(m) aspiciat: talis et illa nitet.*

Если тебе не пришлось Апеллесовой видеть Венеры,  
Душку мою посмотри: так же прекрасна она.

(Петровский, 138 CIL IV, 6842, Помпеи).

Красота обозначается словом *formosa* (ср. в надписи 117):

*Hic ego nu[nc f] utue(i) formosa(m) fo[r]ma puella(m)  
laudata(m) a multis, sed lutus intus erat.*

Обнял сегодня я здесь девчонку, красавицу с виду, –  
Все мне хвалили ее; но оказалась – дерьмо.

(Петровский, 145; CIL IV, 1516, Помпеи).

Говорится о цвете волос красавицы:

*Candida me docuit nigras odisse puellas.*

*Odero, si potero, si non, invitus amabo.*

Темноволосых любить белокурая мне запретила.

Возненавижу ... А нет, их буду любить против воли.

(Петровский, 146; CIL IV, 1520, Помпеи).

В заключение хотелось бы обратить внимание на этимологию слов *pia*, *pulchra*, *forma* и *formosa*. Как было показано выше, эпитеты *pia* и *pulchra* (*piissima*, *pulcherrima*) входят в состав формул надписей первой и второй группы (эпитеты матери и жены), слова *forma* и *formosa* обозначают внешнюю красоту и характерны для надписей четвертой (отчасти третьей) группы.

Прилагательные *pius*, *-a*, *-um* и *pulcer*, *pulcra*, *pulcrum* относятся к древнейшему слою латинской сакральной лексики. *Pius* – слово италийское, ср. оск. *Piihiui*, “pio”, умбр. *pihar* “piatus”, *pihatu* “piato”, *peihaner* (pi-,pe-) “piandi”, март. *peai* “piae”, вольск. *pihom* “pium”, умбр. *pihacla* “piaculo”. Прилагательное *pulcer* < \**polcros* наряду со словом *sacer* < *sacros* содержит древнейший суффикс *-cros* (Карасева, 2002). В религиозном языке, как указывают А. Эрну и А. Мейе, *pulcer* говорилось о животном, оставленном, а теперь мы бы сказали выбранном, для жертвоприношения. Как было показано Ю. В. Откупщиковым (1997) и А.И. Солоповым (2001) *pul-c(h)-ros* возводится к глаголу *polio* с первоначальным значением ‘очищать’, и первое значение этого прилагательного было ‘отборный’. Подобно *SAKROS*, которое встречается в древнейшей надписи форума (VII или VI в. до н. э.), слово \**polcros* → \**pulchros* → *pulcher* принадлежало сакральному языку. Таким образом, образ умершей жены, каким он предстает в латинской эпиграфике, в сознании римлян связывается с представлением о святости женщины. *Pulcra* говорится о красоте в смысле не только физическом, но и моральном. Это слово стоит в одном ряду с *pia*, *innocens*, *vera*, *pudica*. Эпитетом *pulchra* называлась богиня, ср. *bona pulchra Proserpina* в заклинании против Плотия.

Существительное *forma* обозначало внешний вид человека, его изображение, его фигуру. По мнению А. Эрну и А. Мейе, это, несомненно, слово заимствованное, возможно, из греч. μορφή через посредство этрусков (по диссимиляции из \**torma*?). Оставляя пока вопрос о заимствовании, обратим внимание на то, что слово *forma* было первоначально техническим термином и не входило в сферу сакральной лексики. От *forma* произошло прилагательное *formosus*, которое в поздней латыни постепенно стало синонимом слова *pulcher*.

## ЛИТЕРАТУРА

- Carmina latina epigraphica. Conlegit Franciscus Buecheler, I-II, Lipsiae, 1895–1897.
- Carmina sepulcralia latina epigraphica. Collegit Johannes Cholodniak. Petropoli, 1904.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue Latine. Paris, 1939.
- Friedlaender L. Darstellungen aus des Sittengeschichte Roms, I-IV, Leipzig, 1921–1923.
- Карасева Т. А. Роль суффиксального словообразования в этимологических исследованиях (на материале латинского языка) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI. СПб, 2002.
- Откупщиков Ю. В. Словообразовательные модели и этимология // Очерки по этимологии, СПб, 2001.
- Петровский Ф.А. Латинские эпиграфические стихотворения. М., 1962.
- Солопов А. И. Об этимологии латинского *pulcher* «красивый». // Индоевропейское языкознание и классическая филология-V. СПб, 2001.
- Федорова Е. В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.

М. С. Касьян

**«Сот жизни» на Пир у богача**  
(*Petronii Sat. c. 34–35*)

‘Ибо это сот жизни и всякий, кто ест от него, не умрет вовеки’  
(«Иосиф и Асенет» 16,14).

Пир богача Тримальхиона<sup>1</sup> – пожалуй, самый гротескный и нелепый симпозиум в античной литературе. Там есть все, что положено по жанру: еда, вино, беседа. Исследования, посвященные этому тексту, рассматривают его на всех уровнях и с самых различных позиций<sup>2</sup>. И все-таки, в этом грандиозном спектакле видят, прежде всего, высмеивание нуворишей из когорты вольноотпущенников позднеронового времени с проекцией на самого Нерона и его окружение. Но представляется сомнительным, чтобы столь искусное, «непрямое», трагическое произведение преследовало столь прямолинейные цели, а придворный аристократ, *arbiter elegantiae*, был озабочен высмеиванием только обнаглевших плебеев и их покровителей. Объект пародии Петрония, очевидно, скрыт, а иногда и глубоко зарыт в тексте<sup>3</sup>.

На пире, естественно, пьют, и пьют много. Слово *vinum* зафиксировано в сохранившихся частях Сатирикона 28 раз, из них, что вполне логично, 21 в «Пире». Таким образом, вино и его функция не отмечены ничем необычным, на первый взгляд, его роль не выходит за рамки жанра. Вино переменяется,

---

<sup>1</sup> Цитаты из «Сатирикона» приводятся в пер. под ред. Б. Ярхо, иногда с незначительными изменениями, латинский текст – по изд. К. Mueller, 1983.

<sup>2</sup> Наиболее полную библиографию, регулярно обновляющуюся, см. на интернет-страницах Петрониевского общества (The Petronian Society Ancient Novel Page).

<sup>3</sup> Это кардинальный вопрос петрониева сочинения, и попытки прояснить его породили огромную литературу. См., например, раннюю статью Эдварда Кортни (Courtney E. Parody and Literary Allusion in Menippean Satire // *Philologus* 106, 1962. P. 86–100), раздел в его *Companion to Petronius* (Courtney E. 2001. P. 214–222); а также: Anderson G. *Eros Sophistes – Ancient Novelists at Play*. Chicago, 1982. P. 99–102.

как и блюда, однако, вино не только подают, пьют или случайно проливают в триклинии Тримальхиона. «Пир» обрамляют возлияния, имеющие вполне ритуальный характер. В «затакте» Пира будто невзначай «массажисты» (иатралипты) совершают шутовское возлияние в бане (с. 28), и в конце хозяин просит провести репетицию его похорон и совершить погребальное возлияние. Есть и неожиданные детали: вино подают для омовения рук (вместо воды – с. 34), им поливают столы (с. 74), и даже на своем будущем мавзолее Тримальхион просит изобразить «побольше амфор с вином, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало» (с. 71).

Что подают гостям пить? В большинстве случаев просто вино (*vinum*), без названия, а если оно изредка приводится, то это – дорогое Фалернское (трижды: 28.3; 34.6; 55.3; в последнем случае в стихотворном экспромте Тримальхиона, подозрительно перекликающемся с катулловым Фалернским<sup>4</sup>: 55.3 ‘*quod non expectes, ex transverso fit <ubique,|| nostra> et supra nos fortuna negotia curat.|| quare da nobis vina Falerna, puer*’), именно его и возливают/проливают еще в банях, знаменуя начало Пира. Но в гл. 34 гостям выносят совсем уж нечто необычайное: стеклянные хорошо запечатанные амфоры с ярлыками ‘*Falernum Oprimianum anagogum centum*’, т. е. «Опимианский Фалерн. Столетний».

В общем контексте гротеска Пира к этому заявлению Тримальхиона комментаторы и исследователи относились всегда несерьезно: еще в изданиях конца XIX в. отмечался «двойной абсурд» – ярлык не может оставаться неизменным (с каждым годом возраст вина меняется)<sup>5</sup>, а лет прошло много больше (ок. 180), ведь год консульства Луция Опимия (121 до н. э.), противника Гракхов и лидера оптиматов, был всем хорошо известен. Кроме того, по другим источникам, есть упоминания вина фалернского отдельно и опимианского отдельно, но такого сочетания нигде не встречается. Л. Фридлендер в своих комментариях к «Пиру» отмечает: «это доказательство хвас-

---

<sup>4</sup> Кстати сказать, у латинских авторов впервые Фалернское вино встречается именно у Катулла (27).

<sup>5</sup> Надо заметить, что есть и еще одна нелепость: вино обычно не хранили в стеклянных сосудах, поэтому «хорошо запечатанными» для длительного хранения они быть не могли.

товства Тримальхиона и одновременно его невежества»<sup>6</sup>; Б. Ярхо, подчеркивая ничему не соответствующий возраст вина, относит все на счет «обычного для Тримальхиона фанфаронства»; даже в недавнем Companion'е этот эпизод назван «пустопорожней похвальбой и показухой»<sup>7</sup>.

Однако такое единодушие было прервано небольшой научной дискуссией, спровоцированной Барри Болдуином в 1967 г. Он опубликовал краткую заметку<sup>8</sup>, где как историк предлагал, хотя и не без иронии, рассмотреть возможность существования вина такой выдержки в I в. н. э.<sup>9</sup>, а также его приобретения (правда, за огромную цену) в эпоху Нерона. Он опирался на свидетельства Веллея Патеркула и Плиния, а также Цицерона. Косвенным образом подтверждать это, по мысли Болдуина, могут также сатирические гиперболы у Ювенала, где грубый хозяин пира пьет вино, разлитое в годы гражданских войн (*calcatamque tenet bellis socialibus uam*), оставляя более дешевые сорта гостям (*Sat. 5, 30–31*), или у Марциала, упоминающего вина времен царей (*Quod sub rege Numa condita vina bibis* – *Ep. 3, 62*; и *Xenia 13, 111*).

Через год в том же журнале появилась ответная реплика, озаглавленная «Опимьянская горечь или ‘Опимьянское’ вино»<sup>10</sup>, где автор ставил вопрос иначе: «А пить такое вино можно?», и тоже с опорой на свидетельства авторов.

Правда, источники вступают в некоторое противоречие. Веллей Патеркул полагает совершенно нереальным достать такое вино: «Это тот Опимий, по консулату которого получило имя знаменитейшее вино; приобрести такое <вино> уже невозможно из-за давности, поскольку между твоим консулатом, Марк Вициний (30 г. н. э. – М. К.), и его – 151 год» (*Hist. Rom. 2. 7. 5*). А сообщения о передержанном Фалернском Цицерона [«...слишком большой возраст его не дает ожидаемой нами

<sup>6</sup> Petronii Cena Trimalchionis / Erkl. L. Friedlaender. Leipzig, 1906. S. 225–226.

<sup>7</sup> Courtney E. 2001. P. 84.

<sup>8</sup> Baldwin B. Opimian Wine // *AJPh* 1967, № 88–2. P. 173–175.

<sup>9</sup> Болдуин в подтверждение такой возможности приводит, в частности, пример, что однажды Шато Лафит урожая 1811 г. было вскрыто в 1926 г. и оказалось великолепным.

<sup>10</sup> Bicknell P. Opimian Bitter or ‘Opimian’ Wine // *AJPh* 1968, № 89–3. P. 347–349.

сладости, и пить его почти непереносимо», Брут, 83, 287], Плиния Старшего [«...вина эти (в том числе Опиммианское) сохраняются почти 200 лет, и уже становятся похожи на едкий мед (*in speciem mellis asperi*), пить их невозможно ни в чистом виде, ни с водой», *Ест. Ист.* 14, 6, 55] и Афиней<sup>11</sup> [«у Фалернского приятный вкус после 10 лет выдержки и он сохраняет его до 15–20 лет. Превысившее этот срок вызывает головные боли и угнетающе действует на телесное напряжение» – *Deipn.* I, 26 C; «альбанское и фалернское..., если их передержать, то после долгого хранения они могут действовать как яды и вызвать немедленную потерю сознания» – I, 33A], скорее, опровергают предположение Болдуина<sup>12</sup>.

Не принимая ни одну из сторон в этой дискуссии, хотелось бы обратить внимание на другое, – в каком контексте появляется столь необычное вино.

I. С этого места начинается основное угощение (раньше была закуска) и незадолго до этого (с. 32) в триклинии торжественно появляется сам хозяин. Кроме того, гл. 34–35 «Сатирикона» выделяются даже в перенасыщенном всякими нелепостями описании пиршества и содержит немало странного: разыгрывается сценка с рабом, поднявшим с пола серебряную тарелку (*parapsis*) и наказанным за это (ее выметают потом вместе с мусором); гостям дают вино, а не воду для омовения рук (*vinumque dedere in manus; aquam enim nemo porrexit*); затем Тримальхион объясняет, почему он велел поставить каждому отдельный столик (*'aequum' inquit 'Mars amat. itaque iussi suam cuique mensam assignari'*). Перед подачей первого полноценного (хотя гостям и не сразу это становится понятно) блюда, когда появляется «столетний» Опиммианский Фалерн, философствующий хозяин произносит: «увы! насколько дольше, значит, вино живет, чем людишки, так давайте напьемся, вино – это жизнь» (*'eheu' inquit 'ergo diutius vivit vinum quam homuncio. quare tangomenas faciamus. vinum vita est'*), а раб выносит «серебряный скелет» (*larvam argenteam*), долженствующий напоминать о скоротечности жизни (*sic erimus cuncti*, декламирует Тримальхион и заключает: *ergo vivamus, dum licet esse bene*). Фразы

<sup>11</sup> Русск. пер. (Н. Голинкевича) по изд. Афиней. Пир мудрецов. Кн. I–VIII. М., 2003.

<sup>12</sup> Судя по тому, что «Пир» описывается далее еще в 40 главах и длится до рассвета, гости Тримальхиона от этого вина не пострадали.

**vinum vita est** (пук.: *vita vinum est*) при разных вариантах перевода реплики Тримальхиона («ибо в вине жизнь» – Б. Ярхо; «сколько пьется, столько и живет» – А. Гаврилов) в общем контексте сатуры Петрония, все-таки, не следует сводить к банальному *in vino veritas*. Профанный смысл расхожих сентенций часто имеет сакральные истоки. Важно еще и то, чем же угощают гостей после предложенного им «столетнего» вина. Тримальхион удивляет своих гостей особенным, грандиозным «астрологическим» блюдом: 12 знаков Зодиака в кулинарном исполнении, а в центре всего – кусок дерна с медовым сотом (35.2 *rotundum enim repositorium duodecim habebat signa in orbe disposita...* 35.5 *in medio autem caespes cum herbis excisus favum sustinebat*). Тримальхион называет свою гастрономическую выдумку «сок пира», что можно понять как его ‘суть, смысл пира’ (35.7 *'suadeo' inquit Trimalchio 'cenemus; hoc est ius cenae'* – зд. возможно, сознательная игра на омонимии: *ius* – и ‘сок, соус’ и ‘право’<sup>13</sup>). Эта реплика, если принять значение *ius* как «смысл», становится ключевой – все полностью переворачивается: задается тема смерти (которая продолжится с нарастанием до самого конца Пира<sup>14</sup>), кратковременности и ничтожности человеческой жизни, на фоне символа мироздания и вечности. Так беззаботная и нелепо роскошная пирушка «нуворишей» получает второй план: она представлена как почти что сакральная трапеза<sup>15</sup>, где люди оказываются равны (всем дано по столу, *'aequum Mars amat'*); она пронизана стоической идеей

<sup>13</sup> Место неясное; конъектура Бюхелера – *ius cenae*; Фридендера – *initium cenae*, что, в общем, не противоречит чтению *ius* в значении ‘сок; смысл’.

<sup>14</sup> *Cena Trimalchionis* сравнивалась с «*cena ultima*» гладиаторов, а «фунебральный» характер «Пира» очевиден; это дало основание считать «Пир» комической параллелью к сюжету спуска в Аид, а Тримальхиона – комическим Плутоном. См., напр., Anderson G. *Ancient Fiction: the Novel in the Graeco-Roman World*. London, 1984. P. 187; idem, *The Novella in Petronius* // H. Hofmann (ed.). *Latin Fiction: the Latin Novel in Context*. London, 1999. P. 52–63.

<sup>15</sup> Медом омывали руки, чтобы очиститься (с очистительной целью мед использовался в культе Митры). Начало Пира также пародийно сакрализовано: когда ‘иатралипты’ проливают Фалерн, Тримальхион называет это возлиянием – *Trimalchio hoc suum propin esse [dr. чт. propinasse] dicebat* – с. 28 (с игрой слов *suum propin esse*: или «во свое здравие», или «во здравие свиней»).



покорности судьбе, неизбежности смерти и презрения к земному богатству (выметенное с сором серебро)<sup>16</sup>. А весь Пир происходит, можно сказать, на фоне незыблемого космического порядка, центр которого – сот на зеленой траве, символизирующий жизнь и благо мира.

II. В вышеупомянутом ученом споре 60-х годов о реальности вымысла в «Сатириконе» по поводу необычного Фалернского на Пиру никак не учитывалось, **чему** противопоставлял наш богач такое редкостное вино, да еще в самом начале пиршества. Кроме просто «вина» или Фалерна у Тримальхиона подавали еще *mulsum* (гл. 34; это же слово встретится еще один раз в с. 42, когда кто-то из гостей упомянет, что выпил *mulsum* в бане, чтобы согреться). Слово *mulsum* (<\*mel-sus) – «*oinomel*», как определяет Оксфордский словарь, зафиксировано еще у Плавта и Катона. Переводят его как «вино с водой», «вино с медом», а в некоторых контекстах оно означает просто «мед» (возможно, подбродивший, т. е. медовуху, сладкое питье). «Не хочет ли кто еще медовухи (*mulsum*)? можете попросить», – заботливо спрашивает гостей Тримальхион и сразу же предлагает им такую диковину, как «столетнее» вино.

У большинства авторов это питье считается вполне обиденным и доступным – «вино для бедных» (напр., Марциал Ер. 13, 106); а его главное качество – это сладость. Фалернское же, напротив, изыскано и дорого, его вкус – горечь, в особенности, если оно передержано все мыслимые сроки, как это представлено в нашем тексте.

И возможно, что разгадка нелепости с Опимианским, да еще Фалернским, да еще столетним кроется именно в противопоставлении двух напитков: простого сладкого и изысканного горького. А оппозиция 'сладость'/'горечь' (даже, вернее, горечь вместо сладости) и указывает на субтекстуальный смысл, важный для автора, на полемический подтекст пародии Петрония.

---

<sup>16</sup> С кем из героев в какой-то степени соотносит себя автор, *arbiter elegantiae*, – вопрос, конечно, не поддающийся разрешению (как из-за скудности сведений о самом Петронии, так и из-за неполноты текста романа); но интересно здесь отметить, что Тримальхион получает похвалу от гостей за «изысканность» (*laudatus propter elegantias dominus*) после предложения вымыть руки вином и что слово *elegantias* больше не встречается в тексте романа.

Общеизвестно, что Пир имеет особую привлекательность не только для историков литературы, но и для лингвистов – речи, которые ведутся в триклинии Трималххиона, считаются почти буквальной фиксацией низового латинского, *sermo vulgaris*, разговорного языка I-го в. н. э. Бесспорно, это уникальный литературный прием для характеристики персонажей в античной литературе. Но не следует упускать из виду, что мы имеем дело с многослойным, «закодированным» текстом. На оппозицию двух видов питания в 34 гл. (так же как и на оппозицию «низкого» и «высокого» слова в романе) можно посмотреть и под другим углом – с точки зрения темы, заданной еще в архаических мифопоэтических представлениях и развившейся впоследствии, в процессе становления и развития литературы, в риторические нормы. Я имею в виду тему «двойного языка» художественного текста: языка божественного и человеческого, истинного и ложного, правды и вымысла<sup>17</sup>, т. е. изначальную дихотомию слова в поэзии, а затем и в прозе (в частности, в риторике). Первые качества получают избранные (Гесиод, Пиндар, Платон и др.) и, как правило, в результате инициации, которой сопутствует и вкушение меда.

Можно предположить, что таким образным замещением, – противопоставления «божественной» и «человеческой» речи у Петрония в «Пире» оппозицией сладкое-горькое вино (мол, «как пьем, так и живем»), – прикрыт в этом месте полемический выпад автора: против упадка современной риторики, риторических школ, против риторических штампов. *Fabulae* Трималххиона и его гостей контрастируют на всех уровнях с подразумеваемой (и традицией заданной) нормой симпосийных бесед; а пара «слово божественное» и «слово обыденное» в Пире не просто высмеяна и снижена, а сознательно перевернута и сведена в область, так сказать, ниже нуля – и одно и другое дается со знаком минус.

В Пире – все перевернуто, все подано в кривом зеркале пародийного текста. Блюдо, которое следует за «столетними» амфорами, имеет характер, можно сказать, вселенский, его символический смысл потом подробно объясняется хозяином, и в центре его находится сот с медом. «Это я не без причины так

---

<sup>17</sup> В историческом и теоретическом аспекте эта тема обсуждается, в частности, в книге Н. П. Гринцер, П. А. Гринцер. Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 111–216.

устроил, – замечает Трималхион, – Мать земля посередине, кругла, как яйцо, и заключает в себе всяческое благо, также как и сот» ('...nihil sine ratione facio. terra mater est in medio quasi ovum corrotundata, et omnia bona in se habet tamquam favus.' – с. 39). Сакральный статус вина и его архаического дублета, меда, общеизвестен. А необычное вино в необычном застолье получает дополнительную символику и становится вывернутой наизнанку метафорой сакрального меда.

В таком случае понятно, почему, все наоборот: «сладкое» представлено в образе плебейского напитка, а «горькое» – дорогого вина нереального винтажа; если перенести эту образность на пространные речи, ведущиеся на пиру у богача, то «сладким» становится неграмотная и простая болтовня гостей-плебеев, а «горьким» – не менее невежественные, но более претенциозные и напыщенные разглагольствования Трималхиона. Так вместо вдохновенного (вином/медом) певца, философа или ритора, мы видим не прекращающуюся болтовню всех присутствующих (*dulces fabulae*), тошнотворное пение рабов и прислужников и *sermone vulgares* вместо меда поэзии.

## ABSTRACT

Maria S. Kasyan. The 'Honeycomb of Life' at the Rich Man's Feast (Petr. 34–35)

The paper analyses the appearance of a special kind of wine ('Falernum Opimianum annorum centum') at Trymalchio's Feast in the context of general symbolism of honey and wine and the author's aesthetic purposes as well and suggests possible interpretations of the implicit meanings.

М. И. Касьянова

### Что такое Аримы? К вопросу о локализации мифа о Тифоне в поэме Нонна Панополитанского «Деяниях Диониса»

В I песни «Деяний Диониса» Нонн, говоря о Кадме, который ищет Европу, в то время как битва Зевса и Тифона уже началась, упоминает о том, что Кадм дошел до пещеры неких Аримов: εἰς Ἀρίμων φόνιον<sup>1</sup> (φλόγεον<sup>2</sup>) σπέος, до «кровавой (или огненной) пещеры Аримов» (I, 140) и затем сообщает, что Кадм среди этих Аримов пребывает (εἰν Ἀρίμοις ἐλεφοίτεε, I, 321). Подобное упоминание Аримов рядом с Тифоном, и, при этом, отсутствие всякого указания на то, кто такие или что такое Аримы, является, в общем, закономерным продолжением традиции, которая началась задолго до Нонна и связывала Тифона с Аримами. При этом уже в древности было не вполне ясно, какова начальная форма слова «Аримы», доставшаяся от Гомера в форме Dat. Pl., что эти Аримы означают и где находятся.

Так, уже у Гомера говорится о том, что Тифон имел ложе (εὐνάϊ, жилище или же последнее пристанище) в неких Аримах – εἰν Ἀρίμοις, ὅθι φασὶ Τυφώεος ἔμμεναι εὐνάς (II, II, 783). Те же Аримы, причем в такой же форме, Dat. Pl, упоминаются и у Пиндара: ἐν Ἀρίμοις (fr. 93, 3). У Гесиода встречается форма εἰν Ἀρίμοισιν (Theog., 304), т. е. также Dat. Pl., хотя Гесиод говорит не о Тифоне, а о Ехидне, супруге Тифона, живущей под землей в Аримах. Остальные упоминания об Аримах встречаются либо в схолиях к указанным местам, либо в сочинениях на географическую тему, причем и в том, и в другом случае Аримы являются уже объектом исследований – их авторы пытаются восстановить формы слова и объяснить, что это слово означает. Так, Геродиан (De prosodia catholica, 3; 1; 382, 5), Страбон (XIII, 4, 6, 34), Стефан Византийский (Ethnica (epithome), 188, 12), автор схолий к Ликофрону (Scholia in Lycophronem, 825, 6a),

<sup>1</sup> Nonni Panopolitani Dionysiaca, 2 vols., ed. R. Keydell. Berlin, 1959 и Nonnus Panopolitanus. Les dionysiaques. v. 1: chants I–II, ét. et trad. par F. Vian. Paris, 1976.

<sup>2</sup> Nonni Panopolitani Dionysiacorum libri XLVIII, rec. A. Koechly. Lipsiae, 1857.

словарь Суда (s. v. Ἄρτζα) восстанавливают форму именительного падежа τὰ Ἄρτζα, причем используют это название только для обозначения горы. Евстафий в схолиях к «Илиаде» (Commentarii ad Homeri Iliadem, I, 543, 26) говорит о том, что «то самое место», о котором речь идет у Гомера, называется τὰ Ἄρτζα, но не указывает точно, что он имеет в виду под этим названием. Наконец, Гесихий (s. v. Ἄρτζα) указывает на то, что под названием Ἄρτζα следует понимать город, в то время как οἱ Ἄρτζοι обозначают гору. О горе же, но в единственном числе, идет речь и в схолиях к Гомеру: ὑπὸ τὸ Ἄρτζον (Schol. in P. vetera, 783).

В свою очередь Страбон, наряду с формой τὰ Ἄρτζα, использует форму именительного падежа οἱ Ἄρτζοι (XIII, 4, 6, 10) для обозначения народа Аримов.

Еще большую трудность представляет собой географическая локализация этого названия. Первые попытки локализации мифа о Тифоне наряду с упоминанием Аримов, связанных с Тифоном, встречаются у Пиндара. Тот говорит, с одной стороны, об Аримах, где Зевс победил Тифона и (fr. 93, 3) о Киликийской пещере, где Тифон был вскормлен (Pyth. I, 17) (у Эсхила, в свою очередь, не упоминаются Аримы, но говорится о Киликии как о месте рождения Тифона (Prometh. 351), что говорит о том, что ко времени Пиндара и Эсхила Киликия ассоциировалась с Тифоном).

Основным источником, сообщаящим о локализации Аримов, является Страбон. Он сообщает, что одни из древних исследователей относят место действия мифа о Тифоне в Лидию, где жили Аримы, в лесистую местность Гиду, часто подверженную ударам молнии, другие переносят место действия в Киликию, Сирию или даже на острова Петекуссы, объясняя это тем, что тирренцы называют обезьян (имея в виду название обезьян – ὀ πίθηκος) – аримами. (XIII, 4, 6). Питекуссы, как правило, отождествляют с вергилиевской «Инаримой» (Inarimē) (Verg. Aen. IX, 716); у Овидия Инарима называется в ряду островов, среди которых упомянуты Питекуссы, Ovid. Met. IX, 89). По мнению Деметрия Скепсийского, на которого ссылается Страбон, «наиболее заслуживают доверия те авторы, которые помещают аримов в мисийской стране Катакекавмене» (Страбон цитируется в переводе Г. А. Стратоновского: Страбон. География. М., 1994). О Катакекавмене Страбон пишет следующее: «За мисийцами с городом Филадельфией идет так называемая страна Катакекавмена. <...> Некоторые <...> без колебания

переносят сюда мифы о Тифоне. Ксанф царем этих мест называет какого-то Арима». (13, 4, 11). Страбон также ссылается и на мнение Посидония об Аримах, по мысли которого, Гомер подразумевал под Аримами «вовсе не какое-либо место в Сирии, Киликии или в какой-нибудь другой стране, но саму Сирию. Ведь народ, живущий в Сирии, – это и есть арамеи, хотя, быть может, греки называли их аримеями или аримами.» (16, 4, 27). Сам же Страбон относит место действия мифа в Антиохию, впрочем, не объясняя, как связаны с нею Аримы: «Вблизи города <Антиохии> протекает река Оронт. Эта река берет начало из Келесирии, затем уходит под землю и снова появляется на поверхности. <...> Прежде река называлась Тифоном. <...>. Где-то здесь было место действия мифических историй, связанных с поражением Тифона и с аримами» (16, 2, 7).

До Пиндара и Эсхила (т.е. до VI в. до н.э., когда миф о Тифоне в Греции стал испытывать ближневосточное влияние) никаких попыток локализовать Аримов не было, Гомер говорит об Аримах «φασί» (что означает неуверенность утверждения), а позже, кроме Киликии, местом битвы Тифона и Зевса называли многие местности (Фракию, Сирию, Кавказ, Беотию). Это дает возможность исследователю мифа о Тифоне Ф. Виану сделать вывод, что под Аримами вовсе не подразумевалось какое-либо конкретное название, но они играли роль мифической страны, никогда не существовавшей (Vian 1960: 23). Эти аргументы Ф. Виана были оспорены Дж. Фонтенроузом (Fontenrose 1966: 66 ff), утверждавшим, что связи Греции с Сирией и Киликией не прекращались со II тыс. до н.э., и потому Гомер и Гесиод, говоря об Аримах, имели в виду конкретную местность; затем что гомеровское «φασί», напротив, означает совершенную уверенность говорящего в том, что он говорит, и, наконец, что неясность локализации уже в древности не является аргументом для отрицания существования страны вообще.

Нонн, имевший в своем распоряжении всю предшествующую традицию, во многом продолжает ей следовать.

Само название «Аримы» в поэме упоминается трижды: один раз в гомеровской форме Dat. Pl. (εἰν Ἀρίμοις, I, 321) и два раза в форме Gen. Pl. (Ἀρίμων φόνιον σπέος (I, 140) и πυρτρεφέων Ἀρίμων παρὰ γείτονι πέτρῃ, у скалы, находящейся рядом с Аримами, полными огней, XXXIV, 184). Две встречающиеся у Нонна формы не позволяют восстановить форму именительного падежа, однако, если учесть приведенные контексты, то можно предположить, что под Аримами Нонн понимает здесь название

гор (пещера Аримов (кровавая, или губительная, потому что тесно связывалась с Тифоном?), полные огней Аримы) и, вероятно, форму εἰν Ἀρίμοις тоже можно понять как слово, означающее горы, то есть Кадм пребывал среди горных отрогов Аримов, но вряд ли среди народа Аримов.

Что же касается локализации Аримов, то Нонн не сообщает, что Тифон был родом из Аримов, или жил среди Аримов, как делает это Гомер, а связывает это название с Тифоном гораздо более сложным образом и говорит, как было указано выше, что среди Аримов был Кадм, в тот момент, когда завязалась битва Зевса и Тифона. Связав Аримы с Тифоном, Нонн далее следует традиции и называет Тифона киликийцем (Κίλιξ – I, 155), продолжая не только Гомера, но и Пиндара (которых Нонн, как он сообщает сам, читал (I, 37, XXV, 21) и, вероятно, Эсхилом. Наконец, упоминает Нонн и Фокиду – разъяренный Тифон рушит корикийскую вершину: Κωρυκίου δὲ κάρηνα λαβὼν ἐτίναξε Τυφῶεός (I, 258). Корикийская пещера как логово Тифона упоминалась Аполлодором; ее же, по всей видимости, имел в виду и Оппиан Киликийский, называя Пана, помогающего Зевсу, Корикийским (Halieut., III, 15–25). На побежденного Тифона Зевс наваливает Сицилию (ср. с Гесиодом, Пиндаром, Эсхилом, Аполлодором и др.).

Несмотря на эти конкретные географические названия в нонновской «Тифонии», задолго до Нонна связывающиеся с Тифоном, сама битва Зевса и Тифона оказывается не привязанной ни к какому конкретному месту. Масштабы Тифонии у Нонна таковы, что битва охватывает весь мир, Тифон нарушает порядок небесных созвездий, смешивает сушу с морем, север с югом. Можно предположить, что Аримы, равно как и другие местности, нужны были Нонну в первую очередь как «знаки», скорее «вписывающие» битву Зевса и Тифона в традицию, чем обозначающие конкретное место битвы, и тем самым ограничивающие масштаб той вселенской катастрофы, которой является для Нонна битва с Тифоном.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Fontenrose 1966 – Fontenrose J. Typhon among the Arimoi // The Classical Tradition. Studies in Honor of Harry Caplan. Ithaca; New York.
- Vian 1960 – Vian F. Le mythe de Typhée et le probleme de ses origines orientales // Elements orientaux dans la religion grecque ancienne. Paris.

Н. Л. Кацман

**Язык и стиль Саллюстия**

- «*C. Sallustius rerum Romanorum florentissimus auctor*»  
(C. Tacitus, Ann. III, 30, 2)
- «*Hic erit, ut perhibent doctorum corda virorum,  
Primus Romana Crispus in historia*»  
(Martialis, XIV, 101)
- «Если верить тому, что твердят ученые мужи,  
В римской истории Крисп первым пребудет вовек»  
(пер. Ф. А. Петровского)

Настоящее исследование возникло как результат работы по подготовке к чтению со студентами монографии Саллюстия “*Bellum Jugurthinum*”. Мною было выбрано именно это произведение, а не “*Conjuratio Catilinae*” по той причине, что студенты уже читали Первую речь Цицерона против Катилины и были, следовательно, знакомы с реалиями, связанными с этим заговором. Поэтому мне представлялось более интересным при чтении нового автора, совершенно не похожего по языку и стилю на уже известных студентам Цезаря и Цицерона, прочитать то произведение Саллюстия, которое дает возможность достаточно подробно познакомить студентов с очень интересным и важным в истории Рима событием, каким является Югуртинская война. Вместе с тем были привлечены отдельные главы из “Заговора Катилины”, чтобы из текстов самого Саллюстия студенты узнали, почему, избрав жанр монографии, которого в римской историографии до него не было, он решил описать именно эти события, а также для того, чтобы были понятны изменения в мировоззрении Саллюстия, которые произошли за короткий период между написанием им этих двух монографий. Так, при чтении главы V (с которой мы начали чтение “Югуртинской войны”) была привлечена для сравнения глава IV из “Катилины”:

“... statui res gestas populi Romani carptim, ut quaeque memoria digna videbantur, perscribere ... . Igitur de Catilinae conjuratione quam verissime potero paucis absolvam; nam id facinus in primis ego memorabile existumo sceleris atque periculi novitate” (Cat., IV, 2–4).

“*Bellum scripturus sum, quod populus Romanus cum Jugurtha, rege Numidarum gessit, primum, quia magnum et atrox variaque*



victoria fuit, dein, quia tunc primum superbiae nobilitatis obviam itum est” (Jug., V, 1).

Из этих кратких отрывков становится ясно и почему Саллюстий выбрал именно жанр монографий (statui ... **carptim** ... memoria digna ... perscribere), и почему его внимание привлекли именно эти два, достаточно удаленные по времени события.

Для понимания эволюции в мировоззрении Саллюстия при чтении главы XLI “Югурты” привлекается для сравнения гл. X из “Катилины”:

“Sed ubi ... Carthago aemula imperi Romani ab stirpe interiit, cuncta maria terraeque patebant, saevire fortuna ac miscere omnia coepit. ... Qui labores, pericula, dubias atque asperas res facile toleraverant, iis otium divitiaeque, optanda alias, oneri miseriaeque fuere. Igitur primo pecuniae, deinde imperi cupido crevit: ea quasi materies omnium malorum fuere. Namque *avaritia fidem probitatem ceterasque artis bonas subvortit; pro his superbiam, crudelitatem, deos neglegere, omnia venalia habere edocuit*” (Cat., X, 1–4; выделено мною – Н. К.).

“Nam ante Carthaginiensem deletam populus et senatus Romanus placide modesteque inter se rem publicam tractabant, neque gloriae neque dominationis certamen inter civis erat: *metus hostilis in bonis artibus civitatem retinebat*” (Jug., XLI, 2, выделено мною – Н. К.).

Таким образом, если в первой монографии причиной упадка нравов Саллюстий считает скопление в Риме огромных богатств, в результате победы в Пунических войнах, то во второй согласие и добрые нравы, которые были характерны для сената и римского народа до Пунических войн он объясняет **страхом перед врагом**, т. е. существованием могущественного соседа.

Саллюстий – писатель-моралист. В обоих своих монографиях он много рассуждает о человеческой природе. И сравнение этих двух отрывков показывает, что его оценка морально-нравственных качеств людей стала еще более пессимистичной.

Несмотря на обещание писать о событиях “*quam verissime potero*” (Cat., IV, 3), Саллюстий не скрывает своих политических взглядов: он ярый сторонник партии популяров, противник знати и сената. Югуртинская война привлекла его, в частности тем, что “**tunc primum superbiae nobilitatis obviam itum est**”. Саллюстий – ярко выраженный тенденциозный писатель. Перефразируя Тацита, можно сказать, что он писал **cum ira et studio**. При этом он блестящий стилист. Саллюстий описывает волнующие эпизоды войны, держа читателя в постоянном

напряжении; он знакомит читателя с непривычными и неудобными для римлян методами ведения войны, которыми пользовался Югурта, а также интригах и подкупках им римских сенаторов и полководцев. Характерно в этом отношении почти буквальное повторение фразы “**Romae omnia venalia esse**” (VIII, 1), которую, разжигая честолюбивое стремление Югурты к власти, сказал ему один из влиятельных (он не назван) римлян еще во время службы Югурты в качестве начальника нумидийской конницы в войске Сципиона; эти слова Югурта вспоминает “certum esse ratus, quod ex amicis apud Numantia acceperat, **omnia Romae venalia esse** (XX,1; поставив только “omnia” на первое место), когда, после убийства им Гиемпсала и яркой, эмоциональной речи Адгербала в сенате, обвинявшего Югурту в этом убийстве и умолявшего о защите, сенаторы, большинство которых было подкуплено послами Югурты, фактически оправдали его. То же по смыслу в гл.28, I: “At Jugurtha, ... quippe quod **Romae omnia venire** (от *veneo* – Н.К.) *in animo haeserat*” посылает в римский сенат сына и двух приближенных, которым “*praecipit, omnis mortalium pecunia adgrediantur*” (попутно замечу, что в этой маленькой цитате отчетливо видны особенности языка Саллюстия, о которых речь будет ниже: *is* асс. пл. III скл.; встречающаяся только у Саллюстия – это отмечают словари – конструкция при *aggredi*: “привлекать, склонять” – *aliquem aliqua*; отсутствие союза *ut*); наконец (возвращаясь к теме о продажности Рима), заключительные слова Югурты: “**Urbem venalem et mature perituram, si emptorem invenerit**” (XXXV,10).

Саллюстий блестяще изображает характеры основных персонажей: самого Югурты, Адгербала, Метелла, Мария, Суллы, Бокха, а также персонажей “второго ряда”, сыгравших в этой войне весьма значительную роль: Масиниссы, с которым связана ее предыстория, плебейского трибуна Меммия, главного обвинителя знати; Бестии; Сква; братьев Спурия и Авла Альбинов и др. Вместе с тем совершенно ясно, что на первое место Саллюстий выдвигает борьбу Мария с сенатской аристократией и не скрывает, на чьей он стороне. Он открыто выражает симпатию к популярам, представителем которых является Марий. Марий – первый человек из народа, добившийся консульского звания, вступил в решительную борьбу с Югуртой и довел войну до конца, что дает Саллюстию возможность противопоставить эгоистичных, некомпетентных, продажных представителей знати блестящему выходцу из народа, спасшему страну от жесточайшей опасности, в которую *они* ее ввергли. Контраст

получается разительный. Вместе с тем надо отметить, что Саллюстий справедлив и по отношению к Метеллу, главнокомандующему из аристократического сословия, который не шел на сделки с Югуртой и уже сумел добиться значительных успехов в этой войне, но был отозван, чтобы уступить место Марию. Не скрывает Саллюстий и тех, мы бы сейчас назвали, популистских и отнюдь не высоконравственных приемов, которыми Марий добивался консульства, говорит даже о нем, что, разозлившись на Метелла, который под разными предложениями (а на самом деле, как считает Саллюстий, не желая, чтобы консулом стал представитель народа) отговаривал его добиваться консульства, Марий “*cupidine atque ira, pessumis consultatoribus, grassari; neque facto ullo neque dicto abstinere, quod modo ambitiosum foret*” (LXIV, 5); тем не менее Саллюстий не дает оценки этим действиям, он не обвиняет Мария. О Метелле же высказывается совершенно определенно: “*Quoi (Metello) quamquam virtus, gloria atque alia optanda bonis superabant, tamen inerat contemptor animus et superbia, commune nobilitatis malum*” (гл. 64,1). Когда же Метелл, узнав о назначении Мария, “*supra bonum aut honestum percussus neque lacrimas tenere neque moderari linguam*” (LXXXII,2), приведя мнения других по поводу такой реакции, сам объяснил ее тем, что был назначен именно Марий. «Изложение Саллюстия ярко окрашено субъективными симпатиями» замечает И. М. Тронский («История античной литературы». М., 1983, с. 329). Таким образом, перефразируя Тацита, можно сказать, что Саллюстий писал “**cum ira et studio**” и это очень ярко отражено в его языке и стиле. «Форма и содержание в его произведениях органически слиты между собой» по определению М. Е. Грабарь-Пассек («История римской литературы». М., 1959, т. I, с. 290).

Стиль Саллюстия крайне индивидуален. Он отличается и от ораторской пышности Цицерона, и от аттической строгости Цезаря, и от изящного и плавного многословия Ливия. Квинтилиан, который высоко ценил Саллюстия, определяет его стиль как вошедшим в поговорку выражением “*Sallustiana brevitatis*” (IV, II, 45; X, I, 32), так и весьма торжественным “*immortalem Sallusti velocitatem*” (X, I, 102). Если учесть, что эти определения относятся к латинскому языку, который по самой своей структуре отличается предельной лаконичностью, они особенно значимы. Саллюстий пишет краткими, сжатыми, очень часто бессюжными предложениями, буквально переполненными мыслями, за которыми слова как бы не успевают, что держит читателя в

постоянном напряжении, заставляя его дополнять, «додумывать», улавливать между строк недосказанное. Саллюстий избегает симметричности, грамматической безупречности предложений, вплоть до их незавершенности. Отсюда часто встречающийся анаколупф и брахилогия. Часто, чтобы понять, уловить смысл предложения, приходится возвращаться к уже прочитанному, которое предполагается инкорпорированным в последующий текст. Асиндетон, гendiадис, зевгма, сопровождающие, как правил, брахилогию, а также антитеза, нередко в соединении с хиазмом, придают тексту Саллюстия яркую экспрессивность.

Говоря о стиле Саллюстия, М. Е. Грабарь-Пассек замечает: «...ни один перевод не может дать полного представления о напряженности и выразительности латинского текста» (op. cit., с. 285).

К трудностям понимания *стиля* Саллюстия добавляются трудности в восприятии студентами лексических, морфологических и орфографических особенностей его языка, а также своеобразие его грамматики, которая в целом ряде случаев не вписывается в нормы классической латыни, усвоенные студентами при чтении Цезаря и Цицерона, хотя Саллюстий был их современником и писал свои монографии уже после выхода в свет «Записок» Цезаря.

Поэтому во вступительной лекции, помимо сведений о жизни и политической деятельности Саллюстия, а также краткой характеристики его сохранившихся произведений, был дан общий обзор особенностей его языка и стиля, без чего невозможно было приступить к чтению текста. Прежде всего, было обращено внимание на сознательное использование Саллюстием архаической лексики, что отмечали еще античные авторы, упрекая его (иногда с насмешкой) в том, что он подражает «Началам» (“Origines”) Катона Старшего. (Светоний: «Божественный Август», 86; «О грамматиках и риториках», 10, 15). Интересно в этом отношении замечание грамматика Харизия по поводу слов “necessitas” и “necessitudo”: “*Necessitas imperii est, necessitudo sanguinis conjunctio. Sallustius tamen necessitudinem pro necessitate ponit. Nec unquam necessitatem pro necessitudine, aut ipse aut quisquam veterum*” (Grammaticae Latinae auctores antiqui. Hanoviae, MDCV, кн. 1, с. 76). Присциан (cit. op., кн. 8) также отмечает приверженность Саллюстия к древним авторам: “... plurima inveniuntur **apud vetustissimos**, quae contra consuetudinem vel activa pro passiva, vel passiva pro activa habent terminationem. ... Similiter Sallust. in Jugutha. *Sed ego comperior*

*Vocchum magis Punica fide*” (гл. CVIII, 3; у Салл. – *conperior* – Н. К.); “*nutrior quoque pro nutrio, et bellor pro bello*” (cit. op., кн. 2, с. 798).

Саллюстий, употребляет архаическую форму *plebes* (е. г. 33, 3 и др.) вместо кл. *plebs*; союз *nisi* часто заменяется архаическим союзом *ni* (21, 2; 25, 7 etc.).

Е. г. (27, 2): “*Ni C. Memmius tribunus plebis designatus, vir acer et infestus potentiae nobilitatis, populum Romanum edocuisset id agi, ... , profecto omnis invidia prolatandis consultationibus dilapsa foret*”. (Отметим попутно, что Саллюстий предпочитает формы *forem, fores* etc. формам *essem, esses* etc.), а также наличие в этом предложении оборота *ablatus absolutus* с герундивом). Очень часто Саллюстий употребляет архаическое наречие *prorsus*, мало употребительное у классических авторов. Харизий отмечает использование этого наречия у Плавта и Катона (cit op., кн. 2, с.189); словари называют также Теренция и Варрона; из классических авторов только Цицерона. Саллюстий использует редкие или вообще не встречающиеся у классических авторов слова и выражения, такие как существительное *aerumna* (е. г.: *deformatus aerumnis; me premunt aerumnas* – это из речи Адгербала в сенате, 14, 7, 23; “*non jam mortem, neque aerumnas, tantummodo inimici (sc. Jugurthae) imperium et cruciatus corporis deprecor*” – из письма Адгербала в сенат, 23, 10); прилагательное *dediticius* (31, 19). Саллюстий употребляет глагол *antevenire* (58, 2; 66, 2 и др.), который до него встречается у Плавта и Теренция, а после него у Ливия и Тацита; то же относится и к ряду др. слов, е. г. гл. *queo* (10, 5).

Помимо архаической лексики, Саллюстий пользуется также архаическими грамматическими формами и архаическим правописанием. Список этих особенностей студенты, по крайней мере, на первых порах должны были иметь перед глазами. Без этого невозможно было приступить к чтению Саллюстия. Основной список отклонений от норм классической латыни дан С. П. Гвоздевым в издании «Заговора Катилины» (М., 1947. С. 7–8). К ним были добавлены те, которых в этом списке нет, е. г. написание *c* вместо *q* (е. г. *relicuos, secuntur, inicus* и др.). К указанным Гвоздевым архаическим грамматическим формам были добавлены: употребление *quis* вместо *quibus*; dat. sg. на *-i* в словах IV скл. м. рода (е. г. “*...luxu neque inertiae se dedit...*”); gen. sg. по II скл. в слове *senatus*, е. г.: *senati verbis; senati decreta* (40, 1 и др.) и нек. др., которые отмечались ad hoc. Необходимо было также обратить внимание на наиболее частые

случаи употребления обычных слов не в общеупотребительных значениях. Так, существительные на *-or* Саллюстий нередко употребляет в значении прилагательных, e.g. “in exercitu victore” (58,5); союз *sed* редко имеет у Саллюстия противительное значение, но употребляется очень часто, обозначая просто переход к новой мысли; союз *igitur* (обычно на 2-м месте в предложении в значении: ‘тогда, в таком случае, итак, следовательно’) у Саллюстия употребляется в значении ‘вследствие, ввиду этого, поэтому, таким образом’ и ставится на первое место (кроме вопросительных предложений), т. е. употребляется в значении *itaque*, которое Саллюстий употребляет редко.

Это дается в предварительных замечаниях. Остальное же – и главное – особенности в построении предложений в целом и отдельных структур внутри них, использование выше названных стилистических фигур в самой ткани текста, случаи употребления не только отдельных слов, но и словосочетаний в непривычных значениях, все другие отклонения от норм классической латыни, а также стилистические предпочтения Саллюстия, не противоречащие нормам классической латыни, отмечались и анализировались при чтении текста, *ad hoc*.

В данном сообщении выделим следующие главные особенности:

1. Очень широкое использование Саллюстием форм инфинитива. Это прежде всего *infinitivus historicus*, который Саллюстий употребляет значительно чаще, чем другие авторы.

Е. г.: 1) “Qui primum adolevit, ... *equitare*, **jaculari**, cursu cum aequalibus **certare** ..., ad hoc pleraque tempora in venando **agere**, leones atque alias feras *primus aut in primis* **ferire**; *plurimum facere*, *minutum* ipse de se *loqui*”(6,1). В этом же отрывке отмечаем афористичное выражение: “*primus aut in primis*”, которыми так богаты тексты Саллюстия, и антитезу: “*plurimum facere, minutum loqui*”.

2) “Jugurtha **trahere** omnia et alias, deinde alias morae causas **facere**; **polliceri** dedicionem ac deinde metum **simulare**; **cedere** instanti, et paulo post, ne sui diffident, **instare**; ita *belli* modo, modo *pacis* mora consulem **ludificare** (36,2). В этом предложении также есть, что отметить, помимо *infinitivus historicus*: хиазм; *alias, alias* (об этом подробнее ниже); *modo, modo* при перечислении.

3) “Sed ne Jugurtha quidem interea quietus erat: **circumire**, **hortari**, **renovare** proelium et ipse cum delectis **temptare** omnia;

**subvenire** suis, hostibus dubiis **instare**, quos firmos cognoverat, eminus pugnando **retinere** (51,5).

4) “Interim Jugurtha cum magna cura **parare** omnia, **festinare**: **cogere** exercitum; civitatis, quae ab eo defecerant, formidine aut ostentando **praemia** **adfectare**; **communire** suos locos, arma tela aliaque, quae spe pacis amiserat, **reficere** aut **conmercari**; servitia Romanorum **adlicere** et eos ipsos, qui in praesidiis erant, pecunia **temptare**; prorsus nihil intactum neque quietum **pati**, cuncta **agitare**” (66,1; одновременно отмечаем здесь окончание **is** в асс. pl. III скл., употребление герундия с прямым дополнением, отсутствие ассимиляции).

5) “Neque post id (после раскрытия заговора Бомилькара и его казни) locorum Jugurthae dies aut nox ulla quieta fuit: neque loco neque mortali quoquam aut tempori satis **credere**, civis hostisque juxta **metuere**, **circumspectare** omnia et omni strepitu **pavescere**, alio atque alio loco, saepe contra decus regium, noctu **requiescere**, interdum somno excitus adreptis armis tumultum **facere**; ita formidine quasi vecordia **exagitari** (72,2; здесь также ярко выраженный асиндетон).

Употребление *infinitivus historicus* настолько часто у Саллюстия, что примеры можно найти почти на любой странице.

Употребляет Саллюстий инфинитив и вместо конструкции с *ut objectivum* при глаголах *postulare*, *hortari*, *dehortari* и подобных, е. г.: “Plura de Jugurtha *scribere dehortatur* me fortuna mea” (24,4 – из письма Адгербала сенату).

Саллюстий употребляет также *infinitivus epexegeticus* (или *explicativum*) – определение при существительном, т. е. в значении генетива герундия, е. г. “Ea *potestas per senatum ... permittitur: exercitum parare, bellum gerere ... coercere ... socios atque cives*”; “quibus *vendere mos erat*” (Cat., 29,3; 30,5).

И, напротив, если по нормам классической латыни при безличном выражении *opus est*, наряду с оборотом *accusativus cum infinitivo*, может употребляться и простой *infinitivus*, Саллюстий пользуется другой конструкцией: он употребляет при этом выражении *participium perfecti passivi* в *ablativus* (e.g.: “nam et priusquam incipias *consulto*, et ubi consuleris *mature facto opus est*” (Cat. 1,5).

Часто вместо обычных глаголов Саллюстий употребляет *verba intensiva* или *frequentativa*, е. г. *pollicitando* (8,1), *defensabantur* (26,1), *adventabant* (28,2), *missitare* (38,1), *tutata sunt* (52,4) и мн. др.

Participium perfecti отложительных глаголов часто употребляется Саллюстием в страдательном значении, что встречается и у Цезаря, но крайне редко.

После союза *postquam* вместо классического перфекта Саллюстий нередко ставит *praesens* или даже *imperfectum*, выполняющие определенную смысловую нагрузку: *praesens* указывает обычно на минимальный разрыв во времени, т. е. соответствует по значению союзу *ubi primum* ‘как только’; *imperfectum* обозначает, что действие закончилось, но его следствие продолжается, можно перевести ‘с тех пор (с того момента, по мере того) как’. Иногда при *postquam* ставится и *plusquamperfectum*, очевидно, в собственном значении. Примеры:

1) *Postquam (Micipsa) ... intellegit, ... multa cum animo suo volvebat* (6, 2).

Отмечаем попутно, что Саллюстий много раз в подобном значении употребляет конструкцию *cum animo* и очень редко *in animo*, что мы увидим и в следующем примере.

2) *Tum Jugurtha ... postquam omnis Numidiae potiebatur, in otio facinus suum cum animo reputans timere populum Romanum neque advorsus iram eius usquam nisi in avaritia nobilitatis et pecunia sua spem habere* (13, 5). В главном предложении – *infinitivus historicus*.

3) *Qui (filii Jugurthae), postquam Romam adventabant, senatus a Bestia consultus est ...* (28,2).

4) *Numidae ..., postquam eos (elephantos) impeditos ramis arborum atque ita disiectos circumvenire vident, fugam faciunt* (53,3).

5) *At Jugurtha, postquam oppidum Capsam aliosque locos ... et magnam pecuniam amiserat, ad Bocchum nuntios mittit* (97,1)

6) *Jugurtha, postquam amissa Thala nihil satis firmum contra Metellum putat ..., pervenit ad Gaetulos* (80,1)

7) *Metellus infecto negotio, postquam nox aderat, in castra sua cum exercitu revertitur* (58,7)

8) ... “*postquam (Turpilius) parum sese expurgat, ... capite poenas solvit*” (69,4).

9) ... “*postquam haud procul inter se erant, strepitu velut hostes adventare, alteri apud alteros formidinem simul et tumultum facere*”.

К 9-му примеру: помимо имперфекта при *postquam* и *infinitivus historicus* отмечаем здесь очень типичное для Саллюстия употребление парных местоименных прилагательных. В этом отрывке речь идет о том, как два римских отряда в темноте столкнулись друг с другом; они уже начали готовиться к бою,



когда выяснилось, что это свои. Далее очень эмоционально описывается радость встречи, “*milites alius alium laeti appellant*”; таких сочетаний, как упоминалось уже, очень много: “*alii post alios*” (55, 8); ... “*neque alius in alio magis quam in sese spem habere; ... avidus alteri alteros sauciare quam semet tegere...* (здесь отмечаем также брахилогию (смысл: ни на кого другого не надеялся больше, чем на самого себя); также хиазм: “*monere alii, alii hortari*” (60, 1–4). “*laetos modo, modo pavidos*” (60, 1–4; речь идет о битве при Заме).

Подобные примеры можно было бы умножить как и по предложениям с союзом *postquam*, так и по употреблению парных местоименных прилатательных.

Очень широко использует Саллюстий формы герундия и герундива. При этом *ablativus* и *accusativus* герундия встречаются практически со всеми предлогами и достаточно часто с зависимым существительным или предложной конструкцией; здесь подобраны, в основном, такие примеры: *in venando* (6, 2); *ostentando virtutem* (7, 2); *saepe obviam eundo periculis* (7, 4); *dando et pollicendo multa* (16, 3); *neque ... emundi aut mutandi copia erat* (18, 6); *hortando ad virtutem* (23, 1); *multa pollicendo ac miserando casum suum* (23, 2); *morando Scaurum* (25,10) *trahundo tempus* (27, 1); *locum hostibus introeundi dedit* (38, 6); *ab persequendo* (50, 6); *hiemandi gratia* (61, 2); *ostentando praemia* (66, 1 и 89, 2); *omnia temptando* (70, 2); *potestas Romam eundi* (104, 2); *ad oppugnandum* (59,1); *hiemandi gratia; maxuma copia fallundi; conloquendi gratia* (61, 3, 4); *cupidus incepta patrandi* (70, 5); *eorum fortia facta memorando; haec atque alia talia maiores vestri faciundo seque rem publicam celebravere* (85, 21, 35 – из речи Мария); *potestas Romam eundi* (104, 2) *hortor ...*, *ne ignoscendo malis bonos perditum eatis* (31, 27 – редкий случай: дополнение зависит от герундия, требующего *дательного* падежа) и мн. др.

Герундив также используется очень часто во всех значениях. Приведу лишь некоторые примеры: *de administrando imperio* (11, 5); *ad pecuniam distribuendam* (12, 2; отметим, что здесь Саллюстий не использует архаический суффикс, очевидно, чтобы избежать двойного “und”); *praeter miserandam fortunam* (14, 7); *prolatandis consultationibus* (27, 2 – *abl. abs.*); *ob thesauros oppidi potiundi* (37, 4); *triumvirum coloniis deducendis* (42,1 – речь идет об убийстве Гая Гракха, который в момент убийства был народным трибуном; это не единственная фактическая неточность у Саллюстия, но этот вопрос в настоящем сообщении не

рассматривается); *ad ea patrandam senatus auctoritate* (43, 4 – об одобрении сенатом нового набора войск Метеллом); *ob suos tutandos* (89, 3) и мн. др.; отдельно отмечу очень выразительную характеристику Адгербала с использованием герундива: *“metuens magis quam metuendus”* (20, 2): коротко, красиво и все сказано. Не случайно произведения Саллюстия так обогатили латинский язык крылатыми выражениями. Не касаясь «Заговора Катилины», приведу ряд выражений из *“Bellum Jugurthinum”*, которые, как мне кажется, могут употребляться в переносно-расширительном смысле, т. е. войти в разряд крылатых выражений.

Начну с общеизвестного: *“concordia parvae res crescunt, discordia maxumae dilabuntur”* (10, 6) И следующие: *“neque vivere lubet, neque mori licet”* (14, 24); *“habere cuncta, neque haberi”* (это перифраза; в тексте: *“animus incorruptus, aeternus, rector humani generis agit atque habet cuncta neque ipse habetur”*: 2, 3; я бы перевела это так: «владеть всем, не быть подвластным никому»); *“parum tuta per se ipsa probitas”* (14, 4: честность сама по себе беззащитна); *“parum fidei miseris est”* (24, 4); *“innocentiae plus periculi quam honoris est”* (31, 1); *“non manu neque vi”* (31, 18 – здесь и метафора, и гендиадис); *“inpune quae lubet facere, id est regem esse”* (31, 26; здесь явный анаколуп, но смысл понятен); *“fors omnia regere”* (51, 1); *“in victoria vel ignavis gloriari licet”* (53, 8); *“meminisse post gloriam invidiam sequi”* (55, 3; можно использовать перифразу: *“post gloriam invidia sequitur”*); *“non omnia omnibus cupiunda esse”* (64, 2; так говорил Метелл Марию, убеждая его не выдвигать свою кандидатуру в консулы; смысл тот же, что и в известной поговорке *“quod licet Jovi, non licet bovi”*); *“omne bellum sumi facile, aegerrime desinere”* (83, 14; истина для всех времен и народов) *“virtus sola neque datur dono neque accipitur”* (85, 38 – это из речи Мария).

Далее я предлагаю пример, в котором присутствует и анаколуп, и антитеза в соединении с брахилогией и блестящим хиазмом:

*“Atque ego tametsi viro flagitiosissimum existimo inpune iniuriam accepiisse, tamen vos hominibus sceleratissimis ignoscere, quoniam cives sunt, aequo animo paterer, ni misericordia in perniciem casura esset. Nam et illis, quantum inportunitatis habent, parum est inpune male fecisse, nisi deinde faciundi licentia eripitur, et vobis aeterna sollicitudo remanebit, quom intelletis aut serviundum esse aut per manus libertatem retinendam. Nam fidei quidem aut concordiae quae spes est? Dominari illi volunt, vos liberi*

esse; facere **illi** iniurias, **vos** prohibere; postremo sociis nostris veluti **hostibus, hostibus** pro sociis utuntur” (31,21-23; это из речи Меммия). (Союзник – Адгербал, враг – Югурта).

Краткие примеры брахилогии:

...”(Jugurtha ) sanguinem meam quam omnia malit” (24, 2).  
Здесь – и это типично для Саллюстия – нет слова, вводящего сравнение.

“Interim Calpurnius parato exercitu legat sibi homines nobilis factiosos, quorum auctoritate quae delequisset munita fore sperabat” (28,4). Кальпурний, подготовив войско, назначает себе легатами людей знатных и энергичных, авторитетом которых надеялся защититься, если он совершит какой-нибудь проступок (сделает что-нибудь не так).

Широко пользуется Саллюстий формами конъюнктива в независимых предложениях, особенно в прямой речи, что придает ей особую выразительность.

E. g. “Quid agam? Aut quo potissimum infelix adcedam? ... Nunc vero exsul patria domo, solus atque omnium honestarum rerum egens quo adcedam aut quos appellem?” ... fingere me verba et fugam simulare ... Quod utinam illum eadem haec simulantem videam ...” (14,14, 17).

В заключение мне хотелось бы заметить, что чтение “Bellum Jugurthinum” Саллюстия со студентами, уже не говоря о том, что было чрезвычайно полезно мне самой (docendo discimus!), вызвало у них очень большой интерес. Мы тщательно анализировали текст, выявляя все его особенности и руководствуясь положением Л. В. Щербы о том, что в иноязычном тексте «смысл есть искомое», а докопавшись до смысла, стремились адекватно перевести латинский текст на русский язык.

Естественно большое место в нашем анализе занимали и реалии. На основных героев этой истории была заведена карточка, при чтении текста фиксировалось внимание студентов на основных событиях с той целью, чтобы за лингвистическим анализом не потерять смысловой. Конечно, мы не смогли со студентами прочитать все 114 глав. Отдельные главы я просто пересказывала, но это не касалось ни основных, узловых событий, ни основных действующих лиц.

Для того чтобы не потерять нить событий, я дала студентам план кампании по годам и главам, чтобы им легче было ориентироваться:

**Первая кампания – неудачная для римлян.**

112 г. – падение Цирты и убийство Адгербала (гл. 26).

111 – кампания Бестии (гл. 28); неудачное соглашение с Югуртой (гл. 29, 32); визит Югурты в Рим (гл. 33, 35, 111 или 110 г.)

110 – кампания Спурия Альбина (гл.36) и капитуляция Авла Альбина (гл. 37–38); Lex Manlia (гл. 40, 110 или 109 г.)

**Вторая кампания Метелла – некоторые успехи римлян.**

109 г. – оккупация Ваги (47 гл.); сражение при р. Мутул (гл. 48–53); безуспешная осада Замы (гл. 56–61); продвижение по направлению к Ваге (гл. 66–69).

108 г. – взятие Фала (гл. 75–76); оккупация Цирты (гл. 81)

**Третья кампания, кампания Мария, – окончательная победа римлян.**

107 г. – взятие Капсы (гл. 89–91)

107–105 гг. – разрушение множества нумидийских крепостей (гл. 92).

Взятие крепости на р. Мулукха (гл. 92–94); прибытие в Африку Суллы с кавалерией; два сражения с Югуртой и Бокхом (гл. 97–101).

106–105 – зимние квартиры в прибрежных городах (гл. 101, 103); взятие царской крепости (гл. 103); переговоры с Бокхом (гл. 102–111).

105 – измена Бокха Югурте; захват Югурты Суллой.

Текст читали по изданию Саллюстия в серии “Bibliotheca Teubneriana”. Lipsiae, 1957.

Б. А. Каячев

**Praecipites columbae**  
(Вергилий, «Энеида» 2, 516)

hic Hecuba et natae nequiquam altaria circum,  
praecipites atra ceu tempestate columbae,  
condensae et diuum amplexae simulacra sedebant<sup>1</sup>.

Контекст для этих стихов образует описание гибнущей Трои; Гекуба с дочерьми ищет спасения у алтаря. Обращает на себя внимание необычность сравнения: почему женщины, скупившись сидящие у алтаря (*condensae sedebant*), уподоблены голубкам, стремглав летящим на землю (*praecipites*)? Приводимые в качестве параллелей сравнения из Гомера и трагиков (Гомер, «Илиада» 21, 493–4; Эсхил, «Умоляющие» 223–4; Еврипид, «Андромаха» 1140–1)<sup>2</sup> этой странности не объясняют.

Ответ можно найти у Арата:

ἀλλὰ καὶ ἔμπης  
ἤδη πάντ' ἐνιαυτὸν ὑπὸ στείρῃσι θάλασσα  
πορφύρει· ἴκελοι δὲ κολυμβίσιν αἰθυίῃσιν  
πολλάκις ἐκ νηῶν πέλαγος περιπατταίνοντες  
ἡμεῖθ', ἐπ' αἰγιαλοὺς τετραμμένοι· οἱ δ' ἔτι πόρρω  
κλύζονται· ὀλίγον δὲ διὰ ξύλον αἰδ' ἐρύκει<sup>3</sup>.

Если читать буквально, сидящие (*ἡμεῖθ<a>*) на кораблях моряки сходным образом уподобляются здесь ныряющим (*κολυμβίσιν*) чайкам. Сходство между отрывками Арата и Вергилия подчеркивается также синтаксической аналогией: глагол 'сидеть' (*ἡμεῖθ<a>* – *sedebant*) сопровождается в обоих случаях

<sup>1</sup> Вергилий, «Энеида» 2, 515–17: «Здесь, тщетно ища защиты у алтаря, расположились Гекуба и ее дочери, тесно прижавшись друг к другу и обхватив изваянья богов, подобные голубкам, стремглав летящим на землю при наступлении беспросветной бури».

<sup>2</sup> Austin R. G. P. Vergili Maronis Aeneidos liber secundus: ed. with comm. Oxford, 1964. P. 201.

<sup>3</sup> Арат, «Явления» 294–9: «Круглый год бурлит море под судами, и часто, подобные нырливым чайкам, мы оглядываем с кораблей пучину, устремляя взор к суше; но далеко еще бьются прибрежные волны, смерть же от нас отгорожена лишь тонким бортом».

двумя предикативными причастиями (*περιπατταίνοντες* и *τετραμμένοι* – *condensae* и *amplexae*). Отсылка Вергилия к Арату имплицитно, что Гекуба с дочерьми находится на волоске от смерти (ср. *ὀλίγον δὲ διὰ ξύλον ἄιδ' ἐρύκει*).

Как несложно заметить, Вергилий воспроизводит сравнение Арата не точно: ныряющих чаек (*κολυμβίσιν αἰθυίῃσιν*) он заменяет летящими вниз голубями (*praecipites columbae*), – и это нуждается в объяснении. Поступая так, Вергилий применяет специфический художественный прием латинской поэзии – «перевод с паронимасией» (*translation with paronomasia*), заключающийся в том, что определенное слово греческого образца передается в латинском подражании не семантически точным соответствием, а неким эквивалентом, близким фонетически. Наиболее характерные примеры этого приема у Вергилия – это перевод гомеровского *φῆγγινος ἄξων* ('дубовая ось' – «Илиада» 5, 838) как *faginus axis* ('буковая ось' – «Георгики» 3, 172) и феокрытовского *ὑάκινθος* ('гиацинт' – «Идиллии» 10, 28) как *iaccinium* ('черника' (?)) – «Эклоги» 2, 18; 10, 39)<sup>4</sup>. В данном случае Вергилий передает неоднозначное *κολυμβίς* ('птица нырок' / 'ныряющая <вниз головой>') Арата, с одной стороны, паронимом *columba* ('голубка'), а с другой – семантически близким *praecipēs* ('<летящая> вниз головой'). Можно предположить, что производимое Вергилием соотношение *κολυμβίς* с *columba*, в свою очередь, также подсказано Аратом, который аналогичным образом «отождествляет» нырка (*κολυμβίς*) с чайкой (*αἰθυία*), переосмысляя *κολυμβίς* (вместо видового названия птицы *κολυμβίς* понимается как существительное по глаголу *κολυμβᾶν* 'нырять') и делая его определением к *αἰθυία*.

<sup>4</sup> Наиболее полный перечень примеров (включая приведенные) можно найти в работе: O'Hara J. J. True Names: Vergil and the Alexandrian Tradition of Etymological Wordplay. Ann Arbor, 1996. P. 63; из неназванных в ней заслуживает упоминания параллель *purpibus et laeti nautae imposuere coronas* («[когда] радостные моряки уже украсили корму венками» – «Георгики» 1, 304 = «Энеида» 4, 418) – *ναῦται ἐπιστρέψωσι κορώνην* («[когда] моряки уже повернули корму [в сторону порта]» – Арат, «Явления» 345), ср.: Jahn P. Die Quellen und Muster des ersten Buchs der Georgica Vergils (bis Vers 350) und ihre Bearbeitung durch den Dichter // Rheinisches Museum. 1903. 58. S. 421–2.

Наконец, несколько слов о возможном прототипе сравнения у Арата. В комментариях к «Явлениям» отмечается, что уподобление моряков чайкам является традиционным, и приводятся некоторые параллели (Каллимах, «Эпиграммы» 58, 4; fr. 178, 33–4 (Pfeiffer); и др.)<sup>5</sup>, более поздние, однако, чем поэма Арата. Между тем, одна примечательная параллель, насколько известно, до сих пор не обращала на себя внимание:

*ναῦται ποντοπόροι, στρυγερῇ ἐναλίγκιοι αἴση  
πτωκάσιν αἰθυίησι, βίον δύσζηλον ἔχοντες...*<sup>6</sup>

По-видимому, это наиболее ранний из сохранившихся пример такого уподобления. Особый интерес вызывает сходство выражений *κολυμβίσιιν αἰθυίησιν* (Арат) и *πτωκάσιν αἰθυίησι* (эпиграмма). Значение слова *πτωκάς*, помимо гомеровской эпиграммы в литературных текстах представленного только единожды у Софокла («Филоклет» 1093), неясно: в словарях Лидделла-Скотта, Шантрена и Фриска оно соотносится с *πτήσσειν* ‘пугаться’ и трактуется как ‘пугливая’, однако в схолии к названному стиху Софокла оно этимологизируется через *πίπτειν* (*αἰ ἄρπυιαι ἐπιθετικῶς διὰ τὸ ἐπεπίπτειν*). Если гомеровская эпиграмма действительно послужила моделью для пассажа в «Явлениях», *κολυμβίς* (возводимое к *κολυμβᾶν* ‘нырять’) можно рассматривать как «глоссу» к *πτωκάς* (возводимому к *πίπτειν* ‘падать <в воду>’).

<sup>5</sup> Kidd D. Aratus, *Phaenomena*: ed. with introd., transl., comm. Cambridge 1997. P. 293.

<sup>6</sup> «Гомеровские эпиграммы» 8, 1–2 (текст по изданию: West M.L. *Homeric Hymns, Homeric Apocrypha, Lives of Homer*: ed. and transl. Cambridge (Ma); London, 2003. P. 376): «Корабельщики, бороздящие море! Своей горькой долей подобные нырливый (?) чайкам, вы ведете незавидную жизнь...»

М. Л. Кисилиер

**Читая Птохопродрома\***

Стихотворения Птохопродрома – один из наиболее ранних (XII в.) текстов, относящихся к ранней новогреческой поэтической традиции. До сих пор неизвестно, кто скрывается под этим именем – известный придворный поэт Феодор Продром или же какой-то неизвестный нам поэт<sup>1</sup>. Можно с некоторой долей вероятности предположить, что необязательно все стихи принадлежат одному автору, особенно если согласиться с Гансом Айденайером, подготовившим последнее издание стихотворений Птохопродрома, в том, что тексты имели устное хождение, по крайней мере, в течение двух столетий, поскольку рукописи датируются только XIV в. (Eideneier 1987: 101, 107). Можно уверенно утверждать, что стихотворения были созданы не в рамках устной народной традиции, а являются творениями образованного византийца/византийцев,<sup>2</sup> вхожего в императорский дворец, и нет оснований отрицать, что таким византийцем был Феодор Продром, вероятный автор всех или некоторых стихотворений.

Не менее важным и сложным представляется вопрос о том, насколько язык стихотворений Птохопродрома отражает реальное языковое состояние XII–XIV вв. Стихотворения Птохопродрома принято относить к т. н. демотической или народной литературе<sup>3</sup>, хотя, исходя, в основном, из лексических особенностей, исследователи традиционно говорят о «смешанном» характере языка стихотворений (Λεξικό ΝΕ

---

\* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ МК-268.2007.6.

<sup>1</sup> Подробнее см., напр., (Пападимитриу 1905: XIX–XXI; Eideneier 1991: 23–37; Krumbacher 1897: 760).

<sup>2</sup> На образованность автора/авторов указывают многие детали: например, стихотворения представляют собой обращения к императору; в них нередко употребляются слова, не имеющие отношения к разговорной лексике.

<sup>3</sup> В англоязычной литературе – vernacular literature (Horrocks 1997: 261f).



λογοτεχνίας 2007: 1896). Действительно, в стихотворениях Птохопродрома присутствует множество черт, не характерных для новогреческого языка, в частности, сентенциальные энклитики:<sup>4</sup> *παίζουσι γάρ* (Ptokh. I, 11), *ει δέ* (Ptokh. I, 106), *πλήν ουν* (Ptokh. I, 157), *του γουν* (Ptokh. I, 206), *και δή πιάσας* (Ptokh. I, 226), которые по закону Ваккернагеля ставятся на вторую позицию в предложении<sup>5</sup> или колонне (Fraenkel 1933; Janse 2000: 234). Иногда<sup>6</sup> под влиянием *барьера* или *запрета на разрыв составляющих*<sup>7</sup> сентенциальные энклитики оказываются на третьей позиции: *αν πλήξης γάρ* (Ptokh. I, 160), *εν και γάρ* εἰς (Ptokh. I, 208), *του βρέφους δ'* (Ptokh. I, 219), чем, в целом, напоминают ситуацию в позднем койне (Кисилиер 2006).

Кроме того, многие языковые черты показывают, что в стихотворениях Птохопродрома сосуществуют две системы: древнегреческая и новогреческая. Наиболее ярко это прослеживается на уровне морфологии: употребление дательного падежа и замещающих его предложных конструкций (*τί σοι προσοίσω*; (Ptokh. I, 1), *τω πάθει* (Ptokh. II, 95) vs *τας γινομένας εις εμέ* (Ptokh. I, 4); древнегреческие и новогреческие формы местоимений, как личных (*σέ* (Ptokh. I, 92),<sup>8</sup> *εμέ* (Ptokh. I, 127) vs *εσέναν* (Ptokh. III, 57)), так и притяжательных (*τέκνον μου* (Ptokh. III, 58) vs *το σον φιλεύσπλαγχνον* (Ptokh. I, 271)), и, наконец, употребление инфинитива, на котором следует остановиться подробнее.

Как известно, в отличие от древнегреческого, в новогреческом инфинитив не сохранился<sup>9</sup>. В своей исторической

<sup>4</sup> Здесь и далее примеры приводятся в записи, характерной для димотики (т. е., без придыханий и только с острыми ударениями), поскольку автор этой статьи считает стихотворения Птохопродрома памятниками ранней новогреческой литературы; см. также (Eideneier 1972, 2005a, 2005b; Καπλάνης 2002).

<sup>5</sup> В стихах сентенциальные энклитики также могут оказываться на второй позиции в строке.

<sup>6</sup> В первом стихотворении — 6 из 32.

<sup>7</sup> Подробнее об этой особенности закона Ваккернагеля см. (Циммерлинг 2002: 72–77).

<sup>8</sup> В случае местоимений 2 л. ед. ч. нельзя, правда, всегда быть уверенным, что написание с ударением скрывает под собой именно сильную форму: в издании (Eideneier 1991) местоименные проклитики (практически?) всегда оформляются с ударением.

<sup>9</sup> Т. н. *инфинитивная форма* употребляется при образовании аналитического перфекта на *-ει*, которая, вероятнее всего, восходит к

грамматике Джеффри Хоррокс бегло упоминает о том, что в тексте Птохопродрома инфинитив сохраняется после глагола *φημί* ‘говорить’ (Horrocks 1997: 270). По мнению Хоррокса, сохранение инфинитива объясняется тем, что глагол *φημί* требует после себя архаичную конструкцию, при этом Хоррокс не учитывает тот факт, что даже субстантивированный инфинитив может заменяться конструкцией *να* + форма конъюнктива: *πρὸς τὸ να μάθω γράμματα* (Ptokh. III, 88). Несомненно, в стихотворениях прослеживается тенденция к исчезновению инфинитива<sup>10</sup>, тем не менее, употребление инфинитива у Птохопродрома вовсе не является окказиональным и соответствует определенной системе. Можно выделить несколько семантико-функциональных классов глаголов, после которых употребление инфинитива носит регулярный характер:

➤ **Глаголы желания:** *θέλω εἰπεῖν* (Ptokh. II, 5), *βούλει μαθεῖν* (Ptokh. IV, 348).

➤ **Глаголы со значением возможности:** *οὐ φέρειν δύναμαι* (Ptokh. IV, 46).<sup>11</sup>

➤ **Verba timendi:** *οὐκ εθάρρεις κολυμβάν* (Ptokh. I, 104).

➤ **Глаголы изменения состояния и движения:** *ἤρξατο τοῦ γελᾶν με* (Ptokh. I, 190); *ἔδραμα σὺγκάθισαι* (Ptokh. III, 244).<sup>12</sup>

Во многих индоевропейских языках употребление глаголов, относящихся к вышеуказанным классам, обладает ярко выраженными особенностями: т. н. **verba timendi** требуют после

древнегреческому инфинитиву аориста; см. также (Mackridge 1996: 193–194).

<sup>10</sup> Об этом, в частности, свидетельствует единичное употребление Inf. Aor. Pass. (Ptokh. IV, 649); единственный пример зависимости инфинитива от существительного (Ptokh. I, 41); единичные случаи субстантивации, при этом зачастую перед инфинитивом стоят предлоги *μέχρι* ‘до’ (Ptokh. III, 261), *εἰς* ‘в’ (Ptokh. III, 53), *ἐκ* ‘из’ (Ptokh. IV, 4); очень редки инфинитивы среднего залога; не встречаются независимые инфинитивные обороты; инфинитив не используется для образования аналитического прошедшего времени (со вспомогательным глаголом *ἔχω*).

<sup>11</sup> К данному классу можно также отнести глаголы *ισχύω* ‘быть в состоянии’ (Ptokh. IV, 84); *εξενρίσκω* ‘давать возможность’ (Ptokh. IV, 71); *πολεμῶ* ‘стараться’ (Ptokh. IV, 153).

<sup>12</sup> Сюда можно включить также глаголы *ορμάω* ‘кидаться’ (Ptokh. IV, 17) и *προτρέπω* ‘склонять(ся)’ (Ptokh. I, 262).

себя в латыни и древнегреческом специального придаточного предложения (*боюсь, как бы не*),<sup>13</sup> **глаголы желания** и **глаголы со значением возможности** традиционно относятся к модальным. Показательно, что в английском и немецком языках они требуют употребления инфинитива без интерпозиции показателя инфинитива, что свидетельствует о семантической спаянности управляющего и управляемого глагола. Подобное справедливо и для глаголов движения в немецком, после которых инфинитив употребляется без *zu*. У всех этих на первый взгляд разных по значению глаголов есть одна общая черта: описываемое ими состояние или действие не может быть реализовано внутри самого глагола, а нуждается (с разной степенью обязательности) в дополнительном (внешнем) действии или состоянии, при котором глагол, его выражающий, часто ставится в инфинитиве. Такой инфинитив при **глаголе движения** принято называть инфинитивом цели, однако и в остальных случаях инфинитив необходим для демонстрации следствия действия глагола. Поэтому неудивительно, что инфинитив дольше всего сохранялся именно в сочетании с перечисленными выше глаголами.

Наравне с инфинитивом в стихотворениях Птохопродрома используются новые средства выражения цели и следствия. Более того, аналитическая конструкция начинает преобладать: *δός μοι να προεύσωμαι* (*Ptokh.* III, 119). Таким образом, инфинитив как средство выражения своей исконной инфинитивной функции оказывается избыточен. В результате, в стихотворениях Птохопродрома сосуществуют обе системы, одна из которых использует инфинитив, а другая – аналитическую конструкцию. Нередко встречаются фразы, различающиеся лишь средствами выражения одного и того же лексико-грамматического значения: *μη έχων τί φαγείν* (*Ptokh.* III, 235), *ουκ έχω το να φάω* (*Ptokh.* III, 206).

В ряде случаев два типа конструкций не являются синонимичными: *και τότε [θέλω να σε ιδώ]<sub>1</sub> το πώς [τον θέλεις σύρειν]<sub>2</sub>* (*Ptokh.* IV, 509). В конструкции (1) глагол *θέλω* выступает как полноценный глагол с отчетливым лексическим значением ‘желать’, тогда как в (2) он семантически спаян с несущим основной смысл конструкции инфинитивом и указывает на вре-

<sup>13</sup> Показательно, что в английском глагол *dare* с противоположным значением ‘осмеливаться’ требует инфинитив без *to*.

менную локализацию действия или на специфический модальный оттенок. Широкое распространение форм *θέλω να* для выражения будущего времени впоследствии вытеснило инфинитив и в этой конструкции.

Сосуществование в рамках одного текста старой и новой языковых систем пытались и пытаются объяснить по-разному: Иоаннис Психарис, например, считал, что так отражается развитие разговорного языка (Psichari 1886–1888); Георгиос Хатзидакис, напротив, объяснял, что подобное языковое смешение является результатом того, что образованные поэты старались писать на народном языке, которым они не вполне владели (Hatzidakis 1892: 234–284)<sup>14</sup>. Мне представляется, что причина сосуществования двух разных систем кроется совсем в другом – а именно в том, что существовал особый *поэтический язык* ранней новогреческой поэзии, что я и постараюсь продемонстрировать в своем докладе.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманова Д. Р. Стихотворения Птохопродрома. Курсовая работа. СПбГУ, 2000.
- Кисилиер М. Л. Закон Ваккернагеля в позднем койне (на материале «Луга Духовного» Иоанна Мосха) // ЯРД 6. 2003. СПб., 2006. С. 122–140.
- Пападимитриу С. Феодор Продром. Одесса, 1905.
- Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971.
- Eideneier H. Der PTOCHOPRODRAMOS in schriftlicher und mündlicher Überlieferung // Eideneier H. (Hrsg.). Neograeca Medii Aevi I. 1986. Akten zum Symposion Köln. Köln, 1987. S. 101–119.
- Eideneier H. Ptochoprodromos (Neograeca Medii Aevi V). Köln, 1991.
- Eideneier H. Орθογραφική αναρχία – έλλειψη παιδείας; Ζητήματα орθογραφίας σε μεταβυζαντινά χειρόγραφα // Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα 25. 2005a. Σ. 197–205.
- Eideneier H. Орθοφωμία vs. Орθογραφία // Jeffreys E. M., Jeffreys M. J. (eds.). Approaches to Texts in Early Modern Greek (Neograeca Medii Aevi V. Αναδρομικά και Προδρομικά). Oxford, 2005b. P. 3–16.
- Eideneier H. Σκέψεις σχετικά με το μονотονικό σύστημα // Μαντατοφόρος 14. 1972. Σ. 16–19.

<sup>14</sup> Идею Хатзидакиса поддержали такие знаменитые византилисты, как Карл Крумбахер и Ганс-Георг Бек (Krumbacher 1897: 795–796; Beck 1971: 1–17).

- Fraenkel E. Kolon und Satz: Beobachtungen zur Gliederung des antiken Satzes 1 // Nachrichten der Göttinger Gesellschaft der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse. 1933. S. 319–354.
- Hatzidakis G. Einleitung in die Neugriechische Grammatik. Leipzig, 1892.
- Horrocks G. C. Greek. A History of the Language and its Speakers. London & NY, 1997.
- Janse M. Convergence and Divergence in the Development of the Greek and Latin Clitic Pronouns // Sornicola R., Poppe E., Shisha Ha-Levy A. (eds.). Stability and Change of Word-Order Patterns over Time. Amsterdam, 2000. P. 231–258.
- Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897.
- Mackridge P. H. The Medieval Greek Infinitive in the Light of Modern Dialectal Evidence // Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning. Venice, 1996. P. 191–204.
- Psichari J. Essais de grammaire historique néo-greque (2 t.). Paris, 1886–1888.
- Καπλάνης Τ. Α. Εκδόσεις κειμένων της νεοελληνικής δημόδους γραμματείας και μονοτονικό σύστημα // Κοντυλοφόρος 1. 2002. Σ. 205–235.
- Λεξικό νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 2007.

С. Д. Клейнер

**К этимологии латинских цветообозначений  
flāvus, fulvus и falvus**

Система цветообозначений каждого языка уникальна – одинаковый в физическом смысле фрагмент цветового спектра в разных языках и культурах может определяться совершенно по-разному. Эта проблема существует и для не-специалистов: к примеру, для носителей русского языка передать по-английски различие между ‘синим’ и ‘голубым’ представляет определенную трудность. Особенно остро эта проблема возникает при тесном контакте двух языковых систем. Авл Геллий еще во II в. н. э. размышлял над различиями греческой и латинской систем цветообозначений, доказывая, что латинская система не беднее греческой<sup>1</sup>.

В 1969 году в труде *Basic Color Terms: their Universality and Evolution* Брент Берлин и Пол Кей опубликовали результаты эксперимента, который показал, что, несмотря на все различия, в основе любой системы цветообозначений лежит универсалия, и выделили семь стадий<sup>2</sup>, которые отражают базовые цветообозначения в языке<sup>3</sup> и их соотношенность с физическим спектром.

---

<sup>1</sup> Исследованию греко-латинского билингвизма на основе цвето-наименований в труде Авла Геллия «Аттические ночи» посвящена работа Алессандро Гарчеа: A. Garcea. Gellio, il bilinguismo greco-latino e i nomi dei colori, Roma 2003.

<sup>2</sup> В 1978 году, эта теория была скорректирована Кеем и МакДэниэлом в работе (Kay, McDaniel 610–646); в последние десятилетия тема цветообозначений в различных языках становится всё более популярной. Недавно и в России вышел сборник «Наименования цвета в индоевропейских языках», посвященный данной проблеме.

<sup>3</sup> 1-я стадия (два цвета): черный, белый. 2-я стадия (три цвета): черный, белый, красный. 3-я стадия (четыре цвета): черный, белый, красный, зеленый или черный, белый, красный, желтый. 4-я стадия (пять цветов): черный, белый, красный, зеленый, желтый. 5-я стадия (шесть цветов): черный, белый, красный, зеленый, желтый, синий. На 6-й стадии (семь цветов) добавляется коричневый, на 7-й (от 8-ми до 11-ти цветов) – цвета типа оранжевого, розового, голубого, а также серый. Для индоевропейского, согласно энциклопедии Мэллори и Адамса

Дальнейшие исследования<sup>4</sup> показали, что культурные контакты способны оказать влияние на всю систему цветообозначения.

В ходе эксперимента использовалась система, созданная Альбертом Манселлом в начале XX века<sup>5</sup>. Манселл распределил все возможные оттенки цвета по пяти основным тонам (красный, желтый, зеленый, синий и фиолетовый) и двум градуированным шкалам: светлоты и насыщенности. В результате получился набор из 329 цветных плашек, которые и демонстрировали носителям разных языков Берлин и Кей.

В палитре Манселла количество плашек разных тонов в разных рядах оказывается различным: так, светлых желтых тонов намного больше, чем светлых синих. Это связано с особенностями восприятия человеческого глаза, который реагирует только на 4 первичных хроматических тона: красный, желтый, зеленый и синий. В «теплых» тонах – красном и желтом – глаз видит больше светлых оттенков, чем в «холодных» – синем и зеленом, причем максимум приходится именно на желтый цвет<sup>6</sup>.

Наблюдаемые в латинском языке явления согласуются с системой Манселла: согласно книге Ж. Андре (André), красных обозначений в латыни 28 пунктов (из них 7 – однокоренные *guber*), желтых – 21, зеленых – 9, синих – 8, белых – 7, черных – 6, а серых – 9. При этом «теплые» оттенки разных тонов, судя по всему, смешиваются, поскольку могут контекстуально взаимозаменяться: у того же Авла Геллия, как мы увидим ниже, цвета желтого спектра обозначаются через красный, а слова *fuluus* и *flauus* в отдельных контекстах выступают как синонимы, например, к *gussus*.

---

(Mallory, Adams 114), принято восстанавливать минимум четвертую стадию: черный, белый, красный, желтый и зеленый.

<sup>4</sup> И не только дальнейшие: Нэнси Хикерсон в 1971 г. (Hickerson 257–270) цитирует более раннюю работу Леннеберга и Робертса (1956 г.), где показано, что цветовые категории у индейцев суньи, знающих только свой родной язык, отличаются от цветовых категорий у индейцев-бинлингвов, причем категории последних ближе к английским.

<sup>5</sup> В начале XX века Манселл опубликовал серию книг: *A color notation* (1905), *Atlas of the Munsell color system* (1915) и *A Grammar of Color: Arrangements of Strathmore Papers in a Variety of Printed Color Combinations According to The Munsell Color System* (1921).

<sup>6</sup> См., например, статью Kimball Romney, D'Andrade // *Tarrow Indow* 9720–9725.

Ниже мы попытаемся проследить этимологию и языковую судьбу трех оттенков желто-красного спектра, которые, на наш взгляд, слились в единый крупный кластер и представляют собой любопытный пример контаминации значений.

### FALVUS

Судя по всему, прилагательное *falvus* имеет истоки в германских диалектах алеманского ареала (Фон Вартбург III, 404) и было принесено в латинский язык наемными солдатами уже на закате Римской империи. Оно засвидетельствовано в IX веке: *falvus fulvus elvus color*, (Papias a. 1053), CGL III 245, 23, а также в форме *falbus* в глоссах CGL IV 341a *fulbus falbus*, CGL IV 345a *fulbus falbus hellus*, и глоссе *Falbus: falbus, helbus*<sup>7</sup>.

Источником послужило прагерм. \**falwa-*, двн. *falo*, да. *fealu* (род. п. *fealwes*), дисл. *folr*, готск. \**falb* (восстанавливается из средне-греч. *φάλβας*). Стоит отметить, что в вульгарной латыни развитие *-lv-* > *-lb-* совершенно нормально – о нем свидетельствуют написания вроде *salbus* вместо *salvus* (CIL, VI, 31066), *serbus* вместо *servus* (CIL, VI, 300) и, например, немецкое *Salbei* ‘шалфей’, заимствованное в форме *salbia* вместо *salvia*.

Клюге (Kluege 246) считает, что рейнско-франкск. *falch* ‘корова, буланая лошадь’ и *gfalchet* ‘буланный’ относятся к той же основе, и, как следствие, восходят к и.-е. \**polkos*, откуда лит. *pálšas* и латыш. *palsš* ‘буланный’.

Возможно, эти слова восходят к и.-е. \**pleitos*, откуда ср.-ирл. *liath*, валл. *llwyd*, греч. *πλόος*, скт. *palitāḥ* ‘серый’, да. *fealu*, лат. *pallidus*, церк.-слав. *плавъ* ‘бледный’, рус. *половый*.

Клюге предполагает, что в таком случае мы имеем дело с и.-е. корнем \**pel-*, обозначающим бледные, нечеткие цвета.

В дальнейшем прилагательное *falvus* получило широкое распространение во французских диалектах: ст.-прованс. *falp*, ст.-гаск. *fauf*, фр. *fauve*. К XVIII веку это цветообозначение начинает прилагаться преимущественно к диким животным, живущим в лесу (по признаку их окраски) – а примерно с 1870 года приобретает значение ‘дикий зверь’. Этот семантический сдвиг, в свою очередь, привел к появлению понятия «фовизм»,

<sup>7</sup> Глосса приводится в изданном Г. Ф. Хильдебрандом в 1854 г. *Glossarium Latinum bibliothecae Parisinae antiquissimum*.



обозначающего одно из направлений в живописи авангарда. Никаких связей с цветовой гаммой это понятие уже не имело.

Фонетическое сходство с *faux* (< *falsus*) придало *fauve* коннотацию обмана: ср.-фр. *langue fauve* ‘ложь’ и т. д.

*Falvus* отразилось и в других романских языках: ст.-итал. *falbo* и *falago* ‘буланный’, сиц. *falbu*, корс. *fálu*, порт. *fouveiro* и исп. *hobero* и *ovego*. Этимология суффикса *-ero* в испано-португальском ареале остается неясной. Короминас (*Cogominas* 598–599) приводит два предположения: потеря слога в универбализованном *falvus varius* (что по смыслу соответствует масти с примесью белых волосков), или же гипотетическое латинское образование *\*falvarius* с суффиксом *-arius*. При этом ранние глоссы, как мы видели выше, дают толкование *gilvus* и *helvus*, тогда как далее масть трактуется как соловая – с примесью волосков белого цвета.

Любопытно отметить, что когда во французском языке *fauve* приобрело семантику ‘дикий зверь’, в качестве обозначения цвета и масти лошади уже в XVI веке его заменило испанское заимствование *ovego*, которое в современном французском дало *aubère*.

Стоит упомянуть также и о том, что в английском языке, по данным словаря *Merriam-Webster*, с 1945 года отмечено прилагательное *fauve*, обозначающее интенсивную, яркую окраску.

## FLAUS

Авл Геллий (*Noct. Att.* II, 26), разграничивая *fulvus* и *flauus*, сообщает, что *flauus* е *uiridi et rufo et albo concretus* – то есть, светлее, чем *fulvus*. В качестве примера употребления он предлагает *flautes comae, frondes olearum*. Андре предполагает (*André*: 128), что *viridus* было добавлено Геллием в описание цвета только для того, чтобы объяснить его приложение к листьям оливы. Цвет воды и даже *mare marmore flauo* у Энния в трактовке Геллия объясняется так: пена в сочетании с цветом воды придает морю неровный, «мраморный» цвет.

При этом слово *flauus* обозначает, помимо цвета волос, еще и гриву Хирона: *colla iubae flauentia* (*Met.* XIII, 849), песок: *flaua prorumpit Thybris harena* (*Met.* XIV, 448); золото: *flauo argentum Pariusue lapis circumdatur auro* (*Aen.* I, 592 и др.) – а также является, судя по всему, постоянным эпитетом Цереры (*Georg.* I, 73; *Alb. Tib. Eleg.* I, 1, 15), Минервы (*Met.* II, 749 и др.), Аполлона (*Amores* I, 15, 35), Тибра (*Aen.*, *Hor. Carmina* I, 2),

Ликорма (Ov., Met. II, 245) и даже Рима: *Sed diva flaua et candida Roma, Aesculapi filia nomen novum Latio facit* (Luperc. 1)

Согласно словарю Эрну-Мейе (Е.-М. 239), слово *flauus*, как и *falvus*, было привнесено в латынь легионерами. Это прилагательное, представленное в двн. *blōo*, да. *blæw*, дсакс. *blāo* является результатом развития прагерм. *\*blēwa-* из и.-е. *\*bhleH<sub>1</sub>-wo* от корня *\*bhel-H<sub>1</sub>-* ‘белый’. Точно так же германское слово было заимствовано в латышск. *blāws* ‘голубой’, ит. *biavo*, фр. *bleu* (а оттуда – в англ. *blue*).

В других языковых группах и.-е. корень дал гэльск. *blar* ‘звездочка на лбу зверя’, др.-ирл. *blār*, валл. *blawr* ‘серый’.

При этом не очень понятно, почему при заимствовании из германского начальное *bl-* превратилось в *fl-*. Создается впечатление, что если и имеет смысл говорить о родстве с германской основой, то только через собственно латинское развитие и.-е. *\*bh > f*.

Мэллори и Адамс (Mallory, Adams 641) предлагают рассматривать *flauus* именно как образование от нулевой ступени *\*bhlH<sub>1</sub>-wo-s*, однокоренное *flōrus* (из *\*bhloH<sub>1</sub>-so-s*).

Возможно, стоит рассмотреть *flauus* в связи со следующим словом.

## FULUUS

Словом *fuluus*, судя по латинским классическим текстам, римляне обозначали цвет, близкий к цвету меди: *fuluo pretiosior aere* (Ovid. Met. I, 115), *aere fuluo* (Q. Ennius, Annales 18, 440) и т. д. На Энния опирается и Авл Геллий (Noct. Att. II, 26), говоря о различиях между *flauus* и *fuluus*: *fuluus autem uidetur de rufo atque uiridi mixtus*. То есть, от *flauus* его отличает только отсутствие белого компонента.

Помимо меди Геллий упоминает следующие сочетания, взятые им из римской поэзии:

- fuluam aquilam* (орел)
- fuluam iaspidem* (яшма)
- fuluos galeros* (меховая шапка)
- fuluum aurum* (золото)
- arenam fuluam* (песок)
- fuluum leonem* (лев)

*flammarum fulua et tortiosa uolumina* (пламя) – и всё это из произведений Овидия, Вергилия, Лукреция и т. д.

Помимо этого, Овидий дает характеристику гривы: *equinis fulva iubis* (Met. XII, 89), Вергилий говорит о пламени: *lumine fuluo* (Aen. VII, 76).

Плиний (Nat. Hist. XIV, 80) сообщает, что существует четыре цвета вина: *albus, fuluus, sanguineus, niger*. Из порядка расположения слов можно заключить, что *fuluus* явно светлее алого – и возможно, обозначает темное, насыщенное вино из золотисто-розовых сортов итальянского винограда типа древней лозы *треббиано*. При этом в отличие от *flauus*, *fuluus* никогда не обозначает золотистую ниву.

Андре вслед за Бургером предполагает родство *fuluus* и *fulgor* по употреблению: *fulgor* Варрон возводит к *fulmen* (L.L. V, 70 *ab eo quod ignis propter splendorem fulget, fulgor et fulmen dicta sunt*) – то есть, прилагательное обозначает огненный блеск. Плиний Младший (Epist. VI, 16, 13) употребляет *fulgor* в связи с извержением Везувия. В прозе при описании бронзы и меди *fulgor* употребляется гораздо чаще, чем *fuluus*, очевидно, потому, что подразумевает больше блеска (André 136). Андре заключает, что *fulgor*, как правило, используется для обозначения блеска объектов, обладающих характеристикой *fuluus*. Это обстоятельство говорит о явном семантическом, а возможно, и этимологическом родстве этих слов.

Гипотетическое родство с *fulgor* подразумевает возведение *fuluus* к и.-е. *\*bhel-g-* ‘гореть, сверкать’ и роднит его со словами *flamma* и *fulmen*, а также, возможно, упомянутыми выше днв. *blōo* и лат. *flauus*.

Однако Эрну и Мейе (Ernout, Meillet 223) сводят *fuluus* с группой лат. *holus* с и.-е. начальным *\*ǵh-*: рус. *зеленый*, ст.-сл. *зльчь* ‘желчь’, др.-греч. *χόλος* ‘желчь’, авест. *zāras-ša* ‘и желчь’, днв. *galla*.

Возможно, группа *fuluus* ‘желтый’ вторична по отношению к группе *holus* ‘овощ’ и группе с семантикой ‘желто-зеленый’. В других итальянских языках отмечен *folus* вместо *holus* и сходные фонетические явления, например, фалискск. *foied* = *hodie* (Buck 149). Таким образом, мы можем в ряде случаев предполагать на месте *f-* не и.-е. *\*bh-*, а *\*ǵh-*. Яркий пример тому – замещение *\*h-* начальным *f-* в слове *fel* ‘желчь’, также, судя по всему, различавшемся по диалектам. Это замещение могло привести не только к фонетическому изменению однокоренных слов по аналогии, но и к семантическому сдвигу целой группы лексем.

Историческая фонетика латинского языка позволяет на основании формы *fuluus* реконструировать \**folvus* и далее \**felvus* (Нидерман 57–58, Тронский 83–84). Стоит вспомнить и о прилагательном *helvus*, также передающем семантику цвета красно-желтого спектра и употреблявшемся для обозначения масти быков: *dictum a colore boum, qui est inter rufum et album, appellaturque heluus* (P. F. 88,18) и цвета винограда: *sunt et heluolae <...> neque purpureae neque nigrae, ab heluo, nisi fallor, colore uocitatae* (Col. III, 2, 23), *heluinum uinum* (Plin., XIV, 45). Традиционно его возводят именно к и.-е. \**ǵhel-*, ср. лит. *gel̃tas*, ст.-слав. **жѣлтѣ** ‘желтый’ и т. д. Если оно действительно, как предполагается (Adams, Mallory 654), образовано от «правильной» формы для *fel* – \**hel*, – то не имеем ли мы в случае *fuluus* дублета *helvus*/\**felvus*, испытавшего влияние лексемы *fel*?

\* \* \*

Морфемный анализ группы *fuluus*–*flāvus*–*heluus* позволяет вычлени в них общий, судя по всему, древний индоевропейский суффикс цветообозначения \**-wo-* (André 208). Несмотря на то, что этот суффикс в латинском языке встречается и за пределами этих трех цветообозначений (ср. *rauus*, *gilius* и т. д.), он несомненно способствовал возникновению внутри группы дополнительного фонетического единообразия. Возникновение дублетных форм и вариантов на основании фонетического сходства привело к размыванию семантических границ между двумя изначально различными основами, причем размыванию настолько сильному, что стало возможным использование *flāvus* и *fuluus* одновременно в применении к одному явлению: *inque uicem fuluae tactu flauescit arenae* (Ovid. Met. IX, 36), а также обеспечило почву для быстрого и интенсивного включения в язык фонетически похожего заимствования *falvus*, с которым латыни пришлось столкнуться уже в Средние века.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Наименования цвета в индоевропейских языках / отв. ред. А. П. Васильевич. М.: КомКнига, 2007.  
 М. Нидерман. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949.  
 И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., «Индрик», 2001.  
 J. André. Étude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris, 1949.  
 C. D. Buck. A Grammar of Oscan and Umbrian. LLC, 2005.

- J. Corominas. Diccionario crítico etimológico de la lengua castellana. Madrid, 1954.
- A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1959.
- A. Garcea. Gellio, il bilinguismo greco-latino e i nomi dei colori, Roma 2003.
- Glossarium Latinum bibliothecae Parisinae antiquissimum, ed. G.F. Hildebrand. Goett. 1854.
- Hickerson, Nancy Review of Basic Color Terms // International Journal of American Linguistics 1971. Vol. 37. P. 257–270.
- P. Kay, C. McDaniel. The linguistic significance of the meanings of basic color terms // Language, 1978. Vol. 54/3. P. 610–646.
- A. Kimball Romney, Roy G.D' Andrade, Tarrow Indow. The distribution of response spectra in the lateral geniculate nucleus compared with reflectance spectra of Munsell color chips // PNAS, 2005. Vol. 102/27. P. 9720–9725.
- F. Klüge. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. 23., erweiterte Auflage Berlin; New York, 1999.
- W. P. Lehmann. Theoretical Bases of Indo-European linguistics, Routledge, 1993.
- J. P. Mallory, D. Q. Adams. Encyclopedia of Indo-European Culture. London; Chicago, 1997.
- Merriam-Webster на <http://merriam-webster.com>.
- Meyer-Luebke. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1935.
- Donald A. Ringe. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic: v. 1. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. OUP, 2006.
- A. L. Sihler. A new comparative grammar of Greek and Latin, OUP, 1995.
- W. v. Wartburg. Französisches Etymologisches Wörterbuch, Tübingen 1949.

П. А. Кочаров

**К вопросу о происхождении  
глагольного суффикса -ana- в древнеармянском<sup>1</sup>**

В глагольной системе древнеармянского языка суффикс *-ana-* играет двойную роль – с одной стороны, с его помощью по продуктивной модели образуется презентная основа *-ana-* отыменных глаголов с инхоативным значением, с другой стороны, он содержится в небольшой группе первичных немаркированных семантически глаголов. Вопрос о возможных источниках становления обоих глагольных типов и происхождение самого суффикса *-ana-* до сих пор является дискуссионным.

В классическом грабаре засвидетельствовано более 300 вторичных отыменных глаголов (образованных от существительных, прилагательных и наречий), презентная основа которых образована с помощью суффикса *-ana-*, а аористная – суффикса *-ac'*. Все глаголы этого класса имеют медиальный аорист. Большинство из них имеет инхоативное значение, реже – стативное.

К первичным относятся 10 глаголов, которые можно разделить на три группы:

1) активные переходные: *banam* ‘открываю’, *luanam* ‘мою’, *t'anam* ‘мочу’;

2) медио-пассивные переходные: *imanam* ‘понимаю’, *tořanam* ‘забываю’, *stanam* ‘получаю’;

3) медио-пассивные непереходные: *ent'anam* ‘бегу’, *loganam* ‘купаюсь’, *slanam* ‘мчусь’, *uranam* ‘отвергаю’.

При этом семантически тип (1) соотносится с каузативными формами глаголов на *-uc'anem*, тип (2) – со стативными глаголами с *-a-* сновой настоящего времени, а тип (3) – с медиальными непереходными глаголами, основа настоящего времени которых содержит суффикс *-nu-* и *-č'i-*.

Согласно гипотезе Г. Клингеншмитта (Klingenschmitt 1982: 124), суффикс *-ana-* имеет двойное происхождение. С одной стороны, в небольшой группе глаголов (*banam* (аор. *bac'i*))

---

<sup>1</sup> Автор статьи выражает признательность Л. А. Куликову (Лейденский ун-т, Голландия) за ценные замечания по вопросам типологии залоговой семантики.

‘открываю’, *t'anam* (аор. *t'ac'i*) ‘мочу’ и *stanam* (аор. *stac'ay*) ‘получаю’) *-ana-* восходит, по его мнению, к назальному инфиксу в корнях, оканчивающихся на ларингальный: арм. *bana-* < и.-е. *\*b<sup>h</sup>-ne/ŋ-h<sub>2</sub>-*. С другой стороны, на базе индоевропейских глаголов, образованных от прилагательных с помощью фактивного суффикса *\*-h<sub>2</sub>-* (ср. и.-е. *\*neŋ-o-s* ‘новый’ → *\*neŋ-eh<sub>2</sub>-ti* ‘обновляет’) и развивших из медиальных форм инхоативное значение (акт. «делает новым, обновляет» → мед. «делается новым, обновляется» → инхоат. «становится новым») в протоармянском сформировался класс отыменных инхоативных презенсов с основой на *-a-* (из *\*-ā-* < *\*-eh<sub>2</sub>-*). Из презенса основообразующее *-a-* распространилось на аорист, откуда возникла аористная основа *-a-c'*-. Затем по аналогии с глаголами типа *banam* (през. *bana-* : аор. *bac'*-) у таких глаголов развился презенс на *-ana-*.

Гипотеза Г. Клингеншмитта имеет несколько уязвимых мест. Во-первых, как видно из приведенной выше классификации первичных глаголов на *-ana-*, только три из них имеют каузативное значение, причем все три характеризуются активным аористом, не свойственным остальным глаголам данного класса.<sup>2</sup> Медио-пассивная форма глагола *banam* – през. *banim*, аор. *bac'ay* ‘открываться’, для *t'anam* медио-пассивная форма не засвидетельствована, и только *luanam* имеет медио-пассивную форму – през. *luanam*, аор. *luac'ay* ‘моюсь’, соответствующую продуктивной модели през. *-ana-* : аор. *-ac'-a-* (мед.-пасс.).

В группе медио-пассивных переходных глаголов на *-ana-* (тип 2) к индоевропейскому инфиксальному презенсу может восходить глагол *stanam* (из и.-е. *\*st-né/ŋ-h<sub>2</sub>-*, см. LIV: 536–537). Кроме происхождения он выделяется из своей группы и семантически – остальные глаголы относятся к *verba affectuum* (глаголам, выражающим чувства или мыслительную деятельность) и сближаются, таким образом, с отыменными глаголами с основой на *-a-*. В связи с этим возникает предположение, что исходно глагол *stanam* принадлежал типу I, имел активную форму аориста *\*stac'i* и каузативное значение «отправляю,

<sup>2</sup> Все три глагола образованы путем добавления суффикса *-na-* (*\*-nā-*) к корню. Для *luanam* при этом принимается реконструкция *\*luh<sub>2</sub>-na-* (о развитии ларингала в данном контексте, известном как «Armenian breaking» см. Olsen 1999: 133).

посылаю»<sup>3</sup>. Таким образом, в древнеармянском из трех глаголов, в которых *-ana-* гипотетически может восходить к индоевропейскому назальному инфиксу, только один полностью перешел из активного каузативного в медио-пассивный стативный. Таким образом, представляется маловероятным, что источником аналогии для образования основ на *-ana-* являются индоевропейские инфиксальные основы.

Во-вторых, деноминативным основам настоящего времени на *-a-* в древнеармянском свойственно стативное, реже инхотативное значение, тогда как в каузативном значении они не употребляются. В рамках гипотезы Г. Клингenschmittа требует особого объяснения тот факт, что инхотативное значение медиальных форм основ на *\*-eh<sub>2</sub>-* полностью вытеснило в протоармянском каузативное значение активных форм.

В-третьих, согласно гипотезе Г. Клингenschmittа, *-a-* из основы презенса распространилось на аорист, что противоречит общей закономерности образования презентных основ от основы аориста, наблюдаемой в других глагольных классах, в особенности в классах, где презентная основа образуется с помощью назального суффикса. Редкий пример обратного развития засвидетельствован глаголом *srañnat*, аор. *sparnac* 'ау 'угрожаю' (ср. и.-е. *\*sp<sup>h</sup>r-né-h<sub>1</sub>-*: др.-исл. *sporna* 'отталкиваю', лат. *spernō* 'отвергаю'; см. Klingenschmitt 1982: 111; LIV: 532–533), который из класса презентных основ на *-na-* в результате мета-анализа перешел в класс основ на *-a-* и обновил аорист от презентной основы. Однако этот пример также противоречит гипотезе Г. Клингenschmittа, поскольку в рамках данной словообразовательной модели мы бы ожидали незасвидетельствованную форму *\*banac* 'i вместо *bac* 'i.

Исходя из характерной для протоармянского модели образования новых презенсов от основ аориста, глаголы *banam*, *stanam* и *t'anam* предпочтительнее, вслед за А. Мейе, интерпретировать как основы настоящего времени, образованные от корневых аористов (соответственно *\*b<sup>h</sup>eh<sub>2</sub>-*, *\*steh<sub>2</sub>-* и *\*teh<sub>2</sub>-*) с помощью

<sup>3</sup>Ср. соответствия от того же корня в других языках: лат. *de-stināre* 'предназначать', русс. *поставлять*. Конверсивная функция медио-пассивного залога, возможно, является здесь архаизмом. На существование ее у индоевропейского медиального залога указывает, в частности, вед. *dā-* (акт.) 'давать' : *a-dā-* (мед.) 'брать', *dhā-* (акт.) 'класть' : (*ā*-)*dhā-* (мед.) 'брать', и проч.



суффикса *-na-*, ср. *baṛnam*, аор. *barji* ‘уносить’, *daṛnam*, аор. *darjay* ‘поворачиваться’.

Обратимся теперь к отыменным глаголам на *-ana-*. Этот глагольный тип тесно связан с отыменными и первичными стативными основами на *-a-*. Как убедительно показал Ч. Бартон (Barton 1990–1991: 29–52), к последним относятся главным образом *verba affectuum*. В ряде случаев на базе *-a-* основы этих глаголов с помощью суффикса *-na-* (вероятно из и.-е. *\*-nā-*, полностью утратившего к моменту действия рассматриваемого здесь морфологического процесса связь с инфиксальными основами от корней, оканчивающихся на *\*-h<sub>2</sub>*) были образованы новые презентные основы без изменения семантики: *batj-a-m* (аор. *batj-a-c'ay*) → *batj-a-na-m* (аор. *batj-a-c'ay*) ‘стремлюсь’, *ox-a-m* (аор. *ox-a-c'ay*) → *ox-a-na-m* (аор. *ox-a-c'ay*) ‘негодую’ и проч.

Суффикс *-a-* восходит, скорее всего, к стативному суффиксу, который был продуктивен в дописьменный период для образования *verba affectuum*, ср. *gam* (аор. *eki*) ‘иду, прихожу’ и *zgam* аор. (*zgas'i*) ‘понимаю’; переход последнего в семантический класс *verba affectuum* сопровождался образованием нового аориста на *-ac'* (см. Barton 1990–1991: 32). Примечательно, что аорист на *-ac'* вместо ожидаемого аориста на *-ec'* имеют также три частотных глагола с основами настоящего времени на *-e-* – *gitem* (аор. *gitac'i*) ‘знаю’, *karem* (аор. *karac'i*) ‘могу’ и *asem* (аор. *asac'i*) ‘говорю’. Не вполне ясно, развился ли аорист на *-ac'* у этих трех глаголов под давлением семантически близкого класса стативных *verba affectuum* или он отражает архаичную стативную аористную основу *\*-ā-*, образованную или заместившую архаичную основу перфекта, см. Lamberterie 1982: 33–55.<sup>4</sup> Как было упомянуто выше, протоармянский суффикс *\*-ā-* мог образовывать новые глаголы от именных и глагольных основ, а также сам выступать деривационной базой для вторичных глагольных основ с инхотивным значением, ср. *tatlk-a-m* ‘быть удрученным’ → *tatlk-a-na-m* ‘уставать, падать духом’, что находит параллель в морфологическом развитии и.-е. *\*-ē-* →

<sup>4</sup> Связь древнеармянских стативных основ на *-a-* с индоевропейским перфектом прослеживается в том, что в других индоевропейских языках им иногда соответствуют глаголы со стативным суффиксом *\*-ē-* (*\*-eh<sub>1</sub>-*), ср. арм. *mn-a-m* ‘оставаться’, лат. *manēre* ‘id.’.

\*-ē-sk-, ср. лат. *senēre* ‘быть старым’ → *senēscere* ‘стареть’ (см. Watkins 1973).

Для объяснения представленных выше фактов предлагается следующая гипотеза. От ранней стадии прото-армянского был унаследован суффикс \*-na- с каузативной коннотацией (возможно, собственно каузативный суффикс). В дальнейшем он был обновлен презентным суффиксом -ane- (выражающий каузативное значение, например, при медиальных глаголах на -ni- и -č'i-) и каузативным суффиксом -uc'ane-. Следы суффикса \*-na- сохранились в трех случаях: 1) при основах, оканчивающихся на -r-, где в силу фонетического развития -rn- > -rñ- размылась морфемная граница (ср. *baṙnam*); 2) при стативных основах на -a-, где сочетание суффиксов \*-ā- и \*-nā- развило специфическое инхоативное значение; 3) в трех глаголах, восходящих к корням, оканчивающимся на ларингальный, где -ana- (из \*-(e)h<sub>2</sub>-n(e)h<sub>2</sub>-), несмотря на каузативную семантику, было сохранено под влиянием продуктивного класса инхоативных глаголов на -ana-.

#### БИБЛИОГРАФИЯ:

- Ačaṙyan 197–1979 – Ačaṙyan H. Hayeren armatakan baṙaran. I–IV. Erevan.  
 Barton 1990–1991 – Barton Ch. R. On the denominal *a*-statives of Armenian // *REArm* (NS), 22: 29–52.  
 Jungmann, Weitenberg 1993 – Jungmann P., J. J. S. Weitenberg. A Reverse Analytical Dictionary of Classical Armenian. Berlin; NY.  
 Klingenschmitt 1982 – Klingenschmitt G. Das altarmenische Verbum. Wiesbaden.  
 Lamberterie 1982 – Lamberterie Ch. de. Poids et force: reconstruction d'une racine verbale indo-européenne // *REArm* (NS), 16: 21–55.  
 LIV = Lexicon der indogermanischen Verben. Ed. by H. Rix. Wiesbaden, 1998.  
 Nor baṙgirk' haykazian lezvi. I–II. Ed. by H. Avetikyan, H. Sourmelyan, H. Avgeryan. Erevan, 1979.  
 Olsen 1999 – Olsen B. A. The Noun in Biblical Armenian: Origin and Word-Formation. Berlin; NY.  
 Watkins 1973 – Watkins C. Hittite and Indo-European studies: the denominative statives in -ē- // *Transactions of the Philological Society*, 70: 51–93.

А. Е. Кузнецов

**Cursorem tibi Rufe: неучтенный фрагмент Цезия Басса?**

Третья книга эпиграмм Марциала завершается небольшим стихотворением ‘на посылку’, адресованным некоему Руфу<sup>1</sup>:

Cursōrem sextā tibi, Rūfe, remīsimus hōrā,  
carmina quem madidum nostra tulisse reor:  
imbribus inmodicīs caelum nam forte ruēbat.  
nōn aliter mittī dēbuit iste liber.

Cursor ‘скороход’ – редкое слово в латинской поэзии<sup>2</sup>, поэтому не может быть случайным соединением *cursorem – tibi – Rufe* еще в одной строке, которую мы находим в метрике Афтония (VI 156, 14 GLK):

cursōrem tibi vendō Rūfe servum

В каком отношении находятся эти стихи?

Афтоний приводит пример такой словоделительной схемы фалекия, из которой, переставив трохеическое слово, можно получить сапфический одиннадцатисложник с правильной горячиевой цезурой:

Rūfe cursōrem tibi vendō servum

Этот словоделительный вариант оказывается редким. У Катулла встречаются такие стихи, как 1, 3:

Cornēlī tibi *namque* tū solēbās

– где *namque* не может быть перенесено в начало строки без нарушения грамматической связности. В других случаях трансформированный стих оказывается бесцезурным:

ignis mollibus *ardet* in medullīs (45, 16) → *ardet* ignis mollibus in medullīs.

<sup>1</sup> Личность этого Руфа (он же в III 97) не может быть установлена, см. комментарий Фузи против отождествления с Канием или Камонием Руфом (Valerii Martialis Epigrammaton lib. III ... a cura di A. Fusi. Hildesheim, 2006).

<sup>2</sup> В корпусе РНІ, кроме Плавта (Mer. 123; Poen. 546; Tri. 1023), зарегистрировано у Марциала (III 47, 14; XII 24, 7) и Ювенала (M 52); в Lucret. II 79 cursor – участник состязания в бере.

Не перечисляя всех казусов (см. 14, 6; 14, 7; 46, 5), заметим, что у Катуллы все же можно найти стихи, позволяющие воспроизвести деривацию Афтония:

ōrāclum Iovis *inter* aestuōsi (7, 5) →  
*inter* ōrāclum Iovis aestuōsi  
 mūnus dat tibi *Sulla* litterātor (14, 9) →  
*Sulla* mūnus dat tibi litterātor  
 sīc inquit mea *vīta* Septimille (45, 13) →  
*vīta* sīc inquit mea Septimille

Редкость таких стихов объясняет, почему Афтоний не дает пример из Катуллы, но наличие (хотя бы редких) примеров говорит против того, что фалекий Афтония – вымышленный, поскольку Катулл принадлежит к числу авторов, допущенных в метрики как источник цитат<sup>3</sup>.

Предположив, что фалекий Афтония был искусственным примером, придуманным *ad hoc*, мы сталкиваемся и с другими трудностями. Зачем появляется случайное и непонятное личное имя? Как объяснить сходство с Марциалом? Марциал, в отличие от Катуллы, не принимается во внимание и не упоминается авторами метрических трактатов, поэтому влияние Марциала на Афтония совершенно исключено. Наконец, текст Афтония, сопровождающий пример, близок к формулам, которые вводят цитаты: *denique ut in exemplum trichaeum separatum adferamus, sit versus huius modi...* – сравним: *et ut per ordinem ipsorum trochaeorum iuxta legem phalaecii e carminibus Flacci exempla proferamus, primus sit nobis ille versus...*

Таким образом, фалекий *cursorem tibi* не был искусственным примером, и Афтоний независимо от Марциала цитирует стих, аллюзия на который содержится в *Epigr.* III 100, 1.

Третья книга эпиграмм появилась в 88 г., что дает *terminus ante quem*. Далее, можно установить и *terminus post quem*, хотя и неточный.

Сокращенная форма *vendō* из спондеического *vendō* могла появиться не ранее 20–10 годов I в. до н. э. Старшие поэты эпохи Августа не допускают таких сокращений. У Проперция находим только один пример (III 9, 35), но в *Amores* Овидия сокращенные варианты нередки, в его стихах, написанных в изгнании, их

<sup>3</sup> До 40 упоминаний и цитаций в корпусе метрических авторов Кейля, что далеко превосходит все остальные тексты *Grammaticorum Latinorum*.

число возрастает, расширяется репертуар затронутых сокращениями словоформ у Манилия<sup>4</sup>. Появление *vendō* в единственном, случайно выбранном стихе свидетельствует о высокой частотности сокращений в первоисточнике, который должен относиться к 30–60 гг н. э. с большей вероятностью, чем к предшествующим десятилетиям.

Эти хронологические соображения имеют решающее значение для атрибуции фрагмента, поскольку отсекаются неотерики, априорно наиболее вероятные претенденты на авторство фалекия.

Сложив все эти факты и предположения, мы можем указать на Цезия Басса, как на вероятного автора *cursorem tibi*.

В конце 80-х годов Цезий Басс еще не был забыт, и Марциал мог цитировать его, рассчитывая на понимание.

Принципиальное значение имеет вопрос о присутствии примеров из поэзии Цезия Басса в «*Liber de metris*», учебнике метрики, авторство которой традиция приписывает тому же Бассу. Ранняя (до нас не дошедшая) версия этого учебника была одним из основных источников Афтония.

В каноническом (но весьма спорном) собрании поэтических фрагментов Цезия Басса, помещенном в издании *Fragmenta Poetarum Latinorum*, восемь фрагментов из 10 цитируются анонимно в существующем отрывке из «*Liber de metris*» (*Pseudo-Bassus*), один фрагмент (10) происходит из утраченной части этого же сочинения, и только fr. 1 цитируется с именем поэта независимым от метрической традиции источником (Присциан)<sup>5</sup>. В противоположность издателям FPL, Кёртни дает только фрагмент (из Присциана), полагая, что все анонимные цитаты представляют собой искусственные иллюстрации метрических форм<sup>6</sup>.

---

<sup>4</sup> R. Hartenberger. *De O finali apud poetas latinos ab Ennio usque ad Iuvenalem*. Bonnæ, 1911.

<sup>5</sup> Три издания FPL (Morel 1927, Buechner 1982, Blänsdorf 1995) дают фрагменты Цезия Басса одинаково. Фрагменту 1 был посвящен мой доклад [А. Е. Кузнецов «Лирика» и «Метрика» Цезия Басса // *Индо-европейское языкознание и классическая филология – IX. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского*. СПб., 2005].

<sup>6</sup> E. Courtney. *The Fragmentary Latin Poets*. Oxford, 2003. P. 251. Скептицизм не решает проблему авторства стихотворных фрагментов. Если Цезий Басс был автором метрического трактата (как полагает

Обсуждение этой проблемы выходит за границы настоящего сообщения, и я здесь могу только сформулировать свою точку зрения: (1) «*Liber de metris*» не был написан Цезием Бассом; (2) анонимные примеры в значительной степени были взяты из поэзии знаменитого лирика эпохи Нерона, а не были придуманы неизвестными грамматиками.

Из посвященной Цезию Бассу VI сатуры Персия мы знаем, что поэт, который разрабатывал важные и героические темы, в какой-то момент обратился к шутливой лирике. Из этой шутливой поэзии происходит, вероятно, стих о скороходе, который с пометкой *Dubia* может быть добавлен к собранию фрагментов Цезия Басса.

---

Кёртни), то кто был автором искусственных примеров в этом трактате? Если «*Liber de metris*» редактировался позднее, то отрывки из собственной поэзии Цезия Басса могли войти уже в эту позднейшую редакцию. В любом случае составитель метрического компендия положительно относился к поэзии эпохи Нерона, о чем свидетельствуют цитаты из Петрония (fr. XIX–XXI): согласие Теренциана Мавра и Афтония (fr. XIX, XX) с определенностью указывает на «*Liber de metris*» как на источник этих цитат.

Ю. К. Кузьменко

### Кто такие ситоны в Германии Тацита и почему ими правит женщина?

Заканчивая свой обзор германских «свебских» племен, Тацит упоминает ситонов, которые живут рядом со свионами и которыми управляет женщина: *Suionibus Sitonum gentes continuantur. Cetera similes uno differunt, quod femina dominatur* (Tacit., *Germania*, 45). «К свионам примыкают племена ситонов. Во всем схожие со свионами, они отличаются от них только тем, что над ними властвует женщина». В одной из рукописей (основная В) ситоны написаны с *h* (*sithonum*), в рукописи А используется форма без *h* (*sitonum*) (Much 1967: 516). Мюлленгофф полагает, что именно форма *sitonum* стояла в оригинале, а форма *sithonum* объясняется влиянием названия фракийских ситонян (*sithonii*), известных Овидию и Вергилию (Müllenhoff 1906: 511). У Страбона мы встречаем известных и в римской традиции сидонян (Σίδωνες), которых упоминают Гомер и Зенон и которые живут на земле финикийцев (см. Strabo, 1.3). Однако, скорее всего, ни фракийские ситоняне ни финикийские сидоняне никакого отношения к соседям свионов ситонам не имеют. Встречаются сидоняне (Σίδωνες) и среди бастарнов у Птолемея, но и они вряд ли связаны с ситонами Тацита.

Соседей ситонов свионов традиционно сопоставляют с восточноскандинавским племенем свеев, которые впоследствии вместе с гаутами образовали шведский народ (ср. дрисл. *svíar* pl., дрангл. *swéon* pl., дршв. *svear* pl. и топоним *Svealand* ‘земля свеев’), и нет никаких оснований отказываться от этой интерпретации.

Что же касается соседей свионов ситонов, то определить их этническую принадлежность и этимологию названия народа оказалось не столь просто.

Мюлленгофф полагал, что ситоны не этноним, а неправильно понятый Тацитом германский аппелатив – причастие или отглагольное существительное, имевшее значение ‘сидящие (рядом)’, ср., напр., готское *sitans* (от *sitan*) и особенно дрисл.

*seta* в значении ‘служанка, сидящая рядом с госпожой’ (Müllenhoff 1906: 6)<sup>1</sup>. Исконный текст, форма которого, однако не реконструируется Мюлленгоффом, должен был по его мнению иметь примерно такое содержание: «народом, сидящим за свионами, правит женщина». Таким образом, оказывается, что либо германский информант Тацита говорил по-германски, и Тацит неправильно реинтерпретировал германское слово, обозначающее ‘сидящий рядом со свионами народ, которым правит женщина’, либо, что еще менее вероятно, Тацит использовал в своем латинском тексте германское слово со значением ‘сидящие рядом’. Неудивительно, что интерпретация Мюлленгоффа не была поддержана.

Свеннунг, который считает, что ситоны жили только на восточном побережье Ботнического залива, связывает этноним *sitones* с индоевропейским корнем *\*se(i)-*, *\*si-* ‘низкий, влажный’, считая его переводом финского топонима *Kainuu* ‘низкая земля’ (ср., этноним *kainuulaiset*), обозначающего согласно Свеннунгу восточное побережье Ботнического залива (Svennung 1974: 231). Свеннунг считает, что форма *sitonum/sithonum* образована путем добавления к индоевропейскому корню суффикса *d* (ср., напр., дрисл. *sida* ‘сторона’). Однако в таком случае следовало бы ожидать у Тацита формы «сидоны» (*\*sidonum*), а не ситоны (*sitonum*). Кроме того, германские этнонимы, образованные от этого корня, неизвестны.

Место обитания ситонов (севернее свионов) и упоминание о том, что ими правит женщина, дало повод для идентификации ситонов с квенами (см., напр., Julku 1986: 174, там же литература), народом, обитавшим в раннее средневековье вдоль берега Ботнического залива (Vilkuna 1969; Julku 1986). Юлку считает их южной границей на западном берегу Ботнического залива реку Шелефтео, а на восточном берегу залива – лес Хэме (Häme) или лес Кюро (Kurö) – (Julku 1986, 182). Таким образом, область квенов располагалась вдоль всего побережья Ботнического залива. Неудивительно, что Олав Магнус, который сам объездил северную Швецию, называет их в своей изданной в Риме в 1555 году «Истории северных народов...» (*Historia de gentibus*

<sup>1</sup> Такая интерпретация была, вероятно, заимствована Мюлленгоффом у Цейса, который связывал ситонов Тацита с германским глаголом со значением ‘сидеть’ (гот. *sitan*), не приводя подробной аргументации (Zeuss 1925 (1837), 57). Мюлленгофф однако на Цейса не ссылается.



septentrionalibus...) ботнийцами (*bothnienses*) (Olaus Magnus 1555). Этноним квены и топоним Квенланд<sup>2</sup> известен нам из древнезападноскандинавской литературы, (ср. дрисл. *kvenir*, *kveinir*, *kvænir*; *Kvenland*) и из рассказа норвежца Охтхере, включенного Альфредом Великим в свой перевод истории Орозия (ср. дрангл. *swénaſ*, *Swénland*). И этноним квены и топоним Квенланд связывают с финским топонимом *Kainuu(maa)* и этнонимом *kainulainen*, мн. число *kainulaiset* (см., напр., Zeuss 1925 (1847), 687, Müllenhoff 1906: 9–10; Julku 1986: 171). Топонимы с *kain-*, встречающиеся и на восточном и на западном берегу Ботнического залива, показывают исконную область обитания квенов (Julku 1986: 174)<sup>3</sup>. И хотя нет единого мнения относительно исконного значения топонима *Kainuu(maa)* (ср., напр., Svennung 1967; 1974, Vilkuна 1969)<sup>4</sup>, наиболее распространена интерпретация этой формы как ‘низменности’, ‘низкой земли’ (Svennung 1974: 233).

В античных источниках мы не встречаем ни топонимов типа *Kvenland* или *Kainu(maa)*, ни этнонимов типа *kvenir* или

<sup>2</sup> Квенами называют и современное население северной Норвегии, говорящее на квенском языке, (северозападнофинском диалекте), сходном с диалектом шведских жителей Торнедалена, которые называют свой язык *Mäenkieli* «наш язык». Традиционно считается, что современные норвежские квены появились в северной Норвегии только в XVI веке (ср. Karikoski, Pedersen 1996: 4–5), после того как исторические квены уже исчезли. Однако сообщение Олафа Магнуса о ботнийцах может свидетельствовать о непрерывности квенской традиции.

<sup>3</sup> В одном исландском географическом сочинении говорится о двух Квенландах на севере Скандинавии (ср. *Allfræði íslenzk* 1908: 8–12). Vilkuна интерпретирует эти два Квенланда как восточный (*Österbotten*) и западный (*Västerbotten*) берега Ботнического залива (Vilkuна 1969: 93).

<sup>4</sup> Основываясь на форме *kainus* ‘поперечная балка, на которой крепится пол’, Вилькуна предположил, что это слово могло означать деревянную дубину, атрибут особой группы людей, которые в скандинавской традиции назывались *kylfingar* (ср. дрисл. *kylfa* ‘дубина’), в русской *колбягами* (Vilkuна 1969: 99, 102–115). Область действия этой группы людей, основным занятием которых была торговля и сбор дани с саамов и финнов, – восточное и западное побережье Ботнического залива. О возможной идентификации квенов с колбягами – *kylfingar* писал еще раньше Вилкунд, не предполагая, правда, этимологической связи топонима *Kainu(maa)* со словом, обозначающим дубину (Wiklund 1930: 50).

*kainuulaiset*, но в «Гетике» Иордана упоминается загадочный народ *Viniviloth*. Поскольку в перечислении народов Скандзы у Иордана народ *Viniviloth* оказывается между светидами (*suetidi*), другое название свеев, ср. дрисл. *svíþjóð* ‘народ свеев’, и финнами (т. е. саамами)<sup>5</sup>, то естественно было предположить, что *Viniviloth* это квены. Такой интерпретации способствовало и сходство формы *Viniviloth* с названием квенов. Уже Цейс предложил конъектуру (*Q*)*uinivilos* (Zeuss 1925 (1847), 689), а Свеннунг трактовал *Viniviloth* как искажение формы *\*(c)ainothioth* ‘народ кайно’ (Svennung 1967: 92), предлагая считать первую часть этого слова обозначением квенов (финск. *kainulaiset*). Следуя основному правилу текстологов – исправлять как можно меньше, можно предположить исконную форму *\*quinovilioth*, т. е. *\*quinovi lioth* ‘народ квенов’ (ср. дрангл. *leod*, дрисл. *ljóðr*, *lýðr*, дрвн. *liut* ‘народ’). Форма *quinovi* соответствует форме родительного падежа множественного числа существительных с основой на *-u* (ср., напр., готское *handiwe* gen. pl. от *handus* ном. sg. ‘рука’). Финская форма *kainuu* и должна была в германских языках ассоциироваться именно с существительными с основой на *-u*. Таким образом, исконной формой у Иордана (или у Кассиодора) могла быть форма *\*quinovi lioth* ‘квенов народ’.

Займствованные из финского топоним «Земля квенов» и этноним «квены» были вероятно еще в общегерманскую эпоху переосмыслены как связанные со словом, обозначающим в германских языках женщину (ср., дрисл. *kvaen*, *kvenn-*, дрангл. *swene*, дрвн. *quena*, гот. *quino* < germ. *\*kwinō-*). Вероятно именно такая народная этимология (финск. *kainuu(maa)* > герм. *\*kwinō-(landa)*) и объясняет некоторые фонетические несоответствия между *kainuu* и *\*kwinō*, которые всегда беспокоили лингвистов<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> ...Finni mitissimi; Scandzae cultoribus omnibus mitiores (minores?); nec non et pares eorum Viniviloth; Suetidi, cogniti in hac gente reliquis corpore eminentiores: («..кротчайшие финны (т. е. саамы), наиболее кроткие (низкорослые?) из всех обитателей Скандзы, а также похожие на них виновилот; светиды, известные в этом племени как превосходящие остальных (величиной) тела...») (Иордан 2001: 126). В русском переводе принимается конъектура *minores* ‘более низкорослые’ вместо *mitiores* ‘более мягкосердечные’, предложенная Мюлленгоффом и Моммзенем (см. Иордан 2001: 65, 185)

<sup>6</sup> Финское сочетание *oi* может передаваться шведским *ve*, ср. *Kvevlax* < *Koivulahiti*, однако примеры передачи финского *ai* шведским *ve* неизвестны. Поскольку при сопоставлении финской (*kainu-*) и сканди-

Т. е. фактически с самого момента своего проникновения в общегерманский язык слово получило германскую форму, отражающую не регулярную субституцию финских фонем германскими, а народную этимологию. Такая предлагавшаяся еще в XIX веке народная этимология, см., напр., Zeuss, 1925 (1837) 157, признается справедливой и сейчас (ср. Much 1967: 517; Svennung 1974: 237; Blöndal 1989: 526, 531). Не исключено, что такой интерпретации способствовало не только существование в античной традиции «земли амазонок», но и особое положение женщины на севере Скандинавии, принимавшей вместе с мужчинами участие в охоте, о чем сообщают античные авторы (см. Tacitus, сар. 46) и что подтверждается археологическим материалом (Mulk 1995: 244).

Интерпретация Квенланда как страны женщин отразилась и у Адама Бременского (1075), который говорит о *terra feminarum* и *patria feminarum* на севере Скандинавии (Adam von Bremen 1961: 344–347, 356–357). Именно эта народная этимология и отразилась в представлении Тацита о соседнем со свионами народе, которым правит женщина.

Свеннунг правда полагал, что не следует считать, что народная этимология Квенланд – «Страна женщин» отражена в замечании Тацита о том, что ситонами правит женщина<sup>7</sup>. По его мнению, представления Тацита о ситонах связаны с «общераспространенными неясными слухами о древних временах» (Svennung 1975: 237), однако очевидная идентификация ситонов с квенами и *terra feminarum* Адама Бременского свидетельствуют о связи представлений Тацита о народе ситонов, которым правит женщина, с германской народной этимологией названий квены и Квенланд. Очевидно и то, что чем дальше от северной Скандинавии и Квенланда находились германцы, тем скорее они могли отождествить квеннов с женщинами, а Квен-

---

навской формы (*kven-*, *kvein-*) возникают трудности при объяснении лабиализации в скандинавской форме, предполагалось, что финское слово попало к скандинавам через саамское посредство (Holm 1982: 1932). Однако нерегулярность соответствия *ai* = *ve* могла быть предопределена народной этимологией, связавшей германское отражение финского *kainuu* с германским словом, обозначающим женщину (*kvenna-*).

<sup>7</sup> Так же считает и Перл, см.: Perl 1990: 254.

ланд со страной женщин. В древнеисландском географическом трактате<sup>8</sup> и у Охтхере такого отождествления нет.

Идентификация ситонов с квенами позволяет нам предложить и новую этимологию их названия. Есть ряд несомненных свидетельств тесных контактов между квенами и саамами, сходства их социальной структуры и образа жизни и даже о сходстве их языков. На территории саамов мы встречаем топонимы, восходящие к *kainu*. О сходстве образа жизни и обычаев ботнийцев (квенов) и саамов писал и Олав Магнус<sup>9</sup>. Возможно, что он указывал и на сходство их языков, помещая при перечислении языков северной Скандинавии язык саамов и язык ботнийцев рядом<sup>10</sup>.

В средневековом норвежском сочинении *Hversu Noregr bygdist* «Как заселялась Норвегия» рассказывается, как квены приносили жертвы конунгу Торри, «чтобы был снег и хорошая лыжня, так как от этого зависит их добыча. И эти жертвы приносились в середине зимы» (цит. по Grotenfelt 1909, 5). Все это более похоже на традиции саамов, а не на традиции финнов, которые так же как и скандинавы занимались на рубеже новой эры в основном земледелием. Юлку полагает, что исконное

<sup>8</sup> В исландском географическом трактате (Рукопись AM 194 8VO) различают «Землю женщин (землю амазонок)» (Kvennaland), расположенную где-то на юге и «Землю квенов» (Kvennland) на севере Скандинавии (Allfræði íslenzk 1908: 12, 36)

<sup>9</sup> Olaus Magnus 1555, lib. 3, cap. 8; lib. 4, cap. 4; lib. 4, cap. 7

<sup>10</sup> ...ideoque mirandum non est, quod in ea quintuplicis linguae usus reperitur, Septentrionalium scilicet Lapponum, seu Bothniensium, Moscovitarum, Ruthenorum, Finningorum, Sueonum, ac Gothorum, & Germanorum. (Olaus Magnus 1555, Liber 4, cap. 3, 125). Традиционно при переводе этого места *sei* трактуется как «и», ср., напр.: ...Ist derhalben keyn Wunder, ob man schon fünfferley Sprachen darinnen findet, nemlich der Lappen und der Bothnienser, der Moscobiten, der Reussen, der Finländer, der Schweden und Gothen und der Teutschen. (Olaus Magnus 2006 (1567): 182.) «...поэтому неудивительно, что там на севере находят пять языков, а именно язык саамов и ботнийцев, московитов, русских, финнов а также сеев и готов и немцев». Объединение языков руссов и московитов, а также сеев и готов (т. е. гаутов), представляется очевидным. Вероятнее всего, Магнус объединяет в одну группу и язык лопарей и язык ботнийцев, тем более, что *sei* обычно значит не *и*, а *или* (т. е. следует переводить не «лопарей и ботнийцев», а «лопарей или ботнийцев»).

финское население слилось на северном и западном берегах Ботнического залива с саамским населением и «вошло в систему охотничьих территорий» (Julku 1986: 181)<sup>11</sup>. Такие охотничьи территории назывались «ситами» (в современных саамских диалектах *sijda*, *süda*, *sijt*, *sijtte*, *sita*)<sup>12</sup>. Сита это хозяйственно-территориальное объединение, форма организации экономики, базирующаяся прежде всего на охоте и рыболовстве. «Сита» объединяла несколько семей (предполагаемая численность одной «ситы» 300 человек), охотившихся и ловивших рыбу на огромной, но строго ограниченной территории. Этимология этого слова (ср. финско-саамское \**sijiti* > протосаам. \**sijDe* «сита», но финск. *hiisi*: *hijte* 'капище' [Sammallahti 1998: 263] и археологические данные [см. Zachrisson 1997: 145, там же литература]) свидетельствуют и о том, что «сита» была не только хозяйственным, но и религиозным объединением. Таким образом, «сита» это и объединение людей с единым типом хозяйствования, едиными религиозными обрядами и единым капищем и соответствующая территория, строго ограниченная от территории других «сит»<sup>13</sup>. Археологи считают, что «сита» как форма организации экономики, базирующаяся на охоте и рыболовстве, была характерна для саамского общества на протяжении чрезвычайно длительного периода, начиная с первых

---

<sup>11</sup> Однако при идентификации ситонов с квенами возникает одна проблема. Тацит пишет о том, что ситоны во всем похожи на свионов (кроме того, что над ними влествует женщина). Полагают, что в данном случае имеется в виду и антропологическое сходство, что указывает прежде всего на сходный со скандинавским антропологический тип, распространенный и сейчас в Эстерботтене (Vilkuna 1969: 8). С другой стороны, если верно представление о том, что *viniviloth* Йордана это квены (\**quinovi lioth*), то оказывается, что квены похожи на низкорослых саамов. Однако различное описание ситонов у Тацита и квенов у Йордана может свидетельствовать о постепенной антропологической саамизации ситонов-квенов на западном побережье Ботнического залива. У Тацита они еще антропологически сходны со скандинавами (как и многие финны), а у Йордана они уже низкорослы, как саамы.

<sup>12</sup> Интервокальный смычный, несмотря на то, что он может передаваться в разных саамских письменных традициях и как *d* и как *t*, является в современном саамском глухим смычным и реконструируется для прасаамского как глухой смычный.

<sup>13</sup> Реконструкцию территорий древних «сит» в северной Скандинавии см. Hultblad 1968: 72.

веков до нашей эры и до середины второго тысячелетия нашей эры (Mulk 1995: 1, 11, 254). Такая же структура должна была характеризовать и принявших саамский образ жизни квенов. Поэтому можно предположить, что в этнониме ситоны у Тацита отразилось название народа, живущего в «ситах». К основе \**sijt-* был добавлен латинский суффикс *-on-*, характерный для латинизированных этнонимов. Такое новое образование (*sitonii*) было подкреплено аналогией с известными в античной традиции ситонянами (*sithonii*) и сидонянами (Σιδώνιοι, Σιδώνιοι).

#### Выводы:

1. Ситоны в Германии Тацита соответствуют квенам древнезападноскандинавских и древнеанглийских источников. У Йордана этому народу соответствует этноним *vinoviloth*, который следует интерпретировать как народ квенов (\**qvinovi lioth*). Народная этимология, связавшая название квенов с германским словом для женщины (\**kwinō-*), явилась основанием для утверждения Тацита о том, что ситонами правит женщина.

2. Этноним ситоны связан с обозначением территориальных религиозно-хозяйственных объединений «сит» (\**sijte*), которые были характерны для северной Скандинавии на рубеже н. э., т. е. ситоны Тацита это народ, живущий «ситами».

#### ЛИТЕРАТУРА

- Alfræði íslenzk, 1908: Íslandsk encyklopædisk litteratur 1. Skindbogen AM. 194 8VO (= Samfund til Udgivelse af gammel nordisk Litteratur 37). København.
- Bremen Adam von, 1961: «Bischofsgeschichte der Hamburger Kirche». In: Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der Hamburgischen Kirche und des Reiches. Neu übertr. von Werner Trillmich (= Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters; 11), Darmstadt: 1961.
- Blöndal Magnússon, 1989: Íslenzk orðsifjabók. Reikjavík.
- Grotenfelt K., 1909: Über die alten Kvänen und Kvänland. In: Annales academiae scientiarum fennicae. Ser. B. Tom. 1. Helsinki. 1–19.
- Holm G., 1982: Kväner, Kvänland och kainulaiset. In: Språkhistoria och Språkkontakt i Finland och Nord-Skandinavien. Studier tillägnade Tryggve Sköld den 2. november 1982. Utg. av K.-H. Dahlstedt et al. Kungl. Skytteanska samfundets handlingar 26. Stockholm 1982. 131–144.
- Hultblad F., 1968: Övergång från nomadism till agrar bosättning i Jokkmokks socken. Stockholm.
- Julku K., 1986: Kvenland – Kainuunmaa. Oulu.

- Karikoski E., Pedersen A.-K., 1996: Kvenane / dei finskætta i Norge. Tromsø.
- Much R., 1967: Die Germania des Tacitus. Heidelberg.
- Magnus Olaus, 1555: Historia Olai Magni Gothi Archiepiscopi Vpsalensis, De Gentivm Septentrionalium. Romae.
- Magnus Olaus, 2006. Die Wunder des Nordens. (Hg. von E. Balzamo, R. Kaiser). Frankfurt am Main. (Издание первого немецкого перевода 1567 г. с комментарием).
- Mulk, I.-M., 1995: Sirkas – ett samiskt fångstsamhälle i förändring Kr. F. – 1600 e. Kr. Umeå.
- Müllenhoff K., 1906: Deutsche Altertumskunde. Bd 2. Berlin. 1906.
- Perl G., 1990: Tacitus. Germania. Lateinisch und Deutsch von Gerhard Perl. (Griechische und lateinische Quellen zur Frühgeschichte Mitteleuropas. Bis zur Mitte des 1. Jahrtausends u.z. Hg. von Joachim Herrmann.). Berlin.
- Sammallahti P., 1998: The Saami languages. An Introduction. Kárášjoka.
- Svennung J., 1967: Jordanes und Scandia: kritisch-exogetische Studie. Stockholm.
- Svennung J., 1974: Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern. Uppsala.
- Zachrisson I., et al. (utg.): Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien. (= Monographs/Statens Historiska Museum Stockholm; 4), Stockholm: 1997.
- Zeuss K., 1925 (1937): Die Deutschen und die Nachbarstämme. Heidelberg. (Первое издание München 1837).
- Йордан, 2001: О происхождении и деяниях готы (Getica). Вст. статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. 2 изд. СПб.

О. М. Лазаренко

### Лексические данные как основа относительной датировки отдельных частей Септуагинты

Перевод Библии на греческий язык осуществлялся в течение долгого времени (III–II вв. до н. э.). Между отдельными частями Септуагинты (далее – LXX) отчетливо прослеживаются различия в переводческом методе, стиле и лексике. Точно известно, что первым было переведено Пятикнижие (первая половина III в. до н. э.). Между тем попытка установить относительную датировку переводов обещает привести к положительным результатам.

Критерием определения прямой зависимости одного греческого текста от другого служат совпадения в греческом тексте у различных переводчиков при расхождениях в оригинале. В таком случае можно говорить о цитировании греческого текста более раннего перевода. На зависимость также указывает и использование различными переводчиками одних и тех же греческих слов для определенных еврейских слов. В тех случаях, когда греческое слово не является очевидным эквивалентом еврейского, можно предполагать, что совпадение неслучайно: более ранний перевод использовали в качестве образца. Перейдем к конкретным примерам.

#### 1. Выражение ἡ ψυχὴ ... μελετήσει в Иов. 27.4 и Ис. 33.18a

Во всей LXX существительное ψυχὴ выступает субъектом при глаголе μελετάω лишь дважды – в Иов. 27.4 и в Ис. 33.18a. Рассмотрим эти тексты:

(1) אִם-תִּדְבַר-רָגַל שְׁפָתַי עוֹלָה וְלִשׁוֹנִי אִם-יִדְבַר-הַמָּוֶה

Губы мои не скажут неправды, и язык мой не изречет лжи (Иов. 27.4)

Переводчик свободно трактует второе полустишие и обращает «речения языка» в «помышления души»:<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Ср. с Иов. 6.30, где переводчик вводит идею «размышления», отсутствующую в еврейском тексте.



(2) μὴ λαλήσει τὰ χεῖλη μου ἄνομα, οὐδὲ ἡ ψυχὴ μου μελετήσει ἄδικα

Губы мои не скажут беззаконного, и душа моя не будет помышлять несправедливого

(3) לִבִּי כְּלִי לְרָצוֹן

Сердце твое будет помышлять о [прежних] ужасах (Ис. 33.18a)

(4) ἡ ψυχὴ ὑμῶν μελετήσει φόβον (LXX)

Душа ваша будет помышлять о страхе<sup>2</sup>

В еврейском тексте этих стихов используются два различных существительных, в обоих случаях переданных на греческий словом ψυχή. Употребление ψυχή для перевода еврейского слова לֵב ‘сердце’ – одна из характерных черт греческого перевода Исаии. В девяти случаях переводчик отказывается от буквального перевода καρδιά, очевидно, из стилистических соображений. Употребление слова ψυχή для перевода еврейского רִשׁוֹן ‘язык’ в Иов. 27. 4 объясняется, по-видимому, зависимостью от текста Ис. 33. 18<sup>3</sup>. В том же стихе из книги Иова мы находим еще одну аллюзию на текст Исаии: слова ἄνομος – ἄδικος напоминают пару ἀνομίαν – ἀδικίαν в Ис. 59.3:

(5) αἶ γὰρ χεῖρες ὑμῶν μεμολυμμέναι αἵματι καὶ οἱ δάκτυλοι ὑμῶν ἐν ἁμαρτίαις, τὰ δὲ χεῖλη ὑμῶν ἐλάλησεν ἀνομίαν, καὶ ἡ γλῶσσα ὑμῶν ἀδικίαν μελετᾷ

Руки ваши испачканы кровью, и пальцы ваши – грехами, губы же ваши произнесли беззаконие, и язык ваш упражняется в несправедливости

Еврейские слова, следующие за парами ἄνομα/ἀνομίαν и ἄδικα/ἀδικίαν, различаются в Ис. 59.3 и Иов. 27.4. В книге Исаии используются רָצוֹן и הַלְוָה, а в книге Иов. – הַלְוָה и לִבִּי. Тот факт, что в еврейском тексте использованы разные слова, тогда как в греческом – одно, указывает на то, что переводчик пользовался греческим текстом Исаии или цитировал его по памяти<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> См. ниже о возможном влиянии этого текста на греческий текст Иова 33.15.

<sup>3</sup> Это не единственный случай цитирования греческим переводчиком Иова более ранних переводов. Выражение ἕκτρομα ἕκτροευόμενον ἐκ μήτρας μηρός в Иов. 3.16 – дословная цитата из Числ. 12.12. (указано проф. Т. Муракокой).

<sup>4</sup> Связь между этими текстами усиливается наличием в обоих глагола μελετάω.

Употребление в Иов. 27.4 прилагательного ἄδικος могло быть обусловлено влиянием текста Ис. 59.13b, в котором так же употребляется глагол μελετάω:

- (6) ἐλάλησαμεν ἄδικα καὶ ἠπειθήσαμεν, ἐκούμεν καὶ ἐμελετήσαμεν ἀπὸ καρδίας ἡμῶν λόγους ἀδίκους  
Мы говорили несправедливое и были непослушны, мы зачали и замыслили в сердце своем несправедливые слова

## 2. Выражение τρόμος ἐπελάβετο в Пс. 47(48).7 и Иер. 30.30 (49.24)

В Пс. 47(48).7 и Иер. 30.30 (49.24) употребляется выражение, которое больше нигде в LXX не встречается: τρόμος ἐπελάβετο αὐτῶν (αὐτῆς). Еврейские тексты в Пс. 48.7 и Иер. 49.24 различны (סרררס נררר – в псалме, נררררר שרר – в Иеремии), хотя имеют один и тот же смысл и в обоих случаях верно переданы в LXX. В Псалтири, то глагол ἐπιλαμβάνομαι используется для перевода נרр лишь в Пс. 47(48).7. В других случаях переводчик употребляет глаголы κρατέω (55(56).1; 72(73).23; 136(137).9), проκαταλαμβάνομαι (76(77).5), и κατέχω (118(119).53; 138(139).10). Переводчик Иеремии дважды передает форму Hiphil глагола נרр греческим ἐπιλαμβάνομαι (30.30(49.24); 38(31).32). Используются и другие эквиваленты: κρατέω (6.23), κατέχω (6.24), κατακρατέω (8.5; 27(50).43), κατισχύω (8.21), καταδυναστεύω (27(50).33), ἔχω (27(50).42) и ἐφίστημι (28(51).12). Кроме тождества греческих текстов, обращает на себя внимание и необычный для греческой литературы контекст употребления глагола ἐπιλαμβάνομαι: в словаре Лидделла и Скотта (LSJ) не приводится ни одного примера, когда бы данный глагол употреблялся при описании эмоций<sup>5</sup>. Бесприставочный глагол λαμβάνω часто используется с субъектом, обозначающим эмоции, например страх или гнев<sup>6</sup>. В LXX τρόμος используется как субъект при глаголе λαμβάνω шесть раз (в Исходе, Исаии и Данииле).

<sup>5</sup> Ближе всего к такому употреблению использование глагола с существительным, обозначающим болезнь. Lucianus, Nigr. 29 (см. LSJ, 642).

<sup>6</sup> В LSJ (1026) приводятся несколько примеров со словами μένος, χόλος и τρόμος у Гомера и словом δέος у Платона.

### 3. Выражение ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ в Пс. 34(35). 10 и Иер. 38(31). 11

Выражение ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ встречается лишь дважды в LXX: в Пс. 34(35).10 и Иер. 38(31).11. В Пс. 34.10 Бог восхваляется как ῥυόμενος πτωχὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ ‘избавляющий бедного из руки тех, кто сильнее его’<sup>7</sup>. В книге Иеремии данное выражение употреблено в тексте, возвещающем спасение израильскому народу:

(7) ὅτι ἐλυτρώσατο κύριος τὸν Ἰάκωβ, ἐξείλατο αὐτὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ  
Ибо искупил Господь Иакова, избавил его из руки тех, кто сильнее его

Между соответствующими еврейскими текстами есть большое различие: в Иер. 31.11 сказано מִיַּד מִי שֶׁיָּחֲזֵק מִי ‘из руки того, кто сильнее его’, в Пс. 35.10 отсутствует слово יָּחֲזֵק מִי ‘от того, кто сильнее его’.

Ввиду полного совпадения греческих текстов в Иер. 38.11 и Пс. 34.10, встает вопрос о возможном влиянии одного текста на другой. Это подтверждается следующими соображениями.

В обоих текстах στερεός используется в форме множественного числа, хотя רַחֵם в масоретском тексте стоит в единственном числе. Кроме того, στερεός употребляется лишь дважды в LXX для перевода רַחֵם, а именно, в Иер. 38.11 и Пс. 34.10. Наиболее частотный эквивалент – прилагательное κραταίος (1 раз в Псалтири и 2 раза в книге Иеремии). Также используются слова σφοδρός, ἰσχυρός (1 раз в книге Иеремии), μέγας, δυνατός. Особенно важными представляются те контексты, в которых слово רַחֵם относится к людям. Так, переводчик книги Чисел переводит это еврейское слово греческим ἰσχυρότερος в контексте, где говорится о народах Ханаана (Числ. 13.18, 31). В книге Иисуса Навина 14.11 Халев говорит о себе, что он еще «крепок»: הַיּוֹם רַחֵם יָּחֲזֵק, что в LXX передано как ἔτι εἰμὶ σήμερον ἰσχύων. В Суд. 18.26 Миха видит, что потомки Дана «сильнее его» (וַיִּרְאֵם מִי שֶׁיָּחֲזֵק מִי). В греческом переводе этого стиха в Ватиканском кодексе

<sup>7</sup> *Lectio brevior* (без слова χειρός) в Александрийском кодексе представляет собой редакторскую правку, цель которой приблизить греческий текст к еврейскому оригиналу.

стоит *δυνατώτεροί εἰσιν ὑπὲρ αὐτόν*, а в Александрийском – *ἰσχυρότεροί εἰσιν αὐτοῦ*. Слово *στερεός* в приведенных контекстах не употребляется, возможно, и потому, что оно значит не ‘сильный’, ‘крепкий’, а скорее – ‘твердый’, ‘прочный’. Даже в тех случаях, когда прилагательное *στερεός* оказывается компонентом таких словосочетаний как *сильный человек* (*ἄθλητής*, D.L. 2.132) или *сильные руки* (*βραχίονες*, Theos. 22.48), в значении слова *στερεός* присутствует идея «твердости»; например, *ἄθλητής* описывается как *στερεός* из-за крепости и твердости своих мускулов. Таким образом, употребление слова *στερεός* в Пс. 34.10 и Иер. 38.11 не вполне соответствует греческому узусу и переводческой практике, принятой в LXX.

#### 4. Выражение *(ἐπι)στηρίζω* (τοὺς) ὀφθαλμούς (-όν) в Пс. 31(32).8, Притч. 16.30, Ам. 9.4 и Иер. 24.6

Сходство между вышеуказанными греческими текстами особенно замечательно в виду значительных расхождений между соответствующими еврейскими текстами.

Рассмотрим Пс. 31(32).8:

- (8) יִצְוֶנִי אֱלֹהִים וְיָרִידַנִי בְּדַרְכֵי יְהוָה  
Я вразумлю тебя и наставлю тебя на путь, по которому тебе идти. Я буду руководить [тобой], над тобой око Мое.
- (9) συνετίω σε καὶ συμβιβῶ σε ἐν ὁδῷ ταύτη, ἣ πορεύσῃ, ἐπιστηριῶ ἐπὶ σὲ τοὺς ὀφθαλμούς μου  
Я вразумлю тебя и наставлю тебя на путь, по которому ты пойдешь. Я утвержу на тебя очи Свои (LXX).

Переводчик использует греческий глагол *ἐπιστηριῶ* ‘утвержу’ для перевода еврейского *יִצְוֶנִי* ‘я буду руководить, советовать’. Этот перевод нельзя считать догадкой, основанной на контексте, так как переводчику было известно значение еврейского слова<sup>8</sup>. Вероятнее всего, мы имеем дело с «исправлением» малопонятного еврейского текста. Из-за отсутствия местоименного суффикса при глагольной форме *יִצְוֶנִי* переводчик, по-

<sup>8</sup> В Пс. 16(15).7 *συνετίζω* передает *יָרַד* в значении ‘советовать, наставлять’. В Пс. 62(61).5 переводчик использует глагол *βουλεύομαι*, соответствующий значению ‘планировать’, ‘замышлять’ у глагола *יָרַד*. В Пс. 71(70).10 и 83(82).6 *βουλεύομαι* переводит *יָרַד* в значении ‘совещаться’.

видимому, прочитал последние три слова стиха 8 как одно целое: ‘Я буду советовать на тебя Свои глаза’. Видя необходимость сделать текст более осмысленным, переводчик использовал вместо глагола со значением ‘советовать’ глагол ἐπιστηρίζω, в результате чего смысл последних слов стиха становится понятным: ‘Я утвержу на тебе глаза Свои’ (т. е. *Я буду заботиться о тебе, хранить тебя*). Выражение ἐπιστηρίζω τοὺς ὀφθαλμοὺς не засвидетельствовано в греческой литературе, зато довольно часто встречается в LXX. Вместе со сходным выражением (так же незасвидетельствованным в эллинистической литературе) στηρίζω τὸ πρόσωπον оно используется переводчиками 12 раз. Во всех случаях в еврейском тексте употреблен фразеологизм פָּנִים (פָּנֶה)/עֵינַי עִם (букв. ‘поставить глаза/лицо’, т. е. ‘обратить глаза/лицо напротив кого-либо’ или ‘твердо решить сделать что-либо’, за которым следует инфинитив. Очевидно, глагол (ἐπι)στηρίζω представляет собой почти буквальный перевод еврейского глагола פָּנִים ‘ставить’. В LXX есть и другие варианты буквальной передачи этого глагола в составе упомянутого фразеологизма. Так, употребляются глаголы ἐφίστημι ‘ставить, класть на что-либо’ (Лев. 20.5; Иер. 51(44).11–12), τάσσω ‘ставить, назначать’ (4 Царств. (2 Царей) 12.18; ср. с Дан. 11.17 в редакции Феодотиона), δίδωμι ‘давать’ (Дан. 11.17 (LXX); Иез. 15.7 (текст В)). По-видимому, выражение ἐπιστηρίζω τοὺς ὀφθαλμοὺς не отражает обычного эллинистического койне, но обязано своим существованием авторам LXX. На то, что это выражение еще не было распространено в иудейско-греческой среде к моменту перевода книги Бытия, возможно, указывает свободный перевод фразеологизма פָּנִים (פָּנֶה)/עֵינַי עִם в этой книге (Быт 31.21 – ὄρμησεν и 44.21 – ἐπιμελοῦμαι).

Переводчик книги Левит, переводя фразеологизм буквально, не использует глагол ἐπιστηρίζω. Даже в пророческих текстах, где этот глагол преобладает, встречаются и другие эквиваленты. Так, переводчик книги Иезикииля один раз употребляет безукоризненное (с точки зрения греческой стилистики) выражение ἐπιστρέφειν τὸ πρόσωπον πρὸς τινα<sup>9</sup>. Можно предполагать, что в процессе работы над переводом пророков глагол ἐπιστηρίζω стал восприниматься как наиболее адекватный еврейскому עִם, о

<sup>9</sup> Ср. употребление выражения στρέφειν τὸ πρόσωπον πρὸς τινα. E. Ph., 457.

чем и свидетельствует преимущественное использование именно этого греческого глагола в книгах пророков. Во всяком случае, данное словоупотребление должно было найти отражение в реальной речи грекоязычных евреев. Этим объясняется, почему переводчик Псалтири, «исправляя» еврейский текст, прибег к *необычному* греческому выражению. Видимо, оно не резало слух переводчику Псалмов потому, что он был знаком с ним (или со схожим выражением) по более ранним переводам, например пророческих текстов (Ам. 9.4 или Иер. 24.6).

Переводчик книги Иеремии также обнаруживает зависимость от традиции. Впервые в этой книге выражение  $\sigma\tau\eta\rho\acute{\iota}\zeta\omega$  τὸ πρόσωπον встречается в 3.12. Еврейский текст в данном месте содержит фразеологизм с глаголом  $\פָּלַל$  ‘падать’. Еврейское выражение значит ‘Я не буду суров к тебе’ (дословно: ‘Я не сделаю так, чтобы лицо Мое упало на тебя’). Перевод отклоняется от греческой нормы, но не представляет собой дословного перевода еврейского текста<sup>10</sup>.

Можно предполагать, что при переводе Притч. 16.30 переводчик использовал, *по крайней мере*, греческий и еврейский тексты Псалтири. *Нарах legomenon*  $\פָּלַל$  в Притч. 16.30 графически близок форме  $\פָּלַל$  в Пс. 32.8. Столкнувшись с незнакомым ему словом  $\פָּלַל$ , переводчик Книги Притчей использовал греческий глагол, употребленный (в приставочной форме) в Пс. 31(32).8 для перевода глагола  $\פָּלַל$ , близкого по написанию к гапаксу  $\פָּלַל$ .

Явно неслучайные совпадения в греческом тексте различных библейских книг и общие для разных книг приемы перевода подтверждают предположение о том, что некоторые авторы LXX пользовались более ранними греческими переводами. В частности, приведенные примеры демонстрируют зависимость переводчика книги Иова от греческого перевода книги Исаии, а также взаимосвязь Псалтири и книги пророка Иеремии. Кроме того, можно высказать предположение о влиянии пророческих текстов на Псалтирь и, в свою очередь, Псалтири на Книгу Притчей.

<sup>10</sup> К дословным переводам глагола  $\פָּלַל$  Nihil в LXX относятся: ἐπιβάλλω (Быт 2.21; Ис. 34.17); ῥίπτω (Иер. 45(38).26); ἀπορρίπτω (Суд. 2.19); διαπίπτω (Числ. 5.22); ἐπιπίπτω (Числ. 38.23).

## СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ БИБЛЕЙСКИХ КНИГ:

Ам. – Книга пророка Амоса	Лев – Книга Левит
Быт – Книга Бытия	Притч. – Книга Притчей
Дан – Книга пророка Даниила	Пс. – Псалтирь
Иер. – Книга пророка Иеремии	Суд. – Книга Судей
Иов. – Книга Иова	Числ. – Книга Чисел
Ис. – Книга пророка Исаии	

## ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- Aejmelaeus A. „Rejoice in the Lord!“. A Lexical and Syntactical Study of the Semantic Field of Joy in the Greek Psalter // *Hamlet on a Hill. Semitic and Greek Studies Presented to Professor T. Muraoka on the Occasion of his Sixty-Fifth Birthday* / Ed. by M. F. J. Baasten and W. Th. Van Peursen. Leuven-Paris-Dudley, MA, 2003. P. 501–521.
- Aejmelaeus A. Faith, Hope and Interpretation: A Lexical and Syntactical Study of the Semantic Field of Hope in the Greek Psalter // *Studies in the Hebrew Bible, Qumran, and the Septuagint Presented to Eugene Ulrich* / Ed. by P. W. Flint, E. Tov and J. C. Vander Kam. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 360–376.
- Cook J. Intertextual Relationships between the Septuagint of Psalms and Proverbs // *The Old Greek Psalter. Studies in Honour of Albert Pietersma* / ed. by R. Hiebert, C. Cox, P. Gentry. Sheffield, 2001. P. 218–228.
- Cordes A. Theologische Interpretation in der Septuaginta. Beobachtungen am Beispiel von Psalm 76 LXX // *Der Septuaginta-Psalter. Sprachliche und theologische Aspekte* / E. Zenger (Hrsg.). Herders Biblische Studien. B. 32. Freiburg, Basel, Wien, Barcelona, Rom, New York, 2001. S. 105–121.
- Flashar M. Exegetische Studien zum Septuaginta-Psalter // *ZAW* 32 (1912). S. 81–117, 161–89, 241–68.
- Harl M., Dorival G., Munnich O. *La Bible Grecque des Septante. Du judaïsme Hellénistique au Christianisme ancien*. Paris 1988.
- La Bible d'Alexandrie. XVII. Les Proverbes. Traduction, introduction et notes par David-Marc d'Hamonville*. Paris, 2000.
- Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1940–1968.
- Mozley F. W. *Psalter of the Church: the Septuagint Psalms Compared with the Hebrew, with Various Notes*. Cambridge, 1905.
- Seeligmann I. L., *The Septuagint Version of Isaiah*. Leiden 1948.
- Tov E. The Impact of the LXX Translation of the Pentateuch on the Translation of the Other Books // *Mélanges Dominique Barthélemy, Études bibliques offertes à l'occasion de son 60e anniversaire*. OBO 38. Fribourg-Göttingen, 1981. P. 577–592.
- Van der Kooij A. The Septuagint of Psalms and the first book of Maccabees // *The Old Greek Psalter Studies in Honour of Albert Pietersma* / ed. by R. Hiebert, C. Cox, P. Gentry. Sheffield, 2001. P. 229–247.

В. Л. Макарова

**Сердце благоразумное и сердце волнующееся  
в текстах латинских авторов**

В текстах латинских авторов наряду с анатомическими значениями слова *cor*, *cordis n* 'сердце', встречаются также метафорические значения. С одной стороны, *cor* – *sedes sapientiae*, центр интеллектуальной жизни человека, с другой – *sedes affectuum* – центр эмоциональной жизни, что соответствует той классификации значений лексемы *cor*, которая приводится в Оксфордском словаре латинского языка (OLD 1982). Рассмотрим оба представления в диахронии с тем, чтобы выявленные релевантные признаки лексемы *cor* дополнили ее семантическую характеристику.

Вслед за основным значением *cor* (*сердце* как орган тела) Оксфордский словарь дает ряд переносных значений<sup>1</sup>. В *сердце* локализуются мыслительная и интеллектуальная деятельность человека (3-е значение *cor* согласно OLD). *Cor* (*сердце*) в этом значении представлено на протяжении всей истории развития латинского языка. «Быть умным» в речи римлян выражалось частым в комедиях Плавта фразеологизмом *cor (mihi, tibi, etc.) esse*. Интересен каламбур в беседе двух гетер (комедия «Шкапулка»). Одна из них говорит: Plaut. Cist. 65 at mihi *cordolium* est «Болит у меня *сердце*» – на что следует ответ: Quid? Id unde est tibi *cor*?.. quod neque ego habeo neque quisquam alia mulier, ut perhibent viri «Что? Но откуда же у тебя *сердце*? Нет его ни у меня, ни у других женщин, как утверждают мужчины» (иначе говоря – «ты неумна, как неумны женщины вообще»). Выражение *cor habere* употреблялось в значении «быть умным или

<sup>1</sup> В Оксфордском словаре латинского языка (OLD s. v.) 2-е значение *cor*, *cordis* – *сердце* как центр человеческого существа, памяти и всех ментальных процессов; *ум*, *дух* и *душа*; 3-е значение – *сердце* как место нахождения рассудка, ум, интеллект; 4-е значение – *сердце* как место нахождения воли; 5-е значение – *сердце* как центр эмоциональной жизни человека, место нахождения чувств, эмоций; наконец, 6-е значение – *сердце* как термин для выражения нежности («возлюбленная»).



благоразумным». Цицерон, споря с утверждением Эпикура о том, что от самых ничтожнейших вещей можно получить не меньшее удовольствие, чем от самых дорогих, отвечал так: Cic. Fin. 2. 91 hoc est non modo *cor non habere*, sed ne palatum quidem «это значит *не иметь* не только *ума*, но еще и *вкуса*». В «Сатириконе» Петрония Тримальхион уговаривает своего соотпущенника, обиженного на некоего молодого парня, прекратить ссору: Petr. Sat. 59. 2 tu melior esto ... et tu cum esses caro, сосососо, aequе *cor non habebas* «а ты будь лучше <его> ... ведь и ты, когда был, ко-ко-ко-ко, петушком, также *не был благо-разумен*».

Когда речь идет о понимании, познании явлений и вещей посредством *сердца*, с существительным *cor* употребляются глаголы: *accipere*, *clarescere*, *cognoscere*, *conspicere*<sup>2</sup>. *Corde accipere* – «понимать»: Plaut. Cas.188 hau sati meo *corde accipi querelas tuas* «Плохо я *поняла* твои сетования». *Corde conspicere* – «понимать, осознавать»: Pseud. 769 quantum ego nunc *corde conspicio*<sup>3</sup> meo «как много я теперь *осознаю!*». Лукреций утверждал, что все сущее *познается* или *проясняется* «*сердцем*, сколь бы оно ни было бесчувственным»: Lucr. 4. 44 quamvis hebeti, *cognoscere corde*; 5.1456 alid ex alio *clarescere corde*. *Cor sapere (aliqui)* – «быть мудрым *сердцем*» или «понимать *сердцем*». Следующее утверждение Цицерона построено на игре слов (одно из значений глагола *sapere* – «иметь или ощущать вкус»): Cic. Fin. 2. 24 nec enim sequitur, ut, cui *cor sapiat*, ei non sapiat palatus «отсюда вовсе не следует, что тот, кто имеет мудрое *сердце*, не имеет *вкуса*». У Манилия *cor* встретилось в значении «ум». Вначале, писал автор «Астрономии», люди не имели знаний о мире, и потребовалась напряженная работа ума, чтобы они это знание получили, а время Man. 1. 79 longa dies acuit mortalia *corda* «сделало человеческий *ум* [букв.: смертные *сердца*] изобретательным».

В то же время некоторые значения *cor* соотносятся не с понятием «рассудок», а с понятием «разум» или «интуиция».

<sup>2</sup> Данные глаголы можно рассматривать как семантические примитивы для выражения интеллектуальной деятельности, осуществляемой *сердцем*. Термин «семантический примитив» здесь употребляется вслед за Ю. Д. Апресяном (Апресян 1995: 37–67).

<sup>3</sup> Рукопись В дает consipio «быть в здравом уме, владеть рассудком, быть сознательным» (Plautus 1890: 114).

*Сердце* как «центр интуиции» встречается у авторов, писавших в конце архаического периода. Луцилий во время болезни, находясь в угнетенном состоянии духа, мечтал, чтобы в его теле вновь появилась сила и оно окрепло, подобно тому, как Lucil. 5. 190 *quam vera manet sententia cordi* «неизменно [твердо] оставалось для *сердца* истинное суждение». Интересно в этой связи этимологическое рассуждение Варрона: Varro LL 7. 9 *cortumio* dicitur a cori visu, *cor enim cortumionis* origo «говорят, что *созерцание* происходит от оболочки, *сердце* же – начало *созерцания*»<sup>4</sup>. В классический период это представление получило дальнейшее развитие. В ряде контекстов значение *cor* можно понять как «сердце – центр разума». Согласно Лукрецию Lucr. 1. 737 *ex adyto tamquam cordis responsa dedere sanctius et multo certa ratione magis quam Pythia* «ответы, идущие из сокровенной глубины *сердца*, более верны, разумны и лучше предскажут будущее, чем Пифия». У авторов I в. н. э. *сердце*, как глубоко скрытый *центр* человеческого существа, является источником, от которого исходит энергия; от него зависят состояния всех частей тела. В этом значении *сердце* встречается у Сенеки: Sen. Epist. 95. 64 *cor illud, quo manus vivunt, ex quo impetum sumunt, quo moventur, latet* букв.: «*сердце*, благодаря которому живут руки, от которого они получают порыв, которым они приводятся в движение, – *сердце* глубоко сокрыто».

*Сердце* может быть источником и местом нахождения различных эмоций, чувств, может выражать настроение или особенности характера (в качестве семантического примитива здесь может рассматриваться глагол *sentire*). На протяжении всей истории латинского языка употреблялись устойчивые выражения: *cordi esse (aliqui)* – «быть дорогим, нравиться (кому-либо)», *corde* – «сердечно», *corde amare* – «искренне любить». В комедии Плавта «Шкатулка» гетера Селения говорит о молодом человеке Алкесимархе: Plaut. Cist. 109 *mihi cordi est tamen* «а все же он мне нравится!». У Ливия то же выражение используется в

<sup>4</sup> Слово *cortumio* встречается только у Варрона. Согласно Оксфордскому словарю (OLD 1982), лишь с долей вероятности можно предположить, что оно родственно *cor*. Сам Варрон указывал, что оно употреблялось в речи авгуров в значении «созерцание»: Varro LL 7. 9 *augurem... «conspicione», qua oculorum conspectum finiat. quod cum dicunt «conspicionem», addunt «cortumionem»*. Сравним с санскр. *hydaya-jña* ‘знающий чью-либо сущность’ (Кочергина 1996: 779–780).

известном сюжете о великодушии Сципиона: солдаты привели к Сципиону пленницу небывалой красоты. Узнав, что у нее есть жених, Сципион его позвал и со словами: Liv. 26. 50. 4 ego cum... audiremque tibi eam cordi esse «когда я... услышал, что она тебе нравится» – приказал ее отпустить (взяв, однако же, с жениха слово быть верным римскому народу).

*Сердце*, воплощающее различные чувства или качества характера, чаще всего встречается в поэтическом языке – например, метафора «твердое [укрепленное] сердце». «Я страдаю», – говорит юноша Калидор, на что раб Псевдол дает ему совет: Plaut. Pseud. 235 cor dura «Будь сердцем тверже!». Федр выразил уверенность, что, если его басни попадут в руки людям, не способным оценить его труд, он перенесет это «твердым [укрепленным] сердцем»<sup>5</sup>: Phaed. 2. epil. 18 exitium corde durato feram. *Сердце* может быть жестоким. Медея, представляя, как Ясон станет добычей дракона, говорит: Ov. Met. 7. 32–33 hoc ego si patiar ... || tum ferrum et scopulos gestare in corde fatebor «Если я потерплю это ... || тогда признаю, что ношу в сердце железо и камни». При этом все-таки мягкое сердце воспринималось, как свойственное человеку: Juv. 15. 131 mollissima corda 132 humano generi dare se natura fatetur «говорят, что сама природа дала человеческому роду самые мягкие сердца». В разговорной речи было представлено обращение «возлюбленная»: Plaut. Poen. 367 meum cor, meum mel «мое сердце, мой мед», – уговаривает раб Мильфион строптивую рабыню Адельфасию, чтобы та благосклоннее взглянула на его господина.

В римской литературе рано возникло представление о том, что негативные чувства и переживания вредят сердцу<sup>6</sup>. Забота сравнима со страданием: Plaut. Truc. 455–456 quanta est cura in animo, quantum corde capio dolorem «какая огромная забота в <моей> душе, сколь великое страдание принимаю я сердцем». Забота, если верить Пакувию, «ожесточает сердце» (Pacuv. Trag. 276 lapit cor cura). Страх и ужас, которые могут поселиться в

<sup>5</sup> Ср. рус: *скрепя сердце*.

<sup>6</sup> В наивной картине мира стихийные эмоции – такие, как страх, беспокойство, тоска, зависть, ревность – концептуализируются как враждебная сила, завоевывающая человека извне (Апресян 1995: 54). Отметим также, что среди слов, производных от *cor, cordis*, нет глагола, аналогичного русскому глаголу *сердиться*. Значение *сердиться* передает отложительный глагол *stomachor* (от *stomachus, i m* – ‘желудок’).

*сердце*, ведут человека к гибели: Plaut. Cas. 621–622 *nulla sum, nulla sum, tota, tota occidi, cor metu mortuomst, membra miserae tremunt* «Гибну я, всё, всё погибло, *сердце* умерло от страха, всё мое несчастное тело дрожит». К тем же последствиям ведут наполняющие *сердце* гнев и ярость. Сенека представил нам переживания Медеи накануне рокового шага: Sen. Med. 943 *cor fluctuatur: ira pietatem fugat* «*сердце* бушует: гнев гонит благочестие». Описанию переживаний Медеи предшествует описание бури, которая волнует море и поднимает вверх разбивающиеся друг о друга волны – и такая же буря бушует в ее *сердце*.

Даже столь безобидное (но, безусловно, негативное) переживание, как грусть, способно исказить *сердце*:

saepe etiam lacrimae me sunt scribente profusae,  
umidaque est fletu littera facta meo,  
*corque* vetusta meum, tamquam nova, vulnera novit,  
inque sinum maestae labitur imber aquae. (Ov. Tr. 4. 1. 95).

«Часто, покуда писал, проливал я обильные слезы,  
И становились от них мокры таблички мои.  
Старые раны болят, их по-прежнему чувствует *сердце*,  
И проливается дождь влаги печальной на грудь»  
(Пер. С. Шервинского. Овидий 1979: 55).

Герои литературных произведений стараются спрятать поглубже негативные переживания: Verg. Aen. I. 209 *premit altum corde dolorem* Эней, вспоминая погибших соратников, «подавлял в *сердце* глубокую скорбь».

*Сердце*, в котором поселилось страдание, скорбь или ненависть, закрыто от знания, оно не видит и не слышит: Ass. Trag. 450 *cor ira fervit saesum* «*сердце*, пылающее гневом, слепо». У Апулея встретилось интереснейшее выражение *obstinato corde* – «с упорствующим (или противостоящим) *сердцем*». Луций, слушая рассказы о магии, говорит своему собеседнику: Apul. Met. 1. 3 *tu vero crassis auribus et obstinato corde respuis quae forsitan vere perhibeantur* «ты, верно, закрыв уши и *сердце* [здесь: воздержась *сердцем*], отвергаешь те <положения>, которые представляются вполне правдоподоб-

ными»<sup>7</sup>. У поздних авторов присутствует идея возмездия за недолжные чувства, укоренившиеся в *сердце*. Петроний весьма прозаично разъяснил мифологический образ: Petr. Sat. frg. 25 qui voltur iecur intimum pererrat... non est quem lepidi vocant poetae, sed *cordis* <mala>, livor atque luxus: «коршун, который терзает печень – фантазия поэтов; он – не что иное, как болезнь *сердца*, имя которой – зависть и распутство».

Любовь, как сильное чувство, также приводит *сердце* в движение и может приносить страдания. В комедии Плавта «Привидение» юноша Филолахет под воздействием недостойной любви переживает сердечную боль: Plaut. Mos. 142–143 pro imbre amor advenit <in *cor* meum>, is usque in pectus permanavit, permadefecit *cor* meum «подобно дождю, пришла <ко мне в *сердце*> любовь, проникла до самой глубины груди, промочила мое *сердце*», и теперь 149 *cor* dolet, cum scio ut nunc sum atque ut fui «болит *сердце*, оттого, что знаю я, каков я нынче и каким был я прежде» – рассуждает далее юноша. Появившегося на свет человека, считает он, можно сравнить с только что отстроеным домом; он ощущает собственное разрушение под воздействием порочной любви («меняется погода, крыша гниет от дождей»). В римском традиционном обществе к любви в *сердце* относились настороженно. Катулл, говоря о неукротимой любви Ариадны, которую та носит в *сердце*, употребляет существительное *furor*, -*oris m* – «безумная любовь, неистовство»: Catul. 64. 54 indomitos in *corde* gerens Ariadna furores.

Как показывает разбор примеров, слово *cor* употреблялось во всех падежах. Отметим, что:

1. Nom. *cor* в значении «*сердце* какместилище ментальной деятельности» почти не развит (*cor latet*; *cor est origo*). Устойчивые словосочетания *cor esse* и *cor sapere*, представляющие *cor* в значении «*сердце* какместилище рассудочной и интеллектуальной деятельности», требующие дательного падежа, говорят, на наш взгляд, об изначальной данности индивидууму умного *сердца*<sup>8</sup>. Напротив, *cor* (*сердце*) в значении «*сердце* какмести-

<sup>7</sup> В переводе М. Кузмина: «ты, верно, заткнув уши и заупрямив сердце, так отвергаешь то, что может быть истинной правдой» (Апулей 1988: 113).

<sup>8</sup> Сравним с хетт. *k(a)ratan dai-* «вложить *сердцевину*»; см. у Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванова: «и им боги другую *сердцевину* вложили» (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 800–801).

лице эмоциональной деятельности» чаще всего стоит в номинативе (*cor dolet, fluctuatur, frevit, palpitat, obstinat; cor est caecum, durum, molle, etc.*). Эмоции связаны с телом человека и с его внешними проявлениями. Они выражаются теми же глаголами, что и деятельность *сердца* как органа (*cor dolet, palpitat, а также pulsat, salit, tundit, tremit*).

2. Dat. от *cor* встретился нам в выражении *cordi manere* (значение *cor* как «центра ментальной деятельности») и во фразеологизме *cordi esse (aliqui)* (значение *cor* как «центра эмоциональной деятельности»).

3. Отметим разницу значений употребления аккумулятива от *cor*: *cor* «(*сердца*) как центра рассудка и интеллекта» представлен фразеологизмом *cor habere*; когда речь идет о *сердце* как месте нахождения чувств и эмоций, *cor* (*сердце*) выступает в роли объекта, способного к изменению, в соответствии с волей человека (*cor durare, lapere*).

4. Abl. от *cor* наиболее часто встречается, когда речь идет о «*сердце* как центре интеллектуальной жизни». *Сердце* – инструмент для познания мира (*corde accipere, clarescere, cognoscere, conspicere*). Инструменталис от *cor* встречается и в значении «*сердце* как центр эмоциональной жизни» (*corde amare, capere*). Встречается локатив от *cor* – *сердца* как «вместилища чувств» (*corde permit, in corde (est) furor, ferrum et scopulos, etc.; in cor advenit amor, etc.*).

Для *сердца* как «вместилища рассудочной и интеллектуальной деятельности» (3-е значение *cor* согласно OLD) и «вместилища эмоциональной деятельности» (5-е значение *cor* по OLD) возможно предположить наличие семантических примитивов, которые восходят к значениям *сердца* как места нахождения всех ментальных процессов жизни организма (2-е значение *cor* по OLD) и как анатомического органа.

#### ЛИТЕРАТУРА:

Plautus 1890 – Т. Macci Plauti. Pseudolus. Rec. F. Schoell. T. IV. Fasc. I. Lipsiae: Teubner.

#### Переводы:

Апулей 1988 – Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения. Перевод с латинского. Составление и научная подготовка текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература.

Овидий 1979 – Овидий Публий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта. Издание подготовили М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. М.: Наука.

---

Словари:

- Кочергина 1996 – Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М.: Филология.  
OLD – Oxford Latin Dictionary / ed. by P. G. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Исследования:

- Апресян 1995 – Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. С. 37–67.  
Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индо-европейский язык и индоевропейцы. Тбилиси.

B. Maslov

**De vi nominis simplicis *ᾠδοῦς*  
compositorumque quae in *-ωδοῦς* terminantur<sup>1</sup>**

Quamquam nonnulli censent viri docti antiquiores Graecorum auctores nomen *ᾠδοῦς* haud aliter adhibuisse quam Atticos ποιητής<sup>2</sup>, non satis bene percipiunt, ut opinor, quid illud verbum valuerit. Ei enim qui thesaurum linguae Graecae diligenter inspiciet id planius appareat, nullum melicum poetam hoc nomine aut appellari aut alium poetam ex eorum numero, quos re vixisse scimus, appellare. Nam si eum locum quem Gregorius Nagy (Pindar's Homer, p. 221, 325), quasi hoc usu exceptum, adducit, Pindari Pyth. I 94, cum Aeschlyli Supp. 695 compares, non de poetis loqui sed de eis qui in choro cantant Pindarum accipias. Cum enim se ipsum vel alios poetas dicere vellet Thebanus ille lyricus, σοφούς potius quam ᾠδοῦς diceret.

Apud omnes igitur auctores usque ad Aristotelem, eis solis qui hexametris versibus usi sunt exceptis, hanc duco primam fuisse vim huius nominis: 'cantor' vel, ut clarius dicam, 'is qui poemata, ab aliis condita, cantat'. Sed epicorum poetarum non eadem consuetudo. Nam et Hesiodus et illorum hymnorum quos vocamus Homericorum auctores ᾠδοῦς dixerunt eos qui hexametros non solum cantant, sed etiam condunt. Idem in Odyssea usus. In Iliade autem unicum admodum locum invenimus, quo hoc nomen usurpatum est (XXIV 720), non tamen epicorum poetarum more sed ad primam nominis vim, id est 'cantor', accommodate. Tractantur enim ᾠδοί qui Hectorem mortuum lamentati sunt "like rather inconspicuous craftsmen at hand" (M. Revermann in CQ XLVIII p. 35).

<sup>1</sup> Pleniora perscripsi in dissertatione quam in aedibus Universitatis Californiensis anno MMIX in lucem edere intendo (Classical Antiquity, vol. XXVIII).

<sup>2</sup> E.g. J. A. Davison (From Archilochus to Pindar, p. xix) C. Calame (The Craft of Poetic Speech, p. 33) G. Nagy ("aoidos corresponds to our notion of poet" in Poetry and Prophecy, ed. J. L. Kugel, p. 56; passim in Pindar's Homer).



Qua re vim nominis *ᾄοιδός* ‘poeta’ ad recentiora epica poemata circumscriptam esse intellegimus<sup>3</sup>. Quaerendum igitur, quo modo propria haec vis orta curque nec a melicis nec ab poetis elegiacis petita sit. Hoc etiam consideremus, simplex quidem nomen *ᾄοιδός* rarissime apud scriptores qui oratione soluta usi sunt habitum, composita autem, ut *κιδαρῶδός ἑαλωδός τραγῶδός κωμῶδός*, et valde frequenter. Nam id certe scimus, a Petro Chantraine (*La format. d. noms en grec ancien*, p. 8) atque Ernesto Risch (*Wort. d. griech. Sprache*, p. 198 seq.) viris lingua Graeca eruditissimis confirmati, nomina agentis quae in *-ός* terminantur, ut *τροχός τροφός* etc., e compositis nominibus derivata esse. Sed nullum compositum habemus nomen, quod in *-ῶδός* (vel *-αιδός* quod hexametro aptum esset) terminetur, apud Homerum, qui simplex *ᾄοιδός* iam usurpavit, nec in illis litterarum Graecarum quasi incunabulis, quae Michael Ventris et Iohannes Chadwick primum explicaverunt.

Proposuit enim anno MCMLXV Hermann Koller in *Glotta* XLIII, p. 277 sq., Homericam locutionem *Ἄεσπις ᾄοιδός*, quae idem valuit eosdemque pedes metricos occupavit ac *Ἄεϊός ᾄοιδός*, ex composito nomine \**Ἄεσπιαοιδός* derivatam fuisse. Exstant enim apud recentiores scriptores, cum contractione legitima, *Ἄεσπιῶδός Ἄεσπιῶδέω* (primum in Aeschyli *Agam.* 1134, 1161). Quo nomine in linguam epicorum poetarum, qui ante Homerum floruerunt, translato non solum simplex *ᾄοιδός*, sed etiam adiectivum nomen *Ἄεσπις*, cuius origo non satis est perspicua<sup>4</sup>, explicari possit. Quae mihi cum placeant, etiamdum, num possit verbum legitimum in duo inaudita atque anomala discedi, maxime dubito. Qua re non totam existimo accipiendam H. Kolleri sententiam.

Nam quod antiqui poetae qui hexametris versibus usi sunt *Ἄεσπιαοιδοί*, id est ‘divino quodam spiritu afflati cantores vel poetae’, olim vocati sunt, eo libentius accipio, quod Hesychius, a H. Kollero – mirabile dictu – ignoratus, nomen arcanum *Ἄεσπιαοιδός*, ex epico sane quodam poemate excerptum, ut *ποιητής* interpretatus est. In illud tamen viro doctissimo non consentio, simplex nomen *ᾄοιδός* ex composito *Ἄεσπιαοιδός* derivatum esse. Hoc vero magis duco veritatem attingere, simplex nomen ante exstitisse quam *Ἄεσπιαοιδός*

<sup>3</sup> Cf. J. Grimm in *Lex. d. frühgriech.* Epos vol. 1 p. 982 et A. Ford in *A Study of Early Greek Terms for Poetry: Aoidē, Epos and Poiēsis*, p. 53 sq.

<sup>4</sup> De *Ἄεσπις* E. Hamp in *MSS* XLIII p. 50 similiter censuit ac Koller, sed eum non laudavit.

discessum est, eamque vim habuisse quam apud omnes paene Graecos auctores habuit, id est ‘cantor’. Propria autem vis ‘poeta’, quam apud recentiores epicos poetas (at non in Iliade!) invenimus, ex composito nomine *ῥεσπιαοιδός* orta est.

Quod etiam explorandum est, quo modo simplex nomen *ᾠοιδός* ortum sit, denuo consideremus. Habita apud Homerum multa verba cum *ᾄειδω* composita, ut *διαειδεται* (Il. XIII 277) *ὑπὸ + ᾄειδε* (Il. XVIII 570) *παραειδεν* (Od. XXII 348), in Odyssea etiam nomen actionis *ἔπαιοιδή* ‘carmen magicum’ (XIX 457). Haud dubium quin nomen agentis compositum *ἔπαιοιδός* (*ἔπωδός*), quamquam apud Atticos auctores primum inventum, eo tempore exstiterit quo Homeri poemata condita sunt. Hoc etiam non ignoramus, saepissime apud Homerum composita verba cum particula *ἐπι-* eandem paene vim ac simplicia habuisse, ut *ἐπικλείω* et *κλείω* *ἐπιβουκόλος* et *βουκόλος* *ἐπιβῶτωρ* et *βῶτωρ* *ἐπίουρος* et *οὔρος* *ἐπιποιμήν* et *ποιμήν*. Compositum igitur nomen *ἔπαιοιδός*, ni fallor, illo tempore generalem habuit vim ‘is qui cantat’ potius quam ‘is qui incantat’. Haec duo notiones non distinguuntur omnino in nonnullis linguis (cf. Lat. *carmen*, Hibern. *canaid*, Norv. *lióð*), aliquando in Graeca (vide Soph. Trach. 1000, Ap. Rhod. IV 42, 59, Uwe Dubielzig ad Callimachum fr. 1.1 in Rhein. Mus. CXXXLIII p. 337 seq.)

Itaque simplex *ᾠοιδός* per analogiam derivatum esse intellegimus: nam si *ἔπαιοιδός* cantat *ἔπαιοιδάς*, quem, si non *ᾠοιδόν*, ducerent Graeci viri antiqui cantare *ᾠοιδάς*? (Hoc enim nomen actionis legitimum saepissime apud Homerum invenimus.) Idem ergo de *ᾠοιδός* suadeo quod E. Risch suasit de *ἄμοιβός ἄρωγός σκοπός* quae ex *ἐπημοιβός ἐπαρωγός ἐπίσκοπος* etc. derivata esse proposuit (Wort. d. griech. Sprache p. 198 seq.). Explicat meam coniecturam haec tabula:

	Verbum	Nomen agentis	Nomen actionis
*ante Hom.	(X-) <i>ᾄφειδω</i>	----- <i>ἔπαφιοιδός</i>	<i>ἄφιοιδή</i> <i>ἔπαφιοιδή</i>
Hom.	(X-) <i>ᾄειδω</i>	<i>ᾠοιδός</i> [ <i>ἔπαιοιδός</i> ]	<i>ᾠοιδή</i> <i>ἔπαιοιδή</i>
Attic. auct.	<i>ᾄδω</i> <i>ἐπάδω</i>	<i>ᾠοιδός</i> / <i>ᾠδός</i> <i>ἔπωδός</i>	<i>ᾠοιδή</i> / <i>ᾠδή</i> <i>ἔπωδή</i>

Т. А. Михайлова

### **Зооморфный элемент в огамических именах: к постановке проблемы**

Анализ собственно лексического состава древнеирландских огамических имен практически никогда не являлся самоцелью лингвистического или культурологического исследования. Как правило, надписи, выполненные специфическим огамическим письмом, состоящим из поперечных или косых черт, нанесенных на ребро камня и датируемые IV–VII вв. н.э., анализировались как единственные памятники, иллюстрирующие странно ускоренное развитие ирландского языка определенного периода, в ходе которого осуществился переход от прото-гойдельского к собственно древнеирландскому. Многочисленными являются также работы, посвященные проблеме самого происхождения этой письменности, с одной стороны, а также – затрагивающие прагматику камней с надписями (надгробные или межевые камни), с другой. В том, что касается собственно ономастического материала, то он анализировался лишь с точки зрения структуры самого имени и выявления в нем традиционных индоевропейских, а также – нетрадиционных, предположительно – до-индоевропейских моделей (обзор литературы по вопросу см. в McManus 1997; Королев 1984).

В то же время анализ самого состава двучленных огамических имен представляется не менее интересным, т.к. позволяет реконструировать картину героического мира язычников гойделов на материале ономастических предпочтений знати той эпохи. К тому же, отметим, все дошедшие до нас надписи достаточно надежно прочитаны, а составляющие их имена описаны и вполне хорошо реконструированы с точки зрения этимологической (естественно – с учетом понятных в таких случаях разночтений). Согласно данным Р. Макалистера, чей корпус огамических надписей до сих пор принят в качестве базового (СПС), до нас дошло примерно 800 NP, которые могут послужить материалом для исследования раннегойдельской ономастической номенклатуры. Огамические имена могут быть также соотнесены как с галльским ономастикомом (см. Evans 1967; Schmidt 1957), так и с более поздним, древнеирландским (см. O'Brien 1973; Uhlich 1993).

В качестве «первого шага» в данном направлении исследования пойдем по достаточно традиционному пути и выделим имена с зооморфным элементом, поскольку, как принято считать, именно в них и в их сочетаемости скрывается своего рода культурный код общества архаического типа, ориентированного на «невянущую славу», с одной стороны, и хранящего тотемные пережитки, реализующиеся в архаической метафорике с другой.

Наиболее часто встречающимся элементом огамических имен является основа, обозначающая *пса*, *волка* (по данным Макалистера: 39 имен с этой основой в качестве первого элемента, 14 – в качестве второго, что составляет примерно 5,4 % всего корпуса имен). Специфика огамических имен состоит в том, что все они представляют собой генитивы (упрощенно: X-а сына Y-а), в которых по умолчанию домысливается слово *могила* или *эпитафия*. Поэтому мы не можем с уверенностью реконструировать номинатив соответствующего имени и определить, построено оно по и.-е. модели типа бахуврихи или реализует раннюю и.-е. модель «пёс + определение». То есть, огамическая форма, например, CUNNETAS (300<sup>1</sup>) может быть реконструирована как номинатив – \*k'un-a-neit-s 'песий герой', либо – \*k'ú-ōn neitos 'пес героя', либо даже как двандва: \*k' ú-ōn neit-s 'пес-герой'. Сопоставление с более поздними древнеирландскими именами демонстрирует возможность реализации нескольких типов. Ср. Con-chobar 'песья защита' и Cú Roi 'пес поля (битвы)' (о семантике последнего имени см. Калыгин 2006, 65). Континентальные (галльские) данные реализуют скорее и.-е. бахуврихи (об именах с элементом Cuno- см. Schmidt 1957, 186).

Наличие «дублетов» типа CUNNETAS – NETACUNAS (315), а также – CUNAMAGLI (501) – MAGLICUNAS (446) «пес – князь», как кажется, позволяет предположить наличие ономастических моделей двандва, при которых порядок следования элементов оказывается не релевантным. Более того, мы полагаем, что уточнение модели, по которой строится такое имя как CUNAGUSSOS (107) – «пес силы» или «песья сила», имеет безусловный морфологический интерес, но также не релевантно для реконструкции архаической культурной мифологемы, при которой воин-герой уподобляется могучему псу-волку. В

---

<sup>1</sup> Здесь и далее цифра в скобках указывает на номер надписи по каталогу Р. Макалистера (СПС).

данном случае для нас важнее другое: и.-е. обозначение собственно *волка* в гойдельском было, как принято считать, табуировано и и.-е. обозначение *пса* расширило семантику. Как пишет, например, Кс. Деламарр, «В кельтском название собаки послужило в качестве метафоры, а также – из-за табуирования обозначением также и волка» (Delamarre 2003: 132). См. также аналогичную позицию в работах разных авторов: (Иванов 1964; Иванов 1975; McCone 1986; McCone 1990; Birkhan 1970: 343–387). На самом деле это не совсем так, в др.-ирл. еще сохранялось слово *fael* ‘волк’, в среднеирл. период действительно замененное эвфемизмами *cú allad* ‘дикий пес’ и *mac tìre* ‘сын земли’, к тому же имена с этим элементом не редки для др.-ирл. ономастикона (ср., например, *Faelching* ‘волко-воин’, *Faelgus* ‘волка сила’ и под. (Uhlich 1993: 242–43), имеющие многочисленные германские параллели, см. Топорова 1996: 95–96 при огамическом: CUNAGUSSOS – «пса сила»). Встречается оно и в огамических надписях, однако, гораздо реже, чем слово *пес*: VALATHNI (460), VALUVI (302), VALAVI (452) и др. (всего с элементом *val-* 8 имен). Предположительно, они соотносятся с древнеирландским ономастикомом (см. выше), однако могут интерпретироваться и как восходящие к и.-е. *\*wal-/wla-* ‘владеть, править’, откуда др.-ирл. *flaith* ‘вождь, правитель’ (ряд имен трактуется А. А. Королевым именно так, например, VALAMNI (125) (Королев 1984: 194). Отметим также поздний характер надписей в которых засвидетельствована эта основа: все они, как правило, латинские билингвы, найденные на территории Британии. Само гойдельское *fael* ‘волк’ в свою очередь является заменой собственно и.-е. названия волка, по предположению Покорного, на основе характерного для данного животного воя – *\*wail-os* ‘воющий’ (IEW 1111). При позднем характере образования, можно также предположить соотнесение с ирл. *fuil-feoil* ‘кровь – сырое мясо’ (и.-е. *\*wel-* – IEW, 1144).

Собственно и.-е. обозначение волка имело в кельтском специфическое метафоризованное развитие и предположительно дало основу прил. *злой* – ирл. *olc* (см. McCone 1985, а также LEIA-M,N,O,P: O-20, там же – дискуссия по вопросу). В огамических данных оно засвидетельствовано предположительно только в одном имени, фигурирующем в четырех надписях, три из которых – поздние латинские билингвы или просто латинские надписи: ULCCAGNI (100), VLCAGNVS (370), VLCAGNI (472), ULCAGNI (467). Диминутивный суффикс *-agn*

(др.-ирл. -án) дает общую семантику – «волчонок» или «волчок».

Таким образом, мы можем предварительно констатировать, что ранне-гойдельские представители знати (а именно так по умолчанию мыслятся обладатели имен, закрепленных в огамических надписях) в отличие от древних германцев представляли в собственном осмыслении в первую очередь как псы-хранители земель, жен и стад, но не как волки-разрушители и завоеватели. Более детальный анализ самих имен, содержащих указанный компонент, как мы полагаем, даст ряд интересных наблюдений, подтверждающих наш предварительный вывод («пес-король», «лижущий пес», «зимний пес», «сын пса», «спина пса», «голова пса», «пес-властелин» и проч.).

Продолжая тему «метафора боевой ярости» (от которой мы отказались, говоря об именах, содержащих элемент *nes*), мы можем высказать предположение, что данная традиционная тиро-тема в огамических именах кодируется в элементе LUG-, который традиционно принято связывать с богом Лугом, известным как у островных, так и у континентальных кельтов. Нами было отмечено 11 имен, содержащих данный элемент, причем, как в композитах, так и в редких одночленных именах: LUGA (267), LOGA (65). В то же время еще Э. Мак Нил отмечал, что данное имя совпадает с др.-ирл. генитивом слова *lug* 'рысь' (и-основа), что противоречит историческим данным, поскольку ко времени использования огама в надписях рыси в Ирландии уже не водились и исчезли в результате тотального сведения лесов на острове (MacNeill 1931: 43). Кроме того, как справедливо пишет А. А. Королев, сама форма LOGA является результатом поздних перегласовок, произошедших уже в древнеирландский период (ср., например, *tuig* – *toiga* 'раб – раба' и др.), и «скорее всего, надпись была высечена каким-то грамотеем в конце средневековья, знакомым с формулами огамических надписей» (Королев 1984: 65). Однако, если это и так, сказанное означает то, что само название рыси в ирландском было известно, несмотря на исчезновение животного как вида. Встречается слово *lug* и в среднеирландских текстах, в основном – для обозначения меха, а также – как метафора воина (см. DIL-L: 235). Имена с данным элементом засвидетельствованы также в др.-ирл. период и позднее (см. O'Corrain, Maguire 1981: 125–6), причем Ю. Улих также склонен трактовать их как содержащие элемент *рысь* в качестве метафоры боевого пыла героя (Uhlich 1993: 271–74), см. также: Зеликов 1999, 17). Действительно, если

имена LUGUDECCAS (263), LUGUDECA (286), LUGUDEC (4), LUGUDUC (108) можно трактовать и как «угодный (богу) Лугу», и как «подобный рыси» (-decs, -decas предположительно соотносится с лат. decus, см. историю вопроса в LEIA-D: 31, то сочетания LUGUAEDON (1), LUGADDON (4) однозначно трактуются как «огонь ...», т.е. – «ярость рыси» (естественно, предпочтительнее, чем «ярость Луга»). Ср. также – TRENALUGOS (120) – «сильный, как рысь». Вызывает также сомнение возможность в языческом обществе называния реального человека просто именем божества.

Этимология др.-ирл. *lug* составляет значительную трудность из-за своего вокализма, не дающего возможность непосредственного возведения к и.-е. \**leuk-* ‘блеск, свет’ (при предположенном Покорным смещении *k, k', g* – IEW: 690). Предположительно, еще в до-гойдельский период здесь произошла контаминация с продолжениями и.-е. \**lukw-os* ‘волк’, что проявилось также в ряде галльских имен с элементом *Luc-*, в целом кодирующим идею дикого, опасного животного, ср. также прото-кельтское \**lukot-* ‘мышь’ (ср. также имя пса в саге «Смерть Кельтхара» – *Luch Donn* – ‘Бурый волк’ или ‘Бурая мышь’, но также (?)) «Бурая рысь» (близкий эпитет употребляется и в ряде героических саг по отношению к воину, см.: Николаева 1999: 220). Итак, предположительно, для передачи идеи «боевой ярости» в огамических именах наблюдается тенденция использовать понятия, уже не имеющие реальных денотатов и устаревшие и не совсем понятные носителям апеллятивы.

Другим диким животным, занимающим довольно значительное место в кельтском ономастиконе, является *барсук*, причем в огамических надписях встречаются оба его обозначения: BROCAGNI (316, 372, 478), BROCCAN (187), BROCI (228), BROCC (83) и TAS[E]GAGNI (28). Первое слово не вызывает сомнений ни в этимологии на прото-кельтском уровне (\**brokk-*), ни в семантике – оно всегда обозначало именно барсука, имеет надежные бриттские параллели (валл. *broch*, брет. *broc'h*) и не только сохранилось до настоящего времени, но и использовалось в качестве NP достаточно долго (имя *Brochán* носил, например, друид, которого встретил на Ионе св. Колумба (Ross 1993: 83), но известен и святой с таким же именем – *Броспан*, VII в.). Обильны и галльские параллели – *Brosomagus*, *Brosagnos*, *Brosomaglus* и пр. Сами животные как на континенте, так и на островах всегда являлись объектом охоты ради меха, в то же время – они упоминаются как спутники святых во время от-

шельнической жизни в лесу (см.: Green 1992: 192). Этимология слова не совсем ясна. Предположительно оно соотносится с *bress* 'пестрый' и имеет в качестве основного метафорического значения: грязный, неопрятный; как пишет П. Ламбер «барсук является зверем грязным по самой своей природе» (LEIA-B: 94). Популярность имени «барсучок» может носить апотропеический характер, либо – явиться результатом специфически ласково-критического отношения родителей к маленькому сыну.

Другое имя с предположительной «барсучьей» семантикой сложнее. Форма TASEGAGNI также предполагает диминутив, однако значение корня не совсем ясно. Аpellатив *tadg* в др.-ирл. значил «поэт» (предположительно это значение лежит в основе соответствующего др.-ирл. NP), однако, галльские параллели, с одной стороны (*Tasgetius*, *Moritasgus*), а также сама уменьшительная форма имени позволяет возвести его к протокельтск. \**tazg-* со значением 'барсук' (откуда совр. фр. *tanière* < *tasnière* < \**taxinaria* 'барсучья нора', см. Lambert 1997: 199).

Имена, содержащие компонент EQ-, как кажется, без особого труда возводятся к и.-е. основе, обозначающей коня – \**ek<sup>w</sup>-os*. Сами формы (EQODI (129), EQOD (186), ECHADI (366) демонстрируют характерные денальные основы, предположительно со значением активного причастия, что трактовалось еще Покорным как «имеющий дело с конями» (Pokorny 1948, 57). Однако, более поздняя форма генитива имени *Eochaid* – *Echdach* (при «парном имени» – *Eochu* – *Eochaid*) составляет известную сложность для этимологизации (см. подробное изложение мнений в: Королев 1984: 153). Для нас в данном случае важно, что в качестве «конского» элемента имени использована лексема, обозначающая упряжных коней, как правило – в колесницах, а не слово неясной этимологии (но хорошо засвидетельствованное в кельтском и германском) – *tagc*, которым в др.-ирл. мифологической традиции называлась верховая лошадь (причем – с коннотациями, связанными с Иным миром, см.: Росс 2004: 97).

Среди птиц наиболее сакрализированным являлся у кельтов ворон. Традиционно ворон считался птицей, символизирующей смерть, причем – смерть на поле битвы (что вполне понятно, ср. также многочисленные германские параллели в Birkhan 1970: 470–486). Как пишет, например, М. Грин, «ассоциация ворона с битвой и поражением часто встречается во многих ирландских преданиях» (Green 1992: 88). Однако, она же признает наличие у ворона в мифологии кельтов иной ипостаси: являясь действительно птицей, питающейся мертвой плотью, ворон ассоцииру-



ется с Иным миром и поэтому ему приписывается особая мудрость, умение предвидеть будущее, «что усугублялось способностью ворона имитировать человеческую речь» (Green 1992: 211). Бог Луг ирландского пантеона, бог света и порядка, также имел ворона в качестве постоянного спутника. В то же время, еще античные авторы отмечали, что кельтские друиды предсказывали будущее именно по полету и поведению воронов (см.: O'hOgain 1991: 35). Поэтому мы можем предположить, что содержащие элемент Bran- 'ворон' огамические имена не обязательно отсылают к мрачной метафоре поля битвы и ложа смерти, но могут символизировать мудрость их носителя. Отметим также, что в древнеирландском существовало несколько слов, обозначающих ворона (ворону, а также – сороку, которые не всегда различались). Лексема, традиционно описывающая ворона, пьющего кровь и едящего падаль – скорее *fiach*, причем именно так называется ворон, которого согласно ирландскому переложению мифа о Потопе, Ной первым послал, чтобы узнать, не уменьшился ли уровень вод (см.: LGE-I: 120). Огамические имена используют другое обозначение ворона (BRANAN (88), BRANITTO (29), BRANAD (1082), BRANI (116), BRANOGENI – «Вороном рожденный» (39), которое находит параллели как в ирландском ономастиконе, так и в валлийском (*Bendigaidfran* – «Благословенный Ворон», имя мудрого короля в Мабиногион). Ср., однако, DEBRANI (288) – «плача ворон».

Другие имена, содержащие «птичий» элемент – редки и скорее окказиональны. Это – ENABARR (488) – «птичью голову (имеющий)», EONACAN (440) – «птенчик», а также – CERCC (114) – «курица» (?!), CALIACI (180) – «петух», LLONOC (194a) – «дрозд».

За рамками нашего краткого обзора остаются имена с элементом ERC-, в котором традиционно принято видеть имя неясного божества, но которое в др.-ирл. является апеллативом со сложным значением: 'пестрая корова, оса, форель, ящерица' (видимо, к и.-е. \**perk-* с общим значением пестроты), а также ряд сомнительных прочтений и трактовок типа MEDDOGENI (95) – букв. «медом рожденный», что, возможно, отсылает к перифрастическому обозначению медведя, и ряд других.

В целом мы можем сделать предварительный вывод: в отличие от ономастикона германской архаики, ориентированной скорее на жестокую агрессию, мир гойделов, запечатленный в именах их знати, предстает как направленный на космизацию и упорядочение, domestикацию острова, который, напомним, еще

недавно был отвоеван ими у загадочного субстратного населения.

Все сказанное носит предварительный характер и нуждается в дальнейшей детальной разработке. В нашу задачу входило поставить проблему.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Зеликов М. В. Баскско-кельтские параллели в свете иберо-баскской основы *bel-/bal-* // Язык и культура кельтов. материалы VII colloquium. СПб., 1999.
- Иванов Вяч. Вс. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964. С. 458–461.
- Иванов Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Серия литературы и языка. Т. 34, № 5, 1975. С. 399–408.
- Кальгин В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М., 2006.
- Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.
- Николаева Н. А. Смерть Кельтхара, сына Утехара. Перевод с др.-ирл. и комм. // Атлантика. Записки по исторической поэтике. вып. IV, МГУ, 1999.
- Росс Э. Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб., 2004.
- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Birkhan H. Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. der Aussagewert von Wörtern und Sachen für die frühesten keltisch-germanischen Kulturbeziehungen. Wien, 1970.
- Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise. Paris, 2003.
- DIL – Dictionary of the Irish language. Dublin, 1913 -
- Evans D. Ellis. Gaulish Personal Names. Oxford, 1967.
- Green M. Animals in Celtic Life and Myth. N.Y. 1992.
- IEW – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Berne, 1959–69.
- Lambert P.Y. La langue gauloise. Paris, 1997 (1995).
- LEIA M, N, O, P – Lexique étymologique de l'irlandais ancien. M N O P. Par J. Vendryes. Paris, 1960.
- LEIA-B – Lexique étymologique de l'irlandais ancien. B. Par P.Y.Lambert. Paris, 1980.
- LEIA-D – Lexique étymologique de l'irlandais ancien. D. Par P. Y. Lambert, Paris, 1996.
- LGE-I – Lebor Gabála Érenn. The Book of the Taking of Ireland. Part I. Ed. R. A. S. macalister. London, 1938.
- CIIC – Macalister R. A. S. Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum. Dublin, 1945.

- MacNeill E. Archaisms in the ogham inscriptions // Proceedings of the Royal Irish Academy. Dublin, Ser. C, vol. 39, 1931, 41–48.
- McCone K. OIr. *Olc*, *Luch-* and IE *\*wlk<sup>w</sup>os*, *\*luk<sup>w</sup>os* ‘wolf’ // Ériu, 36, 1985, 171–176.
- McCone K. Werewolves, Cyclopes, Diberga, and Fianna: Juvenile Delinquency in Early Ireland // Cambridge Medieval Celtic Studies, XII, Winter 1986, 1–22.
- McCone K. Hund, Wolf und Krieger bei den Indogermanen // Studien zum Indogermanischen Wortshaig. Ed. W. Meid. Innsbruck, 1990. S. 105–154.
- McManus D.R. A Guide to Ogam. Maynooth, 1997.
- O’Brien M. Old Irish Personal Names // Celtica, X, 1973. P. 215–236.
- O’Corrain D., Maguire F. Irish Names. Dublin, 1981.
- O’hOgain D. Myth, Legend and Romance. An Encyclopaedia of the Irish Folk Tradition. N.Y., London, Toronto, 1991.
- Pokorny J. Zur keltische Namenkunde und Etymologie // Vox Romanica, 10, 1948–49.
- Ross A. Pagan Celtic Britain. Studies in iconography and tradition. London, 1993.
- Schmidt K.H. Die Komposition in den gallischen Personennamen. Wiesbaden, 1957.
- Uhlich J. Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen. Bonn, 1993.

Т. А. Михайлова (Смирнова).

### **Книга Иудифь: проблема композиции**

Любой читатель Книги Иудифь обращает внимание на видимую несообразность ее частей<sup>1</sup>. Композиция, в которой героиня появляется в середине повествования, заставляет задуматься о функции первой части, где разворачиваются события явно фоновые и играющие роль скорее введения, но введение оказывается непомерно растянутым. Эту особенность композиции неизбежно отмечают все комментаторы, не упуская случая высказаться относительно первой части, причем иногда почти резко, «осуждающе» или в лучшем случае иронично<sup>2</sup>.

Основной ход событий таков. Навуходоносор, предпринимает войну против царя Арфаксада и созывает к себе в союзники многие народы, которые отказываются присоединиться к нему. Тогда Навуходоносор сам завоевывает Екбатаны (1) и решает совершить «отмщение всей земле», для чего призывает своего военачальника Олоферна, который отправляется затем в путь (2). Далее следует описание разорительного пути Олоферна (2–3), подошедшего наконец и к Иудее (4), где напуганные жители молятся Богу и готовятся к обороне. Возмущенный этим Олоферн, находясь на подступах к нагорной стране, хочет узнать историю этого народа, для чего призывает к себе Ахиора. Далее идет рассказ об истории Израиля, завершающийся призывом Ахиора снять осаду (5). Разгневанный ассириец

---

<sup>1</sup> Временем создания книги Иудифи считается вторая половина II в. до н. э. Датировка основана на интерпретации многих элементов книги как отсылок – намеренных или неосознанных – к периоду Маккавейского восстания. К настоящему моменту древнееврейский оригинал сочинения утрачен, и мы имеем только греческий перевод, сделанный, вероятно, вскоре после написания оригинала. Приметами времени считается упоминание таких деталей, как венки и тирсы; эллинистическому времени соответствует описанная в книге политическая организация иудеев; Сквозь желание Навуходоносора осквернить иудейские святыни просматривается намек на Антиоха IV Эпифана, а имя «Иудифь» интерпретируется, в частности, как женский аналог имени «Иуда», то есть Иуда Маккавей.

<sup>2</sup> См., например, Dancy 1972: 68; Craghan 1982: 67; Moore 1985: 56.

обещает жестоко разорить страну, а самого Ахиора приказывает отвести в нагорную страну и предать в руки сынов Израиля (6), которые, однако, не причиняют ему вреда. На другой день Олоферн приказывает своему войску осадить подступы к городу Ветулии, через который проходит путь вглубь Иудеи, но такой узкий, что «тесен был проход даже для двух человек» (4:2). Не желая терять своих воинов, Олоферн перекрывает источники воды, чтобы уничтожить жителей города без боя. Мучимые жаждой обитатели Ветулии готовы уже сдаться, но начальник города Озия уговаривает их подождать еще пять дней (7). Наконец появляется и главная героиня. Благодетельная вдова в негодование на жителей города собирается сама в эти пять дней с божьей помощью победить врага, но не открывает старейшинам своего плана (8). Оставшись одна, Иудифь молится (9), а затем облачается в прекрасные одежды и отправляется вместе со своей служанкой в лагерь к Олоферну, где пораженные ее красотой ассирийцы проводят ее к своему предводителю (10). Под предлогом того, что предвидит уже скорую гибель города, так как жители из-за недостатка еды якобы начинают есть запретную пищу и скоро будут наказаны Богом, Иудифь просит разрешения остаться в лагере Олоферна, чтобы в дальнейшем сопутствовать его победам. Заодно она сообщает, что каждую ночь должна выходить в долину совершать молитву (11). Три дня Иудифь пребывает среди ассирийцев, а затем Олоферн призывает ее на пир, где обольщенный ее красотой неумеренно пьет (12). Когда ночью они остаются вдвоем, Иудифь отрубает мечом голову пьяному Олоферну и со своей служанкой относит ее домой в Ветулию (13). Утром, видя отрубленную голову на городской стене, ассирийцы приходят в смятение (14) и отступают. Иудеи же преследуют их и разбивают (15). Заканчивается книга торжественной песнью, прославляющей героиню (16).

Попытки объяснить смысл первой половины предпринимаются многими. Чаще всего ей приписывается функция создания контраста между мужчиной, сильным, жестоким, язычником и женщиной, слабой, праведной, иудейкой. Создают эти главы и общий эмоциональный фон: возрастающий страх перед надвигающейся угрозой. Так или иначе, хотя такая интерпретация, очевидно, верна, в ней отсутствует объяснение того факта, что сама героиня, ради которой, несомненно, и написано все повествование, появляется так поздно.

Решить проблему композиции можно попытаться, в том числе, и с помощью выделения в произведении внутренней схемы или лежащей в основании мифологической модели.

Центральный момент книги Иудифи – это, безусловно, оболщение героиней ассирийского военачальника Олоферна и его убийство. Готовясь к выполнению задуманного, Иудифь предварительно совершает и определенные действия ритуального характера, только после которых приступает к действию. Первая часть ее подготовки – покаянная молитва. Затем следует переодевание героини, снимающей одежды вдовства и надевающей праздничный наряд и украшения. После того, как, соблазнив и напоив Олоферна, Иудифь отрубает ему голову, Город оказывается спасенным. Избавление, таким образом, приходит через *обольщение*, и оно является кульминацией действия не случайно. Подробный мифологический анализ этого мотива мы можем найти в статье О. М. Фрейденберг «Миф об Иосифе прекрасном». Предметом изучения становится определенная мифологическая модель, суть которой такова: «замужняя женщина заманивает в любовные сети целомудренного юношу, терпит неудачу и клеветает на невинного своего мужу, мстящему смертью. В эпилоге, обычно, юноша избегает смерти, а козни женщины получают заслуженную кару» (Фрейденберг 1932: 137). Такая схема встречается в некоторых сюжетах полностью, но чаще – в виде усеченном и измененном. В таком случае она сводима и к совсем сжатой формулировке: оболщение опытной женщиной некоего мужчины. При этом финал остается открытым: сюжет может завершиться тем, что герой поддается соблазнению, либо же конфликт разрешается смертью: умирает либо сам герой, либо его семантический двойник. Истоки этого сюжета Фрейденберг видит в мифе о земле, которая, оставаясь без влаги, начинает действовать активно, заставляя небо дать желанный дождь. Соединение с землей с одной стороны дает линию сюжетов о браке героев, с другой же стороны уход в землю может осмысляться и как смерть, причем оба варианта иногда реализуются в мифе одновременно. Оставшаяся без влаги земля тоже переживает «умирание», что может быть выражено в соответствующем сюжете. Иной вариант обозначения бесплодной земли – это воплощение ее в героине-девственнице. «Нерождающая женщина, земля, передается в образах «старухи», «вдовы», или «девы» (Фрейденберг 1932: 146). В несколько измененной и редуцированной форме в основе книги Иудифи лежит, как кажется, тот же самый мотив. Обольщение здесь не

только присутствует, но является основой сюжета. Главная героиня – Иудифь – действует по всем правилам «своего» мифа. Она подготавливается, украшается, заманивает Олоферна в ловушку и соблазняет. И если мы не видим самого соединения героев, то причиной тому позднейшая мораль и религиозная этика. Наш сюжет идет по пути альтернативной концовки и выбирает для финала смерть героя и целомудрие героини.

Если бесплодная земля, согласно трактовке Фрейденберг, может быть воплощена в образе девы, вдовы или старухи, то Иудифь представляет собой одно из этих воплощений. Это та самая опытная женщина, земля, неродящая именно сейчас. Параллелизм героини и земли в данном случае не просто теоретическая реконструкция архетипической модели. В книге Иудифи все более конкретно. Земля в данном случае – это не земля *вообще*, а один конкретный город, Ветулия. Ассирийцы, осадив его, перекрывают не подвоз пищи, а именно источники воды. Город страдает от жажды, о чем напрямую говорится в тексте: «у всех жителей Ветулии истощились все сосуды с водою, опустели водоемы, и ни в один день они не могли пить воды досыта, потому что давали им пить мерою. И уныли дети их и жены их и юноши, и в изнеможении от жажды падали на улицах города» (7:20–22). Как отмечают исследователи, Олоферн, обладая могучим войском, тем не менее, не пытается атаковать город. Он изводит его только жаждой. Высушенная земля выведена в этом мифе абсолютно отчетливо, и нам даже не нужно демифологизировать какой-либо иной образ.

Соответствие Иудифи своему городу проявляется различно. Олоферн, желая захватить город, предьявляет притязания и на героиню. Находясь в лагере у Олоферна, Иудифь должна решить двойную задачу: спасти и Ветулию, и себя. Видимая доступность обеих оборачивается для Олоферна неожиданным отпором. Победив врага, Иудифь возвращается назад, чтобы жить в спокойствии до конца своих дней. Она остается неприступной, и автор сообщает, что «мужчина не познал ее во все дни ее жизни с того дня, как муж ее Манассия умер» (16:22). Таким же недоступным остается и город. В последней фразе Книги сказано: «И никто более не утрашал сынов Израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее» (16:25). Таким образом, защитившись, обе «героини» оказываются недоступными. Объединяющим мотивом становится и аллегоричность имен. «Иудифь» – «Еврейка», и выбор такого имени, снимая конкретность, делает ее олицетворением не просто еврейских

женщин, но и земли евреев. Можно думать, что само название города «Ветулия» символично. Название появляется в рукописях под разными вариантами, что дает возможность нескольких интерпретаций. Так, одна из них предлагает переводить это слово с еврейского как «Дева», что могло бы стать близкой параллелью к «Иудифи»: целомудренная вдова защищает неприкосновенность города-Девы. Другие варианты дают иные переводы: «Возвышенное жилище» или «Дом Бога». Так или иначе, иносказательность названия признается большинством исследователей. Как уже было сказано выше, финал книги выбирает не воссоединение, а смерть. Как пишет Фрейденберг, «Соединиться с землей для оплодотворения – значило уйти в землю, а уйти в землю столько же означало смерть, сколько и брак. И миф был очень последователен, когда заставлял всех богинь, олицетворявших землю-мать, землю-женщину, умерщвлять своих оплодотворителей; смерть мужей – это брак с мужьями» (Фрейденберг 1932: 151). В Книге Иудифи умирает сам Олоферн. Миф подразумевает элемент цикличности, как отражение цикличности самой природы. В тексте, конечно, нет воскрешения Олоферна, но можно предположить, что он есть очередное воплощение некоего «мужа» Иудифи, умирающего и возрождающегося. В определенном смысле слова, Иудифь «убивает» своих супругов. В другой своей работе Фрейденберг рассуждает об образе блудницы и пишет: «подлинная семантика 'блудницы' раскрывается в том, что она, как и 'спаситель', связана с культом города и с победой как избавлением от смерти» (Фрейденберг 1997: 79). Иудифь, соблазняющая Олоферна и спасающая город, в некотором смысле является воплощением такой блудницы. Продолжая мысль, Фрейденберг замечает: «'вино' есть метафора брака <...> в нем одном заключен образ плодородия. И Юдифи, как Порне, сопутствует опьянение и жертвоприношение. <...> Это все тот же развернутый в различные метафоры образ, который параллельно в олицетворении хлеба и вина присутствует в обрядах евхаристии и Пасхи. Ведь Афродита – богиня плодородия, а муж Юдифи (т. е. дублер Олоферна) умирает во время жатвы ячменя» (Фрейденберг 1997: 80). В каком-то смысле, «жатву» совершает и сам Олоферн. В начале произведения, по приказу царя он, подобно библейскому Иосифу, отправляется обойти землю. «Собирает» он не совсем зерно, а скорее народы, но кроме них и все, что еще возможно. Например, мирные финикийские вестники приходят к завоевателю, в частности, с такими словами: –



«вот перед тобою: и селения наши, и все места наши, и все нивы с пшеницею, и стада овец и волов...» (3: 3). Все действие происходит во время жатвы, что специально отмечается, усиливая тем самым жестокость Олоферна, который «собирает» зерно, отнимая, сжигая его. Если в некоторых городах он сжигает пашню, то жители Ветулии оказываются в этом смысле удачливее, успевая собрать урожай<sup>3</sup>. В данном случае, как мы видели ранее, опасность составляет не отсутствие пищи, а нехватка воды. На первый взгляд Книга Иудифи в целом достаточно полно воплощает описанную выше мифологическую модель, предложенную Фрейденберг. Существуют, однако, и отклонения. Так, Олоферн не является целомудренным, а Иудифь – не опытная женщина, а строгая вдова. Отчасти, можно утверждать, что здесь мы имеем дело со «снятыми» формами мотива и остановится. Но можно и продолжить объяснение. Ответы на вопросы «почему Олоферн не юноша?» и «почему Иудифь вдова?» находятся в уже описанном материале, а также в социальной реальности иудейского общества и в самой логике мифа, который в общих чертах требует, чтобы мужчина-небо лишал влаги женщину-землю. Если обычно метонимически это воплощается в целомудрии мужского персонажа, то книга Иудифи «освобождает» Олоферна от необходимости быть непорочным: как мы видели, он лишает землю воды другим способом.

И, наконец, самый парадоксальный вывод и, возможно, ответ на вопрос, почему же героиня появляется так поздно: Иудифь как женщина-земля, а в данном случае, женщина-город, Иудифь-вдова просто не может появиться раньше, чем страна не будет разорена, а Ветулия лишена воды. Традиции общества, в котором жил автор, не позволяли ему сделать своей героиней-соблазнительницей деву или замужнюю женщину, но требуемого смысла он мог добиться хотя бы композиционно: Иудифь-вдова, хотя вдовствует уже три года, а осада длится не так долго, появляется все же только после того, как город осажден и иссушен. Для образа «женщины-земли», или «женщины-города», как в данном случае, мифологическая логика требует именно такой последовательности.

---

<sup>3</sup> См. *Judith* 4:5: «Они [жители города] оградили стенами находящиеся на них [вершинах] селения и отложили запасы хлеба на случай войны, так как нивы их недавно были сжаты».

Последнее, на чем останавливается внимание в истории Иудифи, это «замирание» мифа в финале: героиня и город остаются неприступными, ничего «нового» не рождено, казалось бы, останавливается цикличность. Однако, Книга Иудифи – произведение далеко не одноплановое, мифологическая модель не покрывает всех смыслов, и, вероятно, автор, для которого одной из важных задач была и интерпретация конкретных исторических событий (восстание Маккавеев), исчерпав для себя миф, не следует его схеме неукоснительно. В то же время в Книге Иудифь есть еще одна сюжетная линия, которой исследователи считали побочной и «лишней» для сюжета о поверженном враге. Это линия Ахиора. Результатом всего происшедшего является не только победа над врагом, возвращение влаги жаждущей земле-городу и – вопреки мифической схеме – сохранение города неприступным, но и обращение Ахиора, фигура которого остается не совсем ясной комментаторам. Как показывает совершенно ясно созданный примерно в ту же эпоху апокриф «Иосиф и Асенеф», обратившийся воспринимался как воскресший или как заново созданный Богом. В этом случае книга отчасти сблизается уже и с христианскими сюжетами об обращении блудниц, хотя в нашем случае распределение мотивов по персонажам произошло существенно иначе, нежели в агиографических сюжетах с искушением отшельника и обращением блудницы.

Итак, приложение к Книге Иудифь мифологической модели если и не поможет прояснить абсолютно все вопросы, даст все же какое-то объяснение функциональным ролям персонажей, а также особенностям ее композиции.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Фрейденберг 1932 – Фрейденберг О. М. Миф об Иосифе Прекрасном // Язык и литература. Т. 8. Л., 1932.
- Фрейденберг 1997 – Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. Craghan 1982 – Craghan J., C.S.S.R. Esther, Judith, Tobit, Jonah, Ruth. Old Testament Message. Vol. 16. Wilmington: Delaware.
- Dancy 1972 – Dancy. J. C. Cambridge Bible Commentary on the New English Bible. The Shorter Books of the Apocrypha. Cambridge at the University Press.
- Moore 1985 – Moore C. A. Judith. A new translation with introduction and commentary. New York.

---

### Summary

A composition of The Book of Judith for a long time has been embarrassing for scholars, because of appearance of heroine merely in the middle of the work. One possible solution may be in application of mythological model, which present a woman as a parallel to an earth remained without a water. According to this myth this woman should seduce a chaste young man to achieve water. With some exceptions The Book of Judith fits to this model and it can perhaps be used to find answers for the problems of compositions and some others.

Alexander S. Nikolaev

***Thus spake Zarathustra:*  
on the meaning and usage of (ἐ)μήσατο in Pap. Derv. xxiii, 4\***

τὸ δέ, οἶον καὶ Ὅμηρος πολλαχοῦ λέγει,  
ἐμήσατό φησιν, τοῦτο δέ μηχανήσασθαι ἔστιν  
Pl. *Crat.* 408a

In the col. xxiii, line 4 the text of the Derveni papyrus reads:

οὔκουν ἐμήσατο τὸν Ζᾶνα ἕτερος Ζεὺς, ἀλλ' αὐτὸς  
αὐτῶι 'σθένος μέγα' (BERNABÉ)<sup>1</sup>

'It is not the case that one Zeus contrived another Zeus but  
the same one / (contrived) for himself great strength'.<sup>2</sup>

The commentator on the oldest Orphic theogony explains here the meaning of the verb μήδομαι that is apparently used in the text to describe a creation process: the present paper will focus on this peculiar usage of μήδομαι, the underlying doctrine and its origin.

\* \* \*

The choice of the verb μήδομαι (aor. ἐμησάμην) in this passage is peculiar. Normally the transitive verb means 'to plan and do cunningly; to contrive; to devise'. In homer, lyric poetry and tragedy the transitive verb is mostly used in a pejorative sense.<sup>3</sup>

\* I am grateful to Prods Oktor SKJÆRVØ and Sarah Burges WATSON (both: Harvard University) for many helpful comments.

<sup>1</sup> I retain the quotation marks as printed by BERNABÉ since they underscore that our text is a ὑπόμνημα.

<sup>2</sup> Here and throughout the translation of the Derveni papyrus follows LAKS-MOST 1997.

<sup>3</sup> A few examples should suffice to illustrate this:

H 478: πανύχιος δέ σφιν κακὰ μήδετο μητίετα Ζεὺς  
'all the time the counselor Zeus was devising ill for them'

ω 96: μοι Ζεὺς μήσατο λυγρὸν ὄλεθρον  
'for Zeus devised my baneful destruction'

Hes. *Th.* 172: πρότερος γὰρ ἀεικέα μήσατο ἔργα  
'he (Uranus) devised unseemly deeds'

Further parallels from Orphic theogonies confirm that we are in fact dealing with a specifically “Orphic” technical meaning of the verb *μήδομαι* that is used to denote an act of creation.

The verb is found one more time in pap. Derv. (col. xxv, line 14)

‘αὐτ]ἄρ [ἐ]πεί δ[ὴ πάν]τα Διὸ[ς φρήν μή]σατ[ο ἔ]ργα’  
 ‘but when the mind of Zeus devised all things’

The line is at the bottom of the papyrus and the text is badly mutilated; the reconstruction of the following lines is subject to doubts.

Two more fragments containing *μήσατο* have been identified as belonging to Derveni theogony by M. L. WEST and R. MERKEL-BACH. The first one is joined to the bottom of col. xxi (on the basis of a very uncertain reading of a few letters):

Eur. *Phoen.* 798: ἦ δεινά τις Ἔρις θεός, ἃ τάδε  
 μήσατο πῆματα γὰς βασιλεῦσιν  
 ‘truly Strife is a goddess to fear,

who devised these troubles for the kings of this land’

The use of *ἐμήσατο* applied to Pandora in the *Works and Days* is potentially interesting:

Hes. *Erga* 95: ἀνθρώποισι δ’ ἐμήσατο κήδεα λυγρά  
 ‘she devised baneful evils for human beings’

Pandora has opened the jar and released the evils into the world; thus the verb here refers to her *act* and not to her plan or intention (thus ‘wrought’, rather than ‘devised’). However, this verse is a mere repetition of *Erga* 49 where the subject of *ἐμήσατο* is Zeus:

τοῦνεκ’ ἄρ’ ἀνθρώποισιν ἐμήσατο κήδεα λυγρά,  
 κρύψε δὲ πῦρ.

‘for this reason he devised baneful evils for human beings  
 and he concealed fire’

Pandora in the Hesiodic narrative is naturally a mere instrument of Zeus vengeance, a device of deception, functionally parallel to the ox in the story of Mekone sacrifice (at least in the framework of structuralist analysis in VERNANT 1988), therefore the use of a verb *μήδομαι* applied to Pandora should not make one think about any deliberate harm on her side, much less that she is endowed with any creational ability (WEST 1978: 169).

Orph. fr. 16.1 (BERNABÉ):

[μήσατο δ' αὖ] Γαῖάν [τε καὶ] Οὐρανὸν εὐρὺν [ὑπερθεῖν]<sup>4</sup>  
 'he contrived the Earth and broad Sky above'

The second one belongs into col. xxii:

Orph. fr. 16.2 (BERNABÉ):

μήσατο δ' Ὀκεανοῖο μέγα σθένος εὐρὺ ρέοντος  
 'he contrived the great strength of wide-flowing Ocean'

At the end of this meager collection of evidence<sup>5</sup> it has to be mentioned that the same verb (and the same idea of creation) appears twice in the Rhapsodic theogony, as it is called on the basis of Neoplatonic reference.

Orph. fr. 155.1 (BERNABÉ):

μήσατο δ' ἄλλην ἄπειρον  
 'and he contrived another boundless earth'

This verse most likely refers to Phanes, although Proclus is not specific here.<sup>6</sup>

Orph. fr. 221.1–3 BERNABÉ):

μήσατο γὰρ προπόλους <τε> καὶ ἀμφιπόλους καὶ ὀπαδούς  
 μήσατο δ' ἀμβροσίην καὶ ἐρυθροῦ νέκταρος ἀρδμόν  
 μήσατο δ' ἀγλαὰ ἔργα μελισσάων ἐριβόμβων  
 'for she (= Rhea-Demeter.) contrived attendants, butlers, waiters  
 contrived ambrosia and red nectar draught,  
 ontrived the gleaming works of buzzing bees'

This fragment cannot claim any tremendous age, but (as WEST 1983: 237 notes) it is likely to be a remodeling of a passage containing (ἐ)μήσατο in Protogonos or Derveni theogony.

\* \* \*

Let us now examine the doctrine communicated through this verb. The Derveni theogony features a genealogical framework,

<sup>4</sup> See R. JANKO's critical note to the text (JANKO 2002: 42).

<sup>5</sup> There is a further possibly relevant attestation that is, however, presently hard to utilize: μήστωρ (Orph. fr. 492, 9 BERNABÉ = *lamella Thuriis*).

<sup>6</sup> See WEST 1983: 210 Fn.111. WEST suggests that this verse in the original Protogonos theogony referred to Phanes and was applied secondarily to the demiurgy of Zeus by the author of the Derveni theogony.

structurally similar to what we find in Hesiod's Theogony, albeit of course with important modifications.<sup>7</sup> However, it appears that in the Orphic view the world came into being twice: first this happens in the traditional way (we learn about Night and Aither, then about the deed of Cronus, whereby Sky is separated from Earth<sup>8</sup>), but then, after Zeus becomes "the only one" by virtue of swallowing an uncertain object,<sup>9</sup> he begins to create the world afresh by rational planning.

The Derveni doctrine thus effectively combines two different cosmogonic models, which W. BURKERT in his *lezioni Veneziane* called *biomorphic* and *technomorphic*, resp.<sup>10</sup> The biomorphic model accounts for the multiplication of entities via sexual generation (the default verb in Hesiod is τέκε 'engendered'),<sup>11</sup> while the technomorphic model, featuring most prominently in the *Genesis*, presupposes a divine craftsman. The combination of biomorphic and technomorphic models is known from other theogonic/cosmogonic texts from the antiquity. For instance, in the Babylonian creation epic *Enuma Eliš* we first learn about a sequence of generations in an already existing world (with a palace being built above the watery deep in the third generation); however, after Marduk has slain Tiamat, 'the Sea', he builds the world in all details, "creating marvels" (col. IV–V). And yet, there is a significant difference between this Near Eastern cosmogony and the Orphic idea of creation: Marduk physically fashions the world out of Tiamat's body,

---

<sup>7</sup> On the theogony and cosmology of the Derveni poem see BETEGH 2004 and KOUREMENOS–TSANTSANOGLU–PARÁSSOGLU 2006: 21–44. Thus for instance the Derveni theogony features four (not three) generations of gods, which reminds of well-known Near Eastern parallels, such as Hurro-Hittite "Kingdom in Heaven" with the genealogy Alalu – Anu – Kumarbi – Teshub.

<sup>8</sup> This may technically count as the second creation: the same conundrum is known from Hesiod's Theogony.

<sup>9</sup> Most likely a phallus (col. xiii.4).

<sup>10</sup> BURKERT 1999a: 49 (= 2004: 62–63); BURKERT 1999b: 96.

<sup>11</sup> A subtype of the biomorphic model is the creation of the Sky, mountains, sea, etc. by Gaia by parthenogenesis, as described in Hesiod:

*Th.* 126–132: ἄτερ φιλότητος ἐφιμέρου  
'without delightful love'

*Th.* 211–216: οὐ τινη κοιμηθεῖσα θεῶν  
'although she had slept with none of the gods'.

cutting it in parts (the upper part becomes sky and the lower earth, the breasts become mountains, etc.). This activity reminds of the metaphors of craftsmanship attested in the description of creation in various poetic and mythological traditions, but it does not match the mental activity of Zeus in the Orphic tradition; Zeus does not build or establish the world, neither does he regurgitate what he had swallowed: he contrives the world by a mental effort. This brings us back to the choice of the verb ἐμήσατο.

In fact little research has been made to clarify the meaning of the verb in this attestation, other than conceding that the verb is “interesting” (BURKERT 1999b: 96) and “verdient Beachtung” (SCHWABL 1978: Sp. 1330). Commentators agree that ἐμήσατο refers to an act of rational planning or contriving. G. BETEGH points out that the intellectual capacities of Zeus have been stressed by μητίετα earlier in the text (col. xv, 6)<sup>12</sup>; however, μητίετα Ζεύς is a fixed formula in Homeric epics (16x in the *Iliad*, 3x in the *Odyssey*, always at the verse end) and it is not methodologically sound to attach any particular importance to an appearance of a traditional epic epithet in Derveni theogony. Neither do further alleged parallels from Homer shed any light on the issue at hand: A. BERNABÉ (ap. crit. ad loc.) mentions Ζῆν’ ὑπατον μήστωρ(α) (Θ 22, P 339), but this epithet with the meaning ‘counsellor’ applies in Homeric epics to Priam, Patroclus, Neleus and Diomedes and thus allows no specific insight into Zeus’ qualities. C. CALAME suggests that the act of devouring a phallus explains the genial capacity appropriated to Zeus ‘who is thus able to engender all the elements that came about during the reign of his two predecessors’<sup>13</sup>, but this interpretation rests on very shaky basis and as such is a mere speculation: if anything, phallus is a symbol of sexual generation and it is unclear why should Zeus adopt a different model of creation altogether. The problem remains: there is nothing in Greek texts before the 6<sup>th</sup> century that may explain Zeus’ mental creational ability.

BURKERT (2004: 95) suggests that we may deal here with Egyptian influence and cites the Egyptian eulogy for Ptah who produces other gods “by heart and lips”. However, the Memphite theology recorded about 715 BCE on the granite slab (known as

---

<sup>12</sup> BETEGH 2004: 181, Fn. 198.

<sup>13</sup> CALAME 1997: 72.



Shabaka Stone) does not assert anything about creation by the force of thought: its point is creation *by word* (which potentially brings it together with the Old Testament doctrine). Moreover, the Memphite theology with its opposition to the Heliopolitan theological doctrine (according to which creation is achieved by “semen and fingers”) stands quite isolated and it is not quite clear why exactly this teaching should have been picked up by the Greeks. Historic circumstances do not seem to favor the idea of a cultural contact either: during the first half of the seventh century the Kushite rulers of the XXV dynasty (to which king Shabaka, the patron of the Memphite theology, belonged) were engaged in continuing battles with the Assyrians: in 671 Memphis was ransacked and already in 658 BCE a new dynasty was established by Psametik I. (Still, as we will see, the hypothesis of an external influence has much to be said in its favor).

Lastly, the motif of rational creation is unlikely to be inherited either. Creation was certainly a part of Indo-European cosmology, but we do not find a tradition among those that are thought to present inherited lore and can be used for reconstruction in mythology that would show a parallel to creation as a mental act (Vedic, Roman, Germanic, Anatolian). In Indo-European terms, the verb for divine creation is \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>- ‘to establish, to put’, found in the name of Vedic creator deity *Dhātṛ* and attested in several traditions.<sup>14</sup> There is no evidence for Indo-European \*men- ‘to think’ (or any other root of similar meaning) as a creation verb.

More importantly, the technomorphic model in general is alien to the archaic Greek thought: we do not find it in Homer or in Hesiod.

This argument may be contradicted by a reference the following passage from Hesiod:

Hes. *Op.* 173d:

Ζεὺς δ’αὐτ’ ἄλλο γένος θῆκ[εν] μερόπων ἀνθρώπων  
 ‘and Zeus created another race of men’

However, I remain skeptical regarding WEST’s suggestion that we may find in this Hesiodic verse an echo of the inherited

---

<sup>14</sup> Hittite: *nēbiš dēgan dāir* (KBo 16.27; see CATSANICOS 1986: 134-137) ‘they established heaven and earth’;

Old Persian: *hya imām būmim adā, hya avam asmānam adā*  
 ‘(Ahuramazdā), who created this earth, who created this sky’.

technomorphic creation motif:<sup>15</sup> the line (preserved in two papyri) may be a later interpolation, designed to provide the fifth race with an introduction similar to the first four.<sup>16</sup>

According to WEST, the usage of Indo-European \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>- illustrated above is potentially still echoed in Alcman<sup>17</sup>:

Alcm. fr. 20 (DAVIES)

ᾠρας δ' ἔθηκε τρεῖς, θέρος  
καὶ χεῖμα κώπωραν τρίταν  
'established three seasons: summer  
and winter and fall as the third one'

Still, we don't know who the subject of the sentence is and on the whole the passage is very unclear. It is doubtful that this fragment features a creator deity.

However, it is precisely Alcman (famously called "a mixed theologian" by Aristoteles) who has been credited with the first idea of a demiurge in Greek literature.<sup>18</sup> The papyrus commentary on Alcman's cosmological poem, that has attracted a good deal of scholarly attention ever since its publication in 1957<sup>19</sup>, features a deity Θέτις, referred to by the commentator as τεχνίτης 'artisan' whose work is likened to bronze working.

Alcm. fr. 5.15–19 (PAGE/DAVIES) = fr. 81.15–19 (CALAME):

τῆς Θέτιδος γενο-  
μένης ἀρχὴ καὶ τέ[λ]ο[ς] ταῦτα πάντων ἐ-  
γένετο καὶ τὰ μὲν πάντα [ὄμο]ι[αν] ἔχει  
τὴν φύσιν τῆι τοῦ χαλκοῦ ὕληι, ἡ δὲ  
Θέτις τ[ῆι] τοῦ τεχνίτου.  
'when Thetis had come into being  
these became beginning and end of all things,  
and the totality of things has a similar nature  
to that of the bronze material,  
Thetis to that of a craftsman'.

<sup>15</sup> WEST 1978: 196; 2007: 354.

<sup>16</sup> MOST 2006 *ad loc.*

<sup>17</sup> WEST 1978: 196.

<sup>18</sup> West 1963; 1967.

<sup>19</sup> E.g. FRÄNKEL 1975: 163, 252–5; DETIENNE and VERNANT 1974: 129–66; PENWILL 1974. See RANGOS 2003 where earlier literature on the subject is listed.

It is unclear whether this Θέτις should be straightforwardly identified with the oldest daughter of Nereus and mother of Achilles (in which case it may be argued that by virtue of being the oldest Nereid she was associated with primordial waters) or her name is an etymological word-play, referring to the “cosmogonic” use of the root θη-/θε-. If the latter position is taken, one may indeed argue that Alcman’s Θέτις is a true creator god, matching functionally and even etymologically Vedic *Dhātṛ* (although a female demiurge would be admittedly singular).

However, we are not told directly that Θέτις was the demiurge and it does not seem that the original poem had said that. The only thing that the commentator says is that Alcman introduced a craftsman, τινὰ τὸν κατασκευάζοντα: neither the masculine gender, nor the indefinite pronoun favor the identification of this artisan with Thetis.<sup>20</sup> The contents of the poem that can be gleaned from the lemmata do not allow any definite conclusions and other accounts of this poem remain plausible. (In fact, it has been contested that Alcman’s poem actually implies a cosmological model of skilful construction<sup>21</sup>).

Thus, the Indo-European creation motif (formally represented by the root \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>-) is not continued in Greek mythology (aside of a feeble echo in Alcman fr. 20).

It is only in the Pherecydes, another precursor of Greek philosophic thought who *floruit* around mid. 6<sup>th</sup> cent. BCE, that we find a description of earth as a work of craftsmanship:

fr. B 2 (DIELS-KRANZ<sup>6</sup>) = fr. 68 (SCHIBLI)

κάπειδῃ τρίτῃ ἡμέρῃ γίγνεται τῷ γάμῳ, τότε Ζᾶς ποιεῖ φᾶρος  
μέγα τε καὶ καλόν, καὶ ἐν αὐτῷ προίξ[ίλλει Γῆν]  
καὶ Ὠγη[νὸν καὶ τὰ Ὠ]γηνοῦ [δῶματα

‘and when it is the third day of the wedding, then Zeus fashions a robe both big and beautiful, and on it he embroiders Earth and Ogenos (scil. *Okeanos* – A. N.) and the abodes of Ogenos...’

The idea that the making of the robe refers to Zeus’ (viz. Zas’) demiurgic activity is supported by Proclus:

<sup>20</sup> This point was made by PENWILL 1974: 17.

<sup>21</sup> E.g. MOST 1987 (who claims that there is no cosmogony at all in the fragment) or RANGOS 2003 (who claims that the poem contained a myth about metamorphoses of the Old Man of the Sea).

fr. B 3 (DIELS-KRANZ<sup>6</sup>) = fr. 72 (SCHIBLI)

καὶ ὁ Φερεκύδης ἔλεγεν εἰς Ἔρωτα μεταβεβλήσθαι  
τὸν Δία μέλλοντα δημιουργεῖν.

‘Pherecydes said that Zeus, when about to create, changed  
into Eros’

Zas in Pherecydes is thus the first image in Greek literature of god as a cosmic artisan.<sup>22</sup> The idea of a creator deity makes a flashing appearance in other early philosophical works: one may recall Anaxagoras’ *Noûs*<sup>23</sup> or Empedocles’ *Aphrodite*<sup>24</sup>. However, before Plato’s *Timaeus* we do not find an idea of a demiurge in its fully developed form.

Let’s take stock. We have seen that the verb ἐμίσατο used to describe a creation act can not be meaningfully interpreted from the perspective of Derveni text alone, even taking into account Zeus’ intellectual capacities. We have seen that the hypothesis of Egyptian influence is doubtful. Lastly, we have seen that there is no evidence for an inherited Indo-European motif of a rational creation presented as a mental act; moreover, the very idea of a demiurge does not appear in Greek literature before the 6<sup>th</sup> century. Thus we are faced with two peculiar elements of Orphic doctrine:

- a) the idea of technomorphic creation which is alien to Greek pre-philosophical cosmogonies, but is shared by Orphism with a number of “Presocratic” cosmogonies, where, however, this idea appears in a very vague and indirect form;
- b) the specifically Orphic idea of creation by the power of thought.<sup>25</sup>

But before we turn to the origin of these ideas, one possible parallel should be examined.

<sup>22</sup> Incidentally, the verb ποικίλλει (the restoration of which is made certain by the quotation by Clement of Alexandria, *Stromata* 6.2.9.4) is interesting: the verb has referred to the **poetic** craftsmanship both in Greek and Indo-European poetics.

<sup>23</sup> B 13 DIELS-KRANZ<sup>6</sup>.

<sup>24</sup> B 73, 75, 95 DIELS-KRANZ<sup>6</sup>.

<sup>25</sup> “[f]allen bereits beim Orphiker ‘Sinnen’ und ‘Ausführen’ zusammen” (SCHWABL 1978: Sp. 1330).

\* \* \*

The instances from “Orphic” theogonies cited above do not remain entirely without analogy in early Greek thought. Importantly, this usage is echoed in a Parmenides fragment B 13 (DIELS-KRANZ<sup>6</sup>), transmitted via Plato, Symp. 178b; Arist. *Metaph.* 984 b 23; Plut. *Amat.* 756; Simplicius, *Phys.* 39:

πρώτιστον μὲν Ἔρωτα θεῶν μητίσατο πάντων  
 ‘first of all gods it<sup>7</sup> contrived Eros’

Parmenides posits his own genealogy of the gods beginning not, as for Hesiod, with conflicts and terrible offsprings, but with Eros. Clearly the poem presents its own mythology, independent of earlier cosmogonical and theogonical tradition.

None of the sources provide the context within Parmenides’ *Doxa* where this line appears and the subject of the verb is uncertain, too.<sup>26</sup> Simplicius (Comm. Arist. Phys. 39.16-18) quotes fr. 13 just after fr. 12.3 (ἐν δὲ μέσῳ τούτων δαίμων ἢ πάντα κυβερνᾷ), therefore identifying the subject as the *daimon*. This helps identifying an important albeit unclear element of Parmenides’ doctrine: both Plato and Aristotle in their respective discussions of this passage stick to Hesiod’s doctrine and agree that there never was a specific source for Eros (the only information Hesiod provides is chronological: ἔπειτα); however, if *daimon* in the preceding fragment is indeed the subject of μητίσατο, it follows that Eros has in fact been created by another deity.<sup>27</sup>

Now, the problem is the same as with Orphic ἐμήσατο above. The verb μητίσατο indicates intention and thought; in the same time it expressly identifies the goddess (*daimon*) as creator, not a parent. Once again, we find an act of creation that is presented as a mental act.<sup>28</sup> L. TARÁN’s words: “her (*daimon* – A.N.) creation of Eros in B

<sup>26</sup> K. F. HERMANN asserted that the subject is Γένεσις (he was followed by WILAMOWITZ 1931: Bd. II, 212, Fn. 2 and COXON 1986: 213), but this solution has been rejected by some commentators (see TARÁN 1965: 250, Fn. 56).

<sup>27</sup> WHITE 2005: 82-83. WHITE’s own solution (*ibid.* 83) is hardly satisfactory: he suggests that we are dealing with a metaphorical personification of nature (citing Heracl. fr. 123 in support of his idea).

<sup>28</sup> This mental act can be understood as an “ordering process”, which nevertheless does not stop it by being an act of creation (*pace* TARÁN 1965: 249).

13 is a mental act of planning and contriving. [...] This verb is always used in reference to a mental act of planning or contriving, and not to real “creationism” exactly state the problem, but do not eliminate the conundrum.<sup>29</sup>

Thus μητίσατο in the Parmenides’ fragment B 13 calls for an explanation and nothing stands in the way of connecting his usage of this verb with “Orphic” texts.<sup>30</sup> It is important to mention in this connection that the verb is attested in the same meaning in a bizarre text known as Orpheus’ *Argonautica*; the verb is found in the beginning of the poem which is a catalogue of Orphic themes and so it is likely that this usage of the verb (or the entire fragment, ll. 12-23 VIAN) should be traced back to one of the Orphic theogonies: Orph. fr. 99,22 (BERNABÉ):

ἄ τ’ ἐν Κυβέλοις ὄρεσιν μητίσατο κούρην  
Φερσεφόνην περὶ πατρὸς ἀμαιομακέτου Κρονίωνος

Despite Parmenides’ practice of using traditional epic material, motifs and meters, there is no evidence that would suggest that in this case, too, the poet was relying on his audience’ familiarity with a Homeric or a lyric context in order to make his message clear. However, it has been suggested that Parmenides may have included Orphic elements with the same purpose, namely, in order to “contribute to a sense of comfortable orientation in a tradition”.<sup>31</sup> In earlier work some evidence for Orphic elements in Parmenides has already been accumulated.<sup>32</sup> The most important of these indications of proximity between Parmenides and Orphic theogonies is the idea

<sup>29</sup> TARÁN 1971: 407. His skepticism in regard to the usage of the verb in pap. Derv. is unfounded: the examples presented above make fairly certain that in Derveni (and possibly Protoponos) theogonies the verb was used to describe an act of creation.

<sup>30</sup> It is instructive to compare the development of W. Burkert’s thought regarding this fragment of *Doxa*: in 1968 he wrote “μητίσατο bei Parmenides hat man in der Regel als philosophische Neuerung interpretiert; und den ganzen Kontrast von griechischem und biblischem Denken fand man darin dass dort von Kosmologie, im Alten Testament aber von Schöpfung die Rede sei” (BURKERT 1968). However, a year later he writes: “μητίσατο galt als spezifisch parmenideische Vergeistigung, doch Pap. Derveni col. 19, 4 (old numeration of fragments – A. N.) bezeugt (ἐ)μήσατο für den Schöpfungsakt des Zeus” (BURKERT 1969: 3 Fn. 7).

<sup>31</sup> MOURELATOS 1970: 42.

<sup>32</sup> See WEST 1983: 109–110; less useful is BÖHME 1986.

that the whole universe is united in the body of Zeus (who became “the only one”, μῶνιός ἐγεντο Pap. Derv. col. xvi, 6) that is mirror-imaged by Parmenides’ “unique” *Being*: οὐλον μουνογενές τε (Parm. fr. B 1.4). Phraseological parallels such as Δίκη πολύποινος (Parm. fr. B 1.14 = Orph. fr. 233 BERNABÉ) are noteworthy. It is significant that only in pap. Derv. and in Parmenides the moon is described as spherical (pap. Derv. col. xxiv; Parm. fr. B 8.43 εὐκύκλου σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκωι, | μεσσοθεν ἰσοπαλές πάντη). Lastly, the very fact that in Parm. fr. B 13 Eros is said to be the first-born goddess has been seen as an Orphic element, too.<sup>33</sup> It is on the strength of this evidence that W. BURKERT (1999a) suggests that Parmenides knew a version of some Orphic theogony. We must not assume that Parmenides remained isolated from the contemporary religious and philosophical idea in his birth place of Elea, in Magna Graeca: Parmenides is reported to have been a pupil of a Pythagorean by the name Ameinias (Diog. Laert. IX.21-23) and therefore Orphic teachings could have been communicated to him via Pythagoreanism.<sup>34</sup>

Summing up: it is possible that Orphic cosmogonical myth with its idea of a second creation provided an input for Parmenides’ usage of μητίσαστο ‘contrived’ (scil. ‘created’). In the following section an attempt will be made to find a possible source for the idea that world or its elements could have been created by a mental act.<sup>35</sup>

\* \* \*

Less than a century ago Presocratic thought was still largely interpreted as self-contained. In doing so the classicists have largely been influenced by E. ZELLER’s views.<sup>36</sup> However, in the 20<sup>th</sup> century new material from Near Eastern literatures became available and this changed the picture radically: the context in which early Greek philosophy evolved could now be examined from a fresh perspective.

---

<sup>33</sup> KERN 1890.

<sup>34</sup> On the tradition about Parmenides *uita* (esp. the Iamblichus’ catalogue) see ЖМУДЬ 1991: 58 and ВОЛЬФ 2003.

<sup>35</sup> I refrain from a discussion of Xenophanes B 25 DIELS-KRANZ<sup>6</sup> (ἀλλ’ ἀπάνευθε πόνιοι νόου φρενὶ πάντα κραδαίνει) that is open to different readings.

<sup>36</sup> ZELLER 1856.

Iran, too, was considered as one of the external sources for the development of Greek thought.<sup>37</sup> The name of Zoroaster-Zaratas figures in connection with several early Greek philosophers<sup>38</sup> and the historical context in which Iranian influence could have been exerted over Greek thought has been available since mid-sixth century: by 547 BCE (fall of Sardis) Darius' empire encompassed the cradle of Greek philosophy – the coast of Asia Minor (Miletus, Colophon, Ephesus, Clazomenae and even Pythagoras' Samos).<sup>39</sup> It can be envisaged that Persian priests were active in Ionia at that time, practicing their religion and discussing their beliefs.

The study of intellectual relations between Iran and Greece had its ups and downs and several scholars have accepted a reverse influence from West to East.<sup>40</sup> However, as both understanding of Zoroastrianism and understanding of Presocratic philosophy progressed, the hypothesis of an early influence of Iran on Greece had its revival. W. BURKERT in his seminal paper from 1963 argued that there was a considerable Oriental influence on early Greek cosmogony and M. L. WEST continued the trend in his 1971 monograph. These views were not shared by every classicist in the field then<sup>41</sup>, but have been gaining growing acceptance ever since.<sup>42</sup> For the purposes of the present paper it is important that WEST and BURKERT argue for Iranian influence that was especially active in the

---

<sup>37</sup> An example of early work in this direction is GÖTZE 1923.

<sup>38</sup> Aristoxenos reports (via the christian writer Hippolytus: *Hipp. Ref.* I, 2.12–14 = DIELS-KRANZ<sup>6</sup> 14 A 11) that Pythagoras traveled to Zaratas the Chaldaean, who explained to him two principles of life. This evidence is remarkable for putting Zarathushtra's and Pythagoras' names together. However, the report itself is unreliable and it is possible that Aristoxenos merely pointed out the similarity between Zoroastrian doctrine and that of Pythagoras (see SPOERRI 1955; GUTHRIE 1962–1965: I, 254). On Zoroaster in Greek tradition see Желтова 1995.

<sup>39</sup> BUCHANAN GRAY 1964: 9–10. It has been suggested by I. Gershevitch that Magi were Median Zoroastrian priests fleeing from Western Iran after Cyrus overcame the Medes: this raises the starting date of the influence by a decade or two.

<sup>40</sup> E.g. BAILEY 1943.

<sup>41</sup> Cf. a harsh review by G. KIRK (1974).

<sup>42</sup> Iranian influence on Greece was accepted by some Iranists, too, see BOYCE 1982: II, 150–163.



period 550-480 BCE and affected Pherecydes, Anaximander, Anaximenes and Heraclitus.<sup>43</sup>

The possibility of Iranian influence on the Orphic thought has been raised, too, mostly in connection with Pythagoreanism. It has been noted that Orphic (and Parmenides') cosmogonies present the dualistic distinction 'light' vs. 'dark', absent from other contemporaneous cosmogonic theories (Aither vs. Night are the two primordial deities in the Orphic scheme). This dualistic conception with its two principles (ἀρχάς) reminds immediately of Zoroastrian teachings. Iranian influence has figured in the discussion of the "Orphic" gold plates (for instance, the plate from Pharsalus that reads "my name is Asterios" (I A 3, 12 PUGLIESE CARATELLI)).

The date of Orphic theogonies has been a subject of debate that only intensified with the advent of Derveni papyrus, but currently late 6<sup>th</sup> century is a widely accepted date.<sup>44</sup> Thus Orphic doctrines (and indirectly Parmenides' *Doxa* that perhaps dates from 490 BCE) could in theory have been subject to Iranian influence.

In the case of our inquiry into ἐμήσατο/μήτισατο we have an additional reason to pursue the Iranian trail: in col. vi of the Derveni papyrus, right before the commentary proper begins, there is an overt reference to μάγοι (magi, of course, should by default be seen as agents responsible for the transmission of the Iranian lore<sup>45</sup>):

ἐπ[ωιδῆ δ]ὲ μάγων δύν[α]ται δαίμονας ἐμ[ποδῶν  
 γι[νομένου]ς μεθιστάται· δαίμονες ἐμπο[δῶν ὄντες εἰσὶ  
 ψ[υχὰι τιμω]ροί. τὴν θυσ[ί]α]ν τούτου ἔνεκε[μ] π[ροιοῦσ]ι[ν]  
 οἱ μά[γο]ι, ὥσπερ εἰ ποιητὴν ἀποδιδόντες. τοῖ[ς] δὲ  
 ἱεροῖ[ς] ἐπισπένδουσιν ὕδ[ωρ] καὶ γάλα, ἐξ ὧμπερ καὶ τὰς  
 χοὰς ποιοῦσι. ἀνάριθμα [κα]ὶ πολυόμφαλα τὰ πόπανα

<sup>43</sup> See a useful summary in BURKERT 2004: 99–126.

<sup>44</sup> BURKERT 1998: 390.

<sup>45</sup> Much ink has been spilled over the magi. We are interested here in the "genuine" μάγοι 'cult practitioners' (or 'hereditary technologists of the sacred', BREMMER 1999:4) and not in μάγοι in its derogatory meaning 'charlatan' *uel sim.*, as we find it in Soph. *OT* 387–389 (about Teiresias) or in the Hippocratic treatise "On the Sacred Disease", where magi are compared to begging priests and humbugs (*De morbo sacro* 2). The earliest testimony concerning Greek encounters with the "authentic" magi is provided by Xanthus of Lydia (see KINGSLEY 1995). See BREMMER 1999 and DE JONG 1997: 387–394.

θύουσιν, ὅτι καὶ αἱ ψυχαὶ ἀν]άριθμοί εἰσι. μύσται  
 Εὐμενῖσι προθύουσι κ[ατὰ τὰ] αὐτὰ μάγοις.  
 ‘... and the incantation of the magi is able to change<sup>46</sup> the  
*daimones* when they get in the way. Hindering *daimones*  
 are vengeful souls (hostile to souls?) This is why the magi  
 perform the sacrifice, just as if they were paying a penalty.  
 And on the offerings they pour water and milk, from which  
 they also make the libations. And they sacrifice  
 innumerable and many knobbed cakes, because the souls  
 too are innumerable. Initiates make preliminary sacrifices  
 to the Eumenides in the same way as the *magoi* do’.

M. L. West (1997) argues that this can be a red herring, since the word μάγος can be applied to a specialist practitioner associated with Babylonia and Assyria (under Persian rule at the time) rather than with Iranian world. Other specialists think that the reference is to Persian magi<sup>47</sup>. In fact, for anyone familiar with Zoroastrian ritual it is hard to see how these magi can not be Zoroastrians in view of the fact that all essential ingredients of the daily performed Haoma-sacrifice have been mentioned: water and milk (the *zaoθra*-libation) make one think of *parahōm* (Avestan *parahaoma*-), viz. the offering of pounded *Haoma* (twigs of ephedra?) and pomegranate twigs mingled with water and milk<sup>48</sup>, while the cakes (the *miiazda*-offering) are almost certainly the familiar *drōn* (Avestan *draonah*-‘portion’, Y. 33.8; 11.4): unleavened wheaten bread made into thin round cakes, usually consecrated with butter.<sup>49</sup> Eumenides are easily (if only all too easily?) identifiable with Avestan *frauuāšis* (Pahlavi *fraward*). *Frauuāšis* are the pre-souls of the Orderly ones, spirits that inhabit the upper air and protect those who worship them. The original concept of *frauuāši* is unclear and need not concern us here (according to one wide-spread school of thought they are by origin objects of a hero-cult), but their association with the souls of the

<sup>46</sup> ‘drive away’ – TSANTSANOGLOU–PARÁSSOGLOU 2006.

<sup>47</sup> TSANTSANOGLOU 1997: 110–115; BURKERT 1999a: 106.

<sup>48</sup> Milk or fat libation is the default libation in Zoroastrianism, but water is added to the *parahōm*, at least, in the modern *yasna*-ceremony.

<sup>49</sup> For details see e.g. BOYCE & KOTWAL 1971. See RUSSELL 2001 who already made the identification of the knob cakes in Derveni papyrus with the Zoroastrian *drōn*.

dead is predominant both in the Avestan liturgical texts and in living Zoroastrianism. The cult of *frauuāši* is blended with the cult of *uruuan* (souls) already in Avesta:

Y. 16.7:

*xʷanuuatīš ašahe vərəzō yazamaide*  
*yāhu iristinəm uruuənō šāiiente*  
*yā ašaonəm frauuāšaiiō*

‘we sacrifice to the sunny invigorants (abodes?) of Order,  
 in which the souls of the departed are in happiness  
 which are the *frauuāšis* of the sustainers of Order’.

The sacrifice to the souls could refer to one of the *Gāhānbār* feasts, in particular to *Fravardīgān*, a ten-day festival, held at the end of the Zoroastrian year. Importantly, in the Fravardīn Yašt *frauuāšis* are described as a vast host, and once again ἀνάριθμοι in the Derveni text is not an unfitting equivalent:

Yt. 13.65:

*āaṭ frašūsənti uyrā ašāunəm frauuāšaiiō paoirīš pouru.*  
*satā paoirīš pouru.hazaṅrā paoirīš pouru.baēuuanō*

‘then the strong life-giving pre-souls of the Orderly move forth,  
 numerous – many hundreds, numerous–many thousands,  
 numerous – many ten thousands’

Lastly, the mysterious words ὡσπερὲι ποινην ἀποδιδόντες ‘as if they were paying a requital’ can in fact be interpreted from a Zoroastrian perspective, too – although this time the interpretation does not lie on the surface. The word *magus* itself continues Avestan *magu-* meaning ‘priest, engaged in a ritually enacted *maga-* ceremony’. *Maga-* is one of the most hotly disputed items of Avestan vocabulary; if it is in fact related to Old Indic *maghá-* (as seems plausible), the word may mean ‘gift of exchange’. Now, in Avestan ritual the notion of mutual gift-giving (and mutual obligation) plays a very important role: “the gift exchange is a part of a universal “deal” (*uruuāta-*) obtaining between Ahura Mazdā and his followers and constitutes an unending series of *quid pro quo* or *do et das* in mutual indebtedness between god and his creatures, starting and ending with Ahura Mazdā’s cosmogonical and eschatological sacrifices”. (SKJÆRVØ 2008: 497).<sup>50</sup> Still, this is a XXI century scholarly interpretation of the Zoroastrian religion: whether or not the same

<sup>50</sup> On *maga-* see also HINTZE 2004 and the literature listed there.

understanding of *maga-* was present among those who professed Mazdeism in Achaemenid Iran and could be communicated by them to Greeks cannot be ascertained.

In sum, the description found in pap. Derv. turns out to be too precise to be misleading; on the whole the passage has a distinct Zoroastrian flavor. Therefore it behooves us to investigate whether further Zoroastrian elements in Derveni text can be gleaned – and it seems that ἐμήσατο/μήτισατο can receive a plausible explanation if considered from a Zoroastrian perspective.

\* \* \*

The main hypothesis put forth in this paper is the following: the idea of a creation as a mental act such as we find in Orphic theogonies and in Parmenides is due to specifically Persian influence, transmitted by the magi in the 6<sup>th</sup> cent. In order to support this claim, an inquiry into Zoroastrian cosmogony and religion in general is due. Of course, limitations of space prevent an in-depth treatment of these issues; nevertheless, a few interesting points can be made.

But before we proceed further, the following methodological caveat is due. The material for the following investigation will have to be drawn from avestan canon of liturgical and mythological texts.<sup>51</sup> This will be done under the assumption that the main religious doctrines current in the 6<sup>th</sup> century Persian empire can be seen as tantamount to the Zoroastrianism as we know it from the Avestan canon, composed in the second millennium BCE. this is a plausible theory and yet one that is exceedingly hard to prove. We have almost no information about Achaemenid religion to be drawn from epichoric sources; the meager evidence that is available is limited to the following sources: the cuneiform inscriptions of the Achaemenid kings in Old Persian; the Persepolis tablets, being economical records in Elamite and Aramaic; Elephantine letters in

---

<sup>51</sup> Gāthic and Younger Avestan translations are that of P. O. SKJÆRVØ; some of them have been published or are forthcoming and some go back to my notes from his classes (2005-2006). I am extremely grateful to Prof. SKJÆRVØ for discussing his translations with me and for allowing to use them in this publication.

Abbreviations: Y. = Yasna (texts recited during the *yasna* ritual), V. = Videvdad (purification rituals), Yt. = Yašt (hymns to individual deities); Pahlavi texts: Bdh. = Būndahišn.

Aramaic, containing personal names many of which seem to reflect Avestan theology; and last – but not least – references to Iranian religions in Greek and Latin sources.<sup>52</sup> we do not have a single text of primarily religious content (other than the Cyrus' cylinder that once again does not tell us anything about Cyrus' own religion). the Avestan canon, on the contrary, presents us with wealth of religious information, which is, however, void of any historical or geographic contextualization: none of the place names mentioned in the Avesta has any ties with Western Iran. Therefore the Achaemenid religion and Avestan Zoroastrianism cannot be mapped onto each other easily. The Persian royal inscriptions and the Elamite texts<sup>53</sup> mention such deities as *ahuramazdā*, *naryasanga*, *ispandāramaiti*, *fraverti*, etc.; they also mention such important elements of Avestan pantheon as *Lie* (*durujiya-*) and order (*artāvan-*); they stress the importance of discarding the old gods (*daivas*), etc.<sup>54</sup> Thus we can be fairly certain that some form of Mazdaism was the official religion of the empire; and yet it is next to impossible to ascertain that the Zoroastrian thought of the 2<sup>nd</sup> millennium was present in the Achaemenid Iran unchanged and in full detail.

One more methodological digression is in order. In the following inquiry the emphasis will mostly be laid on the Avestan texts, in particular, the Gāthas, dated to the middle of the 2<sup>nd</sup> millennium BCE and traditionally thought to have been composed by Zarathushtra himself. These texts are a part of the ritual and as such are frequently recited by the practitioners of Zoroastrianism: this allows positing a workable scenario of reception of cosmogonical ideas from Persian *Kulturträger*. Some studies of Iranian influence on Greek thought make extensive use of Pahlavi sources, such as the Dēnkard and the Būndahišn, the encyclopedias of Zoroastrianism, probably compiled in the 9<sup>th</sup> century CE. While these sources may preserve genuine Zoroastrian thought, lost in the canon of liturgical texts that is available to us, their evidence should nevertheless be treated with caution: the later date of these Iranian sources makes it possible that the influence was actually exerted in the other direction, from Greeks to Iranians. A rather well-known case concerns the myth of races in

---

<sup>52</sup> On the latter see the admirable study by DE JONG 1997.

<sup>53</sup> The Elamite material has been carefully collected and studied by KOCH (1977).

<sup>54</sup> On this highly complex issue see SCHWARTZ 1980; KELLENS 1991; SKJÆRVØ 2005.

Hesiod (*Erga* 109–201). Eastern parallels to the myth include the prophetic dream of Nebuchadnezzar in the book of Daniel (written about 166 BCE) and a cyclic scheme of four ages, 3000 years each, in Zoroastrian eschatology (attested in Pahlavi sources). Now, Mary BOYCE (1984) has shown that the elaborate scheme whereby four ages are distinguished according to metals (gold, silver, steel, and "intermixed" iron) did not develop until the 5<sup>th</sup> century BCE – and thus should in all likelihood be viewed as a result of Greek influence, not other way round (see also KOENEN 1994: 11–13). Similar objections can be raised against Clarisse HERRENSCHMIDT's (1996) attempt to posit Iranian influence on Democritus; she has found truly interesting correspondence between Democritus' embryological theory that mentions female seed (fr. A 142; 143 DIELS-KRANZ<sup>6</sup>) and the Iranian teachings according to which the female seed is cold and moist, while the male seed is hot and dry (*Indian Būdahišn* 16.1-6; *Dēnkard* 3.105). Further, both Democritus and Leucippus describe the atoms in terms of the same system of oppositions (cold/hot, dry/moist, light/dark).<sup>55</sup> Still, ingenious as this theory may be, it is faced with grave problems, posited by the chronology of texts: 5<sup>th</sup> cent. BCE for Democritus vs. 9<sup>th</sup> cent. CE for the *Būdahišn*.

With these methodological caveats in mind we can now turn to the Zoroastrian cosmogony. In the beginning there were two twin spirits, *Ahurō Mazdā* (Ohrmazd) and *Agrō Mainiiū* (Ahrimen) (Y. 30.3), the former living in the eternal light and the latter in the eternal darkness. The principal function of Ahura Mazdā is the creation and ordering of the cosmos and the upholding of the cosmic Order (*Ašəm*).<sup>56</sup> Ahura Mazdā<sup>57</sup> creates the spiritual existence (lit. 'of thought' *aṅhu- manahō*) and the material existence (lit. 'of bones', Avestan *aṅhu- astuuant-*) (e.g. Y. 19.1ē2). The sequential creation of two existences is significant. It is the creation of the world of thought that will be of interest here – since the world of thought will have to be created by a power of thought.

<sup>55</sup> See also LINCOLN 2001: 311–314.

<sup>56</sup> See e.g. KELLENS 1989; SKJÆRVØ 2002: 399.

<sup>57</sup> Sometimes other deities, too: *Spənta Mainiiu* (Yt. 13.28); *Apām Napāt* (Yt. 19.52).

In order to describe Ahura Mazda's<sup>58</sup> creationist activity Avestan employs the reflex of Indo-European \*d<sup>h</sup>eh<sub>1</sub>- (see above)<sup>59</sup>; however, it seems that some basic elements of the world have been created in a different way, among them the order itself (that had to be brought into existence before the material universe since the latter is ordered according to the principles of *ašəm*).

Let us examine the actual evidence at hand. below I list some passages from the Gāthas that support the idea of creation as a mental act.

Y. 39.4 (*Yasna Haptaṅhāiti*):

*yaθā tū ī ahura.mazdā mēṅghācā*  
*vaocascā dāscā varāścā*  
*yā vohū aθā tōi dadāmahī*

‘In the same way that you, O Ahura Mazda, have **thought** them and spoken them, established, and produced (those: things/thoughts?) which (are) good, in that way we are giving (them) to you’

Ahura Mazda is said to be the father of Order (*Ašəm*) and he is also said to have fashioned many of its elements as an artisan (Y. 44, 3–5); in this connection it is instructive to examine the following passages:

---

<sup>58</sup> Already in the Younger Avesta we find an idea of a dual creation, both by Ahura Mazda and Anra Mainiu:

Yt. 15.43 (hymn to Vaiiu):

*yaṭ va dāma apaiemi*  
*yasca daθaṭ spəntō mainiiuš*  
*yasca daθaṭ anrō mainiiuš.*

‘because I can obtain [creatures of] both creations,  
both the one that the Life-giving Spirit established  
and the one the Evil Spirit established’

Pahlavi sources (e.g. *Pahlavi Rivayat* 46) present this idea in a fully developed form. However, in the oldest parts of Avesta only Ahura Mazda is referred to as the creating deity.

<sup>59</sup> E.g. Y. 37.1: *yā gəmçā ašəmçā dāṭ*  
*apascā dāṭ uruuarāścā vaṅ’hīš*  
*raocāścā dāṭ būmimçā*

‘(Ahura Mazda) who put in their places both the cow and Order  
put in their places both the good waters and the plants  
put in their places both the lights and the earth’.

Y. 54.1 (the last sentence of the often recited *Airiiman Išiia* prayer<sup>60</sup>):

*ašahiā yāsā ašim yaqm išiiqm ahurō masatā mazdā*

‘I am asking for the reward of Order, the one to be sped hither<sup>61</sup>, that Mazda **thought**’<sup>62</sup>

Y. 31.19:

*gūštā yā mañtā ašam ahūm.biš vīduuā*

‘he who first **thought** order has (now) listened (to my announcements<sup>?</sup>),

namely, you, the knowing one, the healer of this existence, o Ahura’

Examples above show how creation of abstract elements of the universe is represented in the gāthas as a mental act. now we can turn to a very interesting passage related to cosmogony proper. p. o. SKJÆRVØ suggested that the following verses refer to the “first dawn”:

Y. 31.7:

*yastā mañtā pauruiiō raocēbīš rōiθβən x’āθra*

*huuō Xraθβā dāmiš ašam yā dāraiaṭ vahištām manō*

‘He who was the first to **think** those (thoughts):

“the free spaces are blending with the lights”: he is the web-holder by the guiding thought by which (his) best thought upholds Order.’

The syntax of this sentence is elaborate on the verge of being opaque (even by Old Avestan standards), but the sense is clear: Ahura Mazda created the lights of free spaces by thinking about them.

The doctrine of creation by mental force is found in later Pahlavi texts, too:

Bdh. 1.35:

‘and his first creation was self-established well-being, that in the world of thought by which he made his body better when he thought the creation, for his being lord is from establishing the creation’.

<sup>60</sup> This prayer is a part of other texts: V. 11.7; V. 20.11, Y. 27.5.

<sup>61</sup> The meaning of *išiiā-* remains problematic.

<sup>62</sup> Notice that the syntax here allows an alternative translation, with *išiiqm* understood predicatively and not in apposition: *yaqm išiiqm ahurō masatā mazdā* ‘which Ahura Mazda thought (worthy of) being sped hither’.



Gāthic texts are notoriously difficult to interpret. The number of passages could potentially be increased; however, difficulties of interpretation persist in every case. The following passage illustrates the difficulties:

Y. 33.6:

*yā zaotā ašā arəzuš huuō mainiiəuš ā vahištāt kaiiā  
ahmāt auuā manəḥhā yā vərəziəidiiāi maṇtā vāstriiā*  
‘the libator who (is) straight by the Order (of his  
ritual), he (produces) out of this best inspiration, by  
(his) thought, those actions which he (Ahura Mazdā)  
(first) **thought** (as those) to be produced by the  
forager’

Whether *maṇtā* in this passage denotes the act of creation (viz. describes the way Ahura Mazdā established the actions that should be performed by a forager) is open to debate.

The selection of passages above should suffice to illustrate the point: a deity capable of creating objects by a mental force is an important part of Avestan cosmology. Limited data does not allow specifying in what form exactly Zoroastrian teachings as they are represented in the Old Avestan canon (in particular the technomorphic creation model in which creation is seen as a mental act) could have been communicated to Ionian Greeks by the magi, but it is reasonably safe to assume that the basic features of the cosmogony would remain intact. These features are remarkably close to what we find in the Orphic theogonies and thus an instance of Zoroastrian influence on Greek thought has probably been identified.

Throughout this paper we have stayed focused on a specific verb – (ἐ)μήσατο – recoiling from comparison of abstract elements of Greek and Iranian religious and philosophical doctrines (such as dualistic oppositions, for instance). It is this text-centered comparative approach that gives the theory put forth in this paper its special appeal.

\* \* \*

Although this paper was conceived as a contribution to the study of sources and origin of the orphic thought, I would like to end with an open question related to Pindar. A puzzling instance of the gnomic aorist ἐμήσατο that merits longer discussion than can be afforded in this paper is found in *Olympian* 1, where Pindar is dwelling on the power of a spoken word:

Pi. *Ol.* 1.30–32:

Χάρις δ', ἄπερ ἅπαντα τεύχει τὰ μείλιχα θνατοῖς,  
ἐπιφέροισα τιμᾶν καὶ ἄπιστον ἐμήσατο πιστόν  
ἔμμεναι τὸ πολλάκις

‘but Kharis which creates all sweet things for mortals  
(or: ‘who makes all things sweet?’), conferring honor,  
**brought it about** that even the untrustworthy oftentimes is  
trustworthy’<sup>63</sup>.

Χάρις is personified here, and, quite importantly, τεύχει in line 30 characterizes it as a craftsman. One may compare the following Pindaric passages where this verb is applied to a god-artisan:

fr. 141 (SNELL-MAEHLER):

θεὸς ὁ πάντα τεύχων βροτοῖς  
‘the god who fashions everything for the mortals’

*Pae.* 6.132-134 (SNELL-MAEHLER):

ὁ πάντα τοι τά τε καὶ τὰ τεύχων  
σὸν ἐγγυάλιξεν ὄλβον εὐρύο[πα] Κρόνου παῖς  
‘the wide-seeing son of Cronus who fashions everything, both this  
and that, bestowed your wealth on you’.

I leave it to others to decide whether the passage from *Olympian* 1 quoted above shows nothing more than the pejorative meaning of μήδομαι, which the poet uses to accuse Χάρις of being the source of falsity of the poets, or we should in fact see in this Pindaric usage a glimpse of the same “Orphic” idea of a creator deity, bringing things into being by the power of thought, that was studied above. And if one is sympathetic with the latter view, a number of other, well-known, parallels between Pindar and Orphic texts come to mind. One need not go too far: *Olympian* 2 (probably composed around the same year as *Olympian* 1, viz. 476 BCE) shows elements of both Orphic cosmology and Orphic eschatology<sup>64</sup>:

*Ol.* 2.19: Χρόνος ὁ πάντων πατήρ

Pindar’s Χρόνος makes one think of the Unaging Time in the Rhapsodies’ narrative and in Pherecydes (B 1, A 8–9 DIELS-KRANZ<sup>6</sup>

<sup>63</sup> This is the only attested example of μήδομαι construed with *accusatiuus cum infinitiuo*.

<sup>64</sup> See LLOYD-JONES 1985; WEST 1983: 110; recently CURRIE 2005: 32

= fr. 14, 60, 65, 66 SCHIBLI), where Χρόνος in fact is the first deity in the genealogy of gods.<sup>65</sup>

*Ol.* 2.30–32:

ἦτοι βροτῶν γε κέκριται  
 πείρας οὐ τι θανάτου  
 ‘truly, for mortals an end in death has in no way been fixed’

The idea that death is not final famously recurs in Orphic gold leaves and a graffito from Olbia:

II B3.1; II B4.1 (PUGLIESE CARATELLI)

νῦν ἔθανες καὶ νῦν ἐγένου  
 ‘now you died and now you were born’

DUBOIS Nr. 94 = ΡΥΣΑΕΒΑ 1978: 89:

βίος θάνατος βίος  
 ‘life-death-life’

Cf. also Emped. fr. B8 (DIELS-KRANZ<sup>6</sup>):

οὐδέ τις οὐλομένου θανάτοιο τελευτή  
 ‘there is no end in destructive death’

Other pieces of Pindaric poetry, too, have an Orphic flavor to them. One of them is fr. 133 (SNELL-MAEHLER), which may or may not belong together with *Olympian* 2. These lines have given rise to hot debates in relation to the Zagreus myth:

οἷσι δὲ Φερσεφόνα ποινὰν παλαιοῦ πένθεος  
 δέξεται.  
 ‘from which (the souls) persephone receives  
 the requital of the ancient grief’

On the whole, an “Orphic” reading of ἐμήσατο in *Pi. Ol.* 2.31 along the lines suggested in the present paper remains an attractive possibility; but further progress on this issue should be reserved for the future.

---

<sup>65</sup> I refrain from any discussion of Zurvanism and possible Iranian influence in this case.

## REFERENCES

Sources:

- Hesiod. *Theogonia. Works and Days* / Edited and translated by G. W. Most. – Cambridge MA: Harvard University Press, 2006.
- Poetarum Melicorum Graecorum Fragmenta / Edidit M. Davies. Vol. I. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1991.
- Alcman: Introduction, texte critique, témoignages, traduction et commentaire / Edidit Claudius Calame. – Romae: in aedibus Athenaei, 1983.
- Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch und Deutsch von H. Diels. Herausgegeben von W. Kranz. 6. Aufl. Hildesheim: Weidmann, 1951–1952. 3 Bde. (= DIELS-KRANZ<sup>6</sup>).
- Schibli, H. S. *Pherekydes of Syros*. – Oxford: Clarendon Press, 1990.
- Poetae Epici Graeci. Testimonia et Fragmenta / Edidit A. Bernabé. Pars II. Fasc. 1–3. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2004–2007.
- The Derveni Papyrus / Edited with introduction and commentary by Th. Kouremenos, G. M. Parássoglou and K. Tsantsanoglou. – Firenze: Leo S. Olschki Editore, 2006.
- Pugliese Caratelli G. *Le lamine d'oro orfiche. Istruzioni per il viaggio oltremondano degli iniziati greci*. – 2 ed. – Milan: Adelphi, 2001.
- Dubois, L. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. – Genève: Librairie Droz, 1996.
- Les argonautiques orphiques / Texte établi et traduit par F. Vian. – Paris: Belles Lettres, 1987.
- Avesta: the Sacred Book of the Parsis / Edited by K. F. Geldner. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1886–1896. 3 Bde.
- The Gāthās of Zarathustra and the Other Old Avestan Texts / Edited and translated by H. Humbach. Heidelberg: C. Winter, 1991. 2 Vols.

Secondary literature:

- Вольф 2003 – Вольф М. Н. *Онтологические аспекты иранских влияний на раннюю греческую философию*. Дис. ... канд. философ. наук / Институт философии и права РАН. Новосибирск.
- Желтова 1995 – Желтова Е. В. *Античная традиция о персидских магах Зороастре, Остане и Гистаспе: (Жанровая принадлежность сохранившихся свидетельств)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб.
- Жмудь 1991 – Жмудь Л. Я. *Все есть число? К интерпретации «основной доктрины» пифагореизма // Mathesis. Из истории античной науки и философии* / Отв. ред. И. Д. Рожанский. М.: Наука. С. 55–74.
- Русяева 1978 – Русяева А. С. *Орфизм и культ Диониса в Ольвии // Вестник древней истории. № 1*. С. 87–104.
- Bailey 1943 – Bailey H. W. *Zoroastrian Problems in the Ninth-Century Books*. Oxford: Clarendon Press.

- Betegh 2004 – Betegh G. *The Derveni Papyrus. Cosmology, Theology and Interpretation.* – Cambridge University Press.
- Böhme 1986 – Böhme R. *Die Verkannte Muse: Dichtersprache und geistige Tradition des Parmenides.* Bern: Francke.
- Boyce 1982 – Boyce M. *The History of Zoroastrianism.* Leiden: E. J. Brill.
- Boyce 1984 – Boyce M. On the Antiquity of Zoroastrian Apocalyptic // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* Vol. 47. – Nr. 1. P. 57–75.
- Boyce, Kotwal 1971 – Boyce M., Kotwal, F. Zoroastrian “bāj” and “drōn” // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* – 1971. – Vol. 34. – Nr. 1. – P. 56–73.
- Bremmer 1999 – Bremmer J. The Birth of the Term ‘Magic’ // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* Bd. 126. S. 1–12 (Reprinted in: *The Metamorphosis of Magic from Late Antiquity to the Early Modern Period* / ed. By J. N. Bremmer and J. R. Veenstra. – Leuven: Peeters. P. 1–12).
- Buchanan Gray 1964 – Buchanan Gray G. The Foundation and Extension of the Persian Empire // *The Cambridge Ancient History.* Vol. 4 / Ed. by J. B. Bury, S. A. Cook, and F. E. Adcock. Cambridge University Press. P. 1–25.
- Burkert 1963 – Burkert W. *Iranisches bei Anaximandros* // *Rheinisches Museum.* Bd. 106. S. 97–134.
- Burkert 1968 – Burkert W. *Orpheus und die Vorsokratiker. Bemerkungen zum Derveni-Papyrus und zur pythagoreischen Zahlenlehre* // *Antike und Abendland.* Bd. 14. S. 93–114.
- Burkert 1969 – Burkert W. *Das Proömium des Parmenides und die Katabasis des Pythagoras* // *Phronesis.* Vol. 14. P. 3–27.
- Burkert 1998 – Burkert W. *Die neuen orphischen Texte: Fragmente, Varianten, Sitz im Leben* // *Fragmentsammlungen philosophischer Texte der Antike = Le raccolte dei frammenti di filosofi antichi : atti del seminario internazionale, Ascona, Centro Stefano Franscini 22–27 settembre 1996* / Hrsg. von W. Burkert. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. S. 387–400.
- Burkert 1999a – Burkert W. *Da Omero ai Magi. La tradizione orientale nella cultura greca.* Venezia: Marsilio.
- Burkert 1999b – Burkert W. *The Logic of Cosmogony* // *From Myth to Reason? Studies in the development of Greek thought* / Ed. by R. Buxton. Oxford University Press. P. 87–106.
- Burkert 2004 – Burkert W. *Babylon. Memphis. Persepolis: Eastern Contexts of Greek Culture.* Cambridge MA: Harvard Univ. Press.
- Calame 1997 – Calame C. *Figures of Sexuality and Initiatory Transition in the Derveni Theogony and its Commentary* // *Studies on the Derveni Papyrus* / Ed. by A. Laks and G. W. Most. Oxford University Press. P. 65–80.
- Catsanicos 1986 – Catsanicos J. *À propos des adjectifs hitt. su-hmili et véd. sū-māya-* // *Bulletin de Société de Linguistique.* T. 81. P. 121–180.

- Coxon 1986 – Coxon A. H. *The Fragments of Parmenides: a Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient Testimonia and a Commentary*. Assen: Van Gorcum.
- Currie 2005 – Currie B. *Pindar and the Cult of Heroes*. Oxford Univ. Press.
- Detienne, Vernant 1974 – Detienne M. and Vernant, J.-P. *Les ruses de l'intelligence. La Métis des Grecs*. Paris: Flammarion.
- Fränkel 1975 – Fränkel H. *Early Greek Poetry and Philosophy*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Götze 1923 – Götze A. *Persische Weisheit in griechischem Gewande: Ein Beitrag zur Geschichte der Mikrokosmos-Idee // Zeitschrift für Indologie und Iranistik*. Bd. 2. S. 60–98; 167–174.
- Guthrie 1962–1965 – Guthrie W. K. Ch. *A History of Greek Philosophy*. – Cambridge University Press. 2 vols.
- Herrenschmidt 1996 – Herrenschmidt C. *Entre Perses et Grecs. I. Democrite et le mazdeisme: Religion, philosophie, science // Transeuphratene*. Vol. 11. P. 115–143.
- Hintze 2004 – Hintze A. *Do ut des: Patterns of Exchange in Zoroastrianism. A Memorial Lecture for Ilya Gershevitch Delivered at the Royal Asiatic Society on 13 June 2002 // Journal of the Royal Asiatic Society*. Series 3. Vol. 14. Nr. 1. P. 27–45.
- Janko 2002 – Janko R. *The Derveni Papyrus: an Interim Text // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 141. S. 1–62.
- de Jong 1997 – Jong A. de. *Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin Literature*. Leiden; New York: Brill.
- Kellens 1991 – Kellens J. *Questions préalables // Iranica Antiqua Suppl. Vol. 5: La religion iranienne à l'époque achéménide. Actes du Colloque de Liège 11 décembre 1987 / Ed. par J. Kellens*. 81–86.
- Kern 1890 – Kern O. *Zu Parmenides // Archiv für Geschichte der Philosophie*. Bd. 3. H. 2. S. 244–253.
- Kingsley 1995 – Kingsley P. *Meetings with Magi: Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy // Journal of the Royal Asiatic Society*. Vol. 5 (Third Series). P. 173–209.
- Kirk 1974 – Kirk G. S. *Rec. ad op.: West 1971 // The Classical Review*. Vol. 24. Nr. 1 (N.S.). P. 82–86.
- Koch 1977 – Koch H. *Die religiösen Verhältnisse der Dareioszeit. Untersuchungen an Hand der elamischen Persepolistafelchen*. Wiesbaden: Harrasowitz (Göttinger Orientforschungen; III. Reihe: Iranica; Bd. 4).
- Koenen 1994 – Koenen L. *Greece, the Near East, and Egypt: Cyclic Destruction in Hesiod and the Catalogue of Women // Transactions of the American Philological Association*. Vol. 124. P. 1–34.
- Laks, Most 1997 – Laks A., Most G.W. *A Provisional Translation of the Derveni Papyrus // Studies on the Derveni Papyrus / Ed. by A. Laks and G. W. Most*. Oxford University Press. P. 9–24.
- Lincoln 2001 – Lincoln B. *The Center of the World and the Origins of Life // History of Religions*. Vol. 40. Nr. 4. P. 311–326.

- Lloyd-Jones 1985 – Lloyd-Jones H. Pindar and the After-Life // Pindare: huit exposés suivis de discussions / Ed. par D. E. Gerber. Genève, 1985. P. 1–32. (Entretiens sur l'antiquité classique. T. 31).
- Most 1987 – Most G.W. Alcman's 'Cosmogonic' Fragment (Fr. 5 Page, 81 Calame) // *Classical Quarterly*. Vol. 37. P. 1–19.
- Mourelatos 1970 – Mourelatos A. P. D. The Route of Parmenides: A Study of Word, Image and Argument in the Fragments. New Haven: Yale University Press.
- Penwill 1974 – Penwill J. L. Alcman's Cosmology // *Apeiron*. Vol. 8. Nr. 2. P. 3–39.
- Rangos 2003 – Rangos S. Alcman's Cosmogony Revisited // *Classica et Mediaevalia*. Vol. 54. P. 81–112.
- Russell 2001 – Russell J. The Magi in the Derveni Papyrus // *Nâme-ye Irân-e Bâstân*. Vol. 1. Fasc. 1. P. 49–59.
- Schwabl 1978 – Schwabl H. Zeus // *Paulys Realencyclopädie* / Hrsg. von K. Ziegler. Suppl. Bd. 15: Acilius biz Zoilos. München: A. Druckemüller. Sp. 993–1481.
- Schwartz 1983 – Schwartz M. The Religion of Achaemenian Iran // *Cambridge History of Iran*. Vol. II / Ed. by I. Gershevitch. Cambridge University Press. P. 664–97.
- Skjærvø 2002 – Skjærvø P. O. Ahura Mazdā and Ārmaiti, Heaven and Earth, in the Old Avesta // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 122. – Nr. 2: Apr. - Jun. (Indic and Iranian Studies in Honor of Stanley Insler on His Sixty-Fifth Birthday). – P. 399–410
- Skjærvø 2005 – Skjærvø P. O. The Achaemenids and the Avesta // *Birth of the Persian Empire* / Ed. by V. S. Curtis and S. Stewart. London; New York. P. 52–84.
- Skjærvø 2008 – Skjærvø P. O. *TAHĀDĪ*: Gifts, Debts, and Counter-gifts in the Ancient Zoroastrian Ritual // *Classical Arabic Humanities in Their Own Terms: Festschrift for Wolfhart Heinrichs on His 65<sup>th</sup> Birthday Presented by His Students and Colleagues* / Ed. by B. Gruendler. Leiden: Brill. P. 493–520.
- Spoerri 1955 – Spoerri W. A propos d'un texte d'Hippolyte // *Revue des Etudes Anciennes*. T. 57. P. 267–290.
- Tarán 1965 – Tarán L. Parmenides. A text with translation, commentary and critical essays. Princeton University Press.
- Tarán 1971 – Tarán L. The creation myth in Plato's Timaeus // *Essays in Ancient Greek Philosophy* / Ed. by J. P. Anton and G. L. Kustas. – Vol. 1. Albany: State University of New York Press. P. 372–407.
- Tsantsanoglou 1997 – Tsantsanoglou K. The First Columns of the Derveni Papyrus and their Religious Significance // *Studies on the Derveni Papyrus* / Ed. by A. Laks and G. W. Most. Oxford University Press. P. 93–128.
- Vernant 1988 – Vernant J.-P. The Myth of Prometheus in Hesiod // *Myth and Society in Ancient Greece* / Trans. by J. Lloyd. New York:

- Zone Books. P. 183–201. (Translation of: *Mythe et société en Grèce ancienne*. Paris: Maspero, 1974).
- West 1963 – West M. L. Three Presocratic Cosmogonies // *Classical Quarterly*. Vol. 13. P. 154–176.
- West 1967 – West M. L. Alcman and Pythagoras // *Classical Quarterly*. Vol. 17. P. 1–15.
- West 1971 – West M. L. *Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford Clarendon Press.
- West 1978 – Hesiod. *Works and Days* / Edited with prolegomena and commentary by M. L. West. Oxford Clarendon Press.
- West 1983 – West M. L. *The Orphic poems*. Oxford Clarendon Press.
- West 1997 – West M. L. Hocus-Pocus in East and West. *Theogony, Ritual, and the Tradition of Esoteric Commentary* // *Studies on the Derveni Papyrus* / Ed. by A. Laks and G. W. Most. Oxford University Press. P. 81–92.
- West 2007 – West M. L. *Indo-European poetry and myth*. Oxf. Univ. Press.
- White 2005 – White H. *What is what-is? A Study of Parmenides' Poem*. New York: Peter Lang.
- Wilamowitz-Möllendorff 1931 – Wilamowitz-Möllendorff U. von. *Der Glaube der Hellenen*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 2 Bde.
- Zeller 1856 – Zeller E. *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. 1. Aufl. Tübingen: L. F. Fues.

### Резюме

Глагол ἐμήσατο ‘измыслил’ в дорвенском папирусе употребляется применительно к сотворению мира и других богов: акт творения осуществляется силой мысли. Эту же идею мы находим и в других орфических теогониях. Параллелью к этому употреблению служит μητίσατο у Парменида в том же значении. Это космогоническое учение идет вразрез с дофилософской космогонией, представленной у Гесиода и в других ранних источниках, согласно которой творение происходит путем совокупления и порождения божеств и физических элементов мира другими богами. Идея боготворца не представлена в древнегреческих источниках ранее VI-го в. до н.э. В статье предлагается трактовать данное орфическое учение как результат контакта с зороастрийскими жрецами в эпоху господства Ахеменидов на побережье Малой Азии: анализируемые в статье примеры из Авесты иллюстрируют зороастрийскую доктрину, согласно которой сотворение мира было осуществлено посредством силы мысли Ахуры Мазды. Попутно в статье разбираются зороастрийские элементы в описании ритуала магов в дорвенском папирусе. В заключении к статье следы того же орфического учения предлагается видеть во второй олимпийской оде Пиндара.



Н. Л. Огуречникова

**Дистрибуция сильных и слабых прилагательных  
в «Старшей Эдде»****1**

Несмотря на постоянный интерес к соотношению двух типов прилагательных в древнеисландском, в скандинавистике до настоящего времени не возникло единства мнений в вопросе о семантике слабых и сильных словоформ, и соответствующие признаки получают противоположные трактовки<sup>1</sup>.

Распространенная трактовка сильных словоформ как «определенных» основывается на допущении, что местоименная флексия является рефлексом указательного местоимения, некогда образовывавшего единую синтагму с прилагательным (Мейе 1952: 124–130). Данное положение, однако, вызывает тот же вопрос, который поставлен славистами относительно структуры и семантики местоименных прилагательных в славянских языках: характеризую определенность предмета, местоимение должно было вступать в единую семантическую связь и образовывать единую синтагму не с прилагательным, а с существительным и должно было стать средством грамматического оформления именно последнего (Кукушкина 1993: 48). Компаративисты и раньше обращали внимание на связь флексий в славянских членных формах с относительным местоимением, однако, насколько нам известно, внимание уделялось собственно морфологии, а не вопросу о том, почему и каким образом значение признакового слова могло быть связано с подобной морфологической структурой. Рассматривая возможные механизмы смыслообразования, стоящие за указанной моделью, Кукушкина, в частности, указывает на русскую разговорную конструкцию, аналогичную синтагмам, на базе которых могли развиваться членные формы: *надень кофту новую которую*, где относительное местоимение используется как средство идентификации предмета по признаку.

---

<sup>1</sup> Сравним, например, трактовки именных и местоименных форм в указанных исследованиях В. Г. Адмони и М. И. Стеблин-Каменского (Адмони 1978: 25; Стеблин-Каменский 1953: 206).

Какими бы ни были гипотезы о характере местоименной флексии в германских и балто-славянских членных словоформах, их невозможно ни доказать, ни опровергнуть напрямую, тем не менее, материал «Эдды», как кажется, косвенно поддерживает гипотезу о связи древнегерманских членных форм с относительным значением флексий.

## 2

С различием в синтаксических позициях прилагательных связана разница в отношениях характеристики (Трубецкой 1987: 37, 67). Прилагательное в зависимости от своей синтаксической позиции может выступать в функции определения и в роли признака с сопутствующим семантическим различием, определяющимся типом синтаксической связи (Смирницкий 1957: 173–174, 231). Предикация всегда связана с волеизъявлением говорящего (Пешковский 1956: 169), с тем, какую дополнительную информацию о денотате он намерен сообщить по своему выбору. В древнеисландском такая информация закреплена за особым лексико-грамматическим разрядом – местоименными прилагательными, которые, вслед за Трубецким, можно назвать признаковыми, в отличие от именных прилагательных, которые являются определительными и употребляются атрибутивно.

Рассматривая предикативное употребление сильных прилагательных, мы будем учитывать типы предикатов, а также любую дополнительную языковую информацию (лексическую, грамматическую, просодическую, информацию, сообщаемую контекстом песни), релевантную для понимания того, каким образом мыслится признак.

Чуть больше половины всех предикативных употреблений сильных словоформ составляют синтагмы с предикатами *vera* «быть» и *verða* «становиться»<sup>2</sup>.

I. Синтагмы с предикатом *vera* «быть» отличаются разнообразием семантических нюансов; мы разобьем их на четыре основных группы в зависимости от наклонения предиката и состава связки (наличия в составе связки претерито-презентных

---

<sup>2</sup> Н. Ю. Гвоздецкая отмечает, что для древнеисландских глаголов *vera* и *verða* «не было свойственно закрепление определенного семантического оттенка за определенной ролью в высказывании» и «употребление их в роли связок могло и не сопровождаться каким-либо ослаблением их лексического значения» (Гвоздецкая 1976: 8).

и других глаголов, указывающих на восприятие говорящим предсказуемого признака). Такая классификация обусловлена тем, что наклонение (грамматика) и претерито-презентные глаголы (лексика) указывают на отношение говорящего к характеру связи между объектом/субъектом и предсказуемым признаком. Такая связь может оцениваться как существующая или не существующая в реальности.

**1. Прямое (изъявительное) наклонение.** Признак оценивается как реально существующий.

**А)** Первый тип структур в рамках данной группы – семантически нейтральные синтагмы, где отсутствует дополнительная информация о характере восприятия признака говорящим. Это редкий тип контекстов<sup>3</sup>.

**В)** Следующий тип – синтагмы, в которых признак мыслится как зависимый от мнения говорящего, о чем можно судить по контексту. В эту группу входят в основном контексты из «Речей Высокого», максимы, отражающие мнение социума, а также единичные контексты из других песен. К примеру, в Grm. 53 Один сообщает Гейрреду, что диски разгневаны (*úfar go dísir*), и поскольку информация о гневе исходит от самого субъекта, пожелавшего сообщить о выбранной предикации, то признак не является семантически нейтральным, зависит от мнения Одина, и его соответствие реальному состоянию Одина возможно, но не обязательно. В Skm. 42 Фрейр говорит о том, что ночь длинна (*löng er nótt*), и выбор признака обусловлен вовсе не временем года (летом ночи короче), а тем, что это ночь в преддверии встречи с Герд, и характеристика по времени оказывается зависимой от эмоционального состояния говорящего.

В «Речах Высокого» условный характер предикативных признаков подчеркивается жанром песни, признаки часто встречаются в суждениях самого общего характера, которые (как и все однозначные утверждения) справедливы лишь отчасти, поэтому и предсказуемые признаки отражают лишь типичную оценку прототипической ситуации (или другого расхожего суждения), ограниченную рамками традиционного сознания, что

---

<sup>3</sup> Prk. 1 *Reiðr var þá Vingþórr / er hann vaknaði / ok síns hamars / um saknaði* «Разъяренным был Вингтор, когда он проснулся и не нашел своего молота» См. также конетксты: Grm. 22, Háv. 47, Vsp.8.

говорит об относительности и условности отношений характеризации<sup>4</sup>.

С) Местоименные словоформы часто используются в оценочных синтагмах, когда говорящий обращается непосредственно к характеризуемому объекту/субъекту, сообщая мнение о нем<sup>5</sup>.

Д) Ряд контекстов связан с семантикой выбора (признака или субъекта-носителя предикативного признака). В контекстах данного типа в придаточных предложениях обычно указывается основание или условие для выбора субъекта, которому может быть предцирован признак<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Háv. 41 Vápnom ok váðom / skolo vinir gleðiaz, / þat er á sjálfum sýnst «Оружью и одежде должны друзья радоваться, это само по себе очевидно»

<sup>5</sup> Grm. 51 Ölr ertu, Geirröðr! «Пьян ты, Гейрред!» (Один о конунге Гейрреде)

Vm. 19 Fróðr ertu nú, gestr «Сведущ ты сейчас, гость» (Вафтруднир об Одине)

Ls. 26 [Loki kvað:] Þegi þú, Frigg, / þú ert Fjörgyns mæ /ok hefir æ vergjörn verit «Молчи, Фригг, ты дочь Фьергун и всегда была (и есть – перфект, презент) похотлива»

Примеры типа Ls.26, где в состав предиката входят наречия, указывающие на постоянный характер предцируемого признака, показывают, что говорящий может считать предцируемый признак постоянной характеристикой денотата, в связи с этим удобно развести понятия предикативного и временного признаков. Предикативный признак, являясь внешним по отношению к денотату, не обязательно является временным, с точки зрения говорящего.

<sup>6</sup> Háv. 8 Hinn er sæl, / er sér um getr / lof ok líknstafi «Счастлив тот, кто себе снискал славу и доброе имя»

Háv. 89 þá er jóg ónýtr / ef einn fótr brotnar «конь негоден, если у него одна нога хромает»

Háv. 23 Þá er móðr / er at morni kœmr «Тот усталый, кто приходит под утро»

В некоторых контекстах, где отсутствует придаточное определительное, местоименные детерминативы указывают на то, как говорящий оценивает денотативный класс с точки зрения его соответствия предцируемой характеристике (оценка распространенности выбранных отношений характеризации).

Háv. 32 Gunnar margir / erosk gagnhollir «Многие люди взаимно добры»

Е) Часто на оценку признака говорящим указывают наречия меры и степени<sup>7</sup>.

Ф) Часто прилагательное в предикативной позиции имеет зависимое дополнение, указывающее на субъекта-реципиента признака, и признак, таким образом, связан с субъектно-объектной (межсубъектной) семантикой. Говорящий не только выбирает признак для предикации, но и оценивает, по отношению к кому характеристика является справедливой или значимой<sup>8</sup>.

К данной группе контекстов примыкают структуры с прилагательным *vanr* «лишенный чего-либо». Данное прилагательное употребляется исключительно предикативно и предполагает,

Háv. 88 Akri ársánom / trúi engi maðr, / né til snemma syni: / ... / hætt er þeiga hvárt. «Ранним всходам не верь и сыну до срока: ... каждое опасно».

Затруднения, испытываемые говорящим при выборе правильного признака, – свидетельство тому, что предиклируемая характеристика является субъективной и зависит от того, насколько верно говорящий оценивает характеризваемый объект/субъект.

Skm. 12 [Hirðir kvað] : Hvárt ertu feigr /eða ertu framgenginn? «Который ты из двух, обреченный на смерть или мертвый?»

<sup>7</sup> Vm. 31 Því er þat æ allt til atalt «вот почему все (мы) чрезмерно жестоки»

Háv. 12 Era svá gott, / sem gott kveða, / öl alda sonom «Не до такой степени полезно, как об этом говорят, пиво для сынов человеческих»

Háv. 69 Erat maðr allz vesall «Человек не бывает совсем несчастен»

Иногда контекст строфы содержит дополнительную информацию о том, в какой мере справедлива выбранная характеристика:

Þrk. 26 = 28 Át vætr Freyja / átta nóttom, / svá var hón óðfús / í jötunheima «Ничего не ела Фрейя восемь суток, вот как ей не терпелось попасть к йотунам (букв.: вот какой она была нетерпеливой в мир йотунов)»

Наречия меры (часто, редко) в составе предиката указывают, в какой степени, по мнению говорящего, справедлива выбранная предикация:

Háv. 134 opt er gott / þat er gamlir kveða «часто хорошо то, что говорят старики»

<sup>8</sup> Háv. 91 brigðr er karla hugr **konom** «ненадежен разум мужчин **для женщин**»

Ls. 31 Flá er þér tunga «обманчив язык **для тебя**»

Hym. 9 er minn frí / mörgo sinni / glöggr við gesti «мой супруг часто скуп **по отношению к гостю**»

Ls. 31 reiðir ro þér æsir / ok ásynior «разгневаны **на тебя** асы и асиньи»

Другие контексты данного типа: Ls. 55, Skm. 33, Háv. 37, 103, 153.

что определяя признак, говорящий устанавливает смысловую связь между двумя денотатами<sup>9</sup>.

**G)** В контекстах данной группы признак мыслится как зависимый от ситуации.

Предикативный признак может мыслиться и как ситуативно ограниченный, относящийся лишь к определенным действиям субъекта.

Ls. 29 *Ær ertu, Loki, / er þú uðra telr / ljóta leiðstafi* «Безумен ты, Локи, когда говоришь свои ужасные речи»

Контекст может также указывать на причину возникновения признака (наличие у прилагательного дополнений с предлогом *af*) или на условия его реализации (обстоятельства места и времени)<sup>10</sup>.

**2.** Сослагательное наклонение глагола-связки указывает, что говорящий оценивает признак как несуществующий в реальности. В зависимости от грамматического времени предиката признак мыслится как возможный или невозможный<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> Ls. 39 *Handar em ek vanr* «Мне не хватает руки (Я есть лишенный руки)»

*Háv. 22 hitki hann veit / er hann vita þyrpti, at hann er<a> vamma vanr* «того он не знает, что ему необходимо знать, – что он не лишен порока».

<sup>10</sup> *Háv. 69 sumr er af sonom sæll* «некоторые находят счастье в детях (букв. от детей счастливы)»

*Háv. 103 Heima glaðr gumí* «Дома радостен человек»

Ls. 45 *því em ek hér hróðugr, / at drekka Hropts megir / allir öl saman* «оттого я здесь храбр, что сыны Хрофта пьют пиво все вместе»

*Hym. 25 Óteitr jötunn, / er þeir aþr þero* «Невесел (был) йотун, когда они назад гребли»

Другие контексты данного типа: *Þrk. 27, Hrb1. 50, Ls. 15.*

<sup>11</sup> **A)** Настоящее время глагола-связки.

В контекстах данной группы предикативный признак часто встречается в составе придаточного уступительного (максимы «Речей Высокого») и оценивается как возможный и вероятный.

*Háv.36 = Háv.37 Ví er betra, þótt lítit sé* «Дом лучше иметь, даже если он мал»

Аналогичный контекст – *Háv. 69.*

Ls. 15 *Bragi bekkskrautuðr! / vega þú gakk, ef þú <v>reiðr sér* «Браги, приросший к скамье! Биться иди, если ты храбрый»

*Hrb1.4 dauð hygg ek at þín móðir sé* «я думаю, что мертва твоя мать»

При этом контекст также может указывать на субъекта-реципиента признака (сравним с 1. F) и на условия возникновения признака:

3. Императив. Признак мыслится как несуществующий в действительности, но обязательный (в основном конструкции с прилагательным *heill* «целый, здоровый»).

Нум. 11 *Ver þú heill*, Нумир «Будь здоров, Хюмир»

Сходные конструкции: *Ls.* 53, *Skm.* 37, *Vm.* 6, *Háv.* 164

4. Большую часть структур с предикатами, осложненными претерито-презентными глаголами, составляют синтагмы, где в состав предиката входит глагол *skulu* «долженствовать». Как и в случае косвенных наклонений глагола-связки, претерито-презентные глаголы характеризуют признак как не существующий в реальности, но обязательный, желательный, возможный (в зависимости от лексического значения глагола).

А) *Skulu vera* в сочетании с прилагательным. Отношения характеристики, по мнению говорящего, отсутствуют, но являются обязательными<sup>12</sup>.

*Háv.* 162 *þó sé þér góð ef þú getr, / nýt ef þú nemr; / þörf ef þú þiggr* «Все же («Речи Высокого») были бы для тебя хороши, если ты их услышал, полезны, если ты их запомнил, полезны, если ты их понял»

В рамках данной группы встречаются контексты, указывающие на выбор одного из двух (нескольких) признаков, допускаемых говорящим:

*Vm.* 6 *hitt vil ek fyrst vita, / ef þú fróðr sér / eða alsviðr, jötunn* «Вот что я хочу сначала узнать, умный ты или премудрый, йотун»

В) Прошедшее время глагола-связки указывает на то, что признак мыслится как невозможный.

*Ls.* 54 *Ein þú værir, /ef þú svá værir, / vör ok gröm at veri* «Не стал бы я говорить, если бы ты была недоступной и грозной для мужа»

Другие контексты такого типа: *Hrbl.* 9, 18.

<sup>12</sup> *Grm.* 3 *Heill skaltu, Agnar, / allz þik heilan biðr Veratýr vera* «Ты обязательно должен быть здоров, Агнар, ведь здоровья тебе желает Вератюр»

Сходные контексты: *Háv.* 6, 46, 103.

В синтагмах с глаголом *skulu* в составе предиката встречается наречие *æ* «всегда», классифицирующее отношения характеристики как обязательные и постоянные

*Skm.* 31 *Með þursi þríhöfðudum / þú skalt æ nara, / eð<a> verlaus vera!* «Ты должна **всегда** влачить существование с трехголовым турсом или **быть незамужней!**» Отношения характеристики могут расцениваться говорящим как желательные, показателем этого выступает опатив претерито-презентного глагола.

*Háv.* 15 *Þagalt ok hugalt / skyli þjóðans barn / ok vígdjarft vera; / glaðr ok reifr / skyli gumna hvern, / unz sinn biðr bana* «Спокойным и вдумчивым

В) В составе связки встречается также другой претеритно-презентный глагол, типу «намереваться», а также слабый глагол *vilja* «хотеть», и отношения характеристики осмысляются как потенциальные или желательные соответственно. В случае типу «намереваться» также заметно ослабление лексической семантики глагола, когда он выступает в функции связки, поэтому отношения характеристики различаются лишь в зависимости от времени и наклонения и оцениваются как возможные или невозможные.

1) Munu. Настоящее время, изъявительное наклонение<sup>13</sup>.

2) *Vilja* «хотеть, желать»<sup>14</sup>

II. Предикативные структуры со связкой *verða* «становиться» малочисленны, менее разнообразны по

лучше быть отпрыску конунга и храбрым в бою; радостным и веселым лучше быть каждому человеку до своей смерти.»

Сходные контексты: *Háv.6, 54 = 55, 56.*

<sup>13</sup> *Háv. 162 ljóða þessa mundu, Loddafafnir, / lengi vanr vera* «в заклинаниях этих, Лодфифнир, ты будешь долго нуждаться (т. е. эти заклинания будут тебе неизвестны)»

Характеризация может оцениваться как постоянная:

*Ls. 13 Íós ok armbauga / mundu æ vera / beggja vanr, Bragi* «Ни коня, ни кольца никогда у тебя не будет, Браги (букв. Браги, ты всегда будешь нуждающимся как в коне, так и в кольце)»

*Munu* может входить в состав связки в форме претерита оппотива, при этом отношения характеристики оцениваются как невозможные:

*Hrbl. 23 Þórr kvað: Ek var austr / ok jötna barðag / brúðir bölvísar, / er til bjargs gengo; / mikil myndi ætt jötna, / ef allir lifði* «Тор сказал: Я был на востоке и бил злых жен великанов, когда они шли к горам (место, где живут горные великаны – Н.О.); **большим был бы род великанов**, если бы все они жили»

<sup>14</sup> *Háv. 103 Heima glaðr gumi / ok við gesti reifr, / sviðr skal um sik vera, / minnigr ok málugr, / ef hann vill margfróðr vera* «Дома должен быть радостен человек и с гостем приветлив, разумным должен быть сам, памятливым и речист, если он хочет быть очень мудрым»

В данном случае предиктируемая семантика волеизъявления, включение предикации в состав придаточного цели (несмотря на формально условную структуру), а также указание условий, соблюдение которых необходимо для выполнения этой цели, свидетельствует о том, что говорящий связывает предикацию (*vera margfróðr* «быть мудрым») с внешней оценкой, и наличие предиктируемого признака ставится в зависимость от чужого восприятия субъекта, потенциального носителя предикативного признака.



сравнению со структурами первой группы (I), однако их отличают те же семантические и структурные особенности, которые отмечены нами при анализе синтагм со связкой *vera* «быть».<sup>15</sup>

**III.** В оставшихся структурах, число которых чуть меньше, чем число структур с составным именным сказуемым со связками *vera* «быть» и *verða* «становиться», характер смысловых отношений между актантами определяется особенностями синтаксических конструкций. Все конструкции синтаксически однообразны и связаны с тремя типами: 1. *Nominatīvus Duplex*, 2. *Accusatīvus Duplex* 3. *Accusatīvus cum Infinitīvo*. Далее мы будем рассматривать типы семантических отношений признаков

<sup>15</sup> 1. Изъявительное наклонение глагола-связки.

**A)** Нейтральные структуры.

*Þrk.* 13 *Reið varð þá Freyja / ok fnásaði* «Гневной стала тогда Фрейя и фыркала»

Сходные контексты: *Háv.* 14, 47, 53; *Skm.* 25, *Vsp.* 41.

**B)** Предикация в составе главного предложения в сочетании с придаточным условием, ограничивающим отношения характеристики:

*Háv.* 55 *þvíat snotr's mannz hjarta / verðr sjaldan glatt, / ef sá er alsnotr er á* «поскольку редко становится радостным сердце умного человека, если тот очень умен, кому оно принадлежит»

**C)** Выбор субъекта-носителя предикативного признака

*Háv.* 74 *Nótt verðr feginn / sá er nesti trúir* «Ночью радостен тот, кто верит запасам»

**D)** При прилагательном возможны дополнения, указывающие на условия возникновения признака и на оценку меж-субъектных отношений говорящим

*Háv.* 57 *maðr af manni / verðr at máli kuðr, / en til dølskr af dul* «Человек становится умным, беседуя с другим, и очень глупым от молчания»

**2.** Императив. Признак оценивается как несуществующий, но настоятельно рекомендуемый.

*Háv.* 128 *illo feginn verðu aldregi* «Дурному не радуйся никогда (букв. дурным доволен не становись никогда)». В данном случае характеристика предполагает оценку отношения субъекта-носителя признака к денотативному признаку внешнего объекта (*illt* – «дурное»).

**3.** Наличие претерито-презентных глаголов в составе связки характеризует признак как потенциальный (не существующий в момент речи).

*Ls.* 5 *auiðigr verða / mun ek í andsvörom, / ef þú mælir til mart* «Богатым я намереваюсь быть в ответных речах, если ты будешь много говорить»

и предикатов, следуя указанной синтаксической классификации конструкций.

### 1. Двойной именительный.

А) Синтагмы с предикатами механического (физического) действия, включая предикаты движения и положения в пространстве. В таких синтагмах признак мыслится в связи с глагольным действием, то есть семантические отношения внутри конструкции говорят о существовании определенного условия для установления (возникновения) отношений характеристики. Этим условием оказывается действие характеризуемого субъекта, и признак оказывается зависимым от реализации (актуализации) другого признака субъекта, а именно – признака, соответствующего семантике глагола. Таким образом, предиктируемый признак условен, не является автономной характеристикой своего носителя и обретает значимость только при условии реализации другого признака<sup>16</sup>.

В синтаксических структурах данной группы (как и в структурах с составным именным сказуемым) встречаются наречия, указывающие на постоянный характер предиктируемых признаков (глагольных и именных).

Grm. 22 Valgrind heitir, / er stendr velli á / heilög fyr helgom durum «Вальгринд зовутся, стоят в чистом поле, священные перед священными дверьми»

Утверждение о временном характере предикативного признака, обозначенного сильным прилагательным, в конструкциях с синтетическим характером предикации было бы в целом неправильным. Признаки (именной и глагольной) могут быть и постоянными, кроме того, в контексте может и не быть показателей постоянного характера глагольного действия, и тем не менее признаки мыслятся как постоянные, и такой тип

<sup>16</sup> Примеры предикатов и предикативных признаков, встречающихся в данном типе конструкций: fara, koma heill «ехать, приходиться целым и невредимым» (Vm. 4); þrúma þurffjallr «сидеть не тревожась» (Háv. 30), sitja (sáttir «сидеть довольным» Vm. 41; barnteitr «сидеть счастливым как дитя» Нум. 2; kугr «сидеть спокойным» Нум. 19.5), standa (mjök fagr «стоять очень красивым» Vsp. 31, berbeinn «стоять с голыми ногами» Hríbl. 6, alsvartr «стоять полностью черным» Нум. 18.5–19.4; 33), liggja hálfdaufir «лечь полумертвым» (Нум.37).

контекстов, хотя и не является самым распространенным, но регулярно встречается в «Эдде»<sup>17</sup>.

Помимо предикатов движения и положения в пространстве в составе этой группы возможны и другие предикаты: *rísa harðr* «встать суровым» (Hym. 31); *draga svangr* «тащить голодным» (Grm. 37); *drekka glaðr* «пить радостным» (Grm. 18); *vega reiðr* «сражаться яростным» (Ls. 18), *látast af frækinn* «спускаться (с коня) жаждущим (мести)» (Grm. 17); *finnast vígs ótrauðr* «сходиться жаждущим битвы» (Skm. 24) и др. Возможно наличие претерито-презентного глагола, подчеркивающего условный характер предикации<sup>18</sup>.

**В)** Синтагмы с предикатами ментального восприятия семантически прозрачны, предикативный признак в них мыслится за-

<sup>17</sup> Vm. 48 *hverjar ro þær meujar / er líða mar yfir, / fróðgeðjaðar fara?* «что это за девы, которые парят над морем, мудрые движутся?»

Вопрос Одина касается не конкретного факта, а модели мироздания, и парящие над морем девы присутствуют в этой модели не только в момент, когда Вафтруднир и Один состязаются в мудрости. В связи с этим глагольное действие, без сомнения, мыслится как неопредельное, несмотря на отсутствие каких-либо маркеров аспектуальности.

Другой пример постоянных предикативных признаков:

Vsp. 19 *har baðmr, ausinn hvítauri; /... / stendr æ yfir grœnn / Urðar brunni* «высокое дерево, омытое светлой влагой, ... стоит вечно зеленое над источником Урд». В составе предиката возможен глагол *skulu* «долженствовать», подчеркивающий обязательности отношений характеризации:

Vm. 16 *Ífing heitir á, /... /opin renna hón skal um aldrdaga, /verðrat íss á á* «Ивинг зовется река, ... открытая должна она течь вечно, не будет льда на реке» В данном случае о постоянном характере отношений характеризации говорит сочетание *um aldrdaga* «до конца времен».

<sup>18</sup> Vm. 24 *knátto vanir vígspá / völlu sporna* «могли ваны, возвещающие о войне, идти по равнине».

Вельва, описывая картину первой в мире войны, говорит об определенном моменте в прошлом: *brotinn var borgðvegg / borgar ása* «сломана была стена крепости асов». Признак *vígspá* «возвещающий о войне» мыслится именно в связи с указанным моментом, однако в тот момент, о котором говорила Вельва, асы еще не шли по равнине, и признак остался потенциальным (уже могли идти, но пока еще не пошли). Глагол *kná* «мочь» указывает на наличие в прошлом реальной возможности для реализации потенциального признака, связанного с глагольным действием.

висимым от внешнего восприятия (предикаты: þykkja, sýnast «казаться, оцениваться как», huggja «думать») <sup>19</sup>.

2. Двойной винительный. Основная часть структур этой группы в соответствии с классификацией, приведенной в синтаксических исследованиях А. В. Попова (Попов 1881: 251), относятся к типу конструкций со вторым винительным, являющимся предикативным определением (приложением) к первому. Разграничение двойных винительных и вторых винительных удобно, поскольку между этими типами синтаксических конструкций существует очевидное семантическое различие. Именно по этой причине классификация Попова принята синтаксистами, при этом двойные винительные иногда называют двойными объектными винительными (Крысько 1997: 39–40), что в большей степени соответствует семантике этой конструкции.

А) Двойной объектный винительный. Структуры данного типа единичны <sup>20</sup>.

<sup>19</sup> Vsp. 32 Varð af þeim meiði / er mæR sýndiz, / harmflaug hættlig «Стало то древо, которое казалось стройным, вредоносной стрелой»

Háv. 28 Fróðr sá þykkiz / er fregna kann / ok segja it sama «Мудрым считается тот, кто умеет спросить и ответить»

Grm. 21 árstraumr < þikkir > ofmikill / valglaumi at vaða «убитым воинам течение кажется слишком сильным, чтобы перейти реку»

Нум. 15.5-16.4 þótti három / Hrungnis spjalla / verðr Hlórriða / vel fullmikill «показалась седому товарищу Хрунгнира еда Хлорриды очень питательной».

Háv. 47 auðigr þóttumz / er ek annan fann / maðr er mannz gaman «считал себя богачом, встретив другого, человек человеку радость»

Háv. 30 margr þá fróðr þikkiz, / ef hann fregin erat «многие кажутся мудрыми, если их не спрашивают».

К этой группе предикативных синтагм примыкает один контекст со сложным сказуемым vilja heitinn horskr «хотеть называться умным»:

Háv. 63 Fregna ok segja / skal fróðra hverr, / sá er vill heitinn horskr «Спросить и ответить следует каждому мудрому человеку, если он хочет, чтобы его назвали умным» Мы уже рассматривали подобные типы контекстов, анализируя синтагмы с составным именным сказуемым со связкой vera (I. 4. B, Háv. 103; I. 1. D). С одной стороны, наличие признака ставится в зависимость от соблюдения определенных условий (от реализации других признаков субъекта). С другой стороны, признак связывается с внешней оценкой, с чужим мнением, а не с реальными свойствами субъекта. Кроме того, признак рассматривается как желаемый, а не как реально существующий благодаря наличию глагола vilja «хотеть».

**В)** Второй винительный. Основную часть конструкций этой группы составляют синтагмы с предикатами зрительного и ментального восприятия, а также синтагмы с предикатами вербального выражения мнения, где признак зависит от внешней оценки (чужого мнения) или от внешнего восприятия<sup>21</sup>.

**3.** Винительный с инфинитивом в неосложненном виде – редчайшее явление в «Эдде»<sup>22</sup>.

<sup>20</sup> Vsp. 35 Hapt **sá** hón liggja / undir hvera lundi, / lægjarn líki / Loka **áþekkian** «Пленника она видела, лежащего под деревьями в роще, тело коварное (букв. «жаждущее яда, то есть коварства»), сходное с Локи» Указанная синтагма из «Прорицания Вельвы», самой архаичной из песен «Эдды», является уникальной по степени синтетичности. В одной строке уместается сразу несколько синтаксических структур, синтез которых ведет к смысловой многогранности возникающего речевого образа:

1) Первый объектный винительный, осложненный инфинитивом: **Sá hón hapt liggja** «Видела она пленника лежащего» (Acc. + Inf.)

2) Дополнительный объектный винительный, осложненный вторым винительным (или предикативным признаком) с зависимым дополнением: **Sá hón lægjarn líki Loka áþekkian** «Видела она коварное тело, сходное с Локи»

<sup>21</sup> Предикаты зрительного и ментального восприятия: Skm. 23=25 **Sér þú þenna mæki, / mæg, / mjóvan, málfan** «Видишь ты, дева, меч, цветной, украшенный орнаментом».

Hrbl. 13 Harm **ljótan** mér **þikkir** í því, / at vaða um váginn til þín «Большой вред я нахожу в том, чтобы идти к тебе через пролив».

См. также следующие контексты: Hrbl. 20; Vm. 2; Skm. 5.

Предикаты вербального выражения мнения: kveða «говорить», segjast «сообщать о себе», telja «говорить», kalla «звать» и др.

Ls. 45 Byggvir ek heiti, / en mik **bráðan kveða** / goð öll ok gumar «Меня называют Бюггвиром, и говорят, что я вспыльчивый, все боги и люди»

Vm. 26 Segðu þat it fjórða, / allz þik **fróðan kveða** «скажи четвертое, если говоришь, что ты мудрый»

Segðu þat it þriðja, / allz þik **svinnan kveða** «Скажи третье, если говоришь, что ты умный»

См. также следующие контексты: Vm. 24 ;Нум. 28; Háv. 12; Нум. 20; Skm. 19; Skm. 4; Þrk. 17; Ls. 52

В конструкциях данного типа возможны и другие предикаты, в основном это предикаты принадлежности (eiga «владеть», hafa «иметь»), также предикаты механического действия и некоторые другие. Однако структуры с предикатами данного типа единичны.

<sup>22</sup> Skm. 6 Í Gymis gögðom / ek **sá** ganga / mér **tíða** mey «Во владениях Гюмира видел я дорожку для меня деву».

## 3

Обращаясь к сравнительному анализу атрибутивных употреблений сильных и слабых прилагательных, следует отметить отсутствие предикатов речи в структурах, где слабое прилагательное выступает в роли определения к объекту. В то же время предикаты указанной семантики встречаются в сочетании с сильными прилагательными, хотя такое сочетание не является распространенным<sup>23</sup>.

Кроме того, в отличие от слабых прилагательных, сильные прилагательные не встречаются в конструкциях *Datīvus Qualitātis*, что может объясняться субъективным характером признака, обозначаемого сильной формой:

Háv. 22 *Vesall maðr / ok illa skapi / hlær at hvívetna* «Убогий человек и с дурным нравом смеется над всеми»

В субъектных структурах также встречаются контексты, где признак, обозначенный сильным прилагательным, мыслится как

Доверяя дифференцирующей функции фразового ударения, мы можем считать, что характеристика *tíð* «дорогая» в данном случае является определением, а не предикативным признаком, и конструкция является редким случаем простого винительного с инфинитивом. В основном эта конструкция встречается в осложненном виде, со вторым винительным (или предикативным признаком):

Háv. 97 *Billings mey / ek fann beðjom á / sólhvíta sofa* «Билинга дочь я нашел на кровати солнечно-светлую спящей».

<sup>23</sup> *Skm. Seztu niðr / en ek mun segja þér / sváran súsbreka / ok tvennan trega* «Садись (вниз), и я могу рассказать тебе о глубокой печали, о тяжелом горе»

*Ls. 29* *Ǫerr ertu, Loki, / er þú uðra telr / ljóta leiðstafi* «Безумен ты, Локи, когда говоришь свои ужасные речи»

В структурах, где слабая словоформа является определением к объекту, также отсутствует группа предикатов, связанных с семантикой выбора (хотя в ряде случаев, возможно, косвенно), однако такие предикаты встречаются в объектных структурах с сильными словоформами. Возможно, это связано с тем, что выбор производится на основе признака и предполагает субъективную оценку по признаку.

Háv. 130 *ef þú vilt þér góða kono / kveðja at gamanrúnom* «если ищешь встречи с хорошей девой для тайных игр»

*Grm. 8* *en þar Hropt / kýss hverjan dag / vápnauða vera* «и там Хрофт выбирает каждый день погибших в битве мужей»

результат визуального восприятия, несмотря на свой при-  
субстантивный характер<sup>24</sup>.

При рассмотрении функционального противопоставления сильных и слабых прилагательных в языке «Эдды» обращает на себя внимание характер семантического ограничения данной оппозиции. Слабые словоформы не связаны с семантикой внешнего восприятия или оценки, соответствующие признаки всегда обозначаются сильными прилагательными<sup>25</sup>.

#### 4

Рассмотренный материал позволяет предположить, что противопоставление сильных и слабых прилагательных в языке «Эдды» было связано с характером осмысления признака. Признаки, обозначаемые слабыми прилагательными, мыслились как внутренние, данные в субстанции, не зависящие от внешнего восприятия. Напротив, признаки, обозначенные сильными

<sup>24</sup> Háv. 93 opt fá á horskan, / er á heimskan ne fá, / **lostfagrir** litir «Часто умного волнует то, что не волнует глупого, – оттенок кожи» Интересно также обратить внимание на актуальное членение данной синтагмы, при котором грамматический субъект с семантической точки зрения является объектом оценки и по этой причине выносится горящим в рему.

<sup>25</sup> Признаки теплового восприятия: heitr «горячий, обжигающий» (Grm. 1), svalr «холодный» (Vsp. 3, Grm.7); varmr «теплый» (Vm. 26) Признаки параметрической оценки: djúpr «глубокий» (Alv.12, 24, Hrbl. 18, Hym. 5); fullr «полный» (Háv. 69, Hrbl. 26); hallr «неполный» (Háv. 52); hálftr «половинный» (Grm. 14, Háv. 52, 53, 59, Skm. 42, Hym. 26); hár «высокий» (Vsp. 19, 46, 57, Háv. 119, 152, Grm. 17), jafnhöfugr «равный по весу» (Skm. 21); endlangr «длиной от одного конца до другого» (Þrk. 27, Skm. 3); langr «длинный, долгий (пространственная и временная оценка)» (Ls. 6, 35, 62); miðr «серединный» (Vsp. 6, Þrk. 9); ofanverðr «верхний» (Skm. 31); seinn «поздний» (Hrbl. 50); skammr «короткий» (Háv. 74, Hym. 15, Hrbl. 59); tvennr «двойной» (Skm. 29); valr «овальный» (Hym. 31); víðr «широкий» (Vsp. 63, Grm. 8) и др. Оценка субъекта по его речевым проявлениям: hraðmæltr «хвастливый» (Háv. 6); hræsinn «хвастливый» (Háv. 6); hæðinn «насмешливый» (Háv. 31); málugr «разговорчивый» (Háv. 103); þögull «молчаливый» (Háv. 6, 15); orðbægin «резкий на словах» (Hym. 3) и другие. С семантикой выбора из ряда (класса) связаны все местоименно-указательные прилагательные «Эдды»: allr «весь, целый», hvern «каждый», annarr «другой», báðir «оба», görvallr «абсолютно весь», margr «многий», sumr «некоторый», fárr «немногий» и др.

прилагательными, мыслились как внешние, зависящие от восприятия, и поскольку восприятие предполагает наличие воспринимающего субъекта, то признаки, обозначенные сильными прилагательными, были субъективными, связывались с субъектно-объектной и оценочной семантикой (в отличие от признаков, обозначенных слабыми прилагательными, которые мыслились как объективно данные в мифологических субъектах). Сильные словоформы в «Эдде» обозначали внешние, предметно-относительные признаки, структурно-семантическое поле сильных словоформ было связано с субъектно-объектной (межсубъектной) и оценочной семантикой<sup>26</sup>.

Функциональная специфика сильных словоформ в «Эдде» возвращает нас к вопросу об их морфологической структуре. Если местоименной структуре сильных словоформ соответствовала относительная семантика, то признаки, обозначенные сильными прилагательными, должны были быть связаны именно с ситуацией выбора и/или идентификации и, следовательно, предполагали наличие субъекта, который устанавливал наличие признака и идентифицировал предмет-носитель признака. Таким образом, местоимение, входившее в морфологическую структуру сильных словоформ, указывало на наличие субъекта, производящего оценку по признаку, в связи с чем признаки должны были мыслиться как внешние, предметно-относительные, связанные не с объективными свойствами (природой) субъекта, а с его внешним восприятием, с субъективной оценкой, мнением субъекта, который устанавливал наличие или отсутствие у предмета того или иного признака, о чем и говорит материал «Старшей Эдды».

---

<sup>26</sup> Другой точки зрения придерживается Е. С. Кубрякова: «исходные формы прилагательных – формы сильного типа – использовались для простой констатации какого-либо признака, формы же ... слабого склонения, ... служили для введения того же признака как специфического для определяемого предмета, т. е. с оценкой его важности, существенности, неотчуждаемости. Сильный атрибут – это констатирующий атрибут, слабый – оценочный» (Историко-типологическая морфология 1977: 342). Мы не находим в «Старшей Эдде» материала, подтверждающего указанную точку зрения, и анализ словоупотреблений приводит нас к другому выводу: слабый атрибут – это констатирующий атрибут, а сильный – предметно-относительный, он связан с семантикой внешнего восприятия и в ряде случаев бывает оценочным.



У нас нет никаких оснований для гипотез о характере синтагм, на базе которых развились германские членные словоформы, поэтому мы не вступаем в спор с Мейе и не утверждаем, что местоименные флексии древнеисландских членных словоформ были связаны именно с относительными и.е. основами \*kwi-/kwo-, а не с указательными \*te-/to-. Очевидно, что местоименная флексия вполне могла быть указательной, но при этом признаковое слово могло развить относительное значение, связанное с относительной структурой исходной синтагмы (обратим внимание на наличие указательного местоимения в обороте *tot, который*). Рассматривая дистрибуцию сильных и слабых словоформ в «Эдде», мы хотим лишь привлечь внимание к тому обстоятельству, что язык «Старшей Эдды» говорит о вероятном функциональном сходстве германских местоименных прилагательных с местоименными прилагательными языков балто-славянской группы, вопреки точке зрения, представленной в (Прокош 1966: 59; Сравнительная грамматика 1966: 282).

## ЛИТЕРАТУРА:

- Адмони 1978 – Адмони В. Г. Монофлексия // Историко-типологическая морфология германских языков. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия. М.: Наука.
- Гвоздецкая 1976 – Гвоздецкая Н. Ю. «Синтаксическая структура древнеисландских адъективно-субстантивных словосочетаний». Автореферат дисс. М.
- Историко-типологическая морфология 1977 – Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М.: Наука.
- Крысько 1997 – Крысько В. Б. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М.: Индрик.
- Кукушкина 1993 – Кукушкина О. В. К вопросу о возникновении славянских членных форм прилагательных и перфективирующей функции глагольных приставок // Исследования по славянскому историческому языкознанию. М.: МГУ.
- Мейе 1952 – Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М.: Изд-во иностранной лит-ры.
- Пешковский 1956 – Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.
- Попов 1881 – Попов А. В. Синтаксические исследования. Воронеж.
- Прокош 1966 – Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Смирницкий 1957 – Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках.

- Сравнительная грамматика 1966 – Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. Морфология. М.: Изд-во АН СССР.
- Стеблин-Каменский 1953 – Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.-Л.: Изд-во АН СССР.
- Трубецкой 1987 – Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс.

**Издания древнеисландских памятников:**

- Helgason Jón (ed.) Eddadigte. Völuspá, Hávamál. København – Oslo: Munksgaard. 1955.
- Helgason Jón (ed.) Eddadigte. II Gudedigte. København – Oslo: Munksgaard. 1961.
- Helgason Jón and Holtsmark, Anne (eds.) Snorri Sturluson. Edda. København – Oslo: Munksgaard. 1969.
- Kuhn, Hans (ed.) EDDA. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Herausgegeben von Gustav Neckel. (5<sup>th</sup> edition). Heidelberg: C. Winter. 1983.

**Сокращения:**

Alv. – Alvíssmál “Речи Альвиса”; Grm. – Grímnismál “Речи Гримнира”; Háv. – Hávamál “Речи Высокого”; Hrbl. – Hárbarðsljóð “Песнь о Харбарде”; Нум. – Нумсквиða “Песнь о Хюмире”; Ls. – Lokasenna “Перебранка Локи”; Skm. – Förg Skírnis “Поездка Скирнира”; Vm. – Vafþrúðnismál “Речи Вафтруднира”; Vsp. – Völuspá “Прорицание Вельвы”; Þrk. – Þrymskviða “Песнь о Трюме”.

Д. В. Панченко

## Парадокс Пифагора

Античная традиция представляет Пифагора весьма необычным человеком. Ему приписывают выдающиеся достижения в области математики, астрономии и акустики, а также основание влиятельной философской школы, и среди тех, кого древние называют пифагорейцами, мы действительно обнаруживаем видных мыслителей. Сообщают, что своим слушателям он внушал определенные жизненные правила – и морального, и ритуального, и диетического толка. В некоторых городах Италии его последователи находились у власти. Более же всего Пифагор прославился учением, согласно которому наши души не умирают, но переселяются в другие тела, и это учение, говорят, он подкреплял собственными воспоминаниями. Мало того, что Пифагор помнил свои былые воплощения, он однажды явил толпе свое золотое бедро, в другой раз закусал насмерть ядовитую змею, а еще предсказал появление в окрестностях Кавлонии белой медведицы.

Не удивительно, что традиция, наделяющая одного человека столь противоречивыми характеристиками, вызвала недоумение у многих современных исследователей. Великий ученый, помнящий о своей временной гибели под стенами Трои и щеголяющий золотым бедром, им представляется небылицей. В особенности Вальтер Буркерт взялся систематически обосновать, что часть древней традиции сфабрикована, а именно та часть, которая представляет Пифагора великим ученым и философом. Книга Буркерта «Мудрость и наука в раннем пифагореизме»<sup>1</sup> широко признана одним из лучших сочинений в науке об античности, появившихся в последние десятилетия. И действительно, она великолепна во всем, кроме своей главной идеи. Буркерту с его Пифагором-шаманом не удастся отчетливо объяснить, каким образом научные и философские занятия стали все же частью раннего пифагореизма. Его обычно тонкий анализ теряет свою убедительность, когда он обращается к

---

<sup>1</sup> *Burkert W. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge, Mass. 1972.* Английское издание является дополненным вариантом первоначальной немецкой версии.

свидетельствам о пифагорейской космогонии и особенно когда он пытается обойти ясное указание Гераклита на искусственность Пифагора в научных занятиях.

Решающее свидетельство таково: «Пифагор, сын Мнесарха, больше всех на свете занимался собиранием сведений (ἵστορίην ἦσκησεν) и, черпая из такого рода сочинений, смастерил свою мудрость – многознание и шарлатанство» (22 В 129 DK).

Вслед за А. В. Лебедевым я передал ἵστορίην как «собрание сведений», поскольку это превосходно подходит к контексту; можно довольствоваться менее определенным понятием «исследование», но это не меняет суть дела: ἵστορίην указывает на деятельность, характерную для представителей ионийской науки<sup>2</sup>. «Многознание» (πολυαθίη), получившееся в результате, подкрепляет единственно естественную интерпретацию, а обвинение в плагиате указывает на то, что не только предварительная работа Пифагора, но и скомпонованная им мудрость включала элементы, характерные для традиции, к которой принадлежал сам Гераклит. Заимствование, скажем, из орфических поэм не было бы предметом возмущения Гераклита: в плагиате не обвиняют по поводу того, к чему относятся с презрением или равнодушием. А каким образом к собиранию сведений и обширным познаниям относится «пакостное ремесло» или шарлатанство (κοκοτεχνίη) – нам как раз предстоит выяснить.

Против позиции Буркерта решительно выступил А. И. Зайцев<sup>3</sup>, а его ученик Л. Я. Жмудь опубликовал книгу, которая в значительной мере задумана и исполнена как полемика с Буркертом<sup>4</sup>. В интерпретации Жмудя Пифагор – самый что ни на есть настоящий и притом великий ученый, разве что с ярко выраженным интересом к политике и не лишенный интереса к религии. Ту часть традиции, которая наделяет Пифагора сверхъестественными качествами, Жмудь не отбрасывает как нечто, не имеющее отношения к историческому Пифагору, однако он последовательно представляет ее второстепенной или же перетолковывает то, что она говорит, на свой лад. Например, по

<sup>2</sup> Это справедливо подчеркивает Малькольм Скофилд в неопубликованной пока статье “Pythagoras the plagiarist”.

<sup>3</sup> См.: Зайцев А. И. Избранные статьи. СПб. 2003. С. 389.

<sup>4</sup> Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб. 1994. В 1997 вышел немецкий перевод этой книги, а в настоящее время готовится ее английское издание.

заклучению Жмудя, Эмпедокл в посвященных Пифагору строчках «рисует портрет рационального мыслителя»<sup>5</sup>, тогда как Эмпедокл здесь говорит о способностях, на какие ни один рациональный мыслитель претендовать не станет: его Пифагор в состоянии видеть «любую из всех существующих вещей на протяжении десяти или даже двадцати людских поколений».

Итак, по версии Буркерта, Пифагор – шаман, последователи которого почему-то обратились к математическим наукам и астрономии. По версии Жмудя, Пифагор – человек строго научного склада, которому, правда, приписывают знания, людям не свойственные, и ученики которого верят в то, что их наставника одновременно видели в двух разных городах и что речной поток обратился к нему со словами приветствия.

Должно быть, в самом материале заключена какая-то особенная трудность, коль скоро ученые, столь основательно его изучившие, пришли к явно односторонним решениям. Несомненно, античная традиция о Пифагоре многообразна, запутана и порой противоречива. Но дело, по-видимому, не в этом – ведь все основные компоненты предания присутствуют уже в его ранней части. Знакомство с научными занятиями засвидетельствовано Гераклитом, притязания на сверхчеловеческое знание – Ксенофаном и Эмпедоклом; об идущем от Пифагора особом образе жизни говорит Платон; упомянутые мной чудеса известны уже Аристотелю. Дело, по-видимому, в другом – как соединить в одном историческом персонаже ученого и чудотворца, сеющего представления, несовместимые с научным мировоззрением и рациональным поиском истины? Предпочтительней так ставить вопрос, нежели отсекал или же коренным образом умалял ту или иную сторону традиции – ведь в пользу этого говорят не только общие принципы интерпретации источников, но и приговор наиболее подготовленных судей древности: о соединении Пифагором научных знаний с шарлатанскими практиками заявляет не только Гераклит, но и Аристотель, по словам которого Пифагор поначалу усердно занимался математикой и числами, а затем впал в чудотворство в духе Ферекида (14 А 7 DK).

Я позволю себе предложить ясное и экономное решение обозначенного парадокса: способность Пифагора внушать современникам недоказуемые, можно сказать – фантастические пред-

---

<sup>5</sup> Жмудь Л. Я. Указ. соч. С. 31.

ставления и становится их духовным руководителем зиждилась именно на его искушенности в научных и философских занятиях.

Мы не продвинемся далеко, если попросту назовем Пифагора харизматической личностью<sup>6</sup>. Ведь феномен харизматической личности является не столько психологическим, сколько социально-историческим: определенные индивидуальные качества должны встретиться с определенными групповыми ожиданиями и представлениями. Обитатели Великой Греции не были иудеями или христианами-еретиками, ожидающими мессию. Разумеется, Пифагор мог обладать импозантной внешностью, неколебимой уверенностью в себе и свитой почитателей, распространивших о нем поражающие воображение истории. Разумеется, возвещаемое Пифагором учение, что душа человека не умирает, могло воодушевлять многих. И все же большинство его слушателей скептически или даже насмешливо отнеслись бы к его откровениям о внетелесной жизни души, если бы они не признали в нем человека, наделенного знаниями, далеко превосходящими знания обычных людей. В мире, где наука и философия только что родились и были достоянием горстки посвященных, владение ими могло доставить высокий авторитет.

Чтобы показать, какого рода знаниями можно было впечатлить греков конца VI в. до н.э., я приведу по одному примеру из области астрономии, физики и геометрии.

Уже Фалес задался вопросом о том, в каком отношении находятся размеры луны и солнца к величине их дневных орбит<sup>7</sup>. Для решения этой задачи он, судя по всему, использовал водяные часы. Он измерил часть суток, которая уходит на то, чтобы диск солнца или полной луны целиком поднялся из-за горизонта, и для обоих светил определил искомое отношение как 1 к 720. Нашим глазам солнца и луны предстают весьма небольшими объектами. Древние любили говорить, что солнце по виду – размером в стопу. Выходило, что, если верить глазам, солнце за сутки совершает путь длиной в 720 стоп. Абсурдность такого заключения была несомненна, и приходилось признать,

<sup>6</sup> Как, например Кристоф Ридвег. – *Riedweg C. Pythagoras: Leben. Lehre. Nachwirkung.* München 2002.

<sup>7</sup> Принципиальная достоверность свидетельств обоснована в кн.: *Panchenko D. Θαλής. Οι απαρχές της θεωρητικής συλλογιστικής και η ένεση της επιστήμης.* Αθήνα 2005, 114–121.

что глаза обманывают нас и что в действительности солнце и луна – огромные тела, несущиеся с огромной скоростью.

Мы дышим воздухом, но не видим его. Воздух – как будто ничто, пустота, он не мешает нам двинуть рукой или ногой. Впрочем, еще до появления науки жители прибрежных областей хорошо знали тот факт, что воздух бывает более или менее прозрачным: в одни дни удаленный остров или мыс хорошо различимы, в другие дни они не видны. Сколь плотным может быть это кажущееся ничто? На ассирийских барельефах изображены воины, переправляющиеся через реку на кожаных мехах, наполненных воздухом. Оказывается, запертый воздух может держать человека. На такого рода фактах и соображениях Анаксимен построил свою физику.

Упоминавшийся уже Фалес умел определить расстояние до недоступных предметов, вроде корабля в открытом море; он знал и как измерить высоту пирамиды, не карабкаясь на ее вершину. Простой чертеж мог убедить неверующих в том, что подобные притязания были отнюдь не голословны.

Пифагор, выросший на Самосе, в считанных часах плавания от Милета, имел возможность уже в молодости приобрести множество захватывающих знаний и развить способности к теоретическому исследованию. Обращение к умственному труду человека, обнаружившего в зрелые годы столь ярко выраженный интерес к успеху и лидерству, в нашем случае не вызывает удивления – ведь Фалес, родоначальник ионийской науки и философии, был едва ли не самым знаменитым греком VI века. Сами нападки Гераклита на тех, кого, по его словам, многознание не научило уму, указывают на высокий престиж знаний в эту эпоху.

К тому, что в конце VI века научные занятия могли и привлечь к себе честолюбивого человека, и доставить ему авторитет, следует прибавить, что учение и успех Пифагора обнаруживают также особую связь с содержанием умственного движения его времени. Мы увидим, что расстояние от философии Пифагора до его шарлатанства было относительно коротким.

Исследования Фалеса и его последователей конституировали коренной и многосторонний переворот в мировоззрении. Эти исследования не только устранили богов из описания природы и на их место поставили функционирующие по определенным законам физические объекты, но и обнаружили загадочность бытия. Они указывали на совершенно удивительную картину мира, где на невероятных скоростях движутся огромные небес-

ные тела, каким-то образом удерживаемые в пространстве, где все вещи происходят из одного начала, где в течение времени море и суша меняются местами, небесные системы формируются и разрушаются, жизнь зарождается во влажной среде под воздействием исходящего от солнца тепла, а род человеческий происходит, возможно, от других, менее совершенных существ. Все эти удивительные выводы опирались на установленные факты и тонкие рассуждения. Что-то в этом новом знании представляло надежно обоснованным и доказанным, что-то казалось сомнительным и располагало к поиску альтернативных интерпретаций. Соглашаться, по крайней мере, приходилось с тем, что не следует попросту опираться на то, что видят наши глаза и подсказывают привычные представления. Ионийцы открыли простор для самых смелых идей, показав, что доказанное и очевидное не совпадают.

В их собственной философии мы встречаем положения, от которых – для людей определенного склада – один шаг до мистических учений. Например, Анаксимандр и Анаксимен утверждали, что основа и источник всех вещей – нечто незримое и беспредельное, и если Анаксимен готов был отождествить это начало с воздухом, отдельные свойства которого, по крайней мере, были доступны опытному знанию, то Анаксимандр вовсе отказывался уточнять, что представляет собой эта таинственная субстанция без начала и конца во времени и пространстве.

Некоторые темы и понятия, закономерным образом проникавшие в космогонические и космологические рассуждения, в особенности располагали подменять рациональное исследование видимым глубокомыслием. Так, Ферекид – учитель Пифагора, согласно части традиции – делает важным агентом космогонического процесса Время, которое из своего семени порождает огонь, дыхание и воду (7 А 8 DK). Между тем, раннепифагорейское учение, с которым полемизировал Ксенофан (21 А 1.19 DK) – то есть, судя по всему, учение самого Пифагора – гласило, что космос един и что он втягивает из Бесконечного время, дыхание и пустоту (58 В 30 DK). Это свидетельство, восходящее к Аристотелю, замечательно в двух отношениях. Во-первых, оно в известной мере подтверждает правоту слов Гераклита: космогония приведенного отрывка включает мотивы, найденные в сочинениях Ферекида (субстантивированное время), Анаксимандра (Бесконечное) и Анаксимена (дыхание). Во-вторых, ни один из членов триады – время, дыхание, пустота не является материальным. Акцент на нематериальных аспектах



мироустройства характерен и для других сторон философии, связываемой с Пифагором и пифагорейцами. В ней на первый план выступают различные отношения, в том числе выражаемые числами, а не материалы. В несколько иной перспективе можно сказать, что эта философия занята незримыми и нетелесными сущностями, и соседство такой философии с учением о душе, незримой и нетелесной, в принципе можно признать органичным.

Я полагаю, что и само учение Пифагора о душе существенным образом зависит от ионийской натурфилософии. В мире, каким описывала его эта философия, все происходило из некоего вечного начала и в известном смысле ничто не возникало и ничто не уничтожалось. Ведь ничего не возникает из ничего, и таким образом совокупность материальных вещей должна была существовать от века. Странно было также помыслить, чтобы что-то могло совершенно уничтожиться, превратиться в ничто. Более разумным казалось представить ход вещей по аналогии, скажем, с испарением воды под воздействием солнечного тепла и ее последующим возвращением в виде дождя, града или снега. В ходе философских дебатов Парменид решительно отверг реальность какого-либо иного состояния, кроме вечного и неизменного существования, а не принявшие столь радикальный подход философы заменили одно вечное и неразрушимое начало на множество таких начал. В принципиальном плане подход сохранился, а неразрывно связанный с ним мотив неуничтожимости как своего рода бессмертия вызывал одушевление даже тех мыслителей, которые ничего никому не обещали за гробом. «Рождение угасло и гибель пропала без вести», – торжественно возглашает Парменид (28 В 8. 21 DK). «О рождении и гибели, – говорит Анаксагор, – эллины думают неправильно: на самом деле ничто не рождается и не гибнет, но соединяется из вещей, которые уже есть, и разъединяется» (59 В 17 DK). Поскольку философы до Парменида и в большинстве своем после Парменида верили в реальность движения и изменения и, более того, считали движение вечно присутствующим во вселенной, и поскольку движение и способность приводить что-либо в движение связывалось с понятиями души и одушевленности, бессмертная душа, равным образом не возникающая и неуничтожимая, оказывалась как бы закономерным аспектом миропорядка, описываемого ионийской натурфилософией. Показательно, что у Анаксимена, старшего современника Пифагора, душа непосредственно принадлежит к тому началу,

из которого образуется и в которое разлагается все многообразие вещей: «Как наша душа, – говорит Анаксимен, – будучи воздухом, управляет нами, так дыхание и воздух объемяют весь космос» (13 В 2 DK). И если не ошибаются наши источники, уже Фалес провозгласил, что «души бессмертны». Фалесу, впрочем, приписывают своего рода панпсихизм. Пифагор же возвращается к традиционному представлению о множестве индивидуальных душ, населяющих множество индивидуальных тел, но по отношению к этим индивидуальным душам он применяет ход мысли Фалеса и его последователей: души должны существовать от века, коль скоро не взялись из ничего, и коль скоро им не во что уничтожиться – они лишь меняют жилища<sup>8</sup>. При этом само по себе предположение о том, что наша душа представляет собой некую неразложимую сущность, не выходило явным образом за рамки рациональных умозрительных спекуляций. Пока Пифагор не переходил к рассказам о своих былых воплощениях или откровениям о небесных островах блаженных, он оставался философом.

Здесь не место обсуждать то, в какой мере философия Пифагора была оригинальной или заимствованной и каковы были его собственные научные достижения. Общим предварительным критерием в выяснении такого рода вопросов может служить наличие или отсутствие в наших источниках альтернативного кандидата на то или иное интеллектуальное достижение, приписываемое Пифагору. По моему представлению, вклад Пифагора в астрономию – преимущественно иллюзорный<sup>9</sup>, в акустику – проблематичный<sup>10</sup>, но все же за Пифагором остается, по-видимому, доказательство теоремы, носящей его имя<sup>11</sup>. Моей задачей здесь было лишь предложить объяснение парадоксаль-

<sup>8</sup> В другом месте я привожу доводы в пользу того, что учение о метемпсихозе греческого, а не индийского происхождения – см. *Панченко Д. В.* Феномен осевого времени // *Древний мир и мы*, III. СПб. 2003. С. 25–26.

<sup>9</sup> Частично это показано в статье: *Панченко Д. В.* Фалес, солнечные затмения и возникновение науки в Ионии в начале VI в. до н. э. // *Hyperboreus*. 1996. Т. 2. С. 106–110.

<sup>10</sup> См., например: *Raasted J.* A Neglected Version of the Anecdote about Pythagoras's Hammer Experiments // *Cahiers de l'institut du moyen âge grec et latin*. 1979. 31 A. P. 1–9.

<sup>11</sup> *Жмудь Л. Я.* Указ. соч. С. 188.

ному сочетанию в деятельности Пифагора научных исследований с тем, что Гераклит называет шарлатанством<sup>12</sup>, не пытаюсь обойти этот вопрос (как это обыкновенно делается) или же решить его за счет отсечения или существенного умаления какого-либо из основных компонентов древней традиции. Суть моего предложения сводится к тому, что, с одной стороны, научные и философские занятия Пифагора привели его к таким интуициям и предположениям относительно миропорядка, на которых при желании можно было выстроить учение, обращенное к надеждам, а не разуму слушателей, и что, с другой стороны, – и это решающее – именно научные знания и связанная с их приобретением интеллектуальная выучка обеспечили Пифагору тот авторитет, без которого его шарлатанство не имело бы успеха.

### Summary

Ancient tradition presents Pythagoras as both a guru and scientific man. Modern scholars tend to reject or essentially underscore the one or another part of the tradition. Such a policy contradicts, however, the testimonies by Heraclitus and Aristotle. I suggest that Pythagoras attained the status of a guru because he was able to demonstrate that he possessed that kind of knowledge which common people did not, and that was scientific knowledge, most uncommon yet in his time.

---

<sup>12</sup> А было ли шарлатанство? А. И. Зайцев говорит о Пифагоре как о человеке с «твердым убеждением в том, что он и его союз должны принести людям самое важное для их жизни – религиозную и политическую реформу», и сближает его с Конфуцием, Заратустрой, рядом еврейских пророков и Ашокой (С. 392–393). Наличие твердых убеждений у человека, демонстрирующего золотое бедро и заявляющего, что его под Троей поразил копьем Менелай, мне представляется сомнительным. Весьма вероятно, что Пифагор привнес известную солидарность в определенные круги италийского общества и в общих чертах указал на тот образ жизни, которому следовали еще пифагорейцы IV века, высмеиваемые в аттической комедии. Однако мы не обнаруживаем у Пифагора – в отличие от Конфуция, пророков, Заратустры и Ашоки – внятной моральной проповеди. Стремление к успеху и лидерству нередко соединяется в одном человеке со стремлением к реформе, но у Пифагора, по-видимому, отчетливо доминировало первое.

Е. А. Парина

**Латинские заимствования в современном валлийском языке**

В материалах настоящей конференции шесть лет назад А. И. Фалилеев опубликовал большую статью, посвященную латинским заимствованиям в древневаллийском языке (Фалилеев 2002). В начале работы был описан масштаб влияния латинского языка на валлийский и сделан подробнейший обзор литературы по данному вопросу. Автор отмечал, что «на сегодняшний день не существует ни одного исследования, рассматривающего латинские заимствования на материалах конкретных эпох в истории валлийского языка» (Фалилеев 2002: 348). Единственным исключением на тот момент было исследование Л. Мюльхаузена (Mühlhausen 1914), где рассматривались тексты валлийских законов и анализировались латинские заимствования в средневаллийском языке. Сама статья описывала заимствования из латыни, засвидетельствованные в более раннюю эпоху.

Таким образом, вопрос о функционировании латинских заимствований в современном валлийском языке не получил пока достаточного освещения. На вопрос о функционировании латинских заимствований в современном валлийском языке помогает ответить частотный анализ корпуса текстов. Мы использовали корпус, созданный в Бангорском университете<sup>1</sup> и содержащий 1000000 слов, и проанализировали происхождение 1000 наиболее частотных слов. Для корпуса уже существует готовый частотный словарь, где подсчитано число вхождений словоформы со снятыми начальными мутациями. Именно этим файлом мы и пользовались. В первой сотне слов заимствований не было вообще, на 1000 слов их оказалось 89, (для сравнения – английских оказалось 41). Это следующие словоформы (перед словом приведено число вхождений словоформы в корпусе, во

---

<sup>1</sup> <http://www.bangor.ac.uk/ar/cb/ceg.php.en> – Ellis N. C., O'Dochartaigh C., Hicks W., Morgan M., & Laporte N. (2001). Cronfa Electroneg o Gymraeg (CEG): A 1 million word lexical database and frequency count for Welsh.

второй колонке дается ссылка на GPC с указанием на время первой фиксации в истории языка<sup>2</sup>):

1047 *plant* ‘дети’ – GPC<sup>3</sup> 2818: лат. *planta* (IX–X в.)

979 *ysgol* ‘школа’ – GPC 3839: лат. *schola* (XIII в.)

720 *addysg* ‘обучение’ – GPC 35: лат. *addisco* (XIV в.)

646 *modd* ‘способ’ – GPC 2473: лат. *modus* (XIII в.)

633 *nifer* ‘число, войско’ – GPC 2582: лат. *numerus* (IX в.)

607 *canol* ‘середина’ – GPC 414: лат. *canālis* ‘труба, желоб, канал’ (XIV в.)

604 *dysgu* ‘учить’ – GPC 1148: лат. *disco* (с. 1200)

597 *prif* ‘главный’ – GPC 2886: лат. *prīmus* (XII–XIII в.)

596 *суннwys* ‘содержать’ – GPC 788: лат. *condenso* (в словаре форма дается без долготы) (XIII в.)

594 *eglwys* ‘церковь’ – GPC 1177: поздн. лат.<sup>4</sup> *ec(c)lesia* (XII в.)

472 *llyfr* ‘книга’ – GPC 2255: лат. *libr(um)* (XII–XIII в.)

424 *achos* ‘причина’ – GPC 8: лат. *occāsio*, «на семантику также повлияли похожие слова *cāsus, causa*» (с. 1200)

425 *saesneg* ‘английский язык’ – GPC 3158: лат. *Saxonica (lingua)* (XIII в.)

414 *diwrnod* – GPC 1060: лат. *diurnāta* (с. 1200)

412 *ysgolion* – pl – см. *ysgol*

404 *symud* – GPC 3388: лат. *summūt(ō)* и *summōtus* (XIII в.)

387 *тynnu* – GPC 3680: этимология за пределами кельт. общности под вопросом, предположительно к и.-е. *\*ten-* ср. скр. *tanōti*, гр. *τάννται*, лат. *tendō*, гот. *uf-Panian*. Однако в (Льюис, Педерсен 1954: 92) это слово считается заимствованием из латыни (XIII в.)

382 *coleg* ‘колледж’ – GPC 543: позд. лат. *collegium* (1604)

377 *parod* ‘готовый’ – GPC 2691: лат. *parātus* (XIII в.)

<sup>2</sup> Большое количество письменных памятников валлийского языка, дошедших до нас, начинается лишь с XIII в., до этого число и объем памятников значительно меньше. Поэтому время первой фиксации отнюдь не совпадает со временем заимствования, хотя и может быть значимо в случае более поздних заимствований.

<sup>3</sup> GPC – Geiriadur Prifysgol Cymru. Caerdydd, 1950–2002.

<sup>4</sup> В словаре встретились следующие пометы: «разговорная латынь», «поздняя латынь», «британская латынь». В настоящей работе мы лишь приводим мнение авторов GPC и сознательно не занимаемся такими важными вопросами, как фонетика британской латыни и заимствований из нее. Этой проблеме посвящена огромная литература, см., например (ЛНВБ; Gratwick 1982).

- 375 *llyfrau* – pl – см. *llyfr*  
 368 *cynnig* ‘предлагать’ – GPC 791: лат. *condico* (с. 1200)  
 357 *sôn* ‘рассказ, звук’ – GPC 3319: лат. *sonus* (XII–XIII в.)  
 345 *capel* ‘часовня’ – GPC 420: поздн. лат. *cappella* (с. 1300)  
 339 *aml* ‘много, часто’ – GPC 94: лат. *amplus* (XIII в.)  
 337 *creu* ‘создавать’ – GPC 584: лат. *creo* (с. 1200)  
 329 *profiad* ‘опыт’ – GPC 2903: от гл. *prof-af* < лат. *prob-ō* (глагол зафиксирован в XII–XIII в., существительное – в XV в.)  
 324 *corff* ‘тело’ – GPC 550: лат. *corpus* (с. 1200)  
 296 *ystyried* ‘рассматривать, обдумывать’ – GPC 3870: от *ystyr* (XII в.)  
 293 *disgyblion* ‘ученики’ – GPC 1046: позд. лат. *discip’lus* (XIII в.)  
 272 *plentyn* – sg – см. *plant*  
 262 *coch* ‘красный’ – GPC 525: поздн. лат. *coccum* (XII в.)  
 261 *ystafell* ‘комната’ – GPC 3860: лат. *\*stabellum* < *stabulum* (IX–X в.)  
 239 *syniad* ‘идея’ – GPC 3392: от *syni-af* (от лат. *sent-iō*) + *-iad* (глагол зафикс. в XII в., существительное – в XIV в.)  
 236 *awdurdod* ‘власть’ – GPC 239: лат. *au(c)tōritāt-em* (XII в.)  
 227 *awg* ‘час’ – GPC 242: лат. *hōra* (X в.)  
 226 *ysgrifennu* ‘писать’ – GPC 3844: от *ysgrifen* ‘письмо, документ’ < лат. *scribendum* (существительное зафиксировано в IX в., глагол – в XIII в.)  
 225 *munud* ‘минута’ – GPC 2502: из поздн. лат. *minūtum*, *minūta*, возм. через фр. или англ. (XIV в.)  
 224 *ffurf* ‘форма’ – GPC 1325: лат. *fōrma* (XIII в.)  
 221 *llong* ‘корабль’ – GPC 2204: лат. *(navis) longa* (XII в.)  
 219 *cylch* ‘круг’ – GPC 747: лат. *circ’lus* < *circulus* – в др.-валл. встречается форма *circhl* (X в.)  
 203 *mawrth<sub>1</sub>* ‘март’ – GPC 2386: лат. *(mensis) Mārtius* (XIII в.)  
*mawrth<sub>2</sub>* ‘вторник’ – GPC 2386: лат. *(dies) Mārtis* (XIII в.)  
 203 *Iesu* ‘Иисус’ – лат. *Iesu*<sup>5</sup>  
 201 *pur* ‘чистый’ – GPC 2930: лат. *pūrus* (XIII в.)  
 193 *pobol* ‘народ’ – GPC 2836: лат. *poplus* < *populus* (XII–XIII в.)  
 190 *llythyr* ‘письмо, буква’ – GPC 2284: лат. *littera(e)* (во 2 значении зафикс. в IX в.)  
 189 *cyson* ‘постоянный’ – GPC 815: лат. *consonus* (XII–XIII в.)

<sup>5</sup> В GPC отсутствуют имена собственные, поэтому мы не можем привести здесь времени первой фиксации в валлийском языке

- 188 *ysbryd* ‘дух’ – GPC 3825: лат. *spīritus* > *spīritus* (XII–XIII в.)
- 188 *testun* ‘текст’ – GPC 3489: лат. *testimōnium* (с. 1400)
- 187 *eglwysi* – pl – см. *eglwys*
- 185 *prifysgol* ‘университет’ – см. *prif* + *ysgol* (1604–1607)
- 185 *awdur* ‘автор’ – GPC 239: лат. *au(c)tōr-em* (XIII в.)
- 183 *diffyg* ‘недостаток’ – GPC 993: разг. лат. *dificium* (IX в.)
- 182 *ystyr* ‘смысл’ – GPC 3870: лат. *historia* (XII в.)
- 172 *priodol* ‘подходящий’ < GPC 2896 *priod* ‘правильный’ (GPC 2893: лат. *prīvātus* (XIV в.)) + *-ol* (XIV–XV в.)
- 172 *esgob* ‘епископ’ – GPC 1243: лат. *episcopus* (XII в.)
- 172 *effeithiol* ‘эффективный’ – GPC 1174: от *effaith* < лат. *effectus* + *iol* (прилагательное зафикс. в 1587 г., существительное – 1584)
- 169 *mesur* ‘мера’ – GPC 2440: брит. лат. *mesūra* < *mēnsūra* (IX в.)
- 169 *awdurdodau* – pl – см. *awdurdod*
- 168 *sail* ‘основание’ – GPC 3169: разг. лат. *\*solĭa* < *solea* (XII в.)
- 165 *pwysau* pl. от *pwys*
- 164 *ffydd* – GPC 1331: лат. *fides* (XII–XIII в.)
- 163 *milltir* ‘миля’ – GPC 2460: ?*mil* ‘тысяча’ + *tir* ‘земля’ (XIII в.)
- 159 *ysgrifennydd* ‘секретарь’ – GPC 3845 см. *ysgrifennu* (XIII в.)
- 156 *nadolig* ‘Рождество’ – GPC 2547: разг. лат. *Natālicia* (XIII в.)
- 155 *cadair* ‘стул, кафедра’ – GPC 375: лат. *cathedra* (XII–XIII в.)
- 155 *anifeiliaid* ‘животные’ – GPC 131: поздн. уч. лат. *animālium* (с. 1200)
- 150 *сymuned* ‘община (как терр. единица), общность, союз’ – в GPC зафиксировано только слово *сymuniad* ‘Причастие, общность’ < лат. *communio* (GPC 772). В академическом англо-валлийском словаре в статье *community* слово *сymuned* приводится с пометой «in sociological jargon» (GA 274). Зато в валлийско-немецком словаре, значительно больше ориентированном на узус, это слово приводится с множеством контекстов: *Gemeinschaft, Gemeinde; Y Gymuned Ewropeaidd – die Europäische Gemeinschaft ...* (GAC 673)
- 149 *elfen* ‘элемент’ – GPC 1205: лат. *elementum* (1567)
- 146 *graddau* pl. ‘градус; ступень’ – GPC 1518: лат. *gradus* (XIII в.)
- 142 *ysbyty* ‘больница’ – GPC 3828: *esbyd* < лат. *hospites* + *ty* ‘дом’ (XIII в.)
- 139 *Ewrop* ‘Европа’ – лат. *Europa*
- 137 *addysgol* ‘учебный’ – GPC 35: см. *addysg* (1722)

- 136 *poblogaeth* ‘население’ – GPC 2837: *poblog* (< *pobl* + *og*) + *aeth* см. *pobol* (1780)
- 135 *llongau* – *pl* – см. *llong*
- 135 *cadeirydd* ‘председатель’ – GPC 377: *cadair* + *ydd*, см. *cadair* (1827)
- 134 *hwyr* ‘поздний, медленный’ – GPC 1942: возм. от лат. *sērus*, но может быть и исконным словом. (Льюис, Педерсен 1954: 60) приводят это слово как один из редких примеров лат. *s-* > брит. *h-*. (XIII в.)
- 133 *pregethu* ‘проповедовать’ – GPC 2871: от *pregeth* ‘проповедь’ < лат. *preccettum/preccetta* < *praecceptum/praeccepta* (глагол и существительное зафиксированы в XIII в.)
- 132 *fffenestr* ‘окно’ – GPC 1282: лат. *fenestra* (XIII в.)
- 131 *dibynnu* ‘висеть, зависеть’ – GPC 957: лат. *dependeo* (XIII в.)
- 131 *nod* ‘цель, слава, признак, записка’ – GPC 2587: лат. *nota* (XIII в.)
- 130 *pwys* ‘вес, фунт’ – GPC 2953: лат. *\*pēsūm* < *pēnsūm* (XIII в.)
- 129 *plwyf* ‘приход’ – GPC 2830: лат. *plēb-* (XIII в.)
- 127 *astudio* ‘учиться’ – GPC 223: от *astud* ‘упорный’ < лат. *astūtus* (XIV–XV в.)
- 126 *ffurfio* ‘формировать’ – GPC 1326: см. *ffurf* (XIII в.)
- 126 *hwyrach* ‘позднее’ – см. *hwyr*
- 125 *myfyrwyr* ‘студенты’ – GPC 2529 от *myfyr-io* ‘размышлять’ (от *myfyr* ‘мысль, память’ – GPC 2527: лат. *memoria* (XIII в.)) + *iwr* (XV в.)
- 125 *mil* ‘тысяча’ – GPC 2455: лат. *mīlia* (XIII в.)
- 125 *syml* ‘простой’ – GPC 3386: лат. *simplus* (XIII в.)

Мы проверили полученный список со ставшей уже классической работой Х. Хаарманна о латинских заимствованиях в валлийском языке. В ней автор разбивает весь массив этой лексики на 20 понятийных групп по системе Ф. Дорнзайфа. Наиболее многочисленными в его работе оказались следующие группы (по убыванию): Общество; Приспособления; Растения, животные, человек; Религия (Naarmann 1970: 207–208). Следует отметить, эти 20 групп неравномерны по потенциальному объему, однако то, что заимствования наиболее многочисленными оказываются именно в перечисленных группах, является значимым фактом.

Латинские заимствования, входящие в число 1000 наиболее частотных словоформ по корпусу, были наиболее представлены в следующих группах: Мысль (сюда же входят понятия, связанные с образованием) (11), Общество (11), Религия (8). Это



наглядным образом иллюстрирует тот общеизвестный факт, что латынь долгое время оставалась в Британии, как и во всей Западной Европе, языком религии и образования. Заметим, что именно в этих группах мы находим слова, не приведенные у Х. Хаарманна, а именно *prifysgol* ‘университет’, *coleg* ‘колледж’ и *capel* ‘часовня’. К этому списку можно добавить только слово *munud* ‘минута’, в пути заимствования которого, как мы видели, сомневаются авторы GPC.

Вопрос о пути заимствования очень актуален при изучении данной лексики. В настоящей работе мы следовали за авторами GPC, поэтому не включили сюда такие лексемы, как, например: 412 *stori* – GPC 3339 англ. *story* pl. *ystoriau*, *storis* (XV в.)  
233 *person* – GPC 2778: ср.-англ. или ст.-фр. *person(e)* (XIII в.)  
147 *cwricwlwm* – GPC 648: англ. *curriculum* из лат. (XX в.)

Эти лексемы, безусловно, восходят к латыни, но в валлийский язык попали из других языков.

Связана с латынью, но не является прямым заимствованием и лексема *ffaieth* ‘факт’, встретившаяся в корпусе 224 раза. По мнению авторов GPC, это слово было создано У. Оуэном-Пью по модели слова *effaieth* (< уч. лат. *effectus*) (Оно встречается впервые в 1795 году в словаре, составленном У. Оуэном-Пью “*ffaieth – a fact, an act*”) (GPC 1275).

Высокая частотность в корпусе латинских заимствований, входящих в семантические поля «Мысль (и образование)», а также «Религия», свидетельствуют, как нам представляется, не только о роли латинского языка в истории валлийского, но и о некоторой стилистической несбалансированности самого корпуса. Так, среди 1000 наиболее частотных слов письменных текстов, составляющих часть Британского национального корпуса, отсутствуют такие слова как *preach*, *chapel*, *spirit* и *faith*, и их частота употреблений на 1000000 слов значительно ниже, чем у их соответствий в валлийском корпусе (см. Leech, Rayson, Wilson 2001).

Таким образом, изучение латинских заимствований в современном валлийском языке на материале корпуса позволяет сделать выводы не только о влиянии латыни на лексику валлийского языка, но и об особенностях самого корпуса.

#### БИБЛИОГРАФИЯ

GA: Welsh Academy English-Welsh Dictionary: Geiriadur Yr Academi; Bruce Griffiths, Dafydd Glyn Jones (eds.) Cardiff, 1995.

- GAC: Geiriadur Almaeneg-Cymraeg, Cymraeg-Almaeneg/Wörterbuch Deutsch-Walisisch, Walisisch-Deutsch; W. Greller; Aberystwyth, 1999
- GPC: Geiriadur Prifysgol Cymru. Caerdydd, 1950–2002.
- LHEB: Jackson, K. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh, 1953.
- Льюис Г., Педерсен Х. *Краткая сравнительная грамматика кельтских языков*. М., 1954.
- Фалилеев А. И. Латинские заимствования в древневаллийском. (Глава из исторической лексикологии валлийского языка) // *Colloquia classica et indo-europeica III*. СПб., 2002. С. 347–366.
- Gratwick A. S. *Latinitas Britannica: was British Latin Archaic?* // *Latin and the Vernacular Languages in Early Medieval Britain*. Brooks N. (ed.) Leicester, 1982. 1–79.
- Haarmann H. *Der lateinische Lehnwortschatz im Kymrischen*. Bonn, 1970.
- Mühlhausen L. *Die lateinischen, romanischen, germanischen Lehnwörter des Cymrischen, besonders im 'Codex Venedotianus' der cymrischen Gesetze* // *Fs Ernst Windisch*. Leipzig, 1914. S. 249–348.
- Leech G., Rayson P., and Wilson, A. (2001). *Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus*. Longman, London (<http://ucrel.lancs.ac.uk/bncfreq/flists.html> – списки доступны в интернете).

Е. Г. Рабинович

### О происхождении некоторых повествовательных тенденций древней и новой литературы (предварительные замечания)\*

Задолго до превращения древнеклассической литературы в двуязычную греколатинскую, век трагедии стал для греков веком своеобразной кодификации сюжетной нормы, причем именно трагический сюжет – с перипетией и узнаванием, с разгадкой в конце, целостный «словно единое и целое животное» – оказался доминирующей формой художественного нарратива, и не потому, что, единственный, описан и предписан у Аристотеля («Поэтика» была создана на исходе века трагедии и вскоре надолго исчезла из обихода), а более всего потому, что столь мощным было влияние самой трагедии, определившей многое не только в воззрениях Аристотеля, но прежде всего в драме. Расцвет трагедии был недолгим, но рядом уже возникла среднеаттическая комедия, а затем новоаттическая, обе с точно такой же структурой сюжета, а когда спрос на драму почти исчез, явились «любовные романы» – и опять того же самого нарративного типа, с нарастающим напряжением и с разгадкой в развязке. Преемственность эта известна, как известно и тяготение греков к таким сюжетам, а лучше сказать, к такому сюжету: оно переживало эпохи и жанры и беспрепятственно пронизало социальные страты – мало того, что «любовные романы» сочинялись и в Византии, некоторые жития (скажем, житие Евстафия Плакиды) по сюжетной схеме точь-в-точь «любовный роман». Этот тип сюжета можно условно назвать *трагическим*, хотя едва ли не понятнее было бы название *сюжет с подкидышем*, потому что подкидышей в таких произведениях множество, будь то царский сын в трагедии, соседская дочка в комедии или белокурая эфиопская принцесса в романе.

Греческая словесность произошла от фольклорных корней и заполняла собою обширное пространство, которое не без ее же помощи постепенно подвергалось культурной унификации, так

---

\* Выполнено при поддержке гранта 15.2.08 Федерального агентства по образованию.

что словесность эта всегда была рассчитана на массового потребителя – если не на всех эллинов, то хотя бы на всех афинян. Между тем в Риме, уже превратившемся в державу мирового значения, дети все еще учились читать по Законам XII таблиц: знатоки и любители литературы в Риме, разумеется, были, но то были знатоки и любители греческой литературы – римские эллинофилы. Лишенная словесности латынь могла бы, по примеру других языков, попросту исчезнуть из письменного и затем и из устного обихода, если бы не Энний, разом импортировавший в Рим чуть ли не все главные греческие жанры и так создавший латинскую литературу по образцу греческой, но не столько по современным ему (александрийским) образцам, сколько по великим образцам тогда уже классической эпохи – именно по образцам, так как «Поэтика» давно лежала под спудом в Скепсисе и никто о ней не помнил, а скорей всего и не знал.

Однако Энний сам принадлежал к кругу эллинофилов, и, хотя его «Анналы» использовались как школьное чтение, ново-рожденная латинская литература была адресованным в основном интеллектуальной элите новшеством, то есть в значительной мере была ориентирована на эту элиту – способную, в частности, сравнить новое (латинское) с привычным (греческим). Недаром латинский гексаметр, например, сразу изысканнее греческого и труднее для восприятия на слух: формой презентации латинской поэзии было не выступление перед сотнями и тысячами слушателей, а чтение в салоне для знатоков – в результате через триста лет после Энния, как свидетельствует «Апология» Апулея, провинциальный римский помещик, как-никак учившийся в школе по «Энеиде», не умел на слух уловить смысл несложного поздравительного стихотворения. Исключение могла составить драма, так как народу требовались развлечения, и верно, переделки трагедий и новоаттических комедий сразу явились во множестве, отчасти трудами того же Энния. Сочинялись они неплохо, а то и отлично и нередко поддерживались вельможными эллинофилами, желавшими угодить широкой аудитории – но отсюда следовало, что если у римского народа тот или иной вид драмы успеха не имеет, нет резона такую драму ставить, особенно трагедию, по дороговизне постановки сопоставимую только с итальянской оперой. Между тем, как известно, трагедия (даже *fabula praetexta* «из римской жизни») у римлян успеха не имела и довольно скоро превратилась в драму для чтения – но все же она существовала, а значит, можно сделать

какие-то, пусть скудные, наблюдения касательно специфики римской трагедии сравнительно с трагедией греческой.

Полностью сохранился лишь корпус Сенеки (с «Октавией») – всё это драмы для чтения, которые по справедливости ценятся невысоко, так как Сенека пытался добавить к драме стоическую проповедь, а подобный проект обречен на неудачу, и первым страдает действие. Нельзя, однако, не привести два довода в подтверждение того, что и настоящая (сценическая) римская трагедия не была сосредоточена на сюжете в такой степени, как греческая, а значит, склонность Сенеки отвлекаться могла быть специфична лишь в части предмета отвлечения, стоической философии. (1) Как известно, в римской трагедии много кровавых сцен – считается, что когда-то этим способом авторы надеялись угодить толпе, а затем, в драмах для чтения, следовали уже сложившейся традиции, так что и у Сенеки много кровавых сцен. Но в греческой трагедии кровавых сцен не было не только из соображений пристойности, а прежде всего потому, что всё, уводящее от действия, было нежелательно, и даже хоровые партии в идеале (в «Поэтике»), а чаще всего и в реальности служили лишь развитию действия – а ужасы впечатляют, то есть отвлекают, то есть вредят сюжетной целостности. Характерную параллель предоставляет современная беллетристика: в «классических» детективах ужасы не демонстрируются, а драки, погони и даже любовные сцены описываются минимально, чтобы не отвлекаться от сложной интриги, а в детективах «крутых» подобных описаний много или очень много, зато интрига проще и огрехи в ней встречаются почти всегда. Всеобщность этого принципа очевидна, но отсюда следует, что в сюжетном отношении «кровавая» трагедия заведомо несовершеннее. (2) Хотя текстов трагедий (как греческих, так и римских) сохранилось мало, названия их сохранились все или почти все и в большинстве своем понятны, так что можно говорить о более и менее популярных среди трагиков эпизодах мифического предания – иные лучше преобразуются в трагедию, а иные хуже, недаром Медея гораздо популярнее Алкестиды. У греков бесспорным лидером был Эдип (не менее двенадцати трагедий, ни о ком другом столько нет), а вот на римской сцене ни единого «Эдипа» не поставили, только позднее одного написал Юлий Цезарь и другого Сенека. Зато на людоедский миф об Атрее и Фиесте греческих трагедий немало, восемь, но римских в общей сложности одиннадцать – и в процентах это больше чуть ли не в пятьеро, потому что римских трагедий было сочинено в

несколько раз меньше, чем греческих. Поверхностная статистика демонстрирует, что римские трагики питали откровенную слабость к теме детоубийства, в особенности осложненного людоедством, а вот то, что сейчас иногда именуется «темой рока», их не привлекало, даже когда было достаточно ужасающим (как «Эдип») – вероятно потому, что «тема рока» неизбежно предполагает очень уж сложный сюжет. По этим обрывочным данным можно предположить, что римские трагики в основном шли по пути авторов «крутых» детективов (побольше впечатляющих эпизодов, пусть за счет интриги), но за рамки жанра они при всем том не выходили, а жанр не пришелся по вкусу ни в каких модификациях.

Комедия греческого (новоаттического) образца римлянам тоже казалась скучновата, так как и у нее сложный сюжет, однако она явно была привлекательнее и не сошла со сцены без следа, а эволюционировала в тогату, где смешного побольше, зато сюжет попроще, хотя потом и тогату вытеснила ателлана – просто смешная (народу почти наверняка пришлось бы по вкусу древняя комедия, если бы она была в Риме возможна, но Невий пострадал и за меньшее). На таком фоне едва ли не парадоксальна судьба Плавта, пользовавшегося новоаттическими сюжетами и все-таки имевшего успех (из римских писателей он один жил своим ремеслом, продажей пьес) – остается предположить, что в данном случае успех обеспечивался какими-то особыми и не всегда нам понятными сценическими достоинствами его комедий, восприятию которых не мешал даже сюжет.

Впрочем, недолгая и неславная история греческой драмы на римской почве завершилась уже на ранних этапах развития римской литературы, тем более что к тому времени и у греков драма сделалась частью хрестоматии и/или антикварным перформансом, так что и греческие поэты перешли на трагедии для чтения, а новыми остросюжетными текстами стали (и остались на многие века) упоминавшиеся «любовные романы». Изменилась и литературная ситуация в Риме, где сформировалась просвещенная читательская аудитория, – но в Риме по-прежнему не желали нарастающего сюжетного напряжения с перипетиями, узнаваниями и потрясающей развязкой. Существует лишь два латинских текста, иногда именуемых «романами», и хотя по литературному качеству каждый из них далеко превосходит любой греческий роман, по типу повествования ни один из них ничего общего с ним не имеет. Применительно к «Сатирикону» это всегда считалось бесспорным (тут трудно не вспомнить фразу из

главы 127, то есть в самом конце сохранившегося текста, когда очарованный Киркой Эноклпий говорит «только теперь я позабыл Дориду» – хотя на протяжении многих и многих предшествующих глав ни о какой Дориде нет ни слова). Другое дело Апулей – в сущности, типичный автор Второй софистики, на иных почти по-родственному похожий, разве что пишет по-латыни.

Выбранная Апулеем для переработки небольшая греческая повесть о Лукии-осле не «любовный роман», но сюжет у нее целостный, авантюрный, с перипетиями и неожиданным финалом, а значит, раз Апулей по видимости этому сюжету следует, его «Метаморфозы» тоже следует считать авантюрным повествованием – а необычайно просторная для вставной новеллы сказка об Амуре и Психее и вовсе самый настоящий «любовный роман», пусть на мифическую тему. Показательно, однако, что больше всего вредит композиционной целостности «Метаморфоз» именно эта сказка: слишком долгое отвлечение от повествования неизбежно мешает восприятию главного сюжета, а то и вовсе заставляет о нем позабыть. Впрочем, кроме большого отступления, у Апулея много малых, так что, будь «Метаморфозы» подлиннее, иной читатель успел бы позабыть, почему юноша превратился в осла и зачем ему розы.

Не стоит поэтому удивляться таким несообразностям, как, например, место рождения героя, который в начале рассказа говорит, что появился на свет в Элладе и родня Плутарху, а в конце оказывается уроженцем африканской Мадавры. Наверяд ли это недосмотр, Апулей слишком искусен и опытен, скорее это именно повествовательная стратегия – выбирать пригодное *ad hoc*, не очень оглядываясь на целое, точно как в случае с позабытой Эноклпием Доридой. Равным образом многочисленные малые отступления слишком плохо согласуются с основной сюжетной последовательностью: уже первая книга начинается с такого отступления (с рассказа попутчика), затем следуют другие, и превращение в осла – а ведь это и есть завязка! – происходит лишь в третьей книге, а потом снова несколько вставных новелл, а потом почти до конца шестой книги сказка об Амуре и Психее, да и дальше в том же духе, скажем, в девятой книге три вставные новеллы – между тем розы герой видел лишь однажды, вскоре после превращения, и сам же не решился их съесть, хотя, казалось бы, поиск роз и должен двигать сюжет. В греческой повести тоже есть и попутчик, и Фессалия, и служанка-колдунья, и разбойники, и Сирийская богиня, и влюбленная в осла развратница, и наконец про-

цессия (правда, не в честь Исиды) с розами, однако нет ни одной вставной новеллы, а неожиданная развязка согласуется с фривольным по сути сюжетом: в человеческом облике Лукий разратнице оказывается не нужен – и это смешно. Пусть греческая повесть невелика (всего одна книга), но и в весьма объемистой «Эфиопике» только одна вставка – рассказ разбойника Кнемона о себе, при том что благородные разбойники непременно объясняют, почему стали разбойниками, это своего рода универсальная традиция. Пример Апулея – самый показательный, потому что дает возможность проследить, как шаг за шагом связный и цельный греческий сюжет почти лишается собственно сюжетной логики, превращаясь (отчасти благодаря таланту Апулея, но также и благодаря самому принципу аккумуляции эпизодов) в некую пеструю композицию, сохраняющую лишь отдаленное сходство с греческим источником.

Итак, если у греков главным типом поэтического нарратива оставался трагический *μῦθος* с его целостной структурой и прочими известными из «Поэтики» признаками, у римлян этот тип нарратива не приживался, а при заимствовании норвил распасться на эпизоды и утратить целостность. При всем том, пусть своего Аристотеля у римлян не было, когда они (относительно поздно) обрели греческого Аристотеля, его требования к целостности и единству действия не только не встретили, как можно видеть по «Посланию к Писонам», никакого систематического сопротивления, но на уровне рефлексии были приняты как нормативные. Это естественно: хотя доминировавший у греков тип нарратива был для римлян неприемлем, художественная иерархия, где царит Гомер и правит Еврипид, была, в сущности, единственной знакомой им художественной иерархией. Притом, какие-то понятия об эстетических правилах и закономерностях есть у всех, систематическая их экспликация доступна только интеллектуалам, а образованные римляне всегда хорошо знали греческий язык и литературу, а значит, всю греческую систему художественных ценностей волей-неволей принимали – другой просто не было. Немаловажно и то, что главная священная королева всякой уважающей себя словесности – национальный эпос – у греков и римлян была общая, особенно после Вергилия, когда и в Риме, освоившем троянский миф еще до Энния, эпос оказался гомеровского образца.

Однако доминирующий нарративный тип вовсе не обязан быть кодифицирован или даже эксплицирован: скажем, у греков трагический нарратив доминировал помимо Аристотеля и преж-



де него, а на непоэтические тексты (например, на Фукидиду) влиял и вовсе стихийно. У греков были и другие виды художественного нарратива, и не только эпос, но и древняя комедия, заметно тяготевавшая к распаду на эпизоды, – однако в эпосе господствовал осмысленный в терминах единства действия Гомер, а древняя комедия уступила средней, вероятно, не выдержав конкуренции с трагедией, потому что мешавшие Аристофану цензурные ограничения никак не касались драматической композиции. Правда, позднее явилась мениппея, похожая на древнюю комедию своей аккумулирующей разнородные элементы структурой, а мениппея – та самая сатира, которую римляне считали *tota nostra*, и не без оснований, потому что их *satura* произошла из тех же фольклорных источников, ассоциируемых со словесным сопровождением праздника и (особенно) пира.

У греков этот специфический тип композиции дал древнюю комедию – ненадолго, затем мениппею – на мгновение, а затем оказался исключительной принадлежностью риторики, где сборников «всякой всячины» было множество, но их композиция не осмыслялась как нарративная, то была просто *τοικίλια*, «пестрота». А вот у римлян этот же повествовательный тип, преобразованный Энием в литературу (вероятно, с оглядкой на мениппею как на неперемненное греческое оправдание любых нововведений) остался в литературе навсегда, более того, остался точно таким же нарративным мейнстримом, каким у греков был целостный сюжет (взять хоть Овидия с его эпосом, доступным для чтения с любой страницы), и этот римский мейнстрим не только продуцировал классику, но так или иначе затягивал в себя всю литературу – пусть встречный (греческий) мейнстрим поначалу был силен, так как за ним стояли традиция и школа. Поэтому римская нарративная тенденция, которую условно можно назвать *сатурической*, при встрече с греческой, *трагической*, порой ненадолго создавала водовороты – римскую трагедию туда затянуло быстро и почти без остатка, комедии повезло чуть больше, а вот «любовный роман» остался на латинской почве сказкой об Амуре и Психее из совсем другого романа. Впрочем, можно вспомнить еще один «любовный роман» – сохранившуюся лишь в латинском переводе «Повесть об Аполлонии, царе Тирском», изобилующую сюжетными несообразностями, которые обычно считаются издержками работы разных переводчиков, и такое объяснение возможно, хотя, судя по обращению Апулея с греческой повестью о Лукии, скорее всего то же самое случилось бы и при одном переводчике.

Представляется существенным, что все эти процессы происходили не в обособленной национальной традиции, а внутри единой, древнеклассической и что после Возрождения понятие классической словесности естественно обнимало и до сих обнимает собой среди прочего обе нарративные тенденции. Обе они живы и продолжают противоборствовать, в наше время на уровне рефлексии пытаясь вытеснить друг друга то в «бессюжетную» *pop-fiction*, то в «слишком сюжетную» *paralittérature*, а на уровне повествовательной практики иногда, как и прежде, создавая водовороты – из одного такого водоворота вынырнул Умберто Эко с постмодернистским детективом. Эта сохраняющаяся поляризация поддержана и читательской аудиторией (изученной куда лучше, чем греческая и римская): опыт показывает, что совмещение у одного читателя «греческих» и «римских» пристрастий относительно редко и что просвещенная публика чаще всего склоняется к «римскому» типу, относя остро сюжетную литературу к детской либо к развлекательной, а если это почему-либо невозможно (как с Достоевским или даже с Эко), видя в ней любые достоинства, кроме «похожего на единое и целое животное» сюжета с перипетиями и неожиданной развязкой.

О. М. Савельева

### Лексикология и лексикография – II: сходство и различие семантики *подозрения* в греческом и русском языках

Предлагаемые наблюдения опираются на полученные ранее результаты описания смыслового развития лексемы ὑπόνοια, ὑπονοέω как единицы семантического поля ‘подозрения’ в греческом языке.<sup>1</sup> Стоит сказать, что в лексеме ὑπόνοια, ὑπονοέω, этимологически опирающейся на основу с собственно ментальным значением (букв. «под-мысль, под-смысл», ср. русск. «подразумевать»), ее ментальная природа в результате не была ослаблена или утрачена (в этом еще раз для греческого языка подтверждается тезис о высокой степени устойчивости внутренней формы слова), что отразилось в исторически итоговом для нее значении – в современном греческом ὑπονοῶ – ‘подозревать, намекать’.

В качестве продолжения темы здесь рассматривается другая группа лексем, также передающих в древнегреческом языке семантику подозрения, аналогичных первой по своей номинативной технике, а именно: ὑποπτεύω, ὑφοράω, и их дериваты ὑποπτευτής, ὑπόπτευμα, ὑποπτος, ὑποψία, ὑφορασις (ср.: ὑποβλέπω ‘смотреть искоса, сердито, подозрительно’). Напомним, что ментально-эмотивная семантика подозрения соотносится с сомнением в правильности, законности чьих-либо поступков, слов, намерений и с предположением о возможности / невозможности каких-либо фактов. Характерной особенностью «слов подозрения» является присутствие у них отрицательных коннотаций. Слова, передающие идею подозрения, несомненно, могут быть отнесены к классу лексических универсалий европейских языков<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Савельева О. М. Лексикология и лексикография: развитие семантики лексемы подозрения ὑπόνοια, ὑπονοέω как пример формирования греческого лексикона // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХI. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 259–263.

<sup>2</sup> Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 381.

В словообразовательном отношении предложенные для рассмотрения лексемы отражают продуктивную индоевропейскую кальку: префикс «под» + основа «зрение»: ср.-лат. *suspicio, suspicax, suspicari*; русск. *подо-зрение, подо-зриту, подо-зреть / ~зреть*; польск. *podęzrenie, podęzrewać*; англ. *suspicion, suspect* и др.

Само по себе формирование в греческом языке лексем подозрения по этим двум словообразовательным моделям еще раз демонстрирует типологическую индоевропейскую трансформацию значений «видеть > понимать, думать».

Представляется возможным и интересным провести некоторое сопоставление особенностей значений и употребления лексем подозрения в древнегреческом и в русском языках, имея в виду для последнего источники достаточно раннего периода – летописные тексты XV–XVII вв.

Отметим, что для древнегреческого сама тема и, соответственно, лексика подозрения преимущественно фиксируются в литературном нормативном языке<sup>3</sup> исторической (Геродот, Фукидид, Ксенофонт), естественно-научной – медицинской (Адамант), философской (Платон, Аристотель) и ораторской прозы (Лисий, Исократ, Демосфен); в языке трагиков; у эллинистических авторов Эпикура и Феокрита; в литературе поздней античности – у Лукиана, Диогена Лаэртца и др.

Приведем здесь всего лишь несколько примеров. Безобъектное употребление «быть подозрительным» как «иметь склонность к недоверию» фигурирует, например, в известной речи Лисия об оправдании мужа, убившего прелюбодея: ...καὶ οὐδέποτε ὑπόπτειν (I,10) «и я никогда не склонялся к подозрению», т. е. не думал плохо (о жене). Транзитивная конструкция с асс. *personae s. inf.* передает у Геродота предположение нежелательного события, где речь идет о возможном бегстве Ксеркса из Афин: ὁ αὐτὸν δρῶντὸν βουλευέειν (Hdt. VIII, 100) «[Мардоний] подозревал, что он замыслил побег». Рассмотрение ранее лексемы ὑπονοεῖν дает конкретные признаки, помогающие практически судить о степени синонимии слов ее круга, глагольных и именных, со словами «подозрения», образованными от зрительной основы<sup>4</sup>, не полагаясь только на предположение об их

<sup>3</sup> Весьма показательно, что *verdenken*, по данным Словаря Я. Гримма, впервые употребляется у Мартина Лютера.

<sup>4</sup> Савельева О. М. Греческая версия семантики подозрения: от «подо-

сближении а priori или даже на словарные данные.

Греческий языковой концепт подозрения, выстроенный на мыслительно-эмотивной линии как основной, в соединении с негативными модальными компонентами скрытости-неясности, опасения-недоверия, не демонстрирует принципиальных отличий с русским, в частности, в архаическом преломлении последнего.

Так, «подозрение» в русском языке хроник XV–XVII вв. может быть понято как отрицательное восприятие объекта, даже не требующее разъяснений: «наместник Тульської имеет на тебе ... подозрение и письма твои перенимает» (Хроника Спафария, запись отн. к 1678 г.), ср. там же «..они ... были в великом подозрении»<sup>5</sup>.

Тот же источник в описании Китая утверждает, что «...они [китайцы ] самые подозрительные (т. е. недоверчивые) люди» (Китай, 199).

Смысл «хитростью, интригами добиваться чего-то» (ср. греч. κάθ' ὑπόνοιαν) представлен в Ипатьевской летописи: «Изяслав человал крест к нама, яко не подзрѣти Киева» (под 1159 г.)<sup>6</sup>.

Рефлекс зрительной семантики четко ощущается в конкретном значении «подозреть» / «подзрити» – совершенный вид к «подзирати» как «наблюдать из засады, заметить, подстеречь, выследить» – «Которые станичники подозрят людей ... на дальних урочищах» (отн. к 1571 г., АМГ. I, 3)<sup>7</sup>. Аналогично см.: Казанская летопись, 300 (отн. к XVI–XVII вв.).

Наиболее сильно первичное значение *зрения* присутствует в глаголе «подозрети» как в специализированном «приметить, подсмотреть зверя в логовище». Страдательное причастие от

---

зреть» к «подразумевать» // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах. Материалы V Международной научной конференции по сравнительно-историческому языкознанию М., 2007. С. 269.

<sup>5</sup> Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.16. М., 1990, 27 (лев. столб.)

<sup>6</sup> Цит. по: Улукханов И. С. Славянизмы в русском языке. М., 2004. С. 147.

<sup>7</sup> Акты Московского государства, 1571 г. Изд. АН. Т. I–II / под ред. Попова; т. III под ред. Самоквасова. СПб., 1890–1901.

него «подозренный» (зверь) зафиксировано в Словаре 1867 г. как термин с пометой «охот.»<sup>8</sup>.

Трудно удержаться от сопоставления последней интерпретации со сравнением из идиллии Феокрита οἶα δὲ θῆρ ὑλαῖος ὑποπτεῦσι κυναγῶς (Theocr. XXIII, 10), но при этом необходимо иметь в виду, что поэтическая образность греческого пассажа все же переводит его конкретность в другую плоскость, а само сближение употреблений поддерживается темой охоты. Однако не стоит и недооценивать здесь наличие компонента «наблюдать, выслеживать», общего для русского и греческого глаголов подозрения.

Анализ лексики подозрения позволяет проследить во всех нюансах путь формирования абстрактного значения слова на базе конкретного.

В русском языке конкретная и абстрактная семантика передаются лексически дифференцированными группами: «высматривать, выслеживать», «подозревать», «подразумевать, намекать». В греческом это последнее стало итогом развития значения «подозревать». Конкретная семантика в русском языке получила, так сказать, особый статус употребления, вплоть до узкоспециальных терминов. В греческом зрительная семантика наиболее четко удерживается в группе ὑποβλέπω – самой конкретной из греческого лексического поля подозрения.

При всей принципиальной близости греческого и русского концептов подозрения, можно заметить, что в первом доминирует ментально-эмотивная семантика, во втором, она также, естественно, будучи основной, в большей степени сохранила устойчивость конкретного зрительного значения, в частности, в летописных текстах XV–XVII вв.

---

<sup>8</sup> Словарь Церковно-Славянского и русского языка, составленный П. отд. Императорской АН. Т. 3, 2-е изд. СПб., 1867.

С. А. Сиднева

### Принципы образования фитонимов в новогреческой народной культуре

Имя в традиционной народной культуре часто становится источником информации, отображает основные признаки, а иногда и саму сущность носителя. Так, народные названия растений становятся значимыми для воссоздания и исследования представлений о каком-либо растении в определенной культурной традиции. Фитоним может представлять как *sui generis* свернутая история определенного растения, «миф» растения.

Существует несколько параметров, лежащих в основе народной номинации растений, среди которых наиболее значимыми являются:

- внешние признаки (форма, цвет, запах, вкус всего растения или его частей),
- этиологическая легенда, объясняющая происхождение растения,
- время цветения, плодоношения или сбора,
- свойства растений, определенные поверья, связанные с ними и их использование в магических и обрядовых практиках.

Основными способами образования фитонимов являются суффиксальный способ, словосложение и словосочетание, причем продуктивность определенной модели образования часто обусловлена тем параметром, на основе которого создается народное название растения.

Что касается внешних признаков растений, как правило, в фитониме зафиксирован наиболее яркий из них. Признак может буквально отображаться в названии, которое чаще всего образуется путем сложения прилагательного и существительного: то ασπρόβοτανο (буквально «белоцвет»), суффиксальным способом: η κόκκινάδα (новогреческое народное название мака, буквально «краснуха», образовано от «κόκκινος» «красный»), η τικραλίδα (одуванчик, буквально «горечавка», образовано от «λικρός» – «горький»).

Фитоним часто отображает сходство с другим предметом, имеющим аналогичный или сходный признак или свойство: то αντί του γαϊδάρου/ослиное ухо (*Symphitum officinalis*), τα ποδάρια του λέλεγκα/журавлиные ноги, η αλωπονώρα/лисий хвост или то

γατόχορτο/кошачья трава (*lagurus ovatus*), η ουρά από τ'άλογο/ лошадиный хвост, γλώσσα αλαφιού/олений язык (*Scolopendrium vulgare*). Большинство из таких наименований представляют собой словосочетания N (Nom.) + N (Gen), в которых первая составляющая – сущ. в им. п., вторая – сущ. в р.п., или образуются также словосложением по схеме: N+P+N, то есть сущ. в им. п., предлог, сущ. в вин. п. Последняя модель характерна для грамматического строя новогреческого языка. Примечательно, что при переводе подобных образований на русский язык мы используем иную конструкцию: Adj. (Nom.)+N. (Nom.), состоящую из прилагательного, согласованного с существительным.

В приведенных выше примерах основополагающими признаками становятся цвет, вкус, форма. Форма, в отличие от других признаков, отображается в фитониме не прямо, а по принципу уподобления. Однако существуют и аналогичные примеры уподобления по цвету. Так, разновидность паслена на о. Кефалонья называют «παλαγάλλος», буквально «попугай» из-за разноцветных лепестков. Растениям с ярко-красными цветами в народной традиции дают наименование «τ'αχειλή της όμορφης / ωραίας» (губы красавицы).

Цвет создает семантический статус предмета и часто объясняет его применение, что особенно характерно для народной медицины. Так, против кровотечения используется растение с красными цветами, против желтухи – с желтыми и так далее. Соответственно народное название растения по принципу применения может образовываться от наименования болезни, против которой оно применяется: то βήχιο (буквально «кашлевик») (ромашка, *Tussilago farfara*) лечит кашель, то ανεμόχορτο (*Parietaria officinalis*), по народным представлениям, исцеляет анемию. Модели образования в данном случае: суффиксация или словосложение. Название может указывать не только на болезнь, но и на страдающую часть тела, например στομαχοβότανο (амарант, буквально: «желудочная трава», другие народные названия: то χέρι της Παναγίας, то αγαλοβότανο, то есть «ручка Богородицы», «любовная трава») применяется в отварах против болей в желудке.

Один денотат может иметь множество наименований, которые кодируют разные аспекты его применения, как приведенное выше растение «амарант», которое используется в новогреческой народной магии и медицине как приворотное средство («αγαλοβότανο») или для облегчения страданий при родах («το χέρι της Παναγίας»). Примечательно, что второе название широ-



ко известно во многих народных традициях, включая, например, славянскую, и атрибутируется разным растениям, имеющим сходные свойства, в соответствии с народными поверьями.

Названия некоторых растений объясняются легендой. К данному типу принадлежат названия, составляющей которых становятся часто имена священных персонажей: τα δάκρια της Παναγίας («слезы Богородицы»), το ακάθι του Χριστού (Христова колючка) и т. д. Растение, носящее название «слезы Богородицы» в народной традиции, согласно народному преданию выросло из слез божьей матери. Такие легенды отображают универсальную для многих традиционных культур категорию этимологических легенд, построенных на связи: «человек-растение» или «растение – мифологический персонаж». Подобные взаимосвязи проявляются в мотивах вырастания растения из крови, слез сверхъестественного существа или человека. Преобладающей моделью образования здесь становится словосочетание первого типа: N (Nom) + N (Gen.).

Если рассматривать мотивы превращений, характерные для такого типа легенд, в этом случае растение без трансформации берет имя персонажа (древнегреческая мифология дает множество примеров такого рода: миф о Дафне, Нарциссе и т. д.). В новогреческой народной мифологии предание рассказывает о происхождении ежевики (βάτος), в которую был превращен завистливыми nereидами прекрасный торговец по имени Ежевика (Βάτος) (Λουκοπούλος 1940).

Зависимость образования фитонимов от времени цветения, плодоношения или сбора, проявляется в атрибуции данного растения какому-либо святому, чей праздник приходится на день, с которого начинается соответствующий цикл: «το λουλούδι, βότανο του Αγιάννη» – «цветок, трава святого Георгия», «το λουλούδι της Αγίας Άννας» – «цветок святой Анны», «τα λουλούδια του Αγίου Γεωργίου» – «цветы святого Георгия».

Итак, самой распространенной моделью образования фитонимов в новогреческой традиции является словосочетание типа N (Nom) + N (Gen.), особенно в том случае, если в основе номинации лежит сходство признаков или свойств растения и другого предмета, этимологическая легенда или применение. Для названий, буквально отображающих какой-либо признак или свойство, более продуктивным оказывается суффиксальный способ или словосложение.

## ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ

- Ανάσης Ε.*, Τα φαρμακευτικά βότανα της Ελλάδος, ονομασία, ιστορία. Τ.Α' Αθήνα, Μάκρης, 1976.
- Λουκόπουλος Δ.*, Νεοελληνική μυθολογία – ζώα – φυτά. Αθήνα, Σύλλογος προς διάδοσιν ωφελίμων βιβλίων, 1940. Σ.183–230.
- Μηλιαράκης Σπυρ., Χελντράιχ Θ.*, Λεξικό των δημωδών ονομάτων των φυτών της Ελλάδας. Αθήνα, Αφοί Τολίδη, 1980.
- Μέγας Γ.*, Ελληνικές γιορτές και έθιμα της λαϊκής λατρείας. Αθήνα, Οδυσσέας, 1992.
- Πολίτης Ν. Παραδόσεις. Αθήνα, Ακαδημία, 1965.
- Σταμούλη-Σαράντη Ε.*, Από τα φυτά της Θράκης // *Θρακικά* 20, Αθήνα, Θρακικό κέντρο, 1944. Σ. 1–72
- Φραγκάκι Εν. Κ.*, Η δημώδης γιατρική της Κρήτης. Αθήνα, 1978.

М. В. Скржинская

### **Эпиграфические и письменные источники о женщинах Боспора**

В многочисленных и разнообразных трудах по истории Боспорского царства женщинам уделено весьма скромное место; ученые в основном упоминали тех женщин, которые оказывали влияние на политическую и религиозную жизнь государства (Ростовцев 1916; Сапрыкин 1995; Яйленко 1995; Русяева, Супруненко 2003). Между тем эпиграфические и письменные памятники в той или иной степени касаются жизни женщин разных социальных слоев.

Женщины в греческих полисах по социальному положению разделялись на три группы: гражданки данного государства, являвшиеся женами или дочерьми полноправных граждан, свободные женщины из неполноправного населения и рабыни.

Наибольшее количество сведений сохранилось о первой группе женщин. В основном это надгробия с именем покойной вместе с именем мужа или отца; иногда на стеле представлено идеализированное изображение погребенной, а в римское время появляются портретные черты. Не случайно в боспорских эпитафиях указывалось родство умершей по мужской линии. Ведь женщина-гражданка всегда зависела от старшего в семье мужчины, а в случае смерти всех мужчин семьи ей назначался опекун. В эпоху эллинизма гражданка полиса получила право в отдельных случаях выступать как самостоятельное лицо; однако это касалось только некоторых семейных отношений, имущества и распоряжения финансами (Cantarella 1989: 91). Из нескольких надписей римского времени можно узнать о праве боспорянок давать вольную своим рабам (КБН. 69, 70, 73, 1021). Женщины из состоятельных семей имели возможность тратить значительные суммы на постановку от своего имени посвященных рельефов, статуй и алтарей, а также надгробий своим родственникам (КБН. 6а, 8, 14, 18, 21, 824, 972, 1040, 1041, 1043).

О семейных отношениях в среде боспорян практически ничего не известно. Ряд надгробных памятников свидетельствуют о любви к женам и дочерям и о горечи их потери. Таковы специально заказанные стелы, нередко украшенные рельефами с

изображениями покойных и надписями, выражающими скорбь (КБН. 128, 139, 141, 158, 184, 190, 219, 224 и др.).

В древнегреческих государствах женщины мало выходили из дома в отличие от мужчин, постоянно занятых делами или развлечениями вне круга своей семьи. В редчайших случаях женщинам доводилось сыграть какую-либо заметную роль в общественной жизни полиса. Исключение из этого правила составляли религиозные праздники и некоторые ритуалы, часть из которых справлялась только женщинами, а в главных городских праздниках они участвовали вместе с мужчинами, хотя и занимали там достаточно скромное место.

Рельеф на мраморном алтаре из Пантикапея и терракотовые статуэтки гидрофор из святилища Деметры в Нимфее (Античные государства. Табл. 122, 3), привезенные на Боспор в V в. до н. э., косвенно свидетельствуют об участии боспорских женщин в торжественных процессиях на празднествах. Наиболее значительная роль в сакральной жизни полиса принадлежала жрицам. В боспорских надписях классического и раннеэллинистического времени названы жрицы Артемиды Эфесской, Афродиты и Кибелы, они исполняли положенные ритуалы в Пантикапее, Нимфее, Кепах и Гермонассе (КБН 6а, 8, 14, 1040). Боспорянки занимали заметное положение не только при служении женским божествам. Как и во всех областях Эллады, женщины принимали участие в дионисийских празднествах, а также в культе обожествленных боспорских царей. Об этом известно по находкам с изображением танцев и ритуалов в честь Диониса и по содержанию одного граффито, прочерченного в святилище Нимфея в конце III в. до н. э. (Лосева 1984; Вдовиченко 2002: 20–21; Яйленко 1995: 231, 235–236).

Посвятительные надписи свидетельствуют еще об одном виде участия женщин в сакральной жизни как европейской, так и азиатской части Боспора. Дары в виде статуй и алтарей снабжались надписями с именами поклонниц или жриц разных божеств (КБН. 6а, 8, 14, 18, 21, 972, 1040 1041, 1043). Постановка даже небольшой каменной статуи или алтаря и вырезание на них надписи требовали значительных затрат. Поэтому подобные находки свидетельствуют об участии боспорянок из состоятельных семей в сакральной жизни государства. Массовые приношения от большинства женщин, например, терракоты с изображением разных божеств, не имеют надписей, и потому невозможно определить в каждом конкретном случае, являлась ли статуэтка даром мужчины или женщины. Посвятительные же

граффити на сосудах, если и снабжены именами дарителей, то в подавляющем большинстве случаев сделаны мужчинами, что не удивительно, так как даже начальное школьное образование получали лишь мальчики, а женщины по большей части не владели грамотой. К редчайшим находкам принадлежит граффито на чернолаковом килике из Нимфея: там указано имя Кинны, посвятившей этот сосуд в дар Деметре (Толстой 1953: 81, № 125). Трудно решить, прочертила ли надпись сама Кинна или кто-то из мужчин по ее просьбе.

Выдающееся положение женщин в статусе жен правителей и заметная роль некоторых из них в управлении государством наблюдается в Северном Причерноморье только на Боспоре. На основании родословной жен Перисада I и Перисада III можно заключить, что в династии Спартокидов браки нередко заключались с близкими родственницами (КБН. 75, 1015). Ведь жена первого из упомянутых царей была его двоюродной сестрой, а жена второго родной или сводной сестрой (Латышев 1909: 300–302; Виноградов 1987: 63, 64). Обе имели редкое имя Камасария, не встречающееся среди имен в семьях прочих боспорян. То же явление наблюдается и в именах многих мужчин из семей Спартокидов (Завойкин 2006: 223–225; Суриков 2007: 253–257).

В надписи жены Перисада I при ее имени названы только имена ее отца и мужа, и нет никакого титула в отличие от ее супруга, именуемого архонтом Боспора и Феодосии и царем синдов, всех маоитов и фатеев. Позже жены боспорских царей официально получали титул цариц, о чем сейчас известно с середины II в. до н. э. Тогда тезка Комосарии, Камасария, дочь Спартока V и жена Перисада III, (в написании ее имени отличаются лишь первая и вторая гласные, что объясняется неупорядоченностью древней орфографии) именовалась царицей, и ее титул писали в официальных документах как на самом Боспоре, так и за его пределами в Милете и Дельфах (КБН. 75; МИС. 15, 38). Эти надписи, в которых речь идет о приношениях в храм Аполлона Дидимского и о почитании Аполлона Дельфийского, дают веское основание считать, что царица посещала знаменитые общегреческие празднества.

У себя на родине Камасария, как было принято в среде женщин царского рода (Яйленко 1995: 230), особо чтит Афродиту Апатурию. Недаром Феокрит, глава фиаса (религиозного сообщества), отправлявшего культ Афродиты в Пантикапее, вместе с другими членами фиаса посвятил богине памятник с ее изображением и надписью «за архонта и царя Перисада, сына

царя Перисада, Матерелюбивого, и за царицу Камасарию, дочь Спартока, Чадолюбивую, и за Аргота, сына Исанфа, мужа царицы Камасарии» (КБН. 75). Здесь упомянут второй муж Камасарии Аргот без царского титула. Значит первый супруг ко времени появления этого памятника умер, и ему наследовал власть его сын Перисад, названный Матерелюбивым, а второй муж царицы не стал царем.

На стеле с этой надписью помещены три венка под именами Перисада, Камасарии и Аргота, стоящими вне текста посвящения. Вероятно, одним из поводов для постановки памятника было увенчание этих персон почетными венками. Боспорские цари неоднократно получали золотые венки в Афинах на праздниках Великих Панафиней и Дионисий (МИС. 3, 4), и видимо, такие же награды царям вручали на родине. Местной особенностью надо признать награждение венком женщины, что объясняется ее выдающимся положением в обществе; это уникальное свидетельство для Северного Причерноморья эллинистического времени. Церемония награждения скорее всего проходила в Пантикапее; ведь не случайно там найдена упомянутая стела.

Камасария в течение примерно десяти лет исполняла обязанности регента при малолетнем сыне и правила Боспором до того, как он около 170 г. до н. э. стал царем. Включение в их титулы эпитетов Филометер и Филотекна ('любящий мать' и 'любящая ребенка') по все вероятности, указывает на взаимную привязанность матери и сына и на мирный переход к нему власти, что бывало не всегда, как это известно, например, из биографии Митридата Евпатора, которому угрожала смерть от козней его властолюбивой матери.

Сейчас нет никаких определенных свидетельств о том, насколько активно Камасария принимала участие в управлении государством; была ли она властной правительницей, или за ее фигурой скрывались истинные творцы боспорской истории. Ее брак с Перисадом был заключен, как было принято, по решению старшего в семье мужчины, а став вдовой, она более свободно могла распоряжаться своей судьбой. Поэтому Камасария вышла замуж за Аргота по собственной воле, но, конечно, нам не дано знать, был ли этот брак по взаимному чувству или по взаимной выгоде.

Среди сведений о боспорских царицах Динамия занимает первое место не только по количеству упоминаний о ней, но и по разнообразию источников: сочинения античных авторов, лапидарные надписи, причем не только боспорские, монеты с ее

именем и изображением, наконец, редчайший портретный бронзовый бюст. Отчасти это объясняется ее выдающейся ролью в истории Боспора, а также тем, что она была внучкой знаменитого царя Митридата VI Евпатора, которому последний боспорский царь из рода Спартокидов передал свою власть.

Судьба одной из последних наложниц престарелого Митридата связана с Боспором, о чем стало недавно известно из надписи, найденной при раскопках Фанагории, главного города той части Боспорского царства, которая располагалась на Таманском полуострове. Там был обнаружен камень с вырезанной на нем эпитафией: «Гипсикрат, жена царя Митридата Евпатора Диониса, прощай» (Кузнецов 2007: 13). Удивительная форма мужского имени по отношению к жене царя получает объяснение в сопоставлении с записью Плутарха в биографии Помпея (глава 32). Там упомянута наложница Гипсикратия, «всегда проявлявшая мужество и смелость, так что царь называл ее Гипсикратом». Она носила мужскую персидскую одежду, ездила верхом и в походах не уставала ухаживать за царем и его конем. Вероятно, в последние годы жизни царь повысил ее статус, переведя из наложниц в жены.

Теперь мы знаем, что она последовала за своим повелителем на Боспор, последнее пристанище царя на северной окраине его владений. Гипсикратия погибла, наверное, во время восстания против Митридата в Фанагории. Восставшие сожгли акрополь, где находились дети Митридата (App. Mithr. 108), и возможно, среди них были и дети Гипсикратии. Ее надгробие, увенчанное статуей (от нее остался след крепления на постаменте с надписью), сделали, скорее всего, по распоряжению царя, и он сам составил текст надписи, назвав свою последнюю жену принятым в их общении именем.

Приблизительно в это время, то есть в 60-е годы I в. до н. э., родилась Динамия. Царевна хотела сама распоряжаться своей судьбой и средством для этого выбрала вступление по собственной воле в нужные с ее точки зрения браки, что для женщины было единственным путем для самостоятельной карьеры. За свою жизнь она заключила несколько таких союзов, каждый раз руководствуясь политической целесообразностью и желанием удержаться у власти.

После гибели своего отца царя Фарнака Динамия одна не в силах была унаследовать его власть на Боспоре и потому вышла замуж за Асандра, боспорского наместника, изменившего ее отцу и ставшему его убийцей. Этот брак был нужен и Асандру;

став супругом дочери предыдущего царя, он получал видимость законности своих притязаний на боспорский престол. С моральной точки зрения поступок Динамии был ничуть не хуже поведения ее собственного отца. Ведь тот был любимым сыном Митридата, объявившего его своим наследником, что не мешало Фарнаку предать царя и довести его до смерти. Замужество Динамии органично вписывается в образ действий членов ее семьи, боровшихся за власть любыми методами, да и в нравы других царских династий эллинистического времени.

Динамия была не просто женой царя, но активно участвовала в управлении государством (Сапрыкин 1995: 186–187). В последние годы жизни Асандра, когда ему было более 80 лет (Ps. Luc. Масг. 17), царь, по словам Диона Кассия (Dio, LIV, 24), передал власть Динамии. Именно она, а не Асандр в 20-е годы до н. э. пользовалась поддержкой императора Августа, который в 20-ом и 16-ом годах дал ей право выпустить золотые боспорские статеры с ее портретом на аверсе и надписью царица Динамия (Сапрыкин 1990: 207). После смерти Асандра Динамия дважды выходила замуж за претендентов на боспорский престол, которых поддерживали римляне; таким образом она сохраняла полномочия действующей царицы.

О живших на Боспоре женщинах из неполноправного населения имеются крайне скудные сведения. Среди них были жены и дочери граждан из других государств, о чем говорят эпитафии на их могилах, например, «Микка, жена Кокка, дочь Токкона, гераклеянка» (КБН 1193, см. также № 124, 130, 249). Надгробные надписи типа «Атенаида хиянка» или «Мирсина гераклеянка» без указания родства, вероятно, принадлежали приезжим гетерам (КБН 155, 246). Несколько манумиссий сохранили имена боспорских рабынь (КБН 74, 1123–1225).

Итак, уцелевшие сведения в подавляющем большинстве относятся к женам и дочерям полноправных граждан. Их положение в обществе в основном было тем же, что в большинстве других греческих полисах. Основная часть жизни проходила в пределах дома и внутреннего двора. Женщины принимали участие в религиозных праздниках и могли служить жрицами разных богов. Отличие Боспора от других античных государств Северного Причерноморья заключалось в том, что жена царя официально занимала высокое общественное положение и играла заметную роль в сакральной жизни государства. А в Ольвии или Херсонесе с их выборной демократической формой правления жены первых лиц государства по своему статусу ни-



чем не отличались от прочих гражданок, и они никогда, как это случалось с боспорскими царицами, не могли оказаться во главе правительства.

## ЛИТЕРАТУРА

- Античные государства – Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
- Вдовиченко 2002 – Вдовиченко И. И. Культовые танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» // Боспорские исследования. Вып. 2. Симферополь. С. 19–25.
- Виноградов 1987 – Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. № 1.
- Граков 1939 – Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. № 3. (МИС)
- Завойкин 2006 – Завойкин А. А. Об институте династических имен Спартакидов // Древности Боспора. № 10. Симферополь. С. 220–238.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
- Кузнецов 2007 – Кузнецов В. Д. Фанагория: история исследования и новые находки // Российская археология. № 2. С. 155–172.
- Латышев 1909 – Латышев В. В. PONTIKA. СПб.
- Лосева 1984 – Лосева Н. М. Аттический краснофигурный стамнос из Керчи // Сообщения ГМИИ. № 7. С. 125–132.
- Ростовцев 1916 – Ростовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 25. М., С. 1–14.
- Русяева, Супруненко 2003 – Русяева А. С., Супруненко А. Б. Исторические личности Эллино-скифской эпохи. Киев. С. 245–268.
- Сапрыкин 1990 – Сапрыкин С. Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. № 3.
- Сапрыкин 1995 – Сапрыкин С. Ю. Женщины — правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Тифена) // Женщина в античном мире. М. С. 181–203.
- Суриков 2007 – Суриков И. Е. Власть и имя в государстве Спартакидов // Восточная Европа в древности и средневековье. 19-е чтения памяти чл.- корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М. С. 253–257.
- Толстой 1953 – Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
- Яйленко 1995 – Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Афродиты в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М. С. 204–272.
- Cantarella 1989 – Cantarella E. Pandora's Daughters. The Role and Status of Women in Greek and Roman Antiquity. Baltimore; London.

М. Н. Славятинская

Словоформа  $\hat{\eta}$  '(он) говорил, сказал' в тексте Гомера

Форма претерита 3 л. ед. ч.  $\hat{\eta}$  '(он) говорил, сказал' в языке Гомера привлекает внимание, с одной стороны, своей изолированностью, а с другой – регулярным употреблением, хотя бы один раз, в подавляющем большинстве песен. Примечательно и последующая судьба данной словоформы: вокруг нее постепенно стала формироваться (или проявляться), пусть и недостаточная, но парадигма. Ср.: многие словоформы и лексемы гомеровского языка так и остались только гомеровскими. Можно предположить, что в лексическом значении этой словоформы (о грамматическом значении ввиду отсутствия других форм говорить не приходится), в ее языковом узусе было нечто такое, что было необходимо для греческого языкового сознания.

Остановимся вкратце (по данным указанных в списке литературы этимологических словарей и грамматик) на этимологии словоформы  $\hat{\eta}$ <sup>1</sup>, а также на значении и употреблении в последующее время образованных от нее форм.

Что касается развития глагольной парадигмы на основе  $\hat{\eta}$ , то предполагается, что на появление других форм повлиял глагол  $\varphi\eta\mu\acute{\iota}$  'говорю' (Шантрэн, 175 и др.). Формы  $\eta\mu\acute{\iota}$  зафиксированы у Аристофана (Обл. 1145; Ляг. 37),  $\eta\sigma\acute{\iota}$  у Гермиппа (I К),  $\hat{\eta}\sigma\acute{\iota}$  у Сапфо,  $\eta\tau\acute{\iota}$  у Алкмана.

В аттическом диалекте употребление рассматриваемого глагола реанимируется в словосочетаниях  $\hat{\eta}\nu\ \delta'\ \epsilon\gamma\omega$  и  $\hat{\eta}\ \delta'\ \omicron\varsigma$ . Обратим внимание на эмфатический порядок слов, отмечаемый

<sup>1</sup> Указанная словоформа не имеет абсолютно точной и надежной этимологии, но в целом признается следующая ее реконструкция. Предполагается существование формы  $*\hat{\eta}k-t < \bar{e}g-t$ . От этого корня есть и ступень  $*\bar{o}g-$ , отмечаемая для глагола  $\acute{\alpha}v-\omega\gamma\alpha$  'говорю громко, кричу', ср.  $\acute{\alpha}v\alpha\kappa\alpha\lambda\acute{\epsilon}\omega$  'призываю, громко зову'. Эта реконструкция сопоставляется с латинским глаголом  $ai\bar{o} < ag\bar{i}-\bar{o}$  'утверждаю, приказываю, уверяю', существительными  $ad-agium$  'пословица',  $prod-igium$  'предзнаменование'.

специально в словаре Liddell-Scott: said I «сказал я», said he «сказал он». Здесь же специально приводится и эмфатическое выражение  $\pi\alpha\iota$ ,  $\eta\mu\acute{\iota}$ ,  $\pi\alpha\iota$  “boy, I say”

Как видно из вышеизложенного, и этимологический анализ, и значение в послегомеровских текстах дают основание трактовать лексическое значение рассматриваемого глагола как «говорить эмоционально: громко, твердо, уверенно». Один из контекстов «Илиады» недвусмысленно подсказывает именно это значение. В XV песне «Илиады» (ст. 732 и 742) Аякс Теламонид отбивает наступление троянцев «И беспрестанно **ужасно кричал**, убеждая данаев» (Гнедич) ( $\alpha\acute{\iota}\epsilon\iota\ \delta\epsilon\ \sigma\mu\epsilon\rho\delta\acute{\omega}\nu\ \beta\omicron\omicron\omega\nu\ \Delta\alpha\nu\alpha\omicron\iota\sigma\iota\ \kappa\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\nu\ \dots$ ). И после этого следует  $\hat{\eta}$  *kai* ...

Заметим здесь, что обозначение разных видов «говорения» наверняка имело разнообразную и подробную лексическую характеристику при исключительно устной форме существования языка. Ср. набор основ, составивших позже супплетивную парадигму глагола  $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$  «говорю»:  $\lambda\epsilon\gamma\text{-}/\acute{\epsilon}\rho\epsilon\text{-}/*\text{F}\epsilon\pi\text{-}/\acute{\rho}\eta\text{-}$ .

Употребление  $\hat{\eta}$  в тексте гомеровских поэм нужно рассмотреть в нескольких ракурсах:

- чисто количественное распределение без обращения к конкретному контексту (1);
- предположительное значение и функции  $\hat{\eta}$  в отдельных контекстах (2);
- употребление  $\hat{\eta}$  в широком контексте, в данном случае, в отдельной песне с наибольшим количеством употреблено  $\hat{\eta}$  – XXIV песня «Илиады» (3).

1. Что касается количественного распределения, то уже давно отмечено, что в «Илиаде» эта словоформа намного частотнее, чем в «Одиссее»: 62 из 90. Это обстоятельство никак нельзя объяснить стремлением к употреблению архаической формы, поскольку понятия архаизма в нашем смысле слова тогда не существовало. Конкретно анализируемая форма употребляется следующим образом:

– в «Илиаде»: I–2, III–5, IV–2, V–3, VI–1, VII–1, VIII–1, IX–1, X–2, XI–6, XIII–2, XIV–3, XV–1, XVI–1, XVII–2, XVIII–1, XIX–3, XX–4, XXI–5, XXII–5, XXIII–4, XXIV–7. Как мы видим, наибольшее число приходится на песнь III (единоборство Александра и Менелая), XI (подвиги Агамемнона), XXI (приречная битва), XXII (гибель Гектора), XXIV (выкуп тела Гектора). Словоформа  $\hat{\eta}$ , как кажется, особенно нужна аэду при

описании напряженных и важных событий, происходящих с главными действующими лицами: Агамемнон, Менелай, Ахилл, Александр, Гектор.

– в «Одиссее» мы находим следующее распределение: II–1, III–1, V–1, VI–1, VIII–3 (Алкиной готовит отправку Одиссея), IX–1, XIV–2, XV–2, XVI–2, XVII–3 (Одиссей вступает в свой дом), XVIII–2, XIX–2, XX–1, XXI–1, XXII–3 (расправа над женихами), XXIV–1. Случайно ли, что и в «Одиссее» словоформа ἦ появляется при описании важнейших событий? Конечно, трудно поверить, что употребление ἦ было так тесно связано с описанием определенных (напряженных) ситуаций, но не обратить внимание на эти факты нельзя.

Косвенным доказательством могут служить наблюдения над смысловым употреблением различных дублетных форм от других лексем, форм, которые считаются лишь метрическими дублетами. Приведем лишь один пример: употребление причастия *παράφμενος* (2) и *παραφάμενος* (1) от глагола *παράφμι* 'уговариваю, увещаваю'. Первая форма (Ил. 12, 249; Од. 2, 189) – формула *παράφμενος ἐλέεσσι*; ее можно было бы употреблять и в других ситуациях. Но третий случай употребления данного причастия от глагола *παράφμι* – это плач Елены над телом Гектора: поэт не мог здесь употребить формулу и не мог не подчеркнуть особенность ситуации специальной, продленной, формой (XXIV, 771): Елена, причина всех бед для троянцев, вспоминает, что только от Гектора она не слышала упрека, а если кто порицал ее, то Гектор его останавливал: *ἀλλὰ σὺ τὸν γ' ἐλέεσι παραφάμενος κατέρυκες...*

2. Размеры публикации, естественно, не дают возможности проанализировать все случаи (90) употребления словоформы ἦ. Приведем лишь отдельные. Сердась на Геру, Зевс произносит грозные слова, после которых следует ἦ (Ил. I, 528). В Ил. XVI, 426 Сарпедон упрекает ликийцев, не устоявших перед Патролом. Примечателен единственный случай употребления ἦ после речи, казалось бы, подчиненного лица и притом женщины. В VI песне «Илиады», когда Гектор стал спрашивать у прислужниц, где Андромаха, одна из них (проворная, ὀτρνή, ключница) указала ему (контекст: точно, быстро, уверенно, с готовностью): 'Εκτορ, ἐπεὶ μάλ' ἄνωγας ἀληθέα μυθήσασθαι ...// ἦ ῥά γυνὴ ταμίη... (ст.382, 390). Здесь обращает на себя внимание возможное сохранение каких-то глубинных лексических и

смысловых связей между ἄνωγας и ἦ̂ (см. выше об этимологии формы ἦ̂): он приказывает – она указывает.

Вариантом к предполагаемому экспрессивно-эмоциональному значению ἦ̂ является и значение «настойчиво говорить, приглашать, уговаривать» по отношению к гостю («Илиада»): в IX, 620 после слов Ахилла, уговаривающего Феникса остаться у него и отдохнуть, в XVIII, 410 Гефест подбадривает пришедшую к нему с просьбой Фетиду, в XXIV, 621 Ахилл после примирения с Приамом приглашает его к трапезе.

3. Самая важная задача при описании «жизни» словоформы ἦ̂ в гомеровском тексте – проследить, как связано ее употребление с описанием конкретной ситуации, придает ли употребление ἦ̂ какой-то особый смысл тексту, случайно ли наибольшее число этой словоформы мы находим в последней песне «Илиады», и притом, в ее самой драматичной части (со стиха 228), когда Приам начинает снаряжаться, чтобы отправиться к Ахиллу. Рассмотрим последовательно употребление словоформы ἦ̂ и чередующегося с ней глагола φημί (ἔφατ' – φάτο – ἐφαθ').

Ст. 228. Приам отвечает Гекубе, что он отправится к Ахиллу, даже если ему грозит смерть – ἦ̂ καὶ...

Ст. 247. Приам ругает троянцев, пришедших ко дворцу, видимо, с желанием увидеть его горе – и прогоняет их жезлом – ἦ̂ καὶ...

Ст. 265. Ругая своих оставшихся в живых сыновей, Приам велит им поторопиться и поскорее приготовить ему повозку – ὥς ἔφαθ'.

Ст. 302. Гекуба останавливает Приама, с настойчивой просьбой перед отъездом к Ахиллу обратиться с мольбой к Зевсу. С этим сразу же соглашается Приам – ἦ̂ ῥα.

Ст. 314. После мольбы Приама к Зевсу – ὥς ἔφατ' εὐχόμενος.

Ст. 339. Зевс велит Гермесу сопровождать Приама к Ахиллу – ὥς ἔφατ'.

Ст. 358. Спутник Приама Идея, увидев Гермеса и подумав, что это подосланный к ним убийца, предупреждает его – ὥς φάτο.

Ст. 424. Гермес уверяет Приама, что труп Гектора совсем не обезображен – ὥς φάτο.

Ст. 440. Гермес отказывается принять дар от Приама, но заверяет его, что он рад быть ему спутником – ἦ̂ ῥα...

Ст. 596. Ахилл клянется умершему Патроклу, что он принял такой богатый выкуп за Гектора от Приама, что и ему он принесет достойную жертву –  $\hat{\eta}$   $\acute{\rho}\alpha$ ..

Ст. 621. Ахилл уверяет Приама, что возвращает ему сына и призывает подумать о трапезе –  $\hat{\eta}$   $\acute{\rho}\alpha$

Ст. 643. После совместной трапезы успокоившийся Приам обращается к Ахиллу с просьбой: «дай мне теперь опочить» (Гнедич) –  $\hat{\eta}$   $\acute{\rho}\alpha$ .

Примечательно, что Ахилл и Приам обмениваются речами, после которых в обоих случаях употреблена словоформа  $\hat{\eta}$ , что, по всей видимости, подчеркивает их равенство: уже и Приам может **велеть** Ахиллу что-то сделать. Приведенные контексты показывают достаточно ясно, что форма  $\hat{\eta}$  имеет экспрессивное значение: 'твердо говорить, клятвенно обещать, уверять, приглашать'. Отметим еще одну, как представляется, словесную тонкость: Ахилл угрожает Приаму: XXIV, 560 – «Старец, не гневай меня» (Гнедич) –  $\mu\eta\kappa\acute{\epsilon}\tau\iota \nu\upsilon\nu \mu'\acute{\epsilon}\rho\acute{\epsilon}\theta\iota\zeta\epsilon, \gamma\acute{\epsilon}\rho\upsilon\nu$ . Но после этих слов аэд (поэт) употребляет  $\hat{\omega}\varsigma \acute{\epsilon}\phi\alpha\tau'$ : Ахилл понимает, что он не исполнит угрозы, поскольку чувствует, что Приаму помогают боги, и в его словах нет той силы, уверенности и твердости, что подчеркивает форма  $\hat{\eta}$ .

Заметим в заключение следующее. В изучении языка Гомера есть две стороны. Одна – это постоянное решение вопросов, откуда, как и когда появилась та или иная лексема или словоформа, из фольклорных или фольклорно-эпических текстов, из той или иной временной глубины (праиндоевропейский «поэтический» язык, крито-микенские тексты, племенные или более поздние территориальные диалекты). Другая – до сих пор остающаяся на втором плане – а как автор (аэд, поэт) относится к этому тысячелетиями накопленному богатству, давит ли на него традиция и заставляет употреблять ту или иную формулу, лексему, словоформу, или аэд сам распоряжается им, но с какой степенью свободы: распоряжается более или менее беспорядочно (ради метрики, ради формулы, ради разнообразия), или, проявляя собственную волю, он **осмысливает** и ранжирует **сам** лексику и словоформы и «увязывает» их с конкретным эпизодом текста.

Самая главная задача современного исследования гомеровского языка – определение именно гомеровского вклада в него, его пробивающуюся сквозь толщу стереотипов-формул и

многовековую традицию индивидуализованность (не просто авторство), то, что и сделало Гомера Гомером. Была ли эта индивидуализованность и могла ли она быть в те времена? Исследователи Нового времени долго и убежденно доказывали невозможность такого типа словесности, доказывали «лоскутность» гомеровского текста, делая при этом много важных открытий. Не останавливаясь на многочисленных контраргументах, добавим лишь один: Современные исследователи физиологии мозга доказывают, что его **творческий** потенциал заключается в том, что он отталкивается от стереотипов (Бехтерева 2006). И если мы соглашаемся считать Гомера творческой личностью, а поэмы «Илиада» и «Одиссея» созданием этой творческой личности, то при всем давлении традиции в его языке нужно и должно искать черты индивидуального осмысления огромного языкового наследия и всемерного «отталкивания» от стереотипов, конечно же, насколько он мог в то время и в тех культурно-исторических рамках. Можно предположить такую последовательность в отношениях «автор/язык», которую отражает язык Гомера.

1. Основной «набор» лексем и словоформ есть заслуга фольклорного и фольклорно-эпического языка с их стереотипностью, традиционностью, метрическими поисками и находками;
2. Сохранение и даже реанимацию лексической и грамматической семантики можно отнести к авторскому (до-гомеровскому) эпическому языку;
3. Градация, нюансировка, дискурсивно-ситуативная расстановка лексики и словоформ в тексте есть заслуга творческой индивидуальности, создававшей именно этот текст с его индивидуальным смыслом.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М., 2006.
- Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
- P. Chantraine. Grammaire homerique. T. Phonetique et morphologie. Paris, 1963.
- H. G. Liddell, R. Scott, H. Jones. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1992.
- Lateinisches etymologisches Woerterbuch (von A. Walde, J. B., Hoffmann). Heidelberg, 1938.
- P. Chantraine. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P.1970–1980.
- Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Woerterbuch. I–III, Heidelberg 1960–1972, 1973<sup>2</sup>.

А. С. Смирнова

**Глаголы со значением «ударить» в латинских и русских естественнонаучных текстах М. В. Ломоносова**

1. В ходе работы над Словарем языка М. В. Ломоносова были разработаны общие параметры и схема словарной статьи, которая включает грамматическую, стилистическую и функциональную характеристику слова, комментарии и цитаты, иллюстрирующие употребление слова. Латинский материал<sup>1</sup> предполагается включить в структуру словарных статей для параллельных русских текстов Ломоносова, что даст возможность рассмотреть конкретные случаи влияния латинского языка на русские тексты Ломоносова. На примере употребления слов *атом* и *atomus* уже отмечалось, что латинская лексика у Ломоносова представлена богаче, чем русская. Длинный синонимический ряд глаголов со значением «ударить» в латинских текстах еще раз это подтверждает.

2. В материалах, подготовленных к. ф. н. Г. Ю. Смирновой к словарной статье о глаголе «ударять» в русских сочинениях Ломоносова, выделены такие значения:

- Произвести удар
- Поражать, попадая во что-л.
- Сталкивать(-ся), столкнуть(-ся)
- Напасть, атаковать
- Внезапно начаться

Для глаголов со значением «ударить» в латинских естественнонаучных трудах Ломоносова (1–4 тома ПСС) наблюдается во многом другая картина. Для описания удара как действия упо-

---

<sup>1</sup> Писавшиеся в основном на латинском языке работы ученого по химии и физике впоследствии нередко переводились самим автором на русский язык, и все-таки большая часть работ сохранилась только на латыни.



треблены следующие синонимы: **ferire**, **icere**, **impingere**, **offendere**, **percellere**, **percutere**, **trudere**<sup>2</sup>.

Рассмотрим употребление латинских глаголов<sup>3</sup>.

#### FERIRE (12)

♦ *Сталкиваться, наскокивать.* **Feriat** enim [fig. 6] atomus aeris particulam A ex a in b; resiliet ab illa versus c (2, 132). *Ведь атом воздуха [фиг. 6] ударит частицу А из а в b; отскочит от нее к с.*

♦ *Произвести разряд электричества.* Enim vero praeter ea, quod sublimiora frequentius **fulmine feriantur**, quam humiliora, etiam nunquam mihi legere aut audire contigit, fossorum cuniculos aut puteos **tactos fuisse** ⇔ ибо кроме того, что возвышенные места больше **громовым ударами подвержены**, нежели низкие, никогда мне слышать или читать не случилось, чтобы в рудник ударила молния (3, 74–75).

♦ *Касаться, воздействовать физически (солнечным теплом, парами).* Murum domus meridianum **sol** 12 horis **ferit**, et verno hoc tempore terra prius in meridiana quam in septentrionali parte regelavit (4, 318). *Солнце освещает южную стену здания в течение 12 часов, и теперь, весной, земля в южной части оттаяла раньше, чем в северной.* Metalla ignobilia dum calcinantur, vapores emittunt, **sensum olfactus** adeo **ferientes** tussimque excitantes (1, 392). *Пока неблагородные металлы обжигаются, выступают пары, сильно бьющие в нос и вызывающие кашель.*

#### ICI (1)

♦ *Произвести разряд электричества.* Mirum equidem videbatur corpora, in contactu cum **ictis fulmine** posita, incolumia superfuisse ⇔ Удивительно казалось, что тела, будучи подле тех, которые **громом были ударены**, без повреждения остались (3, 64–65).

<sup>2</sup> Синонимический ряд латинского понятия «ударить» был составлен по словарям: Nabicht E. C. Synonymisches Handwörterbuch der lateinischen Sprache für angehende Philologen. Lemgo, 1829; Handbuch der lateinischen Synonymik von L. Doederlein. Leipzig, 1840; H. Menge. Lateinische Synonymik. Heidelberg, 1959.

<sup>3</sup> Курсивом даны переводы, принадлежащие автору статьи.

## IMPINGERE (19)

✦ *Сталкиваться, наскакивать.* Igitur corpus motum, quando **impingit in** corpus quiescens, producit in illo mutationem, ut et corpus quiescens in moto, adeoque per motum in corporibus producitur actio et reactio (§ 10) (1, 180). *Итак, движимое тело, всякий раз когда оно ударяет в тело покоящееся, производит в нем изменение, также и тело покоящееся (производит изменение) в движимом (теле), и таким образом вследствие движения в телах производится действие и противодействие.* Quoniam autem superficies virgae radens major est, quam superficies clavi, major ergo vis particularum **impingit in** superficiem clavi, quam in superficiem virgae; consequenter particulae clavum constituentes, crebrioribus ictibus exagitatae, promptius in motum gyratorium excitari debent, quam particulae, ex quibus virga constat (2, 26). *Так как скользящая поверхность ветви больше, чем поверхность штыря, следовательно, бо́льшая сила частиц ударяет в поверхность штыря, чем в поверхность ветви; соответственно частицы, составляющие штырь, побуждаемые более частыми ударами, быстрее должны прийти во вращательное движение, чем частицы, из которых состоит ветвь.*

## PERCUTERE (3)

✦ *Произвести удар.* Jam tum non dubitans illum esse congelatum, bulbum thermometri statim **percussi** capite circini ⇔ Тогда, не сомневаясь, что она уже замерзла, вскоре ударил я по шарiku медным при том бывшим циркулом (3, 403).

✦ *Сталкиваться, наскакивать.* Percutiat denique alia atomus eandem particulam ex d in e; tum resiliet et **impinget** in particulam B in f atque tandem reflectetur versus g (2, 132). *Наконец, другой атом ударит ту же частицу из d в e, после этого отскочит и ударит в частицу B в f и в конце концов повернется к g.*

## OFFENDERE (2)

✦ *Потрясать, впечатлять. перен.* Priori stupenda rerum naturalium varietas obstat; posterius et **sanam rationem offendit** et qualitatibus occultis patrociniatur. *Первому противостоит удивительное разнообразие природы; второе и здравому смыс-*

ду **противоречит**, и скрытым качествам покровительствует (2, 188).

#### PERCELLERE (2)

✦ *Потрясать, впечатлять. Sic igitur ingentia nubium volumina in exiguas sphaerulas, in mutuo fera contactu sitas, divisa, stupendam illam vim concipiunt, immanes exerunt effectus, et incredibilibus **mentem percellunt** miraculis; quorum praecipua ex legibus electricitatis exponere lubet ⇔* Подобным образом великие облака, на мелкие частицы и в тесном положении разделенные, ужасную оную на себя принимают силу, жестокие показывают действия и невероятными произведениями **ум возмущают**, которых главные истолковать по законам электрическим здесь намерение имею (3, 50–51).

#### TRUDERE (1)

✦ *Производить удар, вгонять. Ubi haec fiunt, pendulum A quolibet accessu ad obstaculum gg **trudit** clavum i, qui non ultra per foramen moveri potest, quam ut unum duntaxat dentem rotae Mprehendat, et ope elateris e recedere coactus rotam movet, cujus reditum prohibet clavus contrarius p (4, 254). Когда это получается, отвес А всяким приближением к препятствию gg **ударяет** штырь i, который может двигаться по отвертю не дальше, чем чтобы захватить только один зуб колеса М, и вынуждаемый силой пружины е, чтобы возвратиться, он двигает колесо, возвращению которого мешает противоположный штырь р.*

В естественнонаучных текстах Ломоносова латинские глаголы со значением «ударить» можно свести к таким оттенкам:

- Произвести удар (percutere, trudere)
- Произвести разряд электричества (ferire, icere)
- Сталкиваться, наскокивать (impingere, percutere, ferire)
- Касаться, воздействовать физически (солнцем, парами) (ferire)
- Потрясать, впечатлять (offendere, percellere)

4. В текстах, написанных на латинском и русском языках, находим только четыре из перечисленных латинских глаголов. Для семантики этих глаголов в латинских текстах наблюдается следующая картина.

В тех случаях, когда русский глагол «ударить» употребляется в значении «поражать, попадая во что-л.» и речь идет

об ударах молнии, в латинских текстах мы видим глаголы: *ferire, icti*. К этому списку добавляется глагол **tangere**, который, однако, отсутствует в синонимическом ряду понятия «ударить».

*Mirabilem hanc calidam metallorum, cum fulmine tanguntur, fusionem ubi hoc modo explicari rationi consonum judicarem, ad eamque animum intenderem* ⇔ Когда удивительное сие холодное **ударенных молнией** металлов плавление, сим образом изъясняя, увидел быть с натурою сходственно и на то устремил свои мысли (3, 66–67); *Enim vero praeter ea, quod sublimiora frequentius fulmine feriantur, quam humiliora, etiam nunquam mihi legere aut audire contigit, fossorum cuniculos aut puteos tactos fuisse* ⇔ ибо кроме того, что возвышенные места больше **громовым ударам подвержены** (букв.: ударяются молнией), нежели низкие, никогда мне слышать или читать не случилось, чтобы в рудник **ударила молния** (3, 74–75).

Кроме того, интересно следующее. Хотя в данных (параллельных) текстах метафорическое употребление глаголов со значением «ударять» заметно реже и беднее, сравнительно со всем корпусом латинских текстов Ломоносова, даже для этих редких случаев Ломоносов не использует аналогичные метафоры в русском языке, но привлекает глаголы из иных лексико-семантических групп:

*Itaque ibi locorum descendit, ubi in umbra montis, aut aedificii altioris, vel denique nubis spissioris aër densior columnam graviolem efficit; ascendit autem ex iis locis, quae vel declivitate montium, solis cursum spectante, apricantur; vel per nubium aperturas feriente sole aestuant* ⇔ И так в тех местах опускается книзу, где в тени горы или высокого здания, или густого облака воздух гуще и тяжелее; восходит кверху оттуда, где наклоном горы, к течению солнца обращенным, или сквозь облачные отверстия **упирающими лучами нагреты**. (3, 48–49).

В этом примере *ferio* получает дополнительный оттенок: тепловое воздействие, а значение употребленной силы выражено в причастии «упирающиеся».

*Sic igitur ingentia nubium volumina in exiguas sphaerulas, in mutuo fera contactu sitas, divisa, stupendam illam vim concipiunt, immanes exerunt effectus, et incredibilibus mentem percellunt miraculis; quorum praecipua ex legibus electricitatis exponere lubet* ⇔ Подобным образом великие облака, на мелкие частицы и в тесном

положении разделенные, ужасную оную на себя принимают силу, жестокие показывают действия и невероятными произведениями **ум возмущают**, которых главные истолковать по законам электрическим здесь намерение имею (3, 50–51).

Praeterea saepe accidere potest, ut intervallum, quod nubem electricam ab alia, quae ejusmodi non est, secernit, capiti immineat; hinc facta inter illas concrepatione, fulguratione fere simul et fragore **animum percelli** ⇔ Сверх сего часто случиться может, что промежек, который разделяет электрическое облако от другого, неэлектрического, стоит прямо над нами, и для того происшедшая между ними искра и треск молнию и гром почти в одно время **взору и слуху нашему сообщает** (3, 72–73).

Глагол *percellere* употреблен у Ломоносова только в переносном значении: обычное для классической латыни значение «сильно потрясти что-то» перенесено на органы чувств и сознание (ср. *offendere*).

5. Просмотренные материалы позволяют предложить следующий вариант смешанной статьи для предварительного обсуждения.

▪ **Произвести удар по чему-л.** Колокольчик *H*, молотом *G* без воздуха будучи **ударен**, не подает никакого звону, а как воздух впущен будет, то по количеству оногo звон умножается (1, 510); Jam tum non dubitans illum esse congelatum, bulbum thermometri statim **percussi** capite circini ⇔ Тогда, не сомневаясь, что она уже замерзла, вскоре **ударил** я по шарикy медным при том бывшем циркулом (3, 403); **Percussi** fortiter aversa parte securis globum, sensique duritiem illius, ut est plumbi vel stanni ⇔ **Ударив** по ртутной пуле после того обухом, почувствовал я, что она имеет твердость, как свинец или олово (3, 405).

▪ **Поразить, попадая во что-л.** Когда ртуть в темном месте падает из дирки *P* и **ударяет** в дно *G*, тогда, расскочившись в шарички, представляет светящиеся капли (1, 482); Первая искра была всегда сильнее и больше изогнутым стремлением **ударяла** (3, 59); Частицы, тела составляющие, сквозь которые тяготятельная материя не проходит и только в поверхность их **ударяет**, круглы быть должны (3, 491); Итак, понеже такой воздух другому себе подобному противиться может, для того и сей воздух, из которого хвост состоит, помалу скорого своего течения терять должен, когда он в эфир **ударяет**, от которого сопротивления новое рассыпание паров рождается, которое

равным образом чрез приближение кометы к Солнцу несколько больше, нежели прежде, быть должно, для того что комета чем ближе к Солнцу приходит, тем скорее движется; следовательно, и течение восстающего пара и по мере силы его сопротивление эфира тем больше бывает (4, 56).

▪ **Сталкиваться, наскокивать.** Неразделимые воздушные частицы, вертясь для теплоты около своей оси и шероховатую поверхностью одна о другую **ударяясь**, раскакиваются и таким расширением упругость воздуха производят (2, 143). **Натолкнуться, наскочить.** Ежели одно тело набежит прямо на другое стоящее тело, то после удару остановится, а другое, стоявшее, побежит тою же скоростью, которую имело **ударившее** тело (1, 525); Ежели одно тело **ударит** прямо в другое, которое стоит, то после удара будет скорость, к скорости, которая была прежде удара, как разность тягостей к оных сумме, а скорость, которую оно другому телу сообщит, будет к ней, как двойной оного вес к сумме тягостей (1, 526).

▪ **Внезапно или с силой начаться.** Предзнание погод, коль нужно и полезно, на Земли ведает больше земледелец, которому во время сеяния и жатвы ведро, во время рашения дождь, благо-растворенный теплотою, надобен; на море знает плаватель, которому коль бы великое благополучие было, когда б он всегда указать мог на ту сторону, с которой долговременные потянут ветры или внезапная **ударит** буря (4, 172).

▪ **Стремительно напасть, атаковать.** *перен.* Сравните сие с нынешним боем и увидите, что скорее можно занести руку, нежели зарядить ружье порохом и металлом; удобнее **ударить** в досягаемого неприятеля на ясном воздухе, нежели сквозь дым густой трясущимися от блистания и воздушного стенания руками в отдаленного уметить; ярчае возгорается сердце на сопостата, которого прямо против себя идущего видеть можно, нежели на закрытого (2, 367).

А. И. Солопов

**О позднелатинской тенденции  
произношения слов греческого происхождения с греческим  
ударением, прежде всего в христианской лексике  
(по поводу латинского названия реки Иордан)**

Во всех используемых ныне словарях латинского языка латинское название реки Иордан (*Iordanes*, реже *Iordanis*) рекомендуется произносить с долготой предпоследнего слога, делая на нём ударение: так рекомендуют делать словари Георгеса, Бенуа-Гельцера, Форчеллини-Перина, Льюиса-Шорта, «Оксфордский словарь латинского языка» Питера Глэра, Гаффио-Флобер, Конте-Рануччи<sup>1</sup>.

Это название встречается в латинском языке в форме *Iordanes* начиная с Плиния Старшего (*Plin. n. h. V 70; V 71*) и Тацита (*Tac. hist. V 6*), а затем у христианских авторов, напр., Лактантия (*Lact. inst. IV 5, 12*) и бл. Иеронима (*Hier. Ezech. IX 29; sermo de die Epiphaniarum et de ps. XXVIII*), в форме *Iordanis* – с бл. Иеронима (*Hier. psalm. 113; Ezech. II 6; XIV 47; Matth. III; tract. ps. 76; tract. Marc. 1*), однако случаи употребления в прозе не позволяют судить о просодии.

---

<sup>1</sup> К. E. Georges. *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch...* 8. verb. u. verm. Aufl. v. H. Georges, Bde. I–II. Hannover und Leipzig, 1913–1918; E. Benoist, H. Goelzer. *Nouveau dictionnaire latin-français...* Nouvelle <= 11.> édition entièrement refondue et revue par H. Goelzer. P., [1934]; C. Lewis, C. Short. *A Latin Dictionary...* Oxf., 1879; *Oxford Latin Dictionary*. Edited by P. G. W. Glare. Oxf., 1968–1982; F. Gaffiot. *Le Grand Gaffiot Dictionnaire Latin-Français*. Nouvelle édition revue et augmentée sous la direction de P. Flobert. [P., 2000]; *Lexicon Totius Latinitatis ab Aegidio Forcellini...lucubratum, deinde a Iosepho Furlanetto...emendatum et auctum, nunc vero curantibus Francisco Corradini et Iosepho Perin...emendatius et auctius melioremque in formam redactum*. [Anastatica impressio editionis IV aa. 1864–1926 Patavii typis mandatae, appendicibus aucta], t. VI. *Onomasticon*. Auctore Iosepho Perin, cum Appendice eiusdem. J-Z. Patavii, 1940 (= Bononiae, 1965), i. u. *Jordanes I*; G. B. Conte, E. Pianezzola, G. Ranucci. *Dizionario della Lingua Latina*. [Firenze, 2004].

При этом в поэзии, как латинской (где этот топоним впервые засвидетельствован у св. Амвросия Медиоланского – *Ambr. hymn. 6 (Inluminans altissimus), 6 (seu mystico baptisate / fluenta Iordanis retro / conuersa quondam tertio / praesente sacraris die)*, так и в греческой, притом не только христианской (*Or. Sibyll. 6, 5; 7, 67; Greg. Nazianz. carm. dogmatica p. 478, 5; 478, 9; 479, 6; Anth. Gr. I 47, 2; Anth. Graecae appendix, epigrammata demonstratiua 317, 4; epigrammata irrisoria 67, 1*) все встречающиеся до V в. н. э. примеры подразумевают только краткость предпоследнего слога. Первым, кто ввёл в поэзию просодию *Iordanes* с долгим *ā*, был, по-видимому, Седулий (V в.).

Каково же происхождение устойчивой традиции произносить слово *Iordanes* с ударением на предпоследнем слоге?

Безусловно, это реликт долго бытовавшего в западной Церкви двуязычия, т. е., конкретно, обыкновения произносить многие важнейшие христианские термины с греческим произношением. Это касается как имён собственных, напр., таких важных имён, как *Maria* (cf. *Claud. Non. Mar. 11 (-ī-) et Sedul. hymn. 1, 53 (-ī-)*), *Iācōbus*, *Basilīus*, так и нарицательных *erēmus*, *acolūthus* и др.



М. А. Таривердиева

**Средневековая латынь – искусственный конструкт  
или «живой» язык?**

Деятельность ученых при дворе императора Карла Великого по собиранию рукописей и упорядочению античного литературного наследия (реформа Карла Великого, или Каролингское возрождение, конец VIII – начало IX в.) разделила в языковом отношении латинское Средневековье на два периода. III–VIII вв. – это время постепенной утраты письменной классической нормы, время свободного развития устной латинской речи, возникновения инноваций на всех языковых уровнях. IX–XIII вв. – время восстановления классической языковой нормы и следования ей в письменной практике и литературном творчестве.

Дошедшие до нас (хотя и в рукописях более позднего времени) тексты дореформенного периода содержат многочисленные свидетельства инноваций, главные из которых в фонетике – отпадение конечных согласных и редукция безударных гласных, замолкание *h*; в грамматике – использование перифраз в целях устранения многозначности форм (перфект), семантические смещения в системе указательных местоимений, увеличение употребления предложных конструкций с одновременным укрупнением значений одних предлогов (*ad*, *de*) и исчезновением других; развитие описательных форм степеней сравнения прилагательных (пока на стадии лексического варьирования: *plus*, *magis*; *valde*, *maxime*); в синтаксисе – замена причастных и инфинитивных оборотов придаточными предложениями; в лексике – отбор в пользу разговорных синонимов, заимствования из языков и говоров соседних народов, возникновение на базе существующих моделей новых слов.

Пореформенная латынь нередко характеризуется исследователями как язык, искусственно сохраняемый по образцу классической латыни для письменных нужд образованной частью населения Западной Европы при одновременном параллельном развитии различных устных народных говоров и образовании на их основе письменно-литературных романских языков (первые письменные свидетельства – IX–X вв., первые литературные тексты – XII–XIII вв.).

Подражание образцу, от которого отделяют несколько столетий, предполагает неукоснительное следование грамматическим правилам, скрупулезное воспроизведение синтаксических конструкций, использование фиксированного инвентаря лексических средств, что при отсутствии живых носителей языка неизбежно должно было бы вызывать скованность в выражении мысли, трудности в описании новых реалий и передаче понятий, не существовавших в картине мира древних римлян.

Между тем известно, что латынь в течение всех Средних веков, в том числе и в позднейший период, являлась универсальным языком письменности и культуры, вполне соответствуя поставленным задачам. Ею пользовались при составлении официальных документов, в деловой и частной переписке, в юриспруденции, науке, культурной сфере, образовании, церкви – причем как в письменной, так и в устной форме.

Объективным свидетельством устного функционирования латинского языка в средневековой Европе является деятельность университетов, которые, начиная с XII–XIII вв., создавались во многих европейских городах. Весь процесс обучения, общение преподавателей и студентов происходили на латинском языке.

О роли и значимости латинского языка в культурной жизни Западной Европы в Средние века свидетельствуют отзывы людей той эпохи, для которых латынь была языком повседневных занятий – переводчиков, копиистов. Авторы отзывов отмечают общепонятность и всеупотребительность латинского языка во всем романском языковом ареале, большой выразительный потенциал латыни, выгодно отличающий ее от еще только формирующихся романских языков. Все эти качества были возможны лишь при условии непрерывного развития латинского языка, его постоянного приспособления к изменяющейся жизни и, как результат, – изменений в языковой структуре.

Выявление фактологической основы для суждения об этих изменениях на базе средневековых латинских текстов затруднено ориентацией авторов на классический образец. Некоторые исследователи объясняют как лексические, так и грамматические инновации в средневековых латинских текстах влиянием романских говоров. Сопоставление инноваций в латинских текстах на протяжении всех Средних веков позволяет заключить, что многие из них являются проявлением внутриязыкового развития.

В качестве примера позднесредневекового текста предлагается рассмотреть крупнейший памятник средневековой латинской литературы – «Хронику», принадлежащую перу пармского монаха-францисканца Салимбене де Адам (XIII в.). Сочинение содержит богатый материал по политической, социальной, церковной и культурной истории Италии и всего Средиземноморья в XII–XIII вв. Не менее интересен и информативен текст памятника и в языковом отношении.

По наблюдению Э. Ауэрбаха, «европейская литература унаследовала от прошлого две разные традиции изображения жизни – античную, основанную на разграничении «высокого» и «низкого», возвышенно-героического и повседневного, и другую, восходящую к ветхозаветной и новозаветной литературе, где оба этих плана смешивались». Если взглянуть на сочинение Салимбене с этой точки зрения, то нетрудно убедиться, что стиль «Хроники» тяготеет преимущественно к библейской традиции, к смешению «высокого» и «низкого» стилей. То же, на наш взгляд, можно сказать и о языке сочинения.

Будучи проповедником, Салимбене строит свое изложение по канонам проповеди, подкрепляя собственные наблюдения и рассуждения цитатами из Священного Писания и сочинений отцов Церкви, что придает стилю сочинения возвышенность и патетичность. Наряду с этим в тексте «Хроники» встречается много сцен из жизни клириков и мирян, описанных увлекательно, с множеством конкретных бытовых деталей, живым языком, не оставляющим сомнений в его естественности и спонтанности.

Язык автора «Хроники» отражает изменения, происшедшие в латинском языке в позднейший период его истории. Изменения в фонетике проявляются в орфографии текста двумя тенденциями: уже знакомой по раннесредневековым текстам «гиперкоррекцией» (*hostiarius* вм. *ostiarius*, *offitium* вм. *officium*, *hyemet* вм. *hiemet*) и отображением на письме реальной фонетической картины в латинском языке на момент написания «Хроники» (*ociosi* вм. *otiosi*, *scolis* вм. *scholis*, *vite* вм. *vitae*, *seperunt* вм. *coeperunt*, *gramaticus* вм. *grammaticus*).

«Гиперкоррекция» проявляется и на грамматическом уровне – в частности, в неумеренном и неуместном употреблении местоимений *sibi* и *suus*: *ibat ad eum et sibi* (вм. *ei*) *dicebat*, *precipio ex parte sua* (вм. *mea*). Увеличивается количество примеров, свидетельствующих о развитии в грамматическом строе латинского языка аналитизма: растет число аналитических форм пассива благодаря использованию всей парадигмы глагола *esse*

(factus fuerat, captus fuisset); регулярно употребляется сочетание инфинитива смыслового глагола с глаголом *coepi* вместо *imperfectum de conatu* (*ceperunt nascondere, febricitare cepit*); укореняется в употреблении перифразы «*facio* + инфинитив смыслового глагола» – по существующему мнению, возникшая под влиянием греческого языка (*fecit venire, fecit fieri* и даже *fecit decapitari*). Эта перифраза – предвестник романского каузатива, однако содержание последнего из приведенных примеров доказывает, что считать данную перифразу каузативной конструкцией преждевременно.

Становится регулярным употребление описательных форм степеней сравнения прилагательных (*valde grandes erant, multe valde*), сочетаний с предлогом *de* в значении генитива (*frater de Penitentia* ‘брат из ордена Кающихся’). Часто встречаются в «предартиклевом» употреблении указательное местоимение *ille* и числительное *unus* (*illam etiam congregationem illorum ribaldorum ... destruxit; illud Ysaie verbum; non sum ego bene unus homo?*).

Среди синтаксических тенденций упомянем «прямой» порядок слов, употребление придаточных предложений вместо причастных и инфинитивных оборотов.

В словаре автора «Хроники» – обилие новых слов, образованных по существовавшим и ранее моделям, но отражающих новые реалии (*refectorium* ‘трапезная’, *infirmitorium* ‘больничный покой’), или старых, обретших другое значение (*firmavit* ‘укрепил’ > ‘запер’, *potestas* ‘власть’ > ‘глава города’, *custos* ‘страж’ > ‘настоятель’, *locus* ‘место’ > ‘обитель’). Отмечается характерное для разговорной речи и на более раннем этапе развития языка стремление к прозрачности «внутренней формы» слов (*crucesignatus* ‘крестоносец’, букв. ‘отмеченный знаком креста’). Много грецизмов (*andria, diadema*).

Как видно из приведенных примеров, латынь позднего Средневековья представляла собой достаточно гибкую языковую систему с прочной, сохраненной от классической латыни грамматической и лексической основой, но обновленную многочисленными разговорными вкраплениями позднего происхождения, порожденными необходимостью описать новые жизненные реалии и отражающими как внутриязыковое развитие, так и влияние соседних языков.

Подтверждением «жизненности» латинского языка в Средние века являются, по нашему мнению, и романские языки, возникшие в результате взаимодействия латинского языка и

местных говоров. Грамматические системы романских языков имеют ряд общих черт, отличающих их от грамматической системы классической латыни. Общность признаков предполагает происхождение романских языков из общего источника, которым может быть только латинский язык, но на позднем этапе его развития. Процесс формирования нового грамматического строя, грамматической нормы и литературной традиции не мог быть одномоментным, он охватывал IX–XIII века, в течение которых латынь, выполняя функции языка письменности и культуры, продолжала служить «донором» формирующихся романских языков.

Такое положение дел позволяет считать время появления первых литературных памятников на романских языках *terminus ante quem* для активного функционирования и развития латинского языка, что, видимо, дало основание некоторым лингвистам именовать романские языки «неолатинскими».

Т. Ф. Теперик

### О некоторых аспектах античных мотивов в творчестве Н. С. Гумилёва

В данной статье не предполагается осветить все аспекты античной рецепции у Гумилёва, поскольку она представлена достаточно многопланово и разнообразно. Перечислим коротко основные тексты.

*Во-первых*, античность представлена в так называемом «Римском цикле», объединяющем 7 стихотворений: «Помпей у пиратов», «Основатели», «Манлий», «Игры», «Каракалла», «Мореплаватель Павсаний», «Императору»<sup>1</sup>. *Во-вторых*, в цикле «Итальянских стихов», где античность представлена уже не на уровне *темы*, а на уровне *мотива*, причем не всегда, в отличие от первого цикла, главного. Это «Рим», «Флоренция», «Неаполь», «Ода д'Аннунцио» и др. *В-третьих*, это группа стихов, написанных в разное время и не объединённых, в отличие от первых групп, автором в цикл, но темой своей обращённых к образам и сюжетам греческой мифологии. Это «Воин Агамемнона», «Самофракийская победа», «Персей», «Возвращение Одиссея» («У берега», «Избиение женихов», «Одиссей у Лаэрта»)<sup>2</sup>. *В-четвёртых*, это одноактная пьеса «Актеон»<sup>3</sup>. *В-пятых*, это перевод с французского пьесы Альбера Самена «Полифем», что заставляет принять во внимание возможность французского влияния на изображение античности у Гумилёва<sup>4</sup>. *Шестым пунктом* является эссеистика: «Анатомия стихотворения», «Жизнь стиха», «Переводы стихотворные», «Читатель». В статьях, где речь идёт о поэтическом творчестве, возникает имя, главным образом, одного античного поэта – Гомера. Но гомеровская тема возникает и в стихах, причем не

<sup>1</sup> Об античной тематике римского цикла см.: Зорина 1996: 157–170.

<sup>2</sup> Стихотворение «Ахилл и Одиссей», считающееся фрагментом незавершённого произведения, в этот цикл не входит.

<sup>3</sup> См. «Актеон» – забытый манифест акмеизма (Баскер 2000: 114–154).

<sup>4</sup> В данной статье мы не ставим себе целью разрешить проблему античной рецепции, опосредованной более поздними влияниями, но на сам факт такого влияния не указать нельзя.

только в тех, которые прямо и непосредственно связаны с образами и сюжетами греческой мифологии. Как и другие античные мотивы, она возникает в стихотворениях личных, даже интимных, темой своей обращённых не к античности, а к современности. И возникает – неожиданно, вдруг, непредсказуемо, как, например, в «Картонажном мастере» («Здесь Ахейцы разорили Трою»). Это не означает, что античные образы в стихотворениях, тематика которых от античности далека, появляются только таким образом, но важно, что они появляются и так тоже, как правило, оказываясь очень точным, ярким сравнением или метафорой, которая лучше всего проясняет смысл того или иного стихотворения.

Например, имя Саффо в стихотворении «Жестокой», можно сказать, ожидаемо<sup>5</sup>.

Однако в контексте разговора о любви возникновение одного из самых сильных образов античной мифологии, огня Прометей, оказывается достаточно неожиданным, если исходить лишь из содержания данного стихотворения<sup>6</sup>. В стихах с морской тематикой обращение к образу Одиссея вполне понятно, чего нельзя сказать об образе Пенелопы в стихотворении, начинающемся с глубоко личной ноты («*Моя душа* осаждена безумно странными грехами»). Хотя по имени Пенелопа не названа, из контекста («она, как древняя жена, перед своими женихами») ясно, что речь идёт именно о ней.

Точно так же, если имя Вергилия в контексте прославления римских поэтов («Ода д'Аннунцио») прогнозируемо, то в стихах на отъезд Городецкого в Италию оно появляется уже не только в связи с логикой стиха, но и в связи с авторской волей<sup>7</sup>.

Ассоциация слонов Ганнибала с Тразименским озером (одно из стихотворений итальянского цикла так и называется, «Тразименское озеро») также, можно сказать, хрестоматийна. Но когда этот же образ возникает в конце одного из программных для

---

<sup>5</sup> Поскольку главным мотивом этого стихотворения, посвящённого актрисе Богдановой-Бельской, является гомозротика.

<sup>6</sup> «Любовь мужчины – факел Прометей // И требует, и требуя, дарит». Верховский обращает внимание на органичность соединения в этом стихотворении двух мотивов: античного и любовного (Верховский 2000: 508).

<sup>7</sup> «И Рим увидишь, и Сицилию, места, любезные Вергилию».

Гумилёва стихотворений, «Молитве мастеров»<sup>8</sup>, то появление его там ожидаемо всё же в меньшей степени.

Стоит обратить внимание на то, что как в «Тразименском озере», так и в «Молитве мастеров», мотив слонов возникает в самых последних строках, в финале, то есть композиционное положение данного мотива одинаково.

Кроме того, в обоих случаях используется сравнение, то есть и *художественные средства*, участвующие в создании данного мотива, также одинаковы. Есть и третья вариация этого мотива. Она – в одном из самых проникновенных гумилевских стихотворений о любви («Слонёнок»): она существует в двух ипостасях: одной, где любовь сравнивается с маленьким и трепетным слонёнком («*Моя любовь к тебе сейчас – слонёнок*»), и другой, мощной и сильной. Как в «Тразименском озере» и «Молитве мастеров», античный образ вновь возникает в самых последних строках стиха. Правда, в «Слонёнке» эта разрушительная неукротимая «слоновья» любовь – не реальность, а лишь сон, и здесь античный мотив соединяется с другим важным для поэтики Гумилева мотивом – мотивом сна: *Нет, пусть тебе приснится он под утро... // как тот великодушный, что когда-то// нёс к трепетному Риму Ганнибала*. Особый интерес Гумилёва к теме снов связан и с его личным опытом – сном, увиденным в Африке после охоты: «Ночью мне приснилось, что за участие в каком-то абиссинском дворцовом перевороте мне отрубили голову. И я, истекая кровью, аплодирую уменью палача и радуюсь, как все это просто, хорошо и совсем не больно» (Иванов 2002: 10). Затем этот образ, пригрезившийся в кошмарном сне, повторится в одном из самых загадочных и самых сложных стихотворений поэта – «Заблудившемся трамвае». Как бы по-разному ни интерпретировалось критикой его содержание, отмечается ли «сновидческий» характер этого стихотворения, толкуется ли оно как «сонное» откровение, видится ли в нем «почти сюрреалистический мотив снов и галлюцинаций» (Гумилев ПСС: 289–294), мотивы снов и сновидений окажутся, как показал Майкл Баскер, крайне важными

---

<sup>8</sup> «Вам стыдно мастера дурманить беленой, как... карфагенского слона перед войной». Это неоднократное обращение к образу неукротимых слонов показывает, что для поэта была не столь важной точность в соблюдении античных реалий, сколько точность в художественных ассоциациях.



и для поэзии Гумилева в целом. Баскером «сновидческие мотивы» исследуются, главным образом, на материале «Романтических цветов» (Баскер 2000: 9–52), но значение этой темы для поэзии Гумилёва подтверждается стихами и из других книг поэта, о чем можно судить хотя бы по поэтике заглавий: «Сон Адама» («Жемчуга»), «Сон» («Чужое небо»), «Сон» («Костер»), «Видение» («Колчан») и др.

Что же касается появления античных образов, (соединенных с мотивом сна или без него)<sup>9</sup> в финале стихотворения, как правило, в виде яркого сравнения, то это постепенно становится одной из черт гумилевской поэтики в обращении с античными образами в «неантичных стихах».

Но если художественно-композиционная реализация античных мотивов в поэзии Гумилева одинакова, то тематика самих стихов с этими мотивами разнообразна: это и стихи о любви, и дружеские послания, и стихи о поэтическом творчестве, и философская лирика. И везде прослеживается одна и та же тенденция – это органичный сплав того, что можно условно определить как «предсказуемое» и «непредсказуемое» в соотношении античных мотивов с тематикой стиха.

Это заставляет с большей осторожностью отнестись к точке зрения, согласно которой в восприятии Гумилёвым античного образа прослеживается «не интимность, а, скорее, эмоциональная отчуждённость»<sup>10</sup>.

Если это можно отнести к стихотворению, с анализом которого и связано данное мнение («Персей»)<sup>11</sup>, то в нём речь идёт всё же не о самом мифологическом герое, а лишь его статуе. Если в статуе античного героя может присутствовать эмоциональная отчуждённость, то из этого ещё не следует, что она является свойством стихов поэта об этом герое. То, что образу Персея у Гумилёва холод не свойственен, доказываются другими стихами: *«Влюблённые, чья грусть, как облака, и нежные, задумчивые леди...»: «Вот я нашёл, и песнь моя легка. Уже слетел к дрожащей Андромеде Персей в кольчуге из горящей меди»* («Баллада о влюблённых»).

<sup>9</sup> Как, например, в той же «Жестокой», «Слонёнке», «Осени» и т. д.

<sup>10</sup> См. Гумилев ПСС, Т. 2: 289. Авторы комментария М. Баскер, Т. Вахитова, Ю. Зобнин, А. Михайлов, В. Прокофьев, Г. Филиппов излагают в данном случае мнение У. Росслина (Rossllyn 1993: 159).

<sup>11</sup> Речь идёт о скульптуре итальянского скульптора А. Кановы. Ibidem.

Такой контекст едва ли является доказательством сдержанности и холода в восприятии поэтом античных образов вообще и образа Персея, в частности.

В. Я. Брюсов в рецензии на цикл «Возвращение Одиссея» писал, что у Гумилева «античные герои... как-то странно видоизменены, стали новыми, неузнаваемыми» (Гумилев ПСС, Т. 1: 448), и за этим и другими критическими суждениями современников в адрес гумилевской античности стояло определённое отношение к тому, как поэтом трактовалась античная тема.

В качестве особого достоинства античных стихов самого Брюсова Андрей Белый отмечал, что они высечены из мрамора слов, скульптурны, как античные статуи, и пластичны, как древние барельефы. Ясно, что этим критериям «античные» стихи Гумилёва соответствуют мало.

Хотя в его стихах есть скульптуры – Персея и Ники, Волчицы и Каракаллы, «мрамора слов» там действительно немного. Зато там есть другое: то, что по мысли Тарановского, присутствует лишь при подлинном соприкосновении с античностью, когда она становится частью внутреннего мира (Тарановский 1995: 116–122).

Можно сказать, как говорится в одном из исследований творчества поэта, что Гумилев пишет об античности, а думает о современности, то есть – пишет о Риме, а думает – о третьем Риме (Зорина 1996: 158). Но можно сказать и иначе: *что пишет он о современности, а думает об античности.*

Это следует из стихотворения, которое так и называется – «Современность»:

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна.  
На губах трепетало последнее слово.  
Что-то ярко светило – фонарь иль луна,  
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор  
И так много встречал отвечающих взоров,  
Одиссеев во мгле пароходных контор,  
Агамемнонов между трактирных маркеров...

Я печален от книги, томлюсь от луны,  
Может быть, мне совсем и не надо героя...  
Вот идут по аллее, так странно нежны,  
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

О провиденциальном характере этих стихов сказано много (Гумилев ПСС, Т. 2: 254–255), с чем нельзя не согласиться, потому что и «Илиада» окажется той последней книгой, которую поэт будет читать перед смертью, и часовой при этом будет присутствовать. Но нельзя согласиться с тем, что античность в «Современности» представлена лишь экзотически, лишь иронически, а «сравнение гимназистов с Дафнисом и Хлоей поражает в первую очередь своей изысканностью» (Гумилев ПСС, Т. 2: 254–255).

В первую очередь оно поражает своей точностью. Потому что речь в этом стихотворении идёт не просто о любви молодых людей, не вступившей в физиологическую фазу. Речь идёт о любви, не знающей, что это такое, и то, что из всего многообразия античных имен выбраны именно эти два: Дафнис и Хлоя, свидетельствует не столько об изысканности, сколько о поэтической точности, верности в создании художественного образа. А имена героев Троянской войны рядом с такими прозаизмами, как «пароходные конторы» и «трактирные маркёры», становятся не только еще одним вариантом дегероизации традиционной темы. Они означают не только то, что поэт вспоминает об античности и среди самой широкой повседневности. Всё это знак и иногo: того, что он о ней *никогда не забывает*. Но кажущаяся простота соединения в этом стихотворении античной и современной тематики – это и одна из атак на традиционный «мрамор», не позволявший писать об античности легко и просто. Такая же, как и в стихотворении «Какая странная нега в ранних сумерках утра», в финале которого совершенно неожиданно вновь вдруг возникает сцена из реальной афинской жизни (*«Ведь есть же мир лучезарней, // что недоступен обидам // краснощёких афинских парней, // хохотавших над Еврипидом»*).

Из двух эпитетов финальных строчек лишь один ассоциируется с античным миром, нетрудно угадать, что это прилагательное «афинский». Но субстантив к нему совершенно непредсказуем – «афинский *парень*» – такого отношения к античному миру в серьезном, а не в заведомо пародийном плане, русская поэзия ещё не знала.

Однако этот «афинский парень» ещё и «краснощёк», что делает его образ уже не условным, а вполне конкретным, он ещё и «хохочет», благодаря чему создается ощущение подлинности и естественности в обращении с тем материалом, где традиция долго допускала лишь высокий стиль.

В этом парадоксальном соединении эпитетов и субстантивов и проявляется одна из характерных черт гумилевской поэтики в отношении античных образов. Когда критически оценивавший Гумилева Б. Эйхенбаум отмечал, что поэт «бессилен в эпитетах» (Эйхенбаум 2000: 431), скорее всего, этого он не учитывал. Но очень вероятно, что это учитывал В. М. Жирмунский, когда в «пример словесной четкости и строгости», приводил одно из самых «античных» стихотворений Гумилева: «Об Адонисе с лунной красотой» (Жирмунский 1977: 130).

Одним из упреков критиков поэту был и тот, что о многом он говорит «знакомыми словами – не то Блока, не то Белого» (Эйхенбаум 2000: 431). Как мы стремились показать, к античной рецепции сказанное относится в меньшей степени. Во всяком случае, «незнакомого» здесь у Гумилева больше, чем «знакомого».

#### ЛИТЕРАТУРА

- Баскер 2000 – Баскер М. Ранний Гумилев: путь к акмеизму. СПб.  
Верховский 2000 – Верховский Ю. Путь поэта // Н. С. Гумилёв: pro et contra.  
Гумилев ПСС – Н. С. Гумилёв. Полное собрание сочинений в десяти томах / Гл. ред. Н. Н. Скатов. М., 1998–2007.  
Жирмунский 1977 – Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.  
Зорина 1996 – Зорина Т. С. Рим Н. С. Гумилева // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб. С. 157–170.  
Иванов 2002 – Иванов Вяч. Вс. «Звездная вспышка». Поэтический мир Н. С. Гумилева // Николай Гумилев. Лирика. М.  
Тарановский 1995 – Тарановский К. Ф. Два «молчания» Осипа Мандельштама // Мандельштам и античность. М. С. 116–122.  
Эйхенбаум 2000 – Эйхенбаум Б. М. Новые стихи Н. Гумилева // Н. С. Гумилев: Pro et contra. СПб.  
Rosslyn 1993 – Rosslyn W. Remodelling the Statues at Tsarskoe Selo: Akhmatova's Approach to the Poetic Tradition // A sense of Place: Tsarskoe selo and its Poets. Columbus; Ohio.

Т. В. Топорова

**О некоторых параллелях германского и славянского эпоса<sup>1</sup>**

Объектом сравнительного анализа являются произведения **одного жанра** – эпоса: принадлежащая скандинавскому ареалу «Старшая Эдда» и русские былины. *Типологическое* сравнение, базирующееся на наличии семантических универсалий в эпосах, относящихся к различным ареалам, с достаточной степенью надежности верифицирует результаты исследования. Как было установлено, «некоторые из выявляемых при этом сходств могут объясняться, в конечном счете, общим происхождением <...>, другие же объясняются сходными путями развития, дающими параллельные результаты» (Топоров 2004: 413).

Прежде чем перейти к непосредственному изучению материала, следует дать краткую характеристику источников и обосновать целесообразность их сопоставления.

Древнеисландская «Старшая Эдда» сохранилась до наших дней в составе нескольких рукописей<sup>2</sup>. Она включает песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции. К числу наиболее дискуссионных проблем скандинавистики относятся как датировка «Старшей Эдды», варьирующая от V до XII вв., так и ее локализация (либо в южной Германии, либо в Норвегии или Исландии).

Что касается русских былин<sup>3</sup>, то как отмечают специалисты, «процесс их создания хронологически охватывает очень длинный период, начиная с X в. Былины создавались в различных областях феодальной Руси – Киевской, Галицко-Волынской,

---

<sup>1</sup> Издание выполнено по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» на 2006–2008 гг. (Раздел 2. Экологические аспекты культурогенеза в древности и средневековье, п. 3. Реконструкция древних мировоззренческих комплексов), проект «Реконструкция древнеисландских мировоззренческих комплексов на материале «Старшей Эдды».

<sup>2</sup> Ср. Codex Regius, вторая половина XIII в.; AM 748, начало XIV в.; Hauksbók, начало XIV в.

<sup>3</sup> Русские былины цитируются по изданию А. Ф. Гильфердинга.

Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV–XVII вв. занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды – боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII в.» (Астахова 1935: 20). Историческую основу былин составляет неустанное противостояние киевской Руси набегам кочевников – хазар, печенегов, половцев, татар – и защита торговых отношений от грозящих им опасностей. С точки зрения плана содержания исследователи предполагают, что «древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству, возник из недр самой дружины и выдвинул героев богатырей-дружинников <...>» (Астахова 1935: 15–16). В жанровом отношении былины гетерогенны: воинские былины, былины-новеллы, посвященные заморской торговле, былины, функционирующие среди пилигримов и испытавшие на себе следы церковной обработки. На основании некоторых свидетельств с большой долей вероятности можно постулировать существование певцов-поэтов, восхвалявших военные подвиги в присутствии князя.

Возможность/необходимость сравнительного исследования «Старшей Эдды» и былин продиктована рядом обстоятельств, которые могут быть сгруппированы в несколько блоков:

1) экстралингвистические факторы:

- синхронность описываемых событий (начиная с X в.);
- функционирование в общей дружинно-княжеской среде;

2) формальные критерии:

- принадлежность одному и тому же жанру – эпосу;
- одинаковый тип творчества – безличное авторство, воплощаемое в бытовании текста в устной традиции на протяжении длительного периода как в германском, так и в славянском ареалах;
- метрическая организация текста (поэтическая форма);
- адекватная структура текста – героические песни;

3) смысловые критерии:

- схожая тематика, посвященная прославлению воинских подвигов;
- репрезентация архаичной мифопоэтической модели мира.

На наш взгляд приводимых выше аргументов вполне достаточно для того, чтобы обосновать правомерность сравнения данных древнеисландской и русской мифопоэтических традиций.

При анализе лексической семантики эпического слова применялись некоторые основополагающие тезисы:

1) Выводы о семантическом объёме и дифференциальных признаках той или иной лексемы делаются исходя исключительно из контекста, понимаемого как окружение лексемы, причём отнюдь не минимальное, а **достаточное** для её интерпретации. Такое расширенное понимание контекста кажется вполне оправданным с учётом новых тенденций современного языкознания. Нельзя не согласиться с мнением о том, что «перенос основного внимания специалистов в область семантики действительно требует не ограничиваться уровнем предложения, поскольку на этом уровне оказывается невозможным адекватное понимание того, как происходит образование сверхфразовых единств и, в конечном счете, текста» (Садур 1985: 3). «Текстоцентричность», ориентация на конкретные факты, зафиксированные в «Старшей Эдде» и былинах, практически сводят на нет опасность их модернизации, о которой неоднократно предупреждали специалисты<sup>4</sup>. Таким образом, удаётся избежать проекции органичной для исследователя модели мира на объект исследования, неотъемлемо принадлежащий иной архаичной мифопоэтической традиции.

2) *Поэтический* фактор не может не приниматься во внимание, так как и «Старшая Эдда» и былины – произведения поэтического искусства, в которых чрезвычайно велика роль эстетической функции, и в отдельных случаях судить о статусе слова оказывается возможным лишь на основании его вовлечённости в поэтическую игру – аллитерацию, другие звуковые повторы, анаграмму.

---

<sup>4</sup> Показательно следующее высказывание: «Там, где современный учёный различает множество дискретных значений, пытаюсь проследить переход от одного к другому, для архаичного сознания могло существовать одно синкретическое значение, по-разному реализуемое в различных контекстах. Такую возможность тоже следует пытаться предусмотреть» (Елизаренкова 1999: 13).

3) Необходимость обращения к *этимологии* продиктована тем обстоятельством, что семантическая мотивировка слова может актуализироваться в определённом контексте.

4) Особое значение приобретают экстралингвистические данные: скандинавская и славянская *мифология*, поскольку речь идёт о памятниках мифопоэтического характера, поэтому описание семантики слова последовательно сопровождается установлением типичных для него мифологических контекстов.

5) На повестке дня всегда остаётся связь слова с «*миром вещей*», поскольку лексическое значение слова предоставляет ценную информацию о денотате, обозначающем конкретный предмет, следовательно, создаётся уникальная возможность сопоставить результаты исследования со свидетельствами материальной культуры, получаемыми на основании памятников археологии или культурной антропологии.

После изложения ключевых принципов описания эпического слова обратимся к анализу конкретных параллелей, выявленных в «Старшей Эдде» и былинах.

I. Герой изображается при помощи образов «*растительного*» кода. Метафора *дерево – человек* реализует мотив *расти & мудрость*. Ср. соответствующие контексты:

Как возсияло солнце красное / На тое ли на небушко на ясное, / Тогда зарождался молодой Вольга, / Молодой Вольга Святославович. / Как стал тут Вольга *ростеть матереть*, / Похотелоси Вольги много *мудрости*: / Щукой рыбою ходить ему в глубоких морях, / Птицей-соколом летать ему под оболока, / Серым волком рыскать да по чистым полям (ОБ 1896, II, 517, 1–9); Как стал тут Вольга *ростеть матереть*, / Собирал себе дружинишку хоробую (ОБ 1896, II, 517, 13–14);

Þá nam ec frævaz oc fróðr vera / oc vaxa oc vel havaz; / orð mér af orði orðz leitaði, / verc mér af verki vercs leitaði (Háv. 141) «Стал *созревать* я и *знания* множить, / *расти, процветая*; / слово от слова слово рождало, / дело от дела дело рождало».

Следует отметить весьма существенное обстоятельство: в обоих эпизодах речь идёт об освоении *магических* знаний, так как Вольга стремится приобщиться к искусству волшебных



превращений в животных, а Один в акте самозаклания<sup>5</sup> овладевает знанием рун.

II. Мифологема *напитка забвения* фигурирует в нескольких контекстах: Тут Василья родна матушка / Поила *питьем* да *забудушим*, / Свела Василья в теплу ложню спать. / Да спит Василий, не прохватится, / Не прохватится да й не пробудится (ОБ 1896, II, 231, 50–54); А та подоленка да й королевична / Наливала чару *питья забудуцаго*, / ... Да он выпил ведь всю чару единым духом, / Где он выпил, тут и в сон заснул (ОБ 1896, II, 470, 141–142; 156–157; аналогично 249–250; 297–298; ОБ 1896, II, 547, 207–208);

Hon tós þá horn, fult miððar, oc gaf hánom *minnisveig* (Sd. 2 проз.) «Тогда она [валькирия Сигдрива] взяла рог, полный мёда, и дала ему *напиток памяти*»<sup>6</sup>; ... þeir scyldo gipta hánom Guðrúno, oc gáfo henni *óminnisveig* at drecca, áðr hon iátti at giptaz Atla (Dr. 4–5) «... они дали ей выпить *напиток забвения*, прежде чем она согласилась выйти замуж за Атли»; *Óminnis* hegri heitir, sá er yfir öldrom þrumir, / hann stelnr geði guma; / þess fugls fióðrum es fiotraðr varc / í garði Gunnláðar (Háv. 13) «Цапля *забвенья* выётся над миром, / рассудок крадёт; / крылья той птицы меня приковали / в доме у Гуннлёд»<sup>7</sup>.

Очевидно, что *напиток памяти / беспамятства* следует интерпретировать как воплощения мифологемы *живой и мёртвой воды*, символизирующих идею рождения, а также возрождения, плодородия, с одной стороны, и смерти, с другой<sup>8</sup>. *Питьё забудущее* в былинах приводит к забвению героем прошлой

<sup>5</sup> Он повесился на мировом древе ясене Иггдрасиле, пронзив себя копьём.

<sup>6</sup> Валькирия Сигдрива, которую верховный бог скандинавского пантеона Один уколол «шипом сна» в отместку за присуждение победы в битве своему протеже, погрузилась в глубокий сон, небытие, напоминая смерть, путешествовала в различных мирах и получила сакральные знания. Неслучайно Сигурд просит Сигдриву «поучить его мудрости, раз она знает, что нового во всех мирах» (Старшая Эдда 1963: 109), и она открывает ему значение магических рун.

<sup>7</sup> «Упоминание Гуннлёд в строфе 13 и Фьялара (т. е. великана Суттунга?) в строфе 14 свидетельствуют о том, что эти строфы представляют собой рассказ Одина о похищении мёда поэзии» (Старшая Эдда 1963: 220).

<sup>8</sup> Об органическом объединении данных мотивов в мифологии *воды* см. (Мифы народов мира 1980: 240).

жизни, к достижению им состояния, напоминающего смерть, аналогичную роль выполняет и *напиток забвения* в «Старшей Эдде»: только распрощавшись с прошлой жизнью, как бы пережив смерть, Гудрун оказывается в состоянии пойти на брак с Атли; беспаямство же бога Одина, предшествующее похищению «мёда поэзии», трактуется в эддической мифопоэтической модели мира как приобщение тайне инобытия, дающей право на восприятие хтонических знаний. Если напиток забвения, как в скандинавском, так и русском эпосе ассоциируется с мёртвой водой, то в «Речах Сигдривы» *напиток памяти*, смешанный с *мёдом*, и позволяющий Сигурду усвоить магическое значение рун, эксплицирует миф о «мёде поэзии» как «экстатическом источнике <...> мудрости <...> и обновления жизненных и магических сил» (Мифы народов мира 1982: 128).

III. Мотив *игры в тавлеи* зафиксирован в вариантах былины о Добрыне и Алеше. Ср.: На чистом поли Добрынюшка, в белом шатри / А сам он молодец забавляется, / *Играет* он в доски-ты шахматны / А в *дороги тавлеи золоченыи*, / А над собой невзгодушки не ведаёт (ОБ 1894, I, 343, 264–268); А начал он тут голуб погуркивать, / Начал он затым выговаривать, / А звещевал языком человеческим: / – Ах же ты Добрынюшка Микитинич! / – *Играешь* ты в доски во шахматны, / В *дороги тавлеи золоченыи*, / Играшь, сам молодец ты прокладдаешься, / А над собой невзгодушки не ведаешь, / А я тебе звещую провещую ест (ОБ 1894, I, 343, 277–285). Другой персонаж былин Михайло Потык также имеет отношение к данному мотиву. Ср.: Как тут-то он Михайлушка повыдумал: / ... А у того царя я Вахрамея Вахрамеева, / – Корил-то я языкушки неверный, / – Прибавлял земельки Святорусский. / – Еще-то я с царем там во других / – *Играл*-то я во доски там во шахматны / – А в *дороги тавлеи золоченыи* / – Как я его еще там повыиграл / – Безсчётной-то еще-то золотой казны (ОБ 1894, I, 365–366, 179189–268); «Зачим же ты Михайла заезжал сюда?» / – Зашол-то я сюда заезжал к тебе, / – А царь ты Вахрамей Вахрамеевич, / – А я слышал – скажут ты охвочь *играть* / – Да в доски-ты шахматны, / – А в *дороги тавлеи золоченыи*, / ... – Поиграем-ко во доски мы шахматны, / – В *дороги тавлеи золоченыи*. / – Да ах же ты царь Вахрамей Вахрамеевич! / – Насыпь-ко ты да безсчётной золотой казны / – А сорок-то телег да ордынских. – / ... – А бью я о головки молодецки, / – Как я тебе буду служить да слугою верною / – А сорок-то годов тебе с годичком / – За сорок-то телег за ордынских (ОБ 1894, I, 368, 254–271).

Упоминание о *тавлях* содержится и в «Прорицании вэльвы». Ср. Vsp. 7–8: Hittuz æsir á Iðavelli, / þeir er hörg oc hof há timbroðo; / afla lögðo, auð smíðoðo // ... *Teflðo* í túni, teitir vóro, / var þeim vættergis vant ór gulli, / unz þriár qvómo þursa meyiar «Встретились асы на Идавёлль-поле, / капища стали высокие строить, / сил не жалели, ковали сокровища ... // На лугу, веселься, в *тавлей играли*, / всё у них было только из золота, – / пока не явились три великанши»;

Vsp. 61: Þar muno eptir undrsamligar / gullnar *töflur* í grasi finnaz, / þærз í árdaga attar höfðo «Снова найтись должны на лугу / в высокой траве *тавлей* золотые, / что им (богам асам – Т. Т.) для игры служили когда-то».

Эти фрагменты образуют рамку эсхатологического кризиса в «Прорицании вэльвы»: потеря тавлей влечёт за собой вторжение враждебных великанш, знаменующее начало «гибели богов», а их нахождение – конец кризиса и возрождение вселенной. Цитируемые эддические строфы дают основания ещё для нескольких выводов:

- игра в тавлей происходит во времена первотворения;
- она помещается в ряду таких демиургических актов, как возведение святилищ, создание инструментов;
- тавлей имеют магическую природу (ср. их эпитет ‘чудесные’)<sup>9</sup>, они относятся к сфере сакрального<sup>10</sup>.

Тема *игры в тавлей* актуализируется и в «Загадках Гестумблинди» из древнеисландской мифологической «Саги о Хервёр и Хейдреке», наиболее ранняя рукопись которой датируется серединой XIV века. Специалисты предполагают, что составитель саги имел в своём распоряжении стихотворные загадки, быто-

<sup>9</sup> Эддические данные подкрепляются экстралингвистическими фактами: доски для игры в тавлей, по-видимому, отождествляемой с игрой в кости (Hamel 1934; Ellis-Davidson 1988), обнаружены в скандинавских и англо-саксонских погребениях. Подробнее см. (Ellis-Davidson 1988). В главе 24 «Германии» Тацита сообщается, что проигравший в кости шёл в рабство и давал связать себя и продать, хотя был сильнее и моложе победителя (Тацит 1993). Некоторые параллели сакрального характера игры в кости и их непосредственной связи с космогоническим мифом см. (Топорова 2002: 53–55).

<sup>10</sup> Ср., в частности, языковые данные: др.-исл. *tafl* ‘доска для игры; настольные игры (шашки, шахматы)’, *tafla* ‘камень для игры’, а также ‘алтарная доска’ (Vries 1977: 579).

вавшие в устной форме в течение длительного времени (приблизительно с середины X века до конца XI века (Hervarar Saga 1956: XV). Отгадкой к загадке № 12 служит указание на *игру в тавлеи* бога Одина и великана Андада<sup>11</sup>. На фоне перечисленных выше эддических контекстов *игра в тавлеи* Одина с великаном Андадом не может восприниматься как профаническое занятие, её следует интерпретировать как разновидность состязания в знаниях о происхождении и устройстве вселенной, столь популярного в эддической модели мира<sup>12</sup>.

Таким образом, нельзя пренебречь тем фактом, что в обоих случаях игра в тавлеи оказывается судьбоносным событием, непосредственно связанным с устойчивостью космического миропорядка: выигрыш Михайлы Потыка у Вахромея Вахромеевича равнозначен избавлению Руси от владычества Орды, а нахождение богами тавлей в «Прорицании вёльвы» гарантирует стабильность возрождённой после «гибели богов» вселенной.

IV. Словосочетание *резать подпись* засвидетельствовано в былине «Три поездки Ильи Муромца»: И воротился старик на дороженку, / И на те розтани на широкиё, / Да с камня он *попис* ту *сорезывал*, / Да новую ту попис сам *нарезывал*; / Да прочистил Илья да как дороженку (ОБ 1900, III, 428, 127–131).

В «Старшей Эдде» рассматриваемое словосочетание фигурирует несколько раз. Ср. типичные словоупотребления: *Rúnar munt þú finna jc ráðna stafí*, / ... oc *gorði ginregin* / oc *reist hroptr rögna* (Háv. 142) «Руны найдёшь и постигнешь *знаки*, / ... а создали боги / и Один их *вырезал*»; *Purs ríst ec þér oc þríá stafí* (Skm. 36) «Руны я *режу* – «турс» и ещё три *знака*»; *Allar vóro af scafnar, þær er vóro á ristnar* (Sd. 18) букв.: «Все [руны] были *выскоблены*, они были *вырезаны*».

Необходимо подчеркнуть *сакральный* характер исследуемого словосочетания. Подпись, обнаруженная Ильёй Муромцем на камне, несомненно обозначает манифестацию судьбы, а его исправление этой подписи с большой долей вероятности может восприниматься как коррекция богатyrём своего жизненного

<sup>11</sup> Ср.: Þat er Ítrekr oc Andaðr, er sitja at *tafli sínu* «Это Итрек (= Один) и Андад, которые сидят за *тавлями*».

<sup>12</sup> Ср., в частности, соревнование между Одним и великаном Вафтрудниром «искусном в запутывании» или между богом Тором и карликом Альвисом «всезнающим»; ставкой в обоих случаях служила жизнь проигравшего.

пути. Если обратиться к скандинавским фактам, то вырезание Одином рун после ситуации самопожертвования, по-видимому, означает установление его власти над прошлым, настоящим и будущим мира в результате постижения им высшей мудрости. Таким образом, и в былинах, и в «Старшей Эдде» рассматриваемый мотив изофункционален.

V. Семантический комплекс *старина* & *слушать* неоднократно встречается в былинах. Ср.: Тут век про Дюка *старину* скажут / Синему морю да на тишину, / А вам добрым людям на *послушанье* (ОБ 1896, II, 502, 469–471); Тут век про нее *старину* поют, / Синему морю на тишину / И вам добрым людям на *послушанье* (ОБ 1896, II, 516, 136–138); Вот тут век про Добрыню *старину* поют, / Синему морю на тишину / Вам всем добрым людям на *послушанье* (ОБ 1896, II, 540, 587–589); А ведь тут про Михайлу *старину* поют, / Синему морю да на тишину / Нам всем добрым людям на *послушанье* (ОБ 1896, II, 549, 282–284); А тут век про Дюка *старину* скажут, / Синему морю на тишину, / Добрым людям на *послушанье* (ОБ 1896, II, 562, 446–448); А тут век про Настасью *старину* скажут, / Синему морю на тишину / А вам всем добрым людям на *послушание* (ОБ 1896, II, 569, 106–108).

Первую песню «Старшей Эдды», «Прорицание вельвы», а, следовательно, и весь корпус эддических текстов открывает строфа с указанным словосочетанием: *Hlióðs bið ec allar helgar kinder, / ... vildo, at ec, Valföðr, vel fyrtelia / forn spioll fira, þau er fremst um man* (Vsp. 1) букв.: «*Слушания прошу я все священные роды, / ... Один, ты хочешь, чтоб я рассказала / о прошлых сведениях людей, которые я раньше всего помню*».

Весьма показательно, что один из элементов исследуемого сочетания – «*сведения о прошлом*» – функционирует в качестве формулы, неоднократно встречающейся в эддических песнях, ядро которых образует диалог на космологические темы между представителем богов (Одином или Тором) и хранителем древних знаний (великаном Вафтрудниром или карликом Альвисом). Ср., например: *forvitni micla qveð ec mér á fornóm stöfom / við þann inn alsvinna iotun* (Vm. 1) «*В древних познаниях померяться силой хочу я / с мудрейшим*»; *feigom munni mæltu ec mína forna stafí / oc um ragna gös*, букв.: «*я, обречённый, поведал древние сведения / и о гибели богов*»; *Í eino briósti ec sác aldregi / fleira forna stafí* (Alv. 35) «*Чья ещё грудь вместила бы / столько сведений древних!*». Нельзя не обратить внимания на тот факт, что сведения о прошлом в приводимых контекстах занимают

маркированное положение: они отмечают либо первую (Vm. 1), либо последнюю строфу в песне (Vm. 55; Alv. 35).

\* \* \*

Подводя итоги сравнительного анализа ряда словосочетаний, представленных в русских былинах и древнеисландской «Старшей Эдде», можно сформулировать некоторые выводы.

- 1) Параллели в былинах и «Старшей Эдде» всегда реализуются при помощи *более чем одного* элемента.
- 2) Соответствия подразделяются на *двучленные* и *многочленные* (ср. *играть в золочёные тавлеи*).
- 3) Среди исследуемых словосочетаний выделяются следующие синтаксические модели:
  - а. глагол + зависимое существительное (*слушать старину; резать надпись; играть в тавлеи*);
  - б. прилагательное + существительное (*золочёные тавлеи*);
  - с. в отдельных случаях установить общий статус словосочетания не представляется возможным (ср. *питьё забудущее – забвения напиток* (древнеисландский композит); *расти & мудрость*).
- 4) В составе исследуемых синтаксических единиц употребляются **языковые** элементы, восходящие к **общему** индоевропейскому корню, ср. *слушать* (< старина на *послушанье* – Фасмер 1987, III: 679) и *Hlióðs* (Vries 1977: 238) ... *forn spíoll fíra* (Vsp. 1) «*Слушания ... о прошлых сведениях людей*». Разновидностью данного положения можно считать также заимствование лат. *tabula* 'доска' в обоих ареалах, ср. др.-исл. *tafla*, русск. *тавлеи* (Vries 1977: 579; Фасмер 1987, IV: 7–8). Иными словами, сходное содержание реализуется на формальном уровне идентичными элементами.
- 5) Параллели, зафиксированные выше, могут быть дополнены и определённой маркированной позицией в структуре текста, ср., например, функционирование формулы *старина на послушанье* в конце былины, так же как и упоминание *древних сведений* в заключительных строфах «Песни Вафтруднира» и «Речей Альвиса». Таким образом, наблюдается весьма любопытное явление, когда тождество на уровне **содержания** подкрепляется аналогичным феноменом и в **композиции** текста, то есть достоверность приводимых фактов возрастает и даёт основания судить об их неокказиональном характере.
- 6) Материал, зафиксированный в былинах и «Старшей Эдде»,

позволяет реконструировать «зоны пересечения» и в «**мире вещей**», причём не ограничивающиеся только отдельно взятыми реалиями, но распространяющиеся на комплексные представления, ср. обычай *играть в тавлеи* или *резать подпись*.

7) Большинство изучаемых мотивов можно трактовать как рефлекс индоевропейского **мифа познания**, ср. *питьё забудущее – напиток памяти*, *резать надпись* (= постигать судьбу), *расти & мудрость*, *играть в тавлеи* (= рисковать ради приобщения к высшей мудрости, чтобы отстоять существование космоса перед угрожающими ему силами хаоса).

8) Соответствия, приводимые в п. 7, относятся к сфере *сакрального* и содержат аллюзии на соответствующие **ритуалы**.

9) Изучаемые факты допускают реконструкцию архаичной индоевропейской **поэтической** практики исполнения произведений, предполагающей наличие певца и его аудитории, ср. просьбу *послушать старину*.

В целом, можно утверждать, что предпринятое сопоставление ряда мотивов русского и древнеисландского эпоса – былин и «Старшей Эдды» – оказалось в высшей степени плодотворным и предоставило в распоряжение исследователей уникальный материал, который может быть уточнён и дополнен при продолжении анализа в данном направлении.

#### ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ ТЕКСТОВ

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Hervarar Saga oc Heiðreks. With notes and glossary by G. Turville-Petre. Introduction by Christopher Tolkien. Viking Society for Northern research. University college, London, 1956.

Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. второе. Т. 1–3 // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. LIX, СПб., типография императорской Академии наук, 1894.

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.

Тацит Корнелий. Сочинения. В 2 т. Т. I. Анналы. Малые произведения. Т. II. История. М., 1993.

## СЛОВАРИ

- Мифы народов мира – Мифы народов мира. Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия. Т. 1, А-И, 1980; т. 2, К-Я, 1982.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырёх томах. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. М.: Прогресс. Т. I, 1986. Т. II, 1986. Т. III, 1987. Т. IV, 1987.
- Vries 1977 – Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. 2. Aufl. Leiden.

## ЛИТЕРАТУРА

- Астахова 1935 – Астахова А. Русские былины // *Русский фольклор. Эпическая поэзия* / Общая ред. М. Азадовского. Статьи, ред. и прим. А. Астаховой и Н. Андреева / Библиотека поэта. Малая серия № 1. М.: Советский писатель. С. 11–52.
- Елизаренкова 1999 – Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М.: Восточная литература.
- Садур 1985 – Садур В. Г. Введение // *Структура и функционирование поэтического текста. Очерки лингвистической поэтики* / Отв. редактор А. Н. Кожин, М.: Наука, 1985.
- Топоров 2004 – Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные её приложения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Топорова 2002 – Топорова Т. В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. ИМЛИ РАН, М., 2002.
- Ellis-Davidson 1988 – Ellis-Davidson H. R. *Myths and Symbols in Pagan Europe // Early Scandinavian and Celtic Religions*. Syracuse; N.-Y., 1988. P. 163–165.
- Hamel 1934 – Hamel A. G. van. *The game of the gods // Arkiv för nordisk filologi*. Bd. 50. P. 218–242.

## СОКРАЩЕНИЯ

Alv.	Alvíssmál	«Речи Альвиса»
Dr.	Dráp Niflunga	«Убийство Нифлунгов»
Háv.	Hávamál	«Речи Высокого»
Herv.	Hervarar Saga oc Heiðreks	«Сага о Хервёр и Хейдреке»
Sd.	Sigrdrífomál	«Речи Сигдривы»
Skm.	For Scírnis	«Поездка Скирнира»
Vm.	Vafþrúðnismál	«Речи Вафтруднира»
Vsp.	Völuspá	«Прорицание вёльвы»



В. В. Файер

**Метрические трудные чтения Зенодота:  
варианты или параллельные места?**

Многое в деятельности александрийских филологов продолжает оставаться неясным; даже некоторые важнейшие аспекты работы Зенодота, Аристофана и Аристарха вызывают споры и провоцируют новые объяснения. Так, известный исследователь и издатель Гомера Г. ван Тиль полагает, что некоторые чтения, сохраненные схолиями как варианты александрийских филологов, являются не предлагаемой ими альтернативой к общепринятому тексту, а «заметками на полях» или «параллельными местами».

Для доказательств своей гипотезы Г. ван Тиль, в частности, привлекает метрический аспект. Ученый отмечает, что многие чтения Зенодота трудны в отношении метрики, тогда как его квалификация должна была гарантировать отсутствие метрических неправильностей. Г. ван Тиль напоминает, что эллинистический филолог «был учеником поэта Филита и коллегой поэта Каллимаха, которого он процитировал в своем издании Гомера (Schol. ad II.16.234). От него дошли две эпиграммы, написанные безупречными дистихами» (v. Thiel 1992: 4). Дополнительным аргументом в пользу атрибуции обоих стихотворений (AP VII, 117; XVI, 14) именно Зенодоту Эфесскому служит эпиграмма AP VII, 315, которая приписана «Зенодоту или Риану» — другому филологу, издававшему Гомера в то же самое время.

«Должно быть, — предполагает ван Тиль, — Зенодот записывал неэпические формы и глоссы не как варианты, а для сравнения». Так, к стиху *Κώπας Εὐτρῆσιν τε πολυτρήρωνά τε Θίσβην* (II.2.502) имеется схолий, согласно которому Зенодот читает *πολυτρήρωνά τε Μέσσην*, то есть то же самое, что в стихе *Φᾶρίν τε Σπάρτην τε πολυτρήρωνά τε Μέσσην* (II.2.582). Как отмечает ван Тиль, эпитет *πολυτρήρωνα* встречается только в этих двух стихах «Каталога кораблей», и предлагает понимать запись в схолиях как указание на этот факт (v. Thiel 1992: 8), тогда как обычно в этом чтении видят ошибку Зенодота<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Ср., например, объяснение Дж.Кёрка: «Зенодот явно читает «Месса» вместо «Фисба», спутав со [стихом] 582, где второй раз появляется

Подобные объяснения предлагаются и для других вариантов, принадлежащих александрийским филологам или анонимно процитированных в схолиях.

Идея ван Тиля о параллельных местах вызвала большой интерес, но многие авторитетные ученые с гипотезой не согласились. Так, М. Шмидт в особой статье подверг построения ван Тиля подробному разбору и последовательной критике<sup>2</sup>. В частности, по мнению Шмидта, данная гипотеза посягает на хорошо засвидетельствованную и не вызывающую сомнений трактовку διπλῆ περιεστιγμένη как знака несогласия Аристарха с Зенодотом. Действительно, если Аристарх отмечал параллельные места в своих комментариях (как утверждает ван Тиль), то он должен был понимать, что и Зенодот делает иногда то же самое. Если Зенодот не предлагает иное чтение к П. 2. 502, а просто делает заметки на полях, значит Аристарх пользуется здесь знаком διπλῆ περιεστιγμένη как ссылкой на заметки Зенодота, а не указывает на свое несогласие с ним. Применительно к данному случаю Шмидт отмечает, что в «Каталоге» Зенодот трижды предлагает исправления топонимов (П. 2. 507, 532, 571); естественно предположить, что и здесь мы имеем дело именно не с исправлением, а с параллельным местом (Schmidt 1997: 8).

Г. ван Тиль продолжает полемику: в статье «Текст Гомера в Александрии» исследователь вновь обсуждает прежние примеры и приводит новые. Применительно к П. 2. 502 он указывает, что Фисба – известный беотийский город, а Мессу следует связывать с Мессенией, которую спартанцы контролировали с VII в. до н. э. «Что же в таком случае значит выражение Ζηνόδοτος γράφει? – спрашивает ван Тиль, – Пишет ли он Μέσσην в своем тексте? Именно так полагал Аристоник, написавший ἔστι δὲ ἡ Μέσση τῆς Λακωνικῆς» (v. Thiel 1997: 15).

Прерывая пересказ полемики вокруг гипотезы Г. ван Тиля, обратим внимание на два примера, которые он разбирает в своей последней статье. К стиху П.1.24 (ἀλλ' οὐκ Ἀτρείδῃ Ἀγαμέμνονι ἦνδανε θυμῷ) имеется схолий: Ζηνόδοτος γράφει «ἀλλ' οὐκ Ἀτρείδεω». Г. ван Тиль видит в этом примере «краткую заметку» и так же интерпретирует еще ряд вариантов Аристарха и Зенодота, которые содержат генетив (v. Thiel 1997: 23–24).

πολυτρήωνα» (Kirk 1985: 196.).

<sup>2</sup> (Schmidt 1997: 1–12). Там же обзор высказываний специалистов об идее ван Тиля.

Рассмотрим теперь этот пример (вопреки гипотезе ван Тиля) как разночтение, предлагаемое Зенодотом. Очевидно, что вариант явно приводится не полностью: читатель должен «додумать» очевидное Ἀγαμέμνωνος; подобные случаи в схолиях встречаются нередко. Далее отметим, что в метрическом аспекте Ἀτρείδεω вместо Ἀτρείδῃ требует синизесы. Для того, чтобы решить, насколько убедительно выглядит этот случай в корпусе примеров ван Тилья, обратимся к исследованию вариантов с синизесой, дошедших под именем Зенодота.

1. П.2.520 Κρίσαν τε ζαθέην καὶ Δαυλίδα καὶ Πανοπήα

Вариант Зенодота: καὶ Πανολτέων<sup>3</sup>. Аристарх считает это чтение метрически неверным, но это не так, если в Πανολτέων считать α долгой и видеть синизесу εω. В конце гекзаметра односложное εω периодически встречается (напр. П.9.197), а α может обладать любым количеством. Более того, долгий гласный встречаем в корне имени Пана и производных от него; в этом случае топоним получает этимологически прозрачное оформление.

2. П.3.273 ἄρνῶν ἐκ κεφαλῆων τάμνε τρίχας· αὐτὰρ ἔπειτα

Вариант Зенодота ἄρνέων ἐκ κεφαλῆων дает единое просодическое оформление строки.

3. П.18.222 οἱ δ' ὡς οὖν ἄλιον ὄλα χάλκεον Αἰακίδαο

Вариант Зенодота χαλκήην «аметричен» по оценке Аристарха. Однако синизеса εη дважды встречается у Гомера (П.9.5 и П.23.195). Г. ван Тиль приводит этот пример среди явных «параллельных мест» (v. Thiel 1997: 21).

4. П.12.428 ἡμὲν ὄτῳ στρεφθέντι μετὰφρενα γυμνωθεῖη

Вариант Зенодота: ὄτεφ. У Гомера подобная синизеса, по нашим подсчетам, встречается 14 раз<sup>4</sup>.

5. П.20.484 αὐτὰρ ὁ βῆ ρ' ἰέναι μετ' ἀμύμονα Πείρω υἱὸν

Вариант Зенодота Πείρέως υἱόν также расценивается Аристархом как «аметричный». Возможно, это связано с тем, что Аристарх, в отличие от Зенодота, предпочитал дактили в пятой

<sup>3</sup> Такое чтение приводят схолии. Евстафий цитирует καὶ Πανόπτεων. В этом случае строка приобретает «аномальный» вид, но подобные стихи встречаются у Гомера (см., например, знаменитый μείουρος στίχος П.12.208).

<sup>4</sup> В Илиаде: 1.15; 1.374; 3.152; 5.387; 8.217; 8.235; 12.428; 15.664; 18.346; 22.374; 22.512; 23.361. В Одиссее: 8.435; 9.328.

стопе, однако синизеса εω здесь не выходит за рамки гомеровского узуса.

Кроме шести рассмотренных вариантов, в которых чтение Зенодота имеет синизесу в противоположность вульгате, есть три контрпримера, предполагающих чтение без синизесы:

1а-2а. Π. 1.559 (= 2.4) τιμήσης ὀλέσης δὲ πολέας ἐπὶ νηυσὶν Ἀχαιῶν

Схолии к этим строкам приписывают Зенодоту два различных варианта πολεῖς (1.559) и πολύς (2.4), но метрически они сходны: в обоих случаях исчезает синизеса εα.

3а. Π.3.152 δένδρῳ ἐφεζόμενοι ὅπα λειριόεσσαν ἰεῖσι

Вариант Зенодота: δένδρεῖ. Синизеса с последующим сокращением слога перед гласным — крайне редкое явление у Гомера (χρυσέῳ ἀνὰ в Π.1.15 и Π.1.374).

Итак, Зенодот вдвое чаще предлагает альтернативные чтения с синизесой, чем без нее. Интересно, что Аристарх оказывается более радикальным: в его вариантах не раз встречается «лишняя» по сравнению с большинством рукописей синизеса (Π.5.818, Π.13.541, Π.18.100, Π.24.53, Od.11.185, Od.11.635 и, возможно, Π.20.263)<sup>5</sup>, но обратных примеров нет. Таким образом, варианты alexandрийских филологов, затрагивающие синизесу, подчиняются определенной закономерности, которую не следует игнорировать при критике традиционного представления о практике Зенодота и Аристарха.

Рассмотрим еще один важный пример: стих Π.2.634 (οἷ τε Ζάκυνθον ἔχον ἦδ' οἷ Σάμον ἀμφενέμοντο). Вариант Зенодота ἦδ' οἷ Σάμην схолиаст называет метрически неверным. Интерпретаторы этого чтения пытаются конъектурально снять здесь метрическую трудность. Так, К. Лерс понимает чтение Зенодота как ἦδ' οἷ Σάμην ἐνέμοντο, Г. Дюнтцер – как ἦδ' ἀμφὶ Σάμην ἐνέμοντο, А. Наук – как ἦδ' οἷ Σάμη ἀμφενέμοντο. В противоположность им Г. ван Тиль полагает, что мы имеем дело с параллелью из Od.1.246, где упоминается топоним Σάμη (v. Thiel 1997: 21–22).

Может показаться, что конъектуры предшественников Г. ван Тили выглядят слабее, чем его простое объяснение. Однако, как мы видели выше при обсуждении Π.1.24, схолии нередко

<sup>5</sup> Аномальную синизесу в Π.15.445 филолог, однако, исправляет: Ἀρίσταρχος μονοσυλλάβως «ζών» ἄλλοι δὲ «ζών».

приводят чтения Зенодота фрагментарно. Даже если принять гипотезу о параллельных местах, параллель в данном случае окажется неполной. В этом схолии следовало бы ожидать не ἄλλ' οὐκ Ἀτρείδεω, а Ἀτρείδεω Ἀγαμέμνονος, и если считать, что Ἀγαμέμνονος опущено для краткости, то неясно, почему тогда оставлено ἄλλ' οὐκ. Кроме того, к указанию на метрическую неправильность чтения Зенодота в схолии к П.2.634 следует отнестись критически. Действительно, из 6 чтений Зенодота, которые названы в схолиях «аметричными», 4 вполне соответствуют гомеровскому метрическому узусу и не требуют конъектур; еще одно, возможно, не принадлежит Зенодоту<sup>6</sup>, а последнее – обсуждаемое здесь ἦδ' οἱ Σάμην. Более того, само наличие διπλῆ περιεστigmένη как знака несогласия с Зенодотом должно заставлять исследователей трактовать чтения последнего, так сказать, в положительном смысле, и предполагать, что Аристарх в полемике мог исказить точку зрения предшественника.

Сколько же имеется чтений Зенодота, которые можно признать метрически иррациональными? Приведем все, которые нам удалось обнаружить, за исключением упомянутых выше:

1-2. П.5.263 Αἰνείαο δ' ἐπαΐξαι μεμνημένος ἵπλων,

П.5.323 Αἰνείαο δ' ἐπαΐξας καλλίτριχας ἵπλους

Вариант Зенодота: Αἰνείω. Г. Эрбсе и М. Уэст считают это чтение испорченным, но, как нам представляется, в аспекте метрической правильности оно превосходит вариант, представленный в традиции. Если читать δ' вместо δέ (элизия начинает обозначаться регулярно достаточно поздно), то оба варианта Зенодота (1) окажутся метрически правильными, (2) получат трехполовинную цезуру в дополнение к семиполовинной и (3) будут лишены элизии, которую часто удаляли александрийские филологи. Таким образом, эти два варианта можно даже рассматривать как пример метрической правки.

3. П.6.34 ναίε δέ Σατνιόεντος ἐϋρρέϊταο παρ' ὄχθαο

Согласно схолиям, Зенодот предлагает здесь метрически иррациональный вариант: ὄς ναίε Σατνιόεντος, который негативно оценивается последующей традицией. Однако в схожем случае (П.13.172) схолий приписывает Зенодоту метрически прием-

<sup>6</sup> Подробнее об этом см.: В. Файер. К вопросу об «аметричных» чтениях Зенодота в «Илиаде» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI. СПб., 2007. С. 307–309.

лимое чтение  $\delta\varsigma$  νάε Πήδαιον. Скорее всего, один из этих аналогичных вариантов нужно выправить по образцу другого; сама эта двойственность может служить показателем достоверности наших сведений о чтениях Зенодота.

4. П.11.841 ἄλλ' οὐδ' ὡς περ σεῖο μεθήσω τειρομένοιο

Вариант Зенодота: δὲ ἀμελήσω. С метрической точки зрения здесь имеется удлинение в цезуре, что не противоречит узусу Гомера.

5. П.17.582 Ἔκτορα δ' ἐγγύθεν ἰστάμενος ὄτρυνεν Ἀπόλλων

Вариант Зенодота: Ἔκτορα δὲ φρένας δίος Ἴρης ὄτρυνε μετελθών. Ф. Виллуазон и Г. Эрбсе предлагают конъектуру φρένα δίος.

6. П.18.579 σμερδαλέω δὲ λέοντε δύ' ἐν πρώτῃσι βόεσσι

Вариант Зенодота: κυανέοι δὲ λέοντες. В качестве конъектуры к этому метрически иррациональному варианту Ф. Вилуазон предлагает κυανέω δὲ λέοντε, а М. Уэст полагает, что за λέοντες должно следовать ἐνί.

Таким образом, детальный анализ показывает, что количество метрически трудных вариантов Зенодота очень невелико. Некоторые из них причисляются к этой категории ошибочно, тогда как на самом деле не выходят за рамки гомеровской практики или даже «улучшают» чтение большинства рукописей. Появление этих 3–4 метрически трудных чтений Зенодота, очевидно, вызвано ошибками традиции или неточными цитатами и не требует других объяснений. Метрический аргумент Г. ван Тилия, процитированный в начале этой статьи, не может считаться убедительным подтверждением его гипотезы.

#### ЛИТЕРАТУРА

- H. Düntzer. De Zenodoti studiis Homericis. Göttingen, 1848.  
 Kirk 1985 – The Iliad: A Commentary, General Editor G. S. Kirk. Vol. I. Cambridge.  
 Schmidt 1997 – M. Schmidt. Variarum Lectiones oder Parallelstellen: Was notierten Zenodot und Aristarch zu Homer? // ZPE. Bd.115. S. 1–12.  
 v. Thiel 1992 – H. van Thiel. Zenodot, Aristarch und andere // ZPE. Bd. 90. S. 1–32.  
 v. Thiel 1997 – H. van Thiel. Der Homertext in Alexandria // ZPE., Bd. 115. S. 13–36.  
 Homeri Ilias, ed. M.L. West. Vol. 1. Stuttgartiae; Lipsiae, 1998; vol. 2. Monachii; Lipsiae, 2000.

А. И. Фалилеев

*Aericura*

Посвящения галльской богине *Aericura* (варианты написания – *Eracura*, *Erecura*, *Herecura*, *Aerecura*, *Ericura*) хорошо известны в латинской эпиграфике Европы. Впрочем, и роль этого божества, и собственно этимология теонима вызывают споры. Согласно одной точке зрения, композит состоит из *eri-* (< \**peri-* ‘das Hinausführen über’ IEW: 810) и продолжения и.-е. \**k'ér-* ‘расти’ (IEW: 577, ср. лат. *Cerēs*), и, соответственно, в ней видят галльскую богиню растительности<sup>1</sup>. В этой связи стоит обратить внимание на то, что приводимый для этой интерпретации и.-е. глагол (в нотации \**k'erh<sub>3-</sub>*) глоссируется ‘sättigen, füttern’; однако самой большой проблемой, помимо семантики, остаётся необъяснённый вокализм<sup>2</sup>. С фонетическими сложностями связано и сопоставление с и.-е. \**perk<sup>u</sup>-* ‘Eiche’ (IEW: 822): П. Де Бернардо Штемпель видит в *Her(e)cura* рефлекс и.-е. \**perk<sup>u</sup>-ra*<sup>3</sup>, однако эта этимология ставится под сомнение известным соответствием и.-е. формы с кельтским *Hercynia (silva)* (< \**perkunya* < \**perk<sup>w</sup>unyā*)<sup>4</sup>. Семантический аспект этой интерпретации

<sup>1</sup> E. Polomé. Etymologische Anmerkungen zu keltischen Götternamen // Zeitschrift für celtische Philologie 1997. В. 49/50. S. 738; этимология принята в работе: В. П. Калыгин. Этимологический словарь кельтских теонимов. Москва, 2006. С. 17.

<sup>2</sup> H. Rix et al. Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001. S. 329. G. Olmsted. The Gods of the Celts and the Indo-Europeans. Budapest, 1994. P. 304–5 (там же см. интерпретацию теонима как ‘пред-хлебная’ (?) и рассуждения о *Aequorna*). В связи с ирл. *-cuirethar* см. J. Vendryes, E. Bachellery, P.-Y. Lambert. Lexique étymologique de l’irlandais ancien. Lettre C. Paris; Dublin, 1987. С. 277.

<sup>3</sup> P. De Bernardo Stempel. Theonymic Gender and Number Variations as a Characteristic of Old Celtic Religion // Anthropology of the Indo-European World and Material Culture. Budapest, 2006. P. 37 и 39. Ср. также P. De Bernardo Stempel. Die Sprachliche Analyse keltischer Theonyme // Die Kelten und ihre Religion in Spiegel der epigraphischen Quellen. Vitoria-Gasteiz, 2004. S.202, где теоним *Erecura* рассматривается среди лингвистически «смешанных» форм, хотя детали этого смешения не обсуждаются.

<sup>4</sup> О деталях реконструкции см. А. И. Фалилеев. Галльск. *s*, и.-е. \**p* и

также представляется не вполне удовлетворительным. Более правдоподобная (фонетически) этимология теонима была предложена Кс. Деламарром. Согласно этому исследователю, в нём следует видеть рефлекс \**ēri-cūrā*- ‘Vent-d’Ouest’<sup>5</sup>. В первой части этого композита Деламарр видит галльскую форму, родственную ирл. *íar*- и скр. *apara*-, которые он возводит к \**e(p)eri*-<sup>6</sup>. Вторую составляющую теонима он сопоставляет с готск. *skūra* ‘windis’, лат. *Caurus*, *Cōros*, к и.-е. \*(*s*)*k’euH-ro*-<sup>7</sup>. Понятно, что семантика составляющих композита и, следовательно, значение самого теонима может быть и иным, хотя божества, ассоциируемые с ветрами, конечно, известны многим мифологиям<sup>8</sup>.

Основная проблема, встающая перед исследователями при этимологизации кельтских (и не только) теонимов состоит в том, что функция и роль соответствующих божеств очень часто остаются непонятными, а если – благодаря, к примеру, схолиям и / или иконографии – их идентификация становится более или менее возможной, то совсем необязательно, что внутренняя форма теонима будет отражать эти функции. Исследованию иконографии Эрикуры посвящено немало работ – иногда она изображается одной, сидящей на троне с корзиной фруктов (например, Каннштадт, Германия), но чаще – в компании *Disrater*’а. На известном памятнике из Дакии её сопровождает трёхголовый пёс (ср. лат. Цербер), а в руках у неё изображён ключ. Известнейший специалист по кельтской мифологии М. Олдхаус-Грин полагает, что Эрикура являлась богиней потустороннего мира. Согласно этой исследовательнице, «whilst it may appear

---

некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных // Индоевропейское языкознание и классическая филология-Х. СПб., 2006. С. 306–313.

<sup>5</sup> X. Delamarre. Noms de personnes celtiques dans l’épigraphie classique. Paris, 2007. P. 14, 221, 218.

<sup>6</sup> Дальнейшие параллели см. в IEW: 53 и сл. s.v. *apo*- и ср. М. Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1992. В. 1. S. 83; и.-е. протоформа обычно реконструируется как \**h<sub>2</sub>epero*-.

<sup>7</sup> см. IEW: 597 s. v. \**k’euero*-, etc. ‘Nord, Nordwind’; ср. J. P. Mallory, D. Q. Adams. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006. P. 129, где протоформа реконструируется как \*(*s*)*k’eh<sub>1</sub>w(e)r*-.

<sup>8</sup> См., например, К. Heuser. Anemoi. Studien zur Darstellung der Winde und Windgottheiten in der Antike. Rome, 1982.



strange that a goddess of the underworld is represented with the imaginary of a Mother-goddess, it should be remembered that the Mothers were closely associated with death and regeneration, as well as fertility and prosperity». Она также считает, что теоним может быть исторически связан с именем Гекубы<sup>9</sup>, однако эта связь мне не кажется самоочевидной. С другой стороны, в божестве видели и галльскую богиню растительности; неоднократно, вслед за Я. де Фризом, отмечалось, что Эрикура в сочетании с Dispater находится в дополнительной дистрибуции с парой Sucellos и Nantosuelta<sup>10</sup>. Стоит также обратить внимание, что Dispater является (лингвистически) некельтским теонимом; лучшую параллель могут представлять такие пары как Меркурий / Росмерта или Апполон (Граннус) / Сирона, и как было отмечено<sup>11</sup>, имя мужского божества в посвяtitельных надписях идёт обычно первым.

Не стоит забывать и о региональной дистрибуции посвяtitельной этой богине<sup>12</sup>. Они известны по находкам на территории современной Франции (Белли) и Бельгии (Тонгерн), а также – римских Дакии и Нумидии, возможно и в Паннонии; сразу несколько надписей мы обнаруживаем в Италии и Австрии. Большинство же примеров происходит с территории Германии (Майнц, Сулцбах, несколько из Каннштадта, два из Роттенбурга, Фрайнсхайма, Штокштадта). Неслучайно, что некоторые исследователи увидели в Эрикуре кельто-германское божество<sup>13</sup>,

---

<sup>9</sup> M. J. Green. Dictionary of Celtic Myth and Legend. London, 1992. P. 26; ср.: M. J. Green. Symbol and Image in Celtic Religious Art. London, New York, 1989. P. 41.

<sup>10</sup> См. В. П. Калыгин. Этимологический словарь кельтских теонимов, С. 72–3; ср. M. J. Green. Dictionary of Celtic Myth and Legend... P. 81–2.

<sup>11</sup> См. M. Green. Celtic Goddesses. London, 1995. P. 124. Известен, впрочем, и обратный порядок: CIL XIII, 6322.

<sup>12</sup> См. ссылки в: N. Jufer, T. Luginbühl. Les dieux gaulois. Paris, 2001. P. 18, 40, 45; C. Zaccaria. Alla ricerca di divinità “celtiche” nell’ Italia Settentrionale in età romana // Die Kelten und ihre Religion in Spiegel der epigraphischen Quellen. Vitoria- Gasteiz, 2004. S. 138; S. Nemeti. Sincretismul religios în Dacia romană. Cluj-Napoca, 2005. P. 156–8; X. Delamarre. Noms de personnes celtiques dans l’épigraphie classique... P. 13–4 и 97.

<sup>13</sup> M. J. Green. Dictionary of Celtic Myth and Legend... P. 26. О германо-кельтских языковых связях в мифологии см., напр., P. De Bernardo Stempel. Götternamen in Germania Inferior // Keltische Götter im

хотя, насколько мне известно, никакими собственно лингвистическими аргументами эта гипотеза не подкреплена, и откровенных германских параллелей в этой связи не приводилось. Несмотря на почти два десятка появлений теонима в надписях, культ Эрикуры, конечно, несопоставим, скажем, с культом Эпоны, которая известна примерно по сотне посвящений и значительному количеству изображений. В связи с такой предпочтительно «германской» аттестацией этого божества вопрос о её полном проникновении в систему римских верований – что, как и в случае с Эпоной, объяснило бы ее появление и в Северной Африке, и на востоке Римской империи – кажется, не стоит. Можно также отметить, что в надписи из Нумидии, датируемой III в. н. э., *Dispater* не упоминается, в то время как сама Эрикура ассоциируется с культом Кибелы<sup>14</sup>, а в Британии (Корбридж, Нортумберлэнд) теоним зафиксирован в форме мужского рода – *Arecurius*<sup>15</sup>. Конечно, нам известны случаи, когда галльским традиционно мужским именем в более поздний период называют и женщин, ср., напр., романо-бриттск. ЛИ *Tancorix* или галльск. *Iulia Bellorix*<sup>16</sup>. Со случаями «перемены пола» божествами в ранней кельтской традиции не всё вполне понятно, несмотря на ряд примеров, которые, как кажется, иллюстрируют это явление, и наличия «парных» теонимов типа *Bormana / Bormanos*<sup>17</sup> – стоит отметить в этой

---

Römischen Reich. Möhnesee, 2005. S. 142–146. В более широком контексте см.: Н. Birkhan. *Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit*. Wien, 1970.

<sup>14</sup> М. J. Vermaseren. *Corpus Cultus Cybelae Attidisque*. Volume 5. *Aegyptus, Africa, Hispania, Gallia et Britannia*. Leiden, 1986. P. 49.

<sup>15</sup> *Deo Aecurio*; см. М. J. Aldhouse-Green, М. E. Raybould. *Deities with Gallo-British Names recorded in inscriptions from Roman Britain // Studia Celtica* 1999. V. 33. P. 93 и сл.

<sup>16</sup> См. К. Stüber. *Schmider und Frau*. *Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik*. Budapest, 2005. S. 64–5. «Дегенерация» сложных кельтских имён с компонентом *-rix* была давно отмечена; см. В. П. Калыгин, А. А. Королёв. Введение в кельтскую филологию. Москва, 1989. С. 96. Особняком стоит в этом отношении *Dea Sulis* (почти полсотни аттестаций в Бате, Британия): форма ж.р. *Sul(i)a* неизвестна.

<sup>17</sup> См. Р. De Bernardo Stempel. *Einheimische, keltische und keltisierte Gottheiten der Narbonensis im Vergleich // Auf den Spuren keltischer Götterverehrung*. Wien, 2007. S. 72 и сл. и особенно Р. De Bernardo

связи, что известна и попытка прочесть этот теоним из Британии как *Mercurius*. Примечательно и то, что посвяtitель надписи из Дакии, в которой Эрикура упоминается самостоятельно, несомненно сын иллирийца *Scen(us)* (или \**Scenobarbus*)<sup>18</sup>, что может подразумевать его собственное иллирийское происхождение<sup>19</sup>. Из-за не особенно широкого распространения культа Эрикуры (равно как из-за того, что *Dispater* не упоминается в этой надписи), с одной стороны, и весьма возможного «иллирийского» происхождения посвяtitеля, с другой, я в свое время предположил возможность некельтского происхождения божества (и самого теонима)<sup>20</sup>. Представляется, что гипотеза об «иллирийском» происхождении и культа, и собственно теонима, неоправдана – спустя десятилетия фраза Б. Майера, сказанная про Эрикуру, не потеряла своего значения: “nothing more is known of her, in the absence of written attestation of her cult, and the etymology of her name has not yet been satisfactorily explained”<sup>21</sup>. Впрочем, любая этимология теонима всё-таки не сможет удовлетворить исследователей, пока культ этого божества не станет более или менее понятным. Следует, однако, отметить, что компонент *-curo-* мы находим в двусоставных личных

---

Stempel. Theonymic Gender and Number Variations as a Characteristic of Old Celtic Religion, P. 37 и сл.

<sup>18</sup> V. Wollmann. Un “Iucus” la Alburnus Maior // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie, Cluj 1985. V. 27. P. 277; ср. A. Mayer. Die Sprache der alten Illyrier. Wien, 1957. Band 1. S. 277. Здесь и ниже я использую термин «иллирийский» в широком смысле (паннонский, далматийский и т.д.), о проблематике см.: D. Dzino. Deconstructing ‘Illyrians’: Zeitgeist, changing perceptions and the identity of peoples from ancient Illyricum // Croatian Studies Review (Sydney) 5–6 (2006–2007), в печати.

<sup>19</sup> Об иллирийцах в Alburnus Maior см., напр., R. Ardevan. Die Illyrier von Alburnus Maior: Herkunft und Satus // Ad fontes! Wien, 2004. S. 593–600.

<sup>20</sup> См. A. Falileyev. Celtic Dacia: Celtic Linguistic Evidence from Dacia and Scythia Minor. Aberystwyth, 2007. P. 33. Иллирийским, впрочем, этот культ был признан и в Италии. См. R. Chevallier. La romanization de la Celtique du Pô. Rome, 1983. P. 436.

<sup>21</sup> B. Maier. Dictionary of Celtic religion and culture. Woodbridge, 1997. P. 3. Ср. B. Maier. Lexikon der keltischen Religion und Kultur. Stuttgart, 1994. S. 5.

именах (напр., *Billicuro*<sup>22</sup>), в том числе и таких, где в качестве первого компонента используется – как, возможно, и в случае Эрикуры – усилительный префикс, как в *Ate-curus*. Показательно, что ни К. Х. Шмидт, ни Д. Э. Эванс, которые рассматривали этот последний пример в связи с галльским интенсивным префиксом *ate-*, не приводят никаких соображений по поводу второй части этого композита<sup>23</sup>. Кс. Деламарр пытается рассмотреть все имена на *-curo-*, включая и приведенные выше, в рамках «ветряного» подхода к предыстории этого галльского слова<sup>24</sup>, но почему другие и.-е. корни не учитываются в этом построении<sup>25</sup> – мне остаётся непонятным.

Кроме того, возможно, стоит задуматься и о том, является ли теоним *Ericura* на самом деле композитом. Ср., в этом отношении, целый ряд личных имён: *Vacura* DAG 838, *Vucura* 334, 530, *Cattura* 207, *Uaccura* 1066. Кажется, нет сомнения, что ЛИ *Uaccura* связано со сложным галльским *\*uacco-* – по крайней мере, Кс. Деламарр<sup>26</sup> рассматривает его в соответствующей статье, равно как и то, что ЛИ *Cattura*, скорее всего, неотделимо от других антропонимов на *cat(t)-*, напр., *Caturo*. Тогда для лингвистического объяснения теонима можно было бы сослаться на личное имя *Eric(c)os*, возможно известное по галльской эпиграфике (равно как и на более надёжное галльск. *Ericv*), сопоставляемые с галльск. *\*eri-*<sup>27</sup>. Следует также обратить

<sup>22</sup> См. J. Whatmough. *The Dialects of Ancient Gaul*. Cambridge, 1970. P. 345 (в дальнейшем – DAG). О первом компоненте см. A. Falileyev. *Ad ILB 329 // Thracia*, 2007. V. 17. P. 339–341.

<sup>23</sup> К. Н. Schmidt. *Die Komposition in gallischen Personennamen // Zeitschrift für celtische Philologie* 1957. B. 26. S. 137, 186; D. Ellis Evans, *Gaulish Personal Names*. Oxford, 1967. P. 143.

<sup>24</sup> X. Delamarre. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique...* P. 218.

<sup>25</sup> Г. Олмстед (G. Olmsted. *The Gods of the Celts and the Indo-Europeans...* P. 304) упоминает в этой связи и.-е. *\*k'ū-ro-* 'сильный' (IEW: 592), которое могло бы быть вполне уместным для этой этимологии.

<sup>26</sup> ЛИ на *cat(t)-*: X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris, 2003. P. 305 и 111.

<sup>27</sup> См., соответственно, M. Lejeune. *Compléments gallo-grecs // Études Celtiques*, 1995. T. 31. P. 112–3 и P.-Y. Lambert. *Recueil des inscriptions gauloises*. Vol. II. Fascicule 2, *Textes gallo-latins sur instrumentum*. Paris, 2002. P. 51. Имя ERECOR (Британия) сюда не относится: см. P. Sims-

внимание на «интенсификационное» значение последнего (ср. *Eri-dubnos* ‘sombre alentour, très sombre’) и на то, что подобные компоненты могли использоваться в кельтской ономастике независимо<sup>28</sup>. Подобный круг семантики теонима – спутницы *Dispater*’а – выглядит значительно предпочтительнее, чем ‘ветряные’ значения, предложенные Деламарром, а также чем ‘растительный код’, который отстаивают некоторые исследователи, не говоря уже о ‘пред-хлебных’ и ‘дубовых’ интерпретациях.

---

Williams. The Celtic Inscriptions of Britain: Phonology and Chronology, с. 400–1200. Oxford, 2003. P. 186. О префиксе см. X. Delamarre. Dictionnaire de la langue gauloise. P. 166 s.v. \**eri-* ‘autour, alentour, peri-’. Не стоит забывать, впрочем, и о том, что эти имена рассматривались как гипокористики, см. E. R. Luján. Gaulish Personal Names: an Update // *Études Celtiques*, 2003. T. 35. P. 214.

<sup>28</sup> Ср.: «It appears to be a development peculiar to Celtic that such PIE adverbs > prefixes / adpositions in the daughter languages were also made into lexical bases in their own rights, *ambio-*, *ande-lando-*, *ario-*, *auo-* (and *como-* in the listing of possibly Celtic elements)», см. G. R. Isaac. Place-Names in Ptolemy’s Geography. CD-ROM. Aberystwyth, 2004. Celtic Elements, s.v. *ande-*, *ando-*.

М. В. Федотова

**Πινυτός 'разумный'  
как моральная характеристика гомеровских героев**

Анализируя этическую терминологию гомеровских поэм, А. Ф. Лосев называет мудрость кардинальной добродетелью гомеровской эпохи, замечая при этом, что ее нельзя понимать этически (Лосев 1996: 212). Однако, анализ пассажей с семантикой похвалы и порицания показал, что практически во всех фигурирует категория разумности / неразумия как характеристика, обуславливающая моральное или аморальное поведение героя. Именно характеристикой πινυτός (πελνυμένος) вводятся ответы Телемаха на дерзкие замечания и предложения женихов, благодаря чему «разумность» и правильное поведение Телемаха лексически и семантически противопоставляются разнузданности непрошенных гостей (πελνυμένος – ὑπερφιάλοι (II, 309) – «разумный» – «дерзкие»; (πελνυμένος – εἶωθε κακῶς ἐρεθίζεμεν αἰεὶ // μύθοισιν χαλεποῖσιν (XVII, 392) – «разумный» – «привыкший браниться грубыми словами»; πελνυμένος – ὑπέροβιον ὕβριν ἔχοντες – «разумный» – «имеющие великую дерзость» (I, 368) и т. д. Поведение персонажей противопоставляется по принципу: «соответствующий мере и статусу» с одной стороны и «выходящий за рамки дозволенного» с другой.

То же противопоставление мы видим и в «Илиаде»: характеристика ὑπερφιάλοι сменяет πελνυμένος, когда Антилох обманул во время ристаний Менелая, и оценка «разумный» перестала быть истинной (οὐ ... ἔτυμον (XXIII, 440); πελνυμένα βάζεις ἐπεὶ κατὰ μοῖραν εἶπες – «Ты говоришь разумно, поскольку говоришь так, как надо», – характеризует Нестор речь Диомеда, произнесенную в ответ на предложение Агамемнона оставить Трою (II, IX, 58–59). И если в «Илиаде» все же превалируют добродетели воина, доблесть и храбрость, благодаря которым герой оказывается выше общественного морального осуждения (Long 1970: 124), то в «Одиссее» моральный аспект поведения героев имеет большее значение (Доддс 2000:

59)<sup>1</sup>, и именно характеристика *πεινυμένως* непосредственно приводится как способность различать «хорошее» и «плохое»: *ἔσθλά τε καὶ τὰ χεῖρεια // πεινυμένα πάντα νοῆσαι* – (Od. XVIII, 227–230, ср. Od. XX, 131–133).

Проанализировав все гомеровские контексты с присутствием исследуемой лексемы, мы выявили следующие аспекты нравственного поведения героев, характеризующие лексему *πεινυμένως* ‘разумный’:

- уважение к родителям и старшим (Od. II, 129; III, 75, ср. также III, 18 – способность определять меру почтения и стыдливости (*αἰδώς*) в своем обращении к старшим; II. XXIV, 377);

- способность заниматься тем, что определено «по судьбе» (Od. XXI, 343, 355);

- правильная оценка ситуации и своих возможностей (Od. XVI, 240; II. VII, 276);

- способность признавать неправоту (Od. XXII, 153; II. XXIII, 586);

- соблюдение договорных обязательств (II. VII, 347)<sup>2</sup>;

- соблюдение законов проксении (Od. XX, 131, Od. VIII, 546–548; Od. IV, 32; IX, 350; XIX, 326)<sup>3</sup>;

- честность<sup>4</sup> (II. XXIII, 440, Od. III, 20; III, 328);

- верность (Od. XX, 228; Od. XXI, 102).

Таким образом, характеристика *πεινυμένως* в гомеровских поэмах безусловно содержит весомый этический компонент. Основной семантической доминантой этой лексемы является соблюдение данных свыше статусных полномочий, и все перечисленные качества и аспекты поведения выступают как

<sup>1</sup> Заметим также, что в «Илиаде» лексема *πεινυμένως* употребляется 14 раз, в «Одиссее» – 70 и 43 из них как эпитет Телемаха, почти всегда контекстуально обусловленный.

<sup>2</sup> Антенор, предлагающий выдать Елену, назван разумным (*πεινυμένως* II. VII, 347), Пандар же, поправший священные клятвы, напротив, – неразумным (*ἀφρών*, II. IV, 104).

<sup>3</sup> Примечательно, что связь разумности и гостеприимства катафатически указана лишь однажды (Od. XVIII, 227), в остальных пассажах она выражена через отрицание (ср. Лосев 1996: 100).

<sup>4</sup> В «Одиссее» моральная оценка обмана зависит от того, насколько обман отражается на интересах субъекта высказывания (Od. XIX, 203; XIV, 125; IX, 141; XIV, 288 и т. д.).

частный случай понимания персонажем своих прав и возможностей. Указанные характеристики в гомеровском тексте можно с полным основанием признать собственно оценочными предикатами<sup>5</sup>, поскольку дескриптивное значение «разумно» / «неразумно» во всех без исключения контекстах совпадает с оценочным «хорошо» / «плохо».

ЛИТЕРАТУРА

Доддс 2000 – Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб.

Лосев 1996 – Лосев. А. Ф. Гомер. М.

Long 1970 – Long A. Morals and values in Homer // The Journal of Hellenic Studies. Vol. 90.

---

<sup>5</sup> Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 218.



Б. Б. Ходорковская

### Каузативные конструкции в латинском языке

В латинском языке нет грамматического правила образования каузативных глаголов, как в древнеиндийском языке с помощью определенного суффикса или как во французском языке с помощью глагола *faire*, в английском языке глагола *make*, но используются синтаксические каузативные конструкции. Есть несколько типов таких конструкций, общим для них является наличие переходного глагола, в семантике которого есть сема каузации, например, обучать (= заставить кого-то знать что-то), просить (= вынуждать кого-то сделать что-то). Это биакузативные конструкции.

Субъект в такой конструкции является каузатором, который понуждает реального субъекта выполнить некое действие, например, Sall. Cat. 16, 1 (*Catilina*) *iuventutem ... multis modis mala facinora edocebat*. – «Катилина многими способами обучал юношей преступлениям». В конструкции два объекта: один выражен одушевленным существительным (обучал кого), другой – неодушевленным существительным (обучал чему).

Другой тип каузативной конструкции, в которую входят глаголы *посылать*, *назначать*, *выбирать* и др., характеризуется тем, что оба объекта выражены одушевленными существительными, причем кореферентными. Caes. B. G. I, 7, 3 (*Helvetii*) *legatos ad eum mittunt nobilissimos civitatis*. – «Гельветы посылают к нему послами знатнейших граждан». В этом предложении отражены две ситуации: каузирующая ситуация (гельветы посылают знатнейших), в которой субъект агентивный, а объект – пациенс, и каузируемая (знатнейшие являются послами), в которой объект действия в первой ситуации становится субъектом.

Третий тип – пермиссивный каузатив.

### Типы предложения. Иллокутивные функции

Типы предложения зависят от коммуникативной направленности высказывания или, иначе говоря, от иллокутивной функции: утверждает ли что-то говорящий, или задает вопрос, или обещает. Разные типы предложения – утвердительное, вопроси-

тельное, императивное или восклицательное – определяются иллокутивной целью говорящего. Пинкстер 1988: 286 дает простейшие примеры таких предложений: (1) *tu hoc facies* «ты будешь это делать» – утвердительное предложение; (2) *tune hoc facies?* – «Будешь ли ты это делать?» – вопросительное; (3) *hoc fac!* – «Делай это!» – восклицательное предложение. С разными типами предложений связаны определенные наклонения. Так, императив употребляется в предложении при выражении требования или приказа. Утвердительные и вопросительные предложения различаются интонацией, и наличием (или отсутствием) вопросительных частиц или вопросительных местоимений.

### Утвердительные предложения

Утвердительное предложение представляет собой сообщение говорящего и имеет асертивную иллокутивную функцию. Предикат утвердительного предложения имеет чаще всего форму индикатива, тем самым говорящий показывает, что считает свое сообщение истинным и фактивным. Вот как начинают свое повествование некоторые из римских писателей: Гай Саллюстий Крисп «Заговор Катилины»: *Omnis homines, qui sese student praestare ceteris animalibus, summa ope niti decet, ne vitam silentio transeant veluti pecora...* – «Всеим людям, которые стремятся отличаться от животных, следует всячески стараться не прожить жизнь в молчании как скотина...». Публий Корнелий Тацит «Анналы» I, 1 *Urbem Romam a principio reges habuere; libertatem et consulatum L. Brutus instituit.* – «Городом Римом с самого начала правили цари; свободу и консулат установил Л. Брут». Марк Туллий Цицерон «Катон Старший о старости», обращается к своему другу Титу Помпонию Аттику: *Novi enim moderationem animi tui et aequitatem teque non cognomen solum Athenis deportasse, sed humanitatem et prudentiam intellego.* – «Ведь я знаю твою умеренность и уравновешенность и понимаю, что ты привез из Афин не только свое прозвище, но и просвещенность и благоразумие».

В качестве предиката утвердительного предложения может употребляться глагол с неопределенно-личным значением: Tac. Ann. I, 33, 1 *Interea Germanico per Gallias ... census accipienti excessisse Augustum adfertur.* «Между тем Германику, производящему ценз в Галлии, сообщают о смерти Августа».

Конъюнктив в утвердительном предложении может указывать, что говорящий делает свое сообщение с большей осторожностью. Cic. Cato 88 *Est, ut dicis, Cato; sed fortasse dixerit*

*quispiam tibi propter opes et copias et dignitatem tuam tolerabiliorem senectutem videri...* «Это верно, Катон, но, быть может, кто-нибудь мог бы сказать, что тебе благодаря твоей влиятельности, богатству и высокому положению старость кажется более сносной». Осторожность и деликатность высказывания одного из участников беседы выражается использованием формы конъюнктива *dixerit* и наречия *fortasse*. Но конъюнктив в утвердительном предложении может выражать также неуверенность говорящего в оценке ситуации: Verg. Aen. I, 218 *spemque metumque inter dubii, seu vivere credant, sive extrema pati* – «Между надеждой и страхом колеблясь, то верят, что живы, то, что извели гибель».

### Вопросительные предложения

Вопрос чаще всего отражает просьбу говорящего сообщить ему что-то, дать ему необходимые сведения. Это могут быть вопросы о ситуации в целом или о деятеле, о месте и времени действия, о цели действия и т. д. Это особый тип предложения с иллюкутивной функцией вопроса о нужной информации. Формальные средства, с помощью которых выражаются вопросы, – это различные вопросительные частицы и вопросительные местоименные слова. В классической латыни общей вопросительной частицей служит энклитическая частица *-ne* ‘ли’: Verg. Aen. I 37 *Iuno haec secum: mene incepto desistere ...?* – «Юнона так про себя: «Мне ли, начавшей, уступить..?». Для вопросов, на которые ожидается утвердительный ответ, употребляется частица *nonne* ‘разве не’: Cic. Cato 52 *Malleoli, plantae ...nonne efficiunt, ut quemvis cum admiratione delectent?* – «Разве черенки, ростки ... не радуют и не изумляют каждого?». Вопросы, когда ожидается ответ отрицательный, вводятся вопросительной частицей *num* ‘разве’: Cic. Cat. I, 13 *Num dubitas id ... facere?* – «Разве ты сомневаешься делать это?» Эти частицы оформляют вопросительное предложение в целом. Вопросительные же местоименные слова выделяют то слово, которое называет предмет вопроса: *quis* ‘кто?’, *quid* ‘что?’, *cur* ‘почему?’ и т. д.

В предложении с прямым вопросом предикат обычно имеет форму индикатива. Вот, например, вопросы Венеры к Энею: Verg. Aen. I, 369 *sed vos qui tandem, quibus aut venistis ab oris, quove tenetis iter?* – «Но кто вы, с каких берегов вы явились, держите путь вы куда?» (перевод В. Брюсова). Но если с вопросом связано также сомнение говорящего в выполнимости действия, то в вопросительном предложении предикат имеет

форму конъюнктива: Cic. Pro S. Roscio Amerino 29 *quod aut a quibus auxilium petam? deorumne immortalium, populine Romani, vestramne fidem implorem?* – «Что или от кого мог бы я просить помощь? – от бессмертных богов, римского ли народа, молить ли о вашей доверии?». Hor. Carm. I, 2, 25 *Quem vocet divum populus ruentis / imperi rebus?* – «Кого из богов призовет (= может призвать) народ, когда рушится империя?».

В форме вопросительного предложения может быть выражен вопрос говорящего к самому себе, нередко связанный с его смятением. Cic. Att. 7, 23, 1 *Sed quid faciamus? Victi, oppressi, capti plane sumus.* – «Но что нам делать? Мы побеждены, придавлены, захвачены».

В. Л. Цымбурский

**Работа Г. Рикса «Rätisch und Etruskisch» и проблемы пассивной конструкции в тирренских языках**

1. Одним из крупнейших событий в этрускологии рубежа XX–XXI вв. – наряду с открытием большой этрусской надписи из Кортонны – стал выход работы (к сожалению, ныне уже покойного) Г. Рикса «Rätisch und Etruskisch» (Rix 1998), опирающейся на новейшее издание ретийских надписей, подготовленное С. Шумахером (Schumacher 1992).

2. Предложенное еще в 1930-х гг. Р. Турнейзенем сопоставление ретийских написаний *zinake*, *zinaχe*, *tiναχe* с этрусской глагольной формой *zinace* (*zinake*, *zinece*) ‘изготовил, произвел’ (Thurneysen 1933), Рикс дополнил множеством других наблюдений над грамматикой и лексикой ретийских votivov и надписей обладания. В результате этот язык, засвидетельствованный в V–I вв. до н. э. на пространстве между Падуей и Инсбруком, с определенностью квалифицируется как третий известный на сегодня член той же языковой семьи, к которой принадлежат этрусский и язык Лемносской стелы. Сравнение ретийских форм с этрусскими и лемносскими позволяет реконструировать ряд важнейших подструктур общетирренской (пратирренской) языковой системы<sup>1</sup>.

3. Во-первых, во всех трех языках прослеживаются два именных склонения, противопоставляющих номинатив с нулевым окончанием косвенным падежам, в образовании которых используются консонантные элементы *-s* (I склонение) и *-l* (II склонение). В частности, в лемносском и ретийском наглядно представлен падеж, соответствующий этрусскому «дативу» (или, по Риксу, «пертинентиву») и характеризующийся окончаниями *-si* и

---

<sup>1</sup> Этрусские надписи цитируются по изданию (Rix 1991). Большие буквы в цитируемых тирренских памятниках как средства выделения личных имен (когда таковые распознаются достаточно уверенно) расставлены мною для удобства анализа. Курсивом в квадратных скобках выделяются чтения, предложенные Риксом в 1998 г. по согласованию с Шумахером (Rix 1998: 8–9). Для ретийских денальных я принимаю транслитерацию Рикса – <θ> и <t> – вместо шумахеровской <t<sup>1</sup>><t<sup>2</sup>>.

-(a)le, ср. зафиксированные в этом падеже антропонимические двучлены у этрусков, лемносских тирренов и ретов: этр. Larθuzale Kuleniiesi «Лартуцу (или «Лартуцем») Куление» (Fs 6.1); Larθiale Hulxniesi «Ларту (или «Лартом») Хулхние» (Ta 6.2); лемн. Holaiesi Фокiasiale «Гилею (=Ὶλαῖος) Фокейскому»; рет. Laspasi ... Pitamnu[ale] «Ласпой ... сыном Питаме» (WE-3), Фелуриес Фелвиуале «Фелурие, сыном Фелви» (NO-3) (Rix 1998: 22–24, 36).

4. Во-вторых, в ретийском, как и в этрусском, отмечается генетив I склонения с окончанием -s, ср. этрусские формы личных имен: ном. Aule: ген. Aules, ном. Ramθa: ген. Ramθas (множество фиксаций) – и ретийские Lavise: Lavises в односложных надписях обладания (VN-9; WE-I), сюда же, возможно, лемн. Holaiesi. Констатируя отсутствие в ретийских надписях параллелей к этрусскому (и лемносскому) генетиву II склонения на -(a)l, (ср. этр. Aranθ(i)al, Larθ(i)al, Larisal, родительные падежи от личных имен Aranθ, Larθ, Laris, также atial от ati ‘мать’, puial от puia ‘жена’ и т. д.; в лемносском форма vanalasiā, похоже, также представляет родительный падеж личного имени), Рикс обратил внимание на ретийское падежное окончание -a, также способное маркировать в предложении косвенный объект, как и окончание -s: ср. SE-0I a-b Velxanu Lupnu pithave Kusenkus θrinaxe «Велхану, сын Лупе, *питуаве* Кусенку преподнес», но MA-11 [... E]stuva tinaxe «(X) посвятил Эсту», где в последнем случае имя «Эсту» также выступает обозначением адресата (бенефициента), как в первом случае имя «Кусенку»<sup>2</sup>. По догадке ученого, это -a представляет точно такую же реализацию морфемы -al, какую видим и в языке архаической Этрурии VII–VI вв. до н. э., где при дативах личных имен Aranθiale, Larθiale, Larisale налицо генетивы Aranθia, Larθia, Larisa (с 500 г. до н. э. этрусские надписи начинают восстанавливать -l в этих окончаниях) (Rix 1998: 28–29)<sup>3</sup>. Таким образом, для пратир-

<sup>2</sup> К возможным версиям толкования этих вотивов см. п. 16.

<sup>3</sup> Ср. с этим архаическим вариантом этрусского II склонения восстанавливаемое Риксом словоизменение ретийских мужских патронимов, оформляемых суффиксом -ni: номинатив Фотиχину, Канисну Susinu (NO-11, MA-18, MA-19); генетив Тукинуа, Телпакинуа (NO-1, MA-13); «датив» Питамну[ale], Фелвиуале (WE-3, NO-3) (Rix 1998: 13, 19, 22–23, 28–29).

ренского по показаниям трех его языков-потомков реконструируются окончания косвенных падежей – генетива (\*-s, \*-al) и «дativa»<sup>4</sup> (\*-si, \*-(a)le).

5. В-третьих, как этрусский, так и ретийский обнаруживают устойчивую синтагматическую связь «дативов» на *-si* / *-(a)le* с пассивными глагольными предикатами, имеющими окончания *-u/-ku*: см. в этрусском (примеры т. н. «говорящих» надписей от лица одушевляемого предмета) Fs 6.I. mi zinaku Larθuzale Kuleniiesi «я сделан Лартуцем (или «для Лартуца») Куление»; Cr 3.7 mi Spuriei si Teiθurnasi aliq «я поднесен Спурием Тейтурной» (или «Спурию Тейтурне»); AT 3.I mi mulu Kaviiesi «я подарен Кавием (или «Кавию»); в ретийском SZ-14 Φelipuriesi eluku Slepile «пожертвовано Фелипурием Слепи»; WE-3 Laspasi eluku Pitamnu[ale] «пожертвовано Ласпой, сыном Питаме»; NO-3 Φeluriesi Φelvinuale [uφi]ku «посвящено (??) Фелурием, сыном Фелви» (Rix 1998: 23–24). Это тот случай, когда уже можно говорить об общетирренской морфосинтаксической конструкции.

6. Наконец, в-четвертых, и этрусский, и ретийский противопоставляют формы активного претерита с показателем *-ke* пассивным предикатам на *-ku*. В этрусском рядом с приведенными только что предложениями, строящимися вокруг предикатов aliq ‘принесен, -o’, zinaku ‘сделан, -o’, видим случаи таких «говорящих надписей», как Vc 2.28 mini alicе Velθur «меня принес Велтур»; Cr 5.I mini zineke Kavie «меня сделал Кавий»; Cr 6.2 mini zinece Aranθ Arunzina mlaxu mlakasi «меня сделал Арант Арунцина как благое для благого»<sup>5</sup>. В ретийском пассивная конструкция – с ее предикатами eluku, utiku, upiku и т. п. – соседствует с активной, представленной в MA-9 Pithale Lemais zinake «Питале (для) Лемаи (адресат) поставил». К сожалению, ретийский не дает, как этрусский, примеров образования форм на *-ke* и *-ku* от одних и тех же основ. Однако этрусский параллелизм форм alicе ‘принес’: aliq ‘принесено’, zinace ‘сделал’: zinaku ‘сделано’ позволяет предполагать и для ретийского активные претериты вроде \*eluke, \*utike, \*upike и, в

<sup>4</sup> Это обозначение очень условно, поскольку в ретийском не известно ни одного случая, где этот падеж однозначно выступал бы как падеж косвенного объекта; при глаголах в активном залоге такую функцию неизменно выполняет генетив, см. примеры в пп. 6, 15.

<sup>5</sup> К истолкованию этрусских формул mlax mlakas ‘благое (от) благого’, mlax(u) mlakasi ‘благое благому’ см. Agostiniani 1981.

конечном счете, восстанавливать общетирренскую модель – порождение пассива на *-ku* от активного прошедшего времени на *-ke* посредством того же древнего медиопассивного форманта *-u*, что представлен в этр. *mulu* ‘подарен, -о’ (Rix 1998: 40–41).

7. При скудости наличных лексических параллелей между тирренскими языками, во многом обусловленной особенностями источников<sup>6</sup>, именно морфологические и морфосинтаксические сопоставления сегодня закладывают основную базу пратирренской реконструкции, – проливая при этом дополнительный свет на ряд, казалось бы, «внутренних» проблем этрусского языкознания.

8. Так, проработанный Риксом материал, думается, должен быть учтен в дпящемся уже 40 лет большом споре этрускологов о функциях «датива» на *-si* / *-(a)le* в рамках пассивной глагольной конструкции. Само имя «датива» этот падеж обрел потому, что служит нормальным выразителем косвенного объекта (адресата) при некоторых активных глагольных формах, – таких как *mul(u)vanice* (*mulvenice*, *mulvenese*) «подарил» или *alice* «принес», см. надписи архаической эпохи Cr 3.15 *mini Spuriazā [...]*rnas *mulvanice* *Alsaianasi* «меня Спуриаца [...]рна подарил Алсаяне»; Cr 3.20 *mi Aranθ Ramuθasi* *Veθtiricinala mulvanice* «я (скорее, чем «меня»), Арант, подарил Рамуте Вестирикина»<sup>7</sup>; Ve 3.I *mi Atianaia Aχapri* *alice Venelisi* «я (вряд ли «меня»), Атианая Ахапри, поднес Венелу». Однако следует отметить, что, скажем, глагол *turuce* (*turce*, *turice*) ‘дарить богу’, уже в архаический период выступавший частичным синонимом к *mulvanice*, требует себе в качестве косвенного дополнения не «датива», а генетива с его окончаниями *-s* / *-(a)l* ; ср. Та 3.6 *cn turce* *Murila*

<sup>6</sup> Однако отсюда вовсе не следует невозможность интересных находок в сфере изучения тирренского словаря – см. хотя бы обсуждаемую Риксом смысловую эволюцию тирренской основы \**zina-*, – видимо, значившей в праязыке что-то наподобие ‘ставить’ и получающей в этрусском смысл ‘делать, изготавливать’, а в ретийском ‘ставить богу’ > ‘посвящать’ (Rix 1998: 44).

<sup>7</sup> Крайне редкий вариант окончания датива II склонения *-(a)la* встречается также еще в одной архаической надписи Ve 3.5 *mini mulvanice* *Mamarce Arupie Venala* «меня подарил Мамарк Апуние [богине] Вене» и в литературе рассматривается как специфически «женский» формант, флективно объединяющий категории падежа и рода (de Simone 1970: 118–120).



Hercnas  $\Theta ufl\theta as$  cver «это подарил Мурила Херкна [богам] Туфлта в дар»; Та 3.9 esn turce Lar $\theta i$  Levanei alpnu Selvansl «это подарила Ларти Леваней охотно (?) Селвансу...» Со 3.3 V. Cuinti Arntias Culsansl alpan turce «Вел Квинти, сын Арнтии, Кулсану охотно (?) подарил» и т. д. Отсюда видно, что при активном глагольном предикате адресат может выражаться разными падежами, в зависимости от управления, присущего тому или иному конкретному глаголу. С другой стороны, в рамках конструкции с опущенным глаголом как агенс (даритель), так и адресат дара могут одинаково выражаться генетивом, различаясь местом в предложении: AS 4.2 Temre $\theta$  alpan Tina $\theta$  «[от] Темре с охотой [для] Тина [громовержца]». Таким образом, этрусский «датив» вовсе не является ни единственным, ни привилегированным падежом адресата.

9. Упомянутый большой спор среди этрускологов возник после того, как к началу 1970-х ряд этрусских глагольных форм, в том числе и рассмотренные выше *aliqu*, *zinaku*, *mulu*, были распознаны в качестве форм пассива<sup>8</sup>. Вопрос состоял в том, каким образом могут соотноситься номинатив агенса и «датив» адресата при активных формах вроде *muluvanice* или *alice* и «датив» пассивных конструкций типа *mi mulu Kaviiēsi*, *mi zinaku Lar $\theta$ uzale Kuleniēsi* или *mi Spurieiēsi Tei $\theta$ urnasi aliqu*. Часть исследователей полагала, что «датив» в последних случаях (и вообще, при глаголе в пассивном залоге) сохраняет то же значение адресата (de Simone 1970: 136, Cristofani 1973: 189, Cristofani 1973a: 75–76). Тогда указанные конструкции следовало бы переводить «Я подарен Кавию», «Я сделан для Лартуца Куление», «Я поднесен Спурию Тейтурне», считая, что из их падежной рамки устранен агенс (обозначение изготовителя или дарителя). Другие же допускали, что будто бы в пассивном залоге именно «датив» может принимать на себя выражение агенса (Colonna 1975: 166–171; Pallottino 1978: 462–463; Agostiniani 1982: 209–220). И стало быть, перевод должен выглядеть так: «Я подарен Кавием», «Я сделан Лартуцем Куление», «Я поднесен Спурием Тейтурной».

10. По-новому зазвучал этот спор после того, как в поле внимания ученых попали очень редкие, но весьма показательные

<sup>8</sup> Самая ранняя публикация на эту тему – по видимому, de Simone 1970, где содержится ссылка на более раннее устное сообщение Рикса о наличии пассива в этрусском языке.

надписи, где падежная рамка предиката на *-u/-ku* включает три падежа, из которых одним, номинативом, выражается пациенс (объект действия), а два других – генетив и «датив» – должны как-то распределять между собою роли агенса и адресата. Такова, прежде всего, открытая в середине 1990-х (Studi Etruschi 60, 1995: 247–248; de Simone 1998) южноэтрусская надпись на фибуле VI в. до н. э. *mi mulu Araθiale θanaxvilus Prasanaia*, где противопоставлены «датив» мужского имени *Ara(n)θ* и генетив женского имени *θanaxvil Prasanaia* (конечное *-a* в *Prasanaia* представляет уже обсуждавшееся архаическое отражение генетива на *-al*). Эта надпись с ее прозрачной семантикой продемонстрировала точно такую же падежную рамку предиката на *-u*, что и давно известная «глокая куздра» этрускологии Та 3.I *mi Velevθus kacriqu Numesiesi putes*, в которой пассивная глагольная форма с неясным значением *kacriqu* при субъекте *putes*, термине для «сосуда», сопровождается также двумя именами – одним в генетиве (*Velevθus*), другим в «дативе» (*Numesiesi*). Среди этрускологов нет сомнений, что в обеих этих надписях мы имеем дело с различием агенса (дарителя, производителя и т. п.) и адресата, проблема лишь в том, каким падежом представлена каждая из двух ролей. Надо сказать, что попытка Рикса обойти эту проблему, расценив падеж на *-si/-(a)le* как производный от генетива функционально диффузный «пертинентив», способный в зависимости от житейского контекста нести самые разные смыслы (агенс, адресат, обладатель и т. д.) (Rix 1998: 26), оказывается столь же контрпродуктивной, как и давняя трактовка А.-Й. Пфиффига, видевшего в этом падеже некий свободный, «эмфатический» вариант генетива на *-s/-(a)l* (Pfiffig 1969: 87–91; Pfiffig 1975: 410–438).

Дело не в том, что на какой-то реконструктивной глубине оба падежа могут восходить к одному источнику – пратирренскому общекосвенному падежу в двух его аллоформах *\*-s* и *\*-l*. Для большинства этрускологов важнее другое: в письменных источниках эти два падежа четко выступают при пассивной форме глагола носителями противопоставленных синтаксических функций, – но при этом мы не в состоянии решить, Арант ли подарил фибулу Танахвили Прасана или, наоборот, он сам получил от нее этот дар. Остается лишь сожалеть, что пока у нас нет ни одного контекста-вотива, где в подобных условиях в одном из этих двух падежей стояло бы имя дарителя, а в другом – теоним (список которых для Этрурии хорошо известен). Тогда спор был бы разрешен сразу (кажется, в истории еще не было примера

надписи, где некий бог сам возвещал бы о подарке, дружески вручаемом человеку).

11. Пока что ретийские свидетельства вносят в эту дискуссию один важный момент. Среди них мы видим примеры надписей из святилищ, где падежная рамка при «глаголах пожертвования» в пассиве на *-ku* сводится к одному падежу на *-si/(a)le*, причем этим падежом оформлено имя дарителя – то есть агенс: *Laspasi eluku Pitamnu[ale]* «пожертвовано Ласпой, сыном Питаме», *Φeluriesi Φelvinuale [uφi]ku* «посвящено Фелурием, сыном Фелви». Если бы можно было экстраполировать ретийскую ситуацию на Этрурию, мы получили бы серьезный довод в пользу версии Дж. Колонны и М. Паллоттино, полагающих в «дательном» пассивных конструкций падеж агенса, – трансформ номинатива как падежа субъекта при активных переходных глаголах.

12. Очень интересно дело обстоит в тех случаях, когда ретийские вотивы стремятся при глаголах в пассивном залоге поименовать и даримый объект, и дарителя, и получателя. При этом обнаруживается весьма своеобразный прием: из двух актантов, каковы агенс и адресат, один оформляется падежом на *-si/(a)le*, а второй стоит в генетиве, но вводится не как часть падежной рамки глагола, а как определение при имени со значением «дар, приношение», которое появляется на правах приложения к названию приносимого предмета. Таковы надписи *BZ-4 peva Šniχesi upiku Tiutis aχvil ipi perisnati* «нева от Шнихе (или – «для Шнихе») поднесена (?) как дар для Тиути (или – «от Тиути»)»; *PA-I Etsuale utiku kaian nakin(a) ataris akvil* «каян/накин посвящен (?) от Этсу (или «для Этсу») как дар для Атари (или «от Атари»)»<sup>9</sup>; *BZ-3 paniun Vaśanuale upiku Perunies sχaispala* «паниун от Вашану (или «для Вашану») поднесен (?) как жертвование Перунию (или – «от Перуния»)» (Rix 1998: 31–33).

13. Открытие в ретийском слова *aχvil*, вар. *akvil* ‘дар’ с предпосылаемыми ему определениями в генетиве – по верному замечанию Рикса, именами приносителей или получателей даров – стало настоящим *подарком* всем этрускологам. Перед ними предстала в самостоятельном употреблении лексема, которая у самих этрусков сохранилась лишь в составе теофорного греческого имени *Θαναχvil* (*Θanuχvil*, *Θancvil* и т. д.) < \*Θана-

<sup>9</sup> Там же у Рикса см. о возможности в PA-I именной формы *Nakinataris*.

ax<sup>v</sup>il «дар для (или – «от») богини Таны», а также в апеллативе-комposite tinscvil «подношение, жертва» (Vs 4.10-4.14) < \*Tinas-ax<sup>v</sup>il «дар [громовержцу] Тину». По способу образования пратир. \*ax<sup>v</sup>il должно было входить в одну группу с такими архаичными (возможно, отглагольными) существительными в этрусском как acil «изделие, opus», avil «год», ril «возраст» (см. об этих словах Durante 1973).

14. К сожалению, конкретные функции имен, стоящих во всех этих случаях в падеже на *-si/(a)le*, и тех, которые выступают в генетиве при axvil/akvil и его субституте s<sup>h</sup>aispala, остаются непроясненными, хотя в отличие от положения дел в Этрурии, выглядит практически достоверным, что какая-то одна ретийская форма из каждой пары Vaśanuale: Perunies, Śniχesi: Tiutis, Etsuale: [...]ataris должна быть антропонимом, а другая – теонимом. Однако при нынешнем уровне знаний о культуре ретов мы часто не в состоянии различить в ономастиконе эти виды личных имен. Проблема осложняется и тем, что некоторые из ретийских имен, похоже, могут как выступать в антропонимическом качестве, так и служить именами или эпитетами божеств. Напримар, в надписи MA-11 [...]E]stuva tinaχe генетив [...]E]stuva выглядит падежом адресата при глаголе жертвования, что побуждает усматривать в этом имени теоним. Но в MA-13 словосочетание Esstua Telpakinua (по-видимому, формула обладания в генетиве на *-a*) построено так, как у ретов нормально строятся имена мужчин с патронимами, оформляемыми посредством суффикса *-nu*: ср. MA-12 Knuse Susinu «Кнусе, сын Суси», MA-19 Laste Φutiχinu «Ласте, сын Футихи», WE-3 Laspasi Pitamnu[ale] «Ласпой ... сыном Питаме» и т. д. (Rix 1998: 18–19)<sup>10</sup>. Поэтому невозможно априорно решить, к человеку или к богу относится Etsuale в PA-I.

15. В настоящее время при интерпретации развернутых ретийских вотивов приходится довольствоваться соображениями формальными, проистекающими именно из того обстоятельства,

<sup>10</sup> Точно так же оформляются патронимы, относящиеся к группе лиц, из которых хотя бы один мужчина: SZ-2 Φrima Remiχ Vispeχanu «Фрима и Реми, дети Виспехи», SZ-1 Laspa Φ[i]rima...Śiχanu «Ласпа (и) Фрима, дети Шихи». Относясь к женщинам, патронимы получают огласовку *-na*: SR-5 [Φ]rima Pitamna «Фрима, дочь Питаме» (Rix 1998, там же, со ссылкой на сообщение Шумахера), ср. CE-01 с Φelna Vinutalina «Фелна, дочь Винутали».

что ретийский, как и этрусский, различает агенс и адресат при помощи оппозиции формы генетива и формы падежа на *-si/(a)le*, однако преподносит генетив как падеж приименного определения. При этом развернутая конструкция типа *peva Śniχesi upiku Tiutis aχvil* оказывается как бы склеена из двух простых конструкций, глагольной и именной (*peva*) *Śniχesi upiku* + (*peva*) *Tiutis aχvil*, где первая передает нечто совершившееся с объектом, а вторая, по-видимому, характеризует отношение объекта к некоему лицу. Но поскольку простейшая конструкция (*peva*) *Śniχesi upiku*, входящая в «склею», формально (если абстрагироваться от выражения в ней также и объекта-пациенса) аналогична конструкции *Laspasi eluku Pitamnu[ale]*, то выглядит правдоподобно, что и в первой, и во второй падеж на *-si/(a)le* осуществляет одну и ту же функцию, а именно функцию агенса.

16. До сих пор я не касался тех присутствующих в этрусском типов пассивной или медиопассивной конструкций предложения, которые пока что не нашли соответствия в ретийском материале. Однако при обсуждении проблем этрусского пассива они имеют не меньше значения, чем тип с предикатом на *-u/-ku*. Это:

I) Разные варианты структуры предложения с пассивным претеритом, оформленным морфемой *-χε*. В том числе различаются конструкции

Ia) с одним актантом-объектом действия (пациентом) *Pe 8.4 [...]ix sa seχa ziχiχe* «как это выше написано»;

Ib) с двумя актантами – объектом в номинативе и агенсом или адресатом в «дативе»: *AN 3.4 mi Titasi sver menaχe* «Я Титу (или «Титом») посвящен (?)» (ср. в активе *Ro 6.1 Metru menese* «Метру посвятил (?)»); *Fa 6.3 mi Araθial ziχiχe* «я надписан Ара(н)том» (или «Ара(н)ту»); ясно, что эта конструкция представляет точный аналог к типу *mi mulu Kaviiesi* и создает те же проблемы;

Ic) с набором актантов «агенс-адресат», где оба одинаково выражены генетивами, как в безглагольном предложении *Temreś alpan Tinaś* и так же различаются местами в предложении: *Co 3.6 Veliaś Fanacnal θuflθaś alpan menaχe clen seχa* «Велией Фанакней божествам Туфлта охотно посвящено за сына...» (этр. *clen seχa* = лат. *pro filio*).

Id) скорее медиальная, чем пассивная конструкция с глаголом *farθnaχe* ‘родился, -ась’, где имена обоих родителей ставятся в т. н. аблативе (о способах его образования см. *Agostiniani 1982: 211–213; Rix 1984*), например, *Vc I.92a) θanχvil Tarnai an*

farθnaχe Marces Tarnes Ramθes-c Xaireals, b) Larθ Tetnies an farθnaχe Arnθeals Tetnis Ramθes-c Viśnaiaialś «Танахвил Тарнай, которая родилась от Марка Тарны и от Рамты Хайри; Ларт Тетние, который родился от Аранта Тетние и от Рамты Виснай».

II) Отмеченная еще Пфиффигом (Pffiffig 1969: 149) конструкция с медионассивной глагольной формой, характеризующейся суффиксом *-(i)n-* и способной конкретизироваться как в медиальном, так и собственно в пассивном значении, получая при этом различные падежные рамки: ср. употребление формы *ceŕine* 'встал; поставлен' в LL VII, 12 *enac usil cerine* «когда солнце встало», но Vc I.8 *eca śuθi-c Velus Ezpus clensi cerine* «это (имеется в виду стела с надписью) и гробница (для) Вела Эцпу (или «Велом Эцпу») сыном (или «сыну») поставлены». – Последняя надпись представляет пассивный трансформ обычного в этрусских эпитафиях оборота *X (an) cn śuθi ceŕiχunse* «X (который) эту гробницу поставил» (Cf 5.2, 5.3, Та 1.153, Ru 5.1). Она столь же наглядно указывает на распределение глубинных актанта между генетивом и «дативом», как и пассаж *mi mulu Aŕaθiale θanaχvilus*, и так же ставит исследователей в положение Буриданова осла между двумя интерпретациями, – то ли Вел Эцпу соорудил гробницу сыну, то ли, наоборот, сын Вела почтил этим сооружением своего родителя.

17. В ретийском не видно аналогов ни этрусскому аблативу, ни медио-пассивному оформлению глагольной основы суффиксом *-(i)n-*. Что же касается известного этому языку глагольного окончания *-χe*, то в дошедших надписях оно чередуется с окончанием *-ce* при активных формах глаголов и показателем пассива быть никак не может. Рикс полагает ретийское *-χe* просто спирантизованным вариантом морфемы *-ce* (Rix 1998: 55). Правда, сама скудость наших знаний о ретийском не позволяет исключить для *-χe* разных возможностей категориальной нагрузки. Например, во всех случаях, где появляется это окончание, мы видим в подлежащем либо имена группы людей (SZ-I *Laspa Φirima zinaχe ... Śicanu* «Ласпа (и) Фрима, дети Шики... поставили»), либо две словоформы, которые могут расцениваться то ли как двухчленное имя, то ли как сочетание двух имен: MA-8 *Reite Muiu zinaχe* «Рейте Мую поставил» или «Рейте (и) Мую поставили», CE-01 a-b *Velχanu Lupnu piθiave Kusenkus θrinaχe* «Велхану, сын Лупе *nutiave* Кусенку подарил» или «сын Велхи (и) сын Лупу *nutiave* Кусенку подарили», сюда же испорченная надпись MA-11 [...E]stuva tinaχe «X (или «X и Y») Эсту

(адресат) поставил(-и)». Пока что нельзя отклонить ни «семантизации» ретийского -хе в смысле форманта множественного числа, ни иных версий – например, выражения с его помощью категории лица (\* «мы, Ласпа (и) Фрима, поставили», \*«я, Рейте Мую, поставил») или диатезы типа греческого медиа (\*«Ласпа (и) Фрима для себя поставили»). Ясно лишь, что к проблемам этрусского и ретийского пассива оно ближайшего отношения не имеет.

18. Как бы то ни было, присутствие «датива» в падежной рамке пассивного глагола, а вместе с тем оппозиция генетива и «датива» внутри этой рамки как способ морфологического различения адресата и агенса выглядят тирренскими универсалиями, проявляющимися при самых разных пассивных и медиопассивных глагольных формах (на *-u/-ku*, на *-хе*, на *-in-e*). Вместе с тем заслуживает высокой оценки высказанная более трети века тому назад М. Кристофани прозорливая гипотеза о том, что генетив как падеж актанта (будь то агенса или адресата) при пассивном глаголе в этрусском происходит из генетива обладателя, иначе говоря – что оборот *mī Velēthūs kacriqu Numesies putes* порождается соединением простых структур *mī kacriqu Numesiesi* «я... Нумесием (или «Нумесию»)» и *mī Velēthūs putes* «я – сосуд Велелта» (Cristofani 1973: 187). В высказывании *esa šuθi-c Velus Ezpus clensi cerine* подобная двучленность проявляется с большей наглядностью: *esa šuθi-c Velus Ezpus* «это и гробница – Вела Эцпу» + *esa šuθi-c ... clensi cerine* «это и гробница поставлены сыном (или – «сыну»)». Но ретийские вотивы с терминами *akvīl* (akvīl) и *šχaispala* четко формируясь из двух синтагм, глагольной и именной, выглядят особенно замечательным подтверждением синтаксической реконструкции Кристофани, сегодня явно проецирующейся на общетирренский уровень. И в то же время деривационные отношения внутри ретийского синтаксиса, прочерченные выше в п. 15, дают новый аргумент в пользу отождествления этрусского «датива» при пассивном предикате с обозначением действующего (агенса), а не с адресатом.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Agostiniani 1981 – Agostiniani L. Duenom duenas: *καλος καλο*: *mlax mlakas* // *Studi Etruschi*, 49.  
 Agostiniani 1982 – Agostiniani L. Le «iscrizioni parlanti» dell' Italia antica. Firenze.  
 Colonna 1975 – Colonna G. A proposito dell' morfema etrusco *-si* // *Archaeologica. Scritti in onore di Aldo Neppi Modona*. Firenze.

- Cristofani 1973 – Cristofani M. Ancora sui morfemi etruschi -ke, khe // Studi Etruschi, 41.
- Cristofani 1973a – Cristofani M. Introduzione al lo studio dell' etrusco. Firenze.
- de Simone 1970 – de Simone C. I morfemi etruschi -ce (-ke) e -χe // Studi Etruschi, 38.
- de Simone 1998 – de Simone C. Etrusco *mi mulu Araθle θanaχvilus Prasanaia* // Studi Etruschi, 62 (1996).
- Durante 1973 – Durante M. Una sopravvivenza etrusca in latino // Studi Etruschi, 41.
- Pallottino 1978 – Pallottino M. La lingua degli Etruschi // Prosdocimi A.L. (ed.) Lingue e dialetti dell' Italia antica. Roma.
- Pfiffig 1969 – Pfiffig A.J. Die etruskische Sprache. Graz.
- Pfiffig 1975 – Pfiffig A.J. Stellung und Funktion der allomorphen Suffixe -s(i) und -(a/e) in etruskischen Kasus-system // Anzeiger der phil.-hist. kl. der Österreich. Akademie der Wissenschaften (1974).
- Rix 1984 – Rix H. La scrittura e la lingua // Cristofani M. (ed.) Gli Etruschi: una nuova immagine. Firenze.
- Rix 1991 – Rix H. Die etruskische Texte: Editio minor. Bd.I-II. Tübingen.
- Rix 1998 – Rix H. Rätisch und Etruskisch. Innsbruck (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft: Vorträge und kleinere Schriften; 68).
- Schumacher 1992 – Schumacher S. Die rätischen Inschriften: Geschichte und heutigen Stand der Forschung. Innsbruck. (= Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft: Sonderheft, 19).
- Thurneysen 1933 – Thurneysen R. Italisches: Die etruskischen Räter // Glotta. Bd. 21.



А. Б. Черняк

**«Путешествие Эгерии к святым местам» 5:  
глава 4-ая с комментарием**

Содержание: Эгерия уже поднялась на Синай, посещает пещеру, где скрывался пророк Илия, затем спускается вниз<sup>1</sup>.

IV. 1. Completo ergo omni desiderio, quo festinaueramus| ascendere, c<o>epimus iam et descendere ab ipsa summitate montis Dei, in qua<m> ascenderamus, in ali<um> monte<m>, qui ei periunctus est, qui locus appellatur in Choreb; ibi enim est ecclesia. 2. Nam hic est locus Choreb, ubi fuit sanctus Helias propheta, qua fugit a facie Achab regis, ubi ei locutus est Deus dicens: *Quid tu hic, Helias?*, sicut scriptum est in libris regnorum. Nam et spelunca, ubi latuit sanctus Helias, in hodie ibi ostenditur ante (h)ostium ecclesiae, qu<a>e ibi est; ostenditur

---

<sup>1</sup> См. предыдущую публикацию: «Путешествие Эгерии к святым местам» 3: Несколько слов о жанре текста // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том III, часть 1. Общее и германское языкознание. К 50-летию научной деятельности проф. В. М. Павлова. СПб.: Наука, 2007, 315–329. Исправленная версия этой статьи должна вскоре появиться в очередном томе Colloquia classica (Пут. 4). Принятые сокращения: V. Väänänen. Introduction au latin vulgaire. 3<sup>me</sup> éd. Paris 1981 (далее Introd.); V. Väänänen. Le journal-épître d'Égérie (*Itinerarium Egeriae*): Etude linguistique. Helsinki 1987 (далее Etude ling.); E. Löfstedt. Philologischer Kommentar zur «Peregrinatio Aetheriae». Untersuchungen zur Geschichte der lateinischen Sprache. Uppsala-Leipzig 1911 (далее Komm.); J. van Oorde. Lexicon Aetherianum. Amst. 1930 (далее Lex. Aeth.); J. B. Hofmann – A. Szantyr. Lateinische Syntax und Stilistik. München 1965 (далее Lat. Syntax); переводы: J. Wilkinson. Egeria's Travels. Newly translated etc. L. 1971 (1973) – далее Wilkinson; P. Maraval. Égérie. Journal de voyage. Paris 1982 (Sch = Sources chrétiennes 296 – далее Maraval); Egeria, Pellegrinaggio in Terra Santa, a cura di Nicoletta Natalucci. Bologna 1999 (1991) – далее Natal. и Egeria, Itinerarium = Reisebericht. Mit Auszügen aus Petrus Diaconus, De locis sanctis = Die heiligen Stätten, übersetzt und eingeleitet von Georg Röwekamp unter Mitarb. v. D. Tönnies. [Herder] (Fontes Christiani 20) Freiburg u.a. 1995 – далее Röwekamp – Tönnies.

10 etiam ibi altarium lapideum, quem posuit ipse sanctus Helias ad  
offerendum Deo, sicut et illi sancti singula nobis ostendere  
dignabantur. 3. Fecimus ergo et ibi oblationem et orationem  
impensissimam, et lectus est ipse locus de libro regnorum: id  
enim nobis uel maxime +ea desideraueram semper, ut,  
15 ubicumque uenissemus, semper ipse locus de libro legeretur.  
4. Facta ergo et ibi oblatione accessimus denuo ad alium locum  
non longe inde ostendentibus presbyteris uel monachis, id est ad  
eum locum, ubi steterat sanctus Aaron cum septuaginta  
senioribus, cum sanctus Moyses acciperet a Domino legem ad  
20 filios Israhel. In eo ergo loco, licet et tectum non sit, tamen |  
petra ingens est per girum, habens planitiem supra se, in qua  
stetisse dicuntur ipsi sancti; nam et in medio ibi quasi altarium  
de lapidibus factum habet. Lectus est ergo et ibi ipse locus de  
libro Moysi et dictus unus psalmus aptus loco: (h)ac sic facta  
25 oratione descendimus inde. 5. Ecce et coepit iam esse hora  
forsitan octaua, et adhuc nobis superabant milia tria, ut  
perexiremus montes ipsos, quos ingressi fueramur pridie sera;  
sed non ipsa parte exire habebamus, qua intraueramus, sicut  
superius dixi, quia necesse nos erat et loca omnia sancta  
30 ambulare et monasteria, quae cumque erant ibi, uidere et sic  
ad uallis illius, quam superius dixi, caput exire, id est huius  
uallis, quae subiacet monti Dei. 6. Propterea autem ad caput  
ipsius uallis exire nos necesse erat, quoniam ibi erant monasteria  
plurima sanctorum hominum et ecclesia in eo loco, ubi est  
35 rubus; qui rubus usque in hodie uiuet et mittet uirgulta(s). 7. Ac  
sic ergo perdescenso monte Dei peruenimus ad rubum hora  
forsitan decima. Hic <est> autem rubus, quem superius dixi, de  
quo locutus est Dominus Moysi in igne, qui est in eo loco, ubi  
monasteria sunt plurima et ecclesia in capite uallis ipsius. Ante  
40 ipsam autem ecclesiam hortus est gratissimus habens aquam  
optimam abundantem, in quo horto ipse rubus est. 8. Locus  
etiam ostenditur ibi iuxta, ubi stetit sanctus Moyses, quando ei  
dixit Deus: *Solue corrigiam calciamenti tui* et cetera. Et in eo  
ergo loco cum peruenissemus, hora decima erat iam, et ideo,  
45 quia iam sera erat, oblationem facere non potuimus. Sed facta  
est oratio in ecclesia nec non etiam et in horto ad rubum; lectus  
est etiam locus ipse de libro Moysi iuxta consuetudinem: et sic,  
quia sera erat, gustauimus nobis loco in horto ante rubum  
cum sanctis ipsis: ac sic ergo fecimus ibi mansionem. Et alia die  
50 maturius <e>uigilantes rogauimus presbyteros, ut et ibi fieret  
oblatio, sicut et facta est.

5(31) ad Gam. edd. aut A 8(48) loco Geyer locum A (50) <e>uigilantes scripsi

## КОММЕНТАРИЙ

IV, 1 (4) *periunctus* – усилительная приставка *per* очень популярна в поздней латыни, но данное слово – гапакс, см. выше, комм. к III,1 (1) *peruenientes*, а также Löfstedt, Komm. 124 ff., Väänänen, Etude ling. 149–150.

1 (7) *appellatur in Choreb* – Хороб/Ореб воспринимается как ветхозаветное имя горы Синай, ср. Ex. XVII,5 *stabo coram te super petram Choreb* (в греческом тексте, т. е. в Септуагинте ἐν Ἥωρηβ, но это лишь одна из возможных интерпретаций. Этимологии обоих слов не очень убедительны (разумеется не для меня лично, а для семитологов). Возможно, Синай означает «вершина», а Хороб – «пустыня», откуда предлог *in*. Первые насельники Синая (и, соответственно, их клиенты паломники) думали, что это две соседние горные вершины, пока бл. Иероним не объявил, что речь идет об одном и том же месте, см. Maraval 138–139 a.l.

2 (7–8) *in libro regnorum* – в I Reg. XIX, 8–13 алтарь не упоминается, но его видел и паломник из Пьяченцы, см. *Itin. Antonini Placentini* 38 (*Itinera Hierosolymitana*, CSEL 38), Vindobonae 1898, 159–218. *Regnorum* вместо *regum* это тоже традиция Септуагинты.

2 (10) *altarium lapideum, quem posuit* – Вянянен склоняется объяснять это нарушение как переход имен ср. р. в мужской, см. Etude ling. 22 и 53, п. 122, но это скорее распространение форм *qui, quem* на ж. и ср. род., см. *ibidem* 53, Introd. 125, § 285 (Pompéi 2188 *futuit quem uoluit*) и Komm. 131ff. Но число таких случаев в «Паломничестве» очень ограничено, см. Lex. Aeth. 164b, так что я вовсе не уверен, что их можно приписать самой Эгерии, тем более что *quae* и *qui* это всего лишь *ei/i*, а *quem/quam* и *quod* в рукописях иногда писались сокращенно.

3 (14) *+ea* – Текст явно испорчен. Гейер восстанавливает по X,7 *Hanc ergo consuetudinem iubente Deo semper tenuimus, ubicumque ad loca desiderata potuimus peruenire*, а именно: *Id enim nobis uel maxime <consuetudinis erat> semper, ut, ubicumque <ad ea loca, quae> desideraueram, uenissemus, semper etc.*, Röwekamp-Tönnies 134–135, A. 25.

4 (18) *Aaron* – Exod. XXIV, 9–12.

4 (20) *tectum non sit* – т. е. крыша над алтарем из камней отсутствовала.

4 (21) *petra ingens per girum* – все переводят прилагательным: «circulaire» (Maraval), «circolare» (Natalucci), «kreisrunder» (Röwekamp) и т. д. (ср. *rotundus* от *rota* > исп. *redondo*, фр. *rond* etc.), что по смыслу правильно, но *ingens per girum* дословно означает ‘огромный в (по) окружности’, ср. рум. *împrejur* ‘вокруг’ < *in+per+gyrum*. См. также комм. к II, 5 (23–24). Несколько странно, что этот камень не упоминается современными комментаторами.

4 (23–24) *et in medio quasi altarium de lapidibus factum habet* – Явно безлично, см. комм. к I,1(10) *habebat*.

5 (25) *hora...octaua* – два часа дня.

5 (26) *adhuc nobis superabant milia tria* – отметим здесь сразу два испанизма: *adhuc* = ст.-исп. *adú, ahú*, совр. исп. *aún* «aussi, même, encore, toutefois» и *superare* (ср. еще XXIX,2 *due* [sc. *septimanae*] *superant...*, *ut pascha sit* и XLVI,5 *superat illa una septimana paschalis*) в значении *superesse* = исп., порт. кат. *sobrar*, «être de reste» ‘оставаться, быть лишним’, см. *Etude ling.* 155, REW 8458 (любопытно здесь и рум. *a supăra* ‘сердить’ и фр. *soubrette*).

5 (29) *nesesse nos fuit* – совершенно непонятно, почему у Эгерии *nesesse* употребляется только с асс. (ср. IV, 6 (33) *nos nesesse erat* etc.) и никогда с dat. (см. *Lex. Aeth.*135), как в нормальной латыни, в русском *мне (нам) нужно* и в румынском. Лефстедт в *Komm.*133 ссылается на Мейстера (1908, 383), который указывает на отсутствие безударных форм дат. у личных местоимений 1 л. в западноевропейских романских языках. Вянянен обходит этот вопрос молчанием. На мой взгляд, это явление нужно связывать скорее с греческим, так как: 1) исчезновение дат. падежа имеет место уже в койне (первые примеры встречаются в папирусах I в. до н. э., см. R. Browning. *The mediaeval and modern Greek.* 2 ed. Cambridge 1983, 36–38) и 2) в греческом, вероятно, есть прямые аналогии.

Разумеется, из этого не следует, что Эгерия знала греческий лучше, чем латынь: просто за два с половиной года путешествий по христианскому Востоку она привыкла к тому варианту миксты (= лат. койне), который там был принят.

5 (29) *et loca omnia sancta ambulare* – ср. V, 12 *ut perambularem omnia loca*; IX, 3 *quamdiu per loca suspecta ambulauimus* и 6 *discere uolebam loca, quae ambulauerunt filii Israhel*, см. *Lex. Aeth.* 26b и 150a s. vv. Как это все объяснить? Ни Лефстедт, ни Вянянен не пытаются этого сделать.

6 (35) *uiuet et mittet uirgultas – uiret* очень неплохая конъектура Гамуррины.

*uirgultas* – довольно сложный случай, так как в латыни засвидетельствован только ср. род *uirgultum*, *-i*, в романских языках отсутствует, а в «Паломничестве» встречается лишь однажды. Из этого следует, что аналогия *folium – folia* > исп. *hoja*, фр. *feuille* и т. д. здесь явно не проходит. Вянянен (Etude ling. 23) вслед за Лефстедтом (Komm. 134) указывает на *statiua*, *-orum* и *statiua*, *-ae* ‘остановка’ (ср. 8 (49) *fecimus ibi mansionem*), но единственный достоверный пример из четырех это XXIII,2 *ut statiua<m>, quam factura eram, ibi facerem*, где с той же легкостью можно исправить и *quam* как неправильно понятое копиистом сокращение. Для ж. р. *uirgultas* (такие формы попадают в поздних текстах), на мой взгляд, существеннее аналогия семантически близких слов типа *terra*, *herba*, *silva*, ср. еще фр. *la forêt*, *la futaie* (но *le bois de Boulogne*), исп. *mata* ‘куст’, *maleza*, ит. *macchia* ‘кустарник’ и т. д. В заключение следует упомянуть, что и у Петра Дякона стоит *uirgulta* (*De locis* Z 20).

О *mittet = mittit* см. Пут. 4, с. 57.

8 (44) *hora decima* – четыре часа дня.

8 (48) *gustauimus nobis loc<o> in horto ante rubum cum sanctis ipsis* – Относительно *dat. comm. nobis* см. Komm. 140–141, где Лефстедт приводит очень убедительные аналогии XIX, 19 *acciperem mihi* и XXXVI, 5 *sedete uobis. Gustauimus* ‘вкусили трапезу’, иначе XXVIII, 4 *ut...nec oleum gustent*. Рукописное *locum* не поддается объяснению; конъектура Гейера основывается на XXIV, 8 *basilica, quae est loco iuxta Anastasim* и XLVI, 1 *etiam loco stant patres uel matres*, где *loco* = *ibi* ‘там’, ср. Anecd. Helv. p. 176 Hagen: «*loco est*», *id est «ibi est»* etc. см. Komm. 143. Согласно этому позднеантичному грамматiku, данное наречие бытовало в римской Африке и Италии (где и сейчас существует в диалектах центра и юга страны, см. G. Rohlfs. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Torino 1969. III, § 908). В Испании *loco* дало *luego* ‘затем’. См. также Etude ling. 159. О «меровингском» *locum/loco* см. Introd. 117, § 257; Etude ling. 25–26 и комм. к I, 2 (6–7).

8 (49) *Et alia die – alius = alter* встречаются в «Паломничестве» 16 раз, см. Lex. Aeth. 26a s. v., Komm. 145, Etude ling. 54–55, 134; Lat. Syntax 207–208, § 111. Аналогичные случаи обнаруживаются уже у Плавта; *alter = alius* позднее, см. Ov. Fast. II, 224. У Эгерии это явная гиперкоррекция (*umgekehrte Wendung*), так как

*alius* в романских языках не сохранилось (К. Мейстер, Э. Лефстедт).

8 (50) *maturius* <e>*uigilantes* – в значении ‘пробуждаюсь’, *surgo e lectulo* встречается еще в XXIV,1 *qui tamen uolunt maturius uigilare*, см. Lex. Aeth. 213b. «Пробуждать(ся)» по латыни *expergiscor*, ср. исп. *despertar(se)*, рум. *a (se) deștepta*. Правда, есть ит. *svegliar(se)*, фр. *(r)éveiller* < *e(x)vigilare*. Словарь Дворецкого (!) дает наш оборот *maturius evigilare* (Suet. Aug. 78), что наводит меня на мысль о необходимости исправлять в обоих случаях <e>*uigilantes*, <e>*uigilare*.

А. В. Шацков

**Хеттские глаголы с суффиксом -*ni*-**

В хеттском языке существует два основных способа образования так называемых «каузативных» глаголов – с помощью суффиксов *-ni-* и *-ahh-*. Группа глаголов с суффиксом *-ni-* довольно многочисленна, в нее входят немногим более 100 слов (их полный список приведен в Luraghi 1992, Kloekhorst 2007: 127f.). В отличие от глаголов с суффиксом *-ahh-*, которые образуются только от имен, они могут быть образованы как от имен (около 20 слов), так и от переходных (более 60, в том числе), и переходных глаголов (немногим более 20). Учитывая продуктивность этого класса в хеттском (ср. замену *harnink-* ‘уничтожать’ на *harganu-* в новохеттский период, см. Únal 1984), можно предположить, что изначально каузативы на *-ni-* образовывались от непереходных глаголов; так, именно в этой группе встречаются немногочисленные соответствия схожим образованиям в других языках (например, *arṇi-* «перемещать» и др.-гр. ῥῆναι приводить в движение, побуждать, др.-инд. *ṛṇóti*), которые можно реконструировать и для праиндоевропейского. Функция и форма хеттского суффикса *-ni-* близка форманту *-nó-/ni-* в древнеиндийском, ср. *inóti* «посылает» от *éti* ‘идет’. Список корней, для которых реконструируются формы с этим суффиксом, приведен в LIV на стр. 651.

Несмотря на несомненную связь этого суффикса с назальным инфиксом, предположения о том, что *-ni-* можно рассматривать как формант *-n-*, инфигированный в именные основы на *-i-*, не представляется убедительным. Во многом это основывается на сопоставлении *tepi-* ‘маленький’ : *teṇi-* ‘уменьшать’ и др.-инд. *dabhrá-* ‘маленький’ и *dadhṇóti* ‘обманывает’ (например, Oettinger 1979 163ff., Koch 1980), однако даже связь между указанными древнеиндийскими словами была поставлена под сомнение (Ср. Benveniste 1962: 117f., Narten 1988–80, ср. также Weitenberg 1984: 148f.). Кроме того, сосуществование именных форм на *-i-* и глагольных форм на *-ni-* не удивительно, так как они могли параллельно образовываться от первичных глаголов, ср. *park-* ‘поднимать(ся)’, *parku-* ‘высокий’ и *parganu-* ‘поднимать’.

Пожалуй, наибольший интерес представляют собой глаголы с суффиксом *-nu-*, образованные от переходных глаголов. Лишь несколько из них действительно можно назвать каузативами. Это, в первую очередь, *z(a)inu-* ‘переправлять, заставляя переходить’ от *zai-* ‘пересекать’ и *hassnu-* от *hass-* ‘рожать’, который дважды встречается в цикле мифов о Кумарби применительно к повитухам, участвовавшим в родах.

У части глаголов мы имеем дело с несколько измененным значением. Это относится, например, к *isparnu-* ‘окроплять’, в качестве объекта которого во всех надежных примерах стоит «вода» (например, KUB 12.29 I 4-5 [] LÚ<sup>D</sup>U wa-a-tar A-NA EN SISKUR [i]s-rár-nu-us-ki-iz-zi «Жрец бога грозы брызгает водой на приносящего жертвенные приношения»), в то время как исходный глагол *ispar-* обозначает ‘расстлать, раскладывать’. То же можно сказать и относительно *kanganu-* (в единственном известном нам примере, KUB 21.27 III 42, это слово следует переводить скорее как ‘взвесить’, а не ‘повесить’). Значение многих глаголов, например, *istappinu-*, невозможно определить из-за поврежденного контекста.

Однако чаще всего различие между производным и базовым глаголами не наблюдается. С. Лураги (Luraghi 1992 166ff.) разделяет глаголы с суффиксом *-nu-*, образованные от переходных глаголов, на несколько подгрупп, основываясь, в первую очередь на семантических отношениях между ними. Помимо каузативов с тремя актантами (только *zainu-*) и двумя актантами (*hassnu-* и некоторые другие), она выделяет группу глаголов со значением более узким, чем у исходного глагола (например, *parhanu-* ‘гнать лошадей галопом’ от *parh-* ‘гнать’) и группу, где значение производного и базового глаголов неразличимы. Однако не стоит забывать, что очень часто глаголы с суффиксом *-nu-* засвидетельствованы лишь один или два раза, (так, *parhanu-* встречается только в КВо 3.5, посвященном лошадям; базовый глагол, *parh-*, имеет в этом тексте тот же самый смысл), поэтому для утверждения о сужении значения у глаголов с суффиксом *-nu-* нет достаточных оснований.

Кроме того, каузативное значение, имеющееся, по мнению Лураги, у большинства глаголов, включенных ею в соответствующую группу, также не удастся обнаружить. Так, в договоре Суппилиумы I с Хукканой (КВо 5.3 +) *tekkuss-* и *tekkussanu-* ‘указывать, выделять’ встречаются в одинаковых контекстах:



I 4 nu-ut-ták-kán <sup>URU</sup>Ha-at-tu-ši A-NA LÚ<sup>MEŠ</sup> <sup>URU</sup>Ha-ya-ša aš-šu-li iš-tar-na (5) te-ik-ku-uš-ša-nu-nu-un «Тебя в Хаттусе для людей из Хаясы выбрал»  
 vs. I 10 na-an-kán iš-tar-na te-ik-ku-uš-ša-mi «Его выберу».

Таким образом, за исключением редких случаев, когда мы имеем дело с настоящими каузативами или можем наблюдать изменения в значении у производного глагола, различия между исходным и производным глаголом выявить не удается.

Впрочем, глаголы с суффиксом *-nu-*, образованные от переходных глаголов, получили широкое распространение лишь со среднехеттского периода. Только у трех из них имеются формы, зафиксированные уже в древнехеттском: *asesanu-* ‘поселять’, *tittanu-* ‘устанавливать’ и *pahsanu-* ‘охранять’. Причем исходной основой для первых двух слов являются редуцированные образования, уже являющиеся каузативными<sup>1</sup> (*ases-* ‘поселять, помещать’: *es<sup>ari</sup>* ‘сидеть’, *titta-* ‘устанавливать’: *dai-* ‘ставить’). Добавление суффикса *-nu-* в данном случае могло быть вызвано стремлением к прояснению структуры этих слов.

Что касается *pahsanu-* ‘охранять’, то этот глагол характеризуется наличием большого количества медиальных форм, особенно в древнехеттский период. Н. Эттингер (Oettinger 2005: 562) полагает, что *pahs-* и *kars-* ‘отрезать’<sup>2</sup> в древнейший период употреблялись только в медиальном залоге, а их активные формы являются более поздними. Поэтому каузатив на *-nu-* мог быть образован от медиальных форм *pahs-*. Как представляется, такие пары слов, как *ases-* : *asesanu-*, *pahs-* : *pahsanu*, *titta-* : *tittanu-* и, возможно, *kars-* : *karsanu-*, могли послужить моделью для образования подобных основ от других глаголов (для многих из которых засвидетельствовано значительное количество медиальных форм, например, *harra-* ‘сокрушать, молотить’ или *karp(iya)-* ‘поднимать’) в среднехеттский и новохеттский период.

<sup>1</sup> Н. Ван Брок (van Brock 1964 148) отмечает, что почти все редуцированные глаголы в хеттском являются переходными, впрочем, как и их базовые глаголы. Лишь *ases-* образован от непереходного *es<sup>ari</sup>* ‘сидеть’. Стоит отметить, что редуцированная форма от глагола *kis-* ‘случаться’ также остается непереходной.

<sup>2</sup> Медиальные формы этого глагола известны только со среднехеттского периода.

## ЛИТЕРАТУРА

- Benveniste 1962 – E. Benveniste. *Hittite et indo-européen*. Paris: Adrien Maisonneuve.
- van Brock 1964 – N. van Brock. Les themes verbaux à redoublement du Hittite et le verbe indo-européen. *Revue Hittite et Asianique*. T. 75, P. 119–165.
- Kloekhorst 2008 – A. Kloekhorst. *The Hittite Inherited Lexicon*. Brill, Leiden; Boston.
- Koch 1980 – H. Koch. Indic and Hittite *tepnu-*: Etymological evidence for an Indo-European derived verb type // *Lautgeschichte und Etymologie: Akten d. VI. Fachtagung d. Indogermanischen Gesellschaft*. Wien, 24.–29. September 1978. P. 223–237.
- LIV 1998 – *Lexikon der indogermanischen Verben* / Ed. H. Rix. Wiesbaden: Reichert.
- Luraghi 1992 – S. Luraghi. I verbi derivati in *-nu* e il loco valore causative // *Per una grammatica ittita* / Ed.: O. Carruba. Pavia. S. 153–171.
- Narten 1988–90 – J. Narten. Die vedischen Verbal wurzeln *dambh* und *dabh* // *Sprache*. Bd. 34/1. S. 142–157.
- Oettinger 1979 – N. Oettinger. Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg: Verlag Hans Carl.
- Oettinger 2005 – N. Oettinger. Der hethitische Imperativ *aug -i* vom Typ *pahsi* ‘schütze’ // *Tabularia Hethaeorum. Hethitologische Beiträge. Silvin Kosak zum 65. Geburtstag* / Herausgegeben von D. Groddek u. M. Zorman. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 561–568.
- Ünal 1984 – A. Ünal. Studien über das hethitische Kriegswesen II: *Verba Delendi harnink-/harganu-* ‘vernichten, zugrunde richten’. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. T. 24. P. 71–85.
- Weitenberg 1984 – J. Weitenberg. *Die hethitischen u-Stämme*. Amsterdam: Rodopi.

Е. В. Шевцова

**Небольшое синтаксическое наблюдение над изложением  
Пиндаром мифа об Иксионе (Ру. II, 34–7)**

Во второй Пифийской оде Пиндар, сообщая слушателю историю Иксиона, приписывает ему два нечестивых деяния: пролитие родственной крови и посягательство на Геру – супругу Зевса. Далее в тексте рукописей следует: *χρή δὲ κατ' αὐτὸν αἶ / εἰ παντὸς ὄραν μέτρον. / εὐναὶ δὲ παράτροποι ἐς κακότητα / ἄθροον / ἔβαλον ποτὶ καὶ τὸν ἴκοντ'· ἐπεὶ / νεφέλα παρελέξατο / ψεύδος γλυκὺ μεθέπων ἄιδρις ἀνὴρ (34–7). Но должно всегда видеть меру всех вещей в соответствии со своим положением. Противоправные ложа в полное несчастье ввергли и пришли к нему, когда он, несведущий муж, преследуя сладкую ложь, сочетался на ложе с облаком.* Очевидно, что в стихе 36 произошла какая-то порча. В издании Снелля-Мелера (Maehler 1980) после слова *ἔβαλον* стоит колон<sup>1</sup>, т. е. предлагается видеть в форме *ἔβαλον* гномический аорист, который подхватывает предыдущую мысль (получается что-то вроде «непозволенные ложа всегда ввергали людей в полное несчастье»), а в форме *ἴκοντ'* – личную форму глагола. Первое решение представляется вполне уместным (это обобщение, в принципе, даже ожидается слушателем); что же касается небольшой синтаксической сложности – при *ἔβαλον* опущено прямое дополнение, – то Гленн Мост привел очень убедительную параллель из Феогида (Theogn. 835–6) с идентичной конструкцией: *ἀλλ' ἀνδρῶν τε βίη καὶ κέρδεα δεῖλὰ καὶ ὕβρις / πολλῶν ἐξ ἀγαθῶν ἐς κακότητ' ἔβαλεν* (но и насилие, и дурная корысть, и надменность (людей) из обильных благ всегда ввергала в несчастье). Кроме того, В. Берз (Bers 1984: 108) указывает на то, что в поэзии встречаются глаголы в абсолютном употреблении в том случае, когда контекст требует некоего обобщения, и дает в качестве примера

<sup>1</sup> Такой же пунктуации придерживаются Sandys 1927, Kirkwood 1982: 150, Race 1997; из исследователей ее поддерживают Hummel 1993: 246, Most 1985: 80.

стих из «Ореста» Еврипида: ὅταν δ' ὁ δαίμων εὖ δίδῳι, τί δεῖ φίλων «Когда божество оказывает благодеяние, что за нужда в друзьях?» (Eur. Or. 667).

Однако против второго решения возникает существенное возражение: не ложа настигли Иксиона, а он сам к ним стремился. Иными словами, хочется, чтобы при глаголе ἰκνεόμαι агенсом был или сам Иксион, или низвергшее его несчастье<sup>2</sup>. Среди интерпретаций, сохраняющих авторский текст, была еще одна идея – понимать ποτὶ ... ἴκοντ' как причастие от глагола προσίκω в тмесице; при этом сам глагол должен значить что-то вроде лат. *impugnare*, т. е. нападать (Cerrato 1890: 211–212). Однако в таком случае мы сталкиваемся с метрической сложностью. Дело в том, что в нашем стихе размер требует краткого слога. Аорист ἰκέσθαι, презенсы ἰκνεόμαι, ἰκάνω и ἴκω восходят к индоевропейскому корню \*seik-, чередующемуся с \*sik-. От ступени \*seik- (с долгим е) / \*seik- (с кратким е) образовано только литовское *siekiu* (достигать). Возникает вопрос: почему же тогда глагол ἴκω содержит долгое ι в противовес всем остальным упомянутым нами формам? Этот факт объясняли по-разному. Г. Майер (Meyer 1877: 82) и Г. Курциус (Curtius 1877: 224–225) полагали, что ἴκω (дорийское εἴκω) является более древней формой, чем, например, ἰκνεόμαι и ἰκάνω, поскольку εἰ должно было сначала перейти в ι долгое, и только потом уже сократиться. П. Шантрэн (Chantraine 1970: 462) считает формы с ι долгим греческими морфологически новообразованиями, а сам глагол ἴκω (гипотетически) древним перфектом<sup>3</sup>. Я. Фриск (Frisk 1960: 720) пишет об общем законе гласных, согласно которому аблаут *ei : i* (с краткими е и *i*) стал, наконец, восприниматься как *ei : i* (с долгими е и *i*). В *Lexicon der Indogermanischen Verben* (LIV) указывается, что глагол ἴκω, в отличие от ἰκνεόμαι и ἰκάνω, имеет презентную редупликацию (\*si-seik- / \*sik-); стало быть, долгое ι в нем есть ничто иное, как

<sup>2</sup> Виламовиц (Wilamowitz-Moellendorff 1922: 283) и Т. Моммзен (1866) предлагают переставлять местами κοῖν и τὸν. Но, как кажется, в этом нет особой необходимости, т. к. у Пиндара союз κοῖν вполне может разбивать предлог и относящееся к нему существительное или местоимение, как, например, в Ol. VI, 24 (ἴκωμαι τε πρὸς ἀνδρῶν κοῖν γένος <...> и чтобы я пришел к роду людей).

<sup>3</sup> О ἴκω как о древнем перфекте см. статью Я. Вакернагеля (Wackernagel // *Glotta*. Bd. 14. S. 56).

результат слияния двух кратких *i*, которое произошло после того как первое *s* перешло в густое придыхание, а второе выпало. Что касается формы *ἴκοντο*, то *i* в ней может быть как долгим (результат приращения), так и кратким (форма без аугмента, совершенно обычная для Гомера и возможная для Пиндара).

А. Бёк (A. Bockh, Lipsiae, 1911) предложил исправлять *ποτὶ καὶ τὸν ἴκοντ'* на *ποτὶ κοῖτον ἴοντ'*, т. е. «непозволенные лежа ввергли в полное несчастье его, идущего на ложе»<sup>4</sup>. Но в таком случае получается легкая тавтология, тогда как очевидно, что объект при *ἔβαλον* (если предположить, что он есть) должен привносить в текст некий дополнительный смысл. Близким к этой конъектуре является чтение Бека (Beck 1792) и Боури (Bowra 1947) с той лишь разницей, что вместо *ἴοντ'* они предлагают вариант *ἴκοντ'*. Однако надежных параллелей для активного аориста (да и вообще активных форм) от глагола *ἰκνέομαι* у нас нет. Единственная форма, которая могла бы на это претендовать, – это гомеровское *ἴκωμι* (I,414): *εἰ δέ κε ν οἴκαδ' ἴκωμι φίλην ἐς πατρίδα γαίαν* – если я вернусь домой, в родную отеческую землю. Такое чтение дает рукопись F (по M. Westy – West 1998), соответствующая E4 (по Аллену), и некоторые более поздние. Большинство же остальных поздних рукописей содержат чтение *ἴκωμαι*. Проблема заключается в том, что если принимать форму *ἴκωμι* за презенс конъюнктива от глагола *ἴκω*, то первое *i* должно быть долгим (тогда как метрика в этом месте требует краткого слога); если же считать эту форму аористом конъюнктива от глагола *ἰκνέομαι*, то мы получаем активную форму от депонентного глагола. Что касается чтения *ἴκωμαι*, то оно тоже не очень годится с точки зрения метрики (конечное *-αι* может быть кратким только перед гласным), однако вполне соответствует гомеровской формуле *οἴκαδ' ἰκέσθαι*, тем более что *οἴκαδ' ἴκωμαι* встречается незадолго до разбираемого места в стихе 393<sup>5</sup>. В любом случае, даже если принимать чтение *ἴκωμι*, эта параллель представляется мне ненадежной и недостаточной.

<sup>4</sup> Это исправление безоговорочно принимают Шредер (Schroeder 1900), Крист (Christ 1897) и Фарнелл в своей комментарии (Farnell 1965).

<sup>5</sup> На это указывает В. Hainsworth (general editor Kirk), *The Iliad: a commentary*, III (IX-XII), 1993, ad loc.

Шнайдевин хочет читать *ποτε καὶ τὸν ἑλόντ'*, т. е. «недозволенные ложа ввергли в полное несчастье даже его, достигшего их, когда...»<sup>6</sup>. Это очень тонкая и остроумная мысль, особенно если учесть грустную иронию, лежащую в основе данной фразы: да, достиг, но «за что боролся»? Однако достоинства этого решения являются его же недостатком: непонятно, зачем здесь уступительное *καὶ* (как будто удачливым любовникам и в этом смысле должно везти больше, чем неудачливым).

А. Моммзен меняет текст на *ποτε καὶ τὸν ἰδόντ'* «противозаконные ложа ввергли в полное несчастье даже тех людей, которые осознавали...», противопоставляя *ἰδόντ'* и *ἄιδρις*<sup>7</sup>. Но в таком случае не очень понятно, что делать с последующим *ἔπει*. По крайней мере, создается отчетливое ощущение, что ст. 36 должен быть некой связкой между гномой и мифом об Иксионе.

Имеется также конъектура Боте, который предложил читать *ποτε καὶ τὸν ἐκόντ'* вместо *ποτὶ καὶ τὸν ἰκόντ'* (недозволенные ложа ввергли в несчастье и его, добровольного). Фраккароли (Fraccaroli 1890: 98–99) изменил ее на *ποτε καὶ τὸν ἐκόν*, решив, что *ἐκόντ'* должно смотреть вперед и относиться к возлжанию с облаком. Но мне кажется, что логика Боте была несколько иной: Иксион сам пожелал «быть ввергнутым в несчастье», поскольку знал, что совершает *ἕβρις* и поступает вероломно по отношению к богам, которые один раз уже очистили его от скверны. Однако уступительный союз *καὶ* в таком контексте выглядит несколько странным: по логике он должен выделять некие «положительные» случаи, затрагиваемые в меньшей степени или не всегда, тогда как наш случай представляет собой как раз обратную ситуацию.

Я бы хотела сделать еще одну попытку защитить рукописное чтение. Колон после *ἔβαλον*, как кажется, необходим. Что же касается *ποτὶ καὶ τὸν ἰκόντ(ο)*, то в данном контексте я бы предложила рассматривать *προσικνέομαι* как глагол с каузативным значением, т. е. что-то вроде «заставили придти», а *τὸν* как зависящее от него прямое дополнение. В действительности из непереходных глаголов только *βαίνω* имеет специальную форму для выражения переходного значения – сигматический

<sup>6</sup> Эту конъектуру горячо поддерживал Гильдерслив (Gildersleeve 1885).

<sup>7</sup> Это исправление понравилось Бартону (Burton 1962: 118).

тематический аорист ἔβησα<sup>8</sup>, образованный по аналогии с переходной формой ἔστησα от глагола ἵστημι (Schwyzer 1938: 748). Все остальные непереходные глаголы такой формы не имеют; для того чтобы стать каузативами, они должны или превратиться в полноценные синтаксические конструкции, или включить в пределы своего лексического значения не только действие, но и каузацию действия. И. А. Перельмутер в книге «Залог древнегреческого глагола» указывает на то, что такая оппозиция (действие / каузация действия) не связана с залогом, а носит словообразовательный характер<sup>9</sup>, «совмещение же разных лексических значений в семантической сфере одной и той же формы слова представляет собой вполне обычное явление» (Перельмутер 1995: 111). Это подтверждают, например, активные по форме глаголы αἵσσω (устремляться) или πέλᾳζω (приближаться). В поэтической речи они вполне могут быть переходными: например, ἄῤῥαν αἵσσων «приводя в движение воздух», Eur. Or. 1430. Что касается глагола ἰκνέομαι, то хотя он и является депонентным, его залоговые показатели не несут в себе никакой семантической нагрузки (Перельмутер 1995: 149). К сожалению, у нас нет примеров с каузативным значением именно для данного глагола; однако, как кажется, здесь немаловажную роль играет приставка πρός. В греческом языке засвидетельствовано немало случаев превращения бесприставочного непереходного глагола в приставочный переходный (Bers 1984: 109; Vendryes 1948: 9–10). Правда, Берз упоминает об этом как об особенностях, характерных именно для прозаического текста (в поэзии приставочные глаголы часто употребляются без предлога, в поэзии же мы сталкиваемся с таким явлением, как тмесис) и в качестве примера приводит контекст из Геродота<sup>10</sup>: «ᾠ παῖ Τεισάνδρου, ἀπλορχήσαό γε μὲν τὸν γάμω» («О сын Тисандра, ты проплясал свою свадьбу»,

<sup>8</sup> Однако, как показывает автор (Перельмутер 1977: 126), сигматический аорист далеко не всегда связан с транзитивностью; тем более что у Гомера, Семонида и Вакхилида можно найти формы сигматического аориста от глагола ἵκω с нормальным непереходным значением.

<sup>9</sup> В отличие от оппозиции состояние / каузация состояния, которая носит залоговый характер.

<sup>10</sup> Здесь, разумеется, ни о какой каузативности речи не идет; этот пример служит иллюстрацией только для превращения бесприставочного непереходного глагола в приставочный переходный.

6.129.5). Однако, как кажется, такого рода «разговорные» прозаизмы возможны и для поэзии, тем более что за счет них фраза получает дополнительную семантическую «нагрузку»: в разбираемом нами контексте подчеркивается роль самого Иксиона в его собственной судьбе (других незаконные ложа ввергают в несчастье, а он сам – через них – пришел).

Кроме того, мне кажется, что ἐπεὶ следует понимать не как временной союз, и не как причинный, а как нечто вроде лат. *cum explicativum* (т. е. то, что Иксион разделил ложе с облаком, уже само по себе было началом его несчастий); такое же ἐπεὶ мы находим в OI.VII,61<sup>11</sup>. Иначе говоря, разбираемый пассаж должен выглядеть приблизительно так: *χρὴ δὲ κατ' αὐτὸν αἰ / εἰ παντὸς ὄραν μέτρον. / εὐναὶ δὲ παράτροποι ἐς κακότητ' ἀθρόαν / ἔβαλον· ποτὶ καὶ τὸν ἴκοντ'· ἐπεὶ / νεφέλα παρελέξατο / ψεῦδος γλυκὺ μεθέπων ἄιδρις ἀνήρ.* «Но должно всегда видеть меру всех вещей в соответствии со своим положением. Противоправные ложа всегда ввергали (людей) в полное несчастье; заставили придти (привели) к несчастью и его (Иксиона), когда (в смысле тем, что) он, несведующий муж, преследуя сладкую ложь, сочтался на ложе с облаком».

#### ЛИТЕРАТУРА:

Издания:

Beck 1792 – Pindari carmina et fragmenta Graece, Cum scholiis integris, ed. Beck. Vol. I, II. Lipsiae.

Christ 1897 – Pindari carmina cum deperditorum fragmentis selectis, ed. Christ. Leipzig.

Schroeder 1900 – Pindari carmina cum fragmentis selectis, ed. Otto Schroeder. Leipzig.

Sandys 1927 – The odes of Pindar, ed. Sandys. London, 1915/19 (1927).

Bowra 1947 – Pindari carmina cum fragmentis, ed. C. M. Bowra. Oxford.

Maehler 1980 – Pindarus, post Snell ed. Maehler. Leipzig, Vol. I, II.

Race 1997 – Pindar, ed. W. H. Race. Cambridge, Mass.

West 1998 – Homerus «Ilias» recensuit Martin L. West. Vol. I (I–XII). Stuttgartiae et Lipsiae.

<sup>11</sup> ἀλλά νιν οὐκ εἶασεν· ἐπεὶ πολιᾶς / εἶπέ τιν' αὐτὸς ὄραν ἔν / δον θαλάσσης ἀὔξομένην πεδόθεν πολὺβοσκον γαῖαν ἀνθρώποισι καὶ εὐφρονα μῆλοισι. «Но он (Гелиос) удержал его (Зевса), когда (тем что) сказал, что видел, как какая-то земля вырастала из моря, обильная пищей для людей и приятная для скота».



## Комментарии:

- Farnell 1965 – L. R. Farnell. Critical commentary to the works of Pindar, repr. Amsterdam.
- Gildersleeve 1885 – B. L. Gildersleeve. The Olympian and Pythian Odes. New York.
- Hainsworth 1993 – The Iliad: a commentary / Gen. editor G. S. Kirk. Vol. III by B. Hainsworth (IX–XII). Cambridge: University Press.
- Hummel 1993 – P. Hummel. La syntaxe de Pindare. Paris.
- Kirkwood 1982 – G. Kirkwood. Selections from Pindar. APA.
- Критическая и теоретическая литература:
- Перельмутер 1977 – И. А. Перельмутер. Общеиндоевропейский и греческий глагол. Л.
- Перельмутер 1995 – И. А. Перельмутер. Залог древнегреческого глагола. СПб.
- Bers 1984 – V. Bers. Greek poetic syntax in the classical age. New Haven; London.
- Burton 1962 – R. W. B. Burton. Pindar's Pythian Odes. Oxford.
- Cerrato 1890 – L. Cerrato. Di alcuni luoghi controversi nelle Pitiche Pindariche // RFIC. T. 18.
- Curtius 1877 – G. Curtius. Das Verbum der Griechischen Sprache. Bd. I<sup>2</sup>, Leipzig.
- Fraccaroli 1890 – Fraccaroli G. Di alcuni luoghi controversi di Pindaro // RFIC. T. 18.
- Hummel 1993 – P. Hummel. La syntaxe de Pindare. Paris.
- Most 1985 – Glenn W. Most. The Measure of praise. Structure and functions in Pindar's second Pythian and seventh Nemean Odes, Göttingen.
- Schwyzler 1938 – E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I. München.
- Vendryes 1948 – J. Vendryes. Le mode du participacion du sujet // Bulletin de la societe de linguistique de Paris, BSL. T. 44.
- Wilamowitz-Moellendorff 1922 – U. v. Wilamowitz-Moellendorff. Pindaros. Berlin.
- Словари:
- Chantraine 1970 – P. Chantraine. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. T. II. Paris.
- Frisk 1960 – H. Frisk Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Heidelberg.
- LIV – H. Rix. Lexicon der Indogermanischen Verben (die Wurzeln in ihre Primärstambildungen). Wiesbaden, 1998.

## ОГЛАВЛЕНИЕ

А. С. Авдохин. Роман Сладкопеев: в поисках литературной перспективы.....	3
Е. В. АНТОНЕЦ. Палимпсест в античности: к интерпретации <i>Catull. 22, 1–8</i> .....	6
Д. Е. АФИНОГЕНОВ. Об одном латинизме в византийских хрониках.....	11
Zoia A. VARZAKH. Λαίου γ' ὀλωλότος (A critical note on Soph. OT 906).....	15
А. В. БЕЛОУСОВ. Почему Протесилай? Героика Флавия Филострата и воскресший герой.....	18
Е. И. БЕЛЯВСКАЯ, Н. В. КАРЕВА. К вопросу об источниках драматического языка М. В. Ломоносова.....	30
Н. А. БОНДАРКО. <i>Quaeris quid agas, in quo te occupes?</i> Модальность долженствования в «Послании к братии Мондье» Гильома из Сен-Тьерри (латинская и средневерхненемецкая редакции).....	34
Н. В. БРАГИНСКАЯ, А. Н. КОВАЛЬ. «Ираническое» в <i>Персах</i> Эсхила.....	49
М. В. ВЕКСИНА. Место частиц <i>γε</i> и <i>περ</i> в высказывании.....	77
А. В. ВЕРЕЩАГИНА. Грамматическое оформление глаголов мыслительной деятельности (на материале языка Гомера).....	82
С. Св. ВОЛКОВ. Словарь к немецким текстам М. В. Ломоносова	84
Л. Г. ГЕРЦЕНБЕРГ. К этимологии персидских <i>ary, arj, axš</i> .....	91
А. В. Григорьев. Библейские и патристические источники выражения <i>no morio aki no sxu</i> .....	93
Н. С. ГРИНБАУМ. Из истории классической филологии в России (Советский период, 1967–1977 гг.).....	96
А. В. ГРОШЕВА. О <i>чувстве вкуса</i> у Лукреция.....	122
А. С. ДАНИЛОВ. Семантика древнеисландского цветообозначения <i>grænn</i> «зеленый» в песнях «Старшей Эдды».....	128
М. В. ДОМОСИЛЕЦКАЯ. Латинская фитонимия в балканских языках и диалектах.....	139
К. Ю. ДРУЖКИН. Рестриктивные предложные группы в древнегреческом языке.....	147
А. В. ДУБАСОВА. От праиндоевропейского к праславянскому и прабалтийскому: общее и различное (фонология).....	152
А. А. ЕВДОКИМОВА. К вопросу об акцентуации в византийских греческих граффити.....	158
Я. Л. ЗАБУДСКАЯ. Становление метрических принципов в рецепции греческой трагедии в России	162

С. В. ИВАНОВ. Об одном сюжете из среднеирландского текста: птица <i>hiruath</i> .....	168
Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА. «Чужое слово» у Дионисия Периегета: похвала Риму ( <i>Dion. Per.</i> 350–356).....	176
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Микенские начальные тонические частицы о- и jo- .....	180
О. В. КАМЕНЕВА. Об этимологии герм. *tīl- (др.-англ. <i>tīl</i> , др.-исл. <i>tīl</i> , др.-в.-н. <i>zīl</i> ).....	187
А. Б. КАРАСЕВ. Мир фауны в пословицах и поговорках (на материале индоевропейских языков).....	196
Т. А. КАРАСЕВА. Эпитеты женщин в латинской эпиграфике.....	206
М. С. КАСЬЯН. «Сот жизни» на Пиру у богача ( <i>Petronii Sat.</i> с. 34–35).....	212
М. И. КАСЬЯНОВА. Что такое Аримы? К вопросу о локализации мифа о Тифоне в поэме Нонна Панополитанского «Деяниях Диониса».....	220
Н. Л. КАЦМАН. Язык и стиль Саллюстия.....	224
Б. А. КАЯЧЕВ. <i>Praecipites columbae</i> (Вергилий, «Энеида» 2, 516)	237
М. Л. КИСИЛИЕР. Читая Птохопродрома.....	240
С. Д. КЛЕЙНЕР. К этимологии латинских цветообозначений <i>flāvus</i> , <i>fulvus</i> и <i>falvus</i> .....	246
П. А. КОЧАРОВ. К вопросу о происхождении глагольного суф- фикса <i>-ana-</i> в древнеармянском.....	254
А. Е. КУЗНЕЦОВ. <i>Cursorem tibi Rufe</i> : неучтенный фрагмент Цезия Басса?.....	259
Ю. К. КУЗЬМЕНКО. Кто такие ситоны в Германии Тацита и почему ими правит женщина?.....	263
О. М. ЛАЗАРЕНКО. Лексические данные как основа относитель- ной датировки отдельных частей Септуагинты.....	272
В. Л. МАКАРОВА. Сердце благоразумное и сердце волнующееся в текстах латинских авторов.....	280
В. MASLOV. <i>De vi nominis simplicis αἰδός compositorumque quae in -φδός terminantur</i> .....	288
Т. А. МИХАЙЛОВА. Зооморфный элемент в огамических именах: к постановке проблемы.....	291
Т. А. МИХАЙЛОВА (СМИРНОВА). Книга Иудифь: проблема композиции.....	300
Alexander S. NIKOLAEV. <i>Thus spake Zarathuštra</i> : on the meaning and usage of (ἐ)μήσατο in Pap. Derv. xxiii, 4.....	308
Н. Л. ОГУРЕЧНИКОВА. Дистрибуция сильных и слабых прилагате- льных в «Старшей Эдде».....	337
Д. В. ПАНЧЕНКО. Парадокс Пифагора.....	355

Е. А. ПАРИНА. Латинские заимствования в современном валлийском языке.....	364
Е. Г. РАБИНОВИЧ. О происхождении некоторых повествовательных тенденций древней и новой литературы (предварительные замечания).....	371
О. М. САВЕЛЬЕВА. Лексикология и лексикография—II: сходство и различие семантики <i>подозрения</i> в греческом и русском.....	379
С. А. СИДНЕВА. Принципы образования фитонимов в новогреческой народной культуре.....	383
М. В. СКРЖИНСКАЯ. Эпиграфические и письменные источники о женщинах Боспора.....	387
М. Н. СЛАВЯТИНСКАЯ. Словоформа ἦ '(он) говорил, сказал' в тексте Гомера.....	394
А. С. СМЕРНОВА. Глаголы со значением «ударить» в латинских и русских естественнонаучных текстах М. В. Ломоносова.....	400
А. И. СОЛОПОВ. О позднелатинской тенденции произношения слов греческого происхождения с греческим ударением, прежде всего в христианской лексике (по поводу латинского названия реки Иордан).....	407
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Средневековая латынь – искусственный конструкт или «живой» язык?.....	409
Т. Ф. ТЕПЕРИК. О некоторых аспектах античных мотивов в творчестве Н. С. Гумилёва.....	414
Т. В. ТОПОРОВА. О некоторых параллелях германского и славянского эпоса.....	421
В. В. ФАЙЕР. Метрические трудные чтения Зенодота: варианты или параллельные места?.....	433
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. <i>Aericura</i> .....	439
М. В. ФЕДОТОВА. Πιυτός 'разумный' как моральная характеристика гомеровских героев.....	446
Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ. Каузативные конструкции в латинском языке.....	449
В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ. Работа Г. Рикса «Rätisch und Etruskisch» и проблемы пассивной конструкции в тирренских языках	453
А. Б. ЧЕРНЯК. «Путешествие Эгерии к святым местам» 5: глава 4-ая с комментарием.....	465
А. В. ШАЦКОВ. Хеттские глаголы с суффиксом -nu- .....	471
Е. В. ШЕВЦОВА. Небольшое синтаксическое наблюдение над изложением Пиндаром мифа об Иксионе (Ру. II, 34–7)	475